421 8/3

ФАБРИКА
Конторскихъ книгъ
Е. И. ПИЧУГИНОЙ.

T 8/3

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

Исторіи и Древностей.

Т. XXII.

ОДЕССА.
„Экономическая“ типографія и литографія, Почтовая, № 43.
1900.

У21 8/3

Т 8/1/3

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

Исторіи и Древностей.

Т. XXII.

ОДЕССА.
„Экономическая“ типографія и литографія, Почтовая, № 43.
1900.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Вице-Президентъ *А. Л. Бертье-Деламардъ.*

Секретарь *А. И. Маркевичъ.*

БИБЛІОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 12358
29/VIII 1936 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Изслѣдованія.

1) Значеніе керамическихъ находокъ на югѣ Россіи для выясненія культурной исторіи Черноморской колонизаціи. Д. чл. *Э. Р. фонъ-Штернъ*. . . . . 1— 21
2) Античная глазированная посуда съ юга Россіи (съ двумя таблицами). Д. чл. *Э. Р. фонъ-Штернъ*.. . . . . 22— 56
3) Дополненіе въ статьѣ «Объ античной глазированной посудѣ съ юга Россіи». Д. чл. *Э. Р. фонъ-Штернъ* 57
4) Надробныя надписи, пріобрѣтенныя Мелекъ-Чесменскимъ музеемъ въ 1899 году. Д. чл. *В. В. Шкорпилъ* . . . . . 58— 65
5) Памятники классической скульптуры, хранящіеся въ музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Д. чл. *С. Жебелевъ*. . . . . 66— 72
6) Двѣ хранящіяся въ Одесскомъ музеѣ аттическія вазы строгаго краснофигурнаго стиля (съ одной таблицей). Д. чл. *Э. Р. фонъ-Штернъ*. . . . . 73—100
7) Надгробныя надписи, пріобрѣтенныя Мелекъ-Чесменскимъ музеемъ въ 1899 году. (Продолженіе). Д. чл. *В. В. Шкорпилъ* 101—108
8) Очеркъ гражданскаго устройства Бессарабской области съ 1812—1828 г. Д. чл. *А. Н.* . . . . . 109—221

II. Матеріалы.

1) Memoire (extrait du) sur les affaires de Circassie pressenté en 1816 par M. de Scassi . . . . . 1— 11
2) Note sur les relations de Ciscassie et l'etablis. du port de Kertch . . . . . 12— 15
3) Note sur les Abazes . . . . . 16— 18
4) Письмо Османъ Паши 19
5) Отъ Кишинева до Калуги въ 1833 г. Сообщилъ д. чл. *Л. Маціевичъ* . . . . . 20— 36
6) Договоръ г. Одессы съ г. Спорити. Сообщилъ д. чл. *А. И. Маркевичъ* . . . . . 37— 38
7) Слово при открытіи памятника Кагульской битвы. Сообщилъ *Г. А. Тройницкій* . . . . . 39— 41
8) Письма графа Д. Е. Остенъ-Сакена. Сообщилъ *М. Юркевичъ*. 42— 43

III. Смѣсь.

1) Эпиграфическая замѣтка. Сообщилъ д. ч. *В. Латышевъ* . . 1
2) Проэктъ надѣленія землей въ г. Старомъ Крымѣ братства Искупленія Сообщилъ *Н. Н. Родзевичъ* . . . . . 2— 5

3) Заведеніе ланкастерскихъ школъ въ Новороссіи. Сообщилъ *Н. Н. Родзевичъ* . . . . . 7— 15
4) Изъ описанія г. Одессы сдѣланнаго генер. Сухтеленомъ. *А. Гурляндъ* . . . . . 16— 17
5) Обмеленіе праваго рукава Днѣпра у Херсона. *А. С.* . . 18— 20
6) Фаберова дача. Сообщилъ д. чл. *П. А. Ивановъ* . . . . . 21— 27
7) Запись о кладѣ подъ Одессою. Сообщилъ д. чл. *А. И. Маркевичъ* 28— 30
8) Изъ жизни старой Одессы. Сообщилъ д. чл. *А. И. Маркевичъ* 31— 34
9) Для исторіи Одесскаго Общества Исторіи и Древностей . 34
10) Дмитрій Спиридоновичъ Инглези. Сообщилъ д. чл. *А. И. Маркевичъ* . . . . . 35— 36
11) Къ замѣткѣ о Д. С. Инглези. Сообщилъ д. чл. *А. И. Маркевичъ* 37
12) Де-Воланъ о Гаджибеѣ (Изъ газетъ) 38
13) Учрежденіе Одесскаго уѣзда (Изъ газетъ) . . . . . 39— 41
14) Село Федваръ. Сообщилъ Протоіерей *В. Никифоровъ* . . . 42— 44

IV. Некрологи.

1) Памяти Вице-президента Общества Владислава Норбертовича Юргевича (съ портретомъ) . . . . . 1— 22
2) Аполлонъ Александровичъ Скальковскій (съ портретомъ). *А. И. Маркевича* . . . . . 23— 42
3) Владиміръ Николаевичъ Ястребовъ. *А. И. Маркевича* . . . 43— 48
4) Иванъ Кассіановичъ Суручанъ. *А. И. Маркевича* . . . . 49— 51
5) Николай Ѳомичъ Красносельцевъ. *А. И. Маркевича* . . . 52— 55
6) Иванъ Феодоровичъ Федоровъ. *А. И. Маркевича* . . . . 56— 57
7) Василій Григорьевичъ Васильевскій. *А. И. Маркевича* . . 58— 64
8) На память о д. ч. о. протоіереѣ Арсеніи Гавріиловичѣ Лебединцевѣ. *А. А. Кочубинскаго* . . . . . 65— 76
9) Николай Александровичъ Новосельскій. *А. И. Маркевича* . 77— 78
10) Иванъ Иракліевичъ Курисъ. *А. И. Маркевича* . . . . . 79— 81

V. Протоколы.

Доклады: 1) *И. А. Линниченко:* «Археологическія изслѣдованія лѣтомъ 1898 года» (*312 засѣд.*) . . . . . 10— 16
2) *К. В. Шкорпила:* «Древнія надписи, найденныя въ Болгаріи» *(312 засѣд.)* . . . . . 16— 22
3) *А. Л. Бертье-Деламарда:* «Объ археологическихъ розысканіяхъ въ Крыму въ теченіе 1898 года» *(313 засѣд.)* . . . . . 26— 27
4) *А. И. Маркевича:* «О книгѣ, пожертвованной г. Н. И. Ленцомъ» *(313 засѣд.)* . . . . . 27— 33
5) *В. В. Шкорпила:* «Босфорское надгробіе съ изображеніемъ корабля» *(315 засѣд.)* . . . . . 42— 44
6) *Э. Р. фонъ-Штерна:* «Неизданныя древнія надписи, хранящіяся въ Одесскомъ музеѣ» *(315 засѣд.)* . 44— 49
7) *В. В. Шкорпила:* «Три христіанскія надгробія, найденныя въ Керчи въ 1898 году» *(317 засѣд.)* . . 59— 60
8) *А. И. Маркевича:* «Два пріобрѣтенныхъ музеемъ акта» *(317 засѣд.)* . . . . . 60— 62
9) *Э. Р. фонъ-Штерна:* «О результатахъ новѣйшихъ раскопокъ въ Херсонесѣ» *(317 засѣд.)*. . . . . 62— 66

10) *А. Л. Бертье-Делагарда:* «О состояніи Аккерманской крѣпости» *(318 засѣд.)* . . . . . 75 — 82
11) *Э. Р. фонъ-Штерна:* «По поводу вновь пріобрѣтенныхъ музеемъ древностей, особенно новаго эпиграфическаго матеріала» *(318 засѣд.)* . . . . . 82— 92
12) *Э. Р. фонъ-Штерна:* «О послѣднихъ раскопкахъ и находкахъ въ Ольвіи» *(319 засѣд.)* . . . . . 101—124
13) *В. В. Шкорпила:* «О Боспорской эпитафіи» *(320 зас.)* 127—128
14) *Э. Р. фонъ-Штерна:* «О новыхъ пріобрѣтеніяхъ музея и вновь найденныхъ въ послѣднее время древностяхъ» *(320 засѣд.)*. . . . . 128—132
15) *А. И. Маркевича:* «О письмѣ гр. Вейсбаха къ запорожскому кошевому въ 1734 г.» *(320 засѣд.)* . . 132—135
16) *Э. Р. фонъ-Штерна:* «О дѣятельности Общества въ истекшемъ десятилѣтіи» *(321 засѣд.)* . . . . . 137—143
17) *А. И. Маркевича:* «О предполагавшемся изданіи Одесса въ 1837 г.» (*322 засѣд.*) . . . . . 148—153

1) Преміи находящіяся въ распоряженіи Общества.
2) Изданія Общества.

Значеніе керамическихъ находокъ на югѣ Россіи для выясненія культурной исторіи Черноморской колонизаціи [1]).

Всесторонняя исторія древнихъ колоній на югѣ Россіи, обращающая одинаковое вниманіе какъ на политическую, такъ и на культурную ихъ жизнь, еще не написана. Не станетъ удивляться этому факту изслѣдователь, который, по личному опыту, знаетъ затрудненія, сопряженныя съ рѣшеніемъ подобной задачи.

Значительная часть этихъ затрудненій заключается въ свойствѣ имѣющагося для этой цѣли матеріала. Связнаго литературнаго преданія объ исторической жизни нашихъ колоній, какъ извѣстно, не существуетъ; имѣются лишь отрывочныя, отчасти случайныя извѣстія, группировка и комбинація которыхъ далеко не позволяютъ прослѣдить историческое развитіе той или другой колоніи, не даютъ возможности воздвигнуть передъ нашими умственными глазами зданіе ихъ государственнаго устройства въ полномъ его видѣ. Изъ необходимаго строительнаго матеріала наше литературное преданіе представляетъ намъ въ пестрой массѣ то фундаментальную плиту и краеугольный камень, то отдѣльную стѣну, кусочекъ карниза или крыши, изъ которыхъ составить какое либо цѣльное строеніе нельзя. Притомъ эти «disjecta membra» до послѣдняго времени, до собранія В. В. Латышевымъ извѣстій древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ, приходилось изслѣдователю самому искать на всемъ протяженіи античной литературы; впрочемъ, отъ болѣе трудной задачи,

[1]) Докладъ, читанный на XI Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ, 10-го Августа 1899 года.

разобраться въ этомъ матеріалѣ, снова изслѣдовать его прочность и его значеніе, распредѣлить его какъ слѣдуетъ, — отъ этой задачи изслѣдователя конечно не избавляетъ и только что названное полезное пособіе.

При такомъ характерѣ нашей литературной традиціи, на которую еще всецѣло опирался при своихъ работахъ по исторіи Черноморья покойный профессоръ Брунъ, совершенно естественно, что послѣдующіе историки обращали главное вниманіе на обогащеніе и дополненіе этого преданія привлеченіемъ къ дѣлу новаго, добытаго раскопками матеріала; совершенно естественно и то, что это вниманіе прежде всего сосредоточилось на «краеугольныхъ камняхъ всей науки классической древности», — на надписяхъ Онѣ тщательно собраны въ извѣстныхъ сборникахъ В. В. Латышева и въ разныхъ къ нимъ дополненіяхъ; а сколько данныхъ для исторіи нашихъ колоній можно изъ нихъ извлечь, показалъ самъ Василій Васильевичъ въ своихъ изслѣдованіяхъ объ исторіи Ольвіи, о государственномъ устройствѣ Херсонеса и въ историческихъ введеніяхъ къ разнымъ отдѣламъ главнаго сборника. Этотъ эпиграфическій матеріалъ съ каждымъ годомъ увеличивается и на основаніи его можно уже значительно пополнить картину, которую въ свое время могъ нарисовать Василій Васильевичъ Латышевъ при составленіи вышеназванныхъ трудовъ.

Кромѣ надписей, на второмъ мѣстѣ, совершенно справедливо привлечены были для выясненія судебъ нашего Черноморья нумизматическія данныя. О значеніи ихъ распространяться здѣсь считаю лишнимъ; напомню только, что для нѣкоторыхъ періодовъ исторіи Боспора или Херсонеса онѣ являются главными опорами, а для всей исторіи нашей колонизаціи незамѣнимыми источниками для хронологическихъ опредѣленій и историко-политическихъ соображеній. Послѣ образцовыхъ монографій нашихъ отечественныхъ нумизматовъ и появленія берлинскаго Corpus'a nummorum возможно будетъ еще въ большей степени, чѣмъ это сдѣлано до сихъ поръ, воспользоваться данными нумизматики при историческомъ изслѣдованіи судебъ древнихъ колоній на югѣ Россіи.

Но не смотря на это обогащеніе матеріала — прочнаго и массивнаго по качеству отдѣльныхъ частей, — которымъ мы располагаемъ въ сравненіи съ предыдущимъ поколѣніемъ ученыхъ, не смо-

тря и на весь методологическій прогрессъ исторической науки, мы тѣмъ не менѣе должны сознаться, что еще далеко до возможности удовлетворительнаго рѣшенія задачи: написать полную исторію Черноморской колонизаціи. Стоитъ только внимательно изучить наилучшій изъ новѣйшихъ трудовъ въ нашей области — исторію Ольвіи В. В. Латышева — чтобы убѣдиться въ вѣрности только что высказаннаго положенія. Иногда на протяженіи цѣлаго вѣка исторія этой колоніи за неимѣніемъ данныхъ вполнѣ скрывается для насъ, и даже въ тѣхъ періодахъ, для разъясненія которыхъ мы располагаемъ сравнительно обильнымъ матеріаломъ, остается много темныхъ для насъ вопросовъ, чувствуется на каждомъ шагу недостатокъ нашихъ познаній. При такомъ состояніи нашихъ памятниковъ, литературныхъ и вещественныхъ, всякое увеличеніе и обогащеніе столь скудныхъ и отрывочныхъ свѣдѣній должно быть встрѣчено съ благодарностью, и историкъ, занимающійся изслѣдованіемъ прошлой жизни нашего славнаго юга, долженъ себѣ предложить вопросъ: не имѣется-ли помимо извѣстій древнихъ писателей, помимо надписей и монетъ, еще матеріалъ, изъ котораго возможно было бы извлечь историческія данныя для его цѣлей?

На мой взглядъ, такой матеріалъ существуетъ въ найденныхъ при раскопкахъ на югѣ Россіи въ большомъ количествѣ керамическихъ издѣліяхъ. Что этимъ матеріаломъ наши историки до сихъ поръ не воспользовались надлежащимъ образомъ, объясняется все съуживающейся спеціализаціею отдѣльныхъ филологическихъ дисциплинъ, которая повела къ тому, что исторія древней керамики, какъ особая отрасль исторіи античнаго искусства, стала достояніемъ представителей этой послѣдней дисциплины, которые разработывали ее понятнымъ образомъ болѣе съ художественной, чѣмъ съ историко-культурной точки зрѣнія, тогда какъ историки не рѣшались заходить въ эту чуждую для нихъ область. Къ какимъ роковымъ результатамъ вообще это разъединеніе изслѣдователей и пренебреженіе исторіей керамики можетъ привести историка — наглядымъ примѣромъ служитъ напр. сужденіе извѣстнаго историка Греціи, Белоха, о микенской эпохѣ. Въ нашемъ случаѣ, правда, керамика не можетъ претендовать на такую роль, какъ въ только что приведенномъ примѣрѣ; однако разрозненность изслѣдователей замѣчается въ данной области и у насъ: ма-

ститый Стефани, при опубликованіи найденныхъ у насъ вазъ и терракоттъ, разъяснялъ этотъ матеріалъ исключительно съ точки зрѣнія исторіи искусства: многочисленные изслѣдователи исторіи нашего Черноморья не привлекали этого матеріала къ дѣлу и даже не старались воспользоваться имъ для историческихъ заключеній.

Указать на тѣсную взаимную связь «вазовѣдѣнія» съ остальными историческими дисциплинами и выяснить на нѣсколькихъ примѣрахъ, какіе выводы для исторіи культуры нашихъ Черноморскихъ колоній позволяетъ сдѣлать имѣющійся въ большомъ изобиліи керамическій матеріалъ—цѣль настоящаго сообщенія.

Какъ извѣстно, важнѣйшія колоніи на Черноморскомъ побережьѣ: Ольвія, Пантикапей (Керчь), Ѳеодосія и т. д. основаны Милетянами. Между тѣмъ милетская посуда, особенности и отличительные признаки которой разъяснены въ новѣйшее время ученымъ Boehlau[1]), найдена при раскопкахъ только въ единичныхъ экземплярахъ. Въ Эрмитажѣ имѣется лишь нѣсколько штукъ (срв. Отчетъ Археол. Коммиссіи за 1870/71, таб. III); въ богатой вазной коллекціи Одесскаго музея этихъ милетскихъ вазъ до послѣдняго времени совсѣмъ не было и только очень недавно мнѣ удалось пріобрѣсть двѣ милетскихъ амфоры и фрагменты другихъ милетскихъ сосудовъ, найденныхъ лѣтомъ этого года при усиленныхъ хищническихъ раскопкахъ въ Ольвіи. Фактъ такого рѣдкаго нахожденія этихъ вазъ весьма замѣчателенъ. Полагать—какъ это устно высказано нѣкоторыми заграничными учеными—что до нихъ еще не докопались, что онѣ лежатъ въ болѣе глубокихъ слояхъ, или что до сихъ поръ случайно не попадали при раскопкахъ на кварталы, занятые нѣкогда Милетянами и на ихъ некрополи, возможно было-бы лишь въ томъ случаѣ, еслибъ эти вазы на нашемъ югѣ до сихъ поръ вообще не встрѣчались. Но ихъ нѣсколько экземпляровъ уже найдено; тамъ, гдѣ онѣ были, должны были-бы находиться рядомъ и другія, еслибъ предположеніе о сплошномъ милетскомъ некрополѣ или милетскомъ кварталѣ было основательно. Остается фактъ, что эти вазы попадаются весьма рѣдко и весьма невѣроятно, что будущія возможныя находки измѣнятъ значительно до сихъ поръ существующее у насъ процентное отношеніе этихъ милетскихъ вазъ къ остальнымъ издѣліямъ античной

[1]) Boehlau: Aus griech. und ital. Nekropolen, 1898.

керамики. Съ этимъ фактомъ, такимъ образомъ, слѣдуетъ считаться; онъ требуетъ объясненія или, лучше сказать, онъ заставляетъ насъ сдѣлать опредѣленные историческіе выводы.

По древнему, вполнѣ заслуживающему нашего довѣрія, преданію, Милетяне основали въ VIII, VII, VI столѣтіяхъ до 80 колоній. Обыкновенно придерживаются на счетъ значенія и размѣровъ этихъ колоній довольно ложныхъ представленій. Подъ вліяніемъ древней традиціи о роли дельфійскаго оракула въ дѣлѣ основанія колоній и подъ вліяніемъ затѣмъ изложенія новыхъ историковъ, одаренныхъ, какъ напр. Курціусъ, весьма пылкой фантазіей, широко еще распространено мнѣніе, будто всякое основаніе колоніи является какимъ-то государственнымъ актомъ, сопряженнымъ съ переселеніемъ въ новую колонію извѣстной, довольно значительной части населенія метрополіи и съ перенесеніемъ сейчасъ-же въ колонію государственнаго устройства роднаго города. Простая ариѳметическая выкладка можетъ показать, что относительно Милетянъ, напр., эти воззрѣнія лишены всякаго основанія.

Во время пелопоннеской войны, по весьма тщательному разсчету Белоха (Bevölkerung der griech. u. röm. Welt, Seite 229), число взрослыхъ полноправныхъ гражданъ въ Милетѣ равняется 4 тысячамъ. Мы знаемъ, что персидское завоеваніе во время іоническаго возстанія на всегда подорвало процвѣтаніе и значеніе этого города, который въ битвѣ при Ладахъ могъ выставить еще 80 тріеръ (Herod. VI, 8) и который въ VI вѣкѣ, по свидѣтельству Геродота (V, 28), былъ первымъ городомъ въ Іоніи. Однако мнѣніе, будто Милетъ былъ вполнѣ разрушенъ въ этой войнѣ, неосновательно: въ 479 году въ персидскомъ войскѣ встрѣчается милетскій контингентъ (Herod. IX, 91); значеніе города падаетъ только постепенно съ освобожденія малоазіатскихъ грековъ, такъ какъ установившіяся враждебныя отношенія съ Персіей лишили Милетъ возможности совершать торговыя операціи съ райономъ, которому онъ по своему положенію предназначенъ былъ служить естественной гаванью. Это постепенное паденіе торговли Милета находитъ свое выраженіе и въ суммахъ ежегодно уплачиваемой имъ аѳинскому морскому союзу дани: первоначально (Beloch S. 229) Милетяне должны были вносить 10 талантовъ, но въ спискахъ сороковыхъ годовъ V вѣка (Pedroli: I tributi degle alleati Atene. Studi di Storia antica. I, 1891) они обложены только 5 талантами. Если на

основаніи этихъ данныхъ предположить, что Милетъ въ VII и VI вѣкахъ имѣлъ такое же торговое значеніе, какъ въ пятомъ Эгина и Ѳасосъ, стоявшіе въ спискахъ аѳинскихъ данниковъ на первомъ мѣстѣ съ трибутомъ въ 30 талантовъ, то мы можемъ число взрослыхъ полноправныхъ гражданъ Милета во время высшаго его процвѣтанія опредѣлить въ 24 тысячи человѣкъ, и, по принятому для древности процентному отношенію, все населеніе приблизительно въ 100,000 жителей. Милетъ основалъ въ продолженіе 250 лѣтъ 80 колоній, т. е. черезъ каждые три года по одной. Если согласиться съ широко распространеннымъ воззрѣніемъ на значеніе и объемъ этой колонизаціи, то мы должны были бы допустить, что Милетяне высылали каждые три года 500—1000 жителей, главнымъ образомъ изъ числа молодыхъ взрослыхъ мущинъ. Что это при установленномъ максимальномъ числѣ жителей является полнымъ абсурдомъ, едва-ли нуждается въ выясненіи.

Итакъ, главную часть милетской колонизаціи мы должны понимать въ смыслѣ учрежденія торговыхъ складочныхъ факторій, на что давно уже совершенно правильно указалъ покойный В. Н. Юргевичъ. Тотъ или другой богатый торговый домъ въ Милетѣ высылалъ свои корабли съ товарами въ отдаленныя моря, между прочимъ и въ Черное. Находя въ существующихъ здѣсь уже поселеніяхъ (переданныя намъ негреческія названія для Ольвіи, Ѳеодосіи и т. д. даютъ намъ право на послѣднее утвержденіе) выгодныя условія для сбыта своихъ товаровъ и закупки сырыхъ продуктовъ, эти милетскія фирмы заставляли своихъ капитановъ ежегодно повторять эти рейсы, учреждали филіалы съ постоянными агентами въ названныхъ мѣстахъ и въ защиту своихъ интересовъ подняли тамъ—выражаясь терминомъ современнаго языка—флагъ своего отечества. Предпріятія гамбургскаго торговаго дома Верманна въ Африкѣ и вызванная имъ оккупація соотвѣтствующей территоріи со стороны германской имперіи—событія, совершившіяся на нашихъ глазахъ,—могутъ служить поучительной аналогіей для выясненія характера милетской колонизаціи на Черноморскомъ побережьѣ.

Изъ этихъ весьма скромныхъ началъ отдѣльныхъ факторій только весьма постепенно выростаетъ колонія. Поэтому утверждать напр., что «Ольвія *во всѣ времена* своего существова-

нія представляется намъ съ рѣзко очерченными признаками благоустроенной демократической республики» (Ольвія, стр. 305), едва-ли основательно Напротивъ, надо думать, что только съ прилива довольно разношерстнаго греческаго населенія на постоянное жительство въ эти торговыя факторіи, съ учрежденія опредѣленныхъ греческихъ кварталовъ и съ ихъ укрѣпленія возникаетъ потребность въ опредѣленномъ государственномъ устройствѣ; но въ это время — т. е. какъ мы сейчасъ увидимъ, въ срединѣ VI столѣтія — вліяніе Милета было уже парализовано возрастающимъ торговымъ значеніемъ другого греческаго государства.

Вѣрность высказанныхъ здѣсь взглядовъ вполнѣ подтверждается указаннымъ выше фактомъ рѣдкости нахожденія на югѣ Россіи милетской посуды. Этотъ фактъ становится понятнымъ только при нашемъ предположеніи, *что время милетскаго первенства и господства въ Черноморскихъ колоніяхъ совпадаетъ съ періодомъ существованія здѣсь отдѣльныхъ, рѣдко населенныхъ торговыхъ факторій и что со времени возникновенія благоустроенныхъ колоній съ густымъ населеніемъ, торговля Милетянъ все болѣе и болѣе сокращалась въ виду появленія болѣе сильнаго конкуррента на боспорскомъ рынкѣ — появленія Аѳинянъ.* Это послѣднее утвержденіе основывается также на данныхъ, извлекаемыхъ изъ нашихъ керамическихъ находокъ. Между античной посудой, раскопанной въ Керчи, Ѳеодосіи и Ольвіи, довольно видное мѣсто занимаютъ аттическія вазы съ черными фигурами на красномъ полѣ. Эти найденныя у насъ вазы принадлежатъ почти безъ исключенія по своему стилю къ такъ называемому второму или болѣе позднему періоду аттическаго чернофигурнаго вазнаго производства, который, какъ давно извѣстно, совпадаетъ съ періодомъ тиранніи Писистрата.

Эта чернофигурная аттическая посуда изъ второй половины VI вѣка является какъ древнѣйшимъ вещественнымъ свидѣтельствомъ существованія вполнѣ уже благоустроенныхъ и хорошо заселенныхъ греческихъ колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, такъ и доказательствомъ, что съ этого времени Аѳиняне выступаютъ счастливыми соревнователями Милитянъ въ дѣлѣ понтійской торговли. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что утвержденіе господ-

ства Писистрата на сѣверѣ, въ Сигейонѣ, дало Аѳинянамъ надлежащую опору для распространенія своихъ торговыхъ операцій до отдаленныхъ Черноморскихъ колоній, и что возрастающая потребность въ привозномъ хлѣбѣ, вызванная уже въ то время въ Аттикѣ всѣмъ ходомъ культурнаго развитія, была причиною ревностнаго обереганія установившихся связей. Доступомъ къ сѣвернымъ рынкамъ Аѳины такимъ образомъ обязаны славному въ культурномъ отношеніи періоду Писистратовой тиранніи, и какъ аѳинскіе демократы и аристократы впослѣдствіи ни открещивались отъ наслѣдства этой тиранніи, какъ они ни проклинали память Писистратидовъ, тѣмъ не менѣе Аѳиняне въ силу жизненныхъ своихъ интересовъ оставались во всѣ періоды своего историческаго могущества вѣрными дальновидной торговой боспорской политикѣ Писистрата.

Правда, не всегда имъ удавалось поддерживать эти сношенія съ сѣверомъ съ одинаковымъ успѣхомъ: должно быть, послѣ изгнанія тирановъ и потери Сигейона эти сношенія временно ослабѣваютъ и почти прекращаются во время персидскихъ войнъ, сдѣлавшихъ повидимому всякое плаваніе въ Черное море весьма затруднительнымъ, по крайней мѣрѣ, на двадцатилѣтіе. Это опять таки не голословное утвержденіе; оно вытекаетъ прямо изъ изученія нашего керамическаго матеріала. Аттическая посуда строгаго краснофигурнаго стиля, непосредственно смѣнившаго чернофигурную технику, составляетъ довольно большую рѣдкость въ числѣ находимыхъ въ нашихъ колоніяхъ керамическихъ издѣлій. Между многочисленными черепками, раскопанными А. Л. Бертье-Делагардомъ въ Ѳеодосіи и служащими нѣмыми свидѣтелями культурной жизни этого города отъ VI вѣка до Р. Х. вплоть до XVI в. нашей эры, фрагменты посуды краснофигурной техники строгаго стиля *вполнѣ* отсутствуютъ. Но и въ Керчи и въ Ольвіи они встрѣчаются лишь въ немногихъ экземплярахъ, притомъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. фрагментъ кратера работы Никосѳена и Эпиктета, найденный на островѣ Левки и хранящійся въ Одесскомъ музеѣ, относятся еще, по новой и вполнѣ установленной хронологіи вазъ, къ періоду до персидскихъ войнъ.

Какова была участь, какова была жизнь въ нашихъ Черноморскихъ колоніихъ во время скиѳскаго похода Дарія и послѣдующихъ за нимъ персидскихъ войнъ, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ

извѣстій: наши керамическія находки однако позволяютъ намъ установить тотъ не лишенный интереса фактъ, что живыя торговыя сношенія, завязавшіяся съ Аѳинами въ VI вѣкѣ, теперь почти совсѣмъ прерываются.

Разъ потерянный рынокъ завоевать снова—дѣло не легкое, какъ показываетъ и теперешній опытъ. Конкуррентомъ Аѳинъ выступилъ съ первой четверти V вѣка быстро разцвѣтшій Ѳасосъ и, между тѣмъ какъ амфоры и ручки съ ѳасосскимъ государственнымъ штемпелемъ найдены въ изрядномъ количествѣ въ нашихъ колоніяхъ, аттическія вазы переходной ступени отъ строгаго къ болѣе свободному стилю принадлежатъ все еще къ болѣе рѣдкимъ находкамъ. Можетъ быть Аѳины въ это время, несмотря на понтійскую экспедицію Перикла, и не особенно старались вполнѣ упрочить свое положеніе на сѣверѣ Черноморскаго побережья; какъ извѣстно, имъ съ начала V вѣка открывался богатый рынокъ въ Великой Греціи и въ Сициліи и только послѣ потери этого рынка, послѣ гибели подъ Сиракузами аѳинскаго флота и войска, Аѳиняне весьма энергично принимаются за полное возстановленіе своего прежняго торговаго положенія на Понтѣ, одновременно съ завоеваніемъ рынка въ такой же отдаленной колоніи на Югѣ, въ Киренахъ. Вазы, находимыя у насъ и въ Киренахъ, до того близки другъ къ другу, что иногда можно смѣло говорить о происхожденіи ихъ съ одной и той же фабрики, и поэтому надо считать мысль дирекціи Лувра въ Парижѣ, помѣстить вазы изъ Киренъ и вазы изъ нашихъ колоній рядомъ въ двухъ сосѣднихъ витринахъ весьма удачной. Въ какой степени это сопоставленіе поучительно, я позволю себѣ выяснить хоть на одномъ примѣрѣ.

Между черепками, раскопанными А. Л. Бертье-Делагардомъ въ Ѳеодосіи, есть крышка отъ пиксиса, украшенная мужской бородатой головой. Хотя по свойству матеріала и характеру работы нельзя было сомнѣваться въ аттическомъ происхожденіи этого сосуда, но трактовка волосъ и своеобразная формировка глазъ дѣлали понятнымъ мое желаніе найти аналогію къ этой работѣ въ извѣстныхъ до сихъ поръ издѣліяхъ аттической керамики. Мои поиски въ большихъ заграничныхъ музеяхъ—въ Мюнхенѣ, Берлинѣ, Парижѣ—лѣтомъ прошлаго года первоначально не были увѣнчаны успѣхомъ, но предъ моимъ отъѣздомъ изъ Парижа г. Поттье пригласилъ меня въ свой каби-

нетъ и показалъ мнѣ только что полученныя имъ древности изъ Киренъ: между ними была точно такая же голова на крышѣ пиксиса, нарисованная тѣмъ-же мастеромъ, какъ и голова на ѳеодосійскомъ черепкѣ.

Безъ сомнѣнія, новое преобладаніе аѳинской торговли на нашемъ рынкѣ тѣсно связано съ экспедиціей Алкивіада въ Понтъ. Какіе размѣры принимала эта торговля, объ этомъ свидѣтельствуетъ громадное количество найденныхъ у насъ аттическихъ вазъ изящнаго, живописнаго, а наконецъ и бѣглаго стиля, которое вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ и прочность установившихся связей. Эти вазы, которыя безъ всякихъ пробѣловъ представляютъ намъ всѣ ступени развитія керамическаго промысла въ Аттикѣ до III в., позволяютъ сдѣлать тотъ немаловажный выводъ, что сношенія Аѳинъ съ нашими колоніями въ продолженіе болѣе столѣтія не прерывались, а въ IV вѣкѣ особенно ни одно греческое государство не могло соперничать съ Аѳинами въ своемъ вліяніи на Черноморскія поселенія, — вліяніи, простирающемся далеко за предѣлы торговыхъ лишь операцій.

Подробная остановка на разъясненіи этого вліянія завела-бы меня здѣсь слишкомъ далеко, укажу только, что оно сказывается даже на языкѣ колонистовъ. Между тѣмъ какъ надписи дорической колоніи Херсонеса написаны всегда на дорическомъ діалектѣ, милетскія колоніи Ольвія, Пантикапей и т. д. даже въ IV в. до Р. Х. не пользуются чисто іоническимъ говоромъ; языкъ ихъ памятниковъ этого времени очень близко стоитъ къ аттическому нарѣчію.

И такое вліяніе Аѳинъ простирается гораздо дальше территоріи собственно греческихъ колоній. Члены Кіевскаго археологическаго съѣзда навѣрно обратили вниманіе на находящійся на выставкѣ въ Университетѣ Св. Владиміра росписной кратеръ краснофигурнаго стиля IV вѣка, найденный въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, при раскопкахъ г. Скиргелло въ 1845 г., на глиняную амфору изъ Звенигородскаго уѣзда и т. д. На археологической выставкѣ въ новомъ Кіевскомъ городскомъ музеѣ помѣщена изъ богатой и съ рѣдкимъ умѣньемъ составленной коллекціи Б. И. Хоненки цѣлая витрина аѳинскихъ вазъ IV — III вѣка, найденныхъ въ курганахъ Кіевской губерніи; между ними заслуживаетъ особеннаго вниманія кратеръ съ изображеніемъ похищенія Европы. Въ курганахъ

близъ Смѣлы, раскопанныхъ и роскошно изданныхъ графомъ А. А. Бобринскимъ, встрѣчается также чернолаковая аттическая посуда IV вѣка. Совокупность этихъ находокъ показываетъ, что эта посуда не была завезена сюда случайно; напротивъ, мы вправѣ предполагать, что существовалъ спросъ на нее и этотъ спросъ позволяетъ намъ составить себѣ извѣстное представленіе о культурной жизни и о культурныхъ потребностяхъ въ Скиѳіи.

Всему на свѣтѣ однако бываетъ конецъ. Знаменитая аттическая гончарная промышленность, славившаяся своими росписными вазами, приходитъ въ упадокъ вмѣстѣ съ паденіемъ политическаго и торговаго значенія Аѳинъ. Возникаютъ новые фабричные центры, мѣняется вкусъ публики въ отношеніи керамическихъ издѣлій и, въ подражаніе обычаю богатыхъ украшать свои столы металлической рельефной посудой, возникаетъ мода придавать болѣе скромному гончарному товару также формы и виды этихъ дорогихъ издѣлій изъ благороднаго металла: торевтика пріобрѣтаетъ замѣтное вліяніе на гончарное производство.

Эта новая мода проникаетъ въ III вѣкѣ и въ наши Черноморскія колоніи. Найдены у насъ въ изрядномъ количествѣ во первыхъ чернолаковыя чаши и блюдца, дно которыхъ внутри украшено рельефными головами и бюстами въ видѣ медальоновъ. Эта посуда называется по главному мѣсту нахожденія и производства — Калесской (Cales). Я совершенно согласенъ съ профессоромъ Драгендорффомъ, что о привозѣ ея съ Запада въ наши колоніи думать нельзя не потому, правда, какъ полагаетъ Драгендорффъ, что торговыя сношенія съ римской имперіей и Италіей являлись-бы невѣроятными—мы сейчасъ увидимъ, что они съ конца третьяго вѣка уже существуютъ—а потому лишь, что наши сосуды сработаны лучше и тоньше, чѣмъ Калесскія и ближе стоятъ къ своимъ металлическимъ прототипамъ. Поразительное сходство рельефа такой чернолаковой чаши, найденной въ Керчи и изданной проф. Мальмбергомъ (Матеріалы по Археол. Россіи 1892. Табл. 1,1) съ серебрянымъ рельефомъ изъ Сиріи (Gazette arch. VI, pl. 23) заставляетъ искать первоначальное мѣсто фабрикаціи этихъ чашъ въ Малой Азіи, откуда она проникала какъ въ Cales, такъ и въ наши колоніи. Въ нашихъ колоніяхъ не довольствовались однимъ привозомъ этой посуды изъ Малой Азіи, а взялись и за ея изготовленіе

на мѣстѣ, что доказываютъ найденныя въ Керчи и опубликованныя г. Мальмбергомъ формы для ея рельефныхъ украшеній.

Во вторыхъ у насъ довольно часто встрѣчаются такъ называемые «мегарскіе кубки» — гемисферическія, обыкновенно черноматовыя чаши съ рельефными украшеніями, которыя наши торговцы древностями называютъ «ермолками». Robert (Homerische Becher, S. 19) доказалъ, что весьма распространенное обозначеніе этихъ чашъ названіемъ «мегарскіе кубки» неправильно. Эта посуда распространена была по довольно большому району (въ Греціи, Малой Азіи, Италіи и Южной Россіи), а гдѣ искать центръ ея фабрикаціи, пока точно установить нельзя: однако, что существовали большія фабрики, товары которыхъ вывозились одновременно и въ Vulci (Mus. Greg. Taf. CI) и въ Пантикапей (Отч. Имп. Арх. К. 1880, стр. 101) и что эти фабрики лежали въ самой Греціи, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Такъ какъ разновидность этой мегарской посуды, «гомеровскіе кубки», т. е. кубки съ рельефными сценками изъ Иліады и Одиссеи, по вѣроятному предположенію Dragendorff'a (Terra sigillata, S. 29), происходитъ изъ Халкиды, то можно было-бы подумать, что и центръ фабрикаціи этой близкой по формѣ и техникѣ къ нимъ такъ называемой мегарской посуды—ихъ аттическое названіе κοτύλη—былъ въ томъ же самомъ городѣ, гдѣ въ третьемъ и началѣ второго вѣка — а по единогласному мнѣнію Robert'a (o. c. S. 19) Dumont'a p 343, Furtwängler'a (Coll. Saburoff LXXIII), Körte, (B. d. J. 1877, p. 35), Helbig'a (B. d. J. 1868, p. 115), Dragendorff'a, (Terra sigillata S. 24) наши мегарскіе кубки относятся именно къ тому періоду — господствовала живая умственная жизнь и богатая промышленная дѣятельность.

Наши колонисты не довольствовались въ III вѣкѣ этимъ модньимъ привознымъ товаромъ изъ Малой Азіи и Халкиды. Общеизвѣстно, что люди или, лучше сказать, группы людей, живущихъ вдали отъ культурныхъ центровъ своего народа, на чужбинѣ, устойчиво сохраняютъ старинныя вѣрованія и обычаи еще въ то время, когда они на родинѣ уже вышли изъ употребленія и давно забыты. Эта общая историческая истина лишній разъ подтверждается нашими керамическими находками; жители Черноморскихъ колоній, привыкшіе согласно обычаю предковъ класть въ могилы умершихъ *роспискыя* вазы, должно быть, съ трудомъ рѣшались отступать отъ этого освященнаго временемъ обычая

и продолжали ощущать потребность хоть для похоронныхъ цѣлей въ сосудахъ, росписанныхъ сценами, которыя такъ или иначе по ихъ представленіямъ соотвѣтствовали этому назначенію. И такъ какъ аѳинскія фабрики, снабжавшія ихъ до сихъ поръ этими вазами, были закрыты, такъ какъ на родинѣ возникли новые вкусы и новое производство подъ вліяніемъ торевтики, то наши колонисты рѣшились сами приступить къ изготовленію этихъ росписныхъ вазъ.

Этотъ въ культурномъ отношеніи весьма любопытный фактъ нашими историками далеко не оцѣненъ по справедливости, да онъ и вообще ими еще не принятъ въ соображеніе. Покойный Стефани въ отчетѣ за 1874 г. первый трактовалъ объ этихъ вазахъ мѣстной фабрикаціи: ему тогда извѣстно было 15 экземпляровъ; съ тѣхъ поръ число ихъ значительно увеличилось: въ одномъ Одесскомъ музеѣ, въ которомъ во времена Стефани не было ни одного экземпляра, теперь хранятся десять; на арх. выставкѣ въ Универ. Св. Владиміра имѣется также одинъ экземпляръ, найденный въ Керчи, а въ общемъ мнѣ извѣстно до 70 штукъ. Стефани, ради краткости, первоначально назвалъ, эти вазы «полу-варварскими», но потомъ самъ жалѣлъ объ этомъ, такъ какъ подобное выраженіе можетъ легко привести къ предположенію, что при изготовленіи ихъ дѣйствовало какое-нибудь негреческое вліяніе, внесшее въ нихъ чуждый, неэллинскій элементъ. Между тѣмъ ничего подобнаго нѣтъ; ни въ формахъ, ни въ отдѣлкѣ рисунковъ не замѣчается какихъ нибудь новыхъ идей, а чрезвычайно странный на первый взглядъ характеръ ихъ исходитъ единственно отъ того, что ихъ изготовителямъ неизвѣстны были необходимыя для выдѣлки росписныхъ сосудовъ техническія знанія. Всѣ эти мѣстныя вазы—главнымъ образомъ амфоры и пелики—сдѣланы изъ крупнозернистой, плохо промытой глины, не подвергавшейся той тщательной подготовкѣ, которою насъ поражаютъ продукты греческаго гончарнаго ремесла. Вотъ почему поверхность этихъ вазъ не имѣетъ той гладкости, которою вообще отличается древняя посуда; во вторыхъ, стѣнки ихъ толсты, а сами вазы втрое и вчетверо тяжелѣе вазъ такой же величины, изготовленныхъ по прежнему способу. Что касается дальнѣйшей разработки, то эти вазы распадаются на два разряда: для однихъ вазъ окрашивали глину, до употребленія ея въ дѣло, всю въ черный цвѣтъ и на этомъ черномъ фонѣ написаны были потомъ разноцвѣтными красками изображенныя

фигуры и орнаменты; для второй группы глина употреблена въ дѣло въ совершенно грубомъ видѣ, такъ что естественный, грязновато-желтый цвѣтъ ея прямо проглядываетъ во всѣхъ непокрытыхъ красками мѣстахъ. Фабрикантамъ этихъ вазъ неизвѣстно было приготовленіе тонкаго чернаго лака, который такъ много содѣйствуетъ изящному виду вазъ болѣе древней отдѣлки, и кромѣ того они не умѣли примѣшивать къ краскамъ достаточной доли связующаго вещества; оттого эти краски стираются гораздо легче пестрыхъ красокъ, употреблявшихся художниками въ прежнее время. Такимъ образомъ вполнѣ сохранившіеся рисунки на этихъ вазахъ принадлежатъ къ большимъ рѣдкостямъ; наилучшій въ этомъ отношеніи экземпляръ, насколько мнѣ извѣстно, хранится въ Берлинскомъ музеѣ; на вазахъ въ Одесскомъ музеѣ сохранились обыкновенно лишь отдѣльныя фигуры, или только части изображенной сцены; но все въ этихъ фигурахъ и сценахъ отзывается чисто эллинскимъ духомъ и рисунокъ поражаетъ жизненностью своей конценціи, тонкостью своего исполненія и удачнымъ подборомъ красокъ. Голова молодой амазонки на вазѣ Одесскаго музея изъ Керчи или фигуры Харона и Гермеса на вновь пріобрѣтенной мною вазѣ изъ Ольвіи по красотѣ смѣло могутъ поспорить съ вазными рисунками на аттической посудѣ изящнаго стиля.

Эти своеобразныя вазы находимы были до сихъ поръ исключительно въ Керчи и поэтому Birch, Стефани, Dumont и другіе считали Пантикапей единственнымъ мѣстомъ ихъ производства. Это мнѣніе надо будетъ, по всей вѣроятности, признать вѣрнымъ и теперь, хотя лѣтомъ нынѣшняго года при усиленныхъ хищническихъ раскопкахъ въ Ольвіи найденъ былъ и тамъ одинъ экземпляръ этого рода; его появленіе въ Ольвіи скорѣе можно будетъ объяснить существовавшими торговыми сношеніями между этими двумя сосѣдними колоніями, чѣмъ предположеніемъ, что и въ Ольвіи была фабрика подобныхъ вазъ. Конечно, эта послѣдняя возможность не исключена; но, какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, мѣстное происхожденіе этихъ вазъ въ Черноморскихъ колоніяхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Я подробнѣе остановился на разъясненіи этихъ вазъ потому, что, по моему, онѣ позволяютъ дѣлать нѣкоторые небезъинтересные выводы относительно культурной жизни Черноморскихъ колоній въ III вѣкѣ. Онѣ намъ доказываютъ, во-первыхъ, консерватизмъ религіозныхъ вѣ-

рованій и бытовыхъ воззрѣній въ извѣстныхъ слояхъ понтійскаго населенія въ то время, когда эти вѣрованія и воззрѣнія въ эллинистической Греціи уже давно потеряли свое жизненное значеніе; во вторыхъ, мы изъ формъ и отдѣлки этихъ вазъ вправѣ заключить, что, несмотря на неудовлетворительность техническихъ знаній и потерю извѣстныхъ тайнъ прежняго гончарнаго производства — напр. приготовленія неподражаемаго и до сихъ поръ чернаго лака — чисто греческія художественныя традиціи нашли себѣ широкое распространеніе въ этихъ отдаленныхъ сѣверныхъ колоніяхъ и Пантикапей еще въ это время могъ хвастаться своими выдающимися художниками-живописцами; наконецъ, то обстоятельство, что эти вазы найдены какъ въ Керчи, такъ и въ Ольвіи, позволяютъ намъ предполагать, что, несмотря на всякія мѣстныя различія, наши колоніи въ общемъ культурномъ развитіи жили одинаковой жизнью и находились между собою въ общеніяхъ не только торговыхъ, но и умственныхъ и религіозныхъ интересовъ.

Сношенія нашихъ колоній съ Италіей и Римомъ начинаются, судя по нашему керамическому матеріалу, со второго вѣка до Р. Х. Амфорная ручка съ римскимъ штемпелемъ этого времени, найденная въ Крыму и изданная Стефани, не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія. Но эта ручка не является, какъ еще полагали Стефани и другіе, единственнымъ и можетъ быть случайнымъ свидѣтелемъ такихъ раннихъ сношеній съ Западомъ; по крайней мѣрѣ для Ольвіи существованіе такихъ сношеній съ южной Италіей можно прямо доказать на основаніи найденной тамъ посуды.

Рядомъ съ довольно распространеннымъ родомъ темнобурыхъ и черныхъ сосудовъ, украшенныхъ скромнымъ лиственнымъ орнаментомъ въ бѣлой краскѣ,— сосудовъ, которые по вмѣстѣ найденнымъ съ ними въ Керчи монетамъ принадлежатъ второму вѣку до Р. Х. и которые, встрѣчаясь также въ относящемся къ тому времени Мирринскомъ некрополѣ, должно быть происходятъ изъ Малой Азіи, — въ Ольвіи найдены еще вазы хотя родственной, но всетаки отличающейся техники. Эта посуда представлена въ Одесскомъ музеѣ нѣсколькими экземплярами, изъ которыхъ самые замѣчательные пріобрѣтены въ этомъ году изъ коллекціи Л. Ф. Бруна. Отъ только что упомянутыхъ вазъ съ бѣлыми орнаментами эта посуда отличается и качествомъ глины,

бо́льшимъ блескомъ черной поливы и, главнымъ образомъ, богатствомъ лиственной орнаментаціи, покрывающей большую часть туловища посуды и исполненной не только въ бѣлой, но и въ красной краскѣ. Сосуды—ойнохоэ и кубокъ къ ней—совершенно аналогичные по формамъ, по краскѣ и выполненію орнаментовъ мнѣ удалось въ прошломъ году увидѣть въ богатой коллекціи Севрскаго музея: мѣсто ихъ фабрикаціи—Гнатія въ Апуліи и, по весьма точному опредѣленію дирекціи Севрскаго музея, они относятся къ 150 году до Р. Х.

Нахожденіе такой-же посуды въ Ольвіи ясно доказываетъ, что во второмъ вѣкѣ до Р. Х., когда Ольвія подчинялась власти скиѳскихъ царей, существовали торговыя сношенія между нашими сѣверными колоніями и южной Италіею. Правда, были-ли эти сношенія непосредственными, въ этомъ можно сомнѣваться. Надо вспомнить, какое громадное значеніе имѣлъ въ это время островъ Родосъ какъ одинъ изъ главнѣйшихъ складочныхъ торговыхъ пунктовъ и какую роль играютъ Родосцы какъ важнѣйшіе посредники между Востокомъ и Западомъ. Какъ оживлены были торговыя сношенія Родоса съ нашими колоніями, объ этомъ свидѣтельствуетъ то безчисленное множество глиняныхъ амфоръ, привезенныхъ изъ Родоса въ Пантикапей и, главнымъ образомъ, въ Ольвію и своими штемпелями и надписями доказывающихъ свое родосское происхожденіе. Нашъ эпиграфическій матеріалъ—надписи Посидія (Латышевъ, Ольвія, стр. 133)—получаетъ въ этой связи свое надлежащее освѣщеніе.

Начиная съ I вѣка до Р. Х., какъ извѣстно, прямыя сношенія нашихъ колоній съ Римомъ становятся все болѣе и болѣе тѣсными и продолжаются безпрерывно до конца существованія римской власти на отдаленномъ сѣверо-востокѣ. Къ литературнымъ, эпиграфическимъ и нумизматическимъ свѣдѣніямъ объ этой эпохѣ, нашъ керамическій матеріалъ представляетъ нѣкоторыя дополненія или, по крайней мѣрѣ, желательное подтвержденіе интенсивности этихъ связей нашихъ колоній съ Италіей и Римомъ.

У насъ, какъ извѣстно, раскопана въ большомъ количествѣ посуда—тарелки, блюдца, чаши, миски, кувшины, — изъ тонкой, хорошо обожженной красной глины, покрытой до обжиганія красной краской или красной поливой и украшенной весьма часто рельефными изображеніями, выдавленными въ спеціально изготовленныхъ формахъ

или нанесенными при помощи разведеннаго глинянаго ила—такъ называемая работа en barbotine. Эта посуда по самому знаменитому мѣсту фабрикаціи называется обыкновенно арретійской—хотя, конечно, не вся terra sigillata—такъ эта посуда обозначается по матеріалу—происходитъ изъ Арретія; напротивъ въ Италіи, а потомъ и въ Германіи и Галліи существовалъ цѣлый рядъ фабрикъ, занимавшихся изготовленіемъ этой посуды. Техническія особенности этой фабрикаціи, отличительные признаки настоящаго арретійскаго товара отъ продуктовъ другихъ фабрикъ и вопросъ объ области распространенія этой посуды весьма тщательно обслѣдованъ въ книгѣ проф. Драгендорффа, озаглавленной «Terra sigillata». Признавая въ общемъ вполнѣ заслуги этого молодого ученаго въ дѣлѣ разъясненія предмета своего изслѣдованія, я однако долженъ замѣтить, что его разсужденія о нашихъ южно-русскихъ «сигиллатахъ» ошибочны. По мнѣнію Драгендорффа, считаться съ возможностью импорта продуктовъ гончарнаго промысла изъ Италіи въ наши колоніи нельзя (p. 25); во вторыхъ, онъ полагаетъ нужнымъ на томъ основаніи, что хранящіеся въ Боннскомъ музеѣ ольвійскія sigillata будто найдены въ ольвійскомъ некрополѣ вмѣстѣ съ сосудами бѣлой орнаментаціи III—II вѣка, датировать эту южно-русскую красноглиняную посуду срединою втораго вѣка до Р. Х. (p. 35). А такъ какъ въ Италіи и особенно въ Арретіи (Arezzo) фабрикація подобнаго рода сосудовъ началась лишь въ концѣ втораго или въ первой половины I вѣка (p. 50), то Драгендорффъ на основаніи изложенныхъ имъ доводовъ доходитъ до заключенія, что эта красная полива не италійское изобрѣтеніе и что раньше до италійской и арретійской фабрикаціи производство подобной посуды существовало, хотя и не въ такомъ законченномъ видѣ, на греческой почвѣ.

Заключеніе г. Драгендорффа, само по себѣ совершенно правильное, покоится однако на весьма шаткихъ основахъ. Во первыхъ, возможность импорта изъ Италіи вовсе не исключена; относительно апулійской посуды мы уже видѣли, что такой импортъ существовалъ, и если, какъ это доказано находками, римская «Terra sigillata» вывозилась въ Олимпію, Аркадію, Аѳины и вверхъ до Дарданеллъ, то нельзя придумать причины, которая могла бы быть выставлена противъ вѣроятности предположенія такого-же вывоза ея изъ Италіи въ наши колоніи;

1235
29/VIII

во вторыхъ-же, и это главное, принятая Драгендорффомъ ранняя дата для появленія этой красноглинянной посуды въ Ольвіи, совершенно произвольна. Ольвійскія вазы въ Боннскомъ музеѣ не добыты систематическими раскопками какого-нибудь компетентнаго археолога, а пріобрѣтены у одесскаго торговца древностями. Съ такимъ-же правомъ, какъ Драгендорффъ датируетъ эту красноглиняную посуду вторымъ вѣкомъ, я могъ бы отнести ее въ VI в. до Р. Х., такъ какъ еще на-дняхъ торговецъ мнѣ привезъ такую посуду, вмѣстѣ съ отличной и весьма интересной по сюжету чернофигурной аттической чашей.

По моему, надо разсуждать слѣдующимъ образомъ: Въ Мирринскомъ некрополѣ II вѣка до Р. Х. нѣтъ и слѣдовъ арретійской посуды; она на греческой почвѣ нигдѣ не встрѣчается раньше временъ римской имперіи; въ Ольвіи черепки этой посуды лежатъ въ самомъ верхнемъ слоѣ почвы,—я лично на ольвійскомъ акрополѣ выковырнулъ палкой украшенный рельефными гроздями фрагментъ краснолаковой миски; и наконецъ между ольвійской красноглиняной посудой имѣются экземпляры арретійской фабрикаціи; въ этомъ году найдено въ Ольвіи и пріобрѣтено мною большое блюдо съ характернымъ арретійскимъ штемпелемъ: ступня ноги и надпись въ ней Γαίου, другое такое блюдо, съ рельефнымъ украшеніемъ по верхнему краю, съ тѣмъ же арретійскимъ штемпелемъ а надписью CCELLV пріобрѣтено управляющимъ имѣнія Парутино Два блюдца съ такимъ-же штемпелемъ, но безъ имени фабриканта, найдены въ Керчи и хранятся въ Одесскомъ музеѣ. Изъ всего этого мы вправѣ заключить, что эта красноглиняная и краснолаковая посуда является въ нашихъ колоніяхъ лишь со временъ римскаго вліянія. Многочисленность этой посуды можетъ служить въ нѣкоторой степени иллюстраціею интенсивности культурнаго воздѣйствія Рима на наши колоніи. Конечно, не всѣ найденные у насъ экземпляры этой посуды принадлежатъ арретійскому импорту или импорту изъ другихъ италійскихъ фабрикъ; по всей вѣроятности болѣе простая посуда сработана на мѣстѣ; но выводы, извлеченныя нами изъ этихъ керамическихъ памятниковъ для исторіи культуры нашихъ колоній, этимъ ни въ чемъ не измѣняются.

Кромѣ сношеній съ Италіей и Римомъ наши колоніи въ тотъ-же самый періодъ поддерживаютъ таковыя и съ Александріею. Доказы-

вается это тѣмъ, что у насъ, кромѣ бусъ, скарабеевъ и идоловъ изъ египетской массы, найдены глазированныя античныя вазы съ рельефными украшеніями. Такъ какъ въ непродолжительномъ времени появится мое спеціальное изслѣдованіе объ этой античной посудѣ съ металлической глазурью въ XXII томѣ Записокъ Од. Общ. Ист. и Древ. и въ Bonner Jahrbücher, то я ограничусь лишь немногими замѣчаніями.

Эта своеобразная техника, которая по мнѣнію еще Brogniart'a и Blümner'a въ древности была неизвѣстна, является александрійскимъ изобрѣтеніемъ; первая для насъ ваза съ этой свинцовой глазурой — знаменитая ойнохоэ царицы Береники III вѣка до Р. Х. Изъ Александріи эти сосуды распространяются по Малой Азіи — Мирина, Смирна, Тарсъ, — и, наконецъ, эта фабрикація находитъ себѣ мѣсто и въ Галліи. Найденные на югѣ Россіи древніе глазированные сосуды — мнѣ извѣстны лишь 9 — принадлежатъ почти всѣ по сюжетамъ ихъ украшеній непосредственному импорту изъ Александріи — и что интереснѣе всего, одинъ по крайней мѣрѣ изъ нихъ сработанъ прямо съ цѣлью вывоза въ Понтъ. На мискѣ, найденной въ Керчи и находящейся въ коллекціи покойнаго г. Суручана, дважды изображена жанровая сценка изъ быта и жизни рыбаковъ, которой, прибавленіемъ фигуры Ифигеніи съ идоломъ Артемиды въ рукахъ, приданъ мѣстный для Крыма интересъ; если-же александрійскій фабрикантъ счелъ нужнымъ считаться со вкусомъ и потребностями таврическаго рынка, то отсюда мы вправѣ заключить, что торговыя связи съ нашими колоніями были живыми и что нашему сѣверному рынку придавали въ Александріи извѣстную важность.

Значеніе нашего керамическаго матеріала для выясненія культурной жизни нашихъ черноморскихъ колоній не ограничивается одной классической древностью. Въ тѣхъ изъ этихъ колоніяхъ, въ которыхъ на развалинахъ античной культуры возникаютъ новыя поселенія и развивается новая культурная жизнь — въ Херсонесѣ, Ѳеодосіи, Аккерманѣ — тамъ и извлекаются изъ почвы черепки византійской, арабской, персидской и итальянской посуды, служащіе нѣмыми свидѣтелями исторической жизни на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Заставить этихъ нѣмыхъ свидѣтелей говорить — задача историка нашего края. Задача эта для даннаго періода правда несравненно труднѣе, чѣмъ

для періода классической древности, такъ какъ исторія этой византійской и восточной керамики далеко не такъ разработана, ея хронологія далеко не такъ выяснена и мѣсто фабрикаціи различныхъ сосудовъ не такъ установлено, какъ для классической керамики. Тѣмъ не менѣе изученіе и этихъ памятниковъ можетъ привести къ любопытнымъ результатамъ. Въ иллюстрацію этого утвержденія позволю себѣ указать, что мои, далеко еще не законченныя, изслѣдованія въ этой области привели меня въ прошломъ году при сравнительномъ изученіи найденныхъ въ Ѳеодосіи черепковъ и богатаго матеріала восточной керамики, хранящагося въ Севрскомъ музеѣ къ довольно прочно обоснованному выводу, что своеобразная арабская керамика развивалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ Византіи. Этотъ выводъ, основательность котораго признана былъ авторитетнымъ директоромъ музея въ Севрѣ, г. Garnier и извѣстнымъ византинистомъ Krumbacher'омъ, является немаловажнымъ дополненіемъ къ результатамъ работъ Стриговскаго, Rigl'я и т. д. о культурномъ вліяніи Византіи на Востокъ въ области архитектуры и художественнаго стиля и вмѣстѣ съ тѣмъ немаловажнымъ доказательствомъ безпрерывности нашего культурнаго развитія вообще.

Этимъ я заканчиваю свое сообщеніе, хотя затронутый мною вопросъ далеко не исчерпанъ; на значеніе напр. античной посуды и античныхъ терракоттъ для выясненія культа и погребальныхъ обрядовъ нашихъ колонистовъ я здѣсь даже не указалъ, не желая повторять изложенное въ изданіи терракоттъ Одесскаго музея и въ моей статьѣ о «граффити». Цѣлью моей здѣсь было только обратить вниманіе изслѣдователей судебъ нашего славнаго юга на важность оставленнаго ими слишкомъ въ сторонѣ матеріала и, хотя на нѣкоторыхъ примѣрахъ, показать, какіе историческіе выводы можно изъ него извлечь. Если мнѣ удалось хотя въ нѣкоторой степени вызвать убѣжденіе въ томъ, что иногда и презрѣнный черепокъ можетъ въ настоящей связи и въ настоящемъ освѣщеніи служить исходнымъ пунктомъ для важной исторической комбинаціи или прямо выяснить и открыть какой нибудь историческій фактъ, то, надѣюсь, не можетъ остаться и сомнѣнія въ важности и необходимости требованія, чтобы раскопки на почвѣ нашихъ колоній производились лишь по систематическимъ планамъ и подъ руководствомъ опытныхъ ученыхъ.

Увы, какъ далека дѣйствительность отъ этого справедливаго требованія науки! Хищническія раскопки продолжаются у насъ съ неутомимымъ рвеніемъ. Еще лѣтомъ настоящаго года парутинскими мужиками разрыты сотни могилъ на ольвійскомъ некрополѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ безвозвратно для науки погибла, можетъ быть, и сотня историческихъ фактовъ. Я знаю, что радикально измѣнить это плачевное положеніе дѣлъ—не легко, но я всетаки считалъ своей научной обязанностью и здѣсь высказать свой протестъ противъ этого положенія и если мое настоящее сообщеніе о значеніи нашихъ керамическихъ находокъ для выясненія культурной исторіи Черноморскихъ колоній могло бы не только въ нѣкоторой степени возбудить интересъ историковъ къ дальнѣйшей разработкѣ существующаго матеріала, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и убѣдить XI Археол. Съѣздъ въ необходимости принятія мѣръ для спасенія въ интересахъ науки хранящагося еще въ нѣдрахъ земли матеріала,—то въ этомъ я усмотрѣлъ бы наилучшее вознагражденіе какъ за посильное многолѣтнее мое изученіе южно-русской керамики, такъ и за работу всѣхъ тѣхъ, которые призваны были трудиться на пользу отечественной науки, на первомъ мѣстѣ за работу незабвеннаго учредителя нашихъ съѣздовъ—графа Уварова.

Дѣйств. чл. Э. фонъ-Штернъ.

Античная глазированная посуда съ юга Россіи

На найденную при раскопкахъ въ нашихъ черноморскихъ колоніяхъ античную посуду съ металлической глазурью до сихъ поръ, повидимому, мало обращали вниманія.

Сколько сосудовъ этого рода найдено, съ точностью опредѣлить нельзя: то обстоятельство однако, что одинъ изъ самыхъ интересныхъ экземпляровъ, выкопанная въ 1891 году въ Ольвіи кружка, петербургскими археологами была признана современной фальсификаціей, главнымъ образомъ, ради этой металлической глазури, позволяетъ вывести заключеніе о рѣдкости нахожденія подобной посуды на почвѣ юга Россіи. Возможное само по себѣ послѣ этого вердикта петербургскихъ археологовъ предположеніе, что руководителямъ раскопокъ на югѣ Россіи остались неизвѣстными новѣйшія находки [1]) на греческой и римской почвѣ и вызванная этими находками литература [2]) и что они, придерживаясь устарѣлыхъ воззрѣній Brogniart'a [3]) и Blüm-

---

[1]) Срв. Koehler: Mitth. des arch. Inst. zu Athen 1879. S. 366. Taf. 19. (Furtwängler: Beschr. der Berl. Vasensammlung I, № 1289). Heuzey: Gazette arch. 1880. p. 145 suiv. pl. 28, 2, 3. Flinders Petrie: Naucratis, Tav. II, 6—18. Journal des Savants 1862, p. 136—172. R. Mowat: Bull. de la Société des antiquaires de France 1888 p. 145. Dressel: Annali 1882 (vol. 54, p. 1—56).

[2]) Mazard: De la connaissance par les anciens des glaçures plombifères 1879. Furtwängler: Collec. Sabouroff LXX. Rayet et Collignon: Histoire de la céramique grecque p. 364 suiv. Dressel: Annali 1882, p. 1. (о сосудахъ, найденныхъ при раскопкахъ на Эсквилинѣ). Birch: History of ancient Pottery [2], p. 583. Dragendorff: Terra sigillata, S. 114 даетъ обзоръ дальнѣйшей литературы. Прибавляю, что Луврскій музей въ прошломъ году пріобрѣлъ найденныя въ Малой Азіи терракоттовыя фигуры, нагія части тѣлъ которыхъ покрыты желтой глазурью.

[3]) Brogniart: Traité de Arts céramiques ou des Poteries. Vol. I, p. 545.

пег'а [4]) не обращали вниманія на находимые глазированные сосуды или черепки,—это предположеніе, повторяю я, является мало вѣроятнымъ уже потому, что мнѣ, несмотря на всѣ поиски въ разныхъ коллекціяхъ и въ кладовыхъ торговцевъ древностями, стали извѣстными всего лишь девять экземпляровъ. Издать интереснѣйшіе изъ нихъ вмѣстѣ и вкратцѣ ихъ описать — цѣль настоящей статьи.

---

[4]) Blümner: Technologie II, S. 96 оставляетъ вопросъ объ знакомствѣ древнихъ съ металлической глазурью открытымъ.

I) Первый античный сосудъ покрытый свинцовой глазурью, который мнѣ удалось видѣть здѣсь на югѣ Россіи, — вышеупомянутая ольвійская кружка. Такъ какъ этотъ сосудъ вмѣстѣ съ тѣмъ единственный, обстоятельства нахожденія котораго даютъ намъ возможность хоть приблизительной датировки, то я съ него и начинаю обозрѣніе этого своеобразнаго рода античнаго вазнаго производства.

Весною 1891 парутинскими мужиками открытъ былъ склепъ женской гробницы, богатое содержаніе котораго пріобрѣтено было пресловутыми торговцами братьями Гохманнами и продано московскому коллекціонеру Постникову за 700 руб. По разсказу этихъ перекупщиковъ, скелетъ лежалъ въ построенномъ изъ штучныхъ камней склепѣ на деревянномъ ложѣ съ бронзовыми ножками; глаза, уши и ротъ покрыты были золотыми пластинками, которыя въ грубыхъ контурахъ передаютъ формы этихъ частей тѣла; шея украшена была богатымъ ожерельемъ изъ стекляныхъ пастъ и оправленныхъ золотомъ камней; дальше найдены золотые перстни и пластинки для украшенія одежды. (Всѣ эти золотыя вещи по вѣсу своему представляли стоимость въ 200 руб.). У подножья костяка найдена была глиняная лампочка римскаго типа съ рельефнымъ изображеніемъ, сосудъ для масла въ видѣ терракоттаваго льва и интересующая насъ здѣсь на первомъ мѣстѣ кружка съ металлической глазурью. Время устройства этого склепа опредѣляется, помимо характера стиля положенныхъ въ него вещей, еще монетой, находившейся во рту покойницы.

Это довольно потертая ольвійская монета, показывающая на одной сторонѣ голову Аполлона, на другой лиру. Эта монета относится къ I вѣку до Р. Х. по опредѣленію извѣстнаго нумизмата Орѣшникова [5]), опубликовавшаго найденныя въ склепѣ золотыя вещи и защищавшаго ихъ подлинность; но такъ какъ на этой потертой монетѣ находится клеймо, показывающее, что монета была признана много лѣтъ спустя, несмотря на ея потертость, годною къ обращенію, то, по мнѣнію г. Орѣшникова, этотъ второй выпускъ монеты для обращенія посред-

[5]) Орѣшниковъ: Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества XV, стр. 1, слѣд.

ствомъ наложенія новаго штемпеля можетъ отнестись лишь къ весьма критическому времени для экономическаго быта Ольвіи, т. е. къ I вѣку по Р. Х.; ранѣе этой эпохи конечно нельзя отнести и всего погребенія [6]). Правильность заключеній г Орѣшникова нашла, года два тому назадъ, блестящее подтвержденіе. Господинъ Косцюшко-Валюжиничъ [7]) раскопалъ въ Херсонесѣ гробницу, въ которой найдено было точно такое же ожерелье съ такой же своеобразной привѣской въ формѣ бабочки, сработанной изъ оправленныхъ въ золото стекляныхъ пастъ и драгоцѣнныхъ камней, вмѣстѣ съ монетами эпохи перваго вѣка римской имперіи. Такимъ образомъ доказательство на лицо, что на этотъ разъ сообщеніе братьевъ Гохманновъ объ обстоятельствахъ нахожденія дѣйствительно правдиво.

Какъ г. Орѣшниковъ при изданіи этого своеобразнаго ожерелья еще не могъ указать на аналогическій экземпляръ съ юга Россіи, такъ и проф. А. Н. Шварцъ [8]), одновременно съ нимъ опубликовавшій глазированную кружку и съ полнымъ знаніемъ дѣла трактовавшій о ней, не имѣлъ въ распоряженіи для сравненія другого экземпляра посуды этой глазированной техники изъ нашихъ черноморскихъ колоній. Собранный мною въ настоящее время матеріалъ освободитъ, надѣюсь, эту кружку отъ ея изолированнаго положенія единственной у насъ представительницы этого рода античнаго гончарнаго производства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужитъ подтвержденіемъ правильности сужденія многоуважаемаго А. Н. Шварца, какъ о подлинности ольвійской кружки, такъ и о происхожденіи и о распространеніи этого глазированнаго античнаго гончарнаго товара вообще.

Эта ольвійская кружка [9]), на обстоятельствахъ нахожденія которой я остановился подробнѣе вслѣдствіе возможности довольно опредѣлен-

---

[6]) Орѣшниковъ: тамъ-же, стр. 14.

[7]) Отчетъ о раскопкахъ въ Херсонесѣ за 1896 годъ.

[8]) Шварцъ: Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества XV, стр. 15, слѣд. (3 таблицы).

[9]) Срв. таб. I, № 1 и 1а.

ной ея датировки, имѣетъ весьма своеобразную форму [10]). Она расширяется къ верху къ сильно отогнутому краю: снизу посредствомъ двухъ глубоко врѣзанныхъ желобковъ образованъ выступъ, надъ которымъ поднимается бѣгло исполненный рельефный орнаментъ, состоящій попеременно изъ овъ и цвѣтовъ лотоса; сверху заканчивается этотъ орнаментъ рядомъ выступающихъ рельефныхъ точекъ. Ручка состоитъ изъ двухъ сплетенныхъ змѣй, на верху къ ручкѣ придѣлана опора для большаго пальца держащей кружку руки; подъ ручкой выступаетъ бородатая, тщательно исполненная голова Силена. Туловище сосуда украшено пятью фигурами, которыя были сработаны отдѣльно и прилѣплены къ кружкѣ потомъ предъ обжиганіемъ.

Кружка сдѣлана, какъ это видно на днѣ ея, изъ красной глины, покрытой потомъ зеленой металлической глазурью, имѣющей по мѣстамъ тотъ характерный отблескъ [11]), который получаетъ всякій сосудъ съ металлической глазурью, если онъ при извѣстныхъ условіяхъ долго лежитъ въ землѣ [12]).

Вниманіе археолога приковываетъ къ себѣ конечно на первомъ мѣстѣ сцена, изображенная въ пяти рельефныхъ фигурахъ. Сага о судѣ Париса [13]), воспроизводимая въ античной вазной живописи безконечное число разъ, представлена здѣсь съ новой стороны.

---

[10]) На таблицахъ формъ античныхъ гончарныхъ издѣлій, помѣщенныхъ въ каталогахъ вазъ Берлинскаго, С.-Петербургскаго и Мюнхенскаго музеевъ, не имѣется изображенія аналогичнаго сосуда. Ближайшую аналогію въ нашей кружкѣ можно найти въ области античнаго стекляннаго производства. Въ Одесскомъ музеѣ хранится стеклянный сосудъ изъ Керчи, имѣющій форму очень похожую на нашу кружку. (Инвентарный каталогъ VI, № 164).

[11]) Rayet et Collignon: Histoire de la céramique grecque, p. 376 «un aspect irisé».

[12]) Rayet et Collignon: тамъ-же p. 376.

[13]) Памятники искусства, изображающіе эту сагу собраны у Welcker'a: Alte Denkmäler V, 356—432. Overbeck'a: Heroengallerie 297—255; Стефани: Отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи за 1861 и за 1863 годъ. Luckenbach'a: Jahrb. für class. Philol. XI Suppl. S. 593. Schneider'a: Der troische Sagenkreis in der ältesten griech. Kunst. 1886, S. 91. На таблицѣ Schneider'a S. 92 слѣд. приведено 51 изображеніе этого сюжета лишь на вазахъ древнѣйшаго стиля. Въ Берлинскомъ музеѣ хранятся 16 вазъ съ изображеніемъ суда Париса; на стѣнныхъ картинахъ въ Помпеѣ та-же тема воспроизведена болѣе 20 разъ. Эти цифровыя данныя позволяютъ уже составить себѣ понятіе о популярности названнаго сюжета. Отдѣльныя публикаціи самыхъ замѣчательныхъ вазныхъ картинъ указаны будутъ ниже.

Насколько я знаю, это первый разъ, что эта сага на античной вазѣ [14]) изображена въ видѣ грубой, но—прибавлю къ этому,—мѣткой каррикатуры. Я говорю въ первый разъ, ибо изображеніе суда Париса на хранящейся въ Мюнхенѣ амфорѣ изъ Vulci [15]), которое со времени Gerhard'a [16]) постоянно приводится какъ примѣръ пародистической передачи этой сцены, имѣетъ совершенно серьезный характеръ; а далѣе называемыя въ этой связи—описанная de Witte'омъ [17]) архаическая вазная картина и извѣстная фреска изъ Помпеи [18])—принадлежатъ къ совершенно другой области. Только что приведенныя изображенія, если признать обычное ихъ толкованіе вѣрнымъ [19]), представляютъ собою пародистическую аллегорію на содержаніе легенды, а не каррикатурную, какъ въ нашемъ случаѣ, передачу самой легенды.

Древнему искусству греческаго материка—какъ вазной живописи такъ и коропластикѣ—каррикатура конечно не вполнѣ чужда: напоминаю о найденныхъ въ Ѳиванскомъ святилищѣ кавировъ вазахъ, на которыхъ каррикатура занимаетъ видное мѣсто при изображеніи людей и героевъ [20]); но всетаки только въ эллинистическій періодъ въ Понтѣ [21]), въ Малой Азіи [22]) и особенно въ Александріи [23]), которую

---

[14]) Фривольныя воспроизведенія этого сюжета на рѣзныхъ камняхъ я намѣренно оставляю въ сторонѣ; я ихъ не знаю по личному изученію оригиналовъ и нахожу у Baumeister'a: Antike Denkmäler I . S. 1162 замѣтку, что многіе изъ нихъ подвергнуты подозрѣнію относительно античнаго происхожденія. Даже изданные Overbeck'омъ II, 6—9 камни по Baumeister'у считаются поддѣльными.

[15]) Эта амфора, которая по Gerhard'у росписана въ «стилѣ, подражающемъ его петскому искусству» принадлежитъ къ роду вазъ, о которомъ трактовалъ Dümmler (Röm. Mitth. 11, 1887, S. 171—192). Эти вазы—продукты не поддающейся пока болѣе точному опредѣленію іонической фабрикаціи, имѣвшей свой центръ на периферіи греческаго міра. О нашей амфорѣ говоритъ Dümmler подъ № VIII, стр. 174, не касаясь впрочемъ вопроса о характерѣ изображенія.

[16]) Gerhard: Auserlesene Vasenbilder III, 170; Text, S. 56.

[17]) De Witte: Cab. étrang. 131. Публикація мнѣ недоступна. Сюжетъ картины: «Трехъ юношей несутъ къ суду Париса».

[18]) «Курица, гусь и утка передъ пѣтухомъ на фаллической гермѣ»—по толкованію Welcker'a: Antike Denkmäler V, S. 316 пародія на судъ Париса.

[19]) Такъ какъ я упомянутой de Witte'омъ вазной картины не знаю, то долженъ оставить этотъ вопросъ открытымъ.

[20]) H. Winnefeld: Das Kabirenheiligtum in Theben. Ath. Mitth. XIII, S. 421.

[21]) Срв. Музей Импер. Одесск. Общества Исторіи и Древностей: Терракоты I, II, 1897 и 98. I, таб. 14. II, таб. 12, 13, 15.

[22]) S. Reinach: Mélanges Graux p. 152.

[23]) Schreiber: Alexandrinische Sculpturen in Athen, Ath.. Mitth. X (1885) S,. 391.

вмѣстѣ съ Schreiber'омъ можно обозначить мѣстомъ происхожденія жанра «grotesque», каррикатура начинаетъ играть весьма видную роль и завоевывать себѣ области, на которыя ее распространять казалось-бы святотатствомъ въ глазахъ предыдущихъ поколѣній.

Не нуждается въ подробномъ выясненіи то обстоятельство, что эта александрійская концепція рельефнаго украшенія—какъ я назвалъ-бы ее для краткости—вполнѣ соотвѣтствуетъ особенной техникѣ исполненія сосуда, которая, какъ доказываютъ вазы Вереники, Филопатра, Клеопатры[24]) и эсквилинскіе черепки[25]), также происходитъ изъ Александріи.

Стоитъ ближе всмотрѣться въ нашу каррикатуру суда Париса. Парисъ, въ образѣ юноши безъ бороды съ короткими волосами, сидитъ въ раздумьѣ на скалѣ. Одѣтъ онъ въ одну лишь хламиду. Опущенную голову онъ опираетъ на правую руку, облокотившись при этомъ на правое колѣно. Эта поза не нова. Нашъ мастеръ, оставивъ въ сторонѣ обычный съ средины V вѣка въ вазной живописи типъ Париса,—типъ самоувѣренно сидящаго юноши въ богатомъ восточномъ костюмѣ[26]), возвратился къ болѣе древней концепціи[27]). Давно установлено[28]), что эта концепція представляетъ собою лишь смягченіе весьма распространеннаго въ архаической вазной живописи

---

[24]) Ваза Вереники найдена въ Benghazi; срв. Fouilles et découvertes 1862, p. 90. Ойнохоя Филопатра найдена въ Episkopi на островѣ Кипрѣ; срв. Bull. épigraphique VI, 1886, p. 100. Ойнохоя Клеопатры найдена въ Канузіи; срв. Lénormant: Revue arch. VII, p. 259. Всѣ эти три замѣчательныхъ глазированныхъ сосуда, о которыхъ подробно говорится у Rayet et Collignon'a: Histoire etc. p. 373, указываютъ своими надписями на свое александрійское происхожденіе.

[25]) Dressel: Annali 1882, p. 1, слѣд.

[26]) Такъ Парисъ изображается особенно на вазахъ изящнаго краснофигурнаго стиля; срв. напр. Gerhard: Apul. Vasen, Taf. E, 6, 7 (Furtwängler: Berl. Vasensamm. lung № 2644). Gerhard: Apul. Vasen, Taf XI. XII, XIII (Furtwängler: Berl Vasens. 3249, 3243, 3290). Стефани: Отчетъ 1861, таб. III (Эрмитажъ № 1907), Отчетъ 1863, таб. I (Эрмитажъ № 2020) и т. д.

[27]) Парисъ сидитъ опустивъ голову и подпершись рукой; срв. напр. аттическій алавастръ въ частномъ владѣніи въ Аѳинахъ (Schneider: Troischer Sagenkreis, S. 96, № 51 на таблицѣ), чашу строгаго краснофигурнаго стиля въ Берлинскомъ музеѣ (Furtwängler: Berl. Vasensamml. № 2259), вазу изъ коллекціи Blacas (v. Duhn: Archeol. Zeitung 1883, S. 317) и т. д.

[28]) v. Duhn: Archeol. Zeitung 1882, S. 210 folg.

мотива бѣгства [29]) Париса, какъ, съ другой стороны, встрѣчающееся разъ [30]) изображеніе борьбы между Гермесомъ и Парисомъ является усиленіемъ этого мотива. Вывести изъ этой концепціи вмѣстѣ съ Welcker'омъ [31]) заключеніе, будто въ «поэтическомъ источникѣ» или праобразѣ ея, въ Кипріяхъ, Парисъ принимаетъ богинь и выслушиваетъ ихъ рѣчи съ опущенной и окутанной головой, вполнѣ неосновательно. Борьба, бѣгство, окутываніе головы—все это лишь средства, которыми долженъ пользоваться художникъ, чтобы зрителю выяснить противоположность между божествомъ и человѣкомъ, чтобы сдѣлать для него понятнымъ то дѣйствіе, которое производитъ на человѣка появленіе божества. То, что нашъ художникъ возвратился къ этому устарѣлому въ его время мотиву, свидѣтельствуетъ о хорошемъ его пониманіи своей задачи. Эффектъ пародіи и каррикатуры заключается въ значительной степени въ неожиданныхъ и въ немотивированныхъ противопоставленіяхъ: Парисъ, которому Гермесъ докладываетъ о приближеніи богинь, опускаетъ въ набожномъ страхѣ и смущеніи свою голову; когда онъ, уступая увѣщаніямъ Гермеса опомнится и рѣшится поднять свои взоры въ ожиданіи увидѣть сверхестественное явленіе—αἰγλάεντα σῶματα (Eurip. Androm. 284),—то передъ нимъ откроется сцена, которая своей циничностью должна его разочаровать и грубо-комичнымъ образомъ раскрыть противоположность его ожиданій дѣйствительности.

Передъ Парисомъ стоитъ Гермесъ; онъ изображенъ также въ видѣ юноши; короткая хламида застегнута на лѣвомъ плечѣ; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ обычный аттрибутъ —керикейонъ; правая нога приподнята на скалу; на нее Гермесъ облакачивается правой рукой, подпершись ею. Онъ убѣждаетъ Париса побѣдить свою робость и взяться за рѣшеніе возложенной на него волею Зевса задачи.

---

[29]) Напр. Gerhard: Auserl. Vasenbilder III, 174; Furtwängler: Berl. Vas. № 1804 (чернофигурная, строго архаическая чаша). Семь примѣровъ приведено у Luckenbach'a: Jahrb. für Philol. Suppl. XI, S. 594; шесть примѣровъ у Schneider'a: Troischer Sagenkreis, S. 96 и т. д.

[30]) См. v. Duhn: Archeol. Zeitung 1883, S. 307; этотъ варіантъ встрѣчается на аттическомъ лекиѳѣ чернофигурнаго стиля втораго періода, хранящемся въ Берлинскомъ музеѣ (Furtwängler: Berl. Vasen. № 2005).

[31]) Welcker: Epischer Kyklos II, S. 90 и т. д.

Чрезмѣрно большіе половые органы Гермеса циническимъ образомъ указываютъ на чувственныя наслажденія, ожидающія Париса послѣ приговора.

За спиной спокойно стоящаго Гермеса разыгривается сцена спора трехъ конкуррирующихъ богинь, для композиціи которой художникъ навѣрно дѣлалъ свои наблюденія на александрійскомъ рынкѣ, ибо «des dames des halles», рыночными торговками самаго низкаго пошиба, не богинями являются претендующія на призъ красавицы. Чтобы выдержать стиль грубо-комичной каррикатуры, нашъ художникъ долженъ былъ, — слѣдуя и въ данномъ случаѣ традиціямъ архаической вазной живописи,[32])—быть бережливымъ въ примѣненіи характерныхъ для отдѣльныхъ богинь аттрибутовъ. Тѣмъ не менѣе онъ ясно обозначилъ фигуру на лѣвомъ краю Аѳиной, надѣвъ ей грубый шлемъ, и также ясно характеризовалъ фигуру на правомъ краю обычнымъ покрываломъ какъ Афродиту, такъ что не можетъ быть сомнѣнія, что средняя фигура, оставленная безъ особенной характеристики,—ибо своеобразный головный уборъ въ видѣ высокаго чепчика едва-ли можно признать таковой — представляетъ собою Геру.

Всѣ три «богини» одѣты одинаково. Хитонъ и диплоидіонъ, опоясанный грубой веревкой, составляютъ одежду сверхестественныхъ явленій, на которыхъ Парисъ — ἡττηθεὶς τῆς τῶν θεῶν ὄψεως —[33]) не осмѣливается смотрѣть. Богини изображены въ весьма оживленномъ спорѣ между собою. Извѣстный намъ при этомъ спорѣ мотивъ «яблоко раздора», брошенное Эридой, встрѣчается въ нашемъ литературномъ преданіи, какъ извѣстно[34]), лишь съ александрійскаго періода[35]); Эврипидъ[36]) о немъ не упоминаетъ, какъ его не знаетъ и Исократъ[37]). Однако, была-ли живописная традиція вполнѣ незнакома съ этимъ мо-

---

[32]) Срв. Gerhard: Auserl. Vasenbilder III, 171. «Hera und Aphrodite sind kaum charakterisiert».

[33]) Isoc. Hel. 42.

[34]) C. Robert: Bild und Lied, S. 9.

[35]) Относящіеся сюда мѣста древнихъ авторовъ собраны Fränkel'емъ: Arch. Zeitung 1873, S. 37; Luckenbach: Jahrb. für Philol. Suppl. XI, S. 592, A. 3 къ нимъ прибавилъ: Lucian, dial. deorum 20, 1 слѣд.

[36]) Euripides: Androm. 274, Tro. 918, Iph. Aul. 1284, Hel. 25, 675.

[37]) Isoc. Hel. 41, 42.

тивомъ, я въ виду изображеній на пиксидѣ краснофигурнаго строгаго стиля изъ коллекціи Сабурова [38]) и на аттической чашѣ того-же времени, хранящейся въ Берлинскомъ музеѣ [39]), не рѣшился-бы такъ положительно утверждать, какъ это обыкновенно дѣлаютъ [40]). Но какъ бы то ни было, этотъ мотивъ и впослѣдствіи — если оставить въ сторонѣ изображенія на этрусскихъ зеркалахъ—популярностью въ древности не пользовался.

Нашъ художникъ, который во всякомъ случаѣ могъ бы знать эту версію преданія, также пренебрегаетъ ею, хотя яблоко могло-бы служить довольно подходящимъ аттрибутомъ въ рукахъ «рыночныхъ торговокъ». За то нашъ мастеръ до крайности эксплоатируетъ для своихъ цѣлей общую традицію о спорѣ богинь.

Гера размахиваетъ правой рукой, какъ бы желая нанести ударъ своей противницѣ, лѣвой она приподымаетъ низъ своего платья — жестъ, который древніе обозначали словомъ «ἀνάσυρμα» [41]), и который, по свидѣтельству Плутарха [42]) и другихъ [43]), имѣлъ весьма оскорбительное значеніе для того лица, противъ котораго онъ былъ направленъ. Крайне раздраженная богиня обращается противъ Аѳины; та, подъ вліяніемъ нанесенной ей обиды отпрянула назадъ, хватается правой рукой за голову, между тѣмъ какъ протягиваетъ лѣвую какъ бы въ защиту въ направленіи къ своей противницѣ—обычное движеніе у древнихъ въ предохраненіе себя отъ приносящихъ несчастье ругательствъ [44]), которыми навѣрно при этомъ спорѣ не поскупилась суровая Гера.

Въ этомъ спорѣ Афродита остается на первый взглядъ какъ-бы совершенно непричастной зрительницей: сознательное или несознатель-

---

[38]) Furtwängler: Collection Sabouroff, pl. LXI=Berl. Vasen, № 4043.

[39]) Furtwängler: Berl. Vas. № 2259.

[40]) Срв. Luckenbach: Jahrb. für Philol. Supp. XI, S. 592.

[41]) На это совершенно справедливо указалъ А. Н. Шварцъ, объяснившій въ Трудахъ Импер. Московск. Археол. Общества XV, стр. 15 слѣд. эту сцену съ тонкимъ пониманіемъ дѣла. Относительно слова ἀνάσυρμα срв. Meinecke: Com. Graec. frag. III, 372. (Eubul.).

[42]) Plut: Lacae. apophth. p. 241. A.

[43]) Срв. Lobeck: Aglooph. p. 818 и Jahn: Ueber den Aberglauben des bösen Blickes, S. 94. Литература по этому вопросу указана Шварцомъ, l. c. стр. 19.

[44]) Шварцъ: Труды и т. д. XV, стр. 16.

ное воспоминаніе нашего художника о скромной роли, какую эта богиня играетъ въ первоначальной сагѣ о трехъ сестрахъ[45]); но нашъ художникъ тѣмъ не менѣе съумѣлъ и ее вовлечь въ этотъ споръ и такимъ образомъ создать совершенно связную сценку: испуганная раздраженнымъ движеніемъ руки Геры, она отступаетъ шагъ назадъ и при этомъ какъ-бы невольно поднимаетъ правую руку, держащую цвѣтокъ[46]), чтобы защитить свое лицо, между тѣмъ какъ лѣвой собирается опустить покрывало. Такимъ образомъ эти три намѣренно грубо и неуклюже сработанныя фигуры скомпанованы въ сценку, полную жизни, которая изобличаетъ въ ея авторѣ мастера каррикатуры, геніально владѣющаго всѣми средствами для осуществленія своихъ художественныхъ замысловъ.

Отъ мысли, подыскать въ литературномъ преданіи «поэтическій прототипъ» для нашей каррикатуры мнѣ кажется слѣдуетъ принципіально отказаться. Весьма многочисленныя изображенія суда Париса представляютъ въ своей безпрерывной цѣпи отъ древнѣйшихъ временъ до александрійской эпохи не только весьма поучительную картину постепеннаго измѣненія воззрѣній древности особенно на отношенія человѣчества къ божеству[47]), но онѣ освѣщаютъ яркимъ свѣтомъ и отношенія представителей изобразительныхъ искусствъ, особенно вазной живописи, къ поэтической традиціи.

Welcker[48]), съ которымъ еще въ новѣйшее время соглашается Schneider[49]), вывелъ изъ того обстоятельства, что какъ на ларцѣ Кипсела и на Амиклейскомъ престолѣ, такъ и на чернофигурныхъ вазахъ болѣе стараго стиля по преимуществу изображалось торже-

---

[45]) Usener: Rh. Museum XXIII, S. 362. Что Аѳродита въ торжественномъ шествіи богинь на вазахъ, росписанныхъ въ архаическомъ стилѣ, обыкновенно изображается на послѣднемъ мѣстѣ, является такимъ же воспоминаніемъ о скромной роли третьей сестры въ первоначальной сагѣ.

[46]) Предметъ, который Аѳродита держитъ въ рукахъ, не поддается вполнѣ точному опредѣленію. Шварцъ. Труды XV, стр. 16, считаетъ его чѣмъ-то въ родѣ опахала. Я скорѣе предпочелъ-бы въ немъ усмотрѣть обычный аттрибутъ богини — цвѣтокъ, (Gerhard: Auserles. Vas. III, 174, 175), которому, правда, согласно характеру каррикатуры, приданъ видъ пучка овощей.

[47]) v. Duhn: Archeol. Zeitung 1882, S. 210.

[48]) Welcker: Ep. Kyklos II, S. 88.

[49]) Schneider: Troischer Sagenkreis, S. 98 folg.

ственное шествіе богинь подъ предводительствомъ Гермеса, то заключеніе, «что поэзія придала этому первому акту легенды особенный характеръ и блескъ». Точно также Стефани[50]) счелъ себя въ правѣ на основаніи того факта, что на четырехъ вазахъ, двухъ чернофигурныхъ и двухъ краснофигурныхъ изящнаго стиля[51]), только двѣ богини предстали передъ судомъ Париса, предполагать существованіе различающейся отъ обычной традиціи поэтической версіи, которой якобы впослѣдствіи воспользовался и Софоклъ. Если согласиться съ предположеніями названныхъ ученыхъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что мы съ тѣмъ же правомъ можемъ для всякаго варіанта въ передачѣ этой сцены вазными живописцами конструировать себѣ соотвѣтствующіе поэтическіе образцы. Итакъ, если мы напр. видимъ, что на вазныхъ картинахъ присутствуютъ при судѣ Зевсъ [52]) или Ирида [53]), Θемида и Эрида[54]), если изображенъ кромѣ главныхъ и рядъ добавочныхъ фигуръ[55]), Эротовъ[56]) и т. д., если богини не слѣдуютъ въ торжествен-

---

[50]) Стефани: Отчетъ за 1863, стр. 9 и 10. Стефани правъ, что нельзя приписать опущеніе фигуры одной богини «небрежности» художника, разъ его работа въ общемъ исполнена съ большой тщательностью, но тѣмъ не менѣе его предположеніе совершенно неосновательно и съ полнымъ правомъ отвергается Luckenbach'омъ l. c. S. 569 и Schneider'омъ l. c. S. 106. Предполагать существованіе подобной версіи до Софокла тѣмъ сомнительнѣе, что Софоклъ (Athen. XV, p. 687c) по всей вѣроятности только по причинамъ чисто техническаго характера опустилъ въ своей драмѣ фигуру одной богини и сблизилъ легенду о судѣ Париса съ мотивомъ изъ цикла другихъ преданій, а именно съ сагой о Геракле на перекрестной дорогѣ.

[51]) Чернофигурныя вазы: Gerhard: Auserlesene Vas. III, 172 и Vasensammlung König Ludwigs № 716. Краснофигурныя вазы: Эрмитажъ, № 2020 (Стефани: Отчетъ 1863, таб. 1), и Inghirami: Vas. fit. 171.

[52]) Зевсъ присутствуетъ при сценѣ суда: срв. Gerhard: Apul. Vasen, Taf. 6. Vasensammlung König Ludwigs № 123 и 1250; Стефани: Отчетъ за 1861, таб. III, и т. д.

[53]) Присутствіе Иридыі; срв. Gerhard: Etruskische und Campanische Vasenbilder, Taf. 14=Berl Vasensammlung № 1895 Gerhard: Apul. Vasen, Taf. XIII=Berl. Vasen. № 3290, Gerhard: Apul. Vasen Taf. XI=Berl. Vasen. № 3240 и т. д.

[54]) Эрида и Θемида принимаютъ участіе въ судѣ, срв. Стефани: Отчетъ 1861 таб. III.

[55]) Относительно разныхъ добавочныхъ фигуръ см. Schneider: Troischer Sagenkreis S. 92—97.

[56]) Срв. Furtwängler: Berl. Vasen. № 2536 и 2633 (=Gerhard: Apul. Vasen C). Archeol. Zeitung 1883, S. 307. Чашу мастера Гіерона (Robert: Bild und Lied, S. 53). Kekulé: Archeol. Zeitung 1882, S. 1. Gerhard: Trinkschalen und Gefässe XI—XII (=Berl. Vasen 2291) и т. д.

номъ шествіи за Гермесомъ, а пріѣзжаютъ на колесницахъ[57]) или, спокойно сидя, ожидаютъ приговора[58]), если, наконецъ, Парисъ не обращается въ бѣгство, а спокойно бесѣдуетъ съ Гермесомъ[59]) и самоувѣренно созерцаетъ богинь и если онъ не изображенъ въ видѣ простого пастуха, а напротивъ является молодымъ рыцаремъ или восточнымъ царевичемъ[60]), то мы должны были бы въ послѣдовательность точкѣ зрѣнія Welcker'a и Стефани предполагать одновременное существованіе столькихъ же варіантовъ въ литературной и поэтической традиціи. Что такое заключеніе ведетъ къ абсурду, не нуждается въ доказательствѣ; но также вслѣдствіе этого не нуждается въ выясненіи и то, что посылка, исходя отъ которой Welcker и Стефани дошли до своихъ заключеній, вполнѣ ошибочна.

Легенда о судѣ Париса не только была облечена въ извѣстную форму въ поэтической литературѣ Грековъ, но она, — что важнѣе— жила и въ народѣ.

Вазнымъ живописцамъ эта легенда служила однимъ изъ излюбленныхъ мотивовъ, который они изображали не только согласно художественнымъ традиціямъ, но и согласно общимъ воззрѣніямъ своего времени. На передачѣ этого мотива мы можемъ прослѣдить всю скалу развитія античной вазной живописи начиная съ строго условной трактовки архаическаго стиля съ его размѣщеніемъ фигуръ въ длинномъ ряду и кончая богато разчлененными композиціями апулійскихъ вазныхъ картинъ.

Мало того. Различныя концепціи сцены суда Париса въ различные періоды служатъ также и краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ постепенныхъ измѣненій въ отношеніяхъ людей къ божеству,—измѣненій въ религіозныхъ воззрѣніяхъ народа. Вазные живописцы, изображая судъ Париса, передавали каждый разъ эти воззрѣнія своего

---

[57]) Conze: Heroen- und Göttergestalten CII, 1=Illustreret Tidende, Kopenhagen 1874, № 740.

[58]) Такъ богини изображены на большинствѣ апулійскихъ вазъ; срв. напр. Gerhard: Apul. Vasen C.

[59]) v. Duhn: Archeol. Zeitung 1882, S. 210, доказываетъ, что именно со второй половины V вѣка эта концепція проникаетъ въ вазную живопись. Онъ приводитъ какъ типичный примѣръ изображеніе на аттическомъ алавастрѣ (теперь въ Берл. музеѣ).

[60]) Срв. примѣчаніе 26.

времени, — отъ набожнаго страха до циничной каррикатуры и травестіи.

Въ концѣ этой длинной эволюціи стоитъ нашъ мастеръ, и его скромный продуктъ, предназначенный для ежедневнаго употребленія, ясно доказываетъ, въ какіе широкіе слои общества проникъ эвгемеровскій раціонализмъ александрійскаго періода [61]).

Ольвійская кружка служитъ такимъ образомъ мѣткой иллюстраціей настроенія и воззрѣній своеобразной эпохи; эта эпоха обусловливаетъ ея цѣнность и опредѣляетъ ея культурно-историческое значеніе.

---

[61]) Объ эллинистическомъ искусствѣ въ Александріи, срв. Schreiber: Ath. Mitth. 1885, S. 391 folg.

II. Только что описанная античная глазированная кружка изъ Ольвіи не осталась однако единственной въ своемъ родѣ находкой на югѣ Россіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ раскопана была въ Керчи миска, украшенная рельефными фигурами и покрытая металлической глазурью. Эта миска, имѣющая форму полушарика на ножкѣ, расширяющагося на верху къ сильно отогнутому краю, находится въ Кишиневѣ, въ коллекціи покойнаго И. К. Суручана. Два года тому назадъ я имѣлъ случай въ Кишиневѣ подробно осмотрѣть и изучить этотъ сосудъ. Послѣ смерти Ивана Кассіяновича я черезъ любезное посредство предсѣдателя Бессарабской Архивной Коммиссіи получилъ отъ вдовы покойнаго разрѣшеніе опубликовать этотъ интересный сосудъ, при чемъ мнѣ предупредительно присланы были шесть фотографическихъ снимковъ въ величину оригинала [1]). По этимъ снимкамъ изготовленъ приложенный къ настоящей статьѣ рисунокъ (таб. I, 2 и 2[a]). Рисовальщикъ, который исполнилъ свою работу по обыкновенію вполнѣ въ стилѣ оригинала, по моей неосмотрительности, допустилъ маленькую погрѣшность: развертывая окружающее все тѣло сосуда рельефное украшеніе, онъ раздѣлилъ сцену не на томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ: обѣ послѣднія фигуры на правомъ краю должны быть отнесены къ началу сцены, изображенной на лѣвомъ краю.

Степень сохранности этой миски [2]) оставляетъ желать многаго. Миска была разбита на много черепковъ, которые правда сохранились всѣ, такъ что возможно было возстановить сосудъ безъ вставленія чужихъ кусковъ, но черепки эти по своимъ изломамъ всетаки не плотно приходятся другъ къ другу, а въ виду этого и рельефное украшеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣтно пострадало.

Подробностей обстоятельствъ нахожденія миски къ сожалѣнію не имѣется, какъ при большинствѣ добытыхъ у насъ случайными или

---

[1]) Считаю пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь вдовѣ покойнаго И. К. Суручана и г. предсѣдателю Бессарабской Архивной Коммиссіи искреннюю благодарность за ихъ полную готовность содѣйствовать моимъ научнымъ цѣлямъ.

[2]) Миска совершенно такой-же формы, сработанная въ техникѣ «terra sigillata», характерной для Понта, пріобрѣтена мною изъ Керчи для Одесскаго музея въ настоящемъ году (инвентарь III 2841).

хищническими раскопками предметовъ. Миска сработана изъ красной глины; она вмѣстѣ съ рельефнымъ украшеніемъ выдавлена въ спеціально для этой цѣли изготовленной глиняной формѣ, послѣ обжиганія покрыта съ внутренней и внѣшней стороны бурой металлической глазурью; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ помѣщаются головы рельефныхъ фигуръ, вдавлены были маленькія углубленія въ мягкую глину и въ нихъ вставлены отдѣльно сработанныя головы[3]), покрытыя затѣмъ желтой глазурью. Этотъ въ техническомъ отношеніи болѣе сложный способъ работы, чѣмъ примѣненный при фабрикаціи одноцвѣтной ольвійской кружки, обусловленъ тѣмъ, что рельефное фигурное украшеніе выступаетъ не особенно высоко и что при темной окраскѣ всего сосуда изображенная сцена легко могла остаться неразборчивой и неясной. Тѣмъ, что головамъ фигуръ придана свѣтло-желтая окраска, вышеуказанное неудобство весьма удачно устранено; вслѣдствіе этихъ ярко отдѣляющихся отъ темнаго фона головъ фигуръ взоры всякаго теперь невольно обращаются на изображенную сцену и плѣняются ею. Воспроизведенный въ этомъ изображеніи сюжетъ заслуживаетъ въ высшей степени нашего вниманія.

На скалѣ сидитъ рыбакъ. Его легко согнутыя въ локтяхъ руки протянуты впередъ и держатъ удочку. Нагая его фигура поставлена въ профиль; голову покрываетъ пилосъ. За рыбакомъ стоитъ маленькій нагой мальчикъ; онъ держитъ въ рукахъ висящій на шнуркѣ сосудъ, предназначенный, повидимому, для сохраненія попавшихся на удочку рыбъ. Одна нога мальчика приподнята на скалу; другую, на которой покоится тяжесть тѣла, художникъ по недосмотру помѣстилъ на якорь лодки, вовсе не принадлежащей къ этой сценѣ. Передъ рыбакомъ мы видимъ дерево съ суковатымъ стволомъ и бѣдной листвой; по несомнѣнному намѣренію мастера это дерево должно служить обозначеніемъ материка-берега въ противоположность къ слѣдующему:

---

[3]) Я не имѣлъ возможности изслѣдовать, сдѣланы-ли эти головы изъ глины, или же изъ алавастра. Послѣднее мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, потому что рельефное украшеніе на мискѣ, о которой рѣчь будетъ ниже, несомнѣнно сработано изъ этого матеріала. При примѣненіи желтой глазури повидимому выгодно было имѣть дѣло съ бѣлымъ фономъ, чтобы получить совершенно свѣтлый оттѣнокъ.

непосредственно за этимъ деревомъ мы имѣемъ изображеніе лодки на морѣ, взволнованномъ легкимъ вѣтеркомъ. На кормовой части стоитъ женщина въ длинномъ подпоясанномъ хитонѣ; голову ея покрываетъ дорожная шляпа—κυνῆ θεσσαλίς [4]); въ рукахъ она держитъ какой-то идолъ. Два юноши, съ короткими локонами, съ лицомъ обращеннымъ въ три четверти къ зрителю, сидятъ безъ всякой одежды у веселъ и гребутъ изо всѣхъ силъ; третій юноша, тоже нагой, изображенный почти совсѣмъ en face, расположился на носу лодки; лѣвой рукой онъ держитъ якорь, между тѣмъ какъ волны до колѣнъ омываютъ его ноги, опущенныя внизъ въ воду. Таже самая сцена повторена еще разъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ деталяхъ.

Фигура рыбака—на этотъ разъ несомнѣнно бородатаго—дана въ позѣ, болѣе обращенной къ зрителю, чѣмъ обусловливается, что его лѣвая рука видна; то, что при этой позѣ необходимо было изобразить и часть лѣвой ноги, нашъ мастеръ опустилъ изъ виду. Нагого мальчика нѣтъ: женщина, вмѣсто дорожной шляпы, имѣетъ головную повязку и наконецъ фигура на носу лодки существенно различается отъ изображенной въ первый разъ Правая нога прямо протянута внизъ, по положенію лѣвой ноги необходимо было-бы предполагать, что мастеръ хотѣлъ изобразить этого юношу сидящимъ; только остается при этомъ непонятнымъ, на чемъ онъ сидитъ, такъ какъ носъ лодки, для того, чтобы служилъ ему опорой, долженъ былъ-бы подняться вверхъ почти подъ прямымъ угломъ. Бедра его покрыты хламидой; лѣвой рукой онъ держитъ якорь; верхней части этой руки не видно на приложенной при семъ фототипіи, но это не вина нашего мастера; причина этому только плохая сохранность нашей миски; на оригиналѣ еще ясно видны слѣды этой руки.

Мастеръ, который два раза изобразилъ только что описанную сцену съ легкими лишь измѣненіями въ деталяхъ, задавался совершенно опредѣленной цѣлью. Фигура женщины, которая съ идоломъ въ рукахъ отчаливаетъ на лодкѣ отъ берега, не оставляетъ сомнѣнія въ

---

[4]) Впрочемъ не исключена возможность, что нашъ мастеръ хотѣлъ изобразить характерный для Ифигеніи головной уборъ—κάλαθος, такъ какъ уборъ Ифигеніи на нашемъ сосудѣ представляетъ нѣчто среднее между κυνῆ θεσσαλίς и κάλαθος.

томъ, что онъ хотѣлъ изобразить миѳологическій сюжетъ: возвращеніе Ифигеніи изъ страны Тавровъ.

Чтобы вѣрно оцѣнить значеніе настоящей композиціи и правильно судить о пріемахъ и художественной концепціи нашего мастера, необходимо хоть вкратцѣ коснуться вопроса объ отношеніи нашей композиціи къ извѣстнымъ уже воспроизведеніямъ знаменитаго сюжета. Такихъ воспроизведеній относительно немного. Весьма сомнительно, существовала-ли въ древности поэтическая обработка миѳа о приведеніи обратно Ифигеніи изъ Тавріи Орестомъ до драмы Эврипида [5]), который, исходя отъ мѣстной аттической саги, создалъ для этого сюжета ту форму, которая служила какъ-бы основаніемъ для дальнѣйшихъ его художественныхъ концепцій и оставалась господствующей на все послѣдующее время. Во всякомъ случаѣ въ доэврипидовской литературѣ [6]) мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда саги о возвращеніи Ифигеніи въ Элладу, какъ мы его не находимъ и въ дошедшихъ до насъ памятникахъ искусства этого времени. Кажется, что миѳъ о судьбѣ Ифигеніи воодушевилъ греческихъ художниковъ вообще сравнительно поздно; даже такія сцены изъ этого миѳа оставались чужды архаическому искусству, которыя, какъ приношеніе Ифигеніи въ жертву, были детально разработаны въ эпической поэзіи. Съ драмы Эврипида мотивъ свиданія Ореста и Ифигеніи въ странѣ Тавровъ проникаетъ и въ область изобразительныхъ искусствъ.

Слѣдуетъ-ли при этомъ признать попытку Robert'a [7]) объяснять всѣ дошедшіе до насъ памятники на основаніи лишь текста драмы Эврипида и ставить ихъ въ прямую зависимость отъ этого текста, удавшейся, — это другой вопросъ. Конечно возможно, что большая часть отступленій въ изображеніяхъ памятниковъ отъ текста Эврипида объясняется, какъ это полагаютъ Preller [8]) и Ro-

---

[5]) Срв. Robert: Archeol. Zeitung 1876, S. 134. A. 3, который весьма правильно разсуждаетъ о содержаніи драмы Софокла Χρύσης. Stoll (Ausführl. Lexikon der griech. u. röm. Mythologie von Roscher, S. 309) напрасно не считается съ этими разсужденіями.

[6]) По «Κύπρια»—Артемида предоставила Ифигеніи безсмертность (Frag. poe. ep. p. 19 Kinkel);—та же самая версія повторяется у Гесіода (catal. frg. CXIV. Markscheffel) и Геродота (I, 103).

[7]) Robert: Archeol. Zeitung 1876, S. 132.

[8]) Preller: Berichte der säsch. Gesell. der Wissenschaften 1850, S. 249.

bert [9]), различіемъ изобразительныхъ средствъ которыми располагаютъ поэтъ съ одной стороны и художникъ съ другой; но это объясненіе — какъ самъ Robert [10]) сознается, — не примѣнимо во всѣхъ случаяхъ. Мы имѣемъ напримѣръ воспроизведеніе этого сюжета на неаполитанской вазѣ и оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть согласовано съ текстомъ Эврипида. Не слѣдуетъ затѣмъ опускать изъ виду, что въ литературѣ существовали и болѣе позднія обработки даннаго мотива, изъ которыхъ Аристотель [11]) два раза цитируетъ драму Полиейда; фрагменты римскихъ трагиковъ и случайныя упоминанія у другихъ писателей доказываютъ также существованіе версій, различающихся [12]) отъ драмы Эврипида по крайней мѣрѣ въ деталяхъ.

Ко всему этому надо считаться еще съ весьма важнымъ моментомъ—съ художественной традиціей («bildliche Tradition»); хотя эта традиція первоначально образовалась и выработалась подъ воздѣйствіемъ драмы Эврипида, но она несомнѣнно и въ данномъ случаѣ, какъ всегда, развивалась впослѣдствіи уже самостоятельно и шла своей дорогой. Я счелъ необходимымъ предпослать эти общія замѣчанія и разсужденія, чтобы объяснить, почему я въ слѣдующемъ оставлю вопросъ о возможной связи нашего изображенія съ поэтической традиціей въ сторонѣ и ограничусь лишь привлеченіемъ для сравненія памятниковъ искусства.

На первомъ мѣстѣ насъ должны интересовать воспроизведенія мифа о встрѣчѣ Ореста съ Ифигеніей и о ея возвращеніи на росписныхъ вазахъ. Насколько мнѣ извѣстно, только семь вазныхъ картинъ [13]) относятся къ этому мифу. На трехъ [14]) изъ нихъ мы видимъ изображенія извѣстной изъ Эврипида сцены передачи письма Ифигеніей въ руки Пилада въ мало отступающихъ другъ отъ друга репликахъ. На чет-

---

[9]) Robert: Archeol. Zeitung 1876, S. 137.

[10]) Robert: тамъ-же. S. 137.

[11]) Arist. Poet. 16, 17.

[12]) Срв. Baumeister: Denkmäler I, S. 756 и собранныя Stoll'омъ (Roschers Lex. der griech. u. röm. Myth., S. 298) цитаты.

[13]) Перечислены у Robert'a: Archeol. Zeitung 1876, S. 136.

[14]) I) Амфора во владѣніи герцога Букингемскаго (Buckingham)=Archeol. Zeitung 1849, Taf. 12=Baumeister: Denkmäler Abb. 808. II) Амфора въ Эрмитажѣ № 420= Stephani: M. d. J. VI, VII, 66. III) Bull. italiano tav. VII. p. 153.

вертой изображена встрѣча Ифигеніи съ Орестомъ, искавшимъ убѣжище у алтаря [15]); пятая вазная [16]) картина представляетъ приведеніе плѣнныхъ (Ореста и Пилада) къ жрицѣ Артемиды, шестая [17]) разговоръ ея съ плѣнными передъ идоломъ богини въ храмѣ, и только на одной вазной картинѣ [18]) воспроизведена интересующая насъ здѣсь главнымъ образомъ сцена — бѣгство Ифигеніи вмѣстѣ съ Орестомъ и Пиладомъ. Но какихъ нибудь пунктовъ для сравненія съ рельефнымъ украшеніемъ нашей миски эта вазная картина также не представляетъ.

Важнѣе для нашихъ цѣлей другая группа античныхъ памятниковъ — рельефы на саркофагахъ. Въ образцовомъ изданіи этихъ рельефовъ профес. Robert'a [19]) приведено восемь рельефовъ, на которыхъ изображена интересующая насъ сцена бѣгства. На четырехъ [20]) изъ нихъ эта сцена скомпанована,—если не считать легкія измѣненія въ деталяхъ— приблизительно слѣдующимъ образомъ.

Юноша, вооруженный щитомъ и мечомъ замахивается на упавшаго бородатаго скиѳа, который лежитъ, опираясь на правую руку и стараясь лѣвой защищаться отъ направленнаго противъ него удара. Этотъ скиѳъ на всѣхъ четырехъ саркофагахъ имѣетъ остроконечную, фригійскую шапку. Другой скиѳъ спѣшитъ упавшему на помощь. На двухъ [21]) изъ этихъ рельефовъ Ифигенія стоитъ на лѣвой сторонѣ, еще во власти скифовъ; она держитъ обѣими руками идолъ богини, устремляя свой взоръ на раненнаго, лежащаго скиѳа. На правой сторонѣ мы

---

[15]) Ваза въ Неаполитанскомъ музеѣ: Heydemann: № 3223, M. d. J. II, 43.

[16]) Ваза въ Неаполитанскомъ музеѣ: Heydemann № 24.

[17]) Overbeck: Her. Gall. XXX, 8.

[18]) Bull. d. Inst. 1868, p. 138.

[19]) Robert: Die antiken Sarkophagreliefs II, Berl. 1890, Taf. 54, 57, 58. Text. Seite 177—180.

[20]) Robert: Die antiken Sarkophagreliefs. Taf. 54. № 155 (Римъ, Латеранъ) Taf. 57, № 167 (Мюнхенъ, Глиптотека) Taf. 57, № 169 (Парижъ, Лувръ) № 170 (Петербургъ, Эрмитажъ) 170a (Римъ, Капит. музей) 170¹ (Поццо) срв. Robert: Archeol. Zeitung XXIII, 1876, S. 138.

[21]) Robert: Die antiken Sarkophagreliefs II, Taf. 57, № 169 u. 167; на послѣднемъ рельефѣ сцена впрочемъ представлена въ ея дальнѣйшемъ развитіи и Ифигенія изображена вторично послѣ ея благополучнаго прибытія на корабль. Такимъ образомъ ясно, что всѣ эти четыре рельефа сработаны по общему прототипу, къ которому рельефъ № 167 стоитъ ближе всего.

видимъ, какъ одѣтый въ одну хламиду юноша—Орестъ—спѣшитъ съ мечомъ въ поднятой правой рукѣ черезъ судовый мостъ на корабль, между тѣмъ какъ на третьей[22]) репликѣ этой сцены и на саркофагѣ, сохранившемся въ фрагментарномъ видѣ[23]), Ифигенія съ идоломъ въ рукахъ находится уже на кораблѣ вмѣстѣ съ одѣтымъ въ эксомисъ юношей.

На четырехъ[24]) другихъ саркофагахъ изображенъ въ сущности тотъ-же самый мотивъ бѣгства, только въ немного иной концепціи. Ифигенія, съ идоломъ въ рукахъ, поспѣшно поднимается по судовому мосту на корабль. Ее поддерживаетъ при этомъ одѣтый въ одну хламиду юноша—Пиладъ. На берегу спокойно стоитъ, держа въ правой рукѣ обнаженный мечъ, въ лѣвой ножны—Орестъ. У ногъ его лежитъ убитый, юный скиѳъ. Бородатый скиѳъ, вооруженный мечомъ и копьями, стоитъ напротивъ Ореста; онъ оглядывается и какъ бы въ разговорѣ поднимаетъ правую руку. На первоначальной композиціи, копіями которой являются упомянутые четыре рельефа, конечно за нимъ изображено было еще лицо, къ которому нашъ бородатый скифъ оборачивается.

Что и эти воспроизведенія сцены бѣгства на саркофагахъ представляютъ лишь въ немногихъ чертахъ точки соприкосновенія съ рельефнымъ изображеніемъ на керченской мискѣ, не нуждается въ подробномъ выясненіи. Правда, на первый взглядъ общая ситуація является какъ-бы тождественной или по крайней мѣрѣ похожей. Ифигенія съ идоломъ въ рукахъ всходитъ на корабль, — совершенно такъ, какъ на четырехъ рельефахъ второй группы; оба гребца, Орестъ и Пиладъ, изображенные нагими, соотвѣтствуютъ также принципу, котораго придерживаются изображенія [25]) на саркофагахъ относительно концепціи этихъ двухъ юношей-героевъ.

Дальше эти моменты для сравненія не простираются. На

---

[22]) Robert o. c. II, Taf. 54, № 155.

[23]) Robert o. c. II, Taf. 57, № 170a; здѣсь Ифигенія изображена безъ идола въ рукахъ, какъ во второй сценѣ на рельефѣ № 167.

[24]) Robert o. c. II, Taf. 58, № 172 (въ Веймарѣ) 174 (въ Марсельѣ) 175 (Поццо) 176 (въ Венеціи, въ Марціанской библіотекѣ). На № 174 Ифигенія изображена безъ идола Артемиды.

[25]) Robert: Archeol. Zeitung XXIII, 1876, S. 143.

рельефномъ изображеніи нашей миски нѣтъ никакого слѣда или намека на борьбу предшествовавшую этой посадкѣ на корабль, и, что еще болѣе странно, нѣтъ попытки характеризовать ситуацію прибавленіемъ одной или нѣсколькихъ фигуръ скиѳовъ. Вмѣсто того мы видимъ совершенно неподходящую къ этой сценѣ бѣгства идиллію изъ рыбачьяго быта. Эти факты настолько знаменательны, что они допускаютъ только одно толкованіе, а именно: сработавшій нашу миску мастеръ при составленіи эскиза для рельефнаго украшенія своего сосуда не имѣлъ передъ собою «книжки образцовъ» («Musterbuch» по техническому нѣмецкому выраженію) съ изображеніями похищенія Ифигеніи и первоначально, при составленіи эскиза, вовсе и не имѣлъ намѣренія воспроизвести эту сцену.

Извѣстенъ фактъ [26]), что греческіе вазные живописцы довольно часто придавали какой-нибудь жанровой сценкѣ изъ обыденной жизни болѣе индивидуальное значеніе тѣмъ, что приписывали къ изображеннымъ фигурамъ имена извѣстныхъ героевъ. Они такимъ образомъ старались, по выраженію Heydemann'a «изъять эти сцены изъ сферы обыденности». Это довольно распространенное средство нашъ мастеръ не могъ примѣнить уже по техническимъ соображеніямъ, но онъ пытался достигнуть той-же цѣли другимъ путемъ. Въ готово скомпанованную сценку изъ приморской жизни и быта рыбаковъ, въ родѣ той, какую мы видимъ на вазной картинкѣ, изданной Welcker'омъ [27]), нашъ мастеръ вставилъ фигуру Ифигеніи съ идоломъ въ рукахъ, чтобы придать этой сценкѣ болѣе индивидуальное значеніе и увеличить интересъ сосуда, предназначеннаго для вывоза на таврическій рынокъ. Что такое объясненіе правильно, что нашъ мастеръ дѣйствительно въ сдѣланный по готовому образцу эскизъ въ послѣднюю минуту внесъ фигуру героини, доказывается и самымъ выполненіемъ этой фигуры.

Фигура стоящей Ифигеніи и особенно ея голова поражаетъ въ сравненіи съ остальными сидящими фигурами своими незначительными

---

[26]) Heydemann: Heroisirte Genrebilder auf bemalten Vasen. Commentationes in honorem Th. Mommseni 1877, S. 163 слѣд.

[27]) Welcker: Alte Denkmäler III, Taf. 30, 1. «Буря; два юноши въ лодкѣ; женщина на берегу, къ которому стремится летящій журавль».

размѣрами. Это явное нарушеніе всякихъ законовъ пропорціи объясняется, конечно, только тѣмъ, что эта фигура первоначально не входила въ эскизъ рельефнаго украшенія для даннаго сосуда и что она была вставлена для достиженія цѣлей мастера только въ послѣдствіи, когда имѣвшаяся въ распоряженіе свободная плоскость на сосудѣ, собственно говоря, не была достаточна для вполнѣ удачнаго выполненія этого замысла.

Какъ своеобразная иллюстрація къ главѣ «объ героизированномъ жанрѣ» въ греческомъ искусствѣ наша глазированная миска можетъ претендовать на нѣкоторое значеніе; но еще большее значеніе она имѣетъ въ историко-культурномъ отношеніи. Тотъ фактъ, что александрійскій мастеръ перваго приблизительно вѣка нашей эры счелъ нужнымъ считаться со вкусомъ и потребностями таврическаго рынка и вставленіемъ фигуры Ифигеніи въ простую жанровую сценку придать своему издѣлію надлежащій интересъ для жителей этой отдаленной страны, ясно доказываетъ, что этотъ рынокъ въ глазахъ александрійцевъ имѣлъ извѣстную важность.

III. На таблицѣ II 1—1ᵃ изображены фрагменты миски о двухъ ручкахъ, которыя въ 1899 году были найдены въ Ольвіи и пріобрѣтены мною для Одесскаго музея. Весьма тщательно и тонко сработанный сосудъ имѣетъ на верхнемъ краѣ два горизонтальныхъ желобка, къ которымъ примыкаетъ орнаментъ изъ овъ. Ниже этого орнамента туловище сосуда украшено рельефными фигурами, которыя изготовлены изъ алавастра и прилѣплены къ сосуду послѣ его обжиганія. Потомъ весь сосудъ внутри и снаружи покрытъ былъ тонкимъ слоемъ свѣтло-желтой металлической глазури, которая на рельефныхъ фигурахъ, вслѣдствіе ихъ бѣлаго матерьяла, имѣетъ болѣе яркій тонъ, чѣмъ на темномъ глиняномъ фонѣ. Такимъ образомъ эти фигуры особенно отдѣляются отъ ихъ фона и этимъ уже приковываютъ къ себѣ взоры зрителей.

Это рельефное фигурное украшеніе представляетъ намъ въ весьма живой концепціи сцену борьбы между пигмеями и журавлями, изъ которой сохранилось къ сожалѣнію меньше чѣмъ половина. Если по дошедшимъ фрагментамъ высчитать объемъ всего сосуда, то оказывается, что на міскѣ изображено было, по крайней мѣрѣ, шесть паръ сражающихся. Къ такому же результату ведетъ еще и другое соображеніе. На фрагментѣ 1, мы видимъ, какъ курносый пигмей, съ котловиднымъ шлемомъ на головѣ, завернулъ лѣвую руку въ застегнутую на правомъ плечѣ хламиду[1]) и размахивается правой рукой, чтобы бросить камнемъ въ журавля, поднявшаго правую ногу и расправившаго когти съ цѣлью нападенія на карлика. На фрагм. 1ᵃ мы имѣемъ очевидно реплику этой сцены, при чемъ, правда, въ очертаніи лица пигмея и въ его позѣ замѣчаются нѣкоторыя отступленія. По этой аналогіи мы въ правѣ полагать, что и изображенная на фрагм. Iᵇ сцена была повторена два раза. Здѣсь представленъ съ задней стороны бородатый, нагой пигмей съ обращенной на лѣво, высоко поднятой головой и съ громаднымъ орлинымъ носомъ. Какимъ-то коротким ору-

[1]) Можетъ быть, этотъ плащъ—мѣхъ какого-то дикаго звѣря, который часто служитъ одеждой для пигмеевъ (срв. Antiquités du Bosphore Cimm. pl. 55. Reinach-Millin I, 63 и т. д.). Нижній край этого плаща какъ будто указываетъ на такое толкованіе, но тонкія и плотно прилегающія къ тѣлу складки скорѣе говоритъ въ пользу того, что мастеръ имѣлъ въ виду передать хламиду изъ шерстяной матеріи.

жіемъ онъ защищается противъ нападающаго на него сверху журавля. Наконецъ на фрагментѣ I[6] мы имѣемъ изображеніе спокойно стоящаго журавля, который по своей концепціи не входитъ въ рамки только-что описанныхъ группъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что онъ принадлежитъ къ третьей сценкѣ и, если распространить послѣдовательнымъ образомъ выше установленный результатъ о двойномъ исполненіи каждой группы и на эту сцену, то мы въ итогѣ получимъ шесть группъ сражающихся, изъ которыхъ по двѣ соотвѣтствуютъ другъ другу.

Сага о народѣ пигмеевъ и ихъ гераномахіи принадлежитъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ красивое сравненіе въ Иліадѣ[2]), къ древнѣйшему составу греческаго поэтическаго преданія. Уже архаическое искусство съумѣло воспользоваться главной чертой этой саги, борьбою карликовъ съ журавлями, комическая сторона которой рано была оцѣнена; напомню лишь въ подтвержденіе сказаннаго изображенія на знаменитой вазѣ Françoіs и на чернофигурной аттической чашѣ, хранящейся въ Берлинскомъ музеѣ[3]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вазные живописцы этого періода соединяли и смѣшивали въ своихъ изображеніяхъ эту сагу съ другимъ знаменитымъ мотивомъ—съ охотой Геракла на стимфаллійскихъ птицъ: укажу какъ на характерный примѣръ на изданный Gerhard'омъ[4]) аттическій алавастръ, на которомъ мы видимъ, какъ Гераклъ по образцу пигмеевъ душитъ за горло пойманнаго имъ журавля. Не вполнѣ забывается этотъ сюжетъ также и впослѣдствіи: вазный черепокъ, принадлежащій началу IV вѣка, найденный въ ѳиванскомъ кавиріонѣ, представляетъ намъ этотъ мотивъ въ каррикатурномъ видѣ[5]). Въ общемъ однако всетаки только со времени Александра Великаго, въ эллинистическій-римскій періодъ,

---

[2]) Hom. Il. Γ, 3.

[3]) Furtwängler: Berl. Vasensammlung № 1785. Чернофигурная аттическая чаша: «Ziehrlicher Stil».

[4]) Gerhard: Auserl. Vasenbilder Taf. CV, CVI, текстъ II, S. 79. Срв. Reinach-Millin, I, 63—здѣсь пигмеи одѣты въ львиныя шкуры.

[5]) Winnefeld: Das Kabirenheiligtum in Theben, Ath. Mith. XIII, Taf. 12, текстъ стр. 421; «Pygmaie, Negertypus, hockt; hat mit beiden Händen, die Arme weit auseinanderstreckend, den Hals eines Kranichs ergriffen und zieht ihn, um ihn zu durchbeissen».

сага о народѣ пигмеевъ получаетъ большее распространеніе и пользуется болѣе общимъ вниманіемъ.

Ктесій[6]) помѣщалъ въ свое время этотъ народъ въ Индіи — съ похода Александра пигмеи въ виду этого играютъ въ разсказахъ объ этой чудесной странѣ извѣстную роль; другіе авторы называли Колхиду, Ѳракію[7]), Туле[8]) родиной этихъ карликовъ; но наибольшимъ авторитетомъ пользовалось мнѣніе Аристотеля[9]), который соглашаясь съ Гекатеемъ[10]) и Геродотомъ[11]), искалъ ихъ въ Египтѣ и защищалъ ихъ дѣйствительное существованіе. Вопреки мнѣнію Страбона[12]) мы можемъ теперь на основаніи отчетовъ знаменитыхъ изслѣдователей центральной Африки сказать, что Аристотель правъ; но вопросъ, дѣйствительно-ли дошли уже въ то время до Египта свѣдѣнія о существованіи народа карликовъ въ африканскихъ лѣсахъ, конечно долженъ остаться открытымъ. Не нуждается въ подробномъ выясненіи, что предполагаемая египетская родина пигмеевъ хорошо согласуется съ фактомъ александрійскаго происхожденія той техники, которая примѣнена при изготовленіи нашего сосуда[13]).

Къ этому эллинистическому и затѣмъ къ римскому періоду, въ которыхъ вопросъ о пигмеяхъ обсуждался довольно живо въ литературѣ, относится и большинство дошедшихъ до насъ изображеній гераномахіи; Otto Jahn[14]) и за нимъ Стефани[15]) трактовали о нихъ въ отдѣльныхъ статьяхъ. Съ тѣхъ поръ имѣющійся въ нашемъ распо-

---

[6]) Ktesias: Indic. 11.

[7]) Plin: Hist. nat. IV, 44.

[8]) Eusth: ad. Hom. p. 372, 21.

[9]) Aristot. Hist. animal. VIII, 14, 2.

[10]) Müller: Frag. Hist. Graec. 1, p. 18, № 266.

[11]) Herod. II, 32. (Названіе «пигмеи» у него впрочемъ не встрѣчается).

[12]) Strabo I, 35, 37, 42, 43. II, 70. VII, 299, XV, 711. XVIII, 821.

[13]) Живописцами, впрочемъ, указывается и въ другихъ случаяхъ при изображеніи борьбы пигмеевъ съ журавлями разными декоративными украшеніями на Египетъ, какъ на мѣсто, гдѣ по ихъ мнѣнію эта борьба происходитъ, срв. Jahn: Archeol. Beiträge XVII. S. 430: d'Agincourt: Denkmäler der Maler 4, 2. Schulz: Bull. 1841. 101. Pitt. di Erc. V, 165, V, 66; Mus. Cap. III, 90, Bull. Nap. III, p. 82. (Приведенныя цитаты заимствованы у Jahn'a; мнѣ эти изданія не доступны).

[14]) O Jahn: Arch. Beiträge XVII, S. 418. Taf. 12 и Taf. II, 1—6.

[15]) Стефани: Отчетъ Импер. Арх. Коммиссіи за 1865, стр. 119 слѣд.

ряженіи матеріалъ конечно увеличился [16]), но особеннаго обогащенія типовъ этотъ новый матеріалъ не представляетъ, чего при несложности мотива и нельзя было ожидать.

Изображенія гераномахіи на вазахъ, по преимуществу на ритонахъ, встрѣчаются чаще, какъ уже сказано, лишь съ начала III вѣка. Особенное пристрастіе [17]), которое питали къ безобразнымъ карликамъ во времена господства изысканной римской роскоши, было причиною, что этими изображеніями украшали и другіе предметы употребленія, особенно рѣзные камни на перстняхъ [18]).

Обыкновенно пигмеи изображаются съ круглымъ, толстымъ животомъ, кривыми ногами и чрезмѣрно большими половыми органами. Типъ лица бываетъ различный. Чисто негрская физіономія встрѣчается рѣдко; между тѣмъ какъ на грубыхъ вазахъ изъ Volaterra [19]) пигмеи изображаются обыкновенно безъ бороды и съ большими орлиными носами, на болѣе тонкихъ кампанскихъ сосудахъ [20]) они конципируются курносыми, съ сильно вьющимися волосами и густыми бородами. Рельефное украшеніе нашей миски представляетъ эти два типа рядомъ, притомъ еще и въ любопытномъ смѣшеніи: какъ разъ пигмей съ орлинымъ носомъ имѣетъ большую бороду [21]). Такъ же различна, какъ очертаніе лица, бываетъ и придаваемая пигмеямъ одежда. Между тѣмъ какъ по наблюденіямъ Jahn'a [22]) на болѣе древнихъ памятникахъ пигмеи изображаются или нагими, или покрытыми однимъ лишь мѣ-

---

[16]) Срв. напр. Каталогъ вазъ Имп. Эрмитажа № 1814b (красноф. бѣглый стиль IV—III вѣка,) 1927 (красноф. стиль III вѣка изъ Керчи). Athen. Mitth. XIII. Taf. 12, (черепокъ изъ Кавиріона въ Беотіи); затѣмъ въ Боннскомъ Университетскомъ музеѣ имѣется реплика изображенной у Jahn'a o. c. Taf. II, 1, вазы и т. д

[17]) Plin: Hist. nat. VII, 8, 6. Sueton: Tiber 61. Prop. IV, 8, 1.

[18]) Furtwängler: Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium zu Berlin, № 7588, 7590, 7591, 7592,—все это плоскіе прозрачные камни изъ императорской эпохи.

[19]) Ср. Inghirami: vasi fitt. 100, 130, 67, 68, 131, особенно-же 357 и 358.

[20]) de Witte: cat. Magnoncour 103; Jahn: o. c. Taf. XII, 1, a. b.

[21]) Для исторіи типовъ этотъ фактъ не безъ интереса. Оказывается теперь, что ни мастера волатеррскихъ вазъ, ни фабриканты кампанскихъ сосудовъ не вырабатывали самостоятельно примѣненныхъ ими типовъ пигмеевъ, а что тѣ и другіе ихъ заимствовали изъ существовавшаго уже въ александрійскомъ искусствѣ запаса.

[22]) Jahn: o. c. p. 426.

хомъ какого-нибудь звѣря, «впослѣдствіи они встрѣчаются даже въ полномъ вооруженіи».

Это наблюденіе подтверждается стилемъ рельефнаго украшенія на нашей мискѣ: весьма живая концепція сцены и тщательное выполненіе деталей говорятъ въ пользу того, что нашъ сосудъ сработанъ еще въ эллинистическое время. Два сосуда, которые слѣдовало бы привлечь по техническимъ соображеніямъ къ сравненію съ нашей миской на первомъ мѣстѣ мнѣ къ сожалѣнію извѣстны только по краткимъ упоминаніямъ у Jahn'a. Одинъ изъ нихъ, «произведеніе римскаго гончарнаго промысла», украшенъ рельефными фигурами журавлей; онъ найденъ былъ въ Rheinzabern и изданъ Matter'омъ[23]); другой—продуктъ «арретійской фабрики», раскопанъ въ Rottenburg'ѣ на Neckar'ѣ и публикованъ Jaumann'омъ[24]). Какъ явствуетъ изъ упоминанія у Jahn'a[25]), на немъ изображена въ рельефныхъ фигурахъ гераномахія, изъ которой одинъ эпизодъ «нагой пигмей съ щитомъ въ рукахъ ожидаетъ нападенія журавля», повидимому соотвѣтствуетъ переданной на нашемъ фрагментѣ 1[B] сценѣ. Ближайшее сравненіе, которое могло дать любопытные результаты относительно зависимости арретійской фабрикаціи отъ александрійскихъ образцовъ, я предоставляю тѣмъ, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи болѣе богатую археологическую библіотеку; я довольствуюсь здѣсь простымъ указаніемъ на существованіе этихъ сосудовъ, доказывающихъ своими рельефными украшеніями, какъ жизненность занимающаго насъ сюжета, такъ и безпрерывность античной художественной традиціи.

---

[23]) Matter: Antiquités de Rheinzabern, p. 9.
[24]) Jaumann: Colonia Sumlocenne, Tab. 18, 1, p. 216.
[25]) O. Jahn: o. c. S. 424.

IV. Четвертый извѣстный мнѣ экземпляръ такой глазированной античной посуды съ рельефными фигурными украшеніями найденъ лѣтомъ этого года въ Ольвіи и пріобрѣтенъ членомъ нашего Общества П. А. Маврогордато для своей коллекціи. Этотъ сосудъ (изображенный на рисун. 1 въ текстѣ),—тоже миска о двухъ ручкахъ. Верхній край

Рис. 1.

миски украшенъ рельефнымъ орнаментомъ изъ овъ. Отъ этого орнамента ниспадаютъ, образуя правильные полукруги, четыре гирлянды, расположенныя на сосудѣ такъ, что конецъ каждой гирлянды соприкасается на краю орнамента съ началомъ слѣдующей, и двѣ гирлянды обхватываютъ ручки. Въ полукругахъ, образованныхъ двумя другими гирляндами, помѣщены корзинки, висящія на веревкахъ, придѣланныхъ къ орнаменту изъ овъ. Внизу, на самомъ округленіи, гирлянды имѣютъ круглые привѣски. Всѣ эти пластическія украшенія сработаны вмѣстѣ съ сосудомъ въ соотвѣтствующей глиняной формѣ. Затѣмъ на внѣшнія стѣнки сосуда, въ промежутки между гирляндами, налѣплены четыре изготовленные изъ алавастра эрота.

Попарно они соотвѣтствуютъ другъ другу. Два изъ нихъ изображены въ профиль, вслѣдствіе чего видно только правое крыло. Въ лѣвыхъ рукахъ они держатъ не поддающійся опредѣленію четырехугольный предметъ—можетъ быть лиру; нагія ихъ фигуры опоясаны; около лѣваго бедра сзади выступаетъ что-то въ родѣ складки одежды,—доказательство того, что на образцѣ, по которому исполнена небрежная работа мастера, эроты были одѣты въ хитонъ и застегнутую на плечѣ хламиду, какъ мы это часто видимъ на терракоттовыхъ

статуэткахъ [1]). Вторая пара эротовъ изображена въ три четверти; впрочемъ о концепціи ихъ мы можемъ судить лишь по одной фигурѣ, такъ какъ другая исполнена слишкомъ небрежно. Согласно приданной эроту позѣ, видны оба крыла, лѣвая рука поднята вверхъ; шагая быстро впередъ, въ правой онъ держитъ факелъ. Pendant къ этой фигурѣ, какъ уже сказано, исполненъ до неузнаваемости неудачно; общая концепція конечно таже самая, но недостаетъ праваго крыла, и на лѣвой сторонѣ крыло, рука и факелъ составляютъ одну совсѣмъ неразчлененную массу, похожую на толстое бревно. Въ противоположность къ тщательно исполненной работѣ описанной подъ № III миски, мы имѣемъ здѣсь передъ собою типичный экземпляръ скороспѣлаго фабричнаго производства, доказывающій, что это своеобразное александрійское изобрѣтеніе, покрывать украшенную рельефными орнаментами и фигурами посуду металлической глазурью вошло въ моду, и что существовалъ спросъ на эту посуду въ болѣе широкихъ слояхъ общества, которые, по обыкновенію, удовлетворялись фабричнымъ изготовленіемъ дешеваго, но за то, конечно, и небрежно исполненнаго товара.

Фигурное украшеніе нашей миски не нуждается въ разъясненіи: крылатые эроты и эроты съ факелами встрѣчаются въ вазной живописи съ средины V вѣка очень часто; гирлянды же и эроты съ гирляндами въ рельефномъ исполненіи являются однимъ изъ излюбленныхъ мотивовъ вазныхъ фабрикантовъ, начиная съ изготовителей мегарскихъ чашъ и кончая гончарами поздняго императорскаго періода.

---

[1]) Срв. Музей Имп. Одес. Общ. Исторіи и Древностей. Терракотты. II, таб. IX, 2, 3; IV, 5.

V, VI и VII.

Число извѣстныхъ мнѣ съ юга Россіи античныхъ глазированныхъ сосудовъ съ *фигурными* рельефными украшеніями пока ограничивается только что описанными четырьмя вазами, но при раскопкахъ въ Крыму и въ Ольвіи найденъ еще болѣе простой, украшенный рельефнымъ орнаментомъ античный гончарный товаръ, который также покрытъ металлической глазурью въ двухъ краскахъ. Этотъ фактъ можетъ служить доказательствомъ, что эта техника здѣсь на югѣ Россіи пользовалась извѣстнымъ распространеніемъ.

Изъ этихъ сосудовъ стали мнѣ извѣстными слѣдующіе:

V. Подъ № 2, на таб. II, изображена миска, найденная въ 1898 году въ Керчи и подаренная собранію Одесскаго Музея вице-президентомъ Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ (инвентарь III/2795). Этотъ сосудъ весьма изящной формы отличается и тщательностью своей работы. Верхній край миски украшенъ рельефнымъ орнаментомъ изъ точекъ; къ этому краю придѣланы кругообразныя ручки, имѣющія сверху опоры для большаго пальца держащей миску руки; гирлянда изъ узкихъ рельефныхъ листьевъ и прицѣпокъ тянется отъ ручки до ручки, привязанная къ нимъ широкими лентами; ниспадая въ изящныхъ линіяхъ она покрываетъ по обѣимъ сторонамъ все туловище сосуда. Это — пластическій орнаментъ изъ вьющагося растенія, которому въ распоряженіе, предоставлена вся плоскость сосуда чтобы развиваться во всей своей красотѣ [1]). Своей простотой этотъ орнаментъ является особенно эффектнымъ. Рельефная гирлянда, сработанная изъ алавастра и прилѣпленная потомъ къ сосуду покрыта свѣтложелтой глазурью, между тѣмъ какъ сосудъ самъ глазированъ внутри и снаружи въ бурый цвѣтъ.

VI. Подъ № 3, на таб. II, изображена миска о двухъ ручкахъ, которая въ 1874 году была найдена въ Керчи и пріобрѣтена Одесскимъ Музеемъ (инвентарь III/198). Верхній край миски укра-

[1]) A. Riegl: Stilfragen. Cap. X. Das hellenistische und römische Pflanzenornament, S. 224. «Ein Rankenornament, dem der volle Raum zur Entfaltung seiner Qualitäten zur Verfügung gestellt ist».

шенъ также, какъ край предыдущаго номера, орнаментомъ изъ пластическихъ точекъ. Туловище сосуда покрываютъ большіе рельефные сердцевидные листья безъ стеблей; они расположены симметрически вокругъ всего сосуда съ обращенными внизъ острыми концами. Между концами этихъ листьевъ помѣщены высокія пластическія точки, по одной между двумя листьями. Съ технической стороны работа исполнена не особенно тщательно. Листья, сработанные изъ разведеннаго глинянаго ила и нанесенные на сосудъ «en barbotine» не всѣ имѣютъ одинаковую и правильную форму, и притомъ при покрытіи листьевъ желтой металлической глазурью мастеръ не поступалъ съ надлежащей осторожностью: желтая глазурь по мѣстамъ разлилась на зеленовато-глазированное туловище сосуда. Въ техническомъ отношеніи этотъ фактъ не безъ интереса: онъ показываетъ, что приступали къ глазировкѣ рельефнаго украшенія лишь послѣ того, какъ сосудъ былъ уже совсѣмъ готовъ.

VII. Далѣе при усиленныхъ хищническихъ раскопкахъ лѣтомъ этого года въ Ольвіи найдена глазированная античная миска, которая была мною пріобрѣтена для Одесскаго Музея (срв. рисун. № 2 въ текстѣ).

Рис. 2.

Эта миска имѣетъ совершенно такую же форму, какъ находимыя нерѣдко въ Ольвіи краснолаковыя миски изъ т. н. terra sigillata (срв. инвентарь Одесскаго Музея III/2992 и III/2993), которыя впрочемъ не относятся къ III—II вѣку до Р. Х., какъ полагаетъ Dragendorff[2]), а принадлежатъ лишь римскому періоду. Характерно для нашей миски,

[2]) Dragendorff: Terra sigillata. S. 35.

какъ и для этихъ чашъ изъ terra sigillata, то, что горизонтально придѣланныя ручки не устроены, чтобы дѣйствительно держать за нихъ сосудъ, а являются лишь стилизованнымъ украшеніемъ. Край зеленовато глазированной миски украшенъ рельефнымъ орнаментомъ изъ остроконечныхъ листьевъ съ стеблями, расположенныхъ въ горизонтальномъ направленіи въ два ряда вокругъ верхняго края всего сосуда. Этотъ орнаментъ сработанъ изъ алавастра и потомъ покрытъ свѣтло желтой металлической глазурью, такъ что онъ весьма ярко отдѣляется отъ болѣе темнаго фона. Какъ рельефное украшеніе миски съ изображеніемъ борьбы пигмеевъ, такъ здѣсь самая форма миски указываютъ на какія-то отношенія между этими глазированными сосудами и сосудами изъ terra sigillata. Попытка подробнѣе прослѣдить эти отношенія завело бы меня слишкомъ далеко; я замѣчу только, что болѣе внимательное разсмотрѣніе этого вопроса могло бы довести до довольно любопытнаго результата, а именно, что «арретійская вазная техника» отчасти образовалась и выработалась подъ вліяніемъ этого своеобразнаго александрійскаго гончарнаго промысла.

VIII и IX.

Эту серію изображенныхъ и описанныхъ въ настоящей статьѣ античныхъ глазированныхъ сосудовъ, я могу пополнить еще слѣдующими указаніями.

VIII. Въ коллекціи покойнаго керченскаго торговца древностями г. Тульманна находится ойнохоэ, покрытая зеленовато-бурой глазурью. Плечи этой ойнохоэ украшены рельефными сердцевидными листьями, расположенными совершенно такимъ же образомъ, какъ на мискѣ подъ № VI, и покрытыми свѣтло-желтой металлической глазурью.

IX. Наконецъ, на послѣднемъ мѣстѣ, позволю себѣ указать на ойнохоэ, изображенную у Ашика, Боспорское Царство III, фиг. 35 [1]).

Она также украшена тѣмъ же рельефнымъ орнаментомъ изъ сердцевидныхъ листьевъ и точекъ, какъ Тульманнская ойнохоэ и миска Одесскаго музея.

Собранный мною здѣсь матеріалъ пока не особенно значителенъ, но я убѣжденъ, что, кромѣ этихъ девяти экземпляровъ античной глазированной посуды, которые мнѣ извѣстны, еще и нѣкоторые другіе хранятся въ музеяхъ и въ частныхъ собраніяхъ древностей нашего отечества и я надѣюсь, что настоящая публикація обратитъ вниманіе коллекціонеровъ на этотъ своеобразный родъ античнаго гончарнаго промысла.

Можетъ быть тогда, когда матеріалъ съ юга Россіи разрастется, удастся дойти до болѣе опредѣленныхъ выводовъ относительно центровъ фабрикаціи этой античной глазированной посуды, — фабрикаціи, которая беретъ свое начало въ Александріи въ III вѣкѣ до Р. Х. и продолжается почти до средины римскаго императорскаго періода, и, что еще важнѣе, удастся тогда можетъ быть установить и связь между этой античной техникой и византійскимъ гончарнымъ промысломъ, образцы котораго представила намъ въ большомъ количествѣ неисчер-

[1]) Ашикъ, посвящая въ своемъ сжатомъ текстѣ четыремъ вазамъ всего одну строку (на стр. 34) говоритъ правда только «о рельефномъ украшеніи» ойнохоэ. Однако, что она покрыта металлической глазурью, мнѣ по аналогіи орнамента на № VII и VIII не кажется сомнительнымъ. Повидимому всѣ три сосуда (№ VI, VIII и IX) продукты одной и той же фабрики.

паемая почва Крыма. Изысканія въ этой области далеко еще не доведены до конца, но я глубоко убѣжденъ, что въ концѣ концовъ возможно будетъ доказать, что, какъ арабская керамика развивается подъ непосредственнымъ вліяніемъ византійской, и эта византійская въ свою очередь является лишь продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ этой вновь возникшей въ III вѣкѣ до Р. Х. въ Александріи и оттуда широко распространившейся античной техники. Однако и эта послѣдняя не есть новое изобрѣтеніе.

Какъ господствующая до сихъ поръ орнаментація изъ растительнаго міра, такъ и примѣняемая до сихъ поръ металлическая глазурь восходитъ въ своихъ началахъ къ незапамятнымъ временамъ культурной жизни древняго Египта и служитъ съ этой точки зрѣнія любопытнымъ доказательствомъ безпрерывности художественной традиціи и общности жизни всѣхъ культурныхъ народовъ.

Д. ч. Э. фонъ-Штернъ.

ДОПОЛНЕНІЕ

къ статьѣ „Объ античной глазированной посудѣ съ юга Россіи".

Мои слова на стр. 1 названной статьи: «выкопанная въ 1891 году въ Ольвіи кружка *петербургскими археологами* была признана современной поддѣлкой», нуждаются въ оговоркѣ. Какъ я изъ полученнаго мною 12 ноября с. г. письма отъ хранителя классическаго отдѣла Императорскаго Эрмитажа, господина Г. Г. фонъ-Кизерицкаго узналъ, г. фонъ-Кизерицкій съ самаго начала считалъ эту кружку античной. Хотя я, заимствовавъ вышеприведенныя слова изъ статьи А. Н. Шварца (Труды Мос. Им. Арх. Общества XV, стр. 15 слѣд.), вовсе не имѣлъ намѣренія и не могъ имѣть намѣренія утверждать, что *всѣ* петербургскіе археологи тогда сошлись въ этомъ отрицательномъ приговорѣ, тѣмъ не менѣе я во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній охотно исполняю желаніе многоуважаемаго Г. Г. фонъ-Кизерицкаго и съ удовольствіемъ здѣсь констатирую, что онъ *не* принадлежитъ къ числу петербургскихъ археологовъ, отрицавшихъ подлинность этой кружки

Д. ч. Э. фонъ-Штернъ.

Надгробныя надписи, пріобрѣтенныя Мелекъ-Чесменскимъ музеемъ въ 1899 году.

1.

Надгробіе изъ мягкаго раковистаго известняка безъ всякихъ украшеній, выш. 1,12 м., шир. 0,43—045, толщ. 0,12—0,19. На разстояніи 0,12 м. отъ верхняго края плиты вырѣзанная двухстрочная надпись (выс. буквъ 0,03 м.).

Камень найденъ въ апрѣлѣ 1899 г. въ Эльтыгенѣ въ гробницѣ.

Βοσπόριχος

Ἀργαίο(υ)

Имена Βοσπόριχος и Ἀργαῖος еще не встрѣчались въ боспорской эпиграфикѣ; Βοσπόριχος, по свидѣтельству Папе-Бензелера, читается въ греческихъ литературныхъ памятникахъ вообще только одинъ разъ (Demosth. de corona § 90) [1]). Стиль памятника, характеръ буквъ и написаніе ο вмѣсто ου указываетъ на IV в. до Р. Хр.

2.

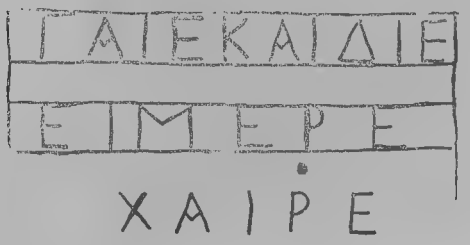
Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ мѣстнаго известняка съ округленнымъ верхнимъ концомъ (срв. рисунокъ въ Матеріалахъ по археологіи Россіи, № 17, стр. 46, № 39), безъ всякихъ украшеній, внизу срѣзанное по бокамъ для вставки въ постаментъ, выш 1,03 м., шир. 0,38, толщ. 0,17. Первыя двѣ строки надписи, заключающія

[1]) Въ дополненіе къ сказанному въ текстѣ позволяю себѣ замѣтить, что имя Βοσπόριχος встрѣчается въ одномъ «Graffito» на черепкѣ изъ Ѳеодосіи, срв. Зап. XX, стр 181. № 49.

Э. фонъ-Штернъ.

въ себѣ имена, вырѣзаны по линейкамъ, третья безъ линеекъ (выс. буквъ 0,04—0,05 м.).

Камень найденъ въ февралѣ 1899 года на Глинищѣ въ Керчи, за Братскою церковью.



Γάϊε καὶ δῖε

Εἴμερε

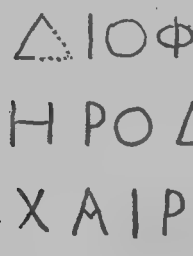
χαῖρε.

Имя Γάϊος уже неоднократно встрѣчалось въ боспорскихъ надписяхъ, но Ἵμερος имя новое; въ первый разъ на боспорскихъ надгробіяхъ читается эпитетъ при собственномъ имени (срв. ольвійскія надписи у В. В. Латышева Inscr. Ponti I, №№ 123, 124: Στράτων χρηστέ, Λέων χρηστέ). Относительно χαῖρε, поставленнаго вмѣсто χαίρετε, ссылаемся на В. В. Латышева, который въ своемъ послѣднемъ трудѣ по боспорской эпиграфикѣ (Греческія и латинскія надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1895—1898 годахъ. С.-Пб. 1899, стр. 61, № 8) указываетъ на примѣры, гдѣ единств. число χαῖρε поставлено при двухъ именахъ покойниковъ.

3.

Надгробіе изъ мелкозернистаго известняка, внизу срѣзанное для вставки въ постаментъ, выш. 1,17 м., шир. 0,49—0,52, толщ. 0,12. Верхняя часть плиты украшена рельефнымъ карнизомъ и фронтономъ съ тремя розетками; одна изъ нихъ изваяна посреди фронтона, другія двѣ между акротеріями. Подъ фронтономъ въ углубленіи изображенъ «погребальный пиръ»: съ лѣвой стороны въ креслѣ съ точеными ножками сидитъ женщина въ обычной задумчивой позѣ, подъ ногами у нея скамейка; на высокомъ ложѣ тоже съ точеными ножками возлежатъ двѣ сильно вывѣтрившіяся фигуры; у изголовья ложа стоитъ обычный столъ о трехъ ножкахъ съ сосудами, а въ правомъ углу мальчикъ. Подъ рельефомъ (на разсто-

яніи 0,06 м.) вырѣзана греческая надпись римскихъ временъ (выс. буквъ 0,03—0,04 м.).



Διόφαντος
Ἡροδώρου.
χαῖρε.

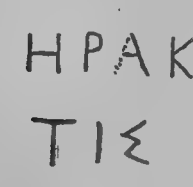
Имя Ἡρόδωρος еще не встрѣчалось въ боспорскихъ надписяхъ.

Камень найденъ въ январѣ 1899 г. на Глинищѣ.

4.

Сверху отбитое, сильно вывѣтрившееся надгробіе изъ извѣстняка, снизу срѣзаное для укрѣпленія въ постаментѣ. Сохранившаяся часть имѣетъ 0,44 м. выш., 0,39 м. шир. и 0,08 м. толщины. Отъ надписи (выс. буквъ 0,03 м.) сохранилось только послѣднее слово, ἐθνικόν покойницы.

Камень найденъ въ апрѣлѣ 1899 г. въ Эльтыгенѣ.



Ἡρακλειῶ-
τις.

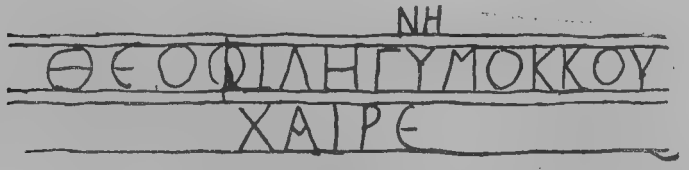
По характеру буквъ и мѣсту находки (плита найдена тамъ же, гдѣ №№ 1, 8 и 9) надпись можетъ быть отнесена къ IV в. до Р. Хр.

5.

Разбитое на двѣ части надгробіе изъ мелкозернистаго известняка, внизу срѣзанное для вставки въ постаментъ, выш. 1,09 м., шир 0,47, толщ. 0,14. Верхняя часть украшена рельефнымъ фрон-

томъ съ акротеріями и тремя розетками, изъ которыхъ одна помѣщена въ треугольникѣ фронтона, а другія двѣ между акротеріями. Подъ фронтономъ въ углубленіи (0,37×0,355×0,03) изваяна женщина сидящая въ креслѣ, обращенная лицомъ по право (отъ зрителя); передь кресломъ стоитъ дѣвочка съ сосудомъ въ рукахъ. У женщины лицо попорчено, а у дѣвочки голова умышленно стесана какимъ-то острымъ орудіемъ. Подъ рельефомъ вырѣзана по линейкамъ двухстрочная надпись римскихъ временъ (выс. буквъ 0,025 м.).

Памятникъ найденъ въ концѣ 1896 г. въ Эльтыгенѣ и пріобрѣтенъ Керченскимъ музеемъ (см. мою статью: «Нимфея и первый списокъ нимфейскихъ гражданъ» въ Зап. Од. Общ. т. XX, стр. 16), но затѣмъ былъ помѣщенъ въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ, гдѣ хранятся всѣ до сихъ поръ найденныя нимфейскія надписи.



Θεοφίλη, γυνὴ Μόκκου·

Χαῖρε.

Второй слогъ слова γυνὴ по ошибкѣ рѣзчика вырѣзанъ надъ строкою (см. мой докладъ о боспорскихъ надписяхъ въ Зап. Од. Общ. т. XXI, стр. 204, прим. къ № 14). Оба имени уже встрѣчались въ боспорскихъ надписяхъ.

6.

Надгробіе изъ мелкозернистаго известняка, украшенное анѳеміемъ (anthemion), выш. 0,75—0,96 м., шир. 0,64—0,72, толщ. 0,16. Лѣвая верхняя сторона анѳемія и нижняя часть плиты отбиты. Подъ карнизомъ на разстояніи 0,15 м. тщательно вырѣзаны крупными, красивыми буквами двѣ строки греческой надписи (выс. 0,04—0,045 м.).

Плита найдена въ апрѣлѣ 1898 г. на сѣверномъ склонѣ Митридата и куплена у торговца С. Головлева.

ΙΓΓΟΚΡΑΤΗ Ἱπποχράτη

ΗΡΑΚΛΕΙΔΕΛ Ἡρακλείδεω.

Оба имени уже встрѣчались въ боспорскихъ надписяхъ, но іоническая форма втораго имени читается въ издаваемой здѣсь надписи въ первый разъ. Характеръ письма указываетъ на IV в. до Р. Хр.

7.

Обломанное сверху надгробіе изъ мѣстнаго известняка, выш. 0,79 м., шир. 0,45—0,48, толщ. 0,12—0,13. Отъ рельефа сохранились двѣ женскія фигуры съ отбитыми головами, подающія другъ другу руки; съ лѣвой стороны изваяна фигура дѣвочки, держащей въ рукахъ сосудъ. Подъ рельефомъ на разстояніи 0,06 м. ясно читаются четыре строки греческой надписи римскихъ временъ (выс. буквъ 0,02 м.).

Камень найденъ въ февралѣ 1899 г. тамъ же, гдѣ № 2.

ΛΥΝΓΙΟΝΜΗΤΗΡ

ΚΑΙΗΔΥΝΓΥΝΗ

ΣΑΔΑΛΟΥ

ΧΑΙΡΕΤΕ

Δύγγιον μήτηρ
καὶ Ἡδὺν γυνὴ
Σαδάλου.
χαίρετε.

Имена Ἡδύν и Σαδάλας принадлежатъ къ числу употребительныхъ на Боспорѣ, на Λύγγιον встрѣчается вообще въ первый разъ: его нѣтъ въ словарѣ Папе-Бензелера. Это, вѣроятно, новый примѣръ употребленія τῶν ἐθνικῶν въ качествѣ личныхъ именъ (срв. женскія имена Γεραίστιον, Δέλφιον, Ἐλπυσίνιον у Бекеля-Фика: Die griechischen Personennamen. 2. Aufl. pag. 344); у Стефана Византійскаго встрѣчается τὸ ἐθνικὸν Λύγγιος s. v. Λύγξ.

8.

Надгробіе изъ известняка, украшенное карнизомъ, выш. 0,71 м., шир. 0,34—0,35, толщ. 0,09 – 0,11. На камнѣ сохранились значительные слѣды красной краски: во-первыхъ, весь карнизъ покрытъ красной краской, во вторыхъ, подъ надписью написаны той же краской двѣ широкія ленты, спускающіяся съ обѣихъ сторонъ къ серединѣ плиты, гдѣ концы ихъ связаны. Подъ карнизомъ на разстояніи 0,05 м. глубоко вырѣзана по линейкамъ надпись (выс. буквъ 0,05 м.)

Камень найденъ въ апрѣлѣ 1899 г. въ Эльтыгенѣ въ гробницѣ.

Μῆτρις

Ἡγήτορος.

Оба имени встрѣчаются въ боспорскихъ надписяхъ въ первый разъ. Трудно рѣшить, какое ударепіе поставить на первомъ имени, Μητρίς ли (женское имя, см. Pape-Benseler s. v.) или Μῆτρις (мужское имя, см. Dittenberger, Sylloge I, № 77, 21 и 25).

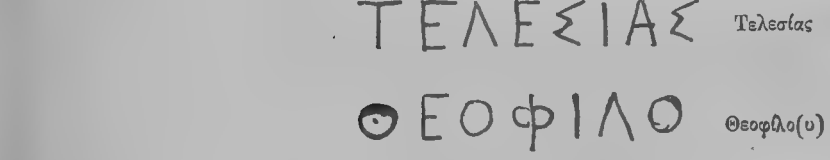
Стиль памятника, характеръ письма и мѣсто находки (камень найденъ тамъ же, гдѣ №№ 1, 4 и 9) указываютъ на IV столѣтіе до Р. Хр. [1]).

[1]) Въ томъ же кладбищѣ найдена прекрасная ваза лучшей эпохи вазной живописи съ изображеніемъ Аѳины и Телемаха, вошедшая въ богатую коллекцію А. В. Новикова.

9.

Книзу постепенно разширяющееся надгробіе изъ мелкозернистаго раковистаго известняка безъ всякихъ украшеній, выш. 0,92 м., шир. 0,39—0,44, толщ. 0,16. На разстояніи 0,17 м. отъ верхняго края глубоко врѣзана выкрашенная красной краской надпись (выс. буквъ 0,03 м.).

Камень найденъ въ апрѣлѣ 1899 г. тамъ же, гдѣ №№ 1, 4 и 8.



ΤΕΛΕΣΙΑΣ Τελεσίας

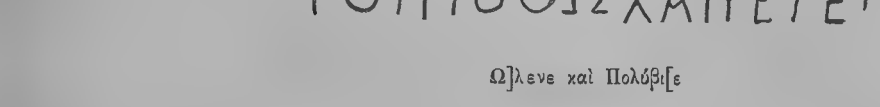
ΘΕΟΦΙΛΟ Θεοφίλο(υ)

Имя Τελεσίας встрѣчается въ боспорскихъ надписяхъ въ первый разъ. Характеръ письма, мѣсто находки и написаніе ο вмѣсто ου указываютъ на IV в. до Р. Хр.

10.

Со всѣхъ сторонъ обломанное надгробіе изъ мягкаго известняка, выш. 0,55 м., шир. 0,62, толщ. 0,15. Отъ рельефа осталась незначительная часть, по которой, однако, видно, что на памятникѣ былъ изображенъ «погребальный пиръ». Надпись, за исключеніемъ первой и послѣдней буквъ первой строки, хорошо сохранилась (выс. буквъ 0,03 м.). Мѣсто находки неизвѣстно.

Камень пріобрѣтенъ въ январѣ 1899 г. у С. Головлева.



ΛΕΝΕΚΑΙΠΟΛΥΒΙ⟩

ΥΟΙΠΟΘΩΧΑΙΡΕΤΕ⟩

Ω]λενε καὶ Πολύβι[ε

υ[ἱ]οὶ Πόθω· χαίρετε.

Имена Ὤλενος и Πολόβιος впервые встрѣчаются на Боспорѣ. Относительно окончанія род. п. ω въ словѣ Πόθω см. В. В. Латышева Inscr. Ponti II, №№ 133, 432, 447. По стилю надписи и по характеру буквъ видно, что памятникъ относится къ римскимъ временамъ.

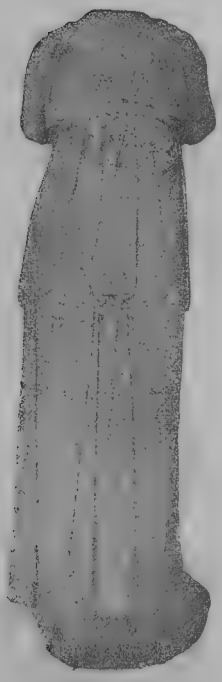
Гор. Керчь, 3-го октября
1899 г.

Д. чл. В. Шкорпилъ.

Памятники классической скульптуры, хранящіеся въ Музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Приготовляя по порученіи Императорской Археологической Коммиссіи изданіе памятниковъ классической скульптуры, происходящихъ изъ греческихъ колоній нашего Юга и хранящихся нынѣ въ столичныхъ и провинціальныхъ музеяхъ и собраніяхъ, я считаю своимъ долгомъ опубликовать предварительно на страницахъ «Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей» нѣкоторые изъ упомянутыхъ памятниковъ, составляющихъ часть собраній музея Общества.

Оригиналы издаваемыхъ памятниковъ я имѣлъ возможность видѣть лѣтомъ 1899 года. Фотографическіе снимки ихъ, также свѣдѣнія относительно мѣста ихъ происхожденія были любезно доставлены мнѣ Директоромъ музея Э. Р. фонъ-Штерномъ, которому и приношу за оказанное мнѣ содѣйствіе глубокую благодарность.



1 (по инвентарю II в/12).

Мраморная *статуя молодой дѣвушки*. Высота 0,92 м. Найдена въ Херсонесѣ (въ 1877 г.). Не сохранились: голова, почти вся шея, нижнія половины обѣихъ рукъ. Мраморъ мѣстами вывѣтрился. Задняя сторона выдѣлена плохо.

Одежду дѣвушки составляетъ длинный безрукавный двойной хитонъ, обнажены верхняя часть груди и пальцы правой ноги. На правомъ плечѣ хитонъ застегнутъ пряжкою, подъ грудями повязанъ довольно широкимъ поясомъ. Между грудей одежда образуетъ изящную пазуху, ниже пояса широкія тщательно выдѣланныя складки.

Одежда и способъ ея трактовки напоминаютъ статую, хранящуюся въ Корфу (Arndt-Amelung, Photogr. Einzelaufn. ant. Sculpt. II, № 603). Эта статуя, по замѣчанію Арндта, представляетъ «nicht sehr feine, griechische Arbeit, etwa aus der mittleren Periode des Praxi-

teles... und hat manche Verwandschaft mit der schönen Wiener Artemis von Larnaka» (ср. Klein, Praxiteles, Lpz. 1898, 317, fig. 59). Правда, статуя въ Корфу по обработкѣ складокъ одежды, мелко рѣзанныхъ, значительно превосходитъ статую херсонесскую. Роднитъ обѣ статуи, помимо общаго мотива одежды, одинаковый вырѣзъ на груди, высоко сидящій поясъ, широкая складка по срединѣ верхняго хитона. Надо полагать, что художникъ, изваявшій херсонесскую статую, имѣлъ въ виду хорошій оригиналъ аттической работы IV вѣка.

2 (по инвентарю II в/17).

Мраморная *статуэтка мужа, стоящаго у ствола дерева, на которомъ виситъ заяцъ*. Высота 0,50 м. Найдена при постройкѣ рѣчной пристани въ Аккерманѣ. Поломана голова, сбито лицо, недостаетъ правой руки отъ плеча до кисти, лѣвой руки отъ

локтя, правой ноги ниже колѣна. Мраморъ сильно вывѣтрился. Задняя сторона отдѣлана плохо.

Не смотря на плохую сохранность статуэтки, композиція ея ясна. Мы имѣемъ предъ собою изображеніе охотника въ хламидѣ, застегнутой на правомъ плечѣ пряжкой и закрывающей тѣло до колѣнъ (о хламидѣ, какъ одеждѣ охотниковъ, см. Poll. V, 18). Охотникъ прислонился лѣвой рукой о стволъ дерева, на которомъ виситъ его охотничья добыча, правою рукою онъ подслонился; тяжесть тѣла опирается на лѣвую ногу. Былъ ли представленъ въ аккерманской статуэткѣ Мелеагръ, какъ думалъ г. Мурзакевичъ, сказать трудно. Вѣроятнѣе всего композиція статуэтки восходитъ въ своемъ первоисточникѣ къ жанровымъ сюжетамъ эллинистинской эпохи. Работа статуэтки грубая, во всякомъ случаѣ не ранѣе начала имперіи.

3 (по инвентарю II в/2).

Мраморная *статуэтка эрота.* Высота 0,37 м. Найдена въ Ольвіи въ 1894 году. Даръ А. Л. Бертье-Деллагарда. Не сохранились: лѣвая рука ниже локтя, ноги выше колѣнъ, часть лѣваго крыла, почти все правое крыло. Поверхность мрамора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пострадала.

Эротъ представленъ спящимъ. Голова его склонилась на лѣвое

плечо, на которое положена правая рука. Лѣвая рука была спущена. Подъ мышкою лѣвой руки сохранилась часть факела, на который опирался эротъ. Къ крыльямъ сзади примыкаетъ подставка.

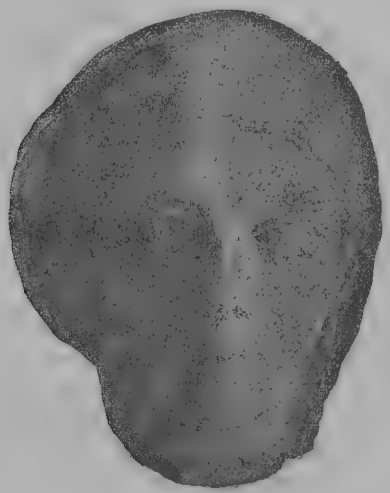
Типъ спящаго эрота засвидѣтельствованъ намъ рядомъ терракоттовыхъ статуэтокъ (Pottier et S. Reinach, Le necropole de Myrina, P. 1888, 360 сл.), рѣзныхъ камней (Furtwängler, Beschreib. d. geschn. Steine im Antiquarium, B. 1897, №№ 1635 сл., 3057 сл., и пр.), римскихъ императорскихъ монетъ (Collignon у Daremberg-Saglio, Dictionn. п. сл. Cupido). Въ императорскую эпоху изображенія спящихъ эротовъ украшали углы саркофаговъ, причемъ эроты изображались, какъ и на ольвійской статуэткѣ, съ опрокинутымъ факеломъ (ср. S. Reinach, Repertoire de la statraire grecque et romaine I, табл. 445. II, табл. 489_6, $490_{1.\ 2}$). Композиція ольвійской статуэтки находитъ себѣ полную аналогію въ вѣнской статуэткѣ спящаго эрота (Sacken и Kenner, Die ant. Sculpt. d. K. K. Münz- und Antiken Cabinets in Wien, W. 1866, табл. V), по работѣ, однако, превосходящей первую. Объ «идейномъ» значеніи подобнаго рода статуэтокъ ср. замѣчанія Заккена-Кеннера (ук. соч. стр. 26) и Колльньона (ук. м.).

4 (по инвентарю II в/27).

Мраморная *женская голова* съ платкомъ на затылкѣ. Высота

0,28 м. Найдена въ Ольвіи. Лѣвая сторона головы совершенно сбита, также носъ, ротъ, правый глазъ. Судя по общему направленію головы и сохранившимся глазнымъ впадинамъ, голова была обращена вверхъ.

Несмотря на болѣе чѣмъ печальное состояніе памятника, врядъ ли можно сомнѣваться въ его принадлежности классической эпохѣ греческаго искусства IV в. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и общее выраженіе и трактовка волосъ правильными широкими завитыми прядями. Въ качествѣ аналогіи ольвійской головѣ можно было бы указать на нѣкоторыя изъ аттическихъ надгробныхъ рельефовъ IV в. ср. напр., сидящую фигуру на найденномъ въ Пиреѣ рельефѣ, Conze, Att. Grabreliefs, LXXIII, № 306. Нѣкоторое сходство съ ольвійскою головою обнаруживаетъ голова, изд. въ Att. Mitt. I (1876), табл. XIII, отнесенная Юліусомъ ко второй половинѣ IV в., значительно, однако, превосходящая по мастерству работы и по степени сохранности издаваемую.



5 (по инвентарю II в/28).

Мраморная *женская голова* въ вуалѣ. Высота 0,28 м. Най-

дена въ Ольвіи. Отбитъ затылокъ въ правой части; пострадали нижняя часть подбородка, нижняя часть носа, отчасти волосы.

Ольвійская голова — типичный портретъ римской матроны. Въ высшей степени характерно переданы низкій лобъ, тонко очерченные глаза, носъ горбомъ, большой ротъ съ толстою нижнею и тонкою верхнею губами, складки на щекахъ у носа, рѣзко выдающіяся скулы и подбородокъ. По характерности работы ольвійскую голову смѣло можно поставить съ лучшими портретными женскими головами эпохи имперіи; ср. особенно изданную Заккеномъ—Кеннеромъ голову римской матроны (Die ant. Sculpt. d. k. k. Münz- und Antiken Kabinets in Wien, табл. 29, 1) и женскую голову въ Карѳагенскомъ музеѣ (Musée et collections de l'Algérie et de la Tunisie. Deusiéme Série. Musée Lavigerie de S. Lonis de Carthage. P. 1899, табл. III, 2). Судя по прическѣ и головному убору, ольвійская голова — III в. по Р. Хр; ср. монету съ изображеніемъ Паулины у Bernoulli, Röm. Ikonographie, II, 3, Müntafel III, 13 [1]).

С. Жебелевъ.

---

[1]) *Примѣчаніе.* Совершенно соглашаясь съ почтеннымъ авторомъ, что издаваемая имъ голова—одна изъ лучшихъ портретныхъ головъ эпохи имперіи, позволяю себѣ прибавить, что эта голова при разсмотрѣніи ея въ профиль весьма похожа на голову императрицы «Julia Maesa», насколько можно судить по портрету этой императрицы, помѣщенному на серебряныхъ ея монетахъ. Если это наблюденіе будетъ признано вѣрнымъ, то мы можемъ установить тотъ не лишенный для исторіи нашей черноморской колонизаціи интереса фактъ, что въ Ольвіи была воздвигнута статуя этой императрицы.

Хранитель музея *Э. Р. фонъ-Штернъ.*

Двѣ хранящіяся въ Одесскомъ музеѣ аттическія вазы строгаго краснофигурнаго стиля.

I. Елена и Менелай на чашѣ изъ Керчи.

Лѣтомъ настоящаго года пріобрѣтена для Одесскаго музея издаваемая здѣсь росписная чаша изъ коллекціи покойнаго г. Тульманна въ Керчи. На прилагаемой при семъ таблицѣ (III, № 1) изображена эта плоская чаша на низкой ножкѣ въ натуральную величину. Какъ видно изъ этого изображенія, чаша не вполнѣ уцѣлѣла; весь выступавшій нѣкогда край ея отломанъ, а внизу и на правой сторонѣ недостаетъ нѣсколько кусковъ; но къ счастію фигуры, нарисованныя внутри на днѣ чаши, такъ мало повреждены, что возможно судить о ихъ концепціи во всѣхъ почти деталяхъ.

Представленная картинка производитъ уже при первомъ взглядѣ вполнѣ архаическое впечатлѣніе; ближайшее же разсмотрѣніе деталей вполнѣ подтверждаетъ правильность этого сужденія. Стиль рисунка, техническія особенности, напр. примѣненіе по мѣстамъ накладныхъ красокъ [1]), пользованіе рѣзцомъ при проведеніи нѣкоторыхъ линій, костюмы фигуръ, формовка глазъ en face при изображеніи головы въ профилѣ, оцѣпенѣніе позы, длинныя сухощавыя руки и т. д.—все это ясно доказываетъ, что мы имѣемъ передъ собою работу аѳинскаго вазнаго живописца перваго періода строгой краснофигурной техники, работу художника, который еще не примыкаетъ къ кружку «великихъ

[1]) Klein: Euphronios[2] S. 277. «Solche Farbenzusätze hat der rothfigurige Stil aus der spät archaischen Technik übernommen». Мы находимъ это своеобразное примѣненіе накладныхъ красокъ при расписаніи султана и гривы шлема и при ремнѣ, на которомъ виситъ ножны меча.

аттическихъ вазныхъ живописцевъ»[2])—къ кружку Эвфронія, Дуриса, Гіерона и Брига, хотя онъ, можетъ быть, работаетъ почти одновременно съ ними.

Если наша чаша уже по тому обстоятельству заслуживаетъ нашего вниманія, что она относится къ весьма раннему періоду аттическаго вазнаго производства,—къ концу VI или началу V вѣка, къ періоду, который въ нашихъ южно-русскихъ находкахъ представленъ лишь немногими экземплярами гончарнаго промысла, то она еще въ большей степени возбуждаетъ нашъ интересъ содержаніемъ изображенной на ней сцены.

I.

Внутри на днѣ чаши представлена группа изъ двухъ въ довольно крупныхъ размѣрахъ нарисованныхъ фигуръ. Налѣво мы видимъ спокойно стоящую женщину. Костюмъ ея въ общемъ соотвѣтствуетъ той формѣ одежды, которая водворилась въ Аѳинахъ съ средины VI столѣтія[3]). Состоитъ онъ изъ широкаго хитона изъ льняной матеріи, легшей въ рядъ правильныхъ складокъ; надъ хитономъ верхнюю часть тѣла покрываетъ плотно прилегающая кофта, хитонискъ[4]); вырѣзъ около шеи окаймленъ обшивкой, украшенной мэандромъ. Заднюю часть головы и плечи покрываетъ плащъ или большой платокъ, кредемнонъ, ниспадающій въ трубковидныхъ складкахъ и напоминающій внизу своими острыми концами форму хвоста ласточки («Schwalbenschwanzenden»). На головѣ діадема; сзади спадающіе на спину волосы трактованы въ видѣ тонкихъ прядей; волосы надъ лбомъ завиты въ мелкіе и густые локоны; уши исполнены въ видѣ спирали[4a]) и посажены очень высоко; въ ушахъ большія серьги въ видѣ дисковъ. Линія бровей, сильно приподнятая, образуетъ довольно правильную дугу; на носу ноздри не обозначены; маленькій ротъ и

---

[2]) Klein: Euphronios[2]. S. 19 и 20.

[3]) Herodot V, 86, 87; Studniczka: Beiträge zur Geschichte der altgiechischen Tracht. 1886, S. 1 слѣд.

[4]) Furtwängler: Berl. Vasensammlung № 2278, «Schale des Sosias» S. 442 «Wollenwamms bis über den Bauch mit dem üblichen dreifachen Saum in Relieflinie oben....».

[4a]) Относительно весьма своеобразнаго нарисованія ушей, въ анатомическомъ отношеніи исполненныхъ неправильно, срв. ниже въ концѣ статьи.

намѣченная уже своеобразная формовка глазъ придаютъ лицу спокойное, наивно-улыбающееся выраженіе. Большія длинныя безжизненныя руки съ вытянутыми и раздвинутыми пальцами вполнѣ соотвѣтствуютъ остальной концепціи всей фигуры; онѣ, въ связи съ трактовкой лица, волосъ и съ передачей одежды, свидѣтельствуютъ о томъ, что мы имѣемъ здѣсь типичный продуктъ архаическаго искусства, для котораго не трудно подыскать аналогію въ дошедшихъ до насъ вазныхъ картинахъ и произведеніяхъ скульптуры конца VI и начала V вѣка.

Эту женщину хватаетъ за кисть правой руки, ἐπὶ καρπῷ, вооруженный мущина; онъ изображенъ въ живомъ движеніи впередъ на правую сторону, между тѣмъ какъ все его туловище почти неестественнымъ образомъ перекручено на лѣво назадъ къ женщинѣ, куда стремительно обращены и его взгляды. Тотъ-же самый смѣлый поворотъ туловища мы видимъ напр. при изображеніи амазонки на алавастрѣ Псіакса и Гилина, хранящемся въ Одесскомъ музеѣ [5]) и при изображеніи воина на амфорѣ работы художника Амасиса I [5a]): развивающаяся юная вазная живопись не умѣетъ еще соблюдать надлежащей мѣры въ примѣненіи новаго открытія изображать фигуры въ живомъ движеніи. Фигура мущины представлена въ полномъ вооруженіи; его грудь покрываетъ панцырь (θώραξ); этотъ панцырь состоитъ изъ колета и мѣдной надгрудной бляхи, καρδιοφύλαξ, снабженной украшеніями; выпуклость для грудныхъ сосковъ (pupilla) обозначена черной, завивающейся спиралью линіей; она въ своемъ очертаніи вполнѣ соотвѣтствуетъ выпуклости, которую мы особенно рельефно и ясно видимъ на бронзовой статуэткѣ, найденной въ Додонѣ [6]). Изъ подъ колета выступаетъ до средины бедръ передникъ или запонъ (ζῶμα); этотъ запонъ не сдѣланъ, какъ это обыкновенно бываетъ, изъ кожи или войлока и не имѣетъ сверху и съ боковъ металлическую обшивку изъ пластинокъ, а состоитъ, какъ видно по правильнымъ толстымъ складкамъ и узору, изъ плотной, пестрой шерстяной матеріи. Ноги защищены поножами (κνημῖδες), прикрывающими переднюю часть голени,

---

[5]) Срв. мою статью объ алабастрѣ Псіакса и Гилина въ XVII томѣ Записокъ, стр. 57.

[5a]) Archeol. Zeitung. 1884, Taf. 15.

[6]) Archeol. Zeitung. 1882, Taf. 1.=Baumeister; Denkmäler, Abb. 2191.

вверхъ до колѣнъ. На головѣ онъ имѣетъ т. н. коринѳскій шлемъ съ высокимъ султаномъ и съ длинной, внизъ опускающейся гривой: султанъ и грива нарисованы бѣлой и коричневой накладной краской — явный еще остатокъ, какъ на алавастрѣ Псіакса и Гилина, прежней архаической чернофигурной техники[7]). Съ праваго плеча висятъ внизъ на кожанномъ ремнѣ коричневаго цвѣта ножны; онѣ пусты: обнаженный короткій мечъ съ рукояткой, оканчивающейся бѣлой пуговкой, нашъ воинъ держитъ въ правой рукѣ; острый конецъ меча направленъ противъ груди женщины. Главнымъ образомъ, это движеніе, а также отчасти и выраженіе лица, которому нашъ мастеръ старался придать суровый видъ особенно характернымъ начертаніемъ рта, свидѣтельствуютъ въ связи съ порывистымъ движеніемъ всего тѣла о томъ гнѣвѣ, который питаетъ нашъ воинъ къ спокойно стоящей женщинѣ.

О значеніи этой любопытной сценки нашъ художникъ не оставляетъ насъ въ сомнѣніи: къ фигурамъ приписаны въ до-эвклидовскомъ алфавитѣ въ характерномъ для конца VI и начала V вѣка начертаніи буквъ имена HEΛENE и MENEΛE[OΣ].

II.

По всему характеру сценки не можетъ быть вопроса, что нашъ художникъ хотѣлъ изобразить встрѣчу супруговъ ***послѣ завоеванія Трои***. Чтобы вѣрно оцѣнить это изображеніе, вполнѣ понимать замыселъ и концепцію художника и опредѣлить его мѣсто въ исторіи вазной живописи, необходимо предварительно выяснить вопросъ, во первыхъ, что знали древніе объ этой встрѣчѣ? и во вторыхъ, какъ воспроизводился этотъ сюжетъ въ твореніяхъ изобразительныхъ искусствъ.

О встрѣчѣ Менелая съ Еленой послѣ взятія Трои въ древней поэзіи существовали двѣ главныхъ версіи[8]). Въ хрестоматіи Прокла мы находимъ изъ эпоса Арктина слѣдующую выписку: Μενέλαος δὲ ἀνευρὼν Ἑλένην ἐπὶ τὰς ναῦς κάταγει Δηίφοβον φονεύσας[9]). Подробностей

---

[7]) Срв. примѣч. 1.

[8]) Напрасно Dilthey: Archeol. Zeitung 1873 S. 37, A. 1 и Klein: Annali 1877 p. 262 оспариваютъ этотъ до очевидности ясный фактъ.

[9]) Kinkel: Poe. ep. fr. 49.

эта замѣтка не даетъ; мы изъ нея только можемъ вывести заключеніе, что Елена послѣ умерщвленія второго мужа Деифоба была уведена къ кораблямъ въ качествѣ военноплѣнной. Что эта версія Арктина исключаетъ возможность предположенія угрозъ со стороны Менелая по адресу Елены, никоимъ образомъ вмѣстѣ съ Engelmann'омъ [10]) утверждать нельзя; напротивъ, вся вѣроятность за то, что встрѣча Менелая, только что убившаго второго мужа Елены, со своей невѣрной супругой не была описана у Арктина въ видѣ идилліи.

Относительно содержанія «Малой Иліады» мы у Прокла свѣдѣній не имѣемъ; но случайная замѣтка схоліаста Аристофана весьма желательнымъ образомъ пополняетъ этотъ пробѣлъ: Къ 155 и слѣд. стихамъ комедіи Аристофана «Лисистрата»: ὁ γῶν Μενέλαος τᾶς Ἑλένας τὰ μᾶλά πα γυμνᾶς παρυιδὼν ἐξέβαλ', οἰῶ, τὸ ξίφος... схоліастъ даетъ слѣдующее примѣчаніе: ἡ ἱστορία παρὰ Ἰβύκῳ. τὰ δὲ αὐτὰ καὶ Λέσχης ὁ Πυρραῖος ἐν τῇ μικρᾷ Ἰλιάδι καὶ Εὐριπίδης». И такъ схоліастъ Аристофана намъ сообщаетъ источникъ версіи, встрѣчающейся у комментируемаго имъ поэта: ***Лесхъ, авторъ Малой Иліады***, и согласно съ нимъ лирическій поэтъ Ибикъ и Эврипидъ передали, что разсвирѣпѣвшій Менелай при встрѣчѣ съ Еленой побѣжденъ былъ ея красотой; онъ выронилъ обнаженный и поднятый противъ нея мечъ. Не нуждается въ поясненіи, что эта версія существенно различается отъ разсказа Арктина.

Съ этой замѣткой схоліаста Аристофана находится на первый взглядъ, какъ вѣрно замѣтилъ Robert [12]), въ извѣстномъ противорѣчіи примѣчаніе схоліаста Эврипида къ 629 стиху «Андромахи»; этотъ стихъ гласитъ: ἀλλ' ὡς ἐσεῖδες μαστόν, ἐκβαλὼν ξίφος φίλημ' ἐδέξω... и къ нему схоліастъ пишетъ: ἄμεινον ᾠκονόμηται τὰ παρὰ Ἰβύκῳ· εἰς γὰρ Ἀφροδίτης ναὸν καταφεύγει ἡ Ἑλένη κἀκεῖθεν διαλέγεται τῷ Μενελάῳ. ὁ δ'ὅπ' ἔρωτος ἀφίησι τὸ ξίφος. Дѣйствительно, здѣсь устанавливается различіе между концепціею Ибика и Эврипида и этимъ какъ-бы отвергается свидѣтельство схоліаста Аристофана, утверждавшаго, что у Ибика и Эври-

---

[10]) Engelmann: Ausführliches Lexikon der griech. u. röm. Mythologie. v. Roscher S. 1945.

[11]) Срв. также сколій къ «Осамъ» Аристофана, стихъ 711.

[12]) Robert: Bild und Lied, S. 74 folg.

пида встрѣчается одна и таже версія. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла это противорѣчіе оказывается мнимымъ. Схоліастъ Аристофана намъ передаетъ лишь голый фактъ, что у Лесха, Ибика и Эврипида Менелай, побѣжденный красотой Елены, выронилъ свой мечъ; схоліастъ Эврипида вникаетъ глубже въ мотивы, выставленные отдѣльными поэтами для объясненія этой перемѣны въ образѣ мыслей Менелая, и находитъ, что мотивировка Ибика, по которому Елена ищетъ убѣжища въ храмѣ Афродиты и вліяніе божества содѣйствуетъ этому быстрому побѣжденію Менелая, заслуживаетъ предпочтенія передъ болѣе грубо-чувственной мотивировкой Эврипида.

Изъ до сихъ поръ изложеннаго мы такимъ образомъ видимъ, что въ древнемъ поэтическомъ преданіи слѣдуетъ установить двѣ главныхъ версіи относительно встрѣчи Менелая съ Еленой. По одной — версія Арктина — Менелай уводитъ Елену въ качествѣ плѣнной къ кораблямъ грековъ. По другой — версія Лесха [13]), которому слѣдуютъ въ общемъ Ибикъ, Эврипидъ въ «Андромахѣ» и Аристофанъ,—Менелай ее преслѣдуетъ, но побѣжденный ея красотой, бросаетъ мечъ; въ эту вторую версію лирическая поэзія внесла чуждую еще «Малой Иліадѣ» черту—а именно, что Елена ищетъ убѣжища въ храмѣ ея покровительницы Афродиты, и та своей божественной помощью содѣйствуетъ быстрому пробужденію новой любви въ сердцѣ обманутаго супруга. Принадлежитъ ли это дальнѣйшее развитіе второй версіи самому Ибику? это другой вопросъ. Судя по tabula iliaca, она встрѣчается уже у Стесихора.

---

[13]) Мнѣ положительно непостижимо, почему Engelmann l. c. отрицаетъ, что мотивъ роняніи меча принадлежитъ Лесху и почему онъ внесеніе этого мотива приписываетъ Ибику? По его мнѣнію, у Лесха было лишь разсказано, что Менелай, собиравшійся уже убить Елену, потомъ ее простилъ подъ вліяніемъ ея красоты. Это его мнѣніе противорѣчитъ ясному свидѣтельству схоліаста Аристофана; кромѣ того нельзя придумать и причины, почему эта же черта должна быть чуждой эпической поэзіи. Энгельманъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: Стесихоръ, описавшій по свидѣтельству схоліаста Эврипида (Eurip. Orest. 1274), какъ греки при видѣ Елены выронили оружіе и камни, приготовленные ими для враждебной ея встрѣчи при кораблихъ, не могъ два раза воспользоваться однимъ и тѣмъ же мотивомъ, и поэтому ему должно быть неизвѣстно преданіе, что и Менелай выронилъ свой мечъ при встрѣчѣ съ невѣрной женой; слѣдовательно это преданіе неизвѣстно и эпической поэзіи. По моему это слишкомъ смѣлое заключеніе. Если Стесихоръ перенесъ этотъ мотивъ отъ Менелая ко всему греческому войску, то отсюда далеко еще не слѣдуетъ, что тоже самое сдѣлалъ и Лесхъ; для него засвидѣтельствовано противоположное, и на этомъ намъ слѣдуетъ основываться.

III.

Въ какомъ отношеніи къ этимъ литературнымъ версіямъ находятся воспроизведенія сюжета встрѣчи Менелая и Елены въ изобразительномъ искусствѣ? вотъ вопросъ, къ разсмотрѣнію котораго мы теперь должны обратиться.

Чернофигурная аттическая вазная живопись располагаетъ, какъ это уже давно установили Overbeck [14]), Heydemann [15]) и Kekulé [16]), для передачи этого сюжета опредѣленной схемой: окутанная женщина, поднимающая правой рукой слегка покрывающій ее вуаль, стоитъ передъ вооруженнымъ мущиной, который ей угрожаетъ мечемъ. Передъ или за этой главной группой обыкновенно еще помѣщается воинъ. Такая композиція встрѣчается на довольно большомъ числѣ чернофигурныхъ аттическихъ сосудовъ; назову для примѣра:

а) Gerhard: Etruskische u. Campanische Vasenbilder, 21.
б) Furtwängler: Berl. Vasensammlung. № 1885.
в) » » » № 1867.
д) Mus. Greg. II, 49, 2ª (повторено у Loeschcke: Altspart. Basis, Taf. I, 4).
г) Gerhard: Auserlesene Vasenbilder, III, 171.
е) » » » I, 2, 2.
ж) » » » II, 129, 2.
и) Archeol. Zeitung, 1851. Taf. XXX.
к) Baumeister: Denkmäler: Abb. 797 и т. д.

Весьма частое повтореніе этой схемы доказываетъ, что аттическіе вазные живописцы находились при концепціи этого сюжета въ зависимости отъ готовыхъ и въ ихъ время очень извѣстныхъ типовъ. Такъ какъ установлено, что именно въ VII и въ началѣ VI вѣка вліяніе коринѳскихъ типовъ сильно проявляется въ аттическомъ искусствѣ и аттической вазной живописи, то слѣдуетъ считать предположеніе профессора Loeschcke весьма вѣроятнымъ, что на ларцѣ Кип-

[14]) Overbeck: Gallerie heroischer Bildwerke, S. 286 folg.
[15]) Heydeman: Iliupersis, S. 22.
[16]) Kekulé: Archeol. Zeitung. 1882. S. 5 folg.
[17]) Loeschcke: Ueber die Reliefs der altspartanischen Basis 1879, S. 7.

села встрѣча Менелая съ Еленой была изображена въ только что описанной концепціи. Слова Павсанія (V, 18, 3) Μενέλαος δὲ θώρακά τε ἐνδεδυὼς καὶ ἔχων ξίφος ἔπεισεν Ἑλένην ἀποκτεῖναι, δῆλον ὡς ἁλισκομένης Ἰλίου не противорѣчатъ этому предположенію; съ другой стороны, господствующее мнѣніе [18]), слагавшееся, повидимому, подъ вліяніемъ болѣе позднихъ произведеній искусства, будто на ларцѣ Кипсела сцена встрѣчи передана была въ видѣ «преслѣдованія» Елены со стороны Менелая, является мало правдоподобнымъ уже потому, что архаическое искусство пользуется «схемой пе́реслѣдованія» лишь для того, чтобы изображать враждебное и обыкновенно тщетное преслѣдованіе.

Предположеніе профессора Loeschcke находитъ кромѣ того сильную опору въ томъ обстоятельствѣ, что на древне-спартанскомъ базисѣ, найденномъ проф. Conze и Michaelis'омъ [19]), изображена въ рельефѣ та-же сцена встрѣчи въ той-же концепціи [20]), какъ на вышеприведенныхъ чернофигурныхъ вазахъ. Мы такимъ образомъ видимъ, что эта схема изображенія встрѣчи Менелая съ Еленой возникла въ VII вѣкѣ въ статуарномъ искусствѣ Пелопоннеса и отсюда, черезъ посредство Коринѳа, переходитъ въ Аттику, гдѣ ею пользуются керамисты, работавшіе въ чернофигурной техникѣ.

Насъ конечно долженъ интересовать вопросъ, находится ли эта только что установленная и далеко распространенная въ архаическомъ искусствѣ схема изображенія встрѣчи Менелая съ Еленой въ какой-нибудь зависимости отъ вышеприведенныхъ поэтическихъ версій?

---

[18]) Срв. Baumeister: Denkmäler, S. 745.

[19]) Conze und Michaelis: Annali dell' Inst. 1861, p. 34, Dressel und Milchhöfer: Mitth. d. ath. Inst. I, S. 301.

[20]) Мнѣніе Milchhöfer'a: Anfänge der Kunst, S. 190/191, отвергающаго всякое миѳологическое толкованіе изображенныхъ на этомъ древне-спартанскомъ базисѣ композицій и усматривающаго въ нихъ «сцену изъ обыденной жизни», мнѣ кажется вполнѣ несостоятельнымъ. Развѣ можно считать занимающій насъ сюжетъ — нападеніе обнаженнымъ мечемъ на спокойно стоящую женщину,—мотивомъ изъ ежедневной жизни? Кромѣ того надо имѣть въ виду, что рельефъ на другой сторонѣ этого базиса ясно говоритъ въ пользу миѳологическаго толкованія нашей сцены. Loeschcke: Die Reliefs der altspartanischen Basis, Dorpat 1879 первый далъ вполнѣ обоснованное и вѣрное объясненіе этихъ рельефовъ, и надо удивляться, что Julius въ Baumeister: Denkmäler S. 324. (Abb. 341 и 342), снова приводя обычное толкованіе этой сцены въ смыслѣ убіенія Клитемнестры Орестомъ, ни словомъ не обмолвился о взглядахъ Loeschcke.

Overbeck [21]) и Schneider [22]) отвѣчаютъ на этотъ вопросъ весьма положительно. Послѣдній усматриваетъ въ этой схемѣ передачу версіи Лесха. Онъ, повидимому, основывается при этомъ мнѣніи на томъ, что во всѣхъ этихъ изображеніяхъ Елена стоитъ вполнѣ спокойно, полагаясь на воздѣйствіе своей красоты. Но противъ мнѣнія Schneider'а слѣдуетъ замѣтить, что самой характерной чертой въ версіи Лесха является роняніе меча со стороны Менелая; совершенно немыслимо, чтобы художникъ, иллюстрируя эту версію, не воспользовался этимъ моментомъ; немыслимо, чтобы онъ подъ впечатлѣніемъ стихотворенія Лесха изобразилъ какъ разъ предшествовавшую этому главному моменту сцену угрозы, которая, если вообще встрѣчается въ этой версіи, во всякомъ случаѣ является лишь подготовленіемъ къ развязкѣ, переходной ступенью въ разсказѣ, а не его драматическимъ пунктомъ. Что же касается спокойной позы Елены, то не слѣдуетъ упустить изъ виду техническую сторону дѣла. Архаическое искусство VII и VI вѣка еще не обладаетъ средствами для передачи чувствъ эмоціи, страха и т. д. Съ этой точки зрѣнія это поражающее на первый взглядъ спокойствіе Елены находитъ свое полное объясненіе.

Въ противоположность къ Schneider'у Overbeck старался доказать зависимость отъ эпоса Арктина всѣхъ тѣхъ концепцій, въ которыхъ Менелай изображенъ нападающимъ съ обнаженнымъ мечомъ въ рукахъ на Елену. Въ сравненіи съ взглядомъ Schneider'а мнѣніе Overbeck'а заслуживаетъ въ извѣстномъ отношеніи предпочтенія: передача момента угрозы мечомъ по крайней мѣрѣ не противорѣчитъ общему характеру разсказа Арктина. Но больше въ пользу и этого мнѣнія ничего сказать нельзя. Именно то, что является характернымъ для версіи Арктина, не встрѣчается въ разсматриваемой нами схемѣ: не изображается, что Менелай «κάταγει» Елену, что онъ ее уводитъ. Въ виду этого, мнѣ кажется, будетъ осторожнѣе сказать, что связи между этой древнѣйшей схемой передачи встрѣчи Менелая и Елены въ изобразительныхъ искусствахъ и извѣстными намъ поэтическими версіями установить нельзя.

Сага объ этой враждебной встрѣчѣ жила въ VII вѣкѣ въ

---

[21]) Overbeck: Gallerie heroischer Bildwerke, S. 826 folg.

[22]) Scheider: Troischer Sagenkreis, S. 181.

Пелопоннесѣ и пользовалась тамъ большой извѣстностью[23]). Художникъ, желающій изобразить этотъ общеизвѣстный сюжетъ, не нуждался въ опредѣленномъ поэтическомъ праобразѣ; не подвергаясь опасности оставаться непонятымъ онъ смѣло могъ для передачи этого сюжета въ изобразительномъ искусствѣ создать простую композицію, въ которой вооруженный мущина угрожаетъ мечомъ стоящей передъ нимъ женщинѣ.

IV.

Зависимость изобразительныхъ искусствъ отъ поэтической традиціи проявляется однако ясно въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи. Уже на одной чернофигурной[24]) вазѣ болѣе поздняго стиля изображено бѣгство Елены при встрѣчѣ съ Менелаемъ. Эта концепція преобладаетъ потомъ въ искусствѣ начала V вѣка. Не только на вазахъ и чашахъ краснофигурнаго строгаго стиля[25]), но и на одной метопѣ Парѳенона[26]) мы находимъ изображеніе этой встрѣчи супруговъ въ указанной схемѣ бѣгства. Какъ бы посредствующимъ звеномъ между этой схемой и обычной въ чернофигурной вазной техникѣ концепціею является краснофигурная вазная картина мастера Памѳая[27]): Елена изображена въ бѣгствѣ, но ее уже догналъ Менелай; держа въ правой рукѣ мечъ, онъ лѣвою схватилъ ее за руку.

F. v. Duhn[28]) и за нимъ и Loeschcke[29]) высказали мнѣніе, что эта концепція «бѣгства» при встрѣчѣ Менелая съ Еленой находится

---

[23]) Loeschcke: Die Reliefs der altspartanischen Basis, S. 9.

[24]) Gerhard: Auserles. Vasen. III, 185; мнѣ кажется несомнѣннымъ, что здѣсь изображено бѣгство Елены; Gerhard самъ, правда, предлагалъ другое толкованіе: «Гемиѳея или Поликсена, Ахиллъ и Патроклъ». Какъ доказываетъ это «или», Gerhard самъ не рѣшается съ увѣренностью объяснить сюжетъ этой вазной картины; его толкованіе является уже потому невѣроятнымъ, что на реверсѣ той же самой вазы изображены Ахиллъ и Патроклъ; а какъ извѣстно, повтореніе однѣхъ и тѣхъ же фигуръ на двухъ картинахъ одной вазы не въ обычаяхъ вазныхъ живописцевъ.

[25]) Brizio, Annali dell' Inst. 1878, p. 61. Дальнѣйшіе примѣры приведены будутъ ниже.

[26]) Michaelis: Parthenon S. 139.

[27]) Brunn: K. G. II, S. 725, 20. Отъ Памѳея мы имѣемъ какъ чернофигурныя, такъ и краснофигурныя вазныя картины: онъ такимъ образомъ представитель того періода, въ которомъ совершается переходъ отъ одной техники къ другой.

[28]) F. v. Duhn: Commentationes in honorem Buecheleri et Useneri editae p. 99 слѣд.

[29]) Loeschcke: Altsp. Basis S. 6.

въ полной зависимости отъ возникшей въ искусствѣ V вѣка схемы «любовнаго преслѣдованія» (Liebesverfolgung), и что и преслѣдованіе Елены со стороны Менелая слѣдуетъ разсматривать въ связи съ другими любовными сценами этого рода. Я не отрицаю возможности извѣстнаго вліянія этой схемы «любовнаго преслѣдованія» на концепцію сюжета встрѣчи Менелая съ Еленой у древнѣйшихъ представителей вазной живописи краснофигурнаго строгаго стиля, напр. у Памѳая; но въ дальнѣйшемъ развитіи эта концепція существенно различается отъ общей схемы любовнаго преслѣдованія въ двухъ пунктахъ: во первыхъ, ясно обозначается цѣль бѣгства Елены—святилище или храмъ[30]), и, во вторыхъ, преслѣдующій ее Менелай роняетъ мечъ[31]), пораженный красотой оглядывающейся во время бѣгства невѣрной супруги. Эти характерныя черты, которыя встрѣчаются то вмѣстѣ, то отдѣльно при воспроизведеніи нашего сюжета въ краснофигурной вазной живописи и въ рельефномъ искусствѣ, вносятъ въ обычную схему любовнаго преслѣдованія существенно новую черту.

Не можетъ быть сомнѣнія, что подобныя композиціи слагались подъ вліяніемъ поэтической традиціи — роняніе меча, вслѣдствіе поражающей Менелая красоты Елены, составляетъ, какъ мы видѣли, характерную особенность версіи Лесха, а бѣгство въ храмъ и содѣйствіе божества при спасеніи Елены является мотивомъ, внесеннымъ въ поэтическую традицію лирическимъ поэтомъ Ибикомъ. Если мы напр. на чашѣ росписанной Макрономъ[32]) видимъ нашъ сюжетъ воспроизведеннымъ въ такомъ же грубо-чувствен-

---

[30]) Уже на чернофигурной вазѣ Gerhard: Auserlesene Vasenb. III, 185 обозначено святилище или алтарь, какъ цѣль бѣгства Елены. Опредѣленнаго храма эта концепція не имѣла въ виду: Елена направляется то въ извѣстный троянскій храмъ Ѳимбрійскаго Аполлона (Overbeck: Her. Gall. XXVI, 11, срв. и картину на кратерѣ изъ Болоньи, M. d. I. Таб. IV), то въ храмъ Аѳины (Michaelis, Parthenon S. 139), то спѣшитъ ей на встрѣчу сама Аѳродита (срв. чашу Гіерона, Kekulé, Arch. Zeitung. 1882, S. 5), то она бѣжитъ въ храмъ, гдѣ сидитъ Аѳродита (срв. потерянную чашу Брига, Hartwig, Meisterschalen S. 307) и т. д. Другіе примѣры бѣгства Елены въ храмъ: Archeol. Anzeiger 1859, 141, 136; Overb. 926, 116, Overbeck: 930, 117, Heydeman: Iliupersis II, 2. Менелай преслѣдуетъ Елену: чаша Эвѳронія, Furtwängler Berl. Vasen. 2281.

[31]) Менелай роняетъ мечъ: Overbeck 630, 118, Annali 1849, tav. D. Archeol. Anzeiger 1859, 143 151. Overbeck, 631, 120. Gerhard. Auserl. Vas. III, 169, 2 и т. д.

[32]) De Witte, Gazette archeol. 1880, pl. 7. 8. p. 57 слѣд. Klein: Die griech. Vasen mit Meistersignaturen² S. 172.

номъ видѣ[33]), какъ сцена впослѣдствіи описывается у Эврипида, или если мы, наоборотъ, на чашѣ Гіерона[34]) замѣчаемъ, что содѣйствіе Афродиты, согласно болѣе облагороженной концепціи Ибика, выдвигается на первый планъ, то о независимости подобныхъ вазныхъ картинъ отъ поэтической традиціи уже и рѣчи не можетъ быть.

Надо держаться предубѣжденныхъ взглядовъ, чтобы при наличности указанныхъ фактовъ вмѣстѣ съ Luckenbach'омъ[35]) утверждать, что «die lyrische Poesie ohne Einfluss auf die Mythengestaltung blieb, soweit sie in den Vasenbildern vorliegt».

Напротивъ, при трезвомъ отношеніи къ дѣлу нельзя въ виду приведенныхъ вазныхъ картинъ отрицать, что поэтическая версія о встрѣчѣ Елены съ Менелаемъ, какъ она выработана Лесхомъ и дальше развита Ибикомъ, замѣтнымъ образомъ воздѣйствовала на воспроизведеніе этого сюжета въ искусствѣ V вѣка.

V.

Рядомъ съ этими двумя до сихъ поръ изложенными схемами изображенія встрѣчи Елены и Менелая мы находимъ въ дошедшихъ до насъ вазныхъ картинахъ еще третью схему; она ближе стоитъ къ преобладающей въ чернофигурной техникѣ концепціи и, насколько я могу судить, и по времени предшествуетъ композиціямъ, составленнымъ подъ вліяніемъ поэтической версіи Лесха и Ибика. Эта третья схема заключается въ слѣдующемъ: Вооруженный воинъ, быстро шагая впередъ, уводитъ женщину, которую онъ схватилъ за кисть (ἐπὶ καρπῷ) руки.

Въ частностяхъ въ этой общей схемѣ встрѣчаются разныя модификаціи: то воинъ не только просто уводитъ женщину, но и грозитъ ей мечомъ; женщина изображена то спокойной, то умоляющей,

---

[33]) Одежда Елены нарисована такъ, что красота ея вполнѣ просвѣчиваетъ; героиня такимъ образомъ снова воспламеняетъ своего мужа; не безъ интереса можно напомнить, что традиція приписываетъ Полигноту изобрѣтеніе этихъ тонкихъ одеждъ, черезъ которыя видно все тѣло; срв. Klein: Euphronios² S. 171.

[34]) Kekulé: Archeol. Zeitung 1882, S. 1. folg.; на этой чашѣ въ весьма изящной и богатой фигурами композиціи изображенъ моментъ, какъ Афродита съ протянутыми впередъ руками защищаетъ Елену и идетъ на встрѣчу ярому Менелаю.

[35]) Luckenbach: Das Verhältniss der Griech. Vasenbilder zu den Gedichten des epischen Kyklos, Jahrb. für Philol. Supp. XI, S. 494.

то второй воинъ является спутникомъ перваго, то сцена разыгрывается только двумя фигурами; но выше отмѣченныя общія черты вездѣ встрѣчаются, за исключеніемъ развѣ одной вазной картины на черно-фигурномъ лекиѳѣ, гдѣ мы имѣемъ ту-же самую сцену съ тѣмъ только варіантомъ, что воинъ, шагая впередъ и оглядываясь, не схватилъ при томъ женщину за руку [36]). Что и эта схема придумана, или по крайней мѣрѣ примѣнена была также для изображенія встрѣчи Менелая и Елены послѣ взятія Трои, давно уже было высказано разными учеными [37]). Но противъ этого толкованія возражали съ большой энергіей Klein [38]) и Robert [39]).

Klein считаетъ невозможнымъ допустить, чтобы архаическое искусство имѣло въ своемъ распоряженіи двоякаго рода схемы для воспроизведенія одного и того же миѳическаго событія, и поэтому предлагаетъ для названныхъ композицій другое объясненіе: Поликсена уводится Неоптолемомъ на жертвенную смерть. Robert также не соглашается съ обычнымъ толкованіемъ и, основываясь, должно быть, на картинѣ, украшающей одну чашу Макрона [40]), отмѣчаетъ, что мы въ указанныхъ сценкахъ вездѣ должны усматривать похищеніе Елены Парисомъ.

Я не могу убѣдиться въ вѣрности взглядовъ этихъ ученыхъ. Оставляя уже ничѣмъ не доказанное и по справедливости никѣмъ не принятое толкованіе Klein'a [40a]) въ сторонѣ, я долженъ замѣтить, что и основное его положеніе о невозможности одновременнаго существованія двухъ схемъ для изображенія одного и того же сюжета

---

[36]) Furtwängler: Berl. Vasensammlung № 1739.

[37]) Overbeck: Archeol. Zeitung 1851, S. 357, Kekulé, Annali 1866, p. 382, Brunn, Troische Miscellen, S. 228. Heydemann, Iliupersis, S. 6, слѣд. и т. д.

[38]) W. Klein: Annali 1877, S. 262 и Euphronios² S. 176.

[39]) C. Robert: Bild u. Lied. S. 56 u. 57.

[40]) Archeol. Zeitung 1882, S. 3 и 4. На этой чашѣ изображено въ указанной схемѣ, какъ Парисъ схватилъ Елену за руку, уводитъ ее; ему сопутствуетъ Эней. Толкованіе сцены вслѣдствіе приписки именъ не подлежитъ сомнѣнію.

[40a]) Klein: Euphronios² S. 167 налегаетъ особенно на то, что вовсе не все равно, держитъ-ли ведущій женщину воинъ копье въ рукахъ, или угрожаетъ онъ ей мечомъ. По его мнѣнію, эта угроза не можетъ быть пустой, и поэтому она можетъ относиться на вазныхъ картинахъ только къ Поликсенѣ, а не къ Еленѣ. Наша чаша изъ Керчи, о толкованіи которой вслѣдствіи приписаннаго къ изображенію объяснительнаго текста не можетъ быть спора, доказываетъ ошибочность мнѣнія Klein'a.

въ архаическомъ искусствѣ, является вполнѣ несостоятельнымъ. Мы уже выше видѣли, что обычная въ чернофигурной техникѣ схема для изображенія встрѣчи Елены съ Менелаемъ продолжаетъ еще существовать, когда въ краснофигурной техникѣ возникаетъ новая схема, и что концепція художника Памфая, работавшаго какъ въ той, такъ въ другой техникѣ, представляетъ собой какъ-бы сліяніе двухъ различныхъ версій, двухъ схемъ. Нѣтъ никакого основанія отрицать, что изъ одной обычной схемы можетъ развиваться варіантъ, особенно если имѣются доводы предполагать,—мы это потомъ увидимъ—что этотъ варіантъ вызванъ былъ вліяніемъ поэтическаго преданія. Что же касается мнѣнія Robert'a, то предложенное имъ толкованіе вовсе непримѣнимо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ведущій женщину воинъ угрожаетъ ей мечомъ[41]), и является весьма сомнительнымъ тамъ, гдѣ этотъ воинъ изображенъ бородатымъ мущиной[42]), такъ какъ мы знаемъ, что знаменитые аттическіе мастера періода строгаго стиля и слѣдующей за нимъ эпохи придерживаются для воспроизведенія фигуры Париса типа молодого безбородаго юноши.

Если же еще вообще послѣ изданной Millingen'омъ[43]) вазной картины, на которой къ фигурѣ вооруженнаго воина, ведущаго за руку женщину, приписано имя Μενέλεος, могло остаться сомнѣніе въ томъ, что указанная схема примѣнялась къ воспроизведенію встрѣчи Менелая съ Еленой *послѣ* взятія Трои, то это сомнѣніе теперь вполнѣ устраняется издаваемымъ здѣсь рисункомъ на чашѣ изъ Керчи. Мыслимыя еще при вазѣ Millingen'a возраженія: что къ фигурѣ женщины не приписано имени, что Менелай изображенъ въ образѣ молодого человѣка съ первымъ пухомъ на щекахъ и что вслѣдствіе того въ этой вазной картинѣ нельзя усматривать встрѣчу его съ невѣрной супругой *послѣ* взятія Трои—всѣ эти возраженія, повторяю я, не имѣютъ мѣ-

---

[41]) Срв. напр. Gerhard: Auserlesene Vasenbilder I, 82, III, 171.

[42]) Срв. вазу изданную въ Monum. dell' Instituto XI, Tab. XX,=Kekulé Annali 1880 p. 150. Robert Bild. und Lied. p. 249 толкуетъ представленныя на этой вазѣ фигуры какъ Париса и Елену; но воинъ изображенъ врѣлымъ, бородатымъ мущиной и потому это толкованіе весьма сомнительно; бородатымъ является Парисъ рѣдко—срв. на изданной Gerhard'омъ вазѣ: Etruskische u. Campanische Vasenbilder, XIV, 2—но эта ваза болѣе архаическаго стиля, чѣмъ та, къ которой Robert примѣняетъ свое толкованіе.

[43]) Millingen: Anc. uned. mon. I. pl. 32.

ста по отношенію къ нашей картинкѣ. Здѣсь изображенъ зрѣлый, бородатый мущина, здѣсь онъ угрожаетъ мечомъ женщинѣ, которую онъ уводитъ, и здѣсь къ обѣимъ фигурамъ полностью приписаны имена: MENEΛΕΟΣ и HΕΛΕΝΕ.

Доказательство такимъ образомъ на лицо, что эта схема примѣнялась греческими художниками къ изображенію встрѣчи Менелая съ Еленой послѣ взятія Трои. Установленіе этого факта даетъ намъ, замѣтимъ кстати, возможность точнѣе опредѣлить содержаніе ряда вазныхъ картинъ, которыя до сихъ поръ отнесены были къ другому сюжету. Такъ напримѣръ Gerhard'омъ [44]) издана вазная картина изъ періода перехода отъ строгаго къ красивому стилю: на ней изображено, какъ бородатый мущина, снабженный шлемомъ и набедренниками и держащій въ правой рукѣ два копья, ведетъ за руку женщину, имѣющую гранатовое яблоко въ лѣвой рукѣ. Gerhard и за нимъ Baumeister [45]) толкуютъ эту картину въ смыслѣ «сватовства» (Brautführung) Менелая [46]). Но, во первыхъ, мы объ изображеніи такого «свадебнаго шествія» Менелая ничего не знаемъ, а во-вторыхъ едвали послѣ изложеннаго можетъ быть сомнительно, что и эта картина относится къ занимающему насъ сюжету [47]). Точно также изданную Millin'омъ [48]) вазную картину слѣдуетъ, чего до сихъ поръ не сдѣлали, толковать въ смыслѣ увода Елены Менелаемъ послѣ взятія Трои.

Наконецъ ту-же самую схему, которая примѣнена для изображенія названнаго миѳологическаго сюжета на чашѣ изъ Керчи, мы находимъ еще на цѣломъ рядѣ чернофигурныхъ сосудовъ болѣе поздняго періода

---

[44]) Gerhard: Auserlesene Vasenbilder III, 169, 1.

[45]) Denkmäler des klass. Altertums, S. 745 слѣд.

[46]) По Fossati, Bull. 1829, p. 109, 27 изображены здѣсь Гипноменъ и Аталанта, по Panofka (Recherches u. т. д. p. 39, not. 1) Афродита и Аресъ. Несостоятельность этихъ толкованій хорошо выясняетъ Gerhard, Aus. Vasen. Text zu Tafel 169, 1.

[47]) По аналогіи съ вазой, изданной Gerhard'омъ въ Trinkschalen XI, XII, на которой Парисъ, держа также два копья въ рукѣ, ведетъ Елену χεῖρ' ἐπὶ καρπῷ мыслимо было-бы еще усмотрѣть въ картинѣ на изданной Gerhard'омъ A. V. III, 169, 1 вазѣ изображеніе хищенія Елены Парисомъ. Но такому толкованію мѣшаетъ то обстоятельство, что воинъ на этой вазѣ изображенъ бородатымъ мущиной, между тѣмъ какъ въ Trinkschalen XI, X I Парисъ представленъ согласно общей тогда концепціи въ видѣ юноши.

[48]) Millin I, 32.

и на краснофигурныхъ вазахъ строгаго стиля. Часть ихъ уже указана была въ нашемъ изслѣдованіи: изъ неупомянутыхъ назову здѣсь, не претендуя дать полное перечисленіе, еще слѣдующія, мнѣ извѣстныя изображенія:

а) Furtwängler: Berl. Vasensammlung № 1739 (чернофигурный лекиѳъ поздняго стиля).

б) Furtwängler: Berl. Vas. № 1842 (аттическая чернофигурная амфора).

в) Furtwängler: Berl. Vas. № 2205 (аттическій лекиѳъ строгаго краснофиг. стиля; работа въ характерѣ Брига).

г) Heydemann: Mitth. aus ital. Ant. S. 85; особенно эта послѣдняя вазная картина во всей своей концепціи весьма близко стоитъ къ изображенію на чашѣ изъ Керчи.

VI.

И такъ, резюмируя до сихъ поръ изложенное, мы можемъ установить слѣдующее: Греческое искусство VI и V вѣка располагаетъ для изображенія встрѣчи Менелая и Елены послѣ взятія Трои тремя схемами. Самая древняя изъ нихъ, выработанная въ Пелопоннесѣ и черезъ посредство коринѳскихъ художниковъ проникшая въ аттическую вазную живопись чернофигурнаго стиля первой эпохи, изображаетъ намъ спокойно стоящую группу: Менелай, встрѣтившись при гибели Трои съ Еленой, хватаетъ ее за кредемнонъ и направляетъ свой мечъ противъ ея груди. Какъ художники представляли себѣ дальнѣйшее развитіе этого драматическаго момента, мы установить не можемъ; слишкомъ смѣло было-бы изъ спокойной позы Елены вывести заключеніе, что вазные живописцы хотѣли указать на благопріятный для героини исходъ этой драмы.

Изъ этой схемы развивается другая, болѣе жизненная концепція: типическимъ ея представителемъ можетъ служить изображеніе на нашей чашѣ изъ Керчи; Менелай уводитъ пойманную имъ Елену къ кораблямъ, направляя одновременно мечъ противъ ея груди. Предугадать судьбу Елены и здѣсь первоначально мы не можемъ: но скоро въ этой схемѣ мотивъ угрозой мечомъ опускается, выраженіе гнѣва Менелая ослабляется и приданный Еленѣ на одной изъ вазныхъ кар-

тинъ аттрибутъ,—гранатовое яблоко [49]) не оставляетъ сомнѣнія, что вазные живописцы все болѣе и болѣе проникаются представленіемъ о всепобѣждающей красотѣ Елены. Переходъ отъ первой схемы ко второй могъ совершиться конечно вполнѣ самостоятельно въ области изобразительныхъ искусствъ безъ всякаго воздѣйствія извнѣ; но такъ какъ такой самостоятельный переходъ въ архаическомъ искусствѣ являлся бы фактомъ все таки необычнымъ и такъ какъ при нашемъ сюжетѣ намъ въ непосредственно слѣдующую эпоху придется установить замѣтное воздѣйствіе поэтической традиціи на художественную концепцію, то мнѣ кажется болѣе правильнымъ объяснить этотъ переходъ и въ данномъ случаѣ вліяніемъ поэтическаго праобразца. Главный моментъ въ этой второй схемѣ—уведеніе Елены Менелаемъ—совпадаетъ до того съ версіей Арктина: Μενέλαος ἀναυρὼν Ἑλένην ἐπὶ τὰς ναῦς κατάγει, что нельзя не усмотрѣть въ этой второй схемѣ отраженія приведеннаго поэтическаго преданія.

По времени немного позже, чѣмъ эта вторая схема, является въ греческомъ искусствѣ еще третья; но она не вытѣсняетъ ее вполнѣ, а обѣ схемы примѣняются вазными живописцами, одно время по крайней мѣрѣ, рядомъ. Эта третья схема создана уже вполнѣ подъ вліяніемъ представленія о божественной красотѣ Елены, которымъ, кстати замѣтить, проникнута и знаменитая картина Полигнота въ лесхѣ Книдянъ въ Дельфахъ.

Въ этой третьей схемѣ уже съ самаго начала художники не оставляютъ насъ въ сомнѣніи относительно будущей судьбы Елены: преслѣдуемая разсвирѣпѣвшимъ супругомъ, невѣрная жена направляется въ храмъ божества, гдѣ найдетъ защиту; сама Афродита выходитъ ей на встрѣчу, и стоитъ героинѣ во время бѣгства только раскрыть свой плащъ, чтобы пораженный ея красотой Менелай выронилъ свой обнаженный мечъ и готовъ былъ ее простить.

Что эта схема, въ которой ясно замѣчается извѣстное развитіе и видоизмѣненіе, слагалась подъ непосредственнымъ вліяніемъ поэмы Лесха, съ грубо-чувственнымъ мотивомъ спасенія Елены съ одной стороны, и поэтической версіи, созданной въ смыслѣ облагораживанія этого мотива лирикомъ Ибикомъ съ другой, не подле-

[49]) Gerhard: Auserl. Vasenbilder, III, 169, 1

жить конечно ни малѣйшему сомнѣнію. Эта схема является именно какъ бы иллюстраціей этихъ поэтическихъ версій.

Изученіе излюбленнаго мотива въ греческой вазной живописи — изображенія встрѣчи Менелая съ Еленой послѣ взятія Трои позволяетъ намъ такимъ образомъ не только выяснить развитіе и преемственность художественныхъ стилей и художественной традиціи, но установить вмѣстѣ съ тѣмъ такое-же развитіе въ концепціяхъ миѳологическаго мотива, совершившееся подъ непосредственнымъ вліяніемъ развитія и измѣненія соотвѣтствующихъ представленій въ поэтическомъ преданіи. Эту близкую связь между вазной живописью и поэтической литературой конечно нельзя себѣ представить въ такомъ видѣ, будто простые мастера-керамисты слѣдили за этой литературой и за смѣняющимися въ ней представленіями. Древне-спартанскій базисъ со своимъ рельефнымъ украшеніемъ въ началѣ всей этой эволюціи и метопа Парѳенона въ концѣ ея ясно указываютъ, гдѣ мы должны искать посредствующее звено между вазной живописью и поэтической традиціей. Я совершенно согласенъ съ Klein'омъ [50]), что дошедшія до насъ вазныя картины съ изображеніемъ отдѣльныхъ моментовъ изъ «Iliupersis» свидѣтельствуютъ о существованіи связной композиціи въ архаической стѣнной живописи. Онъ справедливо указываетъ и на то, что этотъ сюжетъ, какъ миѳическій панданъ къ персидскимъ войнамъ, являлся особенно удобнымъ для прославленія этой великой побѣды на памятникахъ искусства. Кромѣ Полигнота, который два раза, въ лесхѣ Книдянъ и въ болѣе сжатомъ видѣ въ «στοὰ ποικίλη» въ Аѳинахъ, изображалъ этотъ сюжетъ, и Парразій написалъ картину на ту-же тему. Въ скульптурномъ искусствѣ этого періода мы помимо упомянутой метопы на Парѳенонѣ встрѣчаемъ изображенія сценъ изъ «Iliupersis» ещe въ «Герайонѣ» [51]) и въ колоссальномъ храмѣ Зевса въ Акрагасѣ [52]).

Что керамисты-живописцы сумѣли такъ чутко слѣдить за всѣми вѣяніями и направленіями въ великомъ искусствѣ [53]), въ этомъ именно

---

[50]) Klein: Euphronios² S. 162, 163.

[51]) Paus. II, 17, 3.

[52]) Diodor XIII, 82.

[53]) Главные моменты изъ «Iliupersis» вмѣстѣ изображены на слѣдующихъ вазахъ:
1) На чашѣ Эвѳронія (Klein Euphronios¹ S. 159).

заключается ихъ неотемленная заслуга, которая въ нашихъ глазахъ должна быть тѣмъ болѣе признана, что ихъ творенія являются подчасъ единственнымъ ключемъ, которымъ мы можемъ раскрыть себѣ доступъ въ потаенную область умственной жизни Греціи, дѣйствующихъ въ ней силъ и существующихъ въ ней культурныхъ связей въ эпохахъ мало освѣщенныхъ литературнымъ преданіемъ.

VII.

Между этими керамистами-живописцами нашъ мастеръ, изготовитель найденной въ Керчи чаши, можетъ претендовать на почетное мѣсто. Тщательностью и чистотой своей работы въ техническомъ отношеніи онъ является достойнымъ членомъ знаменитыхъ кружковъ аттическихъ вазныхъ живописцевъ конца VI и начала V вѣка; но еще болѣе чѣмъ техническими преимуществами своей работы онъ насъ интересуетъ своей концепціей избраннаго имъ сюжета изображенія. Не внося существенно новаго въ слагавшуюся и распространенную до него схему, онъ передалъ эту схему въ ея первоначальномъ видѣ и притомъ имѣлъ счастливую для насъ мысль снабдить свою картинку объяснительнымъ текстомъ. Этотъ текстъ далъ намъ возможность окончательно рѣшить спорный до сихъ поръ въ археологической наукѣ вопросъ о примѣненіи схемы «увода» въ изображеніяхъ сцены встрѣчи Менелая и Елены въ утвердительномъ смыслѣ и тѣмъ самымъ болѣе прочно и основательно установить исторію развитія отдѣльныхъ схемъ при передачѣ этого сюжета и степень ихъ зависимости отъ поэтическихъ преданій.

При такомъ значеніи вазной картинки нашего мастера невольно является желаніе знать его имя; оно, приписанное можетъ быть по обычаю того времени на краяхъ чаши, для насъ вмѣстѣ съ этими краями пропало; — тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь назвать изготови-

---

2) На чашѣ Брига (Heydemann: Iliupersis, Taf. 1).
3) На чашѣ изъ Orvieto (Bull. 1884, p. 218).
4) На фраг. чаши въ Cab. des méd. (Luynes, Vases. pl. 42).
5) На такъ называемой вазѣ «Vivenzio» въ Неаполѣ.
6) На кратерѣ изъ Болоньи (Mon. XI, 14, 15).
7) На апулійской амфорѣ (Heydemann: Iliupersis l. c.).
Снимокъ этотъ заимствованъ у Klein'a: Euphronios² S. 162.

теля картинки на чашѣ изъ Керчи по имени: художникъ, произведеніе котораго украшаетъ теперь вазную коллекцію Одесскаго музея, извѣстный аттическій керамистъ эпохи процвѣтанія — *Амасисъ II.*

Это утвержденіе основывается на слѣдующихъ наблюденіяхъ: Я уже выше упомянулъ о весьма своеобразной, въ анатомическомъ отношеніи вполнѣ неправильной формовкѣ ушей, представленныхъ на нашей картинкѣ фигуръ. Въ громадномъ числѣ извѣстныхъ вазныхъ картинъ періода процвѣтанія краснофигурнаго строгаго стиля такая-же формовка встрѣчается *только* при произведеніяхъ, которыя Hartwig [54]) въ своемъ капитальномъ трудѣ: «Griechische Meisterschalen» приписываетъ такъ называемому Амасису II; Hartwig [55]) обращаетъ особенное вниманіе на эту формовку ушей; она и для него служитъ однимъ изъ признаковъ при выдѣленіи картинъ этого мастера въ особую группу. Во вторыхъ, и въ другихъ стилистическихъ особенностяхъ, между прочимъ въ слегка семитическомъ типѣ лицъ — работа нашего художника вполнѣ совпадаетъ съ рисунками, сопоставленными Hartwig'омъ подъ именемъ Амасиса II. Въ третьихъ, Hartwig указываетъ, что Амасисъ II расписывалъ главнымъ образомъ амфоры и другіе большіе сосуды и вслѣдствіе этого его фигуры, нарисованныя внутри чашъ, отличаются черезчуръ большими пропорціями, несоотвѣтствующими размѣрамъ данной при чашахъ плоскости. Тоже самое несоотвѣтствіе пропорцій фигуръ къ расписываемой площади на нашей чашѣ изъ Керчи мы выше уже имѣли случай отмѣтить. Замѣчательное совпаденіе въ указанныхъ трехъ пунктахъ даетъ намъ, кажется, право считать и нашу чашу работой Амасиса II [56]).

---

[54]) Срв. Taf. XXXVI, и фигуру 56[a] въ текстѣ.

[55]) Hartwig: l. c. S. 411.

[56]) Спора объ имени этого художника я здѣсь не касаюсь; замѣчу только, что доводы Six'a (Mitth. des röm. Inst. III, 233), предлагающаго на фрагментахъ чаши въ Парижѣ вмѣсто Ἀμασις ἔγραφεν читать Ἀμάσ[ιος ὐό]ς, меня не убѣдили (срв. Kretschmer: Die griech. Vaseninschriften, S. 75). Не въ имени дѣло, а въ томъ, что мы изъ массы дошедшихъ до насъ роспись ныхъ вазъ можемъ выдѣлить цѣлый рядъ въ особую группу и ихъ приписать одному художнику; для краткости и удобства я его по прежнему назову Амасисомъ II.

II. Агонъ флейтиста на аттической пеликѣ изъ Ольвіи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріобрѣтены были Одесскимъ музеемъ у торговца Л. Гаухманна разные отдѣльные черепки античной росписной посуды изъ Ольвіи. При ихъ разборѣ оказалось, что большая часть этихъ черепковъ принадлежала одному сосуду. Собравъ и склеивъ ихъ, мы могли возстановить этотъ сосудъ, хотя конечно и не цѣликомъ, но всетаки настолько, чтобы получить ясное представленіе о его первоначальной формѣ [1]) и о рисункахъ, украшавшихъ его.

Къ счастію, почти вполнѣ сохранился краснофигурный рисунокъ на «лицевой» сторонѣ этой несомнѣнно аттической пелики. Отъ картинки на другой сторонѣ осталась лишь нижняя ея часть; по этимъ слѣдамъ ясно, что здѣсь изображены были, какъ обыкновенно на задней сторонѣ сосуда, двѣ грубо выполненныхъ фигуры въ длинныхъ мантіяхъ, изъ которыхъ одна опиралась на палку.

Насъ конечно исключительно интересуетъ главная картинка на ольвійской пеликѣ, воспроизведенная на прилагаемой таблицѣ (таб. III, № 2) въ краскахъ и величинѣ оригинала. По стилю и сюжету эта картинка заслуживаетъ нашего вниманія—не потому, будто стиль и сюжетъ ея являлись бы чѣмъ то новымъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ, а потому что ближайшее изученіе ея въ связи съ аналогичными изображеніями позволитъ намъ выяснить до нѣкоторой степени образъ работы и значеніе художественной традиціи въ мастерскихъ аттическихъ керамистовъ.

На подмосткахъ въ три ступени спокойно стоитъ юноша, играющій на двойной флейтѣ. Одѣтъ онъ въ длинный, покрывающій ноги хитонъ, мелкія вертикальныя складки котораго обозначены нашимъ мастеромъ проведенными перомъ и близко другъ къ другу помѣщенными тонкими штрихами. Верхнюю часть тѣла до бедръ покрываетъ вязанная шерстяная одежда, въ родѣ фуфайки [2]) безъ рукавовъ; хотя

---

[1]) Срв. прилагаемую таблицу III, № 2[a].

[2]) Существованіе такой отдѣльной верхней вязанной одежды въ архаической вазной живописи указано Furtwängler'омъ въ Berl. Vasensammlung, S. 552; о спорѣ, возникшемъ по поводу попытки Boehlau: Quaestiones vestiariae, 20, 36. . установить эту одежду и при статуяхъ Коръ, найденныхъ въ раскопкахъ Акрополя въ Аѳинахъ, сир. Павловскаго: Скульптура въ Аттикѣ, стр. 191 и слѣд.

она уже по своему матеріалу и способу работы плотно прилегаетъ къ тѣлу, она вдобавокъ стягивается въ таліи широкимъ поясомъ; вырѣзъ около шеи и нижній край фуфайки окаймлены бордюромъ; кромѣ того она вышита узоромъ въ зигзагъ. Этотъ длинный хитонъ «ποδήρης» и эта отдѣльная верхняя одежда суть, какъ извѣстно, характерныя составныя части аѳинскаго костюма періода до персидскихъ войнъ; но поспѣшно было-бы изъ этого факта вывести уже опредѣленное заключеніе относительно времени написанія нашей вазной картинки. Не менѣе извѣстно, что этотъ старинный костюмъ довольно долго еще удерживался, какъ праздничная одежда при разныхъ торжественныхъ случаяхъ, и особенно кѳароэды, авлеты, драматическіе актеры и т. д. пользовались имъ при всякаго рода агонахъ и состязаніяхъ. Но основаніемъ для относительной данной этотъ костюмъ, какъ мы ниже увидимъ, всетаки можетъ служить, и въ виду этого я счелъ нужнымъ здѣсь подробнѣе остановиться на немъ.

Юноша, одѣтый въ только что описанный архаическій костюмъ, играетъ на двойной флейтѣ. Такъ какъ фигура его дана вполнѣ въ профиль, то только правая рука цѣликомъ видна; она начинается слишкомъ высоко въ плечѣ; обѣ руки согнуты въ локтяхъ почти до прямого угла и только кисти руки приподняты, чтобы своими растянутыми пальцами поднимать и опускать клапаны флейты. Это какъ-бы принужденное положеніе рукъ усиливаетъ то архаическое впечатлѣніе, которое производитъ костюмъ и вся осанка фигуры. На слишкомъ короткой шеѣ сидитъ довольно маленькая узкая голова. Волосы покрываютъ весь лобъ и спадаютъ въ короткихъ локонахъ на шею. Брови обозначены прямой чертой; глазъ сформованъ въ общемъ правильно, однако съ замѣтно выгнутымъ нижнимъ вѣкомъ и съ характернымъ для архаическаго аттическаго искусства поднятіемъ внѣшняго угла. Верхняя губа, подбородокъ, щеки и уши покрыты двойнымъ бинтомъ, который греки называли φορβειά и который долженъ былъ служить для стягиванія ланитной мышцы и этимъ содѣйствовать образованію при игрѣ на флейтѣ правильнаго и сильнаго звука.

Чтобы эти φορβειά не сдвигались во время игры и плотно держались на темени, надо было придумать цѣлое приспособленіе. Флейтисты надѣвали на голову вѣнецъ, состоящій изъ одного горизонталь-

наго и двухъ накрестъ положенныхъ вертикальныхъ обручей, и къ этому вѣнцу прикрѣплялись φορβειά. Яснѣе, чѣмъ на нашемъ рисункѣ, способъ этого прикрѣпленія обозначенъ на вазной картинкѣ, изданной въ общедоступныхъ «Denkmäler» Baumeister'a [3]). Передняя часть горизонтальнаго обруча этого вѣнца обвита у нашего флейтиста лавровыми листьями—знакъ его участія въ праздничномъ состязаніи.

Къ этому юношѣ прилетаетъ крылатая женская фигура, богиня Ника, держащая на подобіе «агоноѳетовъ» и «рабдуховъ», — судьей при состязаніяхъ,—длинную палку въ лѣвой рукѣ [3a]). Достаточно бѣглаго созерцанія этой фигуры, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ концепціи и въ стилистическомъ выполненіи существуетъ замѣтное различіе между фигурами флейтиста и богини. Въ то время какъ мы при фигурѣ флейтиста должны отмѣтить извѣстную архаическую неподвижность, угловатость всей осанки и условность въ трактовкѣ костюма, при фигурѣ Ники напротивъ насъ поражаютъ мягкіе переходы въ проведеніи линій, гибкость позы, изящная концепція медленнаго полета и эффектная трактовка мотива одежды. Художникъ не особенно заботился о детальномъ выполненіи всѣхъ мелкихъ частей своего рисунка [4]); его главное вниманіе было обращено на общую живописную концепцію фигуры, и въ этомъ отношеніи онъ съ удивительнымъ умѣніемъ справился со своей задачей. Лишь отсутствіе моделировки слишкомъ толстой и длинной шеи и еще нѣкоторыя мелкія особенности даютъ намъ понять, что нашъ художникъ работалъ около средины V вѣка, въ періодъ, когда аттическое искусство еще не испы-

---

[3]) Baumeister: Denkmäler, Abbild. № 590=Mon. Inst. V, 10. Указанная картинка представляетъ по одеждѣ флейтиста любопытную аналогію къ нашей фигурѣ. Мы и на ней видимъ отдѣльную фуфайку безъ рукавовъ, которую K. v. Jan, l. c., S. 553 неправильно называетъ «einen kurzen Umwurf».

[3a]) Съ такой же длинной палкой изображена эта крылатая фигура на изданномъ Stackelberg'омъ: Gräber der Hellenen, Taf. XX, Text. S. 17 вазномъ рисункѣ вполнѣ уже свободнаго стиля. Этотъ рисунокъ представляетъ весьма близкую аналогію къ издаваемому здѣсь; только вмѣсто флейтиста мы въ немъ имѣемъ киѳароэда. Основываясь на Пиндарѣ (Nem. IX) Stackelberg толкуетъ крылатую женскую фигуру въ смыслѣ Ѳемиды; по моему это напрасное примѣненіе учености; о крылатой Ѳемидѣ мы знаемъ только изъ немногихъ, позднихъ цитатъ; навѣрно можно сказать, что изготовитель изданной Stackelberg'омъ вазы и не подозрѣвалъ о существованіи или возможности существованія крылатой Ѳемиды и несомнѣнно хотѣлъ изобразить богиню Побѣды.

[4]) Напр. правая рука имѣетъ четыре пальца, лѣвая нога лишь три, и ступня правой ноги совсѣмъ не разработана.

тало на себѣ вліянія Фидія и его школы. Но чѣмъ же объясняется это стилистическое различіе въ выполненіи указанныхъ двухъ фигуръ на одной и той же картинкѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ по моему можетъ быть только одинъ.

Хотя нашъ мастеръ изображаетъ вполнѣ связную и понятную сценку: Богиня Ника прилетаетъ, чтобы провозгласить побѣду флейтиста въ агонѣ; но тѣмъ не менѣе эта сценка съ дѣйствующими въ ней фигурами имъ не концептирована самостоятельно и также не заимствована изъ связной композиціи въ стѣнной живописи или скульптурѣ, а составлена изъ соединенія двухъ отдѣльныхъ, имѣвшихся въ его распоряженіи готовыхъ типовъ, ходившихъ въ видѣ образцовъ по рукамъ въ мастерскихъ аттическихъ керамистовъ. Мнѣ кажется, только при этомъ предположеніи можно удовлетворительно объяснить указанное стилистическое различіе.

Но чтобы высказанное здѣсь предположеніе не осталось голословнымъ утвержденіемъ, необходимо хоть вкратцѣ коснуться исторіи возникновенія и развитія примѣненныхъ нашимъ мастеромъ типовъ.

Что касается фигуры флейтиста, то древнѣйшій, насколько я знаю, примѣръ изображенія этого мотива представляетъ собою статуэтка превосходной сохранности изъ известняка, найденная на островѣ Кипрѣ и перешедшая въ коллекцію E. Piot [5]). Эта весьма архаическая статуэтка въ своемъ исполненіи всецѣло еще напоминаетъ пріемы техники рѣзбы въ деревѣ; фигура, на подобіе древнѣйшихъ статуй такъ называемаго Аполлона, стоитъ неподвижно и прямо; ноги помѣщены въ одной линіи непосредственно рядомъ одна съ другою, длинная одежда передана безъ попытки обозначить ея складки, положеніе рукъ весьма угловато; тщательно выработана флейта, детали лица и головнаго убора: такъ называемыя φορβειά также ясно обозначены. Вмѣстѣ съ самымъ инструментомъ проникаетъ съ Востока и Малой Азіи въ остальную Грецію и въ Аттику и этотъ выработанный тамъ типъ флейтиста, участвующаго въ религіозномъ торжествѣ. При той большой роли, которую въ греческомъ искусствѣ играла традиція, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что этотъ довольно архаическій типъ на долгое время становится канони-

[5]) Срв. Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité III, p. 588, fig. 401.

чески-господствующимъ и примѣняется еще въ періодѣ, который въ общемъ художественномъ пониманіи представляетъ намъ картину уже совершенно иного развитія. Это явленіе будетъ тѣмъ понятнѣе, если имѣть въ виду, что знаменитые представители высшаго искусства едва-ли имѣли случай спеціально заниматься изготовленіемъ статуй флейтистовъ и созданіемъ новой концепціи для нихъ: вазные живописцы, такъ внимательно въ общемъ слѣдящіе за развитіемъ и вѣяніями въ высшемъ искусствѣ, такимъ образомъ при воспроизведеніи сценъ изъ агона флейтистовъ по неволѣ, за неимѣніемъ образцовъ отъ рукъ современныхъ имъ великихъ художниковъ, должны были придерживаться болѣе древняго, раньше созданнаго типа. Значительно видоизмѣнить этотъ типъ не дозволяло и наблюденіе дѣйствительности: съ длиннымъ и пышнымъ костюмомъ [6]) флейтистовъ надо было считаться, и всѣ уступки современному искусству со стороны вазныхъ живописцевъ могли состоять только въ попыткѣ придавать фигурамъ, не смотря на покрывающій все тѣло плащъ, большее движеніе и смягчать угловатость и оцѣпенѣніе ихъ архаическаго прототипа.

Въ ряду извѣстныхъ мнѣ, относящихся сюда вазныхъ картинъ флейтистъ на нашей пеликѣ стоитъ ближе всего къ этому древнему типу, какъ по своей спокойной позѣ, такъ и по расположенію рукъ, образующихъ въ локтяхъ почти прямой уголъ. Изготовитель вышеуказаннаго вазнаго рисунка, воспроизведеннаго у Baumeister'a, сумѣлъ придать своей фигурѣ уже гораздо больше движенія. То же самое стремленіе, въ связи съ попыткой избѣгать при передачѣ протянутыхъ впередъ рукъ всякихъ угловатыхъ линій, мы видимъ на вазныхъ картинкахъ, украшающихъ двѣ пелики, которыя въ этомъ году найдены были въ Ольвіи и пріобрѣтены П. А.

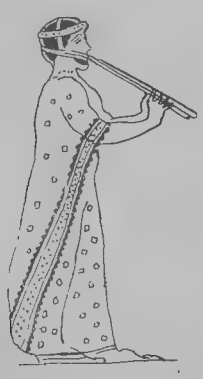
---

[6]) Горацій, Ars poetica, въ стихахъ: 214 слѣд:

sic priscae motum et luxuriem addidit arti
tibicenque traxit vagus per pulpita vestem...

выражаетъ убѣжденіе, что движеніе флейтиста на сценѣ и его длинный роскошный костюмъ уже признакъ періода упадка искусства. Что касается перваго пункта, движенія, то Горацій находится въ полномъ согласіи съ показаніемъ Аристотеля (Arist poet. 26) и безусловно правъ; относительно же костюма дошедшіе до насъ памятники показываютъ, что длинная и въ своемъ родѣ пышная одежда всегда была въ употребленіи у флейтистовъ и кіевроэдовъ, участвующихъ въ агонахъ; отмѣченная Гораціемъ «luxuries» не является такимъ образомъ новшествомъ въ такомъ смыслѣ, какъ «motus».

Маврогордато. Съ любезнаго согласія владѣльца этихъ сосудовъ, относящихся къ началу IV вѣка, я здѣсь для сравненія помѣщаю рисунки этихъ фигуръ флейтистовъ, скомпонованныхъ на этихъ пеликахъ вмѣстѣ съ однимъ, впрочемъ оба раза различно, концептированнымъ



№ 1.

№ 2.

пляшущимъ сатиромъ. Мы видимъ, что изготовитель фигуры подъ № 1 больше налегалъ на избѣжаніе угловатыхъ линій при разрисовкѣ рукъ; между тѣмъ какъ авторъ фигуры подъ № 2 старался яснѣе отмѣтить мотивъ движенія; оба мастера весьма старательно изображаютъ окаймленный широкимъ бордюромъ пестрый плащъ. Въ сравненіи съ фигурой на нашей пеликѣ мы должны конечно констатировать извѣстный прогрессъ въ мотивѣ движенія и, согласно требованію моды, измѣненіе въ составѣ одежды; но общій мотивъ, общая концепція фигуръ остаются въ продолженіи вѣковъ мало измѣненными Установленіе этого факта даетъ намъ право вывести заключеніе о бѣдности имѣвшихся въ распоряженіи керамистовъ-мастеровъ типовъ для подобныхъ фигуръ, и наилучшимъ образомъ объясняетъ, почему нашъ мастеръ удержалъ концепцію, не вполнѣ согласную болѣе съ духомъ и требованіями его времени.

Въ совершенно иномъ положеніи онъ находился относительно второй фигуры нашей картинки — фигуры крылатой Ники. Начиная съ общеизвѣстной и знаменитой «геніально-наивной» попытки хіосца

Архерма [7]) въ первой половинѣ VI вѣка создать типъ прыгающей или колѣнопреклоненной [8]) крылатой фигуры, греческое искусство не перестало работать надъ развитіемъ этого мотива и созданіемъ идеальнаго типа богини Побѣды. Художники-скульпторы и живописцы въ ревностномъ состязаніи старались все болѣе и болѣе облагораживать этотъ сюжетъ, и уже въ періодъ персидскихъ войнъ достигнуто было умѣнье представлять мотивъ дѣйствительнаго полета въ различныхъ его модификаціяхъ [9]). Съ какимъ умѣніемъ скульптура V вѣка передавала этотъ мотивъ крылатой и летящей Ники въ рельефномъ и статуарномъ искусствѣ, — это общеизвѣстно. Фигуры на балюстрадѣ храма Аѳины Побѣдительницы, творенія Фидія и знаменитая статуя Пэонія въ Олимпіи являются апогеемъ концепціи этой идеальной фигуры — концепціи, которую послѣдующее развитіе античнаго искусства мало видоизмѣняло и, не смотря на протестъ ярыхъ натуралистовъ въ родѣ E. du Bois-Reymond [10]) и искусство нашихъ дней все еще удерживаетъ и охотно примѣняетъ. Такъ какъ вопросъ о возникновеніи и развитіи типа Ники въ греческомъ искусствѣ весьма тщательно изслѣдованъ въ работахъ G. v. Kieseritzky [11]) и F. Studniczka [12]), то я считаю возможнымъ ограничиться здѣсь только что изложенными немногими замѣчаніями. Не моя задача теперь снова прослѣдить исторію этого типа въ его постепенномъ развитіи — для моей цѣли лишь важно установить, что во второй половинѣ V вѣка этотъ типъ былъ уже вполнѣ выработанъ и нашъ художникъ, работавшій приблизительно около 450 года, могъ воспользоваться и воспользовался изящно концептированными образцами

---

[7]) Срв. Павловскаго, Скульптура въ Аттикѣ, стр. 176. Studniczka Die Siegesgöttin, Fig. 7.

[8]) Что эта колѣнопреклоненная схема (Kniellaufschema) вполнѣ соотвѣтствуетъ кульминаціонному пункту прыжка, показали новые опыты моментальной фотографіи, срв. S. Reinach, Rev. arch. 1887, I, p. 106 f. Studniczka: Die Siegesgöttin, S. 5. Taf. I, Fig. 4.

[9]) Срв чашу Гіерона, Wiener Vorlegeblätter A. Tf. 5. Jahrbuch des deutsch. archeol. Institutes II, 1887, S. 164 A. 4.

[10]) E. du Bois—Reymond, Naturwiss. und bild. Kunst, Berlin 1891, S. 48.

[11]) G. v. Kieseritzky: Nike in der Vasenmalerei. 1874.

[12]) Franz Studniczka: Die Siegesgöttenn; Entwurf der Geschichte einer antiken Idealgestalt. 1898. Къ работѣ этой, которая касается не только вазной живописи, но всѣхъ отраслей греческаго искусства, приложены на 12 таблицахъ 59 изображеній, служащихъ прекрасною иллюстраціей для содержательнаго изслѣдованія автора.

его. Что эти образцы, или, точнѣе сказать, прямой образецъ для Ники на нашей вазѣ слѣдуетъ искать въ области живописи, не нуждается конечно въ выясненіи. Насколько и Фидій въ своихъ статуарныхъ твореніяхъ близко стоитъ къ живописи своего времени, это лишній разъ доказывается концепціей нашей фигуры: мотивъ низко опоясаннаго хитона, сопровождающаго всѣ движенія тѣла и служащаго фоліею для его красоты, своеобразная прическа съ собранными на затылкѣ волосами, форма плотно прилегающей къ головѣ діадемы — все это характерныя особенности, которыя встрѣчаются также въ работѣ Фидія [13]) и заключаютъ въ себѣ сильный живописный элементъ. И еще другому учитъ насъ концепція этой крылатой фигуры на нашей вазѣ: законъ «діагональной ассоціаціи» движеній рукъ и ногъ соблюдался уже въ гораздо болѣе раннемъ періодѣ, чѣмъ это допускаетъ Studniczka [14]).

Мы все время говорили о типахъ и моделяхъ, находившихся въ распоряженіи нашего керамиста-художника и имъ примѣненныхъ. Справедливость требуетъ, чтобы мы въ заключеніе возвратились къ нему самому. По легкости и гибкости руки, по несомнѣнно художественному таланту, по умѣнію распредѣлить фигуры, соблюдая вѣрныя пропорціи, по данной ему площади, нашъ мастеръ занимаетъ почетное мѣсто между аттическими керамистами періода перехода отъ строгаго къ свободному стилю; но больше, нежели этими качествами, онъ интересуетъ насъ той вѣрностью, съ которою онъ воспроизводитъ имѣющіеся у него типы. Эта вѣрность, которая его заставляетъ соединить въ одну сценку стилистически не совсѣмъ одинаково концептированныя и исполненныя фигуры, можетъ быть въ нѣкоторой степени умаляетъ представленіе о его художественномъ чутьѣ, но съ другой стороны она намъ позволяетъ довольно глубоко заглянуть въ образъ его работы и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и въ образъ работы еще многихъ керамистовъ и этимъ самымъ освѣтить небезъинтересную главу исторіи аттическаго искусства.

Д чл. Э. фонъ-Штернъ.

---

[13]) Furtwängler: Meisterwerke S. 22.

[14]) Studniczka: Die Siegesgöttin S. 19; срв. Marey: Le mouvement, 1894 p. 167, not.

Надгробныя надписи, пріобрѣтенныя Мелекъ-Чесменскимъ музеемъ въ 1899 году.

(Продолженіе).

11.

Небольшая плита изъ мягкаго раковистаго известняка безъ всякихъ украшеній, выш. 0,48 м., шир. 0,30, толщ. 0,09—0,11. На разстояніи 0,095 м. отъ верхняго края вырѣзаны буквы, въ углубленіяхъ которыхъ сохранились слѣды красной краски (выс. буквъ 0,03 м.). На лѣвой сторонѣ камня проходитъ сверху внизъ рубецъ, которымъ нѣсколько буквъ попорчено.

Камень найденъ въ іюнѣ 1899 г. въ Эльтыгенѣ.

Α..ΟΤΙΜΗ	Ἀ[κρ]οτίμη
ΑΝΔΡΟΜΗΔ	Ἀνδρομήδ-
Η Σ	ε[ο]ς.

Оба имени встрѣчаются на Боспорѣ въ первый разъ. Совершенно новое имя Ἀκροτίμη (Ἀνδροτίμη не помѣстилось бы въ лакунѣ) образовано изъ Ἀκρότιμος (Bechtel-Fick, стр. 267) подобнымъ образомъ, какъ Θεοτείμη, Διοτίμα, Ἐχετίμα, Κλεστίμη, Πολυτίμα изъ Θεότειμος и т. д.

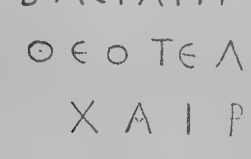
По характеру письма надпись можетъ быть отнесена къ IV в. до Р. Хр.

12.

Сверху и снизу обломанная плита изъ твердаго известняка; сохранившаяся часть имѣетъ 0,44—0,53 м. вышины, 0,46 м. ширины и 0,14 м. толщины. Отъ рельефа сохранилась нижняя часть: съ лѣвой стороны сидитъ въ креслѣ съ низкою спинкою женщина въ длинной одеждѣ, въ обычной «задумчивой» позѣ; съ правой стороны стоитъ мужчина въ гиматіи до колѣнъ; головы обѣихъ фигуръ отбиты. Въ промежуткѣ между упомянутыми фигурами стоятъ на постаментѣ (выш. 0,10 м.) двѣ сильно вывѣтрившіяся фигурки (выш. 0,15 м.).

На разстояніи 0,04 м. подъ рельефомъ читается довольно ясно надпись римскихъ временъ (выс. буквъ 0,03 м.).

Камень найденъ въ апрѣлѣ 1898 г. на Глинищѣ.



Βασίλη, γυνὴ
Θεοτέλ[ο]υ·
χαῖρε.

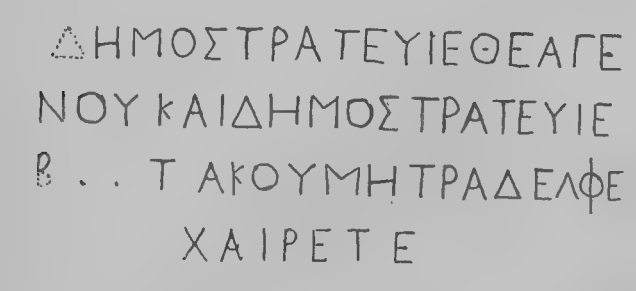
Имя Θεοτέλης еще не встрѣчалось на Боспорѣ.

13.

Сверху обломанное и на три части разбитое надгробіе изъ плотнаго известняка, съ округленнымъ верхнимъ концомъ, выш. 1,11 м., шир. 0,14. Памятникъ внизу стесанъ для вставки въ постаментъ. Рельефъ, украшающій надгробіе, изображаетъ двухъ мужчинъ: влѣво лицомъ къ зрителю стоитъ мужчина, одѣтый въ длинный гиматій; направо изваянъ воинъ въ короткомъ хитонѣ, застегнутомъ на груди, и въ хламидѣ, переброшенной черезъ плечо; въ приподнятой правой рукѣ онъ держитъ короткое копье. Лица обѣихъ фигуръ, по обыкновенію, умышленно попорчены.

На разстояніи 0,05 м. подъ рельефомъ тщательно вырѣзана по линейкамъ надпись римскихъ временъ (выс. буквъ 0,02 м.); начала первой и третьей строкъ немного повреждены.

Камень найденъ еще въ 1896 г. на Глинищѣ во дворѣ Ф. Винтера.



Δ]ημόστρατε, υἱὲ Θεαγέ-
νου, καὶ Δημόστρατε, υἱὲ
Β[ασ]τάκου, μητράδελφε·
χαίφετε.

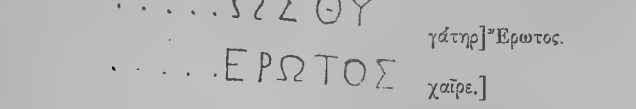
Имя Δημόστρατος встрѣчается на Боспорѣ въ первый разъ.

14.

Съ лѣвой стороны попорченное надгробіе изъ плотнаго известняка, выш. 0,82 м., шир. 0,26—0,40, толщ. 0,11. Отъ рельефа сохранилась правая сторона: подъ узкимъ карнизомъ изваяна арка, подъ которой стоитъ женщина въ длинномъ хитонѣ и гиматіи, наброшенномъ на голову. Въ правомъ верхнемъ углу изваяна розетка.

Непосредственно подъ рельефомъ сохранились концы двухъ строкъ (выс. буквъ 0,02 м.).

Камень найденъ въ январѣ 1896 г. на Глинищѣ.



. . . . . ως θυ-
γάτηρ]ʼΕρωτος.
χαῖρε.]

Въ женскомъ имени было, судя по размѣрамъ камня, 7 буквъ. По характеру письма надпись можетъ быть отнесена къ тому же времени, къ которому относится предыдущая надпись.

15.

Сверху и снизу обломанное надгробіе изъ мягкаго известняка, выш. 0,42 м., шир. 0,56, толщ. 0,12. Украшавшій надгробіе рельефъ изображаетъ группу изъ трехъ фигуръ: слѣва сидитъ въ креслѣ женщина, обращенная лицомъ къ зрителю; съ правой стороны стоитъ мужчина въ гиматіи до колѣнъ; между мужчиной и женщиной изваяна маленькая фигура дѣвочки. Головы фигуръ отбиты, вообще весь рельефъ сильно попорченъ.

Отъ надписи римскихъ временъ, вырѣзанной по линейкамъ, сохранилась только часть первой строки: первыя буквы или совсѣмъ отбиты, или на половину стерты, конца строки нѣтъ (выс. буквъ 0,03 м.).

Камень подаренъ въ 1897 г. Мелекъ-Чесменскому кургану торговцомъ С. Головлевымъ.

...ΓΥΝΗΗΛΙΔ.. — .. . . . γυνὴ Ἡλιδ[ος·

[χαῖρε]

Мужское имя Ἥλις встрѣчается въ одной надписи: В. В. Латышевъ, Inscr. Ponti II, стр. 60, № 62.

16.

Обломанное сверху надгробіе изъ мелкозернистаго известняка, внизу срѣзанное для вставки въ постаментъ, выш. 0,80 м., шир. 0,42, толщ. 0,14. Отъ рельефа сохранились ноги двухъ фигуръ, нижняя часть колонны и копья и, наконецъ, фигурка мальчика, стоящая посрединѣ. Мужчина, стоящій налѣво, опирался на колонну; другой, изваянный съ правой стороны, на копье.

Непосредственно подъ рельефомъ вырѣзана по линейкамъ трехстрочная надпись римскихъ временъ (выш. буквъ 0,03 м).

Камень найденъ въ февралѣ 1899 г. между Керчью и Булганакомъ возлѣ полотна строющейся желѣзной дорогѣ.

ΚΑΛΛΙΛΙΝΚΛΙΜΑΣΤΟ Καλλίλιν κ(α)ὶ Μαστο-
ΥΥΕ Α ΔΛ ΤΟΣ ῦ υἱέ(ε) Ἄδ(α)τος·
ΧΑΙΡΕ ΤΑΙ χαίρετ(ε).

Ἄδατος, вѣроятно, параллельная форма къ Ἄδα (gen. отъ Ἄδας: Inscr. Ponti II, 182[2]); первое имя для меня неясно.

17.

Обломанная сверху плита изъ твердаго известняка, выш. 0,69—0,76 м, шир. 0,49, толщ. 0,15. Отъ украшавшаго надгробіе рельефа сохранились только четыре лошадиныя ноги. На разстояніи 0,08 м. подъ рельефомъ вырѣзана надпись римскихъ временъ (выс. буквъ 0,03—0,04 м.); нѣкоторыя буквы сильно вывѣтрились и читаются только съ большимъ трудомъ. Камень срѣзанъ для вставки въ постаментъ только съ лѣвой стороны.

Надгробіе найдено въ октябрѣ 1899 г. на Глинищѣ.

ΜΑΜΗΕ Μάμ(ι)ε
ΑΧΑΕΑΔΟΥ Ἀχαιξάδου·?
ΧΑΡΕ χα(ῖ)ρε.

Μάμιος, вѣроятно, pendant къ женскому имени Μαμία (В. В. Латышевъ, Мат. по арх. Россіи, № 17, стр. 55, № 60 и Зап. Од. Общ., т. XXI (1898), стр. 198, № VII). Въ правильности чтенія втораго имени я сильно сомнѣваюсь.

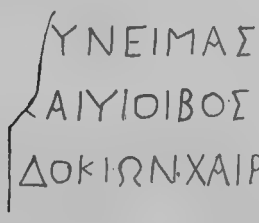
18.

Обломанное сверху надгробіе изъ твердаго известняка, выш. 0,72 м., шир. 0,43, толщ. 0,18. Отъ рельефа, украшавшаго надгробіе, остались только слѣды кресла, на которомъ, повидимому, си-

дѣла женщина въ обычной «задумчивой» позѣ; далѣе слѣды скамейки передъ кресломъ и нижнія части ногъ какого-то мужчины.

Непосредственно подъ рельефомъ вырѣзана по линейкамъ надпись римскихъ временъ (выс. буквъ 0,04 м.). Начальныя буквы первыхъ двухъ строкъ попорчены.

Камень найденъ въ іюнѣ 1899 г. въ Эльтыгенѣ.



ΥΝΕΙΜΑΣΤΑΡ.. . . . ύνει Μασταρ[οῦ
ΑΙΥΙΟΙΒΟΣΤΕΚΕ καὶ υἱοὶ Βόστ[ε]κ(αὶ)
ΔΟΚΙΩΝΧΑΙΡΕΤΕ Δοκίων· χαίρετε.

Первое и третье имена, повидимому, варварскія. Имя Δοκίων, котораго нѣтъ въ словаряхъ Фика и Папе, относится къ Δόκιμος точно такъ же, какъ Προσδοκίων (B. Latyschev, Inscr. Ponti II, № 402) къ Προσδόκιμος. Чередованіе καὶ и κὲ въ одной и той же надписи явленіе не новое; см. Inscr. Ponti, II, № 451.

19.

Обломанное сверху надгробіе изъ твердаго известняка, выш. 1,04 м., шир. 0,50, толщ. 0.16. Отъ украшавшаго надгробіе рельефа остались слѣды двухъ другъ противъ друга поставленныхъ креселъ съ обычными скамеечками, и по обѣимъ сторонамъ остатки двухъ небольшихъ фигуръ. Рельефъ изображалъ, очевидно, извѣстную сцену: на креслахъ сидѣли другъ противъ друга двѣ женщины (мать и дочь), а за креслами дѣвочки, держащія въ рукахъ обычные сосуды.

Непосредственно подъ рельефомъ вырѣзана надпись римскихъ временъ (выс. буквъ 0,025 м.). Въ началѣ и въ концѣ второй строки вырѣзаны какіе-то знаки для заполненія пустаго мѣста.

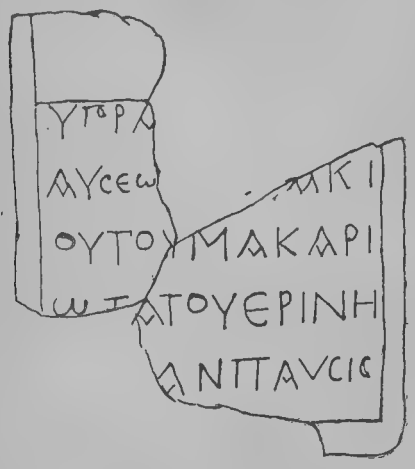
ΟΑΒΕΙCΘΥΓΑΤΗΡ Ὀάβεις, θυγάτηρ
ΙCΙΓΟΝΗC ΧΕCΡΕ Ἰσιγόνης· χ(αῖ)ρε.

Варварское имя Ὀάβεις (можетъ быть, нужно читать Θάβεις, ср. Θάβων, Θαβοττίων въ спискѣ нимфейскихъ гражданъ: Зап. Од. Общ., т. XX (1897), стр. 26) не встрѣчалось еще на Боспорѣ.

20.

Возлѣ лазарета, расположеннаго по лѣвую сторону отъ шоссе, ведущаго въ Керченскую крѣпость, найдено въ сентябрѣ 1899 г. нѣсколько маленькихъ еврейскихъ надгробій: четыре изъ нихъ украшены семисвѣщниками, но надписи или совсѣмъ отсутствуютъ, или до того вывѣтрились и стерлись, что не поддаются чтенію. Больше интереса представляютъ два обломка одной и той же плиты изъ мягкаго известняка, на которой была вырѣзана сначала еврейская надпись (отъ нея сохранилось нѣсколько буквъ), а затѣмъ греческая. Это, кажется первая двуязычная надпись (titulus bilinguis), найденная въ Керчи.

Камень представлялъ окаймленное рельефною рамкою (шир. 0,035—0,04 м.) зеркало, которое было исписано еврейскою и греческою надписями, отдѣленными другъ отъ друга глубокою поперечною чертою. Сохранившаяся часть надгробія имѣетъ 0,29—0,40 м. вышины, 0,35 м. ширины и 0,08 м. толщины. Оба обломка можно сложить такимъ образомъ, что получается слѣдующая надпись позднаго императорскаго времени (выс. буквъ 0,015—0,03 м.):



ὑπὲρ ἀ[ναπ-
αύσεω[ς Ἀκ]ακί-
ου τοῦ μακαρι-
ωτάτου·(εἰ)ρ(ή)νη
καὶ] ἀνάπαυσις.

Въ большинствѣ буквъ просверлены неглубокія дырочки, тамъ гдѣ сходятся или оканчиваются отдѣльныя черты, такъ что получается впечатлѣніе, будто буквы прибиты. Слово εἰρήνη написано ἔρίνη: ε въ первомъ слогѣ сохранилось подъ вліяніемъ ρ (ср. Μυρέvος вм. Μυρεῖνος въ Зап. Одесскаго Общества, т. XXI, стр. 199, № X).

Надпись подарена Мелекъ-Чесменскому музею воспитанникомъ Керченской Александровской гимназіи Алексѣемъ Перуанскимъ.

Д. чл. В. Шкорпилъ.

Г. Керчь,
27-го ноября 1899 г.

Очеркъ гражданскаго устройства Бессарабской области съ 1812—1828 г.[1])

I.

Присоединеніе Бессарабіи къ Россіи. — Букарестскій миръ. — Кутузовъ и Чичаговъ. — Митрополитъ Гавріилъ. — Образованіе временнаго правительства въ Бессарабіи. — Гражданскій губернаторъ Стурдза.

Въ началѣ турецкой войны 1806—1812 года дунайскія княжества Валахія и Молдавія съ сопредѣльной съ ними Бессарабской областью находились подъ турецкимъ господствомъ. Княжества, составлявшія тогда отдѣльныя государства, управлялись господарями, назначаемыми султаномъ, и платили Турціи дань, а Бессарабская область составляла три владѣнія: молдавское, турецкое и татарское. Уѣзды: Ясскій, Сорокскій, Оргѣевскій и Кишиневскій входили въ составъ «Запрутской Молдавіи»; Хотинскій—подъ названіемъ «Райи», съ крѣпостями: хотинскою, бендерскою, аккерманскою, киліійскою и измаильскою, а также и ихъ форштаты и окружности зависѣли непосредственно отъ турокъ, имѣвшихъ въ крѣпостяхъ свои гарнизоны, подъ начальствомъ пашей; уѣзды-же Бендерскій и Аккерманскій подъ именемъ «Буджака» или собственной «Бессарабіи» принадлежали татарамъ.

---

[1]) Настоящее сочиненіе является продолженіемъ статьи того же автора «Очеркъ гражданскаго управленія въ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи во время русско-турецкой войны 1806—1812 года», напеч. въ Запискахъ Общества т. XI. Оба эти изслѣдованія написаны на основаніи матеріяловъ, находящихся въ архивѣ Бессарабскаго Губернскаго Правленія, и особенно того изъ нихъ, который называется архивомъ гг. сенаторовъ. Настоящій трудъ былъ напечатанъ въ газетѣ «Бессарабскій Вѣстникъ» въ 1889 г., но, въ виду представляемаго имъ интереса, перепечатывается здѣсь съ согласія автора, дабы не заглохнулъ въ газетной пучинѣ.

Присоединеніе Бессарабіи къ Россіи совершалось, какъ извѣстно, по Букарестскому миру 1812 года. Главнокомандующій русскою арміею въ княжествахъ Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, избранный Императоромъ Александромъ I для окончанія войны съ Турціею, въ виду нашествія Наполеона, успѣлъ нанести такой ударъ, который заставилъ ихъ просить мира, вопреки желанію Наполеона. Понимая всю важность предстоящаго событія и опасаясь, чтобы требованіе, предъявленное Россіей объ уступкѣ ей Валахіи и Молдавіи, не произвело разрыва мирныхъ переговоровъ, Кутузовъ рѣшился переступить данное ему полномочіе и, отказавшись отъ княжествъ, согласился на предложеніе турокъ уступить Россіи только одну Бессарабію, и 4-го мая подписалъ въ Букарестѣ предварительныя условія мира. Въ оправданіи своемъ онъ писалъ Государю, находившемуся при арміи въ Вильнѣ, слѣдующее: «Предаюсь великодушію Вашего Императорскаго Величества. Что я ничего лучшаго сдѣлать не могъ, тому причиною положеніе дѣлъ въ Европѣ; что я не упустилъ никакихъ стараній и способовъ, тому свидѣтель Богъ Уважьте, Всемилостивѣйшій Государь, что при всѣхъ лестныхъ обѣщаніяхъ, отъ Франціи Портѣ дѣлаемыхъ, и при ожиданіи непріятностей для Порты въ случаѣ ея отказа, заключить миръ, выгоднѣйшій Ясскаго и Кайнаржійскаго, ибо Порта лишается своихъ лучшихъ пяти крѣпостей и съ немалымъ пространствомъ земли, дѣло не пустое. Но ежели за всѣмъ тѣмъ выгоднѣе будетъ разорвать все, мною сдѣланное, въ такомъ случаѣ приму безъ роптанія все, что касательно меня послѣдовать можетъ: несчастье частнаго человѣка съ пользою общею ни въ какой разсчетъ не входитъ».

Въ то самое время, когда Императоръ Александръ читалъ донесеніе Кутузова, Наполеонъ находился въ Дрезденѣ, а армія его на Вислѣ, ожидая лишь приказа, чтобы вторгнуться въ предѣлы Россіи. При такихъ обстоятельствахъ нечего было и думать о дальнѣйшей медленности, и Императоръ Александръ согласился на заключеніе мира съ Турціей на основаніяхъ подписанныхъ Кутузовымъ. Вслѣдъ затѣмъ 16 мая 1812 года былъ подписанъ въ Букарестѣ и самый миръ, по которому Россія пріобрѣла отъ Турціи Бессарабскую область въ ея естественныхъ границахъ, между Днѣстромъ, Прутомъ, Дунаемъ и Чернымъ моремъ, съ пятью крѣпостями:

Хотиномъ, Бендерами, Измаиломъ, Килліей и Аккерманомъ, семнадцатью городами и мѣстечками, шестьсотъ девяносто тремя селеніями и сорока тремя тысячами ста шестьдесятью семействами жителей.

Принятіе Бессарабской области отъ турокъ было возложено Государемъ на новаго главнокомандующаго дунайской арміей—адмирала Чичагова, прибывшаго въ Букарестъ два дня спустя послѣ подписанія мира Кутузовымъ, отозваннымъ въ Петербургъ. Ратификація мирнаго трактата произошла 11 іюля, уже послѣ перехода Наполеона черезъ Нѣманъ. Дунайская армія, изъ корпусовъ графа Ланжерона, Войнова, Эссена, Булатова и Сабанѣева, вслѣдствіе повелѣнія, полученнаго отъ Государя изъ Смоленска, выступила изъ княжествъ 19 іюля и направилась черезъ Фокшаны, Яссы и Хотинъ въ Волынскую губернію на соединеніе съ Тормасовымъ.

Съ выступленіемъ арміи къ предѣламъ Россіи адмиралъ Чичаговъ распорядился о доставленіи всѣхъ казенныхъ имуществъ и архива гражданскаго управленія княжествъ въ Бессарабію. Бывшіе правители въ княжествахъ сенаторъ Красно-Милошевичъ и митрополитъ Гавріилъ перешли на жительство въ г. Кишиневъ, гдѣ первый изъ нихъ долженъ былъ приготовить для будущаго гражданскаго правителя Бессарабіи инструкцію, которою онъ имѣлъ руководствоваться при управленіи краемъ, и правила или основанія къ учрежденію временнаго гражданскаго управленія, а послѣдній открыть кишиневско-хотинскую епархію. Распоряженія Красно-Милошевича относились къ снятію Бессарабіи на планъ инженеромъ Абрамовичемъ; къ удовлетворенію частныхъ лицъ, отыскивавшихъ въ Бессарабіи имѣнія, бывшія во владѣніи турокъ; къ устройству задунайскихъ переселенцевъ; къ статистическому описанію области и къ передачѣ дѣлъ, до Бессарабіи относящихся, новому гражданскому правителю области дѣйств. ст. сов. Скарлату Стурдзѣ, назначенному на эту должность Высочайшимъ указомъ 7 августа 1812 г. Вслѣдъ за этимъ, въ концѣ сентября закрылось управленіе гражданской частью при главнокомандующемъ дунайской арміей и чиновники, состоявшіе въ штатѣ его канцеляріи, получили новыя назначенія по Бессарабской области, оставшейся подъ главнымъ начальствомъ адмирала Чичагова, а Красно-Милошевичъ уѣхалъ въ Петербургъ.

По особой инструкціи адмирала Чичагова, составленной на

основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ, въ началѣ 1813 г., были открыты дѣйствія временнаго правительства, составленнаго въ то время изъ двухъ департаментовъ и общаго собранія. Предсѣдательствовалъ въ нихъ—и онъ-же открывалъ дѣйствія этихъ учрежденій,—бессарабскій гражданскій губернаторъ Стурдза.

Первый департаментъ областнаго правительства раздѣлялся на три экспедиціи: гражданскихъ или судебныхъ дѣлъ, уголовныхъ и слѣдственныхъ и городской и земской полиціи. Первою экспедиціею управляли четыре совѣтника изъ мѣстныхъ помѣщиковъ; второю—три совѣтника изъ помѣщиковъ и одинъ русскій штабъ-офицеръ; третьею—одинъ совѣтникъ изъ русскихъ штабъ-офицеровъ. Гражданскія и уголовныя дѣла указано было производить по мѣстнымъ постановленіямъ и обычаямъ, до введенія русскихъ узаконеній по части уголовной; дѣла же полиціи полагалось отправлять соотвѣтственно существующему образцу управленія. Сверхъ того въ первомъ департаментѣ Чичаговъ предложилъ производить и духовныя дѣла, по особому учрежденію, еще не устроенному. Экспедиціи не постановляли заключеній по дѣламъ, требовавшимъ рѣшенія цѣлаго департамента, а собирали лишь справки и составляли докладныя записки. Экспедиціи имѣли право требовать отъ исправниковъ, полиціймейстеровъ и другихъ лицъ приведенія въ исполненіе рѣшеній департамента и предписаній губернатора; въ случаѣ же неповиновенія ихъ представляли о томъ департаменту, который доводилъ о каждомъ такомъ случаѣ до свѣдѣнія губернатора. Департаментъ имѣлъ право предписывать исправникамъ, полиціймейстерамъ и другимъ земскимъ чиновникамъ. Второй департаментъ состоялъ также изъ трехъ экспедицій: статистики, финансовъ и коммерціи, каждая подъ управленіемъ одного совѣтника изъ русскихъ штабъ-офицеровъ, или же изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, по назначенію губернатора. Предположенія, дѣлаемыя совѣтниками экспедицій, предлагались на разсмотрѣніе и одобреніе цѣлаго департамента, который представлялъ оныя на утвержденіе губернатора. Совѣтникъ экспедиціи финансовъ обязанъ былъ составлять въ каждую треть года генеральный отчетъ о доходахъ и расходахъ и представлять оный на разсмотрѣніе общаго собранія. Губернаторъ принималъ жалобы на несправедливыя рѣшенія и отсылалъ для разбирательства куда слѣдуетъ. Дѣла производились на

русскомъ и молдавскомъ языкахъ, а потому каждый департаментъ имѣлъ по двѣ канцеляріи: русскую и молдавскую. Общее собраніе департаментовъ принимало аппеляціи на департаменты, которыя разсматривало и рѣшило окончательно большинствомъ голосовъ.

Въ административномъ отношеніи область раздѣлялась на девять цынутовъ или уѣздовъ, а именно: Оргѣевскій или Кишиневскій, Хотинскій, Сорокскій, Ясскій или Фалештскій, Хоторничанскій, Кодрскій, Гречанскій, Бендерскій и Тамаровскій или Измаильскій. Въ каждомъ цынутѣ полагалось по одному, а въ нѣкоторыхъ по два исправника, и по одному секретарю, онъ же и казначей (вамишъ), всѣ изъ молдавскихъ чиновниковъ. Каждый цынутъ раздѣлялся на округа (околы), которыми управляли околаши и капитаны де мазылъ (надъ мазылами); мѣстечками завѣдывали капитаны де тыгръ. Околаши и капитаны опредѣлялись исправниками изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ или мазыловъ, и даже изъ собственныхъ исправничьихъ служителей. Всѣ дѣла въ цынутахъ разбирались одними исправниками, по обычаямъ земли, на молдавскомъ языкѣ и большею частью на словахъ; кромѣ исправниковъ, околашей и капитановъ никакихъ другихъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностей въ цынутахъ не было. Русскія полиціи были учреждены только въ Кишиневѣ и Хотинѣ. Полиціи эти руководствовались особымъ постановленіемъ, изданнымъ губернаторомъ Стурдзою. Въ Кишиневѣ, избранномъ центромъ управленія областью, былъ сформированъ Стурдзою особый штатъ городской полиціи еще 28 октября 1812 г. съ опредѣленіемъ въ должность полиціймейстера титулярнаго совѣтника Дическулова, замѣненнаго вскорѣ подполковникомъ Полтавцовымъ. Полицейское управленіе въ Хотинскомъ цытутѣ называлось по прежнему «паркалабіей», а въ Оргѣевскомъ «сардаріей». Въ Бендерскомъ и Тамаровскомъ цынутахъ, по обширности ихъ, были поставлены отъ исправниковъ особые векилы или повѣренные: отъ Бендерскаго исправника въ Аккерманѣ и Килiи; отъ Тамаровскаго—въ Измаилѣ. Распредѣленіе народонаселенія по цынутамъ было слѣдующее: въ Оргѣевскомъ, на 3 города и 248 селеній, считалось 14,057 семействъ; въ Хотинскомъ, на 3 гор. 169 сел.—13,076 сем.; въ Сорокскомъ, на 4 гор. и 138 сел.—7,636 сем.; въ Хоторничанскомъ, на 17 сел.—2,812 сем.; въ Кодрскомъ, на 1 гор. и 13

селъ—1,064 сем.; въ Гречанскомъ, на 14 селъ—990 сем.; въ Бендерскомъ, на 4 гор., со включеніемъ Аккермана и Килiи, и на 70 селъ—2,788 сем.; въ Тамаровскомъ или Измаильскомъ, на 2 гор. и 24 села—636 семействъ. Итого на 17 городовъ и мѣстечекъ и 693 селенія—43,160 семействъ. Ясскій уѣздъ при исчисленіи населенія области входилъ въ составъ смежныхъ уѣздовъ и потому здѣсь не показанъ.

Одновременно съ открытіемъ гражданскихъ учрежденій въ области была учреждена и кишиневско-хотинская епархія, подъ управленіемъ экзарха, митрополита Гавріила. Прибывъ съ своимъ викаріемъ Димитріемъ изъ Яссъ въ послѣднихъ числахъ сентября 1812 г. и обозрѣвъ Бессарабію, митрополитъ Гавріилъ нашелъ болѣе удобнымъ и лучшимъ для мѣстопребыванія своего г. Кишиневъ. На первыхъ же порахъ митрополитъ, побуждаемый различными требованіями церкви и духовенства, учредилъ въ Кишиневѣ мѣстное духовное судилище, которое открылъ подъ именемъ Экзархской духовной декастеріи 2-го октября 1812 г. Вслѣдъ затѣмъ была открыта 31 января 1813 г. и духовная семинарія, для образованія дѣтей духовнаго званія. Сама же епархія была учреждена не ранѣе августа 1813 г. Въ то время приходскихъ церквей было 749; но Высочайшимъ указомъ 1813 года къ кишиневско-хотинской епархіи были причислены и сопредѣльныя къ Бессарабіи церкви, находившіяся въ Очаковской степи, именно: въ Тирасполѣ, Ананьевѣ и Одессѣ, съ ихъ уѣздами, въ которыхъ находилось 77 церквей. Эти церкви были отчислены только въ 1837 г., частью къ хотинской, частью къ екатеринославской епархіямъ. Бессарабскія церкви состояли подъ непосредственнымъ управленіемъ протопоповъ, зависѣвшихъ отъ мѣстнаго митрополита. Управленія протопоповъ назывались протопопіями, и такихъ было десять: оргѣевская, лопушнянская, хоторничанская, кодрская, гречанская, сорокская, хотинская, фалештская и Бессарабской области.

Повидимому, съ введеніемъ въ Бессарабіи русскаго гражданскаго и духовнаго управленій прежніе порядки должны были остаться нетронутыми, согласно дарованнымъ краю привиллегіямъ управляться по обычаямъ земли молдавской.

Задача русскаго правленія состояла, конечно, въ томъ, чтобы постепенно замѣнить варварскій порядокъ вещей правильной и стройной системой, основанной на гуманномъ законодательствѣ. Но для этого нужно было хоть сколько нибудь подготовить населеніе, весьма трудно мѣняющее свои нравы и обычаи, къ принятію новаго строя жизни. Чтобы сдѣлать переходъ къ русскимъ государственнымъ порядкамъ менѣе чувствительнымъ, было признано необходимымъ придать и самому временному правительству изъ двухъ департаментовъ подобіе молдавскаго дивана, для чего и допущены были въ оном только одни мѣстные помѣщики. Крайняя необходимость, побудившая правительство оставить Бессарабіи правила и обычаи земли молдавской, поставила сразу правленіе Стурдзы въ самое неловкое положеніе, такъ какъ обычаи, усвоенные населеніемъ въ практической жизни, не были никѣмъ до того собраны и изданы во всеобщее свѣдѣніе. Стурдза, на обязанности коего лежала эта задача, или не могъ, или не хотѣлъ заняться этимъ дѣломъ; безъ письменнаго же сборника мѣстныхъ узаконеній, конечно, не было никакой возможности ввести правильный порядокъ въ управленіи страной и установить однообразную систему дѣйствій. За отсутствіемъ таковаго сборника исполнители той или другой гражданской обязанности выбирали по своему произволу обычай, который имъ больше нравился, или же совсѣмъ обходились безъ обычая и поступали по личному своему усмотрѣнію, выдумывая для каждаго случая новое какое нибудь правило, служившее впослѣдствіи примѣромъ для другихъ. Вслѣдствіе этого въ странѣ образовалась масса разнообразнѣйшихъ, противоположныхъ другъ другу обычаевъ, съ различными объясненіями и толкованіями, смотря по мѣстности, населенію, народности и сословію, къ которымъ они примѣнялись. Такимъ образомъ отъ характера, личнаго взгляда, степени добросовѣстности и пониманія каждаго изъ дѣятелей зависѣла и судьба людей, которыми они были призваны управлять. Характеръ же дѣятелей этой ранней эпохи былъ мало пригоденъ для дѣла управленія разноплеменнымъ населеніемъ новой области, потому что, за весьма малымъ исключеніемъ, всѣ они принадлежали сами къ коренному населенію, слѣдовательно были заражены тѣми же предразсудками и пороками, какими страдало и само общество. Не руководствуясь при отправ-

леніи своихъ обязанностей никакими законами, уставами или наставленіями, молдавскіе чиновники считали ввѣренную имъ власть совершенно абсолютною и поступали во всѣхъ случаяхъ только по своему личному произволу. Особенно возмутительно было управленіе исправниковъ, которые, по обычаямъ земли молдавской, были въ одно и тоже время администраторами, судьями и откупщиками. Пользуясь неограниченною властью суда и расправы, они располагали сельскими жителями, какъ своими подданными: обрабатывали ими свои поля, пользовались безвозмездно подводами, употребляли людей на подрядныя работы, взимали съ нихъ разные сборы въ свою пользу и сверхъ всего подвергали ихъ, по своему усмотрѣнію, побоямъ, истязаніямъ, сѣченію кнутомъ и нерѣдко даже пыткамъ и смертной казни. Непосильныя натуральныя повинности и чрезмѣрные поборы, налагаемые молдавскими чиновниками на поселянина, доводили его до послѣдней степени разоренія и онъ бросалъ свою осѣдлость и бѣжалъ за Прутъ, или же обращался въ пролетарія и бродягу, готоваго на грабежъ, разбой и убійство. Извѣрившись во всемъ, бродяги эти нерѣдко составляли большія шайки и, связанные между собой общею цѣлью грабежа и разбоя и не менѣе сильнымъ желаніемъ мести своимъ притѣснителямъ, пробѣгали страну, вторгались въ боярскіе дома, жгли, грабили ихъ усадьбы, нападали на почты и совершали убійства; затѣмъ удалялись въ какой нибудь лѣсной притонъ, которыми изобиловала въ то время страна, для дѣлежа добычи и тамъ составляли новые планы для будущихъ злодѣйствъ. И долго еще послѣ своего присоединенія Бессарабія не могла отдѣлаться отъ этого вопіющаго зла; по крайней мѣрѣ хроники тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ еще полны возмутительныхъ разсказовъ о подвигахъ многочисленныхъ шаекъ разбойниковъ.

Стурдза не могъ, еслибъ даже и желалъ, устранить злоупотребленія, существовавшія въ Бессарабіи въ его время, во первыхъ потому, что они были узаконены обычаями и искони входили въ систему молдавско-турецкаго правленія, и во вторыхъ потому, что самъ онъ былъ дряхлый 80-ти лѣтній, едва двигавшійся старикъ, которымъ управляли его приближенные. Не имѣя способности водворить въ управленіи ввѣренной ему области болѣе раціональнаго

порядка и лишенный, по своей дряхлости, вліянія на дѣла, онъ счелъ за лучшее удалиться на покой, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ открытія въ области временнаго правительства изъ двухъ департаментовъ. Стурдза былъ уволенъ 17 іюня 1813 года и потому обвинять его въ допущеніи существовавшихъ и до него злоупотребленій было-бы крайне несправедливо. Въ кратковременное правленіе Стурдзы Бессарабія успѣла только уединиться со стороны Молдавіи кордонною линіею изъ казаковъ, поставленной вдоль по рѣкѣ Пруту, и начать новую жизнь, независимую отъ прежняго своего отечества, подъ управленіемъ своего собственнаго правительства.

II.

Назначеніе гражданскаго губернатора Гартинга. — Письмо князя Куракина къ главнокомандующему въ Петербургѣ, министру полиціи, генералу отъ инфантеріи Вязмитинову.— Записка Байкова о состояніи Бессарабіи въ 1813 году.

Смутное время, наступившее со вторженіемъ Наполеона въ Россію, надолго отвлекло вниманіе верховной власти отъ Бессарабіи, и потому дѣло устройства края, конечно, не могло идти вполнѣ успѣшно. Поставленная въ зависимость отъ бывшаго главнокомандующаго дунайской арміей адмирала Чичагова, Бессарабія должна была ожидать отъ него назначенія пріемника Стурдзѣ. Но какъ съ выступленіемъ русскихъ войскъ за границу главное начальство надъ Бессарабіей перешло отъ Чичагова къ главнокомандующему въ Петербургѣ, министру полиціи генералу отъ инфантеріи Вязмитинову, то дѣло назначенія новаго гражданскаго губернатора замедлилось. Въ виду этого, бывшій тогда министръ внутреннихъ дѣлъ князь Куракинъ обращался къ Вязмитинову съ представленіемъ о необходимости въ скорѣйшемъ опредѣленіи начальника по гражданской части въ области и на мѣсто Стурдзы былъ назначенъ губернаторомъ Бессарабіи бывшій тогда хотинскимъ комендантомъ инженеръ генералъ-маіоръ Гартингъ. Выборъ этотъ былъ сдѣланъ потому, что Гартингъ въ продолженіи послѣдней турецкой войны безотлучно состоялъ по инженерной и квартирмейстерской частямъ при дунайской арміи. Исполняя разныя порученія главнокомандовавшихъ и имѣя много случаевъ пріобрѣсти достовѣрныя свѣдѣнія объ образѣ

правленія въ Молдавіи, обычаяхъ и нравахъ ея жителей, онъ, конечно, лучше другихъ могъ годиться въ правители области, которой были дарованы права и обычаи земли молдавской. При вступленіи въ должность Гартингъ нашелъ дѣла въ печальномъ состояніи; безпорядки и всеобщая путаница по дѣламъ управленія вызывали ропотъ и неудовольствіе жителей, которые не могли остаться незамѣченными. Обративъ вниманіе на все это, Гартингъ принялся съ необычайной энергіей искоренять глубоко вкоренившіяся злоупотребленія.

Противъ ожиданія онъ нашелъ въ мѣстномъ правительствѣ и въ обществѣ лицъ, готовыхъ сочувствовать его стремленіямъ къ введенію въ краѣ болѣе раціональныхъ порядковъ и желающихъ скорѣйшаго перехода Бессарабіи отъ молдавскаго произвола къ русскому государственному строю. Изъ письма князя Куракина къ Вязмитинову отъ 30 ноября 1813 г. видно, что д. с. с. Байковъ, воспользовавшійся свѣдѣніями, доставленными ему во время проѣзда чрезъ Кишиневъ въ 1813 году, составилъ о тогдашнемъ положеніи Бессарабіи подробную записку. Записка эта относится ко времени губернаторства Стурдзы и описываетъ характеръ тогдашняго управленія Бессарабіи, безпорядки, вкравшіеся въ дѣла казенной экспедиціи областнаго правительства, и неудовлетворительное состояніе сельскаго населенія. Она была доставлена Куракину самымъ Байковымъ въ проѣздъ его чрезъ г. Тульчинъ, а Куракинъ при письмѣ отъ 30 ноября 1813 г. сообщилъ оную въ подлинникѣ главнокомандующему въ Петербургѣ министру полиціи Вязмитинову, бывшему въ то время главнымъ начальникомъ Бессарабіи. Интересныя свѣдѣнія, заключающіяся въ письмѣ Куракина и запискѣ Байкова о Бессарабіи, несомнѣнно составляютъ достояніе ея исторіи. Вотъ эти документы: «Послѣ отношеній моихъ къ вашему высокопревосходительству, — пишетъ Куракинъ, — въ коихъ имѣлъ честь представлять о необходимости въ скорѣйшемъ опредѣленіи начальника по гражданской части въ Бессарабской области, я видѣлся съ г. Байковымъ въ проѣздъ его чрезъ Тульчинъ и, бывъ любопытенъ знать нѣкоторыя подробности относительно настоящаго положенія жителей Бессарабіи и управленія тѣмъ краемъ, получилъ отъ него партикулярную записку о семъ, которую долгомъ поставляю въ та-

ковомъ-же видѣ сообщить къ свѣдѣнію вашего высокопревосходительства. Изъ оной вы, милостивый государь мой, усмотрѣть изволите, что единственно отъ недостатка въ опытномъ начальникѣ вкоренились многія злоупотребленія даже въ самомъ образѣ настоящаго управленія Бессарабіею, сколько во вредъ казны, столько-же въ отягощеніе жителей тамошнихъ. Сіи послѣдніе, какъ г. Байковъ изъясняется, будучи не въ силахъ болѣе удовлетворять чрезвычайнымъ и незаконнымъ поборамъ, съ нихъ взыскиваемымъ, принуждены оставлять свои жилища и перебѣгать на противную сторону Прута для поселенія въ турецкихъ владѣніяхъ. По истинѣ весьма будетъ сожалительно, ежели страна сія, доселѣ столь изобильная населеніемъ и произведеніями своими и пріобрѣтеніе коей дорого стоило государству, должна будетъ наконецъ опустѣть. Судя по важности предметовъ, въ запискѣ г. Байкова изъясненныхъ, ваше высокопревосходительство, конечно, не откажете въ покровительствѣ жителямъ сего вновь пріобрѣтеннаго края».

Содержаніе записки Байкова слѣдующее: «Въ Бессарабіи и части новопріобрѣтенной Молдавіи губернаторомъ, ни отъ кого кромѣ бывшаго главнокомандующаго надъ дунайскою арміею независимымъ, учреждено подъ его предсѣдательствомъ временное правительство изъ двухъ департаментовъ, въ которыхъ по три экспедиціи. Въ первомъ—гражданскихъ, уголовныхъ и полицейскихъ дѣлъ. Въ сихъ трехъ экспедиціяхъ шесть совѣтниковъ изъ молдаванъ и одинъ, въ послѣдней экспедиціи, русскій штабъ-офицеръ. Во второмъ — экспедиціи статистики, финансовъ и коммерціи. Сей департаментъ сборами, расходами, откупными статьями, почтовымъ содержаніемъ, казенными построеніями, подрядами — и словомъ всѣмъ, что только есть и было принадлежащимъ казенной палатѣ, подъ главнымъ начальствомъ министра финансовъ состоящій. Въ немъ, по неимѣнію якобы для статистики и коммерціи способныхъ людей, находится одинъ только совѣтникъ, который получилъ чинъ надворнаго совѣтника. Онъ, сверхъ того, начальствуетъ и надъ полицейскою частью, такъ что и третья экспедиція перваго департамента ему-же непосредственно подчинена. Такимъ образомъ въ рукахъ одного—и губернское правленіе, и казенная палата со всѣми ея экспедиціями и губернскимъ казначеемъ; а по вліянію, какое онъ черезъ то имѣетъ,

также легко отъ него зависятъ и остальныя двѣ экспедиціи, т. е. уголовная и гражданская, составленныя изъ молдаванъ, слѣдовательно и все правительство, при неопытности, дряхлости и добродушіи губернатора (Стурдзы). Такому съ перваго взгляда рыхлому правительству предоставлено руководствоваться законами и обычаями молдавскаго края, безъ всякихъ высшихъ инстанцій. Внутреннее управленіе области лежитъ на однихъ молдавскихъ исправникахъ, выбранныхъ по произволу правительства, не имѣющихъ въ руководствѣ никакихъ наставленій и слѣдовательно долженствующихъ управлять по своимъ обычаямъ. Въ обоихъ княжествахъ нѣтъ никакихъ другихъ законовъ, кромѣ воли правительства и нѣсколькихъ заповѣдей царя Юстіана (!), которыми только въ важныхъ случаяхъ по гражданской и уголовной части руководствуются, и то только тогда, когда хотятъ прикрыть своеволіе законами, которыхъ однако-жъ не только диванисты (сенаторы), но и оберъ-секретари ихъ не обязаны знать; а имѣется для сего въ судебномъ Диванѣ такъ называемый номикосъ или законоискусникъ на особливомъ жалованьи, къ которому въ такихъ случаяхъ Диванъ адресуется и утверждаетъ, если хочетъ, его опредѣленія, на извѣстныхъ только ему законахъ основанныя. А обычаи состоятъ въ правѣ сильнаго и въ томъ, кто больше дастъ. Послѣднее разительно изъ самой сущности, изложено въ отзывѣ главнокомандовавшаго молдавскою арміею генерала Михельсона къ бывшему министру иностранныхъ дѣлъ Будбергу, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1807 г. писанномъ, по случаю жалобы господаря князя Ипсиланти на отягощеніе обывателей со стороны войскъ. Теперь остается судить, можетъ-ли благоденствовать край и прилично-ли было-бы допустить въ такомъ государствѣ, какъ Россія, управленіе не только цѣлой области, но и самой малой волости по кормчей книгѣ, а что хуже, по обычаямъ, исполненнымъ всякаго ненаказаннаго злоупотребленія, и чтобы при томъ вся власть оставалась въ рукахъ одного человѣка, доселѣ ничѣмъ вовсе не управлявшаго; особливо если онъ, подражая обычаямъ своего края, предпочтетъ свои выгоды всему прочему и станетъ поступать по праву арендатора. Каково-же быть подъ такимъ управленіемъ чиновникамъ или помѣщикамъ тамошняго края и природнымъ русскимъ? Да и за что сей самый край, стоящій толикихъ потоковъ русской

крови и многихъ милліоновъ денегъ, отдать какъ-бы въ посессію... Вслѣдствіе таковаго учрежденія, сколько мнѣ по молвѣ народной и по личному объясненію самаго члена новоприобрѣтеннаго правительства извѣстно, происходитъ: 1) что всѣ сборы, въ прежнее время существовавшіе, и теперь существуютъ, и въ казну поступаютъ одни только доходы по откупнымъ статьямъ; даже доходы исправничьи и прежняго дохода (акциденціи) не только не отмѣнены, но еще увеличены, въ совершенное отягощеніе поселянъ. Можетъ быть тутъ сверхъ корысти есть еще и виды ясскихъ бояръ, въ большой и преимущественно въ родственной связи съ бессарабскимъ правительствомъ находящихся, заставить тѣмъ перебѣгать на противную сторону Прута для поселенія въ ихъ владѣніяхъ, а перебѣжчиковъ о сію пору очень уже довольно; 2) что вновь учреждена статья на откупъ вамы (сборъ пошлинъ), на которую въ февралѣ мѣсяцѣ и произведены были торги формально; но по окончаніи сихъ торговъ статья та въ откупъ не отдана, а осталась на вѣрѣ подъ присмотромъ тѣхъ молдаванъ, которые шли въ торгъ и отстали, чтобы не возвысить цѣны; 3) что всѣ съѣстные припасы состоятъ на откупѣ, безъ всякаго однако-жъ въ пользу казны взноса; 4) что пошлина берется съ привезеннаго горячаго вина, каковой тамъ прежде и слыхано не бывало, также и за привозимые товары; но все то не для казны. И такъ, и казна и поселяне равно терпятъ. Казалось-бы, ежели уже по какимъ-бы то ни было причинамъ невозможно въ Бессарабской области учредить правительства, одинаковаго съ другими россійскими губерніями, въ коихъ не только одноземные и однообычные съ бессарабскими, но многіе другіе разноплеменные народы, числомъ нѣсколько сотъ кратъ превосходящіе первыхъ, въ благоденствіи и при своихъ правилахъ и привиллегіяхъ жительствуютъ, то вмѣсто того, чтобы заводить неумѣстныя новости и не только безполезныя, но даже вредныя, есть готовыя для бессарабскаго правительства и лучшіе образцы управленія: управленіе Тавридою и Грузіею, на основаніи которыхъ и оно, начиная палатою суда и расправы, должно имѣть еще и вице-губернатора (во всякомъ случаѣ необходимаго), и русскихъ чиновныхъ совѣтниковъ по мѣстамъ, также губернскаго казначея, предсѣдателей и прокурора; а въ уѣздахъ или цынутахъ—судей уѣздныхъ. Тогда правительство

сіе, по примѣру прочихъ въ цѣломъ государствѣ существующихъ (безъ всякаго нарушенія привиллегій), должно войти въ подчиненность сенату и другимъ правительствамъ, не завися отъ одного главнокомандующаго арміею, который, находясь отъ Бессарабіи за цѣлыя тысячи верстъ, занятъ совсѣмъ другими операціями, а не ея управленіемъ.

III.

Представленіе Гартинга министру юстиціи Болотникову отъ 10 декабря 1813 года съ проэктомъ новаго гражданскаго управленія для Бессарабской области.

Вязмитиновъ внесъ записку Байкова въ Комитетъ Министровъ на соображеніе 8 января 1814 г. и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ копію съ оной Гартингу, отъ котораго требовалъ заключенія. Какъ видно изъ другихъ документовъ, Гартингъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Байкова о введеніи въ Бессарабіи русскихъ законовъ. Видя злоупотребленія по земству и невозможность раціональнаго управленія областью на прежнихъ основаніяхъ, онъ вошелъ къ управляющему министерствомъ юстиціи Болотникову съ представленіемъ отъ 10 декабря 1813 г., которымъ испрашивалъ разрѣшенія, дабы молдавскіе чиновники, оказавшіеся виновными въ преступленіяхъ должностей, по несуществованію въ Молдавіи никакихъ законовъ кромѣ права сильнаго, судимы были по кореннымъ законамъ россійскимъ.

Гартингъ писалъ Болотникову слѣдующее: «При настоящемъ управленіи моемъ Бессарабскою областью встрѣчались такія дѣла, по коимъ подвергаются изъ состоящихъ въ коронной службѣ молдавскихъ чиновниковъ нѣкоторые, за преступленія должностей своихъ, надлежащему суду. Хотя по присоединеніи сего края къ Россійской имперіи и дарованы Высочайше народу здѣшнему природныя права, однако же, какъ твердаго и постояннаго таковыхъ существованія въ молдавскомъ правленіи никогда не было, то и нынѣ нѣтъ не только правъ общихъ гражданскихъ, но даже и частныхъ, которыя бы въ народѣ служили руководствомъ и поставляли каждаго быть исполнителемъ оныхъ, а введено токмо обыкновеніемъ при господаряхъ въ неограниченной степени право сильнаго, неискоренившееся еще и по сіе время. Опредѣляемые Отаманскою Пор-

тою молдавскіе господари ничто иное были, и теперь есть, какъ арендаторы, которые употребляли всѣ средства въ турецкомъ правительствѣ къ полученію сего лестнаго и интереснаго для нихъ блаженства и старались токмо о личномъ обогащеніи себя, не думая совсѣмъ о благосостояніи народномъ.

Слѣдствіемъ чего и опредѣленіе чиновниковъ въ должности по княжеству молдавскому состояло на откупѣ у самыхъ господарей. Каждый чиновникъ изъ молдавскихъ бояръ, состоя на службѣ и бывъ обязанъ милостями господаря, пользуется безпрекословно и даже безъ всякаго стыда корыстолюбіемъ, дабы возвратить всю заплаченную имъ сумму за свою должность, еще съ большими прибавленіями; притомъ напрягалъ всѣ свои усилія съ подобострастіемъ къ исполненію воли своего господаря, заключающейся токмо въ однихъ интересныхъ видахъ; ибо господарь, не бывъ ограниченъ никакими правами, по несуществованію оныхъ, представляетъ себя въ лицѣ деспота и во всякомъ противномъ случаѣ имѣетъ власть наказывать бояръ по ихъ обычаю, что не рѣдко происходило до вступленія въ Молдавію россійскихъ войскъ при началѣ прошедшей турецкой компаніи. Слѣдовательно послѣ сего не настоитъ никакой возможности къ отысканію молдавскихъ правъ, по неимѣнію ихъ, для употребленія въ Бессарабской области, а паче при такомъ случаѣ, когда чиновники за преступленіе своихъ должностей подвергаются суду. А потому я, долгомъ моимъ поставляя представить о семъ на благоразсмотрѣніе Вашего Превосходительства, пріемлю честь всепокорнѣйше просить Вашего разрѣшенія, чтобы, какъ нынѣ, такъ и впредь молдавскіе чиновники, за преступленія должностей, были судимы въ здѣшнемъ областномъ правительствѣ коренными россійскими законами, тѣмъ болѣе что они состоятъ на службѣ Его Императорскаго Величества, получаютъ довольно достаточное жалованье и пользуются всѣми привиллегіями, Государемъ Императоромъ здѣшнему дворянству дарованными. Злоупотребленія, происходящія отъ молдавскаго правительства и состоящія въ излишнемъ отягощеніи жителей, въ нарушеніи ихъ благосостоянія и всякаго правосудія въ томъ краѣ, сдѣлались извѣстными самому Государю Императору; ибо единственно для прекращенія таковыхъ злоупотребленій учреждена была должность предсѣдательствующаго въ дива-

нахъ княжествъ Молдавіи и Валахіи. Все это усматривается изъ Высочайшаго рескрипта, въ 17 день февраля 1808 года состоявшагося на имя сенатора Кушникова, гдѣ между прочимъ изображено: «Главная цѣпь попеченій вашихъ должна быть та, чтобы при продовольствіи войскъ Моихъ, въ томъ краѣ находящихся, жители не несли излишнихъ тягостей и чтобы вообще благоденствіе ихъ сколько можно охранено было строгимъ по всѣмъ частямъ соблюденіемъ правосудія со стороны земскаго правительства. Изъ доходящихъ до Меня свѣдѣній, къ сожалѣнію, Я видѣлъ, что относительно всѣхъ сихъ предметовъ были доселѣ разныя злоупотребленія. Ввѣряя часть сію вашему управленію, Я въ несомнѣнной пребываю надеждѣ, что вы всѣ старанія ваши употребите, дабы разстроенное привести въ порядокъ и соотвѣтствовать всегдашнему и непремѣнному Моему попеченію блюсти благо народовъ Моихъ и покровительствомъ Россіи защищаемыхъ». Послѣ чего со всею основательностью надлежитъ утвердиться въ мнѣніи, что въ Молдавіи вовсе нѣтъ ни законовъ никакихъ, ни земскихъ положеній твердыхъ и что при образованіи Бессарабской области заимствоваться чѣмъ либо для руководства, не токмо отъ молдавскихъ бояръ, столь съ худой стороны сдѣлавшихся извѣстными, для коихъ, кромѣ интереса, ничего святаго нѣтъ, но и вообще отъ того княжества, которое всегда угнеталось беззаконіями и разореніями, произведенными со стороны самыхъ же правителей общихъ и частныхъ,—было бы и неприлично и вредно для государства. Напротивъ, крайне необходимо употреблять всѣ усилія къ предупрежденію и прекращенію всего того въ новомъ россійскомъ краѣ, что происходитъ въ Молдавіи. Причины, основывающія таковое заключеніе, столь сильны, что всякія возраженія противу оныхъ могутъ сдѣлаться ничего незначущими и совершенно ничтожными. Изъ упомянутаго заключенія само собою рождается и самое рѣшеніе, что Бессарабская область удобнѣе и лучше не можетъ быть преобразована, или вновь образована, какъ по примѣру прочихъ россійскихъ губерній, и что основаніе сего образованія должно быть почерпнуто непремѣнно и единственно изъ коренныхъ россійскихъ законовъ. Этому уже и начало сдѣлано, ибо Высочайшимъ указомъ, 21 августа 1813 года состоявшимся на всеподданнѣйшій докладъ Правительствующаго Синода о устроеніи въ Бесса-

рабской области новой епархіи, повелѣно: разсмотрѣніе и рѣшеніе духовныхъ дѣлъ по всей епархіи оставить въ непосредственной и полной зависимости духовнаго правительства, на тѣхъ самыхъ правилахъ, кои предписаны коренными россійскими гражданскими и церковными узаконеніями. И дѣйствительно, какіе другіе посторонніе законы, кромѣ законовъ русскихъ, принадлежать и предоставлены быть могутъ вновь присоединенной къ Россіи землѣ, тогда когда земля сія, не имѣя своихъ законовъ, сдѣлалась частью той же самой Имперіи и когда собственные цѣлой Имперіи законы русскіе, подкрѣпляемые мудрымъ и кроткимъ правленіемъ Императора Александра Павловича, доставляютъ уже истинное благоденство всѣмъ подданнымъ Его Императорскаго Величества. Благоденствіе такое, ощущаемое прочими подданными Всемилостивѣйшаго Государя, въ самое короткое время водворено будетъ и въ Бессарабской области, ежели оная получитъ русскіе законы; ибо не токмо порабощенный низкій классъ обитающаго въ сей области народа вскорѣ восчувствуетъ спасительное ихъ вліяніе и, забывъ совершенное бездѣйствіе всякихъ законовъ, перемѣнные обезпеченіемъ благосостоянія каждаго, станутъ прославлять своего избавителя монарха и самое имя русское, но даже и высшее состояніе жителей области, дворянство, приближено тогда будетъ къ постепенному исправленію своей нравственности, къ образованію своего ума, познаніемъ существенной пользы законовъ, и наконецъ къ уразумѣнію, что истинное благо каждаго изъ нихъ не въ томъ состоитъ, чего они доселѣ искали съ величайшими пожертвованіями и униженіемъ достоинствъ и преимуществъ человѣка отъ прочихъ животныхъ его отличающихъ, но въ достиженіи совсѣмъ противной тому цѣли—душевнаго спокойствія, спокойствія совѣсти и собственной увѣренности въ исполненіи высшихъ обязанностей каждаго. Но еще прежде введенія по Бессарабской области коренныхъ русскихъ законовъ жители оной, не исключая и дворянства, будутъ уже предварены о ихъ благополучіи и успокоены въ теперешнемъ ихъ невѣдѣніи, какая послѣдуетъ съ ними перемѣна—Высочайшимъ о томъ къ народу манифестомъ, котораго доселѣ никакого не было еще издано, съ изображеніемъ причинъ постановленія новаго образованія для управленія областью, коими они совершенно удостовѣрены будутъ, что все сіе дѣлается

для ихъ же благоустройства, для водворенія между ними тишины и снокойствія, и вообще для обезпеченія собственно ихъ благосостоянія. Впрочемъ, такъ какъ Бессарабская область присоединена къ Имперіи Россійской весьма недавно, и жители оной, состоящіе изъ разныхъ и многихъ націй и поколѣній и только что вышедшіе изъ подъ владѣнія турецкаго, не могутъ еще такъ скоро, какъ нужно, привыкнуть къ этому устройству въ управленіи, каковое существуетъ въ коренныхъ россійскихъ губерніяхъ, образованныхъ по изданному учрежденію о губерніяхъ; при томъ же и самое мѣстное положеніе сего новаго россійскаго края, съ одной стороны способнаго для производства торговли и другихъ промысловъ, богатаго многими удобствами и выгодами, а съ другой — мало населеннаго, пограничнаго и сосѣдственнаго съ турецкими владѣніями, не позволитъ открыть въ ономъ губерніи въ точности по учрежденію, требуя постановленій особенныхъ, сообразныхъ настоящему состоянію края. Поэтому, конечно, нужно новое образованіе области хотя по россійскимъ положеніямъ опредѣлить, но вмѣстѣ съ тѣмъ примѣнить и къ мѣстнымъ обстоятельствамъ подобно тому, какъ вновь устроены многія въ Россіи губерніи и области, также вновь присоединенныя. Изъ нихъ Таврическая губернія, бывшая краемъ, равномѣрно какъ Бессарабская область, принадлежавшимъ Турціи, гдѣ также не было никакихъ прежде законовъ, и представляющая, подобно Бессарабіи, особенные виды къ населенію оной и расширенію торговли, болѣе прочихъ имѣетъ сходства съ Бессарабской областью мѣстнымъ своимъ положеніемъ и обстоятельствами земли. Слѣдовательно, и образъ правленія Таврической губерніи можетъ быть приличнѣе и удобнѣе, нежели въ другихъ губерніяхъ, къ руководству въ составленіи образованія для Бессарабской области. И такъ по соображенію всѣхъ таковыхъ свѣдѣній и разсужденій, предлагается ниже сего и особое предварительное и примѣрное начертаніе образованія для гражданскаго внутренняго управленія, собственно къ Бессарабской области принаровленное уже ко всѣмъ отношеніямъ состоянія оной».

IV.

Представленіе Гартинга Вязмитинову.—Прошенія оппозиціи на Высочайшее Имя, въ государственный совѣтъ, комитетъ министровъ и графу Салтыкову.—Распоряженія Гартинга по управленію областью. — Казенные доходы, откупа и почтовый сборъ. — Медицинская часть.—Почтовая контора. — Установленіе карантинной и таможенной линій. — Заселеніе Буджака нѣмецкими колонистами.

Начертаніе образованія для Бессарабіи, о которомъ упоминаетъ Гартингъ, было составлено правителемъ его канцеляріи Сомовымъ, бывшимъ правителемъ канцеляріи при предсѣдательствовавшихъ въ диванахъ княжествъ съ 1808 года. Начертаніе это есть сколокъ съ организаціи управленія внутреннихъ губерній Россіи, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Болотниковъ передалъ представленіе Гартинга съ приложеннымъ при ономъ начертаніемъ образованія въ комитетъ министровъ. Вслѣдъ затѣмъ Гартингъ, въ мартѣ 1814 г., представилъ свой проэктъ образованія и Вязмитинову, который тоже внесъ эти бумаги въ комитетъ министровъ. Затѣмъ, въ январѣ 1815 года, Гартингъ обращался съ подобнымъ же ходатайствомъ къ министру юстиціи Трощинскому. На всѣ эти представленія онъ получилъ въ отвѣтъ, что до особаго Высочайшаго повелѣнія Бессарабія должна оставаться на прежнихъ основаніяхъ, объявленныхъ бывшему гражданскому губернатору Стурдзѣ въ 1813 году.

Между тѣмъ какъ Гартингъ, желавшій введенія въ Бессарабіи русскаго законодательства, переписывался съ Петербургомъ, оппозиція не на шутку встревожилась за свои привилегіи и за свой молдавскій языкъ и, опасаясь быть удаленною отъ власти съ введеніемъ русскаго языка, рѣшилась принять неотложныя мѣры, дабы отвратить катастрофу. Слѣдствіемъ этого было поднесеніе при письмѣ экзарху митрополиту Гавріилу трехъ просьбъ: на Высочайшее Имя, въ комитетъ министровъ и въ государственный совѣтъ и особо на имя предсѣдательствовавшаго въ ономъ графа Салтыкова, прося митрополита представить просьбы эти въ Петербургъ. Не находя возможнымъ отказать просителямъ, митрополитъ Гавріилъ препроводилъ всѣхъ ихъ прошенія тогда-же къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода князю Голицыну. Прошенія эти заключали въ себѣ ходатайство объ оставленіи имъ законовъ края. Въ прошеніи на Высочай-

шее имя оппозиція между прочимъ пишетъ: «и если достигли слуха Твоего представленія по нѣкоему неблагожеланію къ жребію нашему, отсюда учиненныя въ министерство юстиціи, яко-бы молдаване не имѣютъ законовъ, яко-бы они по природѣ склонны къ худымъ поступкамъ и яко-бы нужны законы для наказанія ихъ: то яви милосердіе Твое къ намъ, Августѣйшій Монархъ! Отврати слухъ Твой отъ неблагомыслящихъ намъ и вонми гласу нашему, что молдаване суть исполнены вѣрности къ Тебѣ; молдаване, будучи еще подъ тиранскимъ правленіемъ Отоманской Порты, съ нетерпѣніемъ ожидали нынѣшняго своего счастливаго жребія, чтобы сдѣлаться подданными Твоими, чтобы имѣть единаго Бога въ небесахъ и единаго православнаго Императора на землѣ. Молдаване нынѣ въ радости духа восклицаютъ, что они наконецъ обрѣли то на землѣ, о чемъ умоляли небо». Далѣе они просятъ, чтобы оставить имъ природные законы края до тѣхъ поръ, пока не будетъ устроено вмѣсто временнаго правительства «непремѣнное на правахъ ихъ въ здѣшней Области правленіе», чтобы митрополитъ былъ и начальникомъ церкви, и первоприсутствующимъ и дѣйствующимъ въ первомъ судебномъ мѣстѣ; наконецъ, просятъ даровать имъ гражданскаго правителя изъ природныхъ молдаванъ.

Въ письмѣ къ графу Салтыкову между прочимъ говорится слѣдующее: «Вашему Сіятельству извѣстно, что по присоединеніи Бессарабіи къ Россіи прислана была отъ адмирала Чичагова къ губернатору Стурдзѣ инструкція, Высочайше утвержденная, содержащая въ себѣ начертаніе правленія для народа, на основаніи коей и было составлено Стурдзой образованіе правленія. Сіе временное и вкратцѣ составленное образованіе, само по себѣ разумѣется, что не имѣетъ всей нужной полноты, и для того нѣтъ сомнѣнія, что недостатки образованія могли повлечь несообразности въ образѣ правленія и смутить тишину и спокойствіе общее. При томъ въ сейже инструкціи ясно изображено, что Монархъ даровалъ намъ правила, привилегіи и обычаи земли нашей. И хотя самое существо сихъ правилъ и обычаевъ необходимо требовало, чтобы Стурдза въ точности опредѣлилъ оные и подробно изъяснилъ, какъ то ему и было предписано, но онъ или по слабости здоровья, или по другимъ причинамъ не исполнилъ сего непремѣннаго своего долга, безъ чего

не можетъ быть устроенъ добрый порядокъ и спокойствіе». Въ государственный совѣтъ оппозиція писала: «протекаетъ уже шестнадцатый мѣсяцъ, какъ область сія, преданная хищенію корыстолюбивыхъ правителей, стонетъ подъ бременемъ злоупотребленій и пагубнаго вліянія нѣкоторыхъ чиновниковъ областнаго правительства».

Нельзя не замѣтить, что мотивы жалобъ оппозиціи, изложенные въ приведенныхъ прошеніяхъ, схожи съ мотивами записки Байкова. Изъ чего слѣдуетъ заключить, что Байковъ проѣздомъ чрезъ Кишиневъ выслушивалъ и недовольныхъ и въ то же время собралъ нужныя свѣдѣнія и отъ правительственныхъ лицъ. Обвиненіе совѣтника казенной экспедиціи было, по нашему мнѣнію, неосновательно и пристрастно, потому что безпорядки въ дѣлахъ, о которыхъ говорится въ прошеніяхъ оппозиціи, существовали еще до присоединенія Бессарабіи и были, такъ сказать, узаконены мѣстными обычаями. Напротивъ,—этотъ совѣтникъ, какъ видно изъ самаго обвиненія, дѣйствовалъ въ духѣ гражданскихъ иравителей области, которые домогались отмѣны молдавской системы управленія и введенія въ краѣ правильнаго и стройнаго государственнаго порядка, основаннаго на законахъ. Направленіе ненавистнаго оппозиціи лица является поэтому весьма отраднымъ явленіемъ среди того хаоса и запутанности гражданскихъ отношеній, которыя существовали въ странѣ. Понимало-ли это лицо или нѣтъ, что система, принятая имъ, должна поставить дѣла въ настоящій путь — намъ неизвѣстно; но разъ край этотъ присоединенъ къ Россіи и верховная власть предположила распространить на него для благоденствія народа русскіе государственные порядки, то, чѣмъ скорѣе приступлено было къ подготовкѣ его для этой цѣли, тѣмъ, конечно, было лучше. Семидесятилѣтній опытъ управленія доказалъ, что оппозиція заблуждалась, такъ какъ въ настоящее время край этотъ вполнѣ уже обрусѣлъ. Что касается личныхъ качествъ ненавистнаго туземной партіи человѣка, мы хотимъ вѣрить въ его гражданскую честность, не взирая ни на какія обвиненія. Занимая должность совѣтника областнаго правительства и завѣдуя казенными доходами и расходами, онъ старался, по возможности и по средствамъ того времени, вести это дѣло аккуратно и не его, конечно, вина, если вокругъ него дѣлались злоупотребленія, оправдываемыя обычаемъ. Изъ позднѣй

шей отчетности о казенной суммѣ видно, что онъ съумѣлъ оправдать всѣ свои дѣйствія по управляемой имъ экспедиціи и что къ первому января 1813 года состояло въ наличности, въ долгахъ, въ недоимкѣ и въ начетѣ 203.448 левовъ; въ 1813 г. поступило въ приходъ по разныхъ откупамъ и доходнымъ статьямъ—1.265.989 левовъ. Дѣйствительный расходъ съ 1 января 1813 по 1 января 1814 г. составлялъ 319.688 левовъ. Затѣмъ къ 1 января 1814 г. въ расходѣ, въ долгу, въ недоимкѣ, въ начетѣ и въ наличности состояло 1.269.182 лева.

Между тѣмъ Гартингъ, не обращавшій никакого вниманія на жалобы оппозиціи, продолжалъ съ прежней энергіей дѣло устройства края и постепенно вводилъ въ управленіе должные порядки: опредѣлилъ въ разныя мѣста канцелярскихъ служителей, съ награжденіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ чиномъ коллежскаго регистратора, учредилъ во второмъ департаментѣ полное, изъ трехъ совѣтниковъ, присутствіе, опредѣлилъ въ нѣсколькихъ цынутахъ русскихъ чиновниковъ, обратилъ вниманіе на устройство госпиталя, острога и полиціи, наконецъ, ходатайствовалъ объ учрежденіи въ Бессарабіи поста областнаго прокурора. Ходатайство это не было однако уважено министромъ юстиціи, не смотря на то, что онъ рекомендовалъ на должность прокурора состоявшаго въ штатѣ его управленія чиновника Юшневскаго, по желанію самыхъ бояръ. Также не уважено было ходатайство Гартинга о замѣнѣ нѣкоторыхъ молдавскихъ совѣтниковъ областнаго правительства болѣе благонадежными лицами. Въ представленіи, отъ 30 января 1814 г., объ этомъ предметѣ Вязмитинову Гартингъ приводилъ, что со времени открытія департаментовъ прибыло изъ Молдавіи на жительство въ Бессарабію много бояръ болѣе способныхъ, достойныхъ и благонадежныхъ для отправленія должностей совѣтниковъ, нежели нѣкоторые изъ числа семи, опредѣленныхъ Стурдзой. Прежнихъ совѣтниковъ Гартингъ рекомендуетъ дурно: незнающими порядка службы и пренебрегающими всякимъ благоустройствомъ. «Пользуясь большинствомъ голосовъ, говоритъ Гартингъ, и защищаясь своими многоразличными и уму непостижимыми обычаями, они употребляютъ себя болѣе къ нарушенію, нежели къ соблюденію правосудія». Въ заключеніе Гартингъ жалуется, что они не уважаютъ его предписаній, коими онъ ста-

рается «вразумить ихъ и приблизить къ истинѣ и къ тому благородному образу мыслей, какихъ долженъ держаться всякій безпристрастный судья». Относительно казенныхъ доходовъ, откуповъ, содержанія почтовой гоньбы и другихъ предметовъ вѣдѣнія казенной экспедиціи, дѣло это при Гартингѣ находилось въ слѣдующемъ состояніи: За исключеніемъ подати, подаренной жителямъ на три года, оставались въ дѣйствіи доходы казны съ пошлины на привозимые и вывозимые товары, по 3 лева съ 100, и доходъ съ продажи водки, горячаго вина, виноградnаго вина, пива и меду, отдаваемыхъ на откупъ. Помѣщикъ Милло держалъ откупъ этихъ статей въ Хотинской, Бендерской, Килійской и Измаильской крѣпостяхъ за 105.000 левовъ съ 10 февраля 1813 г. на 1 годъ, а помѣщикъ Казиміръ, тоже на годъ, съ 3 мая 1813 г., откупъ на продажу вина и прочаго, за 91.500 левовъ. Откупъ съ десятины, или сборъ съ пчелъ и свиней держалъ Павелъ Макареско, съ платою 69.200 левовъ—въ 1815, и 80.100 левовъ въ 1816 году. Почтосодержателемъ съ 1 декабря 1812 г., по контракту съ Гикою и Рознованомъ, былъ повѣренный ихъ Казиміръ, обязанный имѣть 1500 лошадей, съ платою отъ казны по 13 левовъ за каждую лошадь; въ 1814 и 1815 годахъ содержаніе почтовой гоньбы отдано было другому лицу. Медицинская часть находилась подъ управленіемъ доктора медицины Эрленвейна, назначеннаго инспекторомъ мѣстной врачебной управы въ октябрѣ 1812 года. Операторомъ былъ нѣкто Юденгоферъ, кишиневскимъ городовымъ врачемъ—Вольфингеръ, для особыхъ порученій—Фирихъ и членомъ очистительнаго комитета по чумной заразѣ — Вицманъ. Въ другихъ городахъ, кромѣ Кишинева, штатныхъ врачей не было, равно какъ не было и аптекъ. Штатъ почтовой конторы состоялъ изъ одного писаря; для разноски же писемъ командировались солдаты и калараши. До 1814 г. граница Бессарабіи со стороны Турціи охранялась казачьими пикетами и обывательскою стражею; но не было еще ни карантиновъ, ни таможенъ, ни заставъ. Въ этомъ году князь Куракинъ отправилъ для объѣзда и осмотра новой границы и назначенія мѣстъ для портовыхъ и сухопутныхъ карантиновъ—чиновника Дическулова и флота-лейтенанта Афанасьева. Чиновники эти по окончаніи возложеннаго на нихъ порученія представили мнѣнія свои генералъ-маіору Гаюсу и к. с. Шабельскому,

присланнымъ отъ министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ для совмѣстнаго съ ними соображенія потребностей по устроенію, помѣщенію и дѣйствію карантиновъ, таможенъ и заставъ. Гаюсъ и Шабельскій объѣхали границу Бессарабіи, провѣрили и сообразили на мѣстѣ предположенія Дическулова и Афанасьева и представили исполнительное донесеніе съ планами и смѣтами построекъ Куракину, который препроводилъ таковые Вязмитинову. По одобреніи предположеній Гаюса и Шабельскаго въ назначеніи мѣстъ для карантинной и таможенной линіи, а равно и производства работъ по наряду отъ обывателей, Вязмитиновъ внесъ все это въ государственный совѣтъ, который мнѣніемъ отъ 10 марта 1815 года положилъ: установить карантинную и таможенную линіи по новой границѣ, съ тѣмъ что, пока прочно не устроятся эти карантины, не снимать таковыхъ-же съ днѣстровской линіи; съ своей стороны министръ финансовъ ассигновалъ потребную сумму денегъ и передалъ планъ и смѣты для производства построекъ министру внутреннихъ дѣлъ, имѣвшему въ вѣдѣніи своемъ строительный комитетъ. При Гартингѣ началось и заселеніе Буджака нѣмецкими колонистами. Такъ въ 1814 г. были переселены изъ герцогства варшавскаго 1443 семейства колонистовъ, основавшихъ въ степяхъ семь колоній: Бородинскую, Тарутинскую, Кульмскую, Малоярославецкую, Краснянскую, Лейпцигскую и Кластицкую; въ 1816 г. такими же колонистами были основаны колоніи: Фершампенуазская, Бріенская, Парижская и Арцизская. Потребный для постройки колонистскихъ домовъ матеріалъ былъ вывезенъ изъ оргѣевскаго лѣса бессарабскими жителями, которые участвовали какъ въ самой постройкѣ, такъ и въ содержаніи на своемъ иждивеніи новыхъ переселенцевъ. Одновременно съ населеніемъ нѣмецкихъ колонистовъ были сняты на планы и раздѣлены на участки буджакскія земли инженеромъ Корниловичемъ. Въ городахъ не были еще открыты ни общественныя думы, ни ратуши, ни магистраты, а потому городскимъ хозяйствомъ и отправленіемъ обязанностей коммерческихъ судовъ и магистратовъ завѣдывали полиціи, гдѣ таковыя находились.

V.

Посѣщеніе Бессарабіи Свиньинымъ. — Записка члена областнаго правительства П. Л. о дѣлахъ управленія.—Назначеніе Екатеринославскаго гражданскаго губернатора Калагеоргія на мѣсто Гартинга.—Характеръ дѣятельности Гартинга.—Учрежденіе поста полномочнаго намѣстника Бессарабіи съ назначеніемъ на эту должность подольскаго военнаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенанта Бахметьева.

Не смотря однако на всѣ старанія Гартинга водворить въ Бессарабіи порядки, существовавшіе во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи, дѣло устройства края, повидимому, туго подвигалось впередъ. Такъ во время проѣзда по Бессарабіи Свиньина, въ 1815—1816 г., его буквально осаждали со всѣхъ сторонъ жалобами на безпорядки и злоупотребленія мѣстнаго управленія, на обиды и притѣсненія со стороны чиновниковъ, на неправосудіе, лихоимство и беззаконія, пытки и увѣчья, на разореніе, грабежи, разбои и убійства и на совершенную беззащитность и безпомощность. Жаловались всѣ, жаловался аккерманскій частный приставъ, жаловались евреи, жаловались измаильскіе крѣпостные жители,—повѣренный общества крѣпости Измаила купецъ Шевцовъ, жители некрасовскаго общества г. Тучкова, килійскіе жители, перешедшіе изъ-за Дуная, разные жители, отставные офицеры и солдаты, помѣщики, иностранные гости, монахи и монастыри, архимандриты и игумны, бояре и мазылы, откупщики и барышники, вдовы и сироты, кишиневская квартирная коммисія, кишиневское болгарское общество, — аккерманское общество,—татарбунарское общество — и всѣ, кто только нуждался въ покровительствѣ и защитѣ противъ самоправія исправниковъ, полиціймейстеровъ, ревизоровъ, приставовъ, самишей, вамишей, околашей, капитановъ-де-тыргурь, капитановъ-де-мазылъ и безчисленнаго множества подобныхъ имъ полицейскихъ и земскихъ чиновниковъ, не руководствовавшихся въ отправленіи своихъ обязанностей никакими законами, кромѣ мѣстныхъ обычаевъ, т. е. абсолютнаго произвола. О всѣхъ означенныхъ злоупотребленіяхъ Свиньинъ, согласно данной ему инструкціи, счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія Вязмитинова, который одновременно съ тѣмъ получилъ и донесеніе о дѣлахъ Бессарабіи отъ совѣтника областнаго правительства П. Л. Въ запискѣ своей, отъ 18 января 1816 г.

П. Л. изъясняетъ: «что продолжительная болѣзнь Гартинга, въ коей онъ находится почти пять мѣсяцевъ, безъ всякой надежды къ выздоровленію, довела тамошнее правительство до крайняго разстройства, что сугубый безпорядокъ произошелъ единственно отъ того, что нѣкоторые чиновники губернаторской канцеляріи, употребивъ во зло довѣренность къ нимъ начальника, взяли въ свои руки власть по всѣмъ частямъ. Не имѣя же прямой обазанности отвѣтствовать, а напротивъ того полное вліяніе на всѣхъ прочихъ въ правительствѣ и въ цынутахъ чиновниковъ относительно опредѣленія и удаленія ихъ, привели все въ такое направленіе, что по нарушенію общаго порядка и подчиненности между чиновниками данъ поводъ ко всѣмъ злоупотребленіямъ, доведшимъ притѣсненія въ цинутахъ жителей до крайности и заставившимъ весьма значительное число ихъ удалиться за границу, въ турецкія владѣнія. Для прекращенія этихъ неустройствъ и самоволія и для возвращенія народу довѣрія къ россійскому правительству нужно, чтобы опредѣленъ былъ въ Бессарабію новый начальникъ, а до того на время поручить управленіе Бессарабскою областью екатеринославскому губернатору Калагеоргію, котораго желаютъ всѣ состоянія благомыслящихъ людей».

По важности заключающихся во всѣхъ этихъ донесеніяхъ обстоятельствъ Вязмитиновъ внесъ оныя въ комитетъ министровъ, который журналомъ своимъ отъ 22 февраля 1816 г. положилъ: «по дѣламъ комитета видно: журналомъ комитета отъ 15 января по разнымъ бумагамъ до Бессарабской области относящимся, между прочимъ, опредѣлено: 1) отправить въ Бессарабію чиновника высшаго класса, какъ для управленія той областью, на основаніяхъ, кои нынѣ существуютъ, такъ и для начертанія положенія на будущее время; 2) въ пособіе ему учредить тамъ подъ предсѣдательствомъ его особый комитетъ; 3) составить здѣсь изъ гг. министровъ комитетъ же для разсмотрѣнія представленій, какія по сей области поступать будутъ. Журналъ сей представленъ Его Императорскому Величеству. Вслѣдъ затѣмъ комитетъ, ожидая разрѣшенія на журналъ отъ 15 января, полагаетъ представить о необходимой надобности, въ отвращеніе дальнѣйшихъ безпорядковъ, отправить для управленія Бессарабскою областью, хотя временно, благонадеж-

наго и заслуживающаго довѣрія чиновника. Вслѣдствіе чего генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ при подписаніи сего журнала объявилъ комитету, что Государь Императоръ, разсмотрѣвъ меморію комитета, высочайше повелѣть соизволилъ: «Предписать екатеринославскому гражданскому губернатору Калагеоргію, чтобы онъ, отправись въ Могилевъ, что на Днѣстрѣ, ожидалъ тамъ сенатора Модераха, у котораго по управленію областью онъ будетъ помощникомъ; Екатеринославскую же губернію оставить въ управленіе тамошнему вице-губернатору». Этимъ актомъ верховной власти судьба Гартинга была рѣшена безповоротно; онъ долженъ былъ сойти со сцены и признать себя побѣжденнымъ въ глазахъ опозиціи. Мѣсто его переходило теперь къ человѣку, котораго желали видѣть въ Бессарабіи бояре,—къ человѣку знакомому съ обычаями населенія и подававшему большія надежды на умиротвореніе партій. Подводя итогъ дѣятельности Гартинга и разсматривая эту дѣятельность въ связи съ духомъ и обстоятельствами того времени, можно прійти заключенію, что Гартингъ, подобно Стурдзѣ, не могъ справиться съ трудной задачей устройства новаго края не по недостатку способности и желанія, а по причинамъ, отъ него не зависѣвшимъ. И дѣйствительно, до 1816 г. вниманіе верховной власти было постоянно отвлекаемо отъ Бессарабіи дѣлами Европы, и некому было вникать въ представленія, дѣлаемыя Гартингомъ. А между тѣмъ мѣстныя условія неотложно требовали быстраго развитія первоначальныхъ формъ правительственныхъ учрежденій въ новоприобрѣтенной области, которою хотѣли управлять на началахъ разумнаго законодательства. Нужно признать, что Гартингъ управлялъ Бессарабіею въ самую критическую эпоху ея гражданственности, когда не были установлены еще потребные органы власти и когда экономическій бытъ народа находился въ состояніи совершеннаго разстройства. Отсюда — безсиліе власти, хаосъ и запутанность гражданскихъ отношеній, столкновенія враждебныхъ направленій, интриги партій, соперничество, подкопы, кляузы и другія вредныя послѣдствія такого порядка вещей. Во всякомъ случаѣ нельзя не отдать должной справедливости Гартингу за его откровенный, прямой и рѣшительный образъ дѣйствій и за ту неослабную энергію въ борьбѣ, которую онъ проявилъ во вредъ самому себѣ для достиженія

высокой и благородной цѣли — искорененія вѣковыхъ злоупотребленій и служенія обществу, призванному волею милостивѣйшаго изъ монарховъ къ новой жизни.

И такъ Гартинга не стало и мѣсто его занялъ екатеринославскій гражданскій губернаторъ Калагеоргій. Но какую пользу можно было ожидать отъ этого новаго человѣка, когда по своему характеру и по силѣ энергіи онъ далеко отставалъ отъ Гартинга? Въ виду этого обстоятельства верховная васть, какъ мы видѣли, предположила подчинить его нарочно командированному для устройства дѣлъ въ Бессарабіи особому сенатору. Предположенію этому не суждено было однако осуществиться. Вслѣдствіе новыхъ соображеній вмѣсто сенатора Государю Императору благоугодно было призвать къ главному управленію Бессарабской областью подольскаго военнаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенанта Бахметьева съ званіемъ полномочнаго намѣстника.

VI.

Древность Кишинева и другихъ городовъ Бессарабіи. — Письменные памятники. — Населеніе г. Кишинева. — Построеніе архіерейскаго дома. — Переходъ Кишинева въ казенное вѣдомство. — Контрактъ Мыкареско съ Галатскимъ монастыремъ на городскіе доходы. — Открытіе городской думы.

Древность Кишинева, равно какъ и другихъ городовъ Бессарабіи, установлена исторической наукой на основаніи письменныхъ актовъ и археологическихъ памятниковъ старины. За исключеніемъ Аккермана, Тирасъ, Килія и Ахилія, эллинскихъ колоній шестаго вѣка до Р. Х., большая часть населенныхъ мѣстъ Бессарабіи славянскаго происхожденія и относится къ X вѣку нашей эры. По свидѣтельству Нестора, страна между Днѣстромъ и Дунаемъ изстари была населена славянскими племенами, которыя имѣли тамъ свою осѣдлость. «И живяху въ мірѣ, говоритъ лѣтописецъ, Поляне, Древляне и Сѣверъ и Бужане и Радимичи и Вятичи и Хорвати. Дулѣби-же живяху по Богу, гдѣ нынѣ Волыняне, а Угличи, Тиверцы присѣдяху ко Дунаеви, и бѣ множество ихъ, сѣдяху по Бугу и по Днѣстру, оліи до моря. И суть города ихъ и до сегодне, да то ся

зваху отъ грекъ Великая Скуѳь (Скиѳія)». Пребываніе славянъ въ этой странѣ подтверждается еще многими другими свидѣтельствами. Никифоръ-патріархъ, Ѳеофанъ и Анастасій-библіотекарь, говоря о прибытіи болгаръ на Дунай въ 678 году, удостовѣряютъ, что они заняли страну между Днѣстромъ и Дунаемъ, т. е. нынѣшнюю Бессарабію, которая на языкѣ туземцевъ называлась тогда «Оглусъ», т. е. уголъ. Названія угличей и тиверцевъ встрѣчаются и въ числѣ народовъ географическихъ записокъ Мюнхенской рукописи XI вѣка. Объ угличахъ (Unlizi) и тиверцахъ (Attorozi) говорится, какъ о народѣ многочисленномъ, имѣвшемъ первый 318, а второй 148 городовъ. Тамъ же рядомъ съ ними упоминаются также запорожцы (Zabrozi) съ 212 городами и печенѣги (Phesnusi) съ 75 городами. Шафарикъ, приводящій эти свидѣтельства, говоритъ, что угличи и тиверцы, начиная съ XIII вѣка, были поглощены печенѣгами и половцами, до того же времени они участвовали въ федераціи славянскихъ племенъ, признававшихъ власть русскихъ князей изъ дома Рюрика. «И бѣ у Игоря, говоритъ Несторъ, воевода, именемъ Свентельдъ, и примучи углецы, и возложи на нихъ Игорь дань, и вдастъ Свентельду. И не вдашется одинъ градъ, именемъ Пересѣчень; и сѣде около его три лѣта, и едва взя и. И бѣша сидяще углицы по Днѣстру внизъ; и по семъ придоша межи вои Днѣстръ, и сѣдоша тамо». По мнѣнію Надеждина, угличи были угловые славяне, обитавшіе въ Бессарабіи, а ихъ городъ Пересѣчень есть нынѣшнее бессарабское селеніе Пересѣчина. Изъ позднѣйшихъ письменныхъ памятниковъ, относящихся къ Бессарабіи, видно, что страна эта не переставала быть славянской землей и послѣ образованія изъ степныхъ славянскихъ племенъ, печенѣговъ и половцевъ, въ XIV вѣкѣ, правильно организованныхъ народныхъ союзовъ, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ княжествъ Молдавіи и Валахіи. Договорныя грамоты молдавскихъ господарей, сохранившіяся до сего времени, всѣ безъ исключенія писаны по славянски и относятся къ XV, XVI и XVII столѣтіямъ. Названія мѣстностей и урочищъ, упоминаемыхъ въ этихъ грамотахъ, какъ то: Быковцы, Добра, Дѣтелево, Борщи, Лозово, Садово, Дворничаны, Ревутъ (Реутъ), Думбрава, Орѣховъ, Плоская, Купчичъ, Дорогомірна, Кусарева, Начорна, Нападавцы, Сороковцы, Кобыля, Климовцы, Нагорна и многія другія, показы-

вающія ихъ славянское происхожденіе, а также подписанные на грамотахъ «бояре-паны», а именно: Андрейки, Михоулы, Игнашки, Георгіевичи, Томшевичи, Строичи, Козьмы, Васьки, Гринковичи, Костьки, Барновскіе, Барбовскіе, Влки, Вартиковичи, Могилы, Яцки, Яны и т. п.—несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что Бессарабія и въ близкое къ намъ время оставалась по прежнему славянской. Въ числѣ другихъ названій встрѣчается тамъ и Кишиневъ. Въ первый разъ о немъ говорится въ грамотѣ воеводы Петра Переша отъ 1535 года на имя Томши Чубручскаго о землѣ по рѣкамъ Добрѣ и Оалѣ, Бендерскаго уѣзда. «И дали ему едно мѣсто отъ поустыни на Ботной (Ботна) межи Добра и межи Оале, гдѣ ес великіи Къшеневъ». Въ другой грамотѣ, воеводы Ивонія, отъ 1574 года, Іонѣ Голвіѣ вел(икому) логофету и женѣ его Тудорѣ, на земли въ урочищѣ Оксентіѣ, между прочимъ указываются слѣдующія границы: «от пустыни единъ надъ Нестру, гдѣ ся именуе Оксентія междо Моловато и меж Домокшія; а другое мѣсто на конеце пещерамъ по выше стараго Орхія (Оргѣевъ), гдѣ оупадаетъ дорога стараго Орхія оу Ревтя (Реутъ) оу Бруд повыше Кишиневе подстепку пострани Ревтѣ къ Нестру. Дали намъ осемъ кони добри и четырестя златъ татарскых пинѣзи (денегъ) готовыхъ». Приведенныя свидѣтельства показываютъ, что названіе Кишиневъ въ XVI ст. принадлежало двумъ мѣстностямъ: одно Бендерскаго, а другое Оргѣевскаго уѣздовъ, и что ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не упоминается рѣка Быкъ, на которой онъ расположенъ въ настоящее время, хотя названіе этой рѣки также встрѣчается въ грамотахъ XVI вѣка. Такъ въ грамотѣ воеводы Стефана — Тодеру паркалабу Новогродскому отъ 1518 г. на пожалованную ему землю опредѣляются границы «по рѣкѣ Быку, по Трояну и Бѣлеолу». Такимъ образомъ нужно полагать, что названіе Кишинева было пріурочено къ настоящей мѣстности только въ позднѣйшее время.

Въ началѣ текущаго столѣтія Кишиневъ съ принадлежащими къ нему вотчинами: Боюканы, Вовинцены и Кощужены составлялъ собственность ясскаго монастыря Галаты, преклоненнаго св. Гробу Господню въ Іерусалимѣ. Городъ имѣлъ тогда небольше трехъ тысячъ жителей и былъ похожъ на небольшое мѣстечко въ родѣ Теленештъ. Онъ прилегалъ, какъ и нынѣ, къ самому берегу рѣки

Быка, запруженнаго въ то время въ чертѣ города и представлявшаго обширный рыбный прудъ, приносившій значительный доходъ. Центральное положеніе Кишинева и мѣстопребываніе въ немъ митрополита Гавріила заставили дать ему преимущество предъ другими городами пріобрѣтенной области, и съ того времени постоянно въ немъ помѣщаются высшія правительственныя учрежденія и стали пріѣзжать сюда ремесленники и всякаго рода иностранные купцы, открывавшіе лавки со всякими товарами; причемъ число жителей начало быстро увеличиваться и въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ возросло съ трехъ до шестнадцати тысячъ. Собственно Кишиневъ началъ устраиваться съ 1817 г., съ построеніемъ митрополитомъ Гавріиломъ обширнаго архіерейскаго дома съ садомъ и поднесеніемъ въ даръ казнѣ принадлежащихъ ему вотчинъ. Новая часть города стала быстро разростаться съ того времени вверхъ по отлогости горы, въ направленіи къ Новому базару и къ нынѣшнему городскому бульвару, представлявшему тогда обширное поле, на которомъ паслось городское стадо.

Въ 1818 году во время посѣщенія Бессарабіи Императоромъ Александромъ I настоятель монастыря, вслѣдствіе добровольнаго согласія патріарха и собора Іерусалимской церкви, посвятилъ его на вѣки въ казну со всѣми вотчинами, по дарственной записи, утвержденной областнымъ гражданскимъ судомъ. Монастырь оставилъ за собою въ вѣчное владѣніе только два мѣста въ городѣ. При переходѣ Кишинева въ казенное вѣдомство помѣщикъ Стрижеско предъявилъ областному правительству контрактъ, заключенный умершимъ тестемъ его маіоромъ Макареско съ Галатскимъ монастыремъ на доходы города и вотчинъ, срокомъ съ 1803 по 1823 годъ. По разсмотрѣніи сказаннаго контракта предсѣдателемъ гражданскаго суда Недобой и областнымъ казначеемъ Шпаковскимъ оказалось, что Макареско за право пользованія доходами Кишинева обязался: вносить ежегодно монастырю по 5.000 левовъ, состоявшую въ Кишиневѣ церковь во имя св. великихъ воеводъ развалить и на мѣсто оной построить каменную со сводомъ, колокольнею, оградою, домомъ и кухнею для церковно-служителей, давать церкви ежегодно по 60 окъ деревяннаго масла, 10 окъ воску, 10 кило пшеницы и каждый мѣсяцъ по 50 левовъ, построить въ городѣ корчму съ двумя

лавками и каменнымъ погребомъ, пользоваться доходами съ пожертвованныхъ предметовъ и по истеченіи срока возвратить въ пользу монастыря вмѣстѣ съ остальнымъ имуществомъ въ цѣлости и исправности. Независимо правъ арендатора Стрижеско кишиневская митрополія владѣла въ городѣ рыбнымъ прудомъ съ мельницей на р. Быкѣ. Для соглашенія правъ арендатора Стрижеско и кишиневской митрополіи съ новымъ обстоятельствомъ—переходомъ владѣнія въ казну, Недоба и Шпаковскій находили, что слѣдовало обратить всѣ доходы въ деньги и, по вычетѣ изъ оныхъ должныхъ Макареско по контракту, разницу выплатить ему по срокъ контракта. Бывшій въ то время полномочный намѣстникъ Бессарабіи генералъ-лейтенантъ Бахметьевъ представилъ мнѣніе это на утвержденіе правительства, которое увѣдомило его чрезъ статсъ-секретаря Каподистрію объ оставленіи поссесіоннаго владѣнія городомъ Кишиневомъ за Стрижескомъ на прежнемъ основаніи неприкосновеннымъ до истеченія трехлѣтняго срока контракта. Въ отношеніи же правъ митрополіи правительство согласилось дать ей въ обмѣнъ за рыбный прудъ съ мельницей часть рыбнаго урочища, называемаго «Рошанскою косою» при Днѣстровскомъ лиманѣ Аккерманскаго уѣзда и 40.000 левовъ за стоимость мельницы. Уплата этихъ денегъ и 8.500 левовъ стоимости Рошанской косы возложена была на городъ, по десятилѣтней сложности дохода. Въ эту цѣну городъ пріобрѣлъ отъ митрополіи еще городскую корчму и право свободной рѣзьбы скота. Рыбную ловлю городъ отдавалъ въ откупъ за 1.000 левовъ въ годъ.

По полученіи разрѣшенія объ оставленіи поссесіоннаго владѣнія за Стрижеско верховный совѣтъ (высшее правительственное учрежденіе края того времени) опредѣлилъ въ 1820 году изготовить проэктъ кондицій о доходахъ г. Кишинева на будущее время, съ приведеніемъ въ извѣстность пространства земель и границъ города и его вотчинъ чрезъ межевую коммисію. Однако коммисія не исполнила и по 1823 г. возложеннаго на нее порученія, почему областное правленіе, не имѣя плана городской земли, не изготовило проэкта кондицій. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, верховный совѣтъ поручилъ казенно-экономической экспедиціи составить вѣдомость объ источникахъ доходовъ Кишинева по существовавшимъ тогда даннымъ. Казенная экспедиція составила требуемую вѣдомость

въ началѣ 1823 года и показала годовой доходъ Кишинева въ 51.870 левовъ, изъ коихъ 42,237 по четырнадцати статьямъ принадлежали собственно Кишиневу, а 9.633 лева по пяти статьямъ селенію Боюканамъ. Въ числѣ доходныхъ статей значится: 810 лев. съ ловли рыбы въ прудѣ при р. Быкѣ, 1.827 л. съ векселяровъ (мѣнялъ) и 4.800 лев. съ вѣсовъ и мѣръ. По приведеніи въ извѣстность этихъ данныхъ преемникъ Бахметьева Инзовъ учредилъ коммисію подъ предсѣдательствомъ совѣтника Жаданова, изъ одного члена городской думы, чиновника полиціи и одного почетнѣйшаго лица отъ гражданъ, на которую возложилъ управленіе всѣми городскими доходами и открытіе новыхъ источниковъ. Затѣмъ общее присутствіе правительства журналомъ 14 апрѣля 1823 г. (за десять дней до истеченія срока поссесіи Стрижеско) постановило возвысить сборъ съ продажи горячаго вина съ 10 паръ до 1 лева 20 паръ на ведро. Инзовъ утвердилъ это постановленіе 26 мая; но казенная экспедиція привела таковое въ исполненіе только въ августѣ 1823 г., чѣмъ дала возможность кишиневскимъ промышленникамъ сдѣлать большіе запасы вина въ ущербъ доходамъ города. Такое умышленное промедленіе обратило на себя вниманіе правительства, и преемникъ Инзова графъ Воронцовъ, согласно распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, обратилъ взысканіе потерянаго дохода съ 28.520 ведеръ вина на членовъ казенной экспедиціи.

Собственно городскіе доходы, до перехода Кишинева въ казенное вѣдомство, принадлежали арендатору Стрижеско, и затѣмъ только одни общественные сборы находились въ завѣдываніи городскаго общественнаго управленія или городской думы, открытой еще при Бахметьевѣ въ 1817 году. Кишиневская городская дума того времени состояла изъ бургомистра (головы), гласныхъ отъ сословій, переводчика, двухъ русскихъ и двухъ молдавскихъ канцелярскихъ. Общественные доходы, которыми завѣдывала дума, составлялись изъ разныхъ сборовъ и были довольно значительны, почему областное правительство снабдило бургомистра шнуровыми книгами для записи поступившихъ суммъ. Однако бургомистръ съ 1817 по 1819 г., когда былъ преданъ суду, распоряжался общественными суммами, какъ своею собственностію, и не только не записывалъ ихъ по книгамъ и не велъ имъ никакихъ счетовъ, но употреблялъ деньги

на собственные свои обороты, пользуясь полною безгласностью гласныхъ. Такъ продолжалось до поступленія Кишинева въ казенное вѣдомство и прекращенія контракта Макареско.

VII.

Вступленіе Бахметьева въ должность полномочнаго намѣстника. — Описаніе Бессарабской области Свиньинымъ.—Народонаселеніе и сословія—Торговля и промышленность.

Высочайшій указъ о назначеніи Бахметьева полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабіи состоялся 21 мая 1816 года. Правителемъ намѣстнической канцеляріи былъ опредѣленъ Высочайшимъ же указомъ Тимковскій; но Бахметьевъ, при вступленіи въ должность въ іюнѣ мѣсяцѣ, привезъ съ собой изъ Подольской губерніи вмѣсто Тимковскаго Криницкаго, знаменитаго составителя «проэкта образованія», удостоившагося одобренія Императора Александра I, 29 апрѣля 1818 г., подъ названіемъ «Устава образованія Бессарабской области».

Обязанности полномочнаго намѣстника, какъ видно изъ Высочайшаго указа, заключались: во 1-хъ, въ главномъ управленіи Бессарабскою областью на основаніяхъ, кои въ то время существовали, и во 2-хъ, въ начертаніи новаго положенія образованія области Для содѣйствія ему въ этомъ дѣлѣ учреждался на мѣстѣ временный комитетъ подъ его предсѣдательствомъ, а для разсмотрѣнія представленій, какія по области поступать будутъ на разрѣшеніе правительства, составлялся такой же комитетъ изъ гг. министровъ. Согласно волѣ Императора Александра всѣ дѣла, заведенныя въ министерствахъ о Бессарабіи, должны были поступать въ канцелярію новаго намѣстника для полученія дальнѣйшаго направленія. Затѣмъ все управленіе Бессарабскою областью сосредоточивалось въ рукахъ одного намѣстника безъ всякаго вмѣшательства министровъ и главнокомандовавшаго въ Петербургѣ Вязмитинова. Въ исполненіи Высочайшей воли министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ и министръ финансовъ графъ Гурьевъ препроводили Бахметьеву, въ іюнѣ 1816 г., всѣ бумаги, относящіяся до образованія Бессарабіи, до безпорядковъ тамъ происходившихъ и до финансовой части, и вслѣдъ

затѣмъ были получены дѣла и отъ Вязмитинова. Въ числѣ дѣлъ, присланныхъ отъ министерствъ, находились и такія, которыя заключали въ себѣ разныя статистическія, топографическія, этнографическія, экономическія и др. свѣдѣнія о Бессарабіи, собранныя по распоряженію правительства, съ 1812 по 1816 годъ, командированными для этой цѣли чиновниками. Важнѣе другихъ по своей систематичности были конечно свѣдѣнія, собранныя на мѣстѣ чиновникомъ вѣдомства коллегіи иностранныхъ дѣлъ Свиньинымъ въ 1815 и 1816 годахъ, изъ которыхъ составилось подробное и обстоятельное описаніе Бессарабской области. Экземпляръ этого описанія въ копіи былъ доставленъ Одесскому обществу исторіи и древностей Н. Н. Мурзакевичемъ,—благодаря чему мы можемъ представить теперь читателю интересный отчетъ о состояніи Бессарабіи при вступленіи Бахметьева въ должность полномочнаго намѣстника.

По даннымъ, приводимымъ Свиньинымъ, народонаселеніе Бессарабской области состояло изъ молдаванъ, русскихъ, грековъ, болгаръ, армянъ, нѣмцевъ, сербовъ, евреевъ и цыганъ. Всѣ эти народности, въ числѣ 73.704 семействъ, дѣлились на слѣдующія сословія: духовенство, бояръ или архонтовъ, мазыловъ, рупташей, резешей, царанъ или бирниковъ, колонистовъ и рабовъ. Духовенство дѣлилось на бѣлое, монашествующее и др. вѣроисповѣданій. Бѣлаго духовенства считалось при 935 церквахъ: протоіереевъ — 34, священниковъ—1524, діаконовъ—206, дьячковъ—878 и пономарей — 666. Они имѣли содержаніе отъ исправленія въ своихъ приходахъ христіанскихъ требъ и отъ хозяйственныхъ заведеній. Имѣнія и доходы митрополіи состояли и нынѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ вотчинъ, принадлежащихъ Кипріяновскому монастырю, который отданъ съ его вотчинами въ распоряженіе епархіальнаго и архіерейскаго дома, а также изъ деревень Пуркары и Раскаецы и семи десятинъ виноградныхъ турецкихъ садовъ около Аккермана. Сверхъ того митрополія получила доходъ со сбора священнослужителей подъ названіемъ «поклона», по семи левовъ архіерею и по четыре лева на школы. Для услугъ митрополичьяго дома опредѣлено было 80 скутельниковъ съ ихъ бреслашами и слугами, а для викарнаго епископа—40 скутельниковъ. Монашествующихъ при 11 монастыряхъ (10 мужскихъ скитовъ и одинъ женскій) числилось 389 мужскаго

пола, 263 женскаго. Изъ другихъ вѣроисповѣданій — армяне при 5 церквахъ имѣли своего архіепископа и нѣсколько священниковъ. На содержаніе армянской епархіи было назначено отъ казны 2000 десятинъ земли возлѣ Аккермана. Евреи управлялись кагалами, имѣли раввиновъ во всѣхъ мѣстахъ жительства, синагоги и школы. Нѣмецкіе колонисты имѣли пастора для лютеранъ и ксендза для католиковъ. Различныя секты, какъ то: полипоны (липованы), скопцы и другія имѣли нѣсколько скитовъ, часовенъ и монаховъ и жили цѣлыми деревнями. Боярское сословіе не было приведено въ извѣстность, но отличалось отъ другихъ правомъ имѣть скутельниковъ, бреслашей и слугъ, а также правомъ производить въ своихъ имѣніяхъ винокуреніе, продажу вина и водки и держать бойню безъ безъ платежа пошлинъ. За это право бояре должны были позволять брать сѣно съ ихъ дачъ для казенной надобности. Мазылы были потомками молдавскихъ чиновниковъ, т. е. бояръ, но не имѣли чиновъ и потому сравнивались въ правахъ съ польскою шляхтою. Рупташи или потомки духовенства платили даждію наравнѣ съ мазылами и освобождались отъ земскихъ повинностей. Рупташи составлялись изъ иностранныхъ промышленниковъ и платили особую подать по состоянію, на основаніи дарованныхъ имъ грамотъ; въ остальномъ они были сравнены съ купечествомъ и мѣщанствомъ. Резеши пользовались правами однодворцевъ. Царане или вольные хлѣбопашцы жили на казенныхъ или помѣщичьихъ земляхъ и были обложены слѣдующими повинностями: платили биръ или подушную подать, деньги на содержаніе почтъ, налоги за право держать овецъ, пчелъ и дѣлать виноградное вино; сверхъ того они строили конюшни для почтовыхъ лошадей, приготовляли для этихъ лошадей сѣно на зиму, доставляли дрова для карантиновъ, присутственныхъ мѣстъ и чиновниковъ, строили карантины и кордоны для пограничной стражи, перевозили казенный провіантъ, содержали по Пруту кордонную стражу и держали воинскій постой. Калараши составляли земскую сторожу или войско, находившееся въ распоряженіи исправниковъ, для исполненія разныхъ порученій по цынутамъ. Калараш обязанъ былъ имѣть верховую лошадь и вооруженіе. Онъ смѣнялся понедѣльно и за свою службу освобождался отъ всѣхъ повинностей и сборовъ, кромѣ воинскаго постоя, получая сверхъ

того жалованья отъ 250 до 300 левовъ въ годъ. Каларaши жили отдѣльными селеніями во всѣхъ цынутахъ. Ихъ считалось въ Оргѣевскомъ 1094, въ Ясскомъ 228, въ Сорокскомъ 598 въ Хотинскомъ 150, въ Бендерскомъ 258, въ Хоторничанскомъ 180, въ Кодрскомъ 114, въ Томаровскомъ 160 и въ Гречанскомъ 120. Исправники имѣли большія выгоды отъ каларашей. Скутельниками назывались люди, выбираемые боярами изъ числа царанъ для домашнихъ и другихъ службъ на основаніи права, оставленнаго Константиномъ Маврокордатомъ боярскому сословію въ замѣнъ освобожденія жителей изъ крѣпостнаго состоянія. Пользуясь этимъ правомъ, бояре останавливали свой выборъ на самыхъ богатыхъ хозяевахъ, которыхъ нерѣдко отпускали на оброкъ за значительныя деньги. Скутельниковъ было до 10.000 человѣкъ, изъ коихъ 4.000 состояли въ услуженіи у молдавскихъ чиновниковъ, а 6.000 у русскихъ.

Торговля Бессарабіи была весьма незначительна и ограничивалась преимущественно внутренними оборотами. Она производилась большею частью скотомъ, шерстью, воскомъ, саломъ, хлѣбомъ, солью, рыбою, лѣсомъ, фруктами и виномъ. Главнѣйшія ярмарки бывали въ Кишиневѣ и Бѣльцахъ. На первой, собиравшейся каждый четвергъ, производился торгъ болѣе для домашняго обихода, а на второй, собиравшейся въ апрѣлѣ и августѣ и продолжавшейся по недѣлѣ и болѣе, пригонялся скотъ со всей области для продажи заграницу. За прогонъ скота черезъ границу взымалось по два лева 30 аспръ съ вола, по 1 леву съ лошади или коровы и по 6 паръ съ овцы или козы. За привозимые и вывозимые товары взымалась вама или пошлина по 3 процента со ста съ показаннаго въ фактурѣ товара. Съ привозимаго изъ Россіи и Польши чрезъ Днѣстръ отъ 300 до 400,000 ведеръ горячаго вина платилось по 10 коп. съ ведра. Кромѣ маловажныхъ фабрикъ для краненія суконъ, холста, сафьяновъ, для дѣланія сальныхъ и восковыхъ свѣчей, да двухъ или трехъ пивоваренъ и другихъ незначущихъ заведеній, работавшихъ болѣе для домашняго обихода, никакихъ фабрикъ и заводовъ въ области не имѣлось.

VIII.

Продолженіе описанія Бессарабіи Свиньинымъ.—Казенные и частные доходы.—Пути сообщенія. — Полиція. — Тюрьма.—Статистическія свѣдѣнія о городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ.

Казенные доходы состояли изъ пошлины на вино (вадраритъ), на овецъ (гоштина), на пчеловодство (десятина), на рогатый скотъ, лошадей и овецъ, иностранцамъ принадлежавшихъ (куница); кромѣ того собирался особый сборъ съ продажи вина въ казенныхъ городахъ, съ рыбной ловли, съ соляныхъ аккерманскихъ озеръ, съ найма подводъ (арабаджи), съ табаку, съ вѣсовъ, съ евреевъ и коренныхъ цыганъ, съ содержанія жителями каларашей и семирашей, и съ жителей же въ жалованье 322 почтовымъ ямщикамъ (суруджи). Частные доходы съ имѣній помѣщиковъ опредѣлялись по цынутамъ слѣдующими цифрами: по оргѣевскому — 550.000 левовъ, Ясскому —300.000, Сорокскому—325.000, Хотинскому—540.000, Хоторничанскому — 100.000. Гречанскому и Кодрскому — 80.000, а всего 1.895.000 левовъ. Всѣ отрасли государственныхъ доходовъ и всѣ частные отдавались на откупъ. Срокъ откупа полагался не болѣе года, почему откупщикъ, не имѣвшій возможности въ столь короткое время устроить какія либо полезныя заведенія, старался только выручить откупныя деньги и получить барышъ. Изъ контрактовъ по откупамъ видно: «какими многочисленными повинностями обязывался поселянинъ предъ арендаторомъ, сколько способовъ неблаговременный и злой откупщикъ имѣетъ утѣснять бѣднаго крестьянина; деревни часто отдавались на откупъ евреямъ».

Древнѣйшая военная дорога въ Бессарабской области пролегала: отъ Хотина на Бричаны, Атаки, Орхей (Орѣховъ), Кишиневъ, Бендеры, Каушаны, Аккерманъ, Килію и Измаилъ. Другая дорога шла изъ Могилева черезъ Бѣльцы до Скулянъ. Третья дорога – изъ Дубоссаръ чрезъ Кишиневъ и Каларашъ тоже до Скулянъ. Въ 1813 г. открыта новая дорога отъ Бричанъ до Новоселицы, а въ 1815 отъ Кишинева чрезъ Буджакскую степь до Измаила. Дороги эти, за исключеніемъ новоселицкой, составляли и почтовые тракты. По молдавскому обычаю почтовыя лошади запрягались въ дышло экипажа

по двѣ цугомъ, на одной изъ коихъ сидѣлъ ямщикъ и правилъ четырьмя запряженными впереди; далѣе, если требовалось, припрягались еще двѣ лошади съ ямщикомъ и еще четыре впереди. Шлей и хомутовъ вовсе не полагалось, взамѣнъ коихъ лошади везли тесемочною лямкою, надѣтою на шею. Кромѣ почтовыхъ дорогъ, была открыта со времени присоединенія Бессарабіи патрульная дорога отъ Аккермана по Черному морю до Киліи, а оттуда по Дунаю до Рени и вверхъ по рѣкѣ Пруту до Новоселецъ. Пограничная цѣпь, предохранявшая Бессарабію отъ заразы, содержалась тремя казацкими полками и обывательскою стражею. Обывательская стража перемѣнялась понедѣльно; каждый пикетъ въ разстояніи 200 шаговъ отъ другаго охранялся тремя стражами; для наблюденія надъ ними опредѣлены были мазылы и особые ревизоры изъ русскихъ офицеровъ. При нѣсколькихъ пикетахъ полагался верховой объѣздчикъ.

Городовъ и мѣстечекъ въ Бессарабской области считалось 12, а именно: Кишиневъ, Орхей, Бѣльцы, Сороки, Атаки, Бричаны, Липканы, Кріуляны, Теленешты, Фолешты, Рашково, и Рени или Тамарово. Кромѣ того при крѣпостяхъ: Хотинѣ, Бендерахъ, Аккерманѣ, Киліи и Измаилѣ находились особые форштаты, переименованные впослѣдствіи въ города. За исключеніемъ Рени и форштатовъ остальные города и мѣстечки составляли частную собственность. Кишиневъ и форштаты крѣпостей управлялись русскими полиціями, а остальные зависѣли отъ молдавскихъ исправниковъ и подчиненныхъ имъ капитановъ де-тыргъ (городничихъ). Штатъ кишиневской городской полиціи состоялъ изъ полиціймейстера, трехъ частныхъ приставовъ, шести квартальныхъ надзирателей, письмоводителя, двухъ его помощниковъ, переводчика, четырехъ канцелярскихъ служителей, базарнаго, смотрителя острога и тридцати десятскихъ. Въ форштатахъ крѣпостей полагалось по штату: полиціймейстеръ, частный приставъ, 2 квартальныхъ, письмоводитель, переводчикъ, канцелярскій служитель и по 15 десятскихъ. Полицейская команда Кишинева получала содержаніе изъ казны, а форштатовъ содержалась на городской счетъ. Для исполненія приказаній при полиціяхъ состояли старосты, избиравшіеся отъ каждаго общества или націи. Пожарная команда находилась только при кишиневской полиціи и состояла изъ двухъ трубъ, семи лошадей и нѣ-

сколькихъ бочекъ, багровъ и крючьевъ. Съѣзжихъ домовъ и будокъ нигдѣ еще не было заведено. Кишиневская тюрьма состояла въ вѣдѣніи баталіоннаго командира. Уголовные арестанты содержались кормовыми деньгами, а прочіе отпускались подъ карауломъ по городу для испрашиванія мірскаго подаянія. Кишиневъ составлялъ собственность Галатскаго монастыря и служилъ мѣстопребываніемъ областнаго правительства и оргѣевскихъ сардарей. Онъ заключалъ въ себѣ: 1 монастырь, 7 церквей, 2109 домовъ, 448 лавокъ, 5 сафьянныхъ заводовъ, 22 кожевныхъ, 18 свѣчныхъ, 4 мыльныхъ, 3 красильныхъ, 4 мѣдныхъ, 1 для дѣланія турецкихъ глиняныхъ трубокъ, при 5000 жителей обоего пола. Въ числѣ домовъ было нѣсколько каменныхъ и довольно обширныхъ, но худой архитектуры; дома были расположены весьма дурно и построены безъ перспективы и безъ всякаго порядка на улицахъ; митрополія построена въ 1815 г. Въ Хотинѣ были 3 церкви, 592 дома, 166 лавокъ, купленныхъ съ аукціона отъ турокъ, и 5 заводовъ, при 1500 жителяхъ. Въ Бендерахъ 3 церкви, 500 домовъ, 26 лавокъ, при 1559 жителяхъ. Въ Аккерманѣ 3 церкви, 592 дома, 40 лавокъ, при 4112 жителяхъ. Въ Килiи 2 церкви, 1 часовня, 500 домовъ, 55 лавокъ, при 3500 жителей.

Всѣхъ селеній въ области считалось 904. Они были распредѣлены между цынутами слѣдующимъ образомъ: въ Оргѣевскомъ цынутѣ 12 околовъ, 250 селеній, съ 19592 семействами жителей. Въ числѣ жителей было 87 постельниковъ, 864 мазыловъ, 347 рапту-шей, 229 руптиле, 168 церковныхъ старостъ, 23 гробокопателя, 245 семирашей, 32 липкана, 849 каларашей, 1072 содержащихъ по Пруту кордонную стражу, 2590 скутельниковъ, 1025 бреслашей, 481 слугъ и 9841 царанъ или бирниковъ. Цынутъ управлялся двумя сардарами, а каждый околъ двумя околашами; въ мѣстечкахъ Оргѣевѣ, Теленештахъ и Кріулянахъ были капитаны де-тыгръ. Въ Хотинскомъ 8 околовъ, 171 селеніе и 17052 семейства, или 82516 душъ обоего пола. Жители состояли изъ 537 духовныхъ, 9 русскихъ чиновниковъ, 46 молдавскихъ бояръ, 40 купцовъ, 150 каларашей, 16 рупташей, 7965 евреевъ и 71628 царанъ; въ числѣ ихъ были австрійско-подданные, армяне и евреи, содержавшіе на откупу селенія и занимавшіеся разными промыслами. Цынутъ управ-

лялся двумя паркалабами (русскимъ и молдавскимъ). При паркалабахъ находились два ревизора для слѣдствій и четыре смотрителя надъ земскою кордонною стражею изъ молдавскихъ дворянъ. Въ Сорокскомъ 7 околовъ, 144 селенія, 18 хуторовъ и 43075 душъ обоего пола; въ числѣ жителей—духовенства 427, церковныхъ старостъ 107, гробокопателей 16, бояръ 45, постельниковъ, мазыловъ и рунташей 322, наемныхъ работниковъ 406, евреевъ 404, поссесоровъ, грековъ, армянъ и другихъ 142, скутельниковъ 1657, каларашей и береговой стражи 589, податныхъ 4831. Цынутъ управлялся двумя исправниками, имѣвшими пребываніе въ м. Сорокахъ (принадлежавшемъ Янко-Россету Розновану); остальныя мѣстечки цынута: Атаки, Бѣльцы и Раниково принадлежали: первое—князьямъ Кантакузинымъ, второе—Александру Панаіоту и третье—монастырю Голіи. Въ Ясскомъ 6 околовъ, 128 селеній, 32 хутора и 8032 жителя обоего пола. Изъ нихъ духовнаго званія 481, мазыловъ 499, скутельниковъ 1015, слугъ 211, каларашей 528, евреевъ 364, царанъ 4934. Кромѣ того въ цынутахъ проживало много армянъ изъ Австріи, занимающихся разведеніемъ скота, овецъ и улучшенной породы лошадей. Цынутъ управлялся двумя исправниками, имѣвшими пребываніе въ м. Фалештахъ (Янко Бальша). Въ Бендерскомъ околовъ 3, селеній 81 и 3893 семейства жителей. Всѣ селенія этого уѣзда казенныя, за исключеніемъ Раскаецъ и Пуркаръ, принадлежавшихъ кишиневской митрополіи, Гура Быкулуй и Леонтіи—маіору Катаржи, урочища Бурнасъ — генералу Тучкову, Шабалатъ—подполковницѣ Арсеньевой Софіи и Кара-Ибраимъ—армянской кафедрѣ и Мечетеліи Свято-Николаевскому монастырю въ Киліи. Цынутъ управлялся двумя исправниками (русскимъ и молдавскимъ), имѣвшими мѣстопребываніе въ м. Каушанахъ. До 1808 г. въ Каушанахъ существовалъ замокъ или дворецъ турецкаго чиновника, управлявшаго Бессарабіей (Буджакъ) и называвшагося Каушанъ-воеводой. Этотъ воевода былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и откупщикомъ доходовъ Бессарабіи. Во время татаръ Каушаны были многолюднѣйшимъ и богатѣйшимъ городомъ, имѣвшимъ до 700 лавокъ. Къ Бендерскому цынуту, кромѣ Бендеръ и Каушанъ, принадлежали еще Аккерманъ, Килія и Вилковъ. Въ Тамаровскомъ — 32 селенія, нѣсколько хуторовъ для скотоводства и 6220 душъ жителей. Цынутъ

управлялся однимъ исправникомъ изъ русскихъ чиновниковъ, жившимъ въ м. Рени или Тамаровѣ. Къ этому цынуту принадлежали еще Измаилъ и Тучковъ. Въ Гречанскомъ 40 селеній, частнымъ лицамъ принадлежавшихъ, съ 2226 жителями. Цынутъ управлялся однимъ исправникомъ изъ русскихъ чиновниковъ. Въ Кодрскомъ 22 селенія, принадлежавшихъ частнымъ владѣльцамъ и Ясско-Саввскому монастырю, съ 914 семействами жителей. Цынутъ управлялся однимъ исправникомъ изъ русскихъ чиновниковъ. Въ Хотарничанскомъ 21 селеніе съ 3445 жителями. Весь цынутъ, за исключеніемъ Сараты, принадлежалъ помѣщику Ивану Бальшу и управлялся однимъ исправникомъ изъ молдаванъ Каждое исправничество состояло изъ самиша (секретарь и казначей), нѣсколькихъ писцовъ или логофетовъ, а для русской переписки—письмоводителя, переводчика, двухъ ревизоровъ для производства слѣдствій и двухъ ревизоровъ для земской стражи. Исправники получали по 200 левовъ въ мѣсяцъ жалованья, самиши по 100, а прочіе содержались съ особаго сбора, называвшагося «ымплиняла».

IX.

Нравы и обычаи.—Образованность и умственная жизнь общества.—Калагеоргій.—Открытіе временнаго комитета.

Нравы и обычаи жителей Бессарабской области, по различію націй, были весьма разнообразны; но такъ какъ молдаване составляли большую часть народонаселенія, то всѣ прочіе, кромѣ евреевъ, принаравливались къ ихъ обычаямъ Обычаи молдаванъ во многомъ сходствовались съ малороссійскими какъ въ одеждѣ, такъ и въ образѣ жизни. «Вообще молдаване тихаго, мягкаго и добраго характера; люди средняго и высшаго состоянія простодушны, гостепріимны, въ вѣрѣ и вѣрности непоколебимы и начальству послушны, но отъ безпрестанныхъ насилій сдѣлались робки и недовѣрчивы къ правительству. Сіе послѣднее есть причиною, что они мало заботятся о хозяйствѣ: дома мужиковъ походятъ на шалаши кочующихъ народовъ, всѣ они состоятъ изъ мазанокъ, въ окнахъ вмѣсто стеколъ вставлены пузыри; не имѣютъ ни дворовъ, ни амбаровъ, но

внутри довольно чисты и опрятны. Сіе же самое причиной, что и бояре не заботятся объ украшеніи домовъ своихъ, коихъ вся мебель состоитъ изъ большихъ турецкихъ диванов. Система молдавскаго правительства, основанная на коварствѣ, грабительствѣ и насиліи, имѣла величайшее вліяніе на характеръ бояръ молдавскихъ. Не полагая, чтобъ качества сіи были у нихъ врождены, должно признаться, что вообще они весьма искательны, горды предъ низшими и низки предъ тѣми, кто ихъ выше; корыстолюбіе не почитается у нихъ порокомъ и всѣ способы къ обогащенію для нихъ святы и возможны. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія, что хорошими примѣрами весьма легко можно обратить ихъ къ лучшей справедливѣйшей нравственности».

До 1812 года въ Бессарабіи не было ни одной школы для народнаго образованія, и потому низшія сословія жителей были совершенно безграмотны. Что касается духовенства и бояръ, то за нѣкоторымъ исключеніемъ они тоже не далеко ушли отъ народа въ дѣлѣ грамотности. Собственно читать и писать по молдавски умѣли только чиновники, обучавшіеся въ единственной въ то время ясской школѣ, или же у домашнихъ учителей. Затѣмъ остальные, въ томъ числѣ и женщины боярскаго сословія, были полуграмотны, или же вовсе безграмотны. Первое училище въ Бессарабіи было основано митрополитомъ Гавріиломъ въ Кишиневѣ въ 1813 г. для образованія священно-и церковно-служительскихъ дѣтей, съ допущеніемъ и дѣтей свѣтскаго званія. Въ этомъ училищѣ или семинаріи предположено преподавать грамматику, поэзію, риторику, логику, философію, богословіе, математику, исторію, географію, рисованіе и языки: русскій, латинскій, греческій и молдавскій. При семинаріи была открыта типографія, въ коей печатались на вышеупомянутыхъ языкахъ учебныя и душеспасательныя книги. Учениковъ находилось въ семинаріи не болѣе ста, да и тѣхъ нужно было собирать съ большимъ трудомъ, такъ какъ молдаване не охотно отдавали своихъ дѣтей въ училище. Достаточные бояре посылали своихъ дѣтей преимущественно въ Одессу, и нѣкоторые держали въ домахъ своихъ иностранныхъ учителей. Вслѣдствіе недостатка школъ и учителей степень образованности общества была самая примитивная и умственной жизни вовсе не существовало. Высшіе интересы общества

вращались около предметовъ чисто матеріальнаго свойства: составленія служебной карьеры, улучшенія домашней обстановки и накопленія богатствъ. Не менѣе того высшія сферы общества, пробужденныя изъ вѣковой апатіи и закоснѣлости политическими событіями того времени и призванныя къ новой жизни всемогущею волею умиротворителя Европы Императора Александра I, готовы были теперь вступить въ новый путь. Предшествовавшая борьба этого общества съ новыми порядками государственности при Гартингѣ, произвела благодѣтельную перемѣну въ настроеніи умовъ, пріучивъ ихъ къ мысли новаго порядка вещей. Такимъ образомъ съ прибытіемъ новыхъ правителей края—Бахметьева и Калагеоргія общество было уже значительно подготовлено къ примиренію съ предстоявшими реформами общественной жизни. И дѣйствительно, когда Бахметьевъ, ознакомившись съ состояніемъ края и съ дѣлами управленія, приступилъ къ осуществленію программы, возложенной на него Высочайшею волею, по начертанію проэкта новаго образованія области, онъ встрѣтилъ въ обществѣ полную готовность ему содѣйствовать. Общество сознавало уже всю благость попеченій о немъ верховной власти и чувствовало себя удовлетвореннымъ свыше своихъ ожиданій.

Главнѣйшимъ и ближайшимъ помощникомъ Бахметьева въ дѣлѣ устройства Бессарабіи на новыхъ основаніяхъ былъ на первыхъ порахъ новый гражданскій губернаторъ Калагеоргій. Власть Калагеоргія осталась въ прежнихъ размѣрахъ, но вліяніе его на дѣла значительно уменьшилось сравнительно съ вліяніемъ, которое имѣлъ Гартингъ. Причина этому заключалась въ томъ, что полномочный намѣстникъ находился на мѣстѣ и во всякое время могъ лично направлять дѣла. Разницы противъ прежняго не было впрочемъ большой, такъ какъ временное правленіе изъ двухъ департаментовъ съ молдавскими совѣтниками не потерпѣло никакихъ измѣненій и дѣйствовало на прежнихъ основаніяхъ. Назначеніе Калагеоргія имѣло при томъ совершенно спеціальную цѣль содѣйствовать Бахметьеву въ составленіи проэкта новаго образованія области, почему вся его дѣятельность должна была обратиться главнымъ образомъ на этотъ предметъ. Призваніе Калагеоргія къ участію въ дѣлѣ такой важности объясняется знакомствомъ съ нравами и обычаями мѣстнаго населенія и его миро-

любивымъ характеромъ. Оба эти качества признавались весьма полезными въ виду тѣхъ недоразумѣній, которыя возникли при управленіи краемъ Гартинга, и участія въ будущихъ законодательныхъ работахъ мѣстнаго общества. Участіе общества въ составленіи новаго положенія образованія области должно было выразиться въ трудахъ временнаго комитета, учреждаемаго въ Бессарабіи на основаніи Высочайшаго указа для содѣйствія полномочному намѣстнику. Комитетъ явился поэтому самымъ главнымъ учрежденіемъ въ мѣстной системѣ управленія и отъ дѣйствій его должна была зависѣть вся будущность страны.

Въ виду важности задачи, предстоявшей разрѣшенію временнаго комитета, Бахметьевъ тотчасъ по прибытіи въ Бессарабію озаботился принятіемъ мѣръ къ скорѣйшему открытію его дѣйствій и въ теченіи іюня мѣсяца обдумалъ всѣ соображенія, касающіяся будущихъ его занятій и состава его членовъ. По взаимному соглашенію съ Калагеоргіемъ и нѣкоторыми членами временнаго правительства Бахметьевъ остановился на составленіи присутствія комитета изъ десяти членовъ молдавскихъ дворянъ, подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора, и 6 іюля 1816 г. открылъ комитетъ, указавъ ему нижеслѣдующіе предметы занятій: 1) учрежденіе временныхъ уѣздныхъ присутствій изъ исправника, особаго чиновника и цынутнаго ревизора; 2) начертаніе обязанностей цынутныхъ присутствій; 3) учрежденіе по мѣстечкамъ капитановъ или полицейскихъ смотрителей, а по селеніямъ сотскихъ и десятскихъ; 4) учрежденіе въ городахъ полицейскаго порядка въ отношеніи безопасности отъ пожара, народнаго продовольствія, воинскаго постоя и проч.; 5) разсмотрѣніе счетовъ о казенныхъ доходахъ за прошедшее время; 6) производство дѣлъ по жалобамъ отъ жителей на чиновниковъ, опредѣленіе по этимъ жалобамъ слѣдствій и рѣшительнаго заключенія по онымъ; 7) устройство почтоваго сношенія съ уравненіемъ повинности этой на всѣ состоянія; 8) разсмотрѣніе повинностей въ отношеніи поставки отъ земли дровъ, сѣна и т. п.; 9) устройство кордонной цѣпи, содержимой по наряду отъ обывателей, для предохраненія отъ чумной заразы, съ замѣной обывателей—каларашами; 10) разсмотрѣніе дѣлъ по водворенію въ Бессарабіи варшавскихъ колонистовъ и разрѣшеніе споровъ, проис-

шедшихъ по предмету переселенія задунайскихъ болгаръ и прочихъ тамошнихъ выходцевъ; 11) разсмотрѣніе правъ всѣхъ сословій населенія и составленіе списка дворянскихъ родовъ и 12) составленіе проэкта новаго образованія области.

IX.

Учрежденіе временныхъ цынутныхъ присутствій.—Новое распредѣленіе занятій по всѣмъ частямъ управленія.—Катакази и Недоба.—Коммисія для разсмотрѣнія правъ бессарабскаго дворянства.

Всѣ эти занятія были возложены на присутствіе комитета, составленнаго изъ десяти членовъ, избранныхъ изъ молдавскихъ бояръ, канцелярію онаго, состоящую: изъ двухъ секретарей—русскихъ и молдавскаго, одного помощника секретаря, завѣдывавшаго и архивомъ, регистратора, семи канцеляристовъ и переводчика. Секретарями комитета, по день закрытія онаго, были Юпневскій, Красниковъ и Подгурскій, а переводчикомъ Яновскій. Комитетъ помѣщался сначала въ домѣ житничера Главче, гдѣ во флигелѣ втеченіе почти трехъ лѣтъ находилась канцелярія Гартинга, а потомъ полиція; съ января же 1817 г. комитетъ былъ устроенъ въ домѣ Крупенскаго, нанятомъ для помѣщенія 2-го департамента комитета и общаго собранія за 4000 руб. ассиг. въ годъ. Помѣщеніе это состояло изъ восьми компатъ и одной залы. Комитетъ открылъ свои дѣйствія въ іюлѣ мѣсяцѣ 1816 г. назначеніемъ на должности исправниковъ, самишей или казначеевъ и учрежденіемъ временныхъ цынутныхъ присутствій изъ исправника, особаго чиновника и цынутнаго ревизора. Обязанности исправника были изложены въ особой инструкціи изъ 28 §; особый чиновникъ представлялъ «довѣренное лицо къ защитѣ дворянства и народа, на земляхъ его водворившагося, отъ всѣхъ несвойственныхъ правамъ ихъ притязаній или самовольныхъ, а тѣмъ самымъ противузаконныхъ налоговъ; цынутный ревизоръ отъ короны наблюдалъ за дѣйствіями по цынуту происходящими». Сверхъ другихъ обязанностей цынутное присутствіе занималось: разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ споровъ между жителями по единогласнымъ приговорамъ, а въ случаѣ разногласія съ апелляціей

въ двухмѣсячный срокъ въ 1-й департаментъ областнаго правительства. Вслѣдъ за открытіемъ цынутныхъ присутствій комитетъ, по предложенію Бахметьева, разбиралъ права лицъ привилегированнаго сословія на пользованіе скутельниками, бреслашами и слугами и нашелъ, что многіе совершенно неправильно владѣютъ ими, а другіе пользуются этимъ правомъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ имъ положено по чинамъ, на основаніи молдавскаго обычая. Изъ вѣдомости составленной комитетомъ видно, что у чиновниковъ, духовенства и другихъ лицъ находилось въ услуженіи при ревизіи 7870 человѣкъ скутельниковъ, бреслашей и слугъ; по приведеніи же въ извѣстность правъ каждаго число это уменьшилось до законныхъ размѣровъ. Затѣмъ комитетъ приступилъ къ разсмотрѣнію правъ мазыловъ, рупташей и другихъ привилегированнаго состоянія людей, для чего обязалъ ихъ представить документы, служащіе доказательствомъ ихъ званія, къ 1 января 1817 года. Въ слѣдующемъ 1817 г. Бахметьевъ предложилъ комитету разсмотрѣть права и мѣстныхъ бояръ на дворянское достоинство.

Къ крайнему сожалѣнію, съ самаго открытія временнаго комитета многіе изъ членовъ его вовсе не посѣщали присутствія, или же являлись только изрѣдка. Вслѣдствіе этого производство дѣлъ тянулось медленно и почти вся работа дѣлалась только канцеляріей. Предсѣдатель комитета Калагеоргій неоднократно доносилъ о томъ Бахметьеву, часто отлучавшемуся въ Подольскую губернію, прося его подтвердить всѣмъ молдавскимъ членамъ, «дабы имѣли ежедневное хожденіе въ комитетъ и тѣмъ ускорили-бы окончаніе дѣлъ, на оный возложенныхъ». Не смотря на эти напоминанія, бояре, не привыкшіе къ канцелярской работѣ, замѣтно уклонялись отъ посѣщенія присутствія, отъ чего работа шла медленно и безпорядочно и нельзя было предвидѣть окончанія возложенныхъ на комитетъ занятій. Чтобы дать дѣламъ болѣе правильное движеніе, Бахметьевъ нашелся вынужденнымъ сдѣлать новое распредѣленіе занятій по всѣмъ частямъ управленія. Съ этою цѣлью онъ сократилъ составъ присутствія комитета до семи членовъ, переименовалъ первый департаментъ судебнымъ съ назначеніемъ въ оный предсѣдателя, а второй распорядительнымъ съ назначеніемъ предсѣдателемъ онаго вновь учрежденнаго вице-губернатора, назначилъ въ каждый изъ

департаментовъ спеціальныхъ членовъ и предложилъ департаментамъ собираться въ общее присутствіе, подъ его предсѣдательствомъ, для рѣшенія дѣлъ, поступавшихъ по апелляціямъ изъ судебнаго департамента, а также для разработки проэкта новаго образованія области. Занятія эти должны были происходить по вторникамъ и субботамъ по апелляціоннымъ дѣламъ, въ прочіе же дни съ 4 до 8 часовъ пополудни по разработкѣ проэкта образованія. Засѣданія общаго присутствія происходили въ помѣщеніи временнаго комитета и составлялись изъ трехъ членовъ комитета, коихъ очередь продолжалась по двѣ недѣли, и членовъ обоихъ департаментовъ правительства. Такимъ образомъ почти въ самомъ началѣ комитетъ оказался недостаточно приготовленнымъ къ важнымъ и серьезнымъ занятіямъ по составленію новаго образованія области, почему работа эта была перенесена въ общее собраніе департаментовъ. Не смотря однако на облегченіе комитета, освобожденнаго отъ многихъ занятій, члены комитета по прежнему уклонялись отъ хожденія въ присутствіе, чѣмъ неоднократно вызывали со стороны начальства предостереженія и внушенія. Все это конечно было невыносимо для Калагеоргія, смирнаго и добраго человѣка, и онъ сталъ отпрашиваться въ свою Екатеринославскую губернію. Наконецъ, просьба его была услышана и въ Бессарабію были посланы два новые дѣятеля —д. с. с. Катакази и с. с. Недоба. По прибытіи въ Кишиневъ Катакази былъ опредѣленъ Бахметьевымъ въ іюлѣ 1817 г. предсѣдателемъ судебнаго департамента и первымъ членомъ въ общемъ собраніи, а послѣ отъѣзда Калагеоргія въ сентябрѣ того же года и. д. гражданскаго губернатора; Недоба же смѣнилъ Калагеоргія въ предсѣдательствованіи въ временномъ комитетѣ. Катакази не могъ не обратить вниманія на уклоненіе членовъ комитета отъ занятій, и потому, по вступленіи въ исправленіе должности губернатора и въ отсутствіи намѣстника, въ предложеніи своемъ въ сентябрѣ 1817 г. поставилъ на видъ молдавскимъ членамъ комитета ихъ упущенія по службѣ, «обнаруживающія явное уклоненіе отъ должности, на нихъ возложенной, и дающія начальству поводъ къ весьма невыгодному на счетъ ихъ заключенію». Но и это внушеніе было также безполезно, какъ и первыя, и члены комитета, находя весьма скучнымъ сочиненіе какихъ то проэктовъ, оставались глухи ко

всѣмъ замѣчаніямъ. Также безуспѣшно хлопоталъ и новый предсѣдатель комитета Недоба. На представленіе его намѣстнику о томъ, что ему не съ кѣмъ заниматься въ комитетѣ и что дѣла не имѣютъ никакого движенія, Катакази въ отсутствіи Бахметьева въ предложеніи въ октябрѣ 1817 г. снова поставилъ на видъ боярамъ ихъ упущенія, съ предупрежденіемъ, что на будущее время о ихъ неисправности будетъ по порядку представлено на разсмотрѣніе высшему начальству. Затѣмъ самъ Бахметьевъ обязалъ комитетъ «записывать въ журналъ, въ какомъ именно часу кто изъ членовъ онаго придетъ и выйдетъ изъ присутствія, равно о томъ, еслибъ кто изъ нихъ вовсе не былъ и по какой причинѣ». Но и эта мѣра не привела ровно ни къ чему и дѣла комитета до самаго закрытія дѣйствій онаго производились и рѣшались только предсѣдателемъ и секретарями.

Катакази былъ утвержденъ гражданскимъ губернаторомъ 30 декабря 1817 г. и съ тѣхъ поръ принялъ дѣятельное участіе во всѣхъ работахъ по составленію новаго положенія устройства края. Такъ какъ самая главная приготовительная работа заключалась въ разсмотрѣніи правъ привиллегированныхъ сословій, безъ чего невозможно было открыть новыхъ учрежденій въ области, а комитетъ относился весьма вяло къ этому предмету, то Катакази представилъ Бахметьеву о необходимости учредить особую коммисію для разсмотрѣнія правъ бессарабскаго дворянства, въ которую были бы переданы изъ комитета всѣ документы какъ помѣщиковъ, такъ и безпомѣстныхъ бояръ. Бахметьевъ предложеніемъ въ октябрѣ 1817 г. утвердилъ таковую коммисію и назначилъ въ оную почти тѣхъ самыхъ лицъ, которыя только номинально засѣдали въ временномъ комитетѣ. Съ учрежденіемъ этой коммисіи работа пошла успѣшнѣе; но списокъ лицъ, признанныхъ въ дворянствѣ, всетаки не поспѣлъ ко дню утвержденія Императоромъ Александромъ «устава образованія Бессарабской области».

За перенесеніемъ двухъ самыхъ важныхъ дѣлъ: разсмотрѣнія правъ привиллегированныхъ сословій—въ особую коммисію, и составленія проэкта новаго образованія области — въ общее собраніе департаментовъ, остальныя комитетскія дѣла были такого свойства, что смѣло могли быть разрѣшены департаментами въ общемъ по-

рядкѣ дѣлопроизводства. Болѣе замѣчательныя изъ нихъ заключались: въ претензіи къ казнѣ Казиміра за потери по откупу Бессарабіи, въ убыткахъ понесенныхъ Кацыкою по тому же откупу, въ назначеніи разнымъ лицамъ скутельниковъ, въ разсмотрѣніи правъ польскихъ шляхтичей, въ полученіи отъ попечителя колоній задунайскихъ переселенцевъ Ватикіоти волонтерскихъ документовъ, въ разныхъ злоупотребленіяхъ земскихъ чиновниковъ за прошедшее время и т. п. Изъ другихъ дѣлъ 1818 г. слѣдуетъ упомянуть, во 1-хъ, объ учрежденіи въ Измаилѣ, Хотинѣ, Аккерманѣ, Килія и Бендерахъ инвалидныхъ командъ, во 2-хъ, объ учрежденіи при Кишиневскомъ баталіонѣ внутренней стражи жандармской команды и, въ 3-хъ, объ открытіи въ Кишиневѣ городской думы.

X.

Содержаніе проэкта образованія внутренняго городскаго управленія Бессарабской области.

Приготовительныя работы по открытію въ области новыхъ учрежденій продолжались почти два года и только въ началѣ 1818 года могли достигнуть окончанія. Изъ нихъ составленіе проэкта образованія было поручено первоначально комитету, а потомъ общему собранію департаментовъ; но главные труды по составленію этого устава несомнѣнно принадлежатъ только одному лицу — правителю намѣстнической канцеляріи Криницкому. Собственно общее собраніе департаментовъ могло только прослушать чтеніе составленнаго Криницкимъ устава да сдѣлать кое-какія замѣчанія; но этимъ все и ограничилось. Когда проэктъ «Образованія» былъ окончательно пересмотрѣнъ и не оставалось болѣе ни прибавить, ни убавить въ немъ ничего, тогда онъ былъ подписанъ по статьямъ намѣстникомъ, губернаторомъ и русскими совѣтниками, а молдавскій переводъ съ онаго подъ заглавіемъ: Proectu pentru cele mai de frunte temeli la obrazowania ocormuirei politicesti din luntru a oblastei Bessarabie, молдавскими совѣтниками и затѣмъ представленъ на Высочайшее утвержденіе. Проэктъ образованія внутренняго гражданскаго управленія Бессарабской области заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1-я о

названіи области и главномъ ея начальствѣ, 2-я объ областномъ городѣ, о цынутахъ и цынутныхъ городахъ, 3-я о верховномъ совѣтѣ области, 4-я о гражданскомъ губернаторѣ, 5-я о раздѣленіи областнаго начальства на двѣ части, 6-я объ областномъ правительствѣ, 7-я объ областномъ уголовномъ и гражданскомъ судахъ, 8-я объ областныхъ и цынутныхъ прокуратурахъ (прокурорахъ), 9-я объ областномъ и цынутныхъ архитекторахъ и землемѣрахъ, 10-я о приказѣ общественнаго призрѣнія, 11-я о врачебной управѣ, 12-я объ областной почтовой конторѣ и цынутныхъ почтовыхъ экспедиціяхъ, 13-я о цынутныхъ исправничествахъ, 14) о цынутныхъ судахъ, 15-я о цынутныхъ казначействахъ, 16-я о полиціяхъ въ городахъ, 17-я о разныхъ городскихъ управленіяхъ, 18-я о правахъ и преимуществахъ жителей, 19-я о дворянскихъ собраніяхъ, выборахъ, областномъ предводителѣ и о книгѣ дворянской, 20-я о генеральномъ размежеваніи области, 21-я о таможняхъ и карантинахъ.

Область названа Бессарабскою, а главнымъ начальникомъ ея назначался подольскій военный генералъ-губернаторъ, которому предоставлялось по его усмотрѣнію присутствовать лично въ областномъ городѣ, или въ Каменецъ-Подольскѣ. Областнымъ городомъ избирался Кишиневъ съ предположеніемъ пріобрѣсти оный изъ монастырскаго въ казенное владѣніе. Цынутовъ или уѣздовъ опредѣлялось шесть: Хотинскій, Ясскій, Оргѣевскій, Бендерскій, Аккерманскій и Измаильскій. Верховный совѣтъ составлялся изъ президента, четырехъ членовъ отъ правительства: губернатора, вице-губернатора, предсѣдателей уголовнаго и гражданскаго судовъ и шести депутатовъ отъ дворянства, въ томъ числѣ и областнаго предводителя, избираемыхъ на каждое трехлѣтіе и утверждаемыхъ намѣстникомъ; верховный совѣтъ завѣдывалъ всѣми вообще дѣлами по области и рѣшалъ ихъ окончательно по большинству голосовъ. Рѣшенія совѣта не подлежали апелляціи и приводились немедленно въ исполненіе, но недовольныя лица могли жаловаться государственному совѣту посредствомъ министра юстиціи. Дѣла особенной важности разсматривались общимъ собраніемъ по предложеніямъ намѣстника или въ отсутствіе его по отзывамъ гражданскаго губернатора и вносились на утвержденіе въ государственный совѣтъ. Дѣла производились на русскомъ и молдавскомъ языкахъ, а именно: распоряди-

тельныя, уголовныя и слѣдственныя по русски и по молдавски, съ соблюденіемъ русскихъ узаконеній и съ сохраненіемъ правъ и обычаевъ земли въ отношеніи частей собственности, а гражданскія тяжебныя и межевыя дѣла отправлялись на одномъ молдавскомъ языкѣ, на основаніи законовъ и обычаевъ молдавскихъ. Гражданскій губернаторъ завѣдывалъ всѣми частями внутренняго управленія, посредствомъ областнаго правительства, однимъ же своимъ лицомъ дѣйствовалъ только по дѣламъ не терпящимъ времени, въ случаяхъ требующихъ полицейской власти и касающихся до исполненія особенныхъ порученій высшаго начальства. «Онъ не есть судья, но оберегатель изданныхъ постановленій и узаконеній, до области касающихся; блюститель правъ и преимуществъ всѣхъ состояній ея, ходатай за пользу общую, заступникъ угнетенныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ. Онъ обязуется въ дѣяніяхъ своихъ оказывать доброхотство, любовь и соболѣзнованіе къ народу». Въ числѣ другихъ обязанностей губернатору вмѣнялось имѣть «неослабное бдѣніе за градскими и земскими полиціями, дабы вездѣ исполнялись законы, пресѣкаемы были всякаго рода злоупотребленія, преступники слѣдованы были безъ малѣйшаго послабленія и чтобы нигдѣ никакихъ безчеловѣчныхъ побоевъ не происходило; онъ обуздываетъ распутство и жестокости; онъ старается о пресѣченіи лихоимства, мздоимства и взяточничества, отвращая малѣйшее поползновеніе къ тому во всѣхъ ему подчиненныхъ». Первая часть областнаго начальства, подъ именемъ областнаго правительства, составлялась изъ двухъ экспедицій: исполнительной и казенно-экономической. Первая подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ двухъ совѣтниковъ и двухъ ассесоровъ, производитъ всѣ дѣла распорядительныя по правиламъ, губернскимъ правленіямъ предписаннымъ. Вторая, подъ управленіемъ вице-губернатора, изъ двухъ совѣтниковъ и областнаго казначея, завѣдываетъ казенными экономическими дѣлами. Въ каждую изъ этихъ экспедицій опредѣляется по одному совѣтнику, а въ первую и одинъ ассесоръ по выбору отъ дворянства на каждое трехлѣтіе. Областное правительство, удовлетворивъ всѣмъ издержкамъ по штату для области опредѣленнымъ, распоряжается остаткомъ такимъ образомъ, чтобы девять частей изъ онаго отправлены были для причисленія къ общимъ государственнымъ доходамъ, а десятая

часть отдѣлялась бы для образованія 10 проц. капитала на постройку казенныхъ зданій, училищъ, тюремъ, больницъ и прочихъ общественныхъ заведеній. Вторую часть областнаго начальства составляютъ уголовный и гражданскій суды. Въ первомъ присутствуютъ: предсѣдатель, три совѣтника и одинъ ассесоръ; во второмъ: предсѣдатель и четыре совѣтника. Пять совѣтниковъ и одинъ ассесоръ въ обоихъ судахъ избираются отъ дворянства. Приговоры уголовнаго суда утверждаются губернаторомъ или вносятся съ мнѣніемъ въ верховный совѣтъ, въ который поступаютъ и апелляціи по дѣламъ гражданскимъ. Цынутныя исправничества составляются каждое изъ капитанъ-исправника и четырехъ комисаровъ по выбору дворянства. Каждый цынутъ дѣлится на волости подъ управленіемъ околаша; въ каждомъ селеніи полагается одинъ дворникъ. Околаши и дворники избираются самими обществами. «Исправнику поручается въ цынутѣ земская полиція или благочиніе. Онъ долженъ отправлять должность свою съ доброхотствомъ и человѣколюбіемъ къ народу. Никакихъ налоговъ или нарядовъ въ цынутѣ безъ основанія, утвержденнаго закономъ, производить не вправѣ. Исправникъ, яко чиновникъ, управляющій цынутомъ, не властенъ имѣть какое либо сотоварищество, или обороты съ жителями ввѣреннаго ему цынута». Цынутные суды—изъ одного судьи и двухъ членовъ по выбору дворянства, съ утвержденіемъ намѣстника, учреждались для отправленія правосудія по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ. Городскія полиціи назначались, кромѣ казенныхъ городовъ и форштатовъ крѣпостей, еще во владѣльческихъ мѣстечкахъ: Бѣльцахъ и Кишиневѣ. Разныя городскія управленія, предположенныя къ открытію, были городскія думы и цеховыя управы.

Жители области по правамъ состоянія раздѣлялись на слѣдующіе классы: 1, духовенство; 2, дворянство; 3, бояринаши; 4, мазылы; 5, рупташи; 6, купцы; 7, царане или земледѣльцы; 8, цыгане коронные и помѣщичьи и 9, евреи. Дворянству предоставлялись права и преимущества россійскаго дворянства съ сохраненіемъ древнихъ молдавскихъ привиллегій. Бояринаши пользовались правомъ личнаго благородства и освобождались отъ тѣлеснаго наказанія и отъ всѣхъ вообще казенныхъ и общественныхъ податей. Мазылы и рупташи не могли быть наказаны тѣлесно безъ судеб-

наго приговора и уплачивали подать подъ названіемъ «даждіи»;— гоштину, вадраритъ и погонаритъ должны были вносить въ казну наравнѣ съ простыми поселянами. Купечеству и мѣщанству предоставлялось право свободной торговли, съ уплатою податей на основаніи господарскихъ грамотъ, а общественныхъ повинностей — по соразмѣрности общей въ области раскладки. Царане сохраняли право независимости отъ владѣльцевъ земель на прежнемъ основаніи и обязывались платить подать надъ названіемъ «бира» и особый сборъ съ земскихъ повинностей на содержаніе войскъ, почтовыхъ лошадей, станцій и публичныхъ трактовъ. За пользованіе казенными землями царане платили оброкъ, а за пользованіе владѣльческими обязаны были исполнять работы и повинности въ пользу владѣльцевъ на основаніи молдавскихъ учрежденій. Сверхъ того, какъ казенные, такъ и владѣльческіе царане, вносили въ казну гоштину отъ овецъ, десятину отъ пчелъ и свиней, вадраритъ отъ садовъ и погонаритъ отъ посѣва табаку. Цыгане раздѣлялись на коронныхъ и владѣльческихъ. Первые платили въ казну даждію, а вторые освобождались отъ всѣхъ вообще казенныхъ податей. Евреи въ уплатѣ казенныхъ податей и земскихъ повинностей участвовали наравнѣ съ прочими купцами, мѣщанами и земледѣльцами, съ сохраненіемъ привиллегій, данныхъ имъ молдавскими господарями.

Они могли пріобрѣтать только пустопорожнія земли, единственно отъ казеннаго вѣдомства, и обязывались производить на оныхъ работы посредствомъ наемныхъ людей. Иностранные поселенцы, подъ названіемъ колонистовъ, освобождались отъ податей на 4 года; по водвореніи же на казенныхъ земляхъ *пользовались* сверхъ того выгодами, изложенными въ положеніи о колонистахъ. Резеши пользовались земельными выгодами нераздѣльно. Въ отвращеніе всякихъ притѣсненій, могущихъ лишить резешей права владѣнія ихъ, подтверждалось во всей силѣ прежнее постановленіе, изложенное въ такъ называемой соборной грамотѣ 28 декабря 1785 года. Всѣ состоянія, кромѣ цыганъ и евреевъ, имѣютъ полную свободу вступать въ государственную службу, какъ военную, такъ и гражданскую и пріобрѣтать заслугами чины и прочія достоинства. Происходящіе не изъ дворянъ, достигнувъ оберъ-офицерскихъ чиновъ на дѣйствительной службѣ въ войскахъ и штабъ-офицерскаго въ граж-

данской—пріобрѣтали право потомственнаго дворянства. Дворянскія собранія учреждались для выбора чиновниковъ къ должностямъ, отъ замѣщенія дворянства зависящимъ. Областной предводитель избирался для ходатайства по дѣламъ дворянскаго сословія и для защиты вдовъ и сиротъ. Онъ засѣдалъ въ верховномъ совѣтѣ и утверждался въ должности намѣстникомъ. Дворянскія фамиліи вписывались въ дворянскую родословную книгу, составленіе коей возлагалось на верховный совѣтъ. Для генеральнаго размежеванія всей области учреждалась межевая контора изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ по выбору дворянства, и изъ одного землемѣра отъ короны. Дѣла производились на молдавскомъ языкѣ. Остальныя затѣмъ учрежденія, какъ-то: приказъ общественнаго призрѣнія, врачебная управа, почтовая контора, цынутныя почтовыя экспедиціи, таможня, карантины, областной и цынутный прокуроры, землемѣры, архитекторы и проч., должны были руководствоваться узаконеніями, существовавшими въ Имперіи. Чиновники всѣхъ этихъ вѣдомствъ были опредѣляемы отъ короны, съ утвержденіемъ намѣстника или верховнаго совѣта.

Для всѣхъ учрежденій, упомянутыхъ въ проэктѣ образованія области были составлены особыя положенія и инструкціи, опредѣлявшія власть и обязанность оныхъ, а также штаты по внутреннему и пограничному управленію. На содержаніе всѣхъ учрежденій области и на жалованье чиновникамъ полагалось: намѣстнику жалованье по чину и столовыхъ 3000 р. с., правителю его канцеляріи 600 р., гражданскому губернатору жалованье 1800 руб. и столовыхъ 1200 р., секретарю его канцеляріи 300 р., депутатамъ верховнаго совѣта каждому по 600 р., секретарямъ того же совѣта по 400 р., вице-губернатору 1200 р., предсѣдателямъ гражданскаго и уголовнаго судовъ по 800 р., совѣтникамъ областнаго правительства и обоихъ судовъ по 600 р., ассесорамъ по 350 р., секретарямъ по 300 р., областному прокурору 600 р., землемѣру 500 р., архитектору 400 р., областному почтмейстеру 500 руб., инспектору врачебной управы 600 руб., оператору и акушеру по 400 руб., предсѣдателю межевой конторы 450 руб., членамъ конторы по 350 руб., цынутнымъ судьямъ по 350 р., членамъ судовъ по 300 р., цынутнымъ прокурорамъ по 300 р., исправникамъ по 350 р., ком

мисарамъ 250 р., секретарямъ по 200 р., кишиневскому полиціймейстеру 350 р., прочимъ полиціймейстерамъ по 300 р, частнымъ приставамъ въ г. Кишиневѣ по 200 руб, а въ прочихъ мѣстахъ по 150 руб., квартальнымъ надзирателямъ по 150 и по 120 руб., десятскимъ и будочникамъ по 60 и 50 р., цынутному казначею 300 р, почтъ-экспедитору 250 р. А всего по внутреннему управленію на жалованье чиновникамъ, на содержаніе управленій и канцелярій, на наемъ домовъ для присутственныхъ мѣстъ, на канцелярскихъ служителей, на пожарную команду и другіе расходы 128,795 р. с. На содержаніе таможенъ и именно: Новоселицкой, Скулянской, Ренинской, Измаильской, Леовской, Аккерманской и Липканской полагалось 14,690 р. с. На содержаніе карантиновъ 45,730 р. А всего по части таможенной и карантинной 60,420 рублей серебромъ.

XI

Распоряженіе Бахметьева объ исправленіи и очищеніи города Кишинева. — Полицейская и строительная части.—Постройка казенныхъ зданій.—Помѣщенія для присутственныхъ мѣстъ.

Первое по времени распоряженіе объ исправленіи и очищеніи города Кишинева было сдѣлано Бахметьевымъ въ 1819 году. Для исполненія этого порученія верховный совѣтъ назначилъ двухъ комисаровъ изъ дворянъ, Александри и Бурду, съ командированіемъ къ нимъ областнаго архитектора Беттини, на котораго возложено было составить подробную смѣту матеріаламъ, нужнымъ на этотъ предметъ. По осмотрѣ вмѣстѣ съ комисарами всѣхъ улицъ и дорогъ Кишинева Беттини нашелъ, что для исправленія оныхъ по правиламъ слѣдовало бы сдѣлать каналы по обѣимъ сторонамъ улицъ и прибавить или убавить во многихъ мѣстахъ вышину ихъ посредствомъ нивелированія. Но какъ исправленіе улицъ такимъ способомъ потребовало бы большихъ издержекъ, то онъ предлагалъ вмѣсто того провести одну прямолинейную улицу между домами Крупенскаго и Кешко до самаго Быка и сдѣлать по обѣимъ сторонамъ оной по одному глубокому рву, а возлѣ рвовъ возвышенности для

пѣшеходовъ, т. е. тротуары. Тогда улицы стараго города пересѣкались бы съ этою новою улицей и воды стоячія или текущія во время дождя уносились бы каналами въ Быкъ, при извѣстномъ пониженіи, гдѣ будетъ слѣдовать, улицъ стараго города. Для осуществленія этого проэкта, Беттини находилъ необходимымъ снести сорокъ четыре дома, на сумму 85.000 левовъ, и сверхъ того употребить на проведеніе новой улицы съ каналами 69.500 левовъ. Верховный совѣтъ, признавъ этотъ проэктъ заслуживающимъ одобренія, не рѣшался однако произвести такія издержки и ограничился отпускомъ комисарамъ 4000 левовъ изъ 10 проц. капитала, только на починку мостовъ и улицъ. Такимъ образомъ Кишиневъ по прежнему остался неустроеннымъ.

«Неопрятность города, говоритъ Вигель, превосходитъ всякое описаніе: изъ больницъ, изъ бань, изъ прачешныхъ и т. п., все вываливается на улицу—всякій соръ, лоскутья, мертвыя животныя валяются по землѣ и никогда не убираются; нѣтъ фонарей, нѣтъ будокъ, нѣтъ заставъ, не только нѣтъ мостовой, но бугры и ямы на улицѣ не сравниваются и нигдѣ почти по бокамъ не прорыты каналы для стока воды. Но одно изъ величайшихъ неудобствъ для пѣшеходовъ, это чрезвычайное множество собакъ, которыя днемъ и ночью тысячами бѣгаютъ, воемъ своимъ оглашаютъ городъ и нападаютъ на всѣхъ проходящихъ».

Въ полицейскомъ отношеніи городъ охранялся 40 десятскими, обыкновенно набираемыми изъ людей порочныхъ.

По строительной части въ Кишиневѣ была учреждена особая коммисія, подъ управленіемъ предсѣдателя уголовнаго суда, не отличавшаяся особенною добросовѣстностью.

Строительная часть встрѣчала большія затрудненія не только въ Кишиневѣ, но и вообще по всей области. Частныя постройки не возводились вслѣдствіе притѣсненія строительной коммисіи, а казенныя зданія и сооруженія не строились по несуществованію въ дѣйствительности 10 проц. капитала, оставшагося въ недоимкахъ за откупщиками казенныхъ доходовъ, по винѣ казенно-экономической экспедиціи и земскихъ исправниковъ. Между тѣмъ необходимость въ казенныхъ зданіяхъ и сооруженіяхъ чувствовалась весьма сильно. Первымъ возбудилъ вопросъ о неотложности этого дѣла губерна-

торъ Катакази, указавшій необходимость постройки въ городахъ остроговъ по неимѣнію болѣе способовъ помѣщать арестантовъ гражданскаго вѣдомства въ крѣпостныхъ тюрьмахъ. Вслѣдствіе предложенія Бахметьева объ этомъ предметѣ верховный совѣтъ призналъ въ 1820 г. необходимымъ построить слѣдующія зданія: 1) пять остроговъ въ уѣздныхъ городахъ и пристройку казармы къ Кишиневскому острогу на сумму 300,000 левовъ; 2) домъ для главнаго начальника области на 250,000 л. въ Кишиневѣ; 3) прибавку къ кишиневскому госпиталю на 120,000 левовъ; 4) шесть училищъ по городамъ на 300,000 л.; 5) помѣщеніе для присутственныхъ мѣстъ г. Кишинева на 600,000 л.; 6) помѣщенія для уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ на 400,000 л.; 7) домъ для губернатора на 120,000 л.; и 8) домъ для вице-губернатора на 80,000 л. Итого на сумму 2,170,000 левовъ. Предложенію совѣта не суждено было однако осуществиться и на этотъ разъ по той причинѣ, что въ 1820 г. оказалось на лицо всего 785,058 левовъ. Это обстоятельство заставило ограничиться только постройкою остроговъ, которая должна была производиться подрядомъ съ торговъ. Но и тутъ произошли большія промедленія по причинѣ неудовлетворительности составленныхъ архитекторомъ смѣтъ и неутвержденія оныхъ Инзовымъ [1]). И хотя затѣмъ архитекторъ представилъ въ 1822 г. новыя смѣты получившія одобреніе Инзова, но въ дѣйствіе онѣ приведены не были, такъ какъ Инзовъ былъ замѣненъ въ 1823 году новымъ намѣстникомъ, графомъ Воронцовымъ. По разсмотрѣніи въ 1824 г. всего дѣлопроизводства по постройкѣ казенныхъ зданій Воронцовъ нашелъ смѣты чрезвычайно увеличенными и составленными безъ соблюденія экономическаго разсчета и безъ соображенія мѣстныхъ удобствъ и потому, поставивъ это на видъ архитектору, поручилъ ему составить новые планы и смѣты сообразно его наставленіямъ. Дальнѣйшая судьба этого дѣла заключается въ томъ, что верховный совѣтъ распорядился въ 1825 г. о заготовленіи камня и извести для производства казенныхъ построекъ хозяйственнымъ образомъ, а Воронцовъ призналъ болѣе выгоднымъ подрядный способъ и смѣты поступили на разсмотрѣніе открывшейся

[1]) Преемникъ Бахметьева.

тогда строительной коммисіи. Въ 1826 г. коммисія доносила совѣту, что и. д. архитектора и землемѣра Эйтнеръ проситъ увольненія отъ обязанности архитектора. Послѣ продолжительной переписки составленіе плановъ и смѣтъ было передано городовому архитектору Гаскету, который, не приступая къ исполненію порученія, доносилъ въ 1827 г., что ему не доставляютъ нужныхъ свѣдѣній и дѣло это затянулось на неопредѣленное время. Между тѣмъ вмѣсто постройки домовъ для главнаго начальника области и губернатора было рѣшено пріобрѣсти ихъ покупкою. Домъ для губернатора приторговывали у г. Дическулова, но какъ Дическуловъ объявилъ цѣну своему дому въ 7000 червонцевъ, а оцѣночная коммисія назначила только 52,000 л., то покупка не состоялась. Что касается присутственныхъ мѣстъ, то они по прежнему остались въ частныхъ помѣщеніяхъ. Начиная съ декабря 1816 г. присутственныя мѣста помѣщались въ домѣ Крупенскаго, первоначально въ 8 комнатахъ и одной залѣ, а послѣ, и именно съ 1818 г., въ двѣнадцати комнатахъ, по 8,000 л. въ годъ. Съ 1823 г. занята была и другая половина дома Крупенскаго подъ помѣщеніе канцеляріи намѣстника съ прибавкою за оную 4,000 левовъ. Въ апрѣлѣ того же 1823 г. домъ Крупенскаго былъ нанятъ еще на три года съ платой по 12,000 лев. въ годъ. Но въ 1824 г. новый вице-губернаторъ Петрулинъ нашелъ этотъ домъ тѣснымъ, непрочнымъ и холоднымъ, почему просилъ разрѣшенія Воронцова нанять подъ помѣщеніе казенной экспедиціи выгоднѣйшій домъ и по полученіи разрѣшенія выбрался изъ дома Крупенскаго, не удовлетворивъ хозяина по контракту. Однако, спустя нѣкоторое время, Воронцовъ приказалъ разсчитаться съ нимъ за все время контрактоваго срока. Верховой совѣтъ помѣщался въ то же время въ домѣ Макареско сначала за 2,000 л. въ годъ, а послѣ за 3,000 л. Съ 1825 г. совѣтъ перешелъ въ домъ Кешко съ платою по 2,500 л. въ годъ. Гражданскій судъ занималъ домъ Варфоломея съ 1821 по 1823 г. за 3,000 л. въ годъ; съ 1823 по 1825 г. судъ занималъ домъ Грабовскаго за 200 червонцевъ, а съ 1825 г. домъ Макареско за 1,400 л. въ годъ. Подъ помѣщеніе уголовнаго суда нанималось 4 комнаты въ домѣ купца Шароварова съ 1821 по 1825 г. за 2,000 л. Временный уголовный судъ платилъ за 10 комнатъ въ домѣ Гетопанова (членъ того суда) по

1,800 л. въ годъ. Межевая контора помѣщалась съ 1822 г. по 1825 г. въ домѣ Барбіера за 700 л. въ годъ. Подъ помѣщеніе вице-губернатора не нанималось дома, а отпускалось ему квартирныхъ по 3,000 л. въ годъ. Въ первое посѣщеніе Воронцовымъ Кишинева въ августѣ 1823 г. областное правительство наняло подъ его помѣщеніе домъ Варѳоломея (нынѣшній домъ дворянства, отдаваемый подъ помѣщеніе губернатора), за 12,000 л. въ годъ. Когда же этотъ домъ сталъ разрушаться и потолокъ въ залѣ угрожалъ паденіемъ, то Варѳоломей нанялъ на остальные 8 мѣсяцевъ домъ бывшаго вице-губернатора Крупенскаго. Воронцовъ не согласился однако жить въ домѣ Крупенскаго и потому ему была пріискана квартира въ 1825 г. въ домѣ княгини Кантакузинъ за 3,000 л. въ годъ.

XII.

Открытіе средне-учебныхъ заведеній.—Благородный дѣвичій пансіонъ Петровой. — Приходскія училища. — Ланкастерскія школы.—Архіепископъ Димитрій.—Очеркъ нравовъ.

Недостаточность суммъ 10 проц. капитала, назначеннаго какъ извѣстно на учрежденіе общеполезныхъ заведеній, была причиной тому, что въ теченіе десятилѣтней эпохи управленія краемъ верховнаго совѣта не было сдѣлано почти ничего и для дѣла народнаго образованія. Если-бы митрополитъ Гавріилъ не основалъ въ Кишиневѣ въ 1813 г. семинарскаго училища, въ которомъ кромѣ дѣтей духовенства воспитывалось нѣсколько учениковъ другихъ званій, то Бессарабія оставалась бы совсѣмъ безъ учебныхъ заведеній на продолжительное время. Повидимому о народномъ образованіи совершенно тогда не заботились, считая излишними всякія научныя знанія, безъ коихъ обходились весьма легко въ продолженіи многихъ вѣковъ. Все, что было сдѣлано по этой части съ 1818 по 1828 г., ограничивалось слѣдующими распоряженіями. Вслѣдствіе вопроса, возбужденнаго въ 1818 году ректоромъ кишиневской семинаріи насчетъ чужеземныхъ наставниковъ, присвоившихъ себѣ право воспитывать благородное юношество края внѣ всякихъ руководящихъ правилъ, графъ Каподистрія увѣдомилъ Бахметьева, что по всеподданѣйшему докладу Его Императорское Величество «пріем-

ля въ уваженіе всѣ обстоятельства времени и мѣста, недозволившія доселѣ ввести въ Бессарабскую область надлежащій порядокъ и устройство по части народнаго воспитанія, впредь до принятія надежнѣйшихъ и единообразныхъ мѣръ, Высочайше повелѣть соизволилъ, дабы правила ниже сего излагаемыя приведены были немедленно въ дѣйствіе и повсемѣстно опубликованы». По этимъ правиламъ всякій иностранецъ, желавшій быть наставникомъ или содержателемъ пансіона, обязанъ былъ предъявить мѣстному начальству свидѣтельство изъ какого либо россійскаго университета, лицея или гимназіи. При вступленіи въ должность наставника всякій иностранецъ обязывался представить начальству начертаніе или конспектъ предметовъ и методы преподаванія. При всякомъ публичномъ или частномъ испытаніи должны присутствовать ректоръ кишиневской семинаріи и должностные учителя наукъ, въ коихъ будетъ производиться испытаніе. Мѣстному начальству вмѣнялось въ обязанность увѣдомлять родителей, ввѣряющихъ дѣтей своихъ иностраннымъ наставникамъ, что предъ вступленіемъ въ гражданскую службу дѣти ихъ подвергнутся строгому испытанію въ законѣ Божіемъ, русскомъ и молдавскомъ языкахъ, исторіи, географіи и ариѳметикѣ. Два года спустя послѣ изданія этихъ правилъ, и именно въ 1821 г., кишиневскій бургомистръ (городской голова) Ставри Димо входилъ къ губернатору Катакази съ представленіемъ о разрѣшеніи учредить въ Кишиневѣ училище для дѣвицъ съ нѣкоторымъ пособіемъ изъ суммъ городскихъ доходовъ въ размѣрѣ до 4000 левовъ въ годъ. Въ удовлетвореніе этого ходатайства мѣстное начальство опредѣлило: «Въ виду того, что Димо для надзиранія за дѣвичьимъ училищемъ пригласилъ проживающую въ городѣ вдову 14 класса Евву Петрову, имѣющую аттестаты отъ херсонскаго военнаго губернатора графа Ланжерона и одесскаго благороднаго купеческаго общества, а равно свидѣтельство отъ намѣстника Инзова о дозволеніи ей открыть въ Кишиневѣ благородный дѣвичій пансіонъ, предписать указомъ городской полиціи, дабы оная объ открытіи сказаннаго училища немедленно распорядилась, о времени же, назначенномъ для открытія онаго, донесла предварительно начальству, оповѣстила бы дворянъ, чиновниковъ и почетныхъ гражданъ. А такъ какъ сіе училище предположено открыть для общей пользы, то по-

ставить полиціи въ обязанность согласить обывателей дать для открытія училища приличный домъ, снабженіе же онаго необходимою мебелью возложить на попеченіе полиціймейстера и бургомистра, которымъ поручить вмѣстѣ съ тѣмъ внушить всякаго состоянія почтеннѣйшимъ обывателямъ сего города о той пользѣ, какой должно ожидать отъ учрежденія сего училища. Отъ Петровой же полиціймейстеръ и бургомистръ обязаны будутъ взять подписку въ томъ, что порядокъ въ семъ училищѣ будетъ въ точности наблюдаемъ тотъ, который предписанъ правилами изданными для учебныхъ заведеній въ Россіи существующихъ, и что всѣмъ наукамъ, какія она по плану ея предположила преподавать, будутъ обучаемы дѣвицы непремѣнно вскорѣ по открытіи онаго училища».

Планъ пансіона Петровой обѣщалъ преподавать слѣдующіе предметы: русскій, французскій и нѣмецкій языки, Законъ Божій, ариѳметику, исторію, географію, рисованіе, музыку на фортепіано, танцы, вышиваніе шелками по канвѣ и плетеніе шнурковъ и кошельковъ. Ученіе назначалось три часа по утру и два часа послѣ обѣда. Плата за ученіе полагалась 400 руб. въ годъ, и сверхъ того каждая дѣвица должна имѣть собственный гардеробъ и провизію для стола, первый — въ опредѣленномъ числѣ, а вторую — по условію. Приходящія платили 10 р. въ мѣсяцъ и особо по 5 р. за танцы и музыку. Въ предисловіи къ плану своему Петрова обращается къ публикѣ съ слѣдующими словами: «Нѣтъ ни малѣйшей надобности излагать здѣсь доказательства необходимости воспитанія дѣвицъ; довольно сказать, что младенецъ болѣе обращается съ матерью, нежели съ отцомъ своимъ, и что съ молокомъ ея сосетъ ея свойства и склонности. Отъ матери начинаетъ ребенокъ учиться переимчивости. Первыя впечатлѣнія, поражающія нѣжныя его чувства, получаетъ онъ отъ матери; и такъ чѣмъ болѣе образована и просвѣщена мать, тѣмъ способнѣе и тѣмъ совершеннѣе ребенокъ выходитъ изъ ея рукъ; до сихъ поръ не видно здѣсь пансіоновъ дѣвичьихъ, которые столько же необходимы, какъ и заведенія для воспитанія мужскаго пола».

Одновременно съ открытіемъ пансіона Петровой было основано въ Кишиневѣ и приходское училище для мальчиковъ. Вслѣдъ затѣмъ въ 1827 г. такое же приходское училище открылось въ Бѣль-

цахъ, а въ 1824 г. въ Хотинѣ и Бендерахъ. Съ 1828 г. были открыты при этихъ училищахъ особыя отдѣленія, въ которыхъ обучали учениковъ по системѣ Ланкастера, отчего и самыя школы названы ланкастерскими. Управленіе училищами и школами было поручено особому инспектору, которымъ въ то время былъ нѣкто Гапри. Неизвѣстно, насколько успѣшно шло преподаваніе въ этихъ заведеніяхъ, но несомнѣнно, что кишиневская семинарія занимала между ними первенствующее мѣсто, такъ какъ равнялась по курсу ученія съ гимназіями. Въ семинаріи получили образованіе и многіе воспитанники свѣтскаго званія, занимавшіе впослѣдствіи служебныя мѣста въ области. Изъ нихъ нѣкоторые воспитывались на казенный счетъ, изъ суммъ 10 проц. капитала, за что были обязаны прослужить не менѣе 8 лѣтъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, по назначенію начальства, иниціатива этого дѣла принадлежитъ Инзову, испросившему въ 1823 г. Высочайшее разрѣшеніе на помѣщеніе въ семинарію десяти казеннокоштныхъ воспитанниковъ съ платою по 10.000 р. ас. въ годъ за ихъ воспитаніе. Имена первыхъ воспитанниковъ воспользовавшихся казеннымъ содержаніемъ слѣдующія: Мигдановъ, Жуковскій, Бугаевскій, Шахтъ, Лейбинъ, Смирновъ, два Жаданова, Роттъ, Арванитаки, Шпехтъ и Филатовъ. Впослѣдствіи выбыли изъ нихъ по разнымъ причинамъ: Шахтъ, Роттъ, Жадановъ, Шпехтъ и Смирновъ и были замѣнены—Бершадскимъ, Лисецкимъ, Писаневскимъ и Желяповымъ. Семинарія и семинарское училище, обязанныя своимъ возникновеніемъ митрополиту Гавріилу, пользовались особымъ попеченіемъ и преемника Гавріила — Архіепископа Димитрія, утвержденнаго епархіальнымъ начальникомъ по смерти Гавріила 3 іюля 1823 г. Продолжительное управленіе имъ епархіей до самой смерти, 4 августа 1843 г., было очень полезно для дѣла народнаго образованія, которое встрѣтило въ немъ просвѣщеннаго пастыря, много потрудившагося для блага своей паствы. Димитрій основательно зналъ молдавскій языкъ и перевелъ съ славянскаго на молдавскій множество церковныхъ книгъ и другихъ общеполезныхъ сочиненій. Недостатокъ образовательныхъ средствъ и отсутствіе высшихъ школъ, въ которыхъ новое поколѣніе могло бы пріобрѣсти полезныя знанія и развить свои умственныя и душевныя способности, были въ свою очередь причиною тому, что

общество двадцатыхъ годовъ оставалось при тѣхъ нравахъ и обычаяхъ, которые унаслѣдованы имъ отъ прошлаго вѣка. Современникъ той эпохи Вигель находилъ большое сходство между образомъ жизни богатыхъ молдаванъ того времени и русскими боярами XVII вѣка. Названіе бояръ, длинная ихъ одежда, длинныя бороды, высокія шапки, богатые мѣха, коими они покрываются, и ихъ невѣжество напоминаютъ, говоритъ онъ, древнихъ нашихъ царедворцевъ. Недостатокъ въ самонужнѣйшихъ предметахъ для удобства и пріятности жизни, низкія комнаты, коихъ убранство состоитъ въ широкихъ лавкахъ, покрытыхъ коврами, столы, отягощенные множествомъ невкусныхъ блюдъ, многочисленная оборванная прислуга, между стариками ревность и удаленіе женщинъ отъ всякаго участія въ общежитіи, великолѣпные наряды сихъ послѣднихъ, алмазы, жемчуги и вмѣстѣ съ тѣмъ неопрятность,—все, какъ было у насъ въ старину. Въ судебныхъ мѣстахъ дѣловыя бумаги на молдавскомъ языкѣ, писанныя съ крючками и подъ титлами, похожи ни дать ни взять на древніе столбцы московскаго архива» По мнѣнію Вигеля, молодые люди двадцатыхъ годовъ были увѣрены въ томъ, что совершенство воспитанія составляли: французскій языкъ, танцы и нѣсколько пѣсенокъ, мазурокъ и вальсовъ на гитарѣ и фортепіанахъ; затѣмъ умъ, познаніе и добросовѣстность почитались будтобы за ничто. Какъ особую черту нравовъ того времени, онъ прибавляетъ къ сказанному, что по лѣности или изъ ложнаго стыда бояре никогда не ходили пѣшкомъ. О людяхъ низкаго состоянія того времени Вигель говоритъ, что они отличались непорочностію. «Посреди рабства сберегли они необыкновенную чистоту нравовъ, не взирая на худые примѣры не знаютъ воровства и не любятъ пить; вѣрность супруговъ и цѣломудріе дѣвъ почитаются самыми обыкновенными добродѣтелями, и не было примѣра, чтобы простой мужикъ продалъ честь жены своей или дочери».

XIII.

Одобреніе проэкта образованія Бессарабской области и введеніе онаго въ дѣйствіе. — Высочайшій рескриптъ.— Списокъ дворянамъ внесеннымъ въ шнуровую книгу въ 1818 г.

Проэктъ образованія Бессарабской области былъ одобренъ Императоромъ Александромъ I, во время посѣщенія имъ Бессарабіи въ 1818 г., рескриптомъ отъ 29 апрѣля, на имя уполномоченнаго намѣстника Бахметьева, слѣдующаго содержанія: «Господинъ генералъ-лейтенантъ Бахметьевъ! Одобривъ сочиненный вами проэктъ образованія Бессарабской области и разныхъ учрежденій до онаго относящихся, Я съ удовольствіемъ изъявляю вамъ чрезъ сіе полное Мое благоволеніе. Постановленіе столь много значущее по важности, какую оно въ себѣ заключаетъ, должно предварительно подтверждено быть временемъ и опытомъ. На сей конецъ, прежде нежели оно получитъ окончательное Мое утвержденіе, Я желаю, чтобы вы приступили къ приведенію онаго въ дѣйствіе и въ теченіе настоящаго года внимательно наблюдали за ходомъ всѣхъ дѣлъ по оному. Сіи новыя учрежденія основываются на правилахъ начертанныхъ Мною въ наставленіи данномъ вамъ въ руководство. Они были подвергнуты благоразумному сужденію совѣта составленнаго изъ мужей, коимъ положеніе и существенныя нужды сего края извѣстны. Они служатъ сами себѣ вѣрною порукою и будутъ исполняемы съ точностью и успѣхомъ, бывъ выраженіемъ чистосердечнаго и справедливаго желанія жителей сей области. Я, желая видѣть оное исполненнымъ посредствомъ распоряженій, кои поручаю вамъ нынѣ привести въ дѣйствіе и кои надѣюсь придутъ въ цвѣтущее состояніе подъ покровительствомъ правленія, отличающагося свободностью своихъ правилъ, а еще болѣе строгимъ безпристрастіемъ, необходимымъ для точнаго приведенія оныхъ въ дѣйствіе.

Бессарабская область сохраняетъ свой народный составъ и вслѣдствіе сего получаетъ и особый образъ управленія. Но Мое намѣреніе клонится не къ тому, чтобы сіе безмѣрное благо и всѣ отъ него проистекающія были исключительнымъ удѣломъ одного сословія жителей; всѣ должны имѣть въ томъ участіе въ справедливой мѣрѣ. Преимущественно же земледѣльцы да найдутъ въ немъ на-

чало къ постепенному улучшенію ихъ жребія. Они угнетены игомъ, давно уже возложеннымъ на нихъ корыстолюбіемъ и невѣжествомъ. Постоянная и твердая бдительность правительства должна стремиться къ освобожденію ихъ отъ сего сугубаго зла.

Предположеніе объ уничтоженіи скутельниковъ одобряю Я во всей силѣ. Мнѣ пріятно видѣть въ сей справедливой мѣрѣ предвѣстіе тѣхъ средствъ, кои правительство употреблять будетъ для открытія сей странѣ путей къ истиннымъ успѣхамъ просвѣщенія.

Поручаю вамъ прежде всего обратить вниманіе ваше на все, что будетъ относиться до онаго предположенія. Вы составите для сего проэктъ постановленія, который будетъ представленъ Мнѣ на утвержденіе отъ верховнаго совѣта области.

Все вновь надлежало устроить въ Бессарабіи и много еще довершить остается. Источники обильны. Способы къ обращенію оныхъ въ пользу готовы. Вамъ Я обязанъ сею важною услугою. Остается только привести способы въ дѣйствіе, съ чистотою намѣреній, съ желаніемъ постояннымъ.

Я видѣлъ сію страну, Я еще ее увижу, если Всевышнему угодно будетъ. Надѣюсь найти въ ней на каждомъ шагу плоды Моихъ учрежденій и вмѣстѣ съ тѣмъ опытъ усердія и ревности чиновниковъ, коимъ соблюденіе сихъ учрежденій ввѣрено будетъ. Желаю, чтобы вы сдѣлали для всѣхъ начальствъ сей области содержаніе сего Моего рескрипта извѣстнымъ.

Бывъ просвѣщеннымъ хранителемъ Моихъ намѣреній, вы должны наблюсти и заставить другихъ наблюдать неусыпно за всѣмъ ходомъ сего новаго учрежденія и за всѣми чиновниками, въ округахъ сей области состоящими. Вы будете непосредственно доносить Мнѣ о всѣхъ замѣчаніяхъ вашихъ. Мнѣ пріятно будетъ одобрять знаками Моего удовольствія всѣхъ тѣхъ, которые въ поступкахъ своихъ управляются поученіями святой нравственности. Тѣ же, кои по несчастію увлекутся мгновенными обольщеніями суеты и разврата, будутъ не токмо исключены отъ участія въ управленіи, но и понесутъ наказаніе примѣрное».

Изъ Высочайшаго рескрипта видно, что всѣ учрежденія выработанныя проэктомъ образованія были основаны на правилахъ, начертанныхъ Императоромъ Александромъ I въ наставленіи дан-

номъ Бахметьеву въ руководство, и что Государь смотрѣлъ на дарованный Бессарабіи особый образъ управленія, какъ на безмѣрное благо. И дѣйствительно, разсматривая уставъ образованія Бессарабской области съ точки зрѣнія государственнаго права, нельзя не признать, что Бессарабія пріобрѣла въ оном образъ управленія, приноровленный къ нуждамъ и потребностямъ области съ населеніемъ непревышавшимъ въ то время 200,000 душъ обоего пола. Самъ Государь въ рескриптѣ назвалъ образъ управленія Бессарабской области «особымъ»; и особенность его заключается въ томъ, что онъ основанъ на началахъ самоуправленія. Въ самомъ дѣлѣ—верховный совѣтъ представлялъ высшее правительственное учрежденіе, равное по правамъ Сенату. Совѣтъ завѣдывалъ всѣми вообще дѣлами области и рѣшенія его, постановленныя по большинству голосовъ, не подлежали аппеляціи и приводились немедленно въ исполненіе. Затѣмъ земскія полиціи, суды и сословныя учрежденія имѣли полный составъ выборныхъ членовъ и руководствовались мѣстными правилами и обычаями. Какъ ни странно можетъ показаться, что Бессарабія спустя шесть лѣтъ послѣ присоединенія къ Россіи получила изъ рукъ Императора Александра I подобное устройство,—но это было такъ, и въ этомъ можно убѣдиться, вникнувъ въ смыслъ и духъ Высочайшаго рескрипта и дарованныхъ краю учрежденій. Императоръ Александръ I даровалъ особый образъ управленія еще раньше этого Финляндіи и Польшѣ, присоединеннымъ къ Россіи въ его царствованіе тоже по праву завоеванія. Пыпинъ (Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I-мъ) говоритъ, что «Императоръ Александръ на вѣнскомъ конгрессѣ упорно стоялъ за особенное устройство Польши противъ мнѣнія почти всѣхъ безъ исключенія своихъ совѣтниковъ: Каподистріи, Поццо-ди-Борго, Штейна и друг. и противъ мнѣнія другихъ державъ, и дѣйствительно въ Польшѣ введено было представительное правленіе.

Такимъ образомъ Бессарабія получила въ 1818 г. изъ рукъ Императора Александра I такое устройство, о которомъ она никогда не могла даже мечтать, такъ какъ во всей прошлой жизни ея не представлялось ничего подобнаго дарованнымъ ей учрежденіямъ. Къ сожалѣнію, она не сознавала тогда, какое «безмѣрное благо» было ей даровано въ особомъ образѣ управленія и потому не при-

давала ему должнаго значенія, вслѣдствіе чего вскорѣ его лишилась упраздненіемъ верховнаго совѣта въ 1828 году.

Согласно Высочайшей волѣ о приведеніи въ дѣйствіе положенія 1818 г. въ теченіи того же года, Бахметьевъ тотчасъ принялъ надлежащія мѣры къ открытію верховнаго совѣта и другихъ учрежденій. Съ этою цѣлію онъ распорядился произвести предварительно дворянскіе выборы, для чего предписалъ 1-му департаменту учинить повсемѣстно оповѣщеніе посредствомъ полиціи, чтобы всѣ дворяне области прибыли въ г. Кишиневъ къ 10 Іюня для предъявленія документовъ о своемъ происхожденіи. По собраніи дворянъ на временный комитетъ возлагалось составленіе имъ списка и затѣмъ учиненіе распоряженія о выборахъ на должности. Для успѣшнѣйшаго составленія означеннаго списка губернаторъ Катакази въ ожиданіи съѣзда дворянъ пригласилъ въ присутствіе комитета еще нѣсколько лицъ изъ мѣстныхъ бояръ и образовалъ изъ нихъ особую коммисію, на которую возложилъ разсмотрѣніе дворянскихъ документовъ и внесеніе признанныхъ въ дворянскомъ достоинствѣ лицъ въ особую шнуровую книгу. Судя потому, что съѣздъ дворянъ былъ назначенъ на 10 Іюня, а первые дворянскіе выборы открылись 25 Іюня, нужно допустить, что дѣйствія дворянской коммисіи продолжались двѣ недѣли, въ теченіи которыхъ былъ составленъ списокъ дворянскихъ родовъ Бессарабской области.

Списокъ этотъ слѣдующаго содержанія:

Генералы-маіоры: Гартингъ, Лидерсъ и Илья Катаржи. Статскій совѣтникъ Александръ Гика. Коллежскіе совѣтники: камергеръ Иванъ Бальшъ, Матвѣй Крупенскій, Іонъ Бальшъ, Іонъ Стурдза, Апостолъ Стамо, Панаитъ Казиміръ, Иванъ Дическулъ. Надворные совѣтники: Георгій Мило. Коллежскіе асессоры: Николай Катаржи, Іордаки Доничъ, Димо Руссо, Замфираки Ралли, Георгій Леондари, Іонъ Яманди, Іордаки Варѳоломей, Сандулъ Феодосьевъ. Титулярные совѣтники: юнкеръ князь Александръ Кантакузенъ, Ѳеодоръ Крупенскій, Константинъ Стамати, Пантелеймонъ Лазо, Іордаки Александри, Гулакъ, Еремей Яновъ, Петръ Кохановскій, Георгій Казиміръ, Константинъ Бодеско. Коллежскіе секретари: Иванъ Яновъ, Іордаки Ѳеодоръ, Рышляковъ, Лобачевскій, Янко Филодоръ, Манолакій Доничъ. Губернскіе секретари: Андрей Доничъ, Скорцеско, Георгій

Дука, Степанъ Гика, Турчинскій. Коллежскіе регистраторы: Григорій Урсулъ, Грекулъ, Бруза, Иванъ Ставило, Хасанъ, Янаки Тимулъ, Дарій Бабейко, Григорій Шендреско, Константинъ Бапотъ, Михалаки Бодаревъ, Крушеванъ.

Ворникъ—Константинъ Палади. Спатари: Матвѣй Рышканъ, Панаитъ Катаржи. Сардари: Степанъ Бантышъ, Панаитъ Леонардъ. Медельки черы: Константинъ Руссо, Лупу Россетъ, Манолаки Андріанъ, Андони Патиніотъ, Янаки Кристіанъ. Стольники: Матвѣй Доничъ, Іонъ Бантышъ, Константинъ Леонардъ. Постельники: Павелъ Макареско, Степанъ Ангелъ, Шухановъ, Василій Рашка, Несторъ Ермураки, Гавріилъ Терентій. Ключеръ, Апостолъ Бурда. Комисы: Николай Раковъ, Константинъ Янку. Сульджеры: Фалактаки, Коплеско, Георгій Чугурянъ, Паскалъ Тудорій, Василій Анастасій. Житнечары: Семенъ Главче, Василіу. Питари: Касіанъ Суручанъ, Кастаки Лека, Феодосіу, Илья Ботезатъ, Григорій Прока. Пахарники: Николай Дони, Янко Когальничано. Шатрари: Николай Трохинъ, Степанъ Исаческо. Армаши: Янакаки Лазо. Постельничелы: Василій Кужба, Василій Даскалъ, Іордаки Фрунзети, Константинъ Кодрянъ. Вторые армаши: Василій Андони. Полковники: Степанъ Шендре, Василій Бринка, Іонъ Котруца, Димитрій Леондари, Михалаки Греку, Иванъ Кодрянъ, Георгій Драку, Соловкинъ. Маіоры: Петръ Акинка, Линевичъ, Ермолинскій, Патараки. Капитаны: Андрей Скурту, Замфирій Манолій, Стати Шендре, Андрей Бушилы, Константинъ Іовча, Іонъ Лелико, Илья Адамъ, Степанъ Команъ, Георгій Ботезатъ, Константинъ Гинеску. Штабсъ-капитаны: Строичъ. Поручики: Стефанъ Федоровъ, Лупу Марко, князь Константинъ Кантакузинъ, Іаницы Оатулъ, Феодоръ Коліонеско, Аргиропулъ, Іонъ Булубашъ, Іонъ Ставила. Ворникъ: Николай Думбрава. Не чиновные: Янко Руссо, Григорій Руссо, Янко Доничъ, Василій Яманди, Матвѣй Зилоти, Янаки Руссо, Николай Доничъ, Михай Хермезіу, Сандулъ Томулецъ, Іордаки Томулецъ, Димитрій Леонъ, Григорій Леонъ, сыновья Ильи Руссо, Тома Манипопуло, Александръ, Павелъ и Скырлатъ Прунколовы, Янакакій Паунъ, Михалаки Бибери, Василій Кацыки, Михалаки Кацыки, Манолаки Изманъ, Константинъ Чорней, Иванъ Гекирашъ, Василій Буздуганъ, Манолаки и Димитрій Руссо, Исай Лупу, Іонъ Хайтулъ, Константинъ Хайтулъ, Димитраки Жарданъ,

Димитрій Мавродинъ, Николай Варзарь, Семенъ Накко, Іордаки Варзарь, Георгій Шендреско, Мафтѣй Борисъ, Василій Кирико, Павелъ, Янко и Микалаки Кирико, Антонъ Ботъ, Анастасій Дабижа, Костаки Стояновъ, Илья Стояновъ, Григорій Сувака, Іордаки Вулуца, Матвѣй Котруца, Іоницы Хинкулъ, Григорій Жардановъ, Димитрій Листиковъ, Манолаки Кондакъ, Димитрій Салла, Александръ Склифосъ, Іордаки Воцанъ, Іордаки Поздерка, Георгій Сырбу, Райко Кричунеско, Авеко Тома, Константинъ Портареску, Зазура, Іордаки Сальга, Андроники Бозикъ, Николаи Бозикъ, Фотаки Перистери, Янакаки Спиридонъ, Димитраки Георгіу, Іордаки Рышканъ, Манолаки Бузня, баронъ Василій Кристя, Манолаки Бакарь, Василій Корой, Стоянъ Соломонъ, Манолаки Бельчикъ, Василій Стояновъ, Іонъ Стояновъ, Іеремей Чугурянъ, Георгій Бельчикъ, Степанъ Яни, Георгій Калмуцкій, Георгій Костандаки, Илій Ени, Іордаки Руссо, Скарлатъ Бугушъ, Іоаннъ Стрижеско, Илья Бузня, Іоницы Маноли, Іоаннъ Бузня, Георгій Вырнавъ, Илья Вырнавъ, Константинъ Карпузъ, Георгій Изманъ, Константинъ Трохинъ, Замфиръ Стамо, Іоаннъ Цамболи, Димитрій Стерпъ, Илья Гаврилицы, Константинъ Богданъ, Григорій Богданъ, Тома Вырголичъ, Христодоръ Окинка, Костаки Вартикъ, Василій Мургулецъ, Манолаки Сандо, Іоаннъ Казиміръ, Костаки Кирушъ, Григорій Григоріу, Константинъ Талпа, Николай Талпа, Тодораки Георгіу, Василій Теутъ, Манолаки Негруца, Манолаки Чемартанъ, Никодимъ Хиждеу, Андронаки Талпа, Василій и Николай Паунъ, Іордаки Димитріу, Андони Палеологлу, Манолаки Софрони, Іоаннъ Кристинъ, Димитраки Баласаки. Итого 250 фамилій. Всѣ эти дворяне были внесены въ особую шнуровую книгу и допущены къ участію въ первыхъ дворянскихъ выборахъ.

Немного позже внесенія сказанныхъ дворянъ въ шнуровую книгу представили документы о своемъ дворянскомъ происхожденіи еще слѣдующія лица: ага Константинъ Катаржи, Константинъ Чуря, Зося Іоаннъ, Петръ Галицъ, Димитраки Карастати, Георгій Мелеги, Каминаръ Спири Вела, Лемни Македонъ, Мафтій Кончоти, Іордаки Бантышъ, Николай Деми, Ефстратій Андони, баронъ Михалаки Калмуцкій, Василій, Константинъ, Сандулъ и Андрони Балагуры. Постельничелы: Василій Грекулъ, Григорій Кодрянъ и Шишканъ, Панаитъ Скардели, Иванъ Ризо, Манукъ-Бей; с. с. Недоба. Питарь Не-

базына; вамишъ: Янко Густя, Андронаки и Гавріилъ Секирашъ; сульджеръ: Іордаки Басіе; медельничеръ: Григорій Суручанъ, Христодоръ Василіу, Ставараки Константинъ, Василій Боцанъ, Ангелаки Павліотъ и Христодоръ Чеглія. Итого 35 лицъ, помѣщенныхъ въ особый списокъ. Въ настоящее время болѣе ста фамилій изъ показанныхъ по этимъ двумъ спискамъ совершенно угасли, или же разновременно переселились въ сосѣднія румынскія княжества.

XIV.

Первое дворянское собраніе — Избраніе должностныхъ лицъ. — Открытіе верховнаго совѣта и др. присутственныхъ мѣстъ. — Разрѣшеніе руководствоваться законами и обычаями Молдавіи.—Земская стража.—Устройство быта задунайскихъ переселенцевъ.

Когда списокъ дворянъ былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ, Бахметьевъ открылъ и самое дворянское собраніе для избранія депутатовъ въ верховный совѣтъ и другія присутственныя мѣста по области. По баллотировкѣ, начавшейся 25 іюня 1818 г., были избраны областной предводитель дворянства и пять депутатовъ въ верховный совѣтъ: одинъ совѣтникъ и одинъ ассесоръ въ исполнительную экспедицію; одинъ совѣтникъ въ казенно-экономическую экспедицію; три совѣтника въ гражданскій судъ; два совѣтника и одинъ ассесоръ въ уголовный судъ; предсѣдатель и четыре члена въ межевую контору; по одному капитанъ-исправнику и по четыре комисара въ каждый уѣздный судъ, и по одному казначею въ каждый уѣздъ. Всѣ избранныя на должности лица были утверждены Бахметьевымъ 28 іюля.

По окончаніи дворянскихъ выборовъ, давшихъ потребное число лицъ для замѣщенія открытыхъ мѣстъ по областнымъ и цынутнымъ учрежденіямъ, послѣдовало и открытіе этихъ учрежденій. Первымъ былъ открытъ верховный совѣтъ, и именно 6 іюля, подъ предсѣдательствомъ, за отсутствіемъ Бахметьева, губернатора Катакази, изъ предводителя дворянства, пяти депутатовъ, вице-губернатора и предсѣдателей гражданскаго и уголовнаго судовъ. Съ открытіемъ совѣта не представлялось уже никакой надобности въ существованіи временнаго комитета, и потому онъ былъ закрытъ и къ 29 іюля всѣ

дѣла онаго были сданы въ совѣтъ. Для открытія уѣздныхъ судовъ и казначействъ отправлены были совѣтомъ предсѣдатели уголовнаго и гражданскаго судовъ—Куликъ и Недоба; первый въ Бендерскій, Аккерманскій и Измаильскій цынуты, а второй въ Оргѣевскій, Ясскій и Хотинскій съ тѣмъ, чтобы открытіе присутственныхъ мѣстъ было произведено къ 1 января 1819 г. Одновременно съ этимъ были разосланы во всѣ присутственныя мѣста списки съ подлиннаго устава образованія, присланные Бахметьеву статсъ-секретаремъ графомъ Каподистрія, а также инструкціи, которыми присутственныя мѣста должны были руководствоваться. Въ августѣ мѣсяцѣ 1818 г. были доставлены въ герольдію послужные списки о классныхъ чиновникахъ области, а въ сентябрѣ верховный совѣтъ разрѣшилъ губернскому суду на его представленіе руководствоваться при рѣшеніи дѣлъ законами и обычаями Молдавіи, согласно образованія. При этомъ совѣтъ поставилъ на видъ гражданскому суду: 1) что обычаи Молдавіи, апробованные правительствомъ этой провинціи, суть для нея законы незыблемые; 2) кромѣ сихъ, издревне принятыхъ въ Молдавіи, введены въ употребленіе въ присутственныхъ мѣстахъ и римскіе законы, называемые «Василика» (царскіе); 3) законы, означенные во 2 пунктѣ, отнюдь не уничтожаютъ тѣхъ, о коихъ сказано въ пунктѣ 1, но оными руководствоваться въ такихъ дѣлахъ, по которымъ апробованныхъ обычаевъ не было; и 4) Арменопуло и всѣ прочіе законы, означенные въ рапортѣ гражданскаго суда, суть нечто иное, какъ только извлеченіе изъ законовъ упомянутыхъ въ пунктахъ 1 и 2, а посему судъ нисколько не погрѣшитъ, если при апробованныхъ руководствоваться будетъ и книгой Арменопуло. Позже всѣхъ, и именно 5 марта 1819 г., была открыта областнымъ предводителемъ дворянства межевая контора. Такимъ образомъ въ теченіи 1818 и въ первой половинѣ 1819 года были открыты всѣ областныя и цынутныя учрежденія и, согласно образованію, всѣ должности были замѣщены чиновниками отъ короны и отъ выборовъ дворянства. Съ открытіемъ дѣйствія всѣхъ новыхъ учрежденій для Бессарабіи наступила вторая эпоха ея гражданскаго развитія. Задача управленія состояла главнымъ образомъ въ веденіи новыхъ порядковъ и въ призваніи общества къ государственной жизни, незнакомой ему до

того времени. Пока же все было ново, непривычно, — приходилось организовать и учреждать все отъ начала до конца.

По раздѣленіи области на шесть уѣздовъ верховный совѣтъ занялся разсмотрѣніемъ учрежденныхъ дѣлъ по разнымъ частямъ управленія. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Бахметьева въ 1819 г. было предложеніе совѣту о составленіи положенія на счетъ учрежденія въ области земской стражи подъ названіемъ каларашей. Предполагалось сформировать областную стражу изъ 2,700 человѣкъ, отъ 17 до 50 лѣтъ. Стража дѣлилась на 27 сотенъ; каждыя 9 сотенъ составляли когорту, подъ начальствомъ одного чиновника; въ каждой сотнѣ полагалось по одному офицеру и по пяти урядниковъ; офицеры избирались изъ бессарабскихъ дворянъ. Надъ всею стражею полагался одинъ начальникъ. Назначеніе земской стражи состояло въ охраненіи границъ отъ внесенія чумной заразы, въ воспрещеніи тайнаго ввоза товаровъ и въ устройствѣ полиціи въ цынутахъ. Вооруженіе каларашей заключалось въ пикахъ, сабляхъ и пистолетахъ. Служба каларашей продолжалась четыре мѣсяца въ году, очередуясь по три сотни. Вслѣдъ за учрежденіемъ земской стражи было приступлено къ устройству быта задунайскихъ переселенцевъ, на основаніи Высочайше дарованныхъ имъ правъ и преимуществъ. До 1818 года главнымъ начальникомъ колонистовъ южной Россіи былъ новороссійскій генералъ-губернаторъ; но 22 марта 1818 г. учреждено особое попечительство надъ колоніями, съ назначеніемъ генерала Инзова главнымъ попечителемъ. Попечительство это было распространено только на заднѣстровскихъ колонистовъ и Инзовъ имѣлъ пребываніе въ Екатеринославѣ, бессарабскіе же колонисты оставались еще попрежнему неустроенными. Видя благоденствіе своихъ соплеменниковъ, бессарабскіе выходцы тоже рѣшились искать равнаго съ ними покровительства. Они нашли его при посредствѣ генерала Инзова, исходатайствовавшаго у Императора Александра, во время посѣщенія имъ Бессарабіи и Новороссійскаго края въ 1818 году, и для бессарабскихъ переселенцевъ тѣже права, которыми пользовались заднѣстровскіе колонисты. Докладъ объ этомъ былъ представленъ Государю въ мартѣ 1819 года, а 29 декабря того же года послѣдовалъ Высочайшій указъ объ устройствѣ быта бессарабскихъ переселенцевъ наравнѣ съ прочими. Изъ

доклада Инзова видно, что въ Бессарабіи было тогда 6,532 семейства старыхъ и новыхъ болгаръ. Изъ нихъ поселенныхъ на казенныхъ земляхъ 4,512 семействъ, въ г. Измаилѣ 404, въ Килiи 18, въ Рени 194, въ Аккерманѣ 70, въ Бендерахъ 23, въ Кишиневѣ 521, въ Кагульскомъ уѣздѣ 790.

По указу 1819 года старымъ болгарамъ дана трехлѣтняя льгота отъ казенныхъ податей, а новымъ — семилѣтняя, и разрѣшено всѣмъ переселяться на казенныя земли, съ раздѣленіемъ всего водворенія на четыре округа, при главномъ центральномъ селеніи Болградѣ, гдѣ была открыта контора иностранныхъ поселенцевъ. О всѣхъ дарованныхъ правахъ и преимуществахъ выданъ болгарамъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ особый письменный актъ. Въ число колонистовъ вошли и сторожилы Буджака—молдаване, считавшіеся казенными поселянами. Инзовъ до самой смерти 27 мая 1845 г. былъ предсѣдателемъ попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ Южной Россіи и похороненъ въ с. Болградѣ.

Остальныя состоянія населенія Бессарабской области были организованы согласно устава образованія, на основаніи правъ и преимуществъ, которыми они пользовались до присоединенія. Въ числѣ прочихъ были разные люди, именовавшіе себя членами особыхъ корпорацій, подъ названіемъ рупта-де вистерія и рупта-де камара, а также люди, называвшіе себя шляхтичами. Они входили къ Бахметьеву съ прошеніями объ отдѣленіи ихъ въ податяхъ отъ царанъ, а шляхтичи и вовсе отъ платежа податей на правахъ дворянъ. Вслѣдствіе этихъ ходатайствъ верховный совѣтъ учредилъ въ началѣ 1820 года особую коммисію, на которую возложилъ разсмотрѣніе документовъ руптовъ, а шляхтичамъ предоставилъ обратиться въ коммисію, учрежденную для разбора дворянскихъ правъ.

XV.

Положеніе 1819 г. о взаимныхъ обязанностяхъ поселянъ и помѣщиковъ.—Обревизованіе счетовъ о доходахъ и расходахъ казенно-экономической экспедиціи. — Злоупотребленія исполнительной экспедиціи.—Совѣтникъ Парфентьевъ.—Медленность въ производствѣ дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ.

Но болѣе важный вопросъ принятый совѣтомъ къ разсмотрѣнію заключался въ опредѣленіи взаимныхъ обязанностей поселянъ

и помѣщиковъ. Дѣло это было возбуждено областнымъ предводителемъ дворянства Рышканомъ. Въ журналѣ отъ 16 мая 1819 года говорится объ этомъ предметѣ слѣдующее: верховный совѣтъ, будучи съ одной стороны побуждаемъ непреложною обязанностью о благоденствіи людей всѣхъ состояній въ области обитающихъ, а съ другой имѣя въ виду донесеніе областнаго предводителя Рашкана, основанное на жалобахъ многихъ помѣщиковъ за невыполненіе обитающими на ихъ земляхъ жителями обязанностей своихъ къ помѣщикамъ, равно видя, что не только земскія исправничества, но и областное правительство получаютъ безпрерывно просьбы отъ поселянъ на притѣсненія претерпѣваемыя ими отъ помѣщиковъ, не менѣе того, соображая, что многіе изъ земледѣльцевъ, предавшись праздности, не только не хотятъ нести законныхъ повинностей помѣщикамъ, но даже не радѣютъ о собственномъ хозяйствѣ своемъ и все благополучіе свое полагаютъ единственно въ томъ, чтобы, не основавъ нигдѣ постояннаго жительства, переходить по примѣру цыганъ съ мѣста на другое, и, наконецъ, внемля закону положенному въ статьяхъ Высочайше одобреннаго проэкта образованія — счелъ нужнымъ изслѣдовать причины сего безпорядка и пресѣчь оныя силою законовъ и обычаевъ земли здѣшней. Для опредѣленія взаимныхъ обязанностей поселянъ и помѣщиковъ совѣтъ обратился къ разсмотрѣнію постановленій, заключающихся въ грамотахъ молдавскихъ господарей, на основаніи разрѣшенія устава образованія —руководствоваться въ подобныхъ случаяхъ сказанными постановленіями. Такихъ грамотъ оказалось восемь, а именно: 1. Вистерійскіе пункты молдавскаго господаря Григорія Гики, 2. Анафора или представленіе поданное 14 апрѣля 1775 г. тому же господарю отъ митрополита и боярскаго сословія, 3. Хрисовъ или грамота Александра Мурузи (1802—1806), 4. Вистерійскіе пункты отъ 23 апрѣля 1810 г., 5. Грамота господаря Александра Николаевича, отъ 11 іюля 1745 года, 6. Повелѣніе господаря Александра Гики отъ 22 іюля 1776 г., 7. Пункты составленные молдавскимъ диваномъ въ 1804 г., 8. Повелѣніе каймкановъ (намѣстниковъ) князя Ипсиланти отъ 19 февраля 1807 года. Первыя четыре грамоты относятся къ взаимнымъ обязанностямъ владѣльцевъ и поселянъ, а послѣднія четыре къ личной свободѣ земледѣльцевъ.

При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ всѣхъ актовъ верховный совѣтъ открылъ въ нихъ множество неточностей и противорѣчій и, полагая, что онѣ служатъ поводомъ къ безпрерывнымъ распрямъ между помѣщиками и земледѣльцами, предоставилъ предводителю дворянства и депутатамъ составить проэктъ новаго по сему предмету положенія. Когда-же сказанный проэктъ былъ изготовленъ, то совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Бахметьева, свѣрилъ его съ прочими своими постановленіями и составилъ для общаго руководства и точнаго исполненія положеніе о взаимныхъ отношеніяхъ поселянъ и помѣщиковъ. Положеніе это состоитъ изъ нижеслѣдующихъ главъ: 1) о личной свободѣ царанъ, 2) объ обязанностяхъ царанъ къ помѣщикамъ, 3) о работахъ, которыя царане должны отбывать помѣщику, 4) о продажѣ напитковъ на помѣщичьихъ вотчинахъ, 5) объ обязанностяхъ, которыя земледѣлецъ долженъ исполнять въ пользу помѣщика сверхъ урочныхъ двѣнадцати дней, 6) объ обязанностяхъ помѣщиковъ къ царанамъ, 7) объ обязанностяхъ сельскихъ старостъ, 8) о резешскихъ помѣстьяхъ и 9) объ обязанностяхъ земскихъ полицій по отношенію къ сему положенію. Главныя обязанности, опредѣляемыя этимъ положеніемъ, заключаются въ слѣдующихъ пунктахъ: а) двѣнадцать дней въ году на всѣ работы—оранку, жатву, косовицу и проч., б) десятина со всѣхъ продуктовъ, в) двѣ клади въ годъ, г) двѣ фуры дровъ, д) одна подвода для доставленія въ домъ помѣщика продуктовъ, е) починка греблей, мельницъ и господскихъ строеній, ж) одинъ мотокъ пряжи изъ льна или пеньки (калякъ), з) двѣ курицы, и) одинъ улей изъ пятидесяти, і) монополія продажи вина въ пользу помѣщика, к) добровольныя условія на срокъ до десяти лѣтъ, л) помѣщикъ обязанъ дать земледѣльцу пастбище для 12 штукъ скота, а для неимущихъ по расчету, м) для посѣвовъ—5, 6 и 3 фальчи, н) для десяти овецъ, какъ для одной штуки рогатаго скота, и о) совершенное запрещеніе перехода царанъ, за исключеніемъ недостатка земли. Старосты и дворники должны избираться исправничествомъ съ согласія общества; поселяне-же избирали «шолтуза» для полицейскихъ обязанностей и трехъ старѣйшинъ для побужденія поселянъ къ исполненію ихъ обязанностей.

Выработавъ всѣ эти правила, верховный совѣтъ опредѣлилъ

отпечатать потребное число экземпляровъ ихъ для разсылки во всѣ присутственныя мѣста области, а оригиналъ хранить въ архивѣ. Положеніе о царанахъ 1819 г. не воспріяло однако своего дѣйствія, будучи пріостановлено предложеніемъ Бахметьева отъ 2 октября до особаго распоряженія.

Между тѣмъ какъ вниманіе намѣстника и совѣта было поглощено учредительными дѣлами, прочія присутственныя мѣста, пользуясь этимъ, успѣли освоиться съ разными злоупотребленіями, не смотря на недавнее свое существованіе. Раннѣе другихъ обратила на себя вниманіе казенно-экономическая экспедиція. Безпорядки, допущенные ею, вызвали еще въ 1818 г. Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи комитета для обревизованія всѣхъ счетовъ о доходахъ и расходахъ со 2 октября 1812 по 1 іюля 1816 года, т. е. по день вступленія въ управленіе этимъ краемъ Бахметьева. Комитетъ открылъ свои дѣйствія въ январѣ 1820 г., подъ предсѣдательствомъ намѣстника, принявъ въ руководство свѣдѣнія о доходахъ Бессарабіи, представленныя молдавскимъ диваномъ управлявшему гражданскою частью въ княжествахъ сенатору Красно-Милашевичу.

Въ іюнѣ 1820 г. возникло дѣло и о злоупотребленіяхъ исполнительной экспедиціи, обнаруженныхъ совѣтникомъ ея Парфентьевымъ. Парфентьевъ доводилъ до свѣдѣнія сенаторовъ князя Гагарина и Хитрово, временно находившихся въ Кишиневѣ, о слѣдующихъ обстоятельствахъ: 1) дѣла по областному правительству текутъ медленно, нѣкоторыя съ 1816 года остаются безъ разрѣшенія и даже безъ резолюціи и вовсе не имѣютъ настольнаго регистра; 2) вѣдомость о приходѣ и расходѣ денежной суммы съ 1817 по 1818 г. не подписана, такъ какъ въ ней не показаны недоимки и не объяснено, по какимъ причинамъ онѣ остаются, и сверхъ того разная монета не показана по курсу государственной асигнаціи; 3) бывшій секретарь Овсяницкій не сдалъ дѣла на основаніи законовъ и потому они не могутъ быть приведены въ извѣстность и въ совершенное окончаніе; 4) контрактъ, заключенный казною съ помѣщикомъ Варфоломееомъ о доходахъ съ казенныхъ имуществъ, питейной продажѣ и рыбной ловлѣ, не подписанъ имъ Парфентьевымъ по не представленію имъ Варфоломеемъ полнаго количества залога; 5) при освидѣтельствованіи денежной суммы, хранящейся въ об-

ластной кладовой, не оказалось ни настольнаго регистра, ни каждодневной записки, ни вѣдомости о суммахъ, съ показаніемъ прихода, расхода, остатка и недоимокъ всякой суммы порознь; при требованіи же этихъ документовъ отъ областнаго казначея вице-губернаторъ объявилъ ему, Парфеньтьеву, въ присутствіи, что требуемыхъ документовъ нѣтъ, да и заведенія такого не было, причемъ нанесъ ему тяжкую обиду съ подтвержденіемъ, что онъ не позволитъ ревизовать казначея; 6) проэктъ его, Парфентьева, объ устройствѣ въ правительствѣ внутренняго порядка къ скорѣйшему окончанію дѣлъ остался безъ удовлетворенія.

Медленность въ производствѣ дѣлъ была замѣчена и по гражданскому суду, почему Бахметьевъ, вслѣдствіе донесенія областнаго прокурора Башота, предложилъ совѣту въ 1819 г. командировать для ревизіи суда двухъ своихъ членовъ. Башотъ писалъ въ своемъ донесеніи, что, не смотря на побужденія граждснскаго суда къ скорѣйшему производству дѣлъ, судъ повидимому не обращаетъ на этотъ предметъ должнаго вниманія: «По всегдашнему моему въ ономъ присутствію, говоритъ онъ, замѣтилъ я просителей по сему суду, ежедневное коихъ по дѣламъ хожденіе имѣющихъ немалое количество. Присутствующихъ въ судѣ невсегда можно найти въ полномъ собраніи, а присутствуетъ иногда предсѣдатель съ однимъ членомъ, а по большей части одинъ предсѣдатель. Секретарь-же, столоначальники, канцелярскіе служители также рѣдко бываютъ въ своихъ должностяхъ въ положенное время, а тогда только, когда имъ угодно». По обревизованіи суда члены совѣта Рышкинъ и Прункулъ доносили, что причина медленности заключается не въ отсутствіи членовъ, а въ томъ что тяжебныя дѣла не разсматриваются по очереди, что секретарь Скорцеско, кромѣ другихъ частныхъ упущеній, осмѣливается сочинять отъ имени присутствующихъ указы, вовсе не сходные со смысломъ резолюціи, каковые указы подписываются членами. Изъ прошеній частныхъ лицъ видно, что документы, представляемые ими, терялись въ судѣ; на что секретарь объявилъ, что изъ числа членовъ суда Варфоломей бралъ изъ присутствія нѣкоторыя дѣла къ себѣ домой, изъ каковыхъ дѣлъ иныя поручались судящимся лицамъ, которыя сами заключали себѣ опредѣленія. Удостовѣриться, сколько именно нерѣшенныхъ дѣлъ и съ

какого времени, было невозможно, такъ какъ всѣ подобныя дѣла поручались архиваріусу безъ описи, и даже самому присутствію неизвѣстно, какія именно поступили, чьи, сколько и съ котораго времени. Архиваріусъ же объявилъ, что въ ономъ присутствіи имѣются болѣе 4,000 дѣлъ неразсмотрѣнныхъ и неразрѣшенныхъ. Въ заключеніе ревизоры представили о необходимости распредѣлить большую часть дѣлъ гражданскаго суда по цынутнымъ судамъ. Верховный совѣтъ принялъ это мнѣніе и распорядился о приведеніи его въ исполненіе.

Что касается уголовнаго суда, то онъ, по утвержденію современниковъ той эпохи, заключался въ одномъ только его предсѣдателѣ, который слушалъ дѣла въ своемъ кабинетѣ и по своему усмотрѣнію писалъ самъ резолюціи, такъ что совѣтникамъ оставалось потомъ только подписать ихъ, а секретарю скрѣпить. Уѣздные суды вели свои дѣла еще хуже гражданскаго и уголовнаго, доказательствомъ чему служитъ то, что почти весь составъ тѣхъ судовъ разновременно былъ предаваемъ суду за разныя противузаконныя дѣйствія.

XVII.

Вступленіе генерала Инзова въ управленіе Бессарабскою областью и тремя Новороссійскими губерніями. — Распоряженіе объ обсаженіи почтоваго тракта деревьями. — Ревизія полицейскихъ и др. учрежденій Шумскимъ и Стражеско. — Кишиневская квартирная коммисія.

Генералъ Инзовъ вступилъ въ управленіе Бессарабскою областью 25 іюля 1820 года, сохранивъ за собой и званіе главнаго попечителя колоній южной Россіи. Вскорѣ послѣ этого ему ввѣрено было и управленіе трехъ Новороссійскихъ губерній. Инзовъ обратилъ на себя вниманіе Государя долговременной службой, рѣдкою честностью и большою дѣятельностью въ маломъ кругу его прежнихъ занятій. Въ дѣйствіяхъ своихъ онъ былъ гораздо осторожнѣе Бахметьева, умѣлъ болѣе владѣть собою и въ чрезвычайныхъ случаяхъ всегда испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе. Поэтому отношеніе его къ верховному совѣту съ самаго начала было исполнено спокойствія и достоинства. При такомъ характерѣ дѣятельности Инзовъ успѣлъ однако сдѣлать весьма мало полезнаго, и «управляя

въ одно и то же время тремя губерніями и одною областью, говоритъ Вигель, онъ былъ обремененъ свыше своихъ силъ. Безпрестанно въ трудахъ, безпрестанно въ заботахъ, не могъ онъ произвести ничего полезнаго, истощая время свое въ разныхъ мелочахъ; входя *во всякія подробности*, *упускалъ* онъ изъ виду всѣ важные предметы. Ходъ дѣлъ останавливался, безпорядки возрастали, все шло къ совершенному разстройству». И дѣйствительно, въ управленіи Инзова во всемъ замѣчается желаніе не выступать изъ обыкновенной колеи и стараніе находиться со всѣми въ мирѣ. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ, характеризующихъ мирную дѣятельность Инзова, было распоряженіе объ обсаженіи почтовой дороги между Хотиномъ и Бендерами деревьями. Верховный совѣтъ возложилъ исполненіе этого дѣла на хозяйственное попеченіе исправничествъ подъ *наблюденіемъ губернатора*; причемъ помѣщики были приглашены давать деревья изъ своихъ *лѣсныхъ* дачъ и заботиться о сохраненіи ихъ послѣ посаженія. Исправничества должны были наряжать для работъ жителей, въ пристава дозволено было употреблять мазыловъ; деревьями, годными къ пересадкѣ, были признаны: липа, ясень, кленъ, осина, береза, грабъ и, при недостаткѣ этихъ породъ, верба. Въ постановленіи совѣта было выражено желаніе, чтобы жители по селеніямъ и мѣстечкамъ сажали деревья нетолько по огородамъ, но и по передней сторонѣ домовъ. «Распорядивъ такимъ образомъ сіе дѣло, верховный совѣтъ остается въ полной надеждѣ, что чиновники, помѣщики и прочіе владѣльцы земель, а равно всѣ жители, призываемые къ сему общеполезному дѣлу, восчувствуютъ въ полной мѣрѣ, что обсаженіе дорогъ, ежели приведено будетъ къ окончанію, нетолько доставитъ пользу и удовольствіе, но относится къ чести каждаго жителя, ибо таковыя и сему подобныя общеполезныя устроенія суть вѣрные признаки образованія народовъ, отличающіе ихъ отъ людей кочующихъ и непросвѣщенныхъ». По полученіи исполнительныхъ донесеній отъ исправничествъ областное правительство составило вѣдомость о количествѣ посаженныхъ деревьевъ, изъ которой видно, что по всей дорогѣ отъ Хотина чрезъ Атаки, Бѣльцы, Оргѣевъ, Кишиневъ до Бендеръ, по обѣимъ ея сторонамъ, посажено осенью 1820 г. 112,968 деревьевъ и оставалось еще посадить 8,863. Одновременно съ этимъ Инзовъ занимался раз-

веденіемъ общественнаго сада въ Кишиневѣ и лично распоряжался работами по посадкѣ деревьевъ.

Нужно полагать, что разведеніе садовъ и сопряженныя съ этими хозяйственными обзаведеніями хлопоты были слабостью Инзова. Къ сожалѣнію этою слабостью начальника не упускали воспользоваться тѣ, для которыхъ было важно усыпленіе его правительственной дѣятельности. Дѣла того времени свидѣтельствуютъ, что при Инзовѣ злоупотребленія по всѣмъ частямъ управленія еще болѣе усилились. Произволъ власти всесильно царствовалъ въ судахъ и полицейскихъ мѣстахъ и, не смотря на карательныя мѣры, употребляемыя противъ виновныхъ, злоупотребленія не уменьшались, прикрываясь круговою порукою всѣхъ и каждаго. Особенно безнадежными заявили себя полицейскія управленія, постоянно уклонявшіяся отъ прямаго пути своего долга и увлекавшіяся до крайности. Только когда прибѣгали къ устраненію отъ должности какого нибудь уже черезъ-чуръ дерзкаго полицейскаго, другіе дѣлались на время осторожнѣе, но и только. Такая участь постигла между прочимъ и кишиневскаго полиціймейстера подполковника Т—ва. Онъ обвинялся въ сборѣ въ свою пользу чрезъ фактора съ привозимыхъ въ городъ товаровъ по два червонца отъ каждой повозки; въ безденежномъ забираніи чрезъ базарнаго для своей кухни говядины и зелени; во взиманіи чрезъ евреевъ съ нѣкоторыхъ кишиневскихъ жителей денегъ за позволеніе собираться базаромъ на старомъ рынкѣ; во взятіи у одного еврея десяти голландскихъ червонцевъ и шести серебряныхъ ложекъ; въ поборахъ съ жителей въ свою пользу денегъ и въ другихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ по службѣ; за всѣ эти преступленія Т—въ былъ отданъ подъ судъ и лишился мѣста въ серединѣ 1820 г. Но наказаніе Т—ва не послужило предостереженіемъ преемнику его подполковнику Т—ну, отданному въ свою очередь подъ судъ нѣсколько времени спустя. Въ виду частыхъ преступленій по полиціямъ верховный совѣтъ командировалъ въ 1820 г. совѣтниковъ уголовнаго суда Шумскаго и Стражеско, перваго—для понужденія кишиневской полиціи и оргѣевскаго исправничества производить безостановочно слѣдственныя и уголовныя дѣла, а втораго—для понужденія оргѣевскаго цынутнаго суда рѣшить вѣдомыя ему дѣла безъ проволочекъ. Шумскій доносилъ: «Дѣла, а паче по

земскому исправничеству производятся медленно, да и прежняго времени состоятъ въ безпорядкѣ, неподобраны, не подшиты, не перенумерованы и безъ всякихъ описей». Участь колодниковъ рѣшалась годами и совершенно произвольно. Изъ перечневой вѣдомости уголовнаго суда видно, что къ 1 января 1821 г. оставалось 119 нерѣшенныхъ дѣлъ съ 349 подсудимыми. Въ теченіи 1821 г. поступило 432 дѣла съ 1031 подсудимыми. Хотинское исправничество обвинялось въ удержаніи казенныхъ денегъ, взысканныхъ за негербовую бумагу и пошлинныхъ, въ незаписаніи этихъ денегъ по книгамъ, въ медленномъ производствѣ уголовныхъ дѣлъ и долговременномъ изпуреніи колодниковъ содержаніемъ подъ стражей, въ самовольныхъ отлучкахъ отъ должностей засѣдателей и секретаря и оставленіи дѣлъ безъ всякаго производства. Верховный совѣтъ опредѣлилъ удалить отъ должности исправника и секретаря, безъ преданія уголовному суду «въ уваженіе того, что они поступили на службу въ первый еще разъ»; въ наказаніе-же они были обложены денежною пенею въ пользу богоугодныхъ заведеній: исправникъ—250 левами, засѣдатели—по 100 левовъ, а секретарь—50 левами, съ распубликованіемъ о томъ по всей области. Бендерское исправничество превзошло всѣ остальныя, такъ какъ члены его не ограничивались одними взятками, но еще забивали свои жертвы на смерть. Исправникъ, засѣдатели и канцелярскіе служители обвинялись въ лихоимствѣ и жестокомъ обращеніи съ жителями. Слѣдствіемъ обнаружено, что они наказывали плетьми сельскихъ старостъ, дворниковъ и жителей, для прикрытія своихъ преступленій. Безцеремонность исправника дошла до того, что онъ далъ формальное предписаніе цынуту объ учрежденіи кружекъ для сбора пожертвованій въ пользу своихъ чиновниковъ. Верховный совѣтъ отдалъ всѣхъ этихъ злодѣевъ подъ судъ, съ удаленіемъ отъ должностей. Въ августѣ 1821 г. въ совѣтъ поступило прошеніе дворянъ, жительствовавшихъ въ Кишиневѣ, объ обремененіи ихъ домовъ постоемъ. Они жаловались что квартирная коммисія, освобождая большое число домовъ отъ постоя, получаетъ отъ хозяевъ ихъ деньги, но квартиръ не нанимаетъ, а вмѣсто того ставитъ имъ вторичный постой». «Съ другой стороны видимъ, говорятъ просители, что нѣкоторые изъ чиновниковъ на службѣ состоящихъ, пріобрѣвши способъ промыш-

ленности, строятъ самые лучшіе дома и между тѣмъ какъ пользуются отдачею таковыхъ въ наемъ и полученіемъ за то великой платы, сами живутъ въ квартирахъ по отводу имъ данныхъ». Далѣе они указываютъ на то, что по причинѣ предсѣдательствованія въ квартирной коммисіи «полиціймейстера» Т—ва и дѣланія имъ того, что только захочетъ, двое дворянскихъ депутатовъ удалились отъ должности «и теперь досталось намъ принимать билеты за подписомъ армянскаго, болгарскаго и жидовскаго депутатовъ».

XVIII.

Дворянскіе выборы 1821—1822 г.—Учрежденіе новой коммисіи для разбора дворянъ Бессарабской области.—Областной предводитель дворянства Янко Стурдза. — Засѣданіе верховнаго совѣта.—Общій характеръ управленія Инзова.—Обнародованіе соборной грамоты 1785 г. о правахъ и преимуществахъ дворянъ.—Увольненіе Инзова.—Назначеніе намѣстникомъ Бессарабіи графа М. С. Воронцова.

Между тѣмъ приближался срокъ для новыхъ дворянскихъ выборовъ. «Не смотря на свое миролюбіе, Инзовъ, старавшійся ладить съ верховнымъ совѣтомъ, не прочь былъ однако отъ перемѣны его состава, который былъ далеко ему не по душѣ. Со времени вступленія въ должность намѣстника прошло болѣе года, и онъ успѣлъ присмотрѣться къ людямъ, составлявшимъ правительство, и изучить ихъ характеры. Инзовъ видѣлъ расколъ въ дворянскомъ сословіи, слѣдилъ за борьбою партій и понялъ, что онъ можетъ смирить непокорныхъ. Какъ при первыхъ выборахъ въ дворянствѣ было двѣ партіи: къ первой принадлежали лица, владѣвшія крупною поземельною собственностью и кичившіяся своимъ древнимъ происхожденіемъ; ко второй—мелкіе собственники, съ небольшими молдавскими или русскими чинами. Первая партія была малочисленна, но сильна богатствомъ, вторая была многочисленна, жаждала мѣстъ и готова была безпрекословно повиноваться своимъ вождямъ». Для пользы дѣла Инзовъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе новой коммисіи для разбора дворянъ Бессарабской области и по полученіи таковаго предложилъ совѣту въ августѣ 1821 г. оповѣстить всѣхъ вообще жителей края, пользующихся дворянскимъ

достоинствомъ, представить свои документы въ коммисію не позже 1 декабря. Слѣдствіемъ трудовъ коммисіи было убавленіе числа Бессарабскихъ дворянъ на цѣлую треть, такъ что только 170-ти фамиліямъ предоставлено пользоваться симъ правомъ. «По окончаніи своихъ занятій коммисія составила новый списокъ дворянамъ, имѣвшимъ право участія въ выборахъ 1821 г., а остальнымъ предоставила только право именоваться дворянами, не участвуя въ выборахъ до утвержденія герольдіей. Списокъ 1821 г. былъ препровожденъ Ришканомъ къ областному прокуратору Вардалаху для отмѣтки въ немъ подсудности дворянъ, по исполненіи чего открылись и самые выборы.

Выборы 1821—1822 г. происходили въ большей тишинѣ и благопристойности, нежели выборы 1818 г., потому что Инзовъ заблагоразсудилъ лично на нихъ присутствовать и для предупрежденія безпорядковъ придумалъ по поводу какого-то слѣдствія удалить изъ залы собранія трехъ изъ бывшихъ членовъ верховнаго совѣта. О самомъ безпокойномъ изъ нихъ Инзовъ еще раньше выборовъ испросилъ Высочайшее повелѣніе на удаленіе его изъ совѣта и изъ областнаго города, съ воспрещеніемъ именоваться спатаремъ, а оставаться въ дѣйствительно принадлежавшему ему чинѣ медельничера. Изъ прежнихъ пяти депутатовъ — четыре не были вновь избраны, и только одинъ изъ нихъ успѣлъ удержаться. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что, видя необходимость уступить силѣ, онъ заблаговременно присталъ къ партіи правительства и всемогущаго временщика того времени».

Желая быть безпристрастнымъ, Вигель восхваляетъ новаго областнаго предводителя дворянства Янко Стурдзу. «Его нельзя считать молдаваниномъ. Онъ никогда не заводилъ тяжбы, не входилъ ни въ какіе подряды, исправно заплатилъ наслѣдственные долги, самъ ихъ никогда не дѣлалъ, ни предъ кѣмъ не ползалъ, ни противъ кого не интриговалъ. Образъ жизни и мыслей имѣлъ европейскій. Кроткій, учтивый въ обхожденіи».

По окончаніи выборовъ и утвержденіи въ должности всѣхъ вновь избранныхъ лицъ дѣла управленія приняли прежнее медленное теченіе. Въ верховномъ совѣтѣ, по новому распредѣленію занятій, понедѣльникъ, среда, четвергъ и суббота назначались для за-

сѣданій по дѣламъ гражданскимъ на молдавскомъ языкѣ. Въ эти дни предсѣдательствовалъ областной предводитель дворянства при пяти депутатахъ и двухъ членахъ отъ короны. По вторникамъ и пятницамъ разсматривались дѣла распорядительныя, исполнительныя и казенныя, при участіи намѣстника, губернатора, вице-губернатора, предсѣдателей гражданскаго и уголовнаго судовъ и депутатовъ дворянства. Эти засѣданія составляли полное собраніе верховнаго совѣта. «Разбирательство апелляціонныхъ гражданскихъ дѣлъ, говоритъ Вигель, происходитъ страннымъ образомъ. Намѣстникъ и первые четыре чиновника (губернаторъ, вице-губернаторъ и предсѣдатели судовъ) въ эти дни не присутствуютъ, два члена отъ короны не знаютъ молдавскаго языка, робкій маршалъ не довѣряетъ самому себѣ, а депутаты, по выслушаніи дѣла, обращаются къ одному изъ своихъ сочленовъ, который берется имъ растолковать оное и произноситъ наконецъ рѣшеніе. Всѣ тотчасъ приступаютъ къ его мнѣнію. Этотъ сочленъ—тотъ самый, который, посредственно и непосредственно участвуя во всѣхъ тяжбахъ, въ одно время истецъ или отвѣтчикъ и судья его. Въ производствѣ дѣлъ нѣтъ никакого порядка, ни настольнаго регистра, ни очереди. Если министръ или намѣстникъ предложитъ совѣту заняться скорѣйшимъ окончаніемъ какого нибудь дѣла, или возбуждаются сильнымъ интересомъ или неотвязчивость просителя заставляетъ скорѣе отъ него отвязаться, — въ такихъ только случаяхъ спрашивается дѣло у секретаря, который, порывшись дня два, выкапываетъ его, потомъ пишетъ докладъ, а если оно длинно, то оставляетъ его на неопредѣленное время подъ предлогомъ справокъ. Совѣщанія продолжаются до 4 часовъ, но только весьма рѣдко. Обыкновенно-же собираются въ 10 часовъ съ видомъ неудовольствія, потомъ слушаютъ дѣла съ видомъ скуки и равнодушія, болѣе шести разъ въ часъ каждый зѣваетъ; когда же пробьетъ 12 часовъ, то всѣ взоры устремляются поминутно на стѣнные часы въ присутствіи. Въ половинѣ перваго являются всѣ признаки нетерпѣнія и аппетита; кто встаетъ, сядетъ и опять потомъ встаетъ; тѣлодвиженіями, взорами показываютъ другіе, что имъ несносно, и когда пробьетъ часъ, то всѣ съ шумомъ подымаются, восклицая: «домой, пора обѣдать», хотя бы одну страницу осталось еще дослушать изъ начатаго дѣла. Теперь находятся, говорятъ, въ

совѣтѣ до 6,000 нерѣшенныхъ дѣлъ, всякій годъ поступаетъ болѣе 200 новыхъ, а рѣшено въ 1822 г., въ которомъ совѣтъ былъ дѣятельнѣе всѣхъ прочихъ годовъ, только 13». Причины, препятствовавшія движенію дѣлъ, заключались, независимо личностей членовъ, въ недостаткѣ канцелярскихъ служителей и въ дурномъ обращеніи съ подчиненными. «По ихъ прежнимъ обычаямъ, писцы и самые секретари употреблялись въ домашнюю работу у присутствующихъ и судей; нерѣдко можно было видѣть логофета или писца, который, положивъ перо, становился за каретой своего начальника». Остальные члены совѣта и именно: губернаторъ, вице-губернаторъ и предсѣдатели судовъ относились весьма пассивно ко всему, что совершалось въ совѣтѣ, по той причинѣ, что каждый изъ нихъ управлялъ особою частью

О Катакази Вигель говоритъ слѣдующее: «Посреди ужасныхъ раздоровъ, бывшихъ между намѣстникомъ и совѣтомъ, посреди волненія партій, шелъ онъ постоянно непримѣтной тропой своей, мало дѣлалъ добра, ибо не въ силахъ былъ творить его, но зато не участвовалъ ни въ какомъ злѣ. Безъ претензій, безъ всякаго вліянія, честный и благородный, жилъ онъ въ уединенномъ кругу своего семейства и нѣсколькихъ образованныхъ земляковъ, засланныхъ сюда послѣдними происшествіями въ Турціи».

Въ общемъ управленіе Инзова, при миролюбивомъ его характерѣ, при безучастности губернатора Катакази и другихъ коронныхъ чиновниковъ совѣта, не дало краю ничего полезнаго, а напротивъ того способствовало еще большему развитію злоупотребленій. При такомъ настроеніи даже благодѣтельныя мѣры, принимаемыя Инзовымъ, не достигали своей цѣли. Къ числу такихъ распоряженій относится напримѣръ обнародованіе соборной грамоты 28 декабря 1785 г. о правахъ и преимуществахъ резешей. Этой грамотой молдавскій господарь Александръ Маврокордато воспретилъ всякое отчужденіе резешскихъ земель подъ видомъ подарка или уступки и дозволилъ дарить земли только родственникамъ и людямъ равнаго состоянія, а также людямъ бѣднымъ, монастырямъ и церквамъ. Но всякому извѣстно, что распоряженіе это не сохранило за резешами ихъ земель, которыя теперь составляютъ собственность крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ послѣднее время Инзовъ понялъ наконецъ, что съ

миролюбивымъ и осторожнымъ характеромъ нельзя быть полезнымъ организаторомъ неустроеннаго края и потому едва-ли не онъ самъ пожелалъ сложить себя непосильное бремя. Утверждаютъ, что Инзовъ самъ сознавался въ возрастаніи безпорядковъ по управленію и не зналъ, что предпринять для устраненія ихъ. Къ счастію верховная власть во время пришла на помощь бѣдственному положенію Бессарабіи, призвавъ къ главному управленію ею одного изъ близкихъ къ трону лицъ, доказавшихъ прежними заслугами своими отечеству и свой патріотизмъ, и свою просвѣщенную, безкорыстную дѣятельность и свою гуманную любовь къ ближнимъ. Это былъ генералъ-адъютантъ графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ. Инзовъ же, уволенный Высочайшимъ указомъ 28 іюля 1823 г., по прежнему занялся мирными дѣлами устройства быта колонистовъ.

XIX.

Полномочный намѣстникъ графъ Воронцовъ.—Ревизія присутственныхъ мѣстъ.—Безпорядки по казенно-экономической экспедиціи.—Учрежденіе ревизіоннаго комитета.—Измѣненіе штатовъ.—Новый порядокъ апелляцій.

Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ вступилъ въ должность намѣстника Бессарабіи 28 іюля 1323 г., а въ первыхъ числахъ августа былъ уже въ Кишиневѣ и произвелъ ревизію присутственныхъ мѣстъ области. «Назначили новаго начальника Воронцова, говоритъ Вигель. Дѣятельность вовсе неизвѣстная жителямъ здѣшняго края ознаменовала первые шаги новаго начальника. Подобно электрическому удару поразила она иныхъ, другихъ оживила». По обозрѣніи присутственныхъ мѣстъ Воронцовъ нашелъ чрезвычайную медленность въ рѣшеніи дѣлъ и большіе безпорядки по всѣмъ частямъ управленія. Въ предложеніи, данномъ верховному совѣту 8 августа 1823 г., онъ указываетъ главнымъ образомъ на безпорядки по полицейской части, въ отношеніи содержанія арестантовъ и по городскому госпиталю. Далѣе Воронцовъ говоритъ, что нашелъ «великое число во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ дѣлъ нерѣшенныхъ, накопленіе недоимокъ, съ крайнею неясностью во всѣхъ счетахъ и распоряженіяхъ по сей части, и общее пагубное обыкновеніе, воз-

родившееся отъ долговременнаго послабленія во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ и въ лицахъ должностью обязанныхъ, которыя не только не чинятъ никакого исполненія по предписаніямъ высшихъ областныхъ инстанцій и самаго главнаго начальства, но даже остаются въ совершенномъ по онымъ молчаніи». Поставивъ въ обязанность верховному совѣту исправленіе замѣченныхъ безпорядковъ и искорененіе злоупотребленій, Воронцовъ заключаетъ свое предположеніе такими словами: «Наконецъ скажу чистосердечно верховному совѣту, что отъѣзжая изъ С.-Петербурга, при Высочайшемъ назначеніи меня сюда, я слышалъ много про здѣшніе безпорядки и, что когда буду имѣть счастіе въ октябрѣ мѣсяцѣ видѣть Государя въ Новороссійскомъ краѣ, я обязанъ по долгу и по совѣсти донести справедливо о всемъ, что я нашелъ и что я надѣюсь впослѣдствіи видѣть». Отъѣзжая обратно въ Одессу, Воронцовъ нашелъ необходимымъ учредить въ Кишиневѣ ревизіонный комитетъ подъ своимъ предсѣдательствомъ для обревизованія счетовъ за прежнее время управленія, а 8-го сентября опредѣлилъ безсмѣннымъ членомъ верховнаго совѣта, на мѣсто Башота, привезеннаго имъ изъ Петербурга извѣстнаго Вигеля, бывшаго впослѣдствіи вице-губернаторомъ Бессарабской области. Но еще раньше открытія дѣйствій ревизіоннаго комитета Воронцовъ замѣтилъ изъ представляемыхъ ему ежемѣсячныхъ вѣдомостей о казенныхъ суммахъ разницу въ состояніи этихъ суммъ и недоимку по разнымъ откупнымъ статьямъ на 1,060,064 лева, и потому предложеніемъ отъ октября 1823 г. уволилъ отъ должностей по казенно-экономической экспедиціи совѣтниковъ Т. и Д. и казначея Козмина. Изъ нихъ Д. оправдывался тѣмъ, что полагался на скрѣпу и подпись предсѣдателя и прочихъ совѣтниковъ. Но это объясненіе не было уважено Воронцовымъ. Равнымъ образомъ не имѣлъ возможности оправдаться въ глазахъ Воронцова и самъ предсѣдатель. Но, изъ уваженія къ его долговременной службѣ и особой преданности правительству, Воронцовъ предоставилъ ему уволиться отъ службы по прошенію, и 16 октября 1823 г. послѣ одиннадцатилѣтней непрерывной службы въ Бессарабіи, знаменитый дѣятель вошелъ наконецъ въ частную жизнь, съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться къ службѣ.

Вигель, засѣдавшій въ то время въ совѣтѣ въ должности без-

смѣннаго члена, говоритъ въ своей запискѣ о Бессарабіи, что изъ всѣхъ частей управленія болѣе всего безпорядковъ оказалось въ казенно-экономической экспедиціи, и приписываетъ причину тому неблагоразумной системѣ сборовъ, установленныхъ прежними молдавскими узаконеніями, т. е. откупомъ. Въ то время, за исключеніемъ посемейной подати съ жителей, даждіи съ мазыловъ, оваста съ казенныхъ поселянъ, въ размѣрѣ одного червонца, или 15 левовъ съ каждаго женатаго и половины этой суммы съ холостыхъ, вносимыхъ прямо въ казначейство, остальныя статьи доходовъ: таможенныя пошлины, продажа питей, гоштина съ овецъ, десятина съ хлѣба и сѣна, съ пчелъ и свиней, вадраритъ съ виноградная вина, погонаритъ съ табаку и деньги на земскія повинности собирались посредствомъ откуповъ. «Но кто не знаетъ, говоритъ Вигель, что въ Молдавіи и Валахіи подъ назнаніемъ откупа разумѣется купленное право законнымъ образомъ грабить и обогащаться? первый откупщикъ есть владѣтельный князь, отъ самой Порты подарками право сіе получившій. Вистіаръ велъ—логофетъ, велъ—банъ и другіе первые чиновники суть его контрагенты; прочая же челядь—арендаторы низшаго разряда; каждый изъ нихъ есть губка, всасывающая въ себя потъ и кровь народные, которые изъ нихъ высшею властью выжимаются; около трехсотъ лѣтъ сей порядокъ или безпорядокъ тамъ существуетъ». О виновникѣ безпорядковъ, допущенныхъ по казенно-экономической экспедиціи, Вигель отзывается слѣдующимъ образомъ: «Человѣкъ, взросшій посреди сихъ дикихъ и вмѣстѣ развратныхъ нравовъ, рожденный съ умомъ, съ чувствительностью и съ понятіемъ о чести, употребленъ былъ въ дѣлахъ дивана во время занятія княжествъ нашими войсками и часто находился въ обществѣ съ образованнѣйшими изъ нашихъ соотечественниковъ. Пристрастясь ко всему русскому, по заключеніи мира онъ съ радостью поселился въ Бессарабіи и обмѣнялъ богатыя помѣстья, имъ за Прутомъ оставленныя. Зная хотя мало, но болѣе другихъ молдаванъ, русскій языкъ и законы, управлялъ онъ почти съ самаго начала присоединенія области казенною частью, сперва въ должности совѣтника, а послѣднія пять лѣтъ въ званіи предсѣдателя. Можетъ быть, дурныя привычки, примѣромъ безкорыстія и твердости русскихъ его начальниковъ неисправленныя, тщеславіе его, по кото-

рому платилъ онъ снисхожденіемъ, невѣдѣніе ужасной отвѣтственности, которой онъ можетъ подвергнуться, ибо въ отчизнѣ его слово отчетъ неизвѣстно, и самонадѣянность его, происходящая отъ увѣренности, что никто лучше его сею частію управлять не можетъ, произвели, наконецъ, всю запутанность и хаосъ, найденные недавно въ казенно-экономической экспедиціи». Упоминая о дарованномъ краю (Императоромъ Александромъ I-мъ) 10% капиталѣ и высчитывая ежегодный доходъ, изъ сложности коего должна была-бы образоваться сумма въ нѣсколько милліоновъ левовъ, тѣмъ болѣе что ничего не построено, ничего не заведено, Вигель восклицаетъ: «Увы! ея нѣтъ, она вся въ недоимкахъ. Нельзя утаить, чтобы всему не былъ виновенъ предсѣдатель. Его нельзя извинить, даже тѣмъ, что у него не было хорошихъ сотрудниковъ, ибо дѣла производились на русскомъ языкѣ; онъ могъ-бы имѣть достойнѣйшихъ чиновниковъ. Недоимка наросла болѣе нежели на 4,000,000 левовъ, а залоговъ имѣется на полтора милліона. Онъ долженъ былъ знать своихъ залогодателей. Удаленіе его отъ должности сдѣлалось необходимо: чѣмъ болѣе продолжалось-бы его управленіе, тѣмъ болѣе усиливались-бы безпорядки».

Новымъ предсѣдателемъ былъ назначенъ Петрулинъ, оставшійся въ этой должности по день своей смерти 8 ноября 1824 года. Съ назначеніемъ Петрулина и Вигеля оппозиція совѣта противъ намѣстника сдѣлалась осмотрительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. Самостоятельный характеръ и безукоризненная честность новыхъ дѣятелей конечно были весьма невыгодными условіями для открытой борьбы съ властью. Да и самъ Воронцовъ не былъ похожъ на своихъ предмѣстниковъ. Онъ строго относился ко всякому злоупотребленію и не давалъ никому ни малѣйшей надежды на послабленіе. Все поэтому начало мало по малу подтягиваться и исправляться. Не сразу, конечно, были поняты истинныя стремленія новаго намѣстника и лицъ его окружавшихъ, и не вдругъ могло все перемѣниться и принять новое направленіе; но важно то, что прежняя дряблая система была навсегда устранена и мѣсто ея заняла твердая, непоколебимая власть, направляемая *опытною* рукою просвѣщеннаго и честнаго правителя. Желая дать власти болѣе устойчивости и ввести дѣйствительный контроль въ дѣлахъ, Воронцовъ испросилъ Высочай-

шее разрѣшеніе на измѣненіе штатовъ нѣкоторыхъ учрежденій и, независимо оттого, принялъ мѣры къ правильному и успѣшному движенію дѣлъ. Измѣненіе штатовъ началось съ ревизіоннаго комитета, получившаго *особаго* предсѣдателя, двухъ членовъ и полный составъ канцеляріи. Въ 1825 г. былъ опредѣленъ предсѣдателемъ комитета Голубцовъ. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовало измѣненіе штатовъ казенно-экономической экспедиціи. По новому положенію выборъ совѣтника дворинства вовсе отмѣнялся и экспедиція раздѣлялась на шесть отдѣленій: хозяйственное, по соляной части, по винной части, казначейское, контрольное и особое, при трехъ совѣтникахъ, казначеѣ, контролерѣ и ассесорѣ. Кромѣ того въ вѣдѣніи экспедиціи находилось и управленіе казенными лѣсами, съ особымъ форштмейстеромъ, которымъ былъ графъ Правичини. Строительная часть, до утвержденія проэкта строительнаго комитета, находилась въ вѣдѣніи вновь открытаго временнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ вице-губернатора, изъ полиціймейстера, архитектора, землемѣра, члена отъ дворянъ и бургомистра. На обязанности комитета возлагались: составленіе проэкта для проведенія улицъ въ нижней части города по правильнымъ линіямъ, начертаніе новыхъ правилъ для строенія вообще, проэктированіе и учрежденіе садовъ, фонтановъ и всего, что можетъ служить какъ для наружнаго украшенія и пользы, такъ и для очищенія воздуха, разсмотрѣніе и утвержденіе фасадовъ для новыхъ построекъ и составленіе плановъ и фасадовъ для казенныхъ зданій. Засѣданія комитета назначались одинъ день въ недѣлю, по четвергамъ. Для разбора и рѣшенія дѣлъ прежняго времени былъ учрежденъ временный уголовный судъ подъ предсѣдательствомъ одного совѣтника. Въ то-же время былъ измѣненъ и порядокъ апелляцій по тяжебнымъ дѣламъ. Вслѣдствіе новаго апелляціоннаго порядка временный комитетъ, учрежденный въ Петербургѣ для разсмотрѣнія жалобъ, приносимыхъ на рѣшеніе верховнаго совѣта, былъ закрытъ и всѣ дѣла переданы изъ онаго во второй департаментъ правительствующаго сената, въ который должны были поступать тяжебныя дѣла, съ переводомъ на русскій языкъ, изъ присутственныхъ мѣстъ Бессарабіи. Въ правительствующій сенатъ вносились съ этого времени и всѣ приговоры о дворянахъ и чиновникахъ Бессарабской области по уголовнымъ дѣламъ.

XX.

Учрежденіе уѣздныхъ предводителей дворянства.—Открытіе дворянскаго депутатскаго собранія.—Преслѣдованіе злоупотребленій.—Цынутные исправничества и суды.—Калараши.—Околаши.—Откупщики.—Судоустройство.—Тяжбы.

Съ паденіемъ прежняго порядка вещей и вступленіемъ въ верховный совѣтъ Петрулина и Вигеля, съ преобразованіемъ нѣкоторыхъ прежнихъ учрежденій и открытіемъ новыхъ, начала исчезать и увѣренность оппозиціи въ свои силы и наступило время сближенія и сліянія разнородныхъ группъ въ одно цѣлое. Въ виду грозившей опасности отъ усиленія состава верховнаго совѣта коронными чиновниками, при непреклонной волѣ новаго намѣстника и близкихъ къ нему людей, было признано необходимымъ въ интересахъ огражденія своихъ правъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ средствамъ. Однимъ изъ такихъ средствъ представлялось, на первый разъ, усиленіе дворянскаго представительства. Вслѣдствіе этого областной предводитель Янко Студза, по совѣщаніи съ дворянами, рѣшился войти съ ходатайствомъ въ верховный совѣтъ, испрашивая Высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе опекъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, подобно тому какъ это было въ великороссійскихъ губерніяхъ. Стурдза мотивировалъ необходимость новыхъ учрежденій тѣмъ, что возложенная на него уставомъ образованія обязанность заботиться о вдовахъ и сиротахъ, за обширностью занятій по должности областнаго предводителя и ежедневнаго присутствованія въ верховномъ совѣтѣ, не можетъ принести той пользы, какая предвидится отъ дворянскихъ опекъ и уѣздныхъ предводителей, какъ ихъ предсѣдателей. Это ходатайство, по представленію Воронцова, получило утвержденіе высшаго правительства, и при новыхъ выборахъ 1824—1825 г. состоялось избраніе уѣздныхъ предводителей дворянства. Другое ходатайство въ такомъ же родѣ поступило со стороны дворянскаго депутатскаго собранія, домогавшагося открытія дѣйствій его присутствія. Оно заявляло, что Инзовъ еще въ 1822 г. предлагалъ открыть депутатское собраніе, но что распоряженіе это было пріостановлено Стурдзой до присылки верховнымъ совѣтомъ дворянской родословной книги. Въ виду же того,

что въ продолженіе столь долгаго времени родословная книга не доставлена, депутатское собраніе предполагало принять въ руководство правила, преподанныя дворянской коммисіи въ 1821 г.

Всѣми этими мѣрами общественное представительство несомнѣнно должно было значительно усилиться и войти въ желанное равновѣсіе съ правительственными факторами власти, которые въ послѣднее время замѣтно преобладали въ управленіи, благодаря поддержкѣ Воронцова и тому, что въ отсутствіи намѣстника постоянно исправлялъ его должность губернаторъ.

Воронцовъ одинаково строго относился ко всѣмъ нарушителямъ закона и преслѣдовалъ съ настойчивостью всѣ доходившія до его свѣдѣнія злоупотребленія. Какъ всегда, въ дѣлѣ злоупотребленій первое мѣсто занимали полицейскіе чиновники, обязанные по закону подавать примѣръ честнаго поведенія, благочинія и благоустройства. Первый полицейскій, котораго Воронцовъ предалъ суду, съ удаленіемъ отъ должности, былъ кишиневскій полиціймейстеръ Т—скій, обвинявшійся въ присвоеніи себѣ вещей и денегъ, принадлежащихъ арестантамъ, въ раздачѣ чиновникамъ полиціи пригульнаго скота, въ неправильномъ расходованіи суммы, отпускаемой на содержаніе пожарныхъ лошадей и починку пожарныхъ инструментовъ, въ освобожденіи изъ-подъ стражи арестантовъ и въ другихъ злоупотребленіяхъ. На мѣсто Т—скаго былъ назначенъ въ августѣ 1823 г. подполковникъ Радичъ. Въ то же время подпалъ слѣдствію и хотинскій исправникъ. Командированные Воронцовымъ слѣдователи обнаружили, что исправникъ собралъ въ сентябрѣ 1823 г. съ жителей безплатно 9 окъ масла, 150 утокъ, 22 гуся, 28 индюковъ, 545 куръ, 2140 яицъ и кромѣ того взялъ въ м. Бричанахъ, тоже безплатно, разныхъ товаровъ и провизіи на 230 левовъ. Верховный совѣтъ, согласно предложенію Воронцова, въ которомъ между прочимъ говорится: «рѣшимость исправника произвести поборъ съ жителей безъ воли начальства надо отнести къ несчастному молдавскому обычаю, продолжающемуся и у насъ въ Бессарабіи, поступать самовольно и мало сообразоваться съ закономъ», — опредѣлилъ призвать исправника въ свое присутствіе и сдѣлать ему строжайшій выговоръ, обязавъ подпискою удовлетворить жителей за взятые у нихъ продукты, а о поступкѣ его опубликовать по области. Въ декабрѣ 1823 г.

жители г. Измаила жаловались Воронцову на частнаго пристава О—скаго, зато что онъ безъ всякаго соболѣзнованія къ бѣдному ихъ состоянію подвергаетъ ихъ тюремному содержанію, заклепываетъ въ кандалы и колодки, изнуряетъ по два слишкомъ мѣсяца безъ изслѣдованія и допросовъ, жестоко ихъ наказываетъ палкою и саблею, угрожаетъ каждому ссылкою въ Сибирь, называетъ разбойниками, каторжниками, бѣглецами, ворами, мошенниками и сверхъ того дѣлаетъ съ жителей всевозможные поборы натурою и деньгами. Воронцовъ отрѣшилъ пристава О—скаго отъ должности и предалъ его суду по 19 уголовнымъ дѣламъ. Въ январѣ 1824 г. Воронцовъ передалъ на постановленіе верховнаго совѣта докладную записку оргѣевскаго прокуратора Мельникова о важныхъ упущеніяхъ и противозаконныхъ дѣйствіяхъ по оргѣевскимъ цынутнымъ присутственнымъ мѣстамъ. Изъ донесенія Мельникова видно, что въ земскомъ исправничествѣ не внесено въ уголовный регистръ ни одно дѣло должнымъ порядкомъ, а въ книгу объ арестантскихъ деньгахъ и вещахъ за цѣлый годъ ничего не записано. Далѣе Мельниковъ говоритъ, что исправничество часто поручаетъ производство уголовныхъ дѣлъ околашамъ и чиновникамъ, служащимъ для собственныхъ выгодъ, что комисары, заводя словесные и письменные споры о томъ, кому какія изъ нихъ дѣла принадлежатъ, усугубляютъ медленность въ окончаніи ихъ, а между тѣмъ арестанты изнуряются долговременнымъ содержаніемъ подъ стражей. Комисары, будучи въ цынутѣ, поручаемое имъ производство дѣлъ передаютъ находящимся при нихъ неопытнымъ писарямъ, подписывая, впрочемъ, запросы и свидѣтельскія показанія. «По цынутному суду настольный регистръ ведется неисправно и съ 12 ноября записка въ оный дѣлъ совсѣмъ прекратилась. Причину тому присутствующіе поставляютъ болѣзнь столоначальника и его помощника; секретарь же, не зная русскаго языка, подписываетъ бумаги, не понимая ихъ содержанія и не будучи въ состояніи дать какое либо по тѣмъ дѣламъ объясненіе. Слѣдственныя дѣла смѣшиваются съ уголовными, а гражданскія тяжебныя дѣла, поступившія на разсмотрѣніе въ недавнемъ времени, дѣлаются ранѣе нежели прежнія».

Цынутные исправничества и суды того времени вообще не отличались особою аккуратностью. Членъ верховнаго совѣта Вигель,

утвержденный въ должности вице-губернатора 8 ноября 1824 г., такъ начинаетъ свою характеристику этихъ учрежденій: «Долго рылись мы въ верхнихъ слояхъ Бессарабіи, но не опускались еще въ такъ называемые цынутные суды и исправничества. Первые мало разнствуютъ отъ прочихъ судебныхъ мѣстъ, о неистовствахъ же исправничествъ кто не знаетъ? ропотъ народный слишкомъ громокъ, чтобы не слышенъ былъ всякому». Послѣ такого вступленія говорится, что въ Молдавіи исправники весьма важные люди и что до введенія Устава Образованія въ 1818 г. они играли въ Бессарабіи ту-же роль и соединяли въ себѣ исполнительную и судебную власти, вслѣдствіе чего и послѣ эти должности занимались людьми значительнѣйшихъ фамилій. «Въ Молдавіи, говоритъ Вигель,—почитается *дуракомъ* тотъ исправникъ, который въ годъ не получалъ 100,000 левовъ». Главный источникъ ихъ доходовъ были калараши, содержаніе которыхъ относилось къ земскимъ повинностямъ. Выборъ и наемъ каларашей долженъ былъ зависѣть отъ самыхъ жителей, и каждый изъ нихъ обходился бы имъ отъ 200 до 300 левовъ въ годъ; но это было слишкомъ невыгодно для исправниковъ, и потому они сами избирали каларашей изъ *бродягъ*, наемныхъ слугъ своихъ и даже цыганъ. На содержаніе ихъ исправники требовали ежегодно на каждаго отъ 500 до 1,000 левовъ, и половины каларашей не держали, а изъ другой половины —едва треть употребляли на службу; остальные находились у пріятелей ихъ, или у нихъ самыхъ въ услугахъ безъ платы. Не ограничиваясь жалованіемъ, исправники требовали отъ жителей для содержанія каларашей—хлѣбъ, всякіе съѣстные припасы, а для лошадей овесъ и сѣно. Лошадей же калараши никогда не имѣли, а разъѣзжали на обывательскихъ, причемъ скакали, пока не уморятъ одну лошадь, бросали ее въ первомъ селеніи и брали новую. Другой источникъ доходовъ составляли околаши, назначенные въ противность закона самими исправниками; выборъ ихъ падалъ обыкновенно на праздношатающихся, на самыхъ порочныхъ, на лакеевъ, не находившихъ мѣста, на пьяныхъ писарей, на выгнанныхъ изъ службы за воровство и т. п. Околаши служили исправникамъ агентами и приказчиками и не только не получали никакого жалованья, но еще обязаны были вносить имъ значительныя суммы. Въ то-же время око-

лаши служили и повѣренными откупщиковъ. Появленіе ихъ въ деревнѣ почиталось настоящимъ бѣдствіемъ, говоритъ Вигель, такъ какъ, пріѣзжая собрать подать съ овецъ, они входили во всѣ дома, рылись вездѣ, осматривали все,—не найдется-ли забытая и необъявленная хозяиномъ какая нибудь смушка съ ягненка, чтобъ стянуть съ него огромный штрафъ. Во время посѣщенія околашей никто изъ жителей деревни не смѣлъ отлучаться, и каждый обязанъ былъ платить за квитанцію по леву. За околашомъ пріѣзжалъ другой повѣренный откупщика—ревизовать квитанціи и тоже получалъ по леву за каждую обревизованную квитанцію. И подобныхъ посѣщеній бывало нѣсколько въ году, почти во всю рабочую пору; весной собирали гоштину съ овецъ, лѣтомъ — десятину съ пчелъ и погонаритъ *съ табаку*, осенью — вадраритъ *съ вина*. Всѣ эти операціи производились откупщиками при условіи извѣстнаго вознагражденія исправниковъ, которые получили имѣнія и обогащались на счетъ благосостоянія страны и ея жителей. Откупщики же, не имѣвшіе возможности платить двѣ откупныя суммы — банкротились и вводили казну въ большія потери. Такимъ образомъ главными виновниками того, что 10% капиталъ, дарованный монархомъ Бессарабіи на устройство путей сообщенія, общественныхъ зданій, образовательныхъ заведеній и на благотворительныя дѣла, не существовалъ—были исправники, накопившіе недоимку.

Состояніе судовъ было также весьма неудовлетворительно. Извѣстно, что они руководствовались мѣстнымъ правомъ Арменопуло и Донича и обычаями земли. Вигель называетъ «обычаи земли» собраніемъ нелѣпостей и несправедливостей и въ негодованіи на составителя проекта образованія, восклицаетъ: «И сей памятникъ варварства оставленъ, какъ благодѣяніе для Бессарабіи, — о Криницкій»! Вигель говоритъ, что судьи вздыхаютъ о прекрасныхъ обыкновеніяхъ молдавскаго дивана, по которомъ за исключеніемъ дѣлъ, лично интересующихъ господаря, всѣ остальныя трактаціи производятся въ домахъ первостепенныхъ бояръ. «Они зовутъ къ себѣ въ гости, какъ на вечеринку, слушаютъ дѣла, спорятъ о нихъ и подписываютъ приговоры, кушая дульчецы посреди густаго табачнаго дыма. Бѣдный проситель не знаетъ, гдѣ будутъ рѣшать его участь, и бѣгаетъ по городу, высуня языкъ, чтобы узнать о томъ,

Архива нѣтъ у нихъ, производство дѣлъ не сохраняется, всѣ документы возвращаются просителямъ, а остаются только одни опредѣленія, въ умноженіи обычаевъ. Такъ точно происходило и здѣсь, когда существовало общее собраніе департаментовъ. Гражданскій судъ руководствуется обычаемъ земли; изъ сего хранилища варварскихъ узаконеній почерпаетъ онъ правила для сужденій своихъ. А какъ нѣтъ ни одного дѣла, по коему не было бы двухъ или трехъ опредѣленій, одно другому противорѣчущихъ, то судья всегда властенъ выбирать любые примѣры, примѣнять ихъ къ своимъ видамъ и дѣйствовать по пристрастію, сколько ему угодно. Иногда можетъ онъ раскрывать Арменопуло, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и именно по частнымъ тяжбамъ съ казною, придерживаться русскихъ законовъ. Какой хаосъ! какая путаница! Однимъ словомъ, всѣ законы въ здравомъ смыслѣ и чистой совѣсти судьи. Впрочемъ, онъ находитъ одного такого необыкновеннаго человѣка въ самомъ предсѣдателѣ суда Башотѣ, «мужѣ отлично честномъ и довольно смышленномъ, который обязанъ будучи разбирать чужія жалобы, старался никогда своихъ не заводить; къ сожалѣнію, онъ недавно занимаетъ сіе мѣсто, имѣетъ одинъ только голосъ и безпрестанно въ несогласіи съ своими совѣтниками, желающими въ цѣлости сохранить необузданность молдавскихъ судей».

По мнѣнію Вигеля, главный источникъ тяжбъ въ области заключается въ резешскомъ правѣ. Начиналось съ того, что заставляли уступать себѣ кусокъ земли въ резешскихъ владѣніяхъ и потомъ, получивъ право, мало по малу присваивали за безцѣнокъ остальные участки отъ резешей, желавшихъ избѣжать разорительныхъ тяжбъ. Существовалъ и другой способъ присвоенія чужой собственности. Много деревень въ Ясскомъ, Оргѣевскомъ и Хотинскомъ цынутахъ отъ притѣсненій и разбоевъ опустѣли, жители ихъ разошлись, наконецъ онѣ совсѣмъ перестали существовать и остались только одни урочища, сохранившія ихъ имена. Нѣкоторые купили послѣ эти помѣстья по документамъ; но такъ какъ деревень не находилось, то брали по выбору любую сосѣднюю деревню, утверждая, что въ старину она тѣмъ именемъ называлась. Изъ этого выходили споры, тяжбы, но неправильно отнятыя деревни оставались за новыми владѣльцами, съ тѣмъ однако-же, что онѣ будутъ

возвращены, когда найдутся тѣ деревни, которыя дѣйствительно то имя носятъ.

XXI.

Дворянскіе выборы 1824—1825 г.—Увольненіе Катакази. — Тимковскій. — Кончина Императора Александра I.—Присяга Императору Николаю Павловичу.—Фирсовъ. — Распоряженія Верховнаго Совѣта.—Отъѣздъ Воронцова въ Петербургъ.—Графъ Паленъ.

Подъ вліяніемъ новаго направленія, указаннаго Воронцовымъ, общество оживилось надеждою на лучшую будущность и на выборахъ 1824—1825 г. вздохнуло свободнѣе въ ожиданіи избранія новыхъ людей, отъ которыхъ ожидало болѣе пользы и выгодъ странѣ. И ожиданія общества не были лишены основанія, такъ какъ многіе изъ прежнихъ дѣятелей должны были сойти со сцены послѣ паденія своего вождя, другіе оказались неспособными, третьи подпали суду за разныя преступленія. Но самая главная надежда возлагалась на избраніе уѣздныхъ предводителей—будущихъ защитниковъ вдовъ, сиротъ и угнетенныхъ и будущихъ вождей уѣздныхъ партій. Число дворянъ, собравшихся на эти выборы и имѣвшихъ право участія въ нихъ, не превышало 125 человѣкъ. Избирательныя группы остались тѣ-же, что и на предъидущихъ выборахъ, съ тою разницею, что за устраненіемъ прежнихъ коноводовъ во главѣ ихъ стали новые люди, сознавшіе необходимость дѣйствовать болѣе единодушно, для достиженія результатовъ, угодныхъ правительству и мѣстному представителю его—полномочному намѣстнику графу Воронцову. Слѣдствіемъ такого настроенія собранія было то, что всѣ прежніе депутаты и областной предводитель были замѣнены новыми лицами, повидимому изъ средняго состоянія. Областнымъ предводителемъ былъ выбранъ Башотъ, а уѣздными: Оргѣевскимъ — Дино-Руссо, Ясскимъ—Леонардъ и Хотинскимъ—Димитріу. Избраніе уѣздныхъ предводителей было новостью для Бессарабіи, и потому отношенія ихъ къ областному предводителю на первыхъ порахъ оказались невполнѣ опредѣленными. Одинъ изъ случаевъ такого недоразумѣнія возникъ по слѣдующему обстоятельству. Вслѣдствіе указа верховнаго совѣта отъ марта 1825 г., областной предводи-

тель Башотъ отнесся къ уѣздному—Дино-Руссо о назначеніи двухъ дворянъ для совмѣстной съ чиновниками штата Воронцова переоцѣнки вотчинъ, заложенныхъ казнѣ по разнымъ откупамъ и подрядамъ. Дино Руссо назначилъ двухъ дворянъ, которые однакожь не поѣхали подъ предлогомъ болѣзни, о чемъ отозвались спустя 9 и 15 дней по полученіи повѣстки. Вслѣдствіе этого оцѣночная комисія не могла открыть своихъ дѣйствій, а Башотъ, приписавъ это обстоятельство винѣ Дино-Руссо, донесъ совѣту. Совѣтъ сдѣлалъ Руссо замѣчаніе и поставилъ ему на видъ, что нужно было удостовѣриться въ болѣзни дворянъ формальнымъ дознаніемъ. Тогда Руссо поручилъ дворянину Пауну и цынутному врачу освидѣтельствовать тѣхъ дворянъ, и результатомъ освидѣтельствованія оказалось, что оба были здоровы. Затѣмъ, по случаю увольненія Башота въ отпускъ, Дино-Руссо былъ вызванъ къ исправленію должности областнаго предводителя и, узнавъ о несправедливомъ будто-бы донесеніи Башота, возбудилъ противъ него претензію, доказывая, что онъ самъ освободилъ назначенныхъ имъ дворянъ отъ командировки. Послѣ продолжительной переписки, изъ которой видно, что Дино-Руссо не признавалъ себя подчиненнымъ областному предводителю, верховный совѣтъ кончилъ это дѣло тѣмъ, что сдѣлалъ обоимъ замѣчаніе за происшедшее между ними несогласіе.

Новые порядки и новые люди, смѣнившіе старыхъ съ началомъ 1825 г., повели за собой и увольненіе губернатора Катакази. Указомъ 26-го августа Катакази былъ всемилостивѣйше уволенъ въ отставку, и на его мѣсто назначенъ с. с. Тимковскій. По неприбытію же Тимковскаго, Катакази оставался еще при должности до 6-го ноября 1825 г., послѣ чего въ исправленіе обязанности бессарабскаго губернатора вступилъ вице-губернаторъ Вигель, управлявшій областью до 27 января 1826 г, когда по приключившейся ему болѣзни онъ уѣхалъ въ Одессу, гдѣ получилъ новое назначеніе.

Во время исправленія должности губернатора Вигелемъ былъ полученъ въ Кишиневѣ указъ правительствующаго сената съ горестнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Императора Александра I. Вигель сообщилъ объ этомъ областному правительству 12 декабря 1825 г. и распорядился о приведеніи къ присягѣ служащихъ и жителей области новому Императору Николаю Павловичу. По предложенію

Вигеля, исполнительная экспедиція опредѣлила перевести на молдавскій языкъ препровожденныя при томъ указѣ семь приложеній и, по отпечатаніи потребнаго количества экземпляровъ оныхъ и присяжныхъ листовъ, разослать во всѣ присутственныя мѣста области для повсемѣстнаго обнародованія оныхъ въ церквахъ и приведенія къ присягѣ жителей всѣхъ состояній. Распоряженіе о приведеніи къ присягѣ жителей новому императору послѣдовало только 30 декабря 1825 г. Вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ Николая Павловича послѣдовалъ всемилостивѣйшій манифестъ о дарованіи народу разныхъ облегченій отъ 1 января 1826 г. и другой манифестъ о томъ-же отъ 22 августа 1826 г.

Новый 1826 годъ открылся такимъ образомъ новымъ царствованіемъ, принесшимъ Бессарабіи прощеніе ея прежнихъ грѣховъ. Въ самомъ-же управленіи областью наступили съ января слѣдующія перемѣны. По отъѣздѣ въ Одессу Вигеля должность губернатора исправлялъ въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ безсмѣнный членъ верховнаго совѣта Арсеньевъ, въ маѣ—Пизани, а за тѣмъ, до пріѣзда Тимковскаго 22 іюля 1826 г., новый вице-губернаторъ Фирсовъ.

При Тимковскомъ и Фирсовѣ дѣятельность верховнаго совѣта выразилась въ слѣдующихъ распоряженіяхъ по внутреннему управленію: 1) Поселены въ Бендерскомъ и Аккерманскомъ уѣздахъ на казенной пустопорожней землѣ 20,000 душъ казенныхъ крестьянъ изъ внутреннихъ русскихъ губерній. Для завѣдыванія дѣлами переселенія была учреждена Воронцовымъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ, особая коммисія, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ казенно-экономической экспедиціи. Изъ вѣдомости, составленной начальникомъ гражданской съемки въ Бессарабіи фонъ-Руги, видно, что пустопорожней казенной земли считалось въ то время 284,070 десятинъ поля и 326 десятинъ лѣсу. 2) Изъята изъ обращенія монета, извѣстная подъ названіемъ «турецкой пары». 3) Учреждена въ Кишиневѣ гофмаклерская контора и опредѣленъ публичнымъ нотаріусомъ нѣкто Моргенштернъ. 4) Объявлено чрезъ казенно-экономическую экспедицію объ отдачѣ въ подрядное содержаніе почтовыхъ станцій съ 1 мая 1826 по таковое-же число 1829 г., съ вызовомъ желающихъ принять на себя постройку станціонныхъ домовъ на новыхъ пунктахъ, избранныхъ полковникомъ Липранди,

занимавшимся измѣреніемъ и улучшеніемъ почтовыхъ дорогъ. 5) Сдѣлано новое распредѣленіе околовъ (волостей) и, согласно предложенію Воронцова, были произведены выборы околашей посредствомъ сельскихъ обществъ, въ присутствіи члена отъ земскаго исправничества и цынутнаго прокуратора. 6) Упразднены должности капитановъ-де-тыгръ и введена въ дѣйствіе временная инструкція для околашей. 7) Учреждены въ казенныхъ селеніяхъ волостныя правленія изъ головы, двухъ засѣдателей и писаря, съ жалованьемъ: головѣ и писарю по 250 руб. асс., а засѣдателю по 150 руб. Писарь опредѣлялся казенной экспедиціей и состоялъ въ ея штатѣ на дѣйствительной службѣ. Въ каждомъ селеніи учреждены старосты и десятскіе. Къ 1 января 1827 года казенныхъ селеній состояло: въ Бендерскомъ уѣздѣ—30, въ Аккерманскомъ—40, въ Измаильскомъ—5, въ Оргѣевскомъ одно село Боюканы, въ Хотинскомъ—9, изъ коихъ 7 принадлежали казнѣ въ половинной и менѣе частяхъ. 8) Открыты дѣйствія коммисіи по пересмотру положенія о взаимныхъ отношеніяхъ помѣщиковъ и царанъ, разработаннаго совѣтомъ въ 1819 г., но пріостановленнаго Бахметьевымъ до особаго распоряженія. Дѣло это было возобновлено Инзовымъ, составившимъ новый проэктъ взаимныхъ отношеній поселянъ и помѣщиковъ, который найденъ былъ однако неудовлетворительнымъ и возвращенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ новому намѣстнику графу Воронцову, съ подробными замѣчаніями. Воронцовъ передалъ всѣ эти бумаги въ 1823 году члену совѣта Вигелю, поручивъ ему составить новый проэктъ устава. Когда же Вигель исполнилъ возложенное на него порученіе, то Воронцовъ внесъ въ совѣтъ въ 1824 г. оба проэкта—Инзова и Вигеля, а также замѣчанія графа Кочубея, и предложилъ ему войти въ сужденіе этого дѣла и имѣніе свое сообщить ему для представленія на Высочайшее утвержденіе. Затѣмъ Воронцовъ по возвращеніи изъ Петербурга увѣдомилъ совѣтъ 12 іюля 1826 г., что онъ представлялъ на разсмотрѣніе комитета министровъ всѣ прежніе проэкты и проэктъ Вигеля, съ мнѣніемъ своимъ, чтобы это важное дѣло было еще разъ подвергнуто обсужденію особой коммисіи, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ двухъ безсмѣнныхъ членовъ, дворянскихъ депутатовъ и депутатовъ отъ поселянъ, избранныхъ еще въ

1819 году для отправленія въ столицу. Учрежденная для этой цѣли коммисія не думала однако собираться до тѣхъ поръ, пока и. д. губернатора вице-губернаторъ Фирсовъ не назначилъ послѣдній срокъ для открытія ея занятій. На этотъ разъ коммисія собралась наконецъ и 25 сентября 1827 г. открыла свои дѣйствія. Въ слѣдующемъ же 1828 г. было представлено Воронцову и самое производство коммисіи.

Въ концѣ 1826 года графъ Воронцовъ былъ отозванъ въ Петербургъ и въ его отсутствіи, продолжавшемся до 5 марта 1828 г., должность новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора исполнялъ тайный совѣтникъ графъ Паленъ. Дѣятельность новаго намѣстника по дѣламъ Бессарабіи была такъ же плодотворна, какъ и дѣятельность Воронцова, и клонилась ко благу страны. Изъ множества дѣлъ, рѣшенныхъ верховнымъ совѣтомъ по предложеніямъ Палена, обращаютъ на себя вниманіе нижеслѣдующія: 1) Установленіе таксы на съѣстные припасы по всей области на россійскую монету, съ назначеніемъ послѣдняго срока для обращенія турецкихъ паръ—1 января 1828 г. 2) Произведеніе торговъ на постройку каѳедральнаго собора въ г. Кишиневѣ, по которымъ постройка осталась за надворнымъ совѣтникомъ Дитерихсомъ, въ суммѣ 194.000 р. сер., опредѣленной изъ 10% капитала. Изъ предложенія Палена отъ февраля 1827 г. видно, что Воронцовъ по предварительному совѣщанію съ преосвященнымъ Димитріемъ, архіепископомъ кишиневскимъ и хотинскимъ, призналъ необходимымъ построить въ Кишиневѣ соборную церковь и во время пребыванія своего въ Петербургѣ пригласилъ профессора академіи художествъ Мельникова составить планы и фасадъ этой церкви. Смѣта составлена одесскимъ городскимъ архитекторомъ Франоли, въ суммѣ 388,374 левовъ. Преосвященный Димитрій, которому была представлена смѣта на разсмотрѣніе, сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія: а) вырыть фундаментъ въ шестую часть высоты, б) сдѣлать по фасадамъ колонны въ выемкахъ, в) вымостить полъ, вмѣсто кирпича, сорокскими плитами, г) сдѣлать лѣпныя алебастровыя украшенія. Дитерихсъ обязался окончить постройку собора въ трехъ-годичный срокъ, но окончилъ его только въ 1835 г. Иконостасъ могъ быть готовъ не раньше начала 1836 г.; работу иконостаса исполнялъ посланный Воронцо-

вымъ изъ Одессы художникъ Ковшаровъ за 35,400 руб. асс., живопись по штукатуркѣ стоила 7,800 р. асс. Освященіе собора происходило 15 октября 1836 г. 3) Составленіе разрядовъ и штатовъ канцелярскимъ чиновникамъ и служителямъ гражданскаго вѣдомства, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія 14 октября 1827 года. 4) Образованіе по цынутамъ коммисій, изъ предводителя дворянства, полиціймейстера, исправника и бургомистра, для открытія и приведенія въ извѣстность бѣглыхъ людей, въ Бессарабскую область зашедшихъ, съ внесеніемъ ихъ вмѣсто послѣдней ревизіи 1816 г. въ особую перепись, бывшую въ 1824 г. 5) Разсмотрѣніе дѣлъ по преступленіямъ должностей и отданіе подъ судъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ кишиневскаго полиціймейстера Р—ча и частнаго пристава М—ча, обвиняемыхъ въ причиненіи подсудимымъ побоевъ при допросахъ. На слѣдствіи Р—чъ признался, что при взятіи подсудимаго Чернова на съѣзжую далъ ему чрезъ десятскаго не болѣе пятнадцати плетей за то, что Черновъ произнесъ съ азартомъ и грубостью, «будто-бы онъ, полиціймейстеръ, невинныхъ истязаетъ, а виновнымъ покровительствуетъ». Другому подсудимому, Иванову, Р—чъ, руководствуясь указомъ сената 1763 г. и изъ желанія «сдѣлать надъ нимъ весьма малое испытаніе», далъ не болѣе 20 розогъ, повторивъ это испытаніе въ той же мѣрѣ и въ слѣдующій день. М—чъ обвинялся въ томъ, что билъ Чернова и требовалъ отъ него денегъ. Тогда же разсматривалось дѣло и по жалобѣ квартальнаго хотинской полиціи штабсъ-капитана У—ва на полиціймейстера маіора О—го, который подъ предлогомъ неисполненія службы квартальнымъ посадилъ его въ арестантскую съ ворами и разбойниками и, продержавъ тамъ два часа, отправилъ затѣмъ въ хотинскую крѣпость на двое сутокъ. При томъ, по приказанію полиціймейстера, караульные солдаты сорвали съ него шпагу, нанесли ему толчки и разорвали полу сюртука. У—въ говорилъ, что О—ій поступилъ съ частнымъ приставомъ Гер—мъ еще гораздо жесточѣе, такъ какъ содержалъ его цѣлую ночь связаннымъ въ той же тюрьмѣ при полиціи.

XXI.

Народонаселеніе.—Казенныя подати.—10% капиталъ.—Городскіе расходы.—Кишиневская квартирная коммисія.—Грабежи и разбои.—Положеніе 1828 года.—Упраздненіе верховнаго совѣта.

Народонаселеніе Бессарабской области возросло въ теченіи десяти лѣтъ (1818—1828) до 106,148 семействъ или 450,000 душъ обоего пола. Сравнительно съ ревизіей 1818 г. число жителей достигло къ 1828 г. увеличенія только на 70,000. Причина тому—чума, свирѣпствовавшая въ 1819 и 1825 годахъ, а также безпорядочность управленія молдавскихъ исправниковъ, отъ притѣсненій и угнетеній которыхъ поселяне бѣжали въ турецкіе предѣлы.

Сумма казенныхъ податей, какъ видно изъ вѣдомости, составленной въ 1828 г., простиралась до 1,621,816 р. Подати распредѣлялись между жителями различныхъ состояній въ слѣдующемъ количествѣ: 1) Съ 2,405 семействъ мазыловъ—28,671 р. 2) 1,141 сем. резеташей—13,299 руб. 3) 94,469 сем. бирниковъ—1,274,877 р. 4) 1,767 бурлаковъ—10,070 р. 5) 745 сем. коронныхъ цыганъ—7,450 р. 6) 5,796 сем. задунайскихъ переселенцевъ—270,480 руб. 7) 1,592 сем. нѣмецкихъ колонистовъ, платившихъ по 15 к. съ десятины, за 113,108 д.—16,966 руб.

10% капиталъ исчисляется по дѣйствительно вступившимъ въ казну доходамъ, за исключеніемъ недоимокъ, изъ остатковъ каждаго года, оставшихся за всѣми казенными расходами. Казенные доходы состояли изъ казенныхъ податей, разныхъ откупныхъ статей и разныхъ неокладныхъ сборовъ. Казенные расходы опредѣлялись на утвержденіе штатнаго содержанія чиновниковъ по управленію области, на содержаніе духовенства, на пенсіи разнымъ лицамъ, на содержаніе канцелярій комендантскихъ управленій, на прогоны чиновникамъ, эстафеты и возку почтъ, на съемку Бессарабіи, на содержаніе арестантовъ, на воспитаніе дѣтей полковника Полтавцева и маіора Жаботинскаго, на починку зданій и плотинъ при соляныхъ озерахъ и въ возвратъ разнымъ мѣстамъ и лицамъ, а также промышленникамъ пошлинъ. Исчисляя состояніе 10% капитала на основаніи ежегоднаго дохода, расхода и остатка, получится разсчетъ слѣдующаго содержанія:

1818 г.	3297973 л.	684464 л.	2613509 л.	261350 л. или 209075 р. ас.
1819	2764059	1173590	1590469	159046
1820	3733171	1102269	2630902	263090
1821	3847935	1322357	2525578	252557
1822	3870940	1525422	2335518	234551
1823	3065135	1686106	1379029	137902
1824	3008710	1688906	1349794	133979
1825	3184661	1210374	1974287	197428
1826	2717570	1239163	1487407	147840
1827	3126522	1229341	1897211	189721
1828	2892029	1081311	1810718	181071
				2158535 л.

Итого 10% капитала съ 1818 по 1829 годъ—2,158,535 лев.

Расходы изъ суммъ 10% капитала были двоякаго рода: невозвратные и подлежащіе къ возврату, и производились по предписаніямъ полномочныхъ намѣстниковъ и верховнаго совѣта. Съ 1818 по 1828 г. 10% капиталъ расходовался на слѣдующіе предметы: а) Невозвратные расходы: по карантинной линіи, по таможенному округу, на починку дома, занимаемаго намѣстниками, на устройство помѣщеній при аптекѣ кишиневскаго городскаго госпиталя, на покупку въ Бендерахъ дома для присутственныхъ мѣстъ, на покупку дома для кишиневской полиціи, на починку килійскаго и аккерманскаго полицейскихъ домовъ, на пожарные инструменты по городамъ и постройку помѣщеній для нихъ, на мебель для уѣздныхъ судовъ, на прогоны архитектору Риглеру, на постройку церквей — въ Кишиневѣ, Киліи, Измаилѣ, Бендерахъ, Аккерманѣ и Хотинѣ, на постройку казармъ, на постройку экзерцирхауза въ Кишиневѣ, на постройку остроговъ и починку старыхъ, на прогоны и жалованье строителямъ казенныхъ зданій, на прогоны и покупку экипажа архитектору Пацеслани, по командировкѣ изъ Петербурга для составленія проэкта зданій въ Бессарабіи, на добавочное жалованье архитектору Спету, на жалованье смотрителямъ надъ казенными работами, на покупку инструментовъ для межевой конторы, на исправленіе инструментовъ областнымъ землемѣромъ Эйтнеромъ, на исправленіе типографіи областнаго правительства, на покупку законовъ, на экстраординарныя надобности Инзова, на по-

купку двухъ портретовъ Государя, на содержаніе и другіе расходы полковника Липранди по устройству почтовыхъ дорогъ, на разработку каменнаго угля бергхауптманомъ Эйфельдомъ, на тотъ же предметъ—горнымъ служителямъ, на жалованье смотрителю казенныхъ лѣсовъ, на прибавку жалованій губернатору и чиновникамъ его канцеляріи, на ланкастерскія школы, на содержаніе десяти воспитанниковъ въ семинаріи въ теченіе семи лѣтъ. Итого на всѣ эти предметы показано въ расходѣ 867,942 руб. асс., 105,837 левовъ и 392 червонца. б) Возвратные расходы: по прекращенію заразы, на военномъ вѣдомствѣ, на счетъ дохода г. Кишинева, на счетъ богоугоднаго капитала, на счетъ суммы земской повинности, на счетъ суммы, вырученной съ продажи вина изъ аккерманскихъ садовъ, на счетъ суммы, выданной взаймы разнымъ мѣстамъ и лицамъ. Итого возвратныхъ расходовъ—971,077 руб. асс, 11,943 лева и 57 червонцевъ. А всего невозвратныхъ и возвратныхъ расходовъ изъ суммъ 10% капитала—1,839,019 руб. асс., 117,780 левовъ и 449 червонцевъ. Самыя крупныя цифры расхода относятся къ предметамъ содержанія ланкастерскихъ школъ—45.267 р. асс. и 3,620 левовъ, содержанія воспитанниковъ семинаріи—65.000 руб. асс., постройки церквей въ городахъ—122.583 руб. асс. и постройки остроговъ—152,650 р. асс. и 26,850 левовъ.

Изъ отчета о состояніи суммъ 10% капитала за время управленія областью верховнымъ совѣтомъ видно, что весь капиталъ не превышалъ двухъ милліоновъ и одной сотни тысячъ левовъ, составляющихъ около полутора милліона рублей на ассигнаціи, и что почти вся эта сумма къ 1828 году была израсходована безъ остатка. Сдѣлано же было весьма мало, если не считать постройки нѣсколькихъ маленькихъ церквей по городамъ и нѣсколькихъ небольшихъ тюремныхъ зданій, давнымъ-давно уже развалившихся и замѣненныхъ новыми постройками. Затѣмъ не было употреблено почти ничего на устройство городовъ, мостовъ, дорогъ, водохранилищъ и т. п. общеполезныхъ сооруженій. Причина такой бѣдности публичныхъ сооруженій проистекала, конечно, отъ недостатка и ничтожества 10% капитала, несуществовавшаго въ дѣйствительной наличности, благодаря недостаткамъ, допущеннымъ людьми, управлявшими доходами области. Не говоря уже о другихъ городахъ, но даже

Кишиневъ, избранный мѣстопребываніемъ намѣстника и вмѣщавшій въ себѣ всѣ правительственныя учрежденія области, былъ оставленъ безъ всякаго устройства въ теченіе всего десятилѣтія верховнаго совѣта.

До Воронцова едва-ли обращалось серьезное вниманіе на городскіе доходы вообще, а если и дѣлалось что либо по этой части, то всѣ попытки къ прекращенію безпорядковъ, по своей отрывочности и нецѣлесообразности, конечно, ни къ чему ни приводили. Болѣе серьезное отношеніе къ этому дѣлу начинается съ періода Воронцова. Замѣтивъ безпорядочный сборъ и употребленіе городскихъ доходовъ, онъ поручилъ верховному совѣту въ 1825 году обратить на это важное обстоятельство особенное вниманіе, составивъ опредѣленное по этому предмету положеніе. Затѣмъ, въ отсутствіе Воронцова, графъ Паленъ въ предложеніи отъ 1827 г. изъяснилъ, что онъ имѣетъ свѣдѣніе о томъ, что бессарабскія городскія общества, посредствомъ старостъ и сборщиковъ, собираютъ значительныя суммы, но отчетовъ объ израсходованіи оныхъ съ 1819 г. не дѣлается, и сборы остаются безгласными. По возвращеніи изъ Петербурга въ 1828 г. Воронцовъ снова обратилъ вниманіе на этотъ предметъ и потребовалъ свѣдѣній о состояніи городскихъ хозяйствъ. Вслѣдствіе этого распоряженія кишиневская городская дума представила вѣдомость о доходахъ и расходахъ города съ 1 января 1827 г. по 1 іюля 1828 г., слѣдующаго содержанія:

Къ 1 января 1827 г. состояло въ остаткѣ отъ 1826 года 28 руб. ас. и 392 лева. Въ 1827 г. поступило: съ городскихъ вѣсовъ, пастьбы скота и за зарѣзъ скота для саловареннаго завода 3,691 левъ; съ десятины посѣвовъ, сѣна, фруктовыхъ и виноградныхъ садовъ и огородовъ 1,666 л.; сбора отъ строеваго лѣса, повозокъ и колесъ 416 левъ.; сбора съ аршина и мартосопіи 1,041 л.; съ доходовъ с. Буюканъ 846 л.; съ откупной питейной суммы 10 проц. доходъ 60,150 л.; съ мѣнялъ 1,200 р. ас.; съ иностранныхъ и иногородныхъ промышленниковъ 2,756 р. ас. Съ 1 января по 1 іюля 1828 года: за пастьбу скота и мартосопіи или сбора съ продаваемаго скота 2,946 т.; съ вѣсовъ 5,666 левовъ; съ десятины посѣвовъ, продажи строеваго лѣса и проч. 4,423 л.; съ мельницъ, саловаренныхъ заводовъ и за зарѣзъ козъ 1,913 л.; поземельныхъ,

отъ мѣстъ, отданныхъ подъ постройку домовъ 189 р.; за содержаніе клубовъ 100 р. ас.; за зарѣзъ скота на саловаренныхъ заводахъ 1,254 л.; съ магаларита 1,246 л.; поступило отъ оргѣевскаго уѣзднаго казначейства изъ 10 проц. капитала 10,000 р. ас.; съ иностранца Фукса за содержаніе въ 1826 г. клуба въ городскомъ саду 100 р. ас.; итого 14,373 р. ас. и 85,450 л. Изъ нихъ израсходовано по 1 іюля 1828 года 14,121 р. ас. и 85,450 л. Осталось за всѣми расходами 252 р. ас.

Затѣмъ кишиневская дума представила на утвержденіе областному правленію въ іюлѣ 1828 года двѣ табели о доходахъ и расходахъ г. Кишинева и с. Буюканъ, заключающія слѣдующія статьи: Табель о доходахъ. Съ городскихъ вѣсовъ 3,400 р. ас.; за пастьбу скота 555 р.; съ десятины посѣвовъ 1870 р.; за зарѣзъ скота 401 р. ас; сбора съ продаваемаго скота 1,225 р. ас.; съ продажи лѣса и пр. 801 р ас.; съ девяти вѣтряныхъ и четырехъ земляныхъ мельницъ 30 р. ас.; съ аршина 60 р. ас.; съ заката и выката въ погребахъ бочекъ съ напитками (магаларитъ) 1,425 р; съ вымѣриванія бочекъ (руштукъ) 1,401 р.; съ иностранныхъ и иногородныхъ промышленниковъ 2,500 р.; съ 55 мѣнялъ 1,200 р.; съ клуба 100 р.; двухрублевый сборъ съ биржевыхъ извозчиковъ 382 р.; съ продажи по шинкамъ виноградnаго вина по 3 к. съ ведра 2,800 р.; съ посаженнаго налога 3,000 р.; доходъ сел. Буюканъ 1,330 р. Итого 22,480 руб. ас.

Табель о расходахъ. Добавочное жалованье для канцелярскихъ служителей думы 2,040 р. ас.; на содержаніе кишиневской полиціи 1,000 р. ас.; на содержаніе строительнаго комитета 1,000 р. сер.; на освѣщеніе карауленъ 620 р. ас.; на освѣщеніе 30 городскихъ и 16 при полицейскихъ будкахъ фонарей 469 р. ас.; на освѣщеніе острога 313 р.; на освѣщеніе одного фонаря внутри острога и коридора 84 р.; на освѣщеніе четырехъ фонарей вокругъ острога 17 р; на покупку смоляныхъ плошекъ 27 р.; на освѣщеніе жандармскихъ конюшенъ 27 р.; на содержаніе магистрата 750 р.; на покупку провіанта для 50 десятскихъ, 40 будочниковъ и 12 пожарныхъ служителей 2,179 р. ас.; на жалованье смотрителю острога 360 р.; садовнику городскаго сада 360 р., его помощнику 150 р трубочистамъ 686 р.; двумъ собакобоямъ 300 р.; городовому архи

тектору 300 р. сер.; городовому фельдшеру 100 р. с. Итого 7,632 р. ас. и 3,150 руб. сер.

Въ то же время представила отчетъ о своихъ суммахъ и кишиневская квартирная коммисія, учрежденная въ 1815 году. Въ теченіе 1815 и 1816 годовъ сборъ квартирныхъ денегъ производился съ согласія общества и свѣдѣнія начальства только на жалованье депутатамъ, служителямъ и на канцелярскіе расходы; но, сколько было въ приходѣ и расходѣ денегъ за это время, коммисія показать не могла. Изъ перечневой-же вѣдомости за остальные года усматриваются поступившими слѣдующія суммы: въ 1817 году 3,430 левовъ; 1818—4757; 1819—7,602; 1820—приходъ не показанъ; 1821—8,008; 1822 — 14,638; 1823 — 14,434; 1824 — 18,696; 1825 — 18,528; 1826 — 17,469; 1827 — 7,308. Итого съ 1817 по 1827 г. поступило 114,870 левовъ. Изъ нихъ въ расходѣ показано 110,548 левовъ.

Преступленія по должности, сопряженныя съ злоупотребленіемъ власти, были до того часты въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, что одинъ перечень ихъ потребовалъ бы цѣлаго сборника. Зло, проистекавшее отъ безпорядочнаго управленія молдавскихъ исправниковъ и злоупотребленій чиновниковъ, ложилось тяжелымъ бременемъ на сельское населеніе и, отражаясь пагубными послѣдствіями на экономическомъ бытѣ его, породило въ странѣ бродяжничество, сопряженное съ грабежами и разбоями. Никогда еще, быть можетъ, разбои и грабежи не доходили до такой степени, какъ въ то время. Деморализація приняла такіе размѣры, что грозила превратить все населеніе въ одну громадную шайку воровъ и грабителей. Въ виду такой крайности Паленъ, совершенно основательно приписавшій зло «слабому наблюденію и дѣйствію» земскихъ полицій, неоднократно предписывалъ губернатору пробудить дѣятельность исправниковъ къ преслѣдованію и поимкѣ грабителей и, наконецъ, нашелъ необходимымъ командировать двухъ энергичныхъ чиновниковъ для начатія розысковъ на мѣстахъ происшествій и обнаруженія злоумышленниковъ. Въ то же время онъ избралъ главнымъ распорядителемъ дѣйствій по поимкѣ злодѣевъ аккерманскаго исправника лейбъ-гвардіи подполковника Тарашкевича, которому подчинилъ оргѣевскую земскую полицію. Губернаторъ Тимковскій

доносилъ Палену въ январѣ 1827 г. объ укрывательствѣ въ Кишиневѣ бродягъ и дурнаго поведенія людей—вслѣдствіи слабаго дѣйствія мѣстной полиціи и небрежности чиновниковъ въ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей. «Зло отъ грабежей не прекращается, говоритъ Тимковскій, отъ невѣроятной небрежности полицейскихъ мѣстъ, въ особенности же оргѣевскаго исправничества и кишиневской полиціи, допускающихъ въ городѣ скопище бродягъ и людей самыхъ дурныхъ правилъ и поведенія; думаю, что въ числѣ грабителей, производящихъ неистовства въ семъ цынутѣ, многіе принадлежатъ къ жителямъ г. Кишинева, въ коемъ съ нѣкотораго времени воровства примѣтнымъ образомъ усиливаются». Тимковскій не скрывалъ. что не увѣренъ въ успѣшности средствъ, принимаемыхъ къ искорененію зла, думая, что обстоятельства требуютъ болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Въ другомъ донесеніи Тимковскій писалъ Палену: «Область Бессарабская составляется изъ двухъ родовъ жителей: коренныхъ молдаванъ и разновременно поселившихся бродягъ, кои не весьма исправили нравственность свою, а также область съ трехъ сторонъ окружена границами, отчего происходитъ: «что все, что есть преступнаго въ Россіи, бѣжитъ сюда въ надеждѣ скрыть здѣсь слѣды своего злодѣянія или пробраться въ чужіе предѣлы; изъ Австріи также множество переходитъ въ область, въ особенности евреевъ». Всѣ эти люди ничѣмъ больше не занимались, по мнѣнію Тимковскаго, какъ воровствомъ и грабежомъ; такимъ-же занятіямъ предавались этеристы (инсургенты) и другіе иностранцы, прибывшіе сюда во время происходившихъ въ Молдавіи и Валахіи неистовствъ. Вслѣдствіе этого Тимковскій просилъ выслать изъ области этеристовъ, упразднить хорватскую команду, въ числѣ коей тоже не мало бродягъ, и назначить въ каждый уѣздъ команды изъ донскихъ казаковъ для разъѣздовъ. Въ разрѣшеніи этого донесенія Паленъ распорядился упразднить хорватскую команду и обязалъ всѣхъ безписьменновидныхъ этеристовъ и хорватовъ избрать родъ жизни и приписаться къ городамъ и казеннымъ селеніямъ.

До чего доходила дерзость разбойниковъ въ то время, можно судить по частымъ нападеніямъ на почты и людей ѣхавшихъ на почтовыхъ. Для огражденія почтъ, эстафетъ и проѣзжающихъ отъ нападенія злоумышленниковъ признано было необходимымъ сопро-

вождать почты верховнымъ конвоемъ по всему тракту отъ Кишинева до Бѣльцъ и Скулянъ, и особенно въ лѣсу между Каларашомъ и Тшикуранами, гдѣ постоянно бывали грабежи и убійства. Трактъ этотъ пролегалъ по оргѣевскому уѣзду, изобиловавшему лѣсами. Оргѣевскій исправникъ Кохановскій приписывалъ всѣ грабежи и разбои, совершавшіеся въ его уѣздѣ, заграничнымъ этеристамъ, которые «имѣютъ всегда возможность скрываться въ лѣсныхъ корчмахъ, гдѣ торгуютъ ихъ товарищи, такіе-же этеристы — греки, арнауты, албанцы и прочій сбродъ». Исправникъ просилъ назначить въ помощь полицейскимъ чиновникамъ его уѣзда до 250 мазыловъ, которыхъ, съ прибавленіемъ нужнаго числа жителей, слѣдовало раздѣлить на партіи, поручивъ каждой изъ нихъ особый участокъ; для разъѣздовъ-же по дорогамъ и лѣсамъ онъ находилъ необходимымъ учредить конные патрули. Лучшею же мѣрою онъ находилъ совершенное уничтоженіе корчмъ, земляноkъ и другихъ заведеній, устроенныхъ въ лѣсахъ. Чтобы не обременять комисаровъ, исправникъ просилъ назначить особыхъ чиновниковъ для наблюденія за дѣйствіями поимщиковъ.

Въ ноябрѣ 1827 г. Паленъ разрѣшилъ и. д. губернатора Фирсову требовать для искорененія разбоевъ военныя команды; но и это не помогло, такъ какъ зло было слишкомъ глубоко укоренившимся въ народѣ, вслѣдствіи неблагопріятныхъ условій и уродливой обстановки, его окружавшей. По возвращеніи изъ Петербурга въ началѣ 1828 г. Воронцовъ тоже обратилъ вниманіе на частые разбои и грабежи въ Бессарабіи и неоднократно предлагалъ губернатору принять энергическія мѣры, но и его настоянія не привели ровно ни къ чему. Такое уже было время, что безъ грабежа и разбоя обойтись было невозможно; всѣ предавались этимъ занятіямъ съ одинаковымъ рвеніемъ и упорствомъ. И долго еще не могли отдѣлаться отъ этого вопіющаго зла, истощавшаго населеніе въ безплодной борьбѣ съ нимъ и подрывавшаго экономическія силы страны.

Воронцовъ понималъ, что зло, обратившееся въ хроническую болѣзнь Бессарабіи, не могло быть устранено ни смѣной чиновниковъ, ни строгими мѣрами противъ злоупотребленій, ни другими паліативными средствами. Онъ видѣлъ спасеніе Бессарабіи единственно въ перемѣнѣ системы ея управленія, убѣдившись изъ про-

должительнаго опыта и наблюденія, что «особый образъ правленія», дарованный ей Императоромъ, не только не принесъ никакой пользы, но напротивъ того способствовалъ еще большему развитію вѣковаго хроническаго недуга. При всей своей гуманности Воронцовъ не могъ быть ослѣпленъ на *столько*, чтобы не сознавать преждевременности либеральныхъ началъ самоуправленія для страны, не имѣвшей еще прочныхъ основъ гражданственности. По его мнѣнію, для Бессарабіи была необходима не широкая система самоуправленія, а твердая, разумная и попечительная о благѣ народа власть, подъ руководствомъ которой страна могла бы правильно развиться и пріобрѣсти сознаніе своей гражданственности. Нельзя отрицать, что Воронцовъ до нѣкоторой степени былъ правъ, задумавъ замѣнить прежнюю систему управленія новою. Въ одномъ только могъ онъ заблуждаться, и именно въ отысканіи такого необыкновеннаго руководителя судебъ Бессарабіи, который могъ бы замѣнить собою цѣлую систему управленія и взять на себя отвѣтственность за будущность ея гражданственности. Но заблужденіе это было отчасти простительно Воронцову, такъ какъ онъ вѣрилъ въ свою собственную просвѣщенную и честную натуру и надѣялся на свою необыкновенную энергію. Онъ упустилъ однако изъ виду, что рано или поздно дѣятельность его должна будетъ прекратиться, или энергія его можетъ ослабѣть, а самое главное, даже при всѣхъ этихъ условіяхъ, воля его едва ли будетъ исполняться въ желаемой мѣрѣ. Какъ бы то ни было, но Воронцову, въ виду всепоглощающаго зла, нужно было на что нибудь рѣшиться: или оставить все по прежнему и относиться ко всему безучастно, или испытать новыя средства, въ надеждѣ, что все пойдетъ къ лучшему. Будущее покажетъ, до какой степени оправдались надежды Воронцова; но онъ рѣшился навсегда покончить съ системой самоуправленія. Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, съ ноября 1826 по мартъ 1828 г., Воронцовъ имѣлъ довольно времени для убѣжденія близкихъ къ престолу лицъ въ справедливости мнѣнія на счетъ измѣненія образа управленія Бессарабіи и, видно, его представленія имѣли вѣсъ, такъ какъ по возвращеніи въ Одессу 5 марта 1828 г. онъ привезъ съ собой положеніе для управленія Бессарабскою областью, Высочайше утвержденное въ февралѣ того же года. По положенію

1828 г. верховный совѣтъ вовсе упразднялся, областное правительство преобразовывалось въ областное правленіе, казенно-экономическая экспедиція переименовывалась въ казенную палату, исправники назначались отъ короны и вообще отводилось широкое участіе въ дѣлахъ управленія чиновникамъ отъ правительства.

Съ изданіемъ новаго положенія депутаты отъ выборовъ дворянства 1827—1828 г., избранные въ верховный совѣтъ и другія присутственныя мѣста, должны были остаться за штатомъ, равно какъ и чиновники канцеляріи верховнаго совѣта. Ничего и говорить, какъ неожиданно было для Бессарабіи положеніе, лишившее ее представительнаго правленія, и въ какое уныніе были повергнуты всѣ тѣ, которые держали до того судьбу населенія въ своихъ рукахъ. Но, если верховники и другіе представители мѣстнаго управленія лишались новымъ положеніемъ лучшихъ, выгоднѣйшихъ своихъ привиллегій, то населеніе вообще могло только выиграть, такъ какъ попеченіе о его благосостояніи переходило вмѣстѣ съ тѣмъ изъ рукъ природныхъ его опекуновъ въ руки болѣе надежныя и безпристрастныя правительственныхъ чиновниковъ и министровъ. Во всякомъ случаѣ дѣло было уже сдѣлано, и потому нужно признать, что было необходимо,—по крайней мѣрѣ такъ казалось людямъ двадцатыхъ годовъ.

Этимъ закончилась десятилѣтняя эпоха гражданской жизни Бессарабіи подъ властью верховнаго совѣта, выразившейся главнымъ образомъ въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя были дарованы краю Императоромъ Александромъ I въ 1818 году.

А. Н.

МАТЕРІАЛЫ.

Memoire (extrait du) sur les affaires de Circassie presenté en 1816 par M. de Scassi.

M. Scassi en 1811 se rend à Anapa, muni de lettres de recomm. du Duc de Richelieu pr le command. de cette place et pr. celui de Soudjoukale. Il forme le dessein d'entrer en Circassie et gagne quelq. Circassi. qui demeuraient auprès d'Anapa et venaient voir souvt. la Generale Boukolez née princesse Circassienne. (Elle avait été faite prisonni. à la prise d'Anapa par le Comte Goudovitch et élevée par le C-te Kakovski). Accomp. d'Ismael-Basesch Prince Notokaigi et de deux de ses gens, il franchit la barriere d'Anapa le 20 8bre 1811 à 9 h. du soir, traversa les montagnes qui separent Anapa de Soudjoukale et se rendit chez les princes les plus remarquables des Notokaigi qui instruits par son conducteur des projets de Commerce qu'il formait et de son origine Gênoise [1]), le reçurent comme un ami. M. Scassi chercha ds leurs besoins les moyens les plus propres à commencer leur civilisation. L'habitude de l'indep. et celle de faire esclaves sans distinction tous ceux qui avaient le malheur de tomber entre leurs mains ayant empêché d'établir un commerce libre avec les nations civilisées ils étaient restés dans l'état primitif des sociétés et peu de changems. avaient eu lieu dans leurs moeurs depuis le tems des Mèdes.

Il se lia ppalemt avec les Notokaigi parcequ'habitant les bords de la mer, ils étaient plus propres à ses projets et que les peuples qui habitent derrière eux devaient nécessairement dépendre de leur commerce. Ces premieres liaisons établies, il retourne à Anapa et ensuite auprès du Duc de

[1]) Ils connaissaient les Gênois par tradition. Les Circassiens ne connaissent de nom que les Turcs avec qui ils echangent leurs filles, les Russes et depuis quelque tems les français.

Richelieu qui l'engagea à chercher les moyens d'utiliser les forêts de ce pays en en tirant les bois de construct. pr. la marine Imperiale. Scassi à cet effet et pr gagner la confiance de ce peuple expedia à Anapa un batiment russe chargé de sel, de fer et autres articles de premiére nécssité pr lui, et se rend lui même par terre à Pschad accomp. de ses premiers conducteurs. Il obtint du Prince *Indarkon* l'espérance d'un bon accueil pour le batiment et son équipage. A l'arrivée de celui-ci les habitants virent bientôt que le commerce qu'on leur proposait était préfér. à celui qu'ils faisaient avec les Turcs et leur confiance en devint plus grande.—Scassi employé plusieurs fois par le commandt d'Anapa . . . . . des parties réunis et destinés à attaquer les convois. Il contribue aussi par la confiance qu'il inspire à la tranquillité qui à regné aux environs d'Anapa et aux marchés qui s'y faisaient la dernière année de la guerre avec la Turquie. (*V. les attestats et rapports au Commandant*).

Les promesses faites au Commt général *Boukolez* lors de l'évacuation d'Anapa d'après le traité de Boukarest, par les principaux de *Notocaigi*, de vivre en bonne harmonie (avec les russes) n'ont pas été dementies car il n'ont pas voulu tremper dans le complot de Nazir Effendi et de Navrons pr l'emigration des Nogais de Jegorovski. Gouvt du Caucase (8 № 1).

Plus instruit des habitudes et des moeurs de ce pays Scassi se rend plusieurs fois aux assemblées qui ont souvent lieu et où se décident les affaires d'une ou de plusieurs peuplades. C'est dans une de ces occasions qu'il propose d'échanger du sel et du fer contre des bois de construct. Après quelques débats . . . . . accordé et permis de le faire embarquer sur tout batiment qui serait porteur de son *Pourkonak*[1]), Il demande desuite la coupe de 700 pièces *a Psad*$_1$ afin de connaitre leur bonne volonté... Le Duc de Richelieu à son retour l'engage à se charger de la fourniture du bois de constr. nécess. aux chantiers de la mer noire, et en fait la ppos. au Ministre de la Marine (au commencement de 1811 une commis. composée de 3 officiers de la marine arrivà à Anapa par ordre du Ministre de ce dept pr avoir des notions sur les forêts de ce pays et le moyen d'exploiter le bois de construct. Ces officiers furent obligés de s'en rétourner sans avoir obtenu la moindre connaiss. vu l'imposs. de penetrer dans l'intérieur et le refus des princes qui avaient été invités à Anapa à cet effet).

Scassi obtient la preuve la plus grande de la securité dont il pouvait jouir chez ces peuples, lorsque le Duc de R. le chargea de porter à Hussein Pacha d'Anapa le firman de la porte relatif à la paix de 1812 par

---

[1]) Teseeret ou billet de passe adressé au Prince du lieu où le batiment doit aborder, muni du cachet dont ils ont l'empreinte Konaques ou princes protecteurs.

lequel elle ordonna au Pacha de faire rendre à la Russie les prisonniers deserteurs et bestiaux que les Circassiens avaient enlevés sur les frontières. Sc. s'embarqua à Theodosie. Un vent contraire l'empêcha de débarquer à Anapa. le Capt par ses ordres s'approcha de la côte et Scassi debarqua sur cette terre inhospitalière pr tout autre. Il était seul, habillé dans le costume du pays. Des bergers qui avaient vu son debarquemt accourent. Il leur nomme ses *Kanaques* et reçoit d'eux alors tour les secours dont il avait besoin pr aller à Anapa. Le Pacha lui declare l'impossib. où il est d'executer les ordres dont il est porteur, attendu que la Sublime Porte n'a aucune autorité sur ce peuple . . . . C'est le commerce seul qui pourrait délivrer nos russes prisonniers. Une somme très — modique suffirait pr cela.

En 1814 lorsque Scassi eut à sa disposit le vaisseau destiné au transport des bois, les plus remarq. princes des Notokaigi lui delivrerent en presence des autorités russes sur la frontière leurs plein pouvoir pr la coupe des bois, et firent assurer le Duc de R. par la voie du Gen. Bonkolez des la sincérité de leurs promesses et de la bonne reception qu'ils feraient à tout batiment qui aborderait sur leur côte muni du *Poarkonak* de M. Scassi.

M. Scassi se rendit à Sévastopol ou le transport *le Danube* était préparé pr cette 1-ère expédit... Toute la ville était persuadée de notre perte d'après l'opinion générale qu'on avait de ce peuple etppalemt par un rapport du Commandt du vaisseau *Rion* par lequel il prévenait l'amiral que le habitants de Pschad étaient les plus barbares, les plus scelerats de tous ces peuples...

Nous fimes voile le 11 de Juin pour Kwezi afin d'y embarquer un peu de sel et d'autres articles nécess. à l'échange du bois Dans deux jours de navigation nous arrivames à Pschad. Je descendis à terre ds un petit canot avec un officier et six matelots. Les habitans accourur en grand nombre nous accueillirent amicalemt et le Prince de Pschad vint lui-même à bord pr nour inspirer plus de confiance.

Les officier et le commandt furent plusi. fois dans l'intérieur avec M. Scassi pr examiner les forêts et le bois qui avait été coupé toujours fêtés partout... tandis qu'ils voyaient à Pschad mème et aux environs assez de leurs compatriotes esclaves. On resta 15 jours à Pschad où tout se passa fort tranquillemt. 100 hommes sans armes y travaillaient tranquillement à abattre et à transporter les arbres l'échange et le char-gemt furent consommés. (Le P. Indarkan confia à M. de Scassi à son instance son fils et deux autres, jeunes-gens de ses parens pr leur faire voire la Crimée et S.-Petersbourg, d'après le projet du Duc de R. Mais le Duc étant parti pr Vienne M. de Scassi les a reconduits chez leurs parens après quelques séjour en

Crimée). Le 27 du même mois départ de Pschad. Trois jours après arrivée à Sevastopol.

M. de Seassi a continué ses liaisons amicales avec ce peuple et lui a fait passer du sel et des marchandises russes de première necessité pr lui afin de les détourner du commerce avec la Turquie. Tour les batimens munis de son *Pour-Kanak* bien accueillis.

En Mai 1815 un differend étant survenu entre la quarantaine du Boughase et les Sapsouks, ces derniers se preparaient à passer le Couban en grand nombre et tout le pays des Cosaques de la mer noire était en alarme. *Indarkou* avec ses amis et à ma demande interposa son influence pr arreter la greve; le G. de Borozdine Gouv. du pays qui fait frontière vint au Boughase à la sollicit de M. Scassi et tout fut arrangé à l'amiable il vit ce que pouv. Scassi sur les affaires du pays. Cette partie de la frontiere n'a jamais été plus tranquille.

L'amitié de ces peuples, la possib. de commercer avec eux. l'état de paix, l'avantage de couper chez eux des bois de construction d'une qualité que l'on ne peut trouver facilemt ailleurs, ... tout est l'ouvrage de M. Scassi.

Les Notokaigi, les Atokai, les Pschadouki et les petits Abazes sont tous dans les mêmes dispositions amicales envers la Russie.

Il faudrait de grands sacrifices en hommes et en argent pr détruire ces peuples et je ne crois même pas qu'on y parvint. Placés entre la Mingrelie, la Georgie et la Crimée, ils interceptent la communicat. entre ces div. provinces, ils occupent une armée dispendieuse par la crainte d'invasions imprévues si des forces imposantes ne leur étaient continuellemt opposées, Des expeditions contre eux ont été vainement tentées. Leur situation, leur pauvreté, leur sobriété, leur courage, la crainte que les Russes ne veuillent les chasser de leur pays pr les reléguer dans des déserts affreux, crainte qui leur a été insp. par les Turcs, toutes ces causes ont rendu les efforts contre eux inutiles. Si l'on eut été mieux instruit de leurs usages, de leurs habitudes, de leurs moeurs. on aurait tenté des moyens plus humains pr parvenir au même but.

Tous les hommes dès l'age de 13 à 15 ans jusqu'à la vieillesse sont accoutum, à porter les armes. La bravoure est chez eux la première vertu. L'éducat des enfans est toute dirigée de maniere a leur inspirer le plus grand courage, la sobriété, l'obeissance à leurs parens et le respect pr la la vieillesse. Ils n'ont que des usages pour lois, leur langue ne s'ecrit point. Les seuls arts pu'ils connaiss. ont rapport à leurs armes. et à l'ornement de leurs habits. Ils n'ont point de gouvernemt. Les Princes ont beaucoup d'influence sur le peuple, mais point d'autorité. Les propriétés y sont peu

distinguées. Leur religion est un mêlange de xanisme et d'idolatrie. Depuis quelques tems plusieurs Princes ont adopté le Mahométisme pr plaire aux Turcs; mais en général ils sont deistes. Ils n'ont ni prêtres, ni temples et les plus anciens sont ceux qui font la priére pr tous aux assemblées. Ils sont hospitaliers entre eux.

NB. Quel avantage n'y aurait-il pas de réunir a Sevastopol le chantier et l'arsenal sous une seule administ. et à quelques journées de forets inepuisables! La depense consider des chameaux deviendrait inutile...

Extrait abrégé. **Note sur les relations de Commerce avec la Circassie par M. de Scassi.**

Les causes de l'animosité des Circassiens contre la Russie sont 1° la mauvaise conduite des Cosaques Zaporogues et des autres employés du G^t envers eux. 2° la suite des guerres intérieures. 3° une prediction qui existe chez eux qu'ils doivent être détruits par la Russie. 4° les instigations des Turcs. 5° l'espoir de faire des prisonniers et rendre.

Les Schapsouks qui sont les plus pauvres des Circassiens sont les plus portés à faire des incursions. Le commerce seul peut détruire ces préjugés. C'est à force de se fréquenter que les hommes s'éclairent..,. Le momt est favorable pr les detacher des Turcs et pr les rapprocher de nous. La *peste* qu'ils viennent d'eprouver les y porte.

A la fin de 7bre 1816 j'ai fait rassembler sur differens points de Couban par le moyen de mes amis, les hommes les plus marquans. et ils m'ont paru très-disp. à changer de conduite envers la Russie et à prendre des engag. pr jouir du commerce limitrophe et se procurer ce qui leur manque sans être obligés de faire le sacrifice douloureux de leurs filles qu'éxigeut les Turcs. Qu'ils en avaient un exemple dans mon établiss. de Pschad etc.

Pour que ce commerce soit favor à l'état, il faut qu'il soit fondé sur es ppos suivantes.

1° le degagem. de toutes les entraves qui ne sout pas absolumt nécess. au salut public. 2° faciliter aux russes les moyens de vendre à meilleur marché que les Turcs et d'acheter les marchandises circass. plus cher qu'eux. 3° accorder des facilités aux M-nds russes pr qu'ils puissent être fournis de tout ce qui est nécess. à la consomm. du pays.

Des mesures prises sans doute pr l'avantage de la caisse des Cosaques ont défendu la liberté des *marchés d'échange*. On les à donnés à des entrepreneurs qui ont aussi acheté celui de l'eau-de-vie et des pêcheries. Ces entrepreneurs négligent le détail de ces marchés ils les reduisent au sel tandis que les Circassiens ont besoin d'autres articles: et le prix du sel

est porté par eux si haut, que let Circassiens préfèrent aller le chercher à une très grande distance de chez eux, à *Anapa*. Et cependant les Turcs doivent venir à très-grands frais de la mer de Marmara ou de la Natolie pour acheter le sel à Koslov et le transporter *à Anapa*. Néanmoins ils le leur vendent moins cher Par cette mesure on a brisé les liens qui pouvaient retenir les Circassiens dans notre voisinage et c'est ainsi que l'avarice mal entendue de ces entrepreneurs reduit ces peuples à se procurer par le brigandage ce qu'ils ne peuvent acheter avec leurs productions. Il est donc absolumt nécessaire d'avoir des marchés libres sur la frontière du Couban et surtout au Boughase.

La douane du Boughase doit aussi être abolie pour attirer les Circassiens qui vont se fournir à Anap qui n'est qu'à 45 verstes de distance et dont il est si interessant de les détourner è cause des liaisons qu'ils forment par là avec les Turcs. L'ouverture du porte de *Kertch* pr le commerce par mer de la Circassie, la libre entrée des produits Circassiens sont des mesures indispensables qui rapprochent de nous ces peuples. . . Mais ces mesures doivent être prises conformément aux loix de santé publique également surveillées le long des frontières du Couban, du Gt du Caucaso et à Kertch pour le commerce par mer. Tous ces points dépendants de differ. autorités il convient d'en donne. l'inspection générale à une seule personne qui puisse continuellemt se porter sur tous ces points... Il pouvait s'attirer facilemt la confiance de ces peuples qui verrait en lui le garant des intentions pacifiques de S. M

Les relat. comm. avec de pareils peuples sont difficiles à établir dans le commencemt. Ses productions n'offrent pas aux spéculateurs les mêmes avantag. que celles de Natolie dont l'abord est sûr et les affaires réglées . .. Ainsi jusqu'à ce que ces relations prennent un cours assuré, il faudrait permettre l'entrée des produits Circassiens sans droits. Le port de Kertch anciennemt le centre du commerce de tous ces peuples convient pr cela. Auprès existent des salines... Le Gt sans aug—ses dépenses peut accorder *à Kertch* pr le commerce les mêmes prérogati qu'à Koslov. La quarantaine éloignée de la ville de 6 verstes peut surveiller avec beaucoup plus de moyens et moins de risque qu'à *Kostow* les bâtimens revenant de la Circassie.

On exige maintenant que les bâtimens qui arrivent des ports de Circassie aillent décharger leurs marchandises à Kaffa et y faire leur quarantaine de 42 jours. On leur permet ensuite d'aller charger à Kertch les sels et autres marchandises. Il s'en suit qu'aucun Capitaine ne consent à faire ce voyage même pour le double de Nolis qu'il recevrait pr Constantinople. Aller et revenir de la côte de Circassie est un voyage tout au plus de 13 jours. Comment aller perdre 42 jours à *Theodosie* pour aller ensuite char-

ger à Kertch? S'il était permis de charger en quarantaine à Kertch comme à Koslov, les habitans de Kertch et de Jenikale employeraient leurs capitaux à ces spéculations...

Les apparences ne sont pas assez persuasives pr décider à ce commerce.... Les produits de Cirsassie ne sont pas assez considerab. et n'offrent pas assez de bénéfice pr venir par la route qu'elles doivent tenir d'après le système des tarifs et des localités. Ainsi il faut la libre entrée sans droits des produits de Circassie constatés par des certificats d'origine et sous pavillon russe, et aussi une diminution des droits de sortie sur les marchandises russes allant en Circassie.

Notes extraits du Memoire sur le Commerce du Bosphor Cimmér à Panticapé (maintenant Kertch).

Pierre le Grand avait d'abord choisi Asoff pour en faire le débouché ppal. du commerce intérieur de ses états, après la campagne de 1711 il rendit Asoff aux Turcs et le remplaça par Taganrok. C'était alors le seul point maritime de la Russie meridionale. Tous les pays qui l'environnaient et qui sont devenus des provinces russes étaient soumis aux musulmans. On ne peut rien conclure du choix de Pierre 1. Il était nécessité par ses frontières.

Depuis la possess. de la Crimée, du pays des Nogais, et de celui qui est occupé maintenant par les Cosaques de la mer noire, la mer d'Asoff est devenue une mer intérieure pr la Russie et les rives du Bosphore une de ses possessions. Peut on penser qne si Pierre le Grand eut possedé ces contrées, il eut fait ces établiss. à Asoff et ensuite à Taganrok? Le but de Pierre I était d'avoir un debouché pr les produits russes par la mer noire à l'extremité de ses Gt meridionaux. Et il aurait fait sans doute sur le Bosphore s'il l'avait possedé: il l'aurait fait ds ce lieu si celebre qui offre encore des vestiges de l'ancienne splendeur des villes situées sur ses bords, preuve incontestab. du commerce florissant qui s'y faisait... Pour envisager le commerce sur ce point, il ne faut que lever les entraves qui s'y opposent.

La mer d'Asoff perd journellement de ses eaux qui s'écoulent par le Bosph. Cimmerien. Elle n'est que par un seul grand fleuve le Don. Et cette mer autrefois la Palus Méotide d'après les cartes anciennes et la tradition, avait du tems d'Herodote au moins un . . . . . qu'elle n'en a . . . . . La plus grande partie de ces rivages sabloneux ou marecageux était il y a quelques siecles couverte par les eaux comme il est aisé d'un juger par le seul aspect de ses terres. A une distance assez con-

sidér les bords de cette mer sont si peu profonds que les plus petits vaisseaux ne peuvent y parvenir. lorsque les vents du nord soufflent avec violence, ils rechassent les eaux de la mer d'Asoff d'nne manière si prompte et si sensible que l'on voit quelquefois à quelques verstes des cotes une partie de cette mer absolumt desséchée. Depuis l'établ. de Taganrok les eaux se sont retirées sensiblemt. Les gros vaisseaux sont obligés de jetter l'ancre à 15 et à 20 verstes de la villes: les plus petits ne peuvent approcher qu'à 5 ou 6 verstes. Enfin les barques même destinées au chargemt des marchandises ne peuvent parvenir au mole: elles restent à quelques verstes et on y conduit les marchandises sur des chariots qui s'avancent dans la mer en colonnes mobiles à une distance effrayante à l'oeil et qui ne laissent pas sans danger d'avarie les marchandises qu'ils transportent. Il n'y a aucun doute que chaque année la mer d'Asof ne perde de sa profondeur. Ses eaux baissent journellemt. on découvre chaque jour des écueils nouveaux. Les bancs de sable varient et deviennent plus étendus. Les vaisseaux qui tirent plus de 12 pieds d'eau sont obligés de se faire suivre au retour de Taganrok par des *Lotki* (allèges) qui achevent de les charger à l'entrée du Bosph. vis-à-vis Kertch. Cette mer basse est en même tems très-orageuse. Les vents du nord y sont terribles, fréquens et dangereux. Les côtes sans abri et sans port, car Taganrok n'en est est pas un dès que les vaisseaux ne peuvent en approcher que de 15 ou 20 verstes, et même les plus petits sont obligés de rester dans une rade ouverte de tous cotés exposée à taus les vents et où même dans l'été le moindre ouragan offre le plus grand danger.

Pr l'abaissemt des eaux et l'ensablemt des côtes, le port de Taganrok est déjà devenu si encombré et si peu sûr, qu'il faudrait 8 à 10 millions pr le rendre praticable et ce ne pourrait être encore que pr peu d'années,

La mer d'Asoff n'est ouverte qu'au sud par le Bosphore Cimmerien, canal court, il est vrai, mais étroit dans deux endroits et surtout vis-à-vis de Nablocki Batterie (ne serait-ce pas Pavloski)? et de Jenicale: On parvient assez facilemt de la mer noire á Kertch, mais des l'entrée de la rade il faut d'autres Roumbs de vent pr entrer dans la mer d'Asoff. Il n'y en a que 12 sur 32 parlesquels on peut passer cette partie du Bosph. Par cette raison, on voit souvent des vaisseaux retenus des semaines entières dans les Bosph, vis-à-vis de Kertch... au retour les mêmes inconvéniens peuvent occasionner les même retards, et plus dangereux encore puisque si un vaisseau ne peut gagner la rade de Jenicale, il est forcé de louvoyer faute de port, au milieu des bancs de sable.

Les petites barques qui viendraient aisément et sans danger de Taganrok à Kertch peuvent difficilemt entrer dans la mer noire. Le voyage serait trop long et la navigat. ne serait pas sure pr elles, vû leur construct. et leur petitesse. Un vaisseau parti de Marseille au printems, s'il chargeait

en quarantaine à *Kertch* pourrait faire deux voyages tandis qu'il peut en faire à peine un seul en allant à Taganrok. (Il pourrait charger à Kertch en 2 jours tandisque souvent il lui faut un mois à Taganrok). Le Nolis doit être plus cher, l'assurance plus couteuse, le risque plus grand et beaucoup de tems perdu.

S'il n'y avait point de loix prohibit. contre le port de Kertch, des Commissairs établis dans cette ville, auraient des correspond. à Taganrok qui pendt l'automne et pendt toûte la navigat de cette mer, feraient transporter des grains et d'autres marchand. dans les magasins de Kertch. Les vaisseaux chargeant en 40e à Kertch courraient moins de risque, perdu moins de tems, les blés et les autres produite russes se vendraient plus cher, et les frais de transport par la mer d'Asoff seraient à l'avantage de la Russie . . .

Qu'on laisse au commerce la liberté de choix. Aucun—vaisseau n'entrera à Taganrok.

Le port de Kertch est un des meilleurs de la mer noire, même dans l'état où il est, et il deviendrait parfait avec peu de frais, si on relevait l'ancien môle dont on voit encore les débris à fleur d'eau. Il peut contenir 600 vaisseaux: il est à labri de tous les vents Il y a fond pr les plus grands batimens marchands qui peuvent y hiverner sur une seule ancre à quelques toises de terre. Le petites villes de Kertch et Jenicale sont à 8 verstes l'une de l'autre et habitées par des Grecs, partie de ceux qui y étaient du tems de Khans de Krimée, et d'autres arrivés depuis que l'Imp. Catherine leur donna de grands privilèges et leur accorda la liberté du commerce. Mais les circonst. et l'influence des administrateurs de Taganrok et de Theodosie, joints aux réglems de quarantaine qui ont succèdé, ont fermé tout à fait le port de Kertch, et il ne leur est resté que la pêche de la morue qui est une trop faible ressource pr les faire prosperer.

Un motif puissant doit decider le Gt a fermer l'entrée de la mer d'Asoff anx batimens en quarantaine et à ouvrir le port de Kertch; c'est l'impossb. de se garantir de la peste si elle était à bord de quelque vaisseau étranger. Comment snrveiller les gens de l'équipage et dans leur navigat. et à 20 verstes de terres, tandis qu'ils peuvent avec la plus grande facilité débarquer partout et pendt la nuit leurs marchandises défendues en corromptant quelque garde—côte et porter par là la peste en Russie, sans que la 40e de Taganrok puisse l'empêcher . . . A Taganrok, on charge le blé en 40e dans des sacs qui sont rendus par les matelots des batimens à ceux des barques qui les reconduisent à Taganrok pr les déposer en 40e Peut on prendre des précaut. assez rassurantes pr que ces barques qui chargent les batimens à 15 ou 20 verstes de terre et celles qui les suivent dans le Bosphore au détroit de Jenikalé, ne communiqt avec eux? La 40e

transp à Kertch, le danger diminue ou plutôt devient nul pr le centre de la Russie. Avant que la peste puisse dépasser la presqu'ile de Kertch et celle de la Crimée, on pourrait prendre des précautions faciles pr en garantir les provinces de l'intérieur, tandis que dans la mer d'Asoff elle pourrait être transp. très-vite au centre de l'empire.

La mer d'Asoff reduite au commerce de cabotage offrirait partout une communicat. libre et sans danger et le Gt épargnerait les depenses de tenir les gardes côtes de cette mer.

En établissant deux lignes de demarcation dans le Bosphore, l'une pour les batimens venant de la mer noire et qui doivent être observés les Bran vakts et une autre pr les batimens du cabotage venant de la mer d'Asoff, il y a peu de probabilité de communication, le chargement se faisant sous les les yeux de toute la 40e . Kertch offre toutes les moyens pr cela.

La suppression de la 40e à Taganrok rendra libre la navig. de la mer d'Asoff. Tous les bords de cette mer particables pr des *Lotki* se peupleraient de villages dont les habitans s'occuperaient à la culture tandisq. sont obligés maintent de prendre des routes éloignées, rencontrant mille entraves pr les transporter et les vendre à Taganrok, à cause des batimens en 40e qui se trouvent dans la mer d'Asoff. Les colonies de Nogais, des Mennonites, les steppes des Kosaq. de la mer noire qui tous produisent le plus beau blé, restent sans encourag. et leur agric. est négligée. Pêcheries des Kosaques de la mer noire presque aband. à cause des entraves aux qu'ils sont exposés à Taganrok pr noliser des barques et obtenir les permis nécessaires pr pouvoir charger leurs productions.

L'ouvert du port de Kertch ferait prospère tout le pays frontière de la ligne du Couban dont les habitans ne peuvent tirer parti de leur product. à cause de la difficulté des chemins et des grandes distances des lieux où ils seraient obligés de les transp. Mais un port se trouvant ouvert sur le Bosph. et le cabotage étant donne libre sur tous les points de la mer d'Asoff, ils pourraient à peu de frais les faire transporter par eau, ou par la ligne du Couban jusques au Bosphore surtout si la tranquilité s'établissait sur les bords de ce fleuve, ce qui aura lieu nécessairemt dès que le commerce sera établi avec les Circassiens.

Le navigat. du Couban peut s'etendre de Jegorovsky (ville de Gt du Caukase jusques à la mer d'Asoff et par une autre branche à la mer noire.

Il n'y a pas de points plus favorable que Kertch pr établir un com-

---

Des essais de culture de tabac à fumer ont prouvé qu'il vient parfaitemenl dans les beaux terrains de la presqu'ile de Kertch. Les grecs entendent trés-bien cette cultur et la prèparat. des feuilles.

merce avec les Circass. vû la proximité de leurs côtes et l'avantage d'avoir des salines. le sel étant l'article le plus important de ce commerce.

Taganrok ne peut que gagner à ce changemt. Les commettans qui s'y trouvent auront beaucoup plus de commiss. aulieu de faire embarq. les marchand pr les envoyer partie à l'entrée de la mer d'Asoff. ils les enverront en droiture à Kertch. Ces opérat. se multiplieront d'autant plus qu'elles peuvent avoir lieu pendt toute l'année Les barques peuvent naviguer ds la mer d'Asoff quand les gros batiment ne le peuvent plus, parce qu'elles tirent peu d'eau et qu'elles peuvent se refugier à terre et presque snr tous les points de la cote qui est partout sabloneuse ou à fond de vase. Le cabotage pourrait donc se faire dans le tems que les vaisseaux n'osent plus y entrer. Dans l'automne et au printems la mer d'Asoff n'est navig, pr les vaisseaux que pendt 7 mois, la mer noire l'est en tout tems. Les mag. de Kertch seraient pourvus des marchand. nécess. à la cargaisons des batims, dans la saison que la mer d'Asoff cesse d'être navigable.... On verrait bientôt sur cette mer au moins 1000 *lotki* pr le transport des march. ce qui ferait de 8,000 à 10,000 matelots qui pourraient servir dans l'occasion les vaisseaux de la Marine Imperiale. Il serait très avantag. d'établir sur les côtes de la mer d'Asoff et surtout près de Marioupol où il y a tant de terrains libre, des Colonies de matelots déstinés en tems de paix au cabotage et en tems de guerre à la *Marine Imp.* . . Ce serait une des meillcures écoles que le Gt put avoir.

On a eu tort de croire que Kaffa pouvait être le centre du comm. de la mer noire et de la mer d'Asoff car les lotki de la construct, dont ils doivent être pr le cabotage dans la mer d'Asoff, ne peuvent sortir du Bosph. sans courir beaucoup de risques et sont d'ailleurs souvent retenus par des vents contraires ne pouvant entrer que par des vents très-favor. leur construction plate ne leur permettant pas de louvoyer.

Kaffa ne pourra jamais être une grande ville de commerce à moins que le projet du Canal d'Arabat se réalise et pr l'entretien du quel il faudra des sommes immenses à cause des sables dont l'entrée serait continuellemt encombrée. Elle ne peut guere étendre ses speculat. qu'à la consommat et à l'export de la Crimée, ce qui ne sera considèr que lorsque la populat. parviendra au point où elle était dans les tems anciens et . . . . .

. . encore du tems des Gênois où on y comptait plus d'un million d'hab.

(Peterb. 20 juin 1821).

Note sur les relations de Circassie et l'etablis. du port de Kertch.

Jusques au commencement de 1811 toute la frontière des Cosaques de la mer noireétait sans cesse inquiettée par les Circassiens Schapsouks et Notokaigis, peuplades qui habitent les unes les plaines et les montagnes voisines du Couban, les autres la côte de la mer noire depuis les environs d'Anapa jusqu'à Nighipsowka. Les Princes Navrous, Pschimof, Calabatoglou, et les Princes Niméris ravageaient à cette époque tout le pays entre le Bougaze et Ekaterinodar, malgré les Cosaques et les régiments de ligne qui s'y trouvaient stationnés. Ces invasions continuelles décidèrent enfin les autorités à faire concentrer à une plus grande distance les malheureux habitans des villages situés sur les rives et aux environs du Couban [1]).

Les représailles entreprises à différ. époques contre ces peuplades n'eurent aucun succès, et en effet si l'on considère les avantages de leur position topographique, leurs habitudes guerrieres, et d'un autre coté leur pauvreté, il ne sera pas difficile de se convaincre que la guerre ne peut jamais se faire dans ce pays qu'au détriment de la Russie [2]).

L'aspect de cette partie du rivage de la mer noire qui s'etend depuis le Couban jusqu'au Phase, inspirait le plus grand effroi aux navigateurs qui devaient la cotoyer pour atteindre les bords de l'Anatolie, jusqu'alors aucun vaisseau russe n'avait touché volontairement cette côte inhospitalière. La mort ou l'esclavage était le sort au quel devait s'attendre le malheureux que le hasard livrait au pouvoir de ces barbares; aucune relation même n'existait avec eux pour leur rachat.

---

[1]) Cette mesure n'a fait qu'affaiblir davantage la frontière en laissant de grands vides libres au passage des circassiens pr. attaquer les villages de l'interieur.

[2]) A moins d'employer une grande armée et en possedant les cotes de la mer noire.

Tel était l'état des choses... lorsque par insinuation de M. le D. de Richelieu M. Scassi s'introduisit en Circassie et entama les relations amicales qui existent encore avec quelques peuplades de ces cotes redoutées. Son premier debut fut de detacher de la coalition des Princes qui combattaient alors pour la Turquie contre la Russie, Calabatoglou, Ismael Basech, Mouradin Bey, Gioupech-Oglou, tous princes Wotogaihis, qui depuis n'ont cessé de donner des preuves de leur fidelité à la Russie [1]).

Formation par M. de Scassi, d'un marché d'échange dans le port de Ghelendjek auprès des forteresses d'Anapa et Soudjoukalé... Ces forteresses évacuées vers la fin d'octob. 1812 en execution du traité de Boukarest. — Renouvellement des liaisons de ces peuples avec les Turcs... Suppressions des marchés d'Anapa et de Soudjoukalé... Scassi vou ait (?) tous ses moyenset parvint à établir encore un marché à Pschad. Les avantages que les Circassiens éprouvent en eloignent les Turcs des environs. Le P. Sirdar-Oglou et ses voisins se declarent les protecteurs de cet établiss... Le but de Scassi était de lier ces peuples à la Russie par la reconnaiss. et en les délivrant de la dure necess. de vendre leurs enfans aux Turcs pr. satisf. leurs besoins, en encourag. leur industrie etc.

Scassi leur fit la ppos. d'acheter les bois de construction de leurs immenses forêts... Echange utile à la Russie... Cette ppos. faite en 1813, accueillie par le Duc de R. contrariée par l'amirauté... Le Duc obtient un premier essai.—L'equipage du Danube accueilli des Circassiens... Bois meilleurs que ceux de Pologne employés à Nikolaeff et à Kherson. Durée des vaiss. serait presque double.

Tentative imprat. aupres du Min. de la Marine pour executer cette opérat. en grand.

En 1816 ordre de S. M. l. au Min. de la Mar. de seconder M. S. pour l'exploit. des bois de construct.

A cet effet on fit delivrer à M. Sc. 100,000 pouds de sel à 5 k., extraits des salines de Kertch; les frais de transport au rivage et en Circassie à sa charge. Ordres donnés aux Gouv. des ports de la mer noire de faciliter les operations... Malgré ces ordres, malgré la protect. du C. Langeron et l'assist. de l'amiral Greigh, M. Scassi n'a rencontré que des obstacles et des entraves, pr. embarq. ce sel M. de Sc. ayant peu à esperer du Minist. de la Marine pr. l'exploitation des bois et bien moins pr. le transp. de ceux qu'il possedait sur cette côte resultant de l'echange du sel et des marchan-

[1]) Ils ont ensuite attaché à la Russie Achiougerei Atokai Prince de Gilardjek, Sida Oglou Prince de Pschad qui est le protecteur de l'établissem. d'échange de M. de Scassi qui a aussi reconcilié avec le Gt. Narvous et Dolet Mourza, princes Schapsouk, très puissans.

dises envoy. à son etabl. de Pschad pensa au moyen de faire exécuter ce projet sans depend. de l'amirauté: il propose au Gt de former une flotille de transport[1]) pr. l'approvisionn. des forteresses et des garnisons de Mingrelie et de Crimée qui se trouvaient souvent manquer du nécessaire et pr. le quel il en coutait au Gt de 500 à 600 roub. annuellemt pr. le nolis de bâtimens étrangers convainc. les officiers se forment En même tems c'était un moyen facile de transporter les bois de Circassie après avoir debarqué les farines sur la côte voisine.—Le Minist. de la Marine n'ayant rien à objecter contre l'utilité reconnue de ce projet, l'attaqua et l' . . . . .son but en alléguant *le peu de confiance que permettait cette operation en exposant sur cette côte les officiers et les matelots russes, malgré l'amitié que quelques princes pouvaiént avoir pr. M. Scassi lui même.*—Les sacrifices personnels de M. Scassi ont entretenu ses relations avec la Circassie

Le sel de la Couronne se vendait en 1816 à 45c le poud à Eupatorie au bord de la mer sans autres frais. M. Sc. le demanda à Kertch où le transport au rivage en augmentait le prix à la verité de 10 à 15 kopek mais il paraissait plus avantag de le charger de ce port à cause de la proximité des côtes de Circassie, ne se doutant pas qu'il put être defendu de charger du sel en quarantaine sous la surveillance de celle qui y existe *d'observation*, quand au passage de Iénikalé à coté de Kertch, on chargeait et déchargeait du blé à bord des batimens en quarantaine, venant de Taganrok... Aucune facilité de la part des Gouv. de Taganr. et de Theodosie qui se partagent l'autorité sur la ville de Kertch.

Après avoir fait amener le sel à Kertch, M. de Sc. en fit transporter une partie à Kamichbou roun ensuite à Tarkbourou et Portokaravi. où les batimens qu'il a nolisés se chargeaient. Tous ces transports firent monter, le prix du sel à $27^1/_2$ k. par poud.

La position des Cosaques de la mer noire sur le Couban a été parfaitement tranquille depuis 1812 jusqu'en 1818 (sauf quelques petits vols particuliers)' et si le Décret de S. M. I. de février 1817 pour l'établissemt de Plusieurs Princes sur les rives du couban avait été secondé par l'ouverture des marchés. d'echange projettés par M. Sc. la tranquillité n'aurait jamais été troublée. Mais les Princesvoisins qui s'étaient laissés persuader convoqués aux assembl. de 1816 à Catherinodar. à Tchemolieza et au Bougaze pr. former ces établiss. se retirerent faute de l'accompl. des promesses qu'on leur avait faites et les malveillants de l'interieur excités par les Turcs—commencèrent à reprendre leurs anciennes habitudes de brigandage.

---

[1]) La flotille est comp. de 12 vaisseaux (bricks et corvetter) et 2 lotki ont couté ensemble 422,000 Rbl. Entretien annuel 82 et 85,000 y compris le radoub et les Equipag. de la flotte qui est sous les ordres du C. Langeron.

La cote de la mer noire qui même en 1811 était encore si dangereuse est devenue en partie hospital Indar — Oglou, Alhiangherey, Gioubech — Oglou, depuis Gheléndjik jusqu'à Soubech offrent toute sureté aux vaisseaux qui frequentèrent leur côte avec des adresses à ces princes pr. y faire le commerce: la reception amicale de ceux qui s'y sont presentés depuis 1811 en sont la garantie .. Naufrage de la Goelette de M. Scassi le 27/8^{s} 1820 à une époque ou toutes ces peuplades se plaignaient du manque d'accompliss. de ses promesses et de son absence... Pendt l'horrible tempete qui a arraché la goèlette à ses ancres, le P. Indar — Oglou pr. donner l'exemple, était avec ses fils dans un bateau, luttant contre les vagues pr. secourir l'équipage de la flotte qui la montait. Tous ceux qui étaient accourus sur le rivage se réunirent à lui. Après les avoir tous sauvés au péril de leur vie, ces Genereux Circassiens leur ont prodigué tous les soins possibles, les ont habillés, nourris et fait convoyer jusqu'à la frontière de Russie à travers leurs montagnes par des guides et des escortes qui ont eu méme à les défendre contre les Schapsouks [1]).

Pour atteindre le but qu'on se propose il faut se bien convaincre de la necessitè de leur oter toute crainte d'agression de notre part, et l'unique moyen d'y parvenir est de ne fonder d'abord que des établiss. commerciaux: que l'on fortifierait ensuite dans la vue apparente de proteger les Circassiens contre les invasions de leurs voisins... Le marché d'échange à établir au Bougase est indispensab. pr. detourner les Circassi. du commerce d'Anapa forteresse qui n'est eloignée que de 45 v.

27 prisonn russes rachetés au mois de X^{s} 1816 en partie pour des marchandis... 8850 R. M. Scassi fait monter la totalité de ses dépenses pr. l'établiss de Pschad à 157,721 Rs. La Goèlette est estimée 28,745 Rs.

[1]) Rapport de l'officier qui commandait la Goèlette.

Note sur les Abazes.

Le pays des Abazes dont la ville principale s'appelle Abazar, soit Souhoumkalé est nne ville ou il y a beaucoup de turcs, les Batiments de cette nation y vont pour traiter l'achat des Esclaves, ce commerce, et celui des Bois de noyer de Buis. et de Pelleteries est le seul d'Exportation on y importe quelques pieces de matieres de Coton, et de quincailleries quelque peu de Sel, et de fer. La Religion d'après ce qu'on peut en juger approche beaucoup de la Chrétienne, ou au moins ils en ont une teinture Ils font les Fêtes de Pâques, prient pour l'Amour de Dieu et de la Vierge. Tout ce qu'on peut remarquer dans les Fonctions Religieuses c'est que dans le mois d'Avril, ils gardent des Oeufs qu'ils colorent avec des Ecorces de Bois, ils font un Sacrifice, c'est à dire ils tuent un Boeuf ou un Agneau suivant leurs moyens, ils le mettent bouillir dans une chaudiere; quand il est cuit, on en tire deux ou trois morceaux, suivant le nombre des personnes qu'il y a, ils le mettent sur une table ronde basse à la turque avec dn Maïs cuit bien dur et on le met sur la même table et on en fait plusieurs portions ils prennent après autant de Couteaux qu'on a fait de portions; La Maitresse de la Maison fait sortir tout le monde excépté deux domestiques dont une femme et un homme. Elle prend d'une Gourde du vin dont Elle remplit un Gobelet dc Bois Elle adresse après une priere a Barbenuss et Ausinus [Dieu et la Vierge] quand elle a fini Elle fait une Croix avec le Couteau sur la portion déstinée au Maitre de la Maison, qui est la plus grande de toutes tant en Maïs qu'en Viande. Elle coupe ensuite deux morceaux de cette portiou d'environ deux pouces prend un verre de vin fait en-core une priere et jette le vin sous la table sous la portion du Maitre, ouvre la porte, le monde entre et de cette portiou on donne un petit morceau à chacun des Domestiques. Le Sacrifice fini on commence à manger.

Dans tous les Pays des Abazes il n'y a qu'Abarar soit Souhoumkalé de ville, tout le reste du Pays sont des Maisons éparpillées a trois ou quatre ensemble a la distance d'une ou une lieue et demie. Ils sonttous Ennemis les uns avec les autres; dix, vingt ou quarante Familles out un chef qu'ils appellent Aga, et ces chefs se font la guerre entre eux; si on en attrappe quelqu'un du parti contraire ou le fait esclave, et la rançon est de un, deux, ou trois suivant l'age du prisonnier, ou une portion équivalente en Mouton; quelque fois cinq ou six chefs fout alliance ensemble offensive et

défensive qui est très stable et qui va de pere en fils. On traite la rançon des prisonniers en nombre égale en Conseil, et ils sont toujours armés, une fois délivrés, ceux chez qui ils étaient escortent le prisonnier jusque chez lui.

Un Aga quand il voyage peut même aller chez les Ennemis, pouvu qu'il ait une certaine Escorte qui atteste Sa Dignité et alors il est réspécté. Souvent sept a huit Agas se rassemblent avec leur Gens et vont faire des incursions chez les voisins. Bien souvent dans l'hyver ceux de la Montagne descendent pour mettre des impositions en Bestiaux sur ceux de la plaine a côté de la mer ; si ces impositions sont payées on respecte les Gens, en Cas contraire on se bat et chacun use des droits de la Guerre.

Ils agissent envers les Circassiens et les Mingréliens comme entr'eux c'est a dire qu'ils se font la Guerre, traitent et s'arrangent ensemble pour piller leurs Compatriotes.

A l'occasion de la mort de quelqu'un, les parents du mort jettent de grands Cris, exposent le Cadavre sur une planche dans sa Maison, on l'habille s'il a des habits et on lui met les Armes. Il reste exposé jusqu'à ce qu'il ait été visité par les parents chaqu'un desquels apporte de quoi faire un Sacrifice s'il en a le moyen, l'Exposition dure deux ou trois Jours ensuite on l'apporte a la Sepulture accompagné par les Parents qui font de grands cris et Gemissements. Ils ont un Cimetiere où y met une grande pierre dessus et une droite a la tête a la façon des Turcs; Les Parents retournent à la Maison, font cuire les Sacrifices et les mangent Autant de Sacrifices ont été portés autant doivent être mangés et chaqu'un retourne chez soi.

Hors les Sacrifices ils font très mauvaise chere ils ne mangent que du maïs, qui doit être le Gom de Mingréliens ils ne sont point Cultivateurs tout se borne a la Culture du Millet. Maïs quelques haricots, petites fèves et quelques Oignons ; mais pas plus que ce qui leur est absolument nécéssaire pour leur entretien. Il y a toute Sorte de fruits qui y viennent spontanément, ainsi que du bon raisin, dont on ferait de l'excellent vin, s'ils savaient le travailler ; ils font le viu de cette maniere : on coupe un arbre a la Longueur de 5 ou 6 pieds et de deux a 3 de Diamétre, on le creuse et on y fait un trou a un des Bouts, on y met le raisin on le foule avec les pieds, et le vin qui sort par le trou est reçu dans des outres et on le transporte chez eux ou il est mis dans de grands vases de terre qui sont entérrés et ou les couvre avec des branches de bois, Le vin est fait sur la place et a mesure que le raisin est cueilli. Le terrain est excellent beaucoup de Bois où on trouve le Buis, le noyer, le noisetier, le pommier le poirier, le cerisier, le figuier, le pêcher et le Murier Et tout y vient sans culture ; les vignes se lient aux Arbres et y montent, Les peuples sont très paresseux. Il y a un Aga chef du Canton qui est choisi par dix ou douze autres

Agas du même Canton et qui s'y soumettent pour la justice il a la puissance Souveraine, droit de vie et de mort; Les Agas qui l'ont élu forment son Conseil, il ne peut rien faire sans son Consentement et on peut proprement dire quil n'en est que le président C'est lui qui decide la Guerre. Ils n'ont aucune Idée de lire et d'écrire Ils aiment beancoup les Armes mais ils ne savent pas les manier Elles leurs sont fournies par les turcs.

Les Habitants sont esclaves de leur Aga; ils ne peuvent travailler pour eux qu'après avoir fini pour leur Aga. Aucun n'a de terrain en propre Il est distribué par l'Aga Juge assisté de sou Conseil chaque année au temps d'ensemencer et le produit du travail est respécté par les habitants du Canton ainsi que le terrain qu'on a eu pour cette année. Les Agas alliés se pretteut même les Gens entre eux s'ils en ont besoin.

Soit les Agas ainsi que les Esclaves vont presque nus faute d'habillements, Ils se font un habit qui va jusqu'aux Genoux et un pantalon a la turque de toile de Coton c'est la Garderobe du plus riche il y a quelques Aga qui n'ont qu'une chemise.

Leur Caractere est très doux, très humain envers les prisonniers qu'ils font et qui sont considérés a peu près comme leurs Sujets. Les maisons sont en branches d'arbres ceux des Sujets non mariés qui veulent rester chez le seigneur en sont les maitres ainsi que de se placer dans la maison qu'ils veulent; ils couchent tous pêle-mêle par terre.

Ils ne connaissent d'autres nations que les russes et les turcs les derniers sont aimés et respéctés parce qu'il achettent leurs Esclaves. Les Agas ne peuvent vendre que les prisonniers, mais pas leurs Sujets sans leur Consentement qu'on obtient très facilement.

Въ Архивѣ Общества нашлось слѣдующее письмо Османа Паши, нѣкогда командовавшаго Молдавской арміей; повидимому, оно относится къ 20-мъ годамъ XIX в.

Muctar aga sujet Ottoman a à recevoir de Zafiropoulo habitant en Bessarabie le somme de 10000 Piastres, pour la quelle Zocimo domicilié a Folesti est caution. Le Divan de Moldavie a invité a plusieurs reprises ce dernier a venir dans cette ville pour satisfaire Muctar aga ou bien pour nommer un procureur fondé de ses pouvoirs à cet effet, néanmoins aucune reponse de Sa part n'ayant paru jusqu'à ce jour, le Divan de Moldavie dans un rapport qu'il vient d'adresser au Caïmacanat represente que le sujet Ottoman étoit manifestement lesé par ce retard en cas que Zocimo persiste a ne pas nommer un Procureur a l'effet de retirer de son Magasin des Marchandises Equivalentés à la créance de Muctar; alors on procédera indispensablement à l'ouverture de ce Magasin, ce qui est confirmé aussi par la pièce ei jointe.

En conséquence votre Excellence est priée de tenir la main a ce que ustice soit rendue au reclamant. Au reste j'Espere qu'Elle voudra bien ne pas m'oublier.

Osman Pacha à deux queues et Commandant de l'armée de Moldavie.

Отъ Кишинева до Калуги въ 1833 г.

(Письмо Инспектора Калужской (а раньше Кишиневской) Семинаріи Игумена Антонія Жумина къ А. И. Бѣлюгову).

30 августа 1833 г.

Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ!

Еще милостивъ Господь ко мнѣ, что живу доселѣ! Круглый годъ миновалъ и можно сказать, что я уже житель Калуги. «Видно хорошо ему, что молчитъ»,—такъ, безъ сомнѣнія, не разъ говорили и Вы. И правду сказать, что тужить нѣтъ о чемъ. Радостно, когда минуешь напасть; а когда найдешь пристанище, то и желать болѣе нѣтъ чего. Но почему бы не писать?—рѣшительно и самъ не знаю; хотя совершенно увѣренъ, что и собственная радость, и благо, полученное уже,—опутительнѣе для насъ же, когда другіе съ нами раздѣляютъ наши чувствованія, наше благо. Въ дорогѣ не безъ приключеній; но я выжидалъ, чтобы встрѣчавшееся поустарѣло нѣсколько, пообтерлось. Не хотѣлось тотъ часъ говорить, чтобъ не сказать не заслуживающаго вниманія вашего; потому, что въ дорогѣ одинъ; а въ такомъ случаѣ и кустъ, и муха иногда много занимаютъ. Если удалить всѣ украшенія, то останется сухой маршрутъ, который можно видѣть на всякой картѣ. Здѣсь, какъ и вездѣ, бываетъ что-либо—свое; можетъ занимать только своихъ же. Надобно сказать и то, что я, какъ существо отрѣшенное отъ многихъ отношеній, общихъ людямъ, оторванный въ одномъ мѣстѣ. не приставшій въ другомъ, *безъ причта рода*, — ѣхалъ безъ цѣли, живу безъ желаній. Въ такомъ случаѣ, еслибъ что-либо долженствовало занимать сію странническую душу, то развѣ по самымъ частнѣйшимъ, индивидуальнымъ какимъ-либо отношеніямъ, которыя по сему ни къ кому другому не могутъ относиться. Но между тѣмъ думаю, что и малѣйшее должно же, какимъ бы ни было образомъ, относиться къ цѣлому, и все должно служить къ тому, чтобъ составить нѣчто одно, гдѣ нельзя разрывать на куски безъ того, чтобъ не вышло безсвязности, безпорядка. Если къ сему присовокупить *контузію*, полученную мною [1]), то

---

[1]) Разумѣется причина, изъ-за которой авторъ былъ переведенъ изъ Кишинева въ Калугу.

согласитесь, что мнѣ не менѣе сего времени требовалось для поправленія. А теперь?— какъ кажется мнѣ, все зажило; а у Господа милость велика, и упованіе непосрамительное есть. По крайней мѣрѣ, такъ говоритъ мнѣ внутреннее чувство и особенно сегодня. Однимъ только хочу предварить Васъ, чтобы вы не ожидали отъ меня особенныхъ приключеній, ни новостей. Одно только имѣю въ виду, чтобъ Вы могли что-нибудь узнать о состояніи души Вашего грѣшника со времени разлуки съ Вами. Если представится что-нибудь для Васъ занимательное, то это будетъ зависѣть только отъ Вашего расположенія ко мнѣ, которымъ я всегда пользовался и котораго никогда не могу забыть.

Вступленіе. Невѣдомо, простился ли я съ Вами, или нѣтъ; въ записной книжкѣ въ заглавіи стоитъ *Оницканская станція* [1]). Почтеннѣйшій спутникъ, сопровождавшій меня до Днѣстра по своему усердію, или (какъ оказалось потомъ) ѣхавшій на какое-то слѣдствіе, воспрянулъ недалеко отъ *Криулянъ* [2]) и, вспомнивъ, что за недѣлю предъ тѣмъ какой то посессоръ, или прикащикъ приглашалъ къ себѣ, велѣлъ остановиться возницѣ и—воротились въ деревню [3]), которую оставили было далеко за собою. Это было на разсвѣтѣ. Какъ звать, не знаемъ; надобно было смотрѣть, гдѣ лучшій домикъ. Долго стучались въ одномъ и прислуга встревоженная, въ открытое окно повѣстила, что *Боіеруль* [4]) нѣтъ дома и что онъ не тотъ, кого спрашиваютъ подорожніе. Въ другомъ домѣ также въ окно отвѣчали, что въ немъ живетъ старая *кукона* [5]) и почиваетъ. Ретирада. Въ Криулянахъ надобно было отдохнуть; а прозябнувши за ночь, проспали часу до 1-го. *Парѝнте* [6]), у котораго остановились, спасибо, приготовилъ ухи стерляжьей и мы, поукрѣпившись, могли торжественно въѣхать въ *Дубоссары* [7]), т. е. въ открытыхъ экипажахъ, въ орденахъ и, разумѣется, прямо на дворъ къ Протоіерею, съ которымъ, по елику давно видѣлись и полагали, что ему неизвѣстны наши добродѣтели: то и нужно было доказывать свою непорочность и невинность, а для того, очевидно, надобно было излагать весь ходъ дѣла и процессъ. Между тѣмъ я, отъ нечего дѣ

---

[1]) Это—первая станція по дорогѣ отъ Кишинева въ *Дубоссары*.—*Оницканы*—село *Оргѣевскаго* уѣзда, Бес. губ., въ 27 верстахъ отъ Кишинева, при р. Днѣстрѣ.

[2]) *Криулянъ*—мѣстечко, тоже при Днѣстрѣ—въ 40 верстахъ отъ *Кишинева*. Это одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ Бессарабіи мѣстечекъ по торговому значенію.

[3]) Эта деревня, очевидно, *Слободзія-душка*—въ шести верстахъ отъ Криулянъ.

[4]) *Боіеруль*—молд. слово—значитъ *господинъ*, *баринъ*.

[5]) *Кукона*— госпожа, барыня.

[6]) *Парѝнте*—отецъ, *батюшка*, священникъ.

[7]) *Дубоссары*—заштатный городъ, Хер. губ., при Днѣстрѣ, уже на лѣвомъ его берегу,—принадлежалъ въ 1832 году еще къ Кишиневской епархіи—вмѣстѣ съ г.г. *Тирасполемъ*, *Аккерманомъ* и *Одессой*. Только въ 1837 г. онъ отошелъ къ епархіи Херсонской.

лать, поэкзаменовалъ дѣтей въ чтеніи, письмѣ, шитьѣ, въ игрѣ на гитарѣ, освидѣтельствовалъ принадлежности учебныя и проч., благословлялъ лучшими женихами. Можно думать, что все было убѣдительно: потому что не обошлось безъ пробошниковъ и шипучаго. Кто горевалъ о прошедшемъ, а кто воздыхалъ о будущемъ невѣдомомъ, наконецъ всѣ растроганы были и расплакались. Изъ жалости трудно было усѣсться въ экипажахъ. Но еще нужно было окончательно проститься. Для сего избранъ высшій пунктъ на горѣ. Здѣсь можно было еще разъ взглянуть на Днѣстръ и горы по ту сторону, хотя онѣ и довольно тускло, какъ сквозь сѣтку, представлялись въ то время. Не могу сказать, какъ трогательно было послѣднее прощанье; а только послѣ сего пункта я увидѣлъ станцію *Ягорлицкую*, гдѣ и ночевалъ.

Барологія. На сей же станціи съ вечера повѣяло съ запада и пошелъ небольшой дождикъ, такъ что утромъ довольно росно было. Другой—съ чрезвычайною грозою, которая причинила много опустошеній въ Полтавской губерніи,—начался съ *Песчанаго Броду* и сопровождалъ до *Елисаветграда*. Третій изъ *Курска* всю ночь. Четвертый въ *Козельскѣ* и до *Перемышля*. Во всѣ прочіе дни стояла погода ясная и теплая. Иногда зной былъ нестерпимъ такъ, что и ямщики дремали.

Топографія. Самая большая возвышенность по Балтской дорогѣ изъ Дубоссаръ; другая меньшая — подъ *Крюковымъ* надъ Днѣпромъ, начиная отъ *Александріи*. Картинное мѣстоположеніе отъ Балты до *Кривою озера*, гдѣ идетъ дорога по широкой долинѣ, между возвышенныхъ холмовъ; селенія большія и частыя, поля хорошо обработаны и богаты. Отъ *Ольвіополя* до *Кременчуга* виды болѣе степные. Отсюда до самаго *Бѣлгорода* довольно картинно; но самыя лучшія мѣста — до *Полтавы*, гдѣ необозримая равнина опоясывается съ одной стороны небольшими пригорками: селенія большія, такъ въ *Решетиловкѣ* церквей съ 5. Повсюду рощи березовыя и сады. Вообще отъ Днѣпра чѣмъ далѣе, замѣтно болѣе сырости, воды вездѣ, болѣе зелени и лѣсковъ. *Полтава*, *Харьковъ* и *Курскъ* расположены на возвышенностяхъ и окружены рощами. Въ Курскѣ много садовъ. *Орелъ* стоитъ почти на ровномъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ Оки. Въ Кременчугѣ, Харьковѣ, отсюда на одну станцію, а также отъ Перемышля до Калуги—большіе пески.

Почта. Отъ Дубоссаръ до Балты дорога извѣстна, исправность порядочная, давали и курьерскихъ. Отъ Балты до Ольвіополя трактъ частный, содержатели—помѣщики. Люди и лошади—ихъ. Народъ неотесанный, неповоротливый; лошади замученныя. Отъ Ольвіополя до Кременчуга лошади лихія, и народъ такъ же, какъ и до Балты степной, живъ и удалой. Отъ Кременчуга до Харькова опять помѣщики, свой народъ и лошади измученныя. Здѣсь особенное злоупотребленіе—станціи отдаются жидамъ; заведено, чтобы ямщикъ, привезшій пассажировъ, въ то же время и на тѣхъ же лошадяхъ везъ бы новыхъ путешественниковъ до своей станціи.

Отъ сего бываетъ, что лошади стаютъ. Для сего на станціяхъ въ половину только держатъ лошадей противъ законнаго числа. Отъ Харькова трактъ большой до Орла: но гоньба большая; непрестанно разъѣзжаютъ большіе экипажи и забираютъ всѣхъ лошадей. Здѣсь большею частью ямскіе возятъ. До Харькова нѣтъ порядочныхъ станцій. Отселѣ часто можно видѣть нарочно выстроенныя станціи со всѣми принадлежностями и весьма покойныя—для всякаго рода путешественниковъ; нѣсколько комнатъ свѣтлыхъ, приличная мебель—диваны, столики, стулья, зеркала, часы, стѣны росписаны. Станціонные писаря и смотрители въ вицмундирахъ и преучтивые. Какая противоположность съ лачугами въ станціяхъ жидовскихъ, гдѣ деревенскій мальчикъ или поселянинъ—босой, съ грубою миною беретъ подорожную записывать! На требованіе, вмѣсто отвѣтовъ пробормочитъ что-нибудь со всею малороссійскою флегмою — и былъ таковъ. Здѣсь напротивъ стараются предупреждать желанія проѣзжаго.

Хозяйственная часть. Начиная отъ Ольвіополя до Александріи военныя поселенія, въ селахъ чистота, опрятные домики, индѣ деревьями насажены бульвары, гумна полны хлѣбомъ, особо сложеннымъ за селомъ, гдѣ и амбары большіе построевы. Всѣ жители работаютъ вмѣстѣ, подъ надзоромъ офицера, вмѣстѣ пашутъ, сѣютъ, собираютъ. Каждому выдается паекъ и для сего ведется журналъ. Сказывали, что лѣнивыхъ и бездѣльниковъ нѣтъ. Дай Богъ! Странно было видѣть на полѣ въ работѣ стариковъ и мальчиковъ въ фуражкахъ военныхъ... Въ Полтавской губерніи замѣчательнѣйшія деревни Кочубея. Всѣ домы выстроены въ двѣ линіи по обѣимъ сторонамъ дороги, по одному плану такъ, что три окна на улицу, а прочіе—во дворъ, сарай, гумно для хлѣба, садикъ; отъ одного домика до другого палисадикъ плетневой и деревья. Въ концѣ села — церковь, красивая. Въ народѣ вообще замѣтно довольство и живая радость. Работы распредѣлены такъ, что прежде—помѣщичье, а потомъ свое, дѣло горитъ, только слышишь вездѣ пѣсни. Когда я проѣзжалъ, сѣно было собрано въ самое лучшее время и преисправно.—Отъ Харькова поля вездѣ покрыты рожью: ѣдешь, какъ въ лѣсу. Почти не видно мѣстъ пустопорожнихъ; все поле кажется одною нивою, по которой мелькаютъ волны колосьевъ. Сѣнокосы только въ лѣскахъ. Причина та, что скота мало. А лошадей большею частью кормятъ овсомъ. Любо смотрѣть было, какъ по одну сторону волнуется хлѣбъ зрѣлый, а по другую вездѣ раскиданы земледѣльцы съ сошками и лошаденками. Пашутъ мужчины и женщины, мальчики. Кажется нимало нѣтъ покою землѣ. Одинъ хлѣбъ собираютъ, а другой взошелъ. Сѣютъ весной, сѣютъ лѣтомъ и осенью и по нѣскольку разовъ. Чѣмъ ближе къ Москвѣ, урожай небогатъ; много песчаннику, мѣста низменныя, частые лѣса. Колосья небольшіе и мало зернистые. Впрочемъ, то, что сюда хлѣбъ привозятъ ежегодно изъ Орловской и другихъ губерній южныхъ, показы-

ваетъ болѣе потребленіе его большое, нежели дѣйствительной недостатокъ. Многолюдство и плодотворность большая. А на вино и квасъ идетъ почти столько же хлѣба, сколько съѣдаютъ. Отъ Кременчуга начинается аллея березъ и вербъ по дорогѣ почтовой. Въ городахъ мостовыя, даже и въ уѣздныхъ. Отъ Балты до самаго Кременчуга непрерывные ряды возовъ съ лѣсомъ всякаго рода Много досокъ, шелевокъ и балокъ везли въ Кишиневъ. Отъ Харькова безпрестанно встрѣчаются подводы съ хлѣбомъ, съ кожами, волною; а къ Харькову одноконныя повозки—съ лыкомъ, рогожками и купеческимъ товаромъ. По рѣкамъ много заводовъ помѣщичьихъ, бумажныхъ, полотняныхъ фабрикъ, мукомольныхъ, чугунныхъ По Окѣ изъ Орла въ Волгу много ходитъ барокъ и струговъ съ хлѣбомъ и лѣсомъ.

Геодезія. Со всего видно, что возвышенность Дубоссарская есть отрасль Карпатовъ, которыхъ отрасли простираются до Днѣпра. Здѣсь упираются горы, какихъ далѣе не видать. Кажется, отъ Днѣпра до самой Волги одна равнина и можно полагать, что это должно быть мѣсто самое низменное въ Россіи. Здѣсь рѣки ходятъ взадъ и впередъ, какъ Ока, Семь и др. Чѣмъ ближе къ истоку Днѣпра и Волги, тѣмъ болѣе водъ и озеръ. Грунтъ песчаный показываетъ, что все сіе пространство земли, если не было когда-нибудь дномъ обширнаго моря, то, по крайней мѣрѣ, долго оставалось подъ лѣсами и всегда было топко.

Этнографія. До самаго Кременчуга не видно опредѣленнаго характера, кромѣ отъ Балты до Ольвіополя, гдѣ была прежде граница Польши и Татаріи, видна нѣкоторая осѣдлость и людскость. А прочія мѣста сильно пахнутъ жизнью степною. Народъ все пришлой, выходцы всякіе. Очень замѣтна смѣсь польскаго, жидовскаго, малороссійскаго и казацко-ногайскаго. Въ дѣйствіяхъ видно, какъ будто живутъ не имѣя осѣдлости, какъ будто на чужой землѣ и не надолго. А разнообразіе свойствъ и характеровъ не изобразимое. Я думаю, что современемъ всѣ сосредоточатся въ одномъ; но надобно, чтобы одинъ возгосподствовалъ. Замѣтно подражаніе всему русскому: но великороссіянъ немного въ сравненіи съ прочими. Здѣсь есть много поселеній Волоховъ и Черногорцевъ изъ давнихъ временъ. Военныя поселенія хорошо для сего годятся, если только распространится кругъ ихъ. Въ Кременчугѣ малороссійская простота и честность нѣсколько захватила постороннаго; но, по крайней мѣрѣ, духъ народный господствуетъ и постепенно ощутительнѣе къ Полтавѣ. Какая-то осторожность и недовѣрчивость при добродушіи. Это, кажется, слѣдствіе обстоятельствъ всей націи по мѣсту, какое она занимала въ отношеніи къ сосѣднимъ государствамъ. Отъ Харькова до Орла опять смѣсь малороссійскаго и казацкаго съ великорусскимъ. До Бѣлгорода тоже добродушіе, но болѣе радушія и рѣзвости, нежели въ Малороссіи. Въ Курскѣ, кажется, центръ этого смѣшенія.

Въ Орлѣ перевѣсъ русскаго. Въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ господствующій духъ коммерческій и жалуются на недостатокъ честности. Замѣчательно, что въ Калугѣ называютъ жителей Орловской и Курской губерній *хохлами*; а слово Малороссія относятъ не къ жителямъ, а къ мѣсту. И дѣйствительно, здѣшній народъ выражаетъ въ характерѣ нѣчто особенное, чего нельзя видѣть въ Орловской и далѣе къ югу. Это особенное должно составлять, кажется, собственно черту русскую. Какое-то внутреннее самодовольство, похожее на безстрастіе—это главная черта. Отъ сего и другая также общая—благость въ отношеніи къ другимъ. Радуются болѣе внутренно, дѣлаютъ добро безъ корысти, какъ будьто это естественно имъ. Все это внушаетъ, что народъ—господствующій, вѣковой, что общежительность и домоводство издревле утверждено въ семъ краю. Если и мимоходомъ смотрѣть, то представляется бытъ не совсѣмъ удаленный отъ временъ патріархальныхъ. Сказанное Геродотомъ о Гипербореяхъ или Арамѳіяхъ блаженнѣйшихъ не совсѣмъ кажется несбыточнымъ. Замѣчательно сходство съ болгарами даже въ костюмѣ. Только сіи, кажется, живѣе, какъ южные, и расчетливѣе, какъ находящіеся подъ игомъ. А въ тѣхъ болѣе довѣренности и прямоты. Безусловное повиновеніе съ примѣтнымъ удовольствіемъ, а въ особенности преданность вѣрѣ — черты болѣе общія и видныя. Здѣсь каждый городъ тоже, что Кіевъ. Разовъ нѣсколько въ годъ собираются со всѣхъ деревень для богомолья. Кажется, все время раздѣлено на двѣ части, или работаютъ, или молятся. Послѣднее превратилось какъ бы въ инстинктъ, или машинальность. Не только въ домахъ непрестанно, въ церквахъ ежедневно,—даже по улицѣ идучи молятся, крестятся противъ всякой церкви всякій разъ, при звукѣ колокола, обнаживши голову. Подаянія и пожертвованія на церкви не имѣютъ мѣры. Особенное удовольствіе находятъ видѣть церковное благолѣпіе; а потому не допустятъ, чтобы зданіе, или утварь доходили до ветхости. Часто случается видѣть, какъ иной по площади бредетъ еле живъ, и во всю глотку поетъ концертъ, который слышалъ въ обѣдней. Это особенно случается ночью, когда онъ никого не видитъ и думаетъ, что онъ одинъ на свѣтѣ Впрочемъ, должно сказать, что и шалостей нѣтъ особенныхъ; полиція остается совершенно праздною. Весьма часто и днемъ ходятъ по улицамъ на веселѣ; но всегда поютъ и почти никогда не дерутся. Это кажется главною причиною расколовъ. Замѣчательно, что большая часть старовѣровъ.

Церковн. Исторія. Доселѣ можно насчитать нѣсколько градусовъ постепенности, съ какою религіозность становится ощутительнѣе по мѣрѣ удаленія къ сѣверу. Если положить, что въ молдаванахъ она нимало не раскрыта, или подавлена совершенно, то отъ Днѣстра до Днѣпра замѣтно болѣе неуваженія, нежели невѣжества. Отсюда до Курска умѣренное рас-

положеніе. А здѣсь—какъ бы главную обязанность она составляетъ—не только въ низшемъ классѣ, но и высшемъ. Церквей много и ежедневно полны. Непрестанные молебны. Умилительно видѣть, какъ начальникъ губерніи съ семействомъ, съ дѣтьми малолѣтними приходятъ къ заутренней еще до начатія служенія, какъ дамы разодѣтыя легко и часто кладутъ поклоны земные. Замѣчательно, что частыя сношенія съ духовными особами, бесѣды о духовныхъ предметахъ и притомъ разсужденія о важныхъ вещахъ, относительно религіи или благочестивой жизни—составляютъ предметъ щегольства,—для дамъ въ особенности. Во всѣ посты пріѣзжаютъ графини и княгини изъ деревень говѣть въ монастыряхъ. Много есть причинъ побудительныхъ, согрѣвающихъ сіе чувство. Есть мощи по городамъ св. угодниковъ русскихъ, а болѣе—образовъ чудотворныхъ. Много праздниковъ мѣстныхъ въ воспоминаніе событій какихъ-нибудь. Для сего часто бываютъ крестные ходы. Притомъ и духовные не лѣнятся. Въ Калугѣ заведено два раза обходить городъ въ годъ: 2-го Сентября—въ воспоминаніе избавленія отъ язвы, бывшей въ Москвѣ за 50 лѣтъ, и 12 октября, за избавленіе города отъ нашествія французовъ. Преосвященный со всѣмъ духовенствомъ и весь городъ выходитъ, позади ряды экипажей. Стоитъ, чтобы видѣть такое ополченіе. Духовенство—образованное, живетъ не богато, но достаточно и весьма прилично; такъ что священникъ каждой церкви въ храмовой день не стыдится пригласить къ себѣ на чай Преосвященнаго и губернатора съ семействомъ. Домы большею частью церковные и въ два этажа. Можно и то отнесть къ причинамъ религіозности, что здѣсь вовсе нѣтъ иностранцевъ; нѣтъ такихъ, которые возмущали бы мысли толками. Отъ сего мысли и нравы одни, общи, составляютъ какую-то цѣлость. Невольно иногда думаю, грѣшный, не пришло ли уже царствіе Божіе? По крайней мѣрѣ можно сказать, что это царство вѣры, или вѣрующихъ.

31-е Августа.

И ученики семинаріи на науки смотрятъ, какъ на предметъ не религіозный. Вообще нѣтъ особенной ревности къ ученію, хотя много есть весьма даровитыхъ. За то часто отпрашиваются на богомолье. Вакаціями путешествуютъ въ Москву, Воронежъ, Кіевъ. Каждый имѣетъ право въ день именинъ своихъ не быть въ классѣ, потому что надобно быть у обѣдней. На сихъ дняхъ приведенъ арестантомъ одинъ изъ средняго отдѣленія, сынъ здѣшняго Протоіерея. За два мѣсяца оставивъ отца и матерь свою, хотѣлъ искать спасенія и, походивъ по монастырямъ и пустынямъ Московской и Владимірской губерніи, въ Ярославской взятъ въ полицію и присужденъ въ острогъ за неимѣніемъ вида подорожняго. Когда я сталъ представлять ему несообразность такихъ поступковъ съ состояніемъ его и съ

тою цѣлью, какую онъ себѣ предположилъ, то онъ преспокойно оставался въ своемъ мнѣніи и съ увѣренностью утверждаетъ, что поступки его въ точности согласуются съ Евангельскимъ ученіемъ и, какъ видно, радуется, что понесъ безчестье за Христа. Отъ сего и то, кажется, происходитъ, что всѣ почти выходятъ въ Духовное званіе на всѣ степени, начиная съ пономарской.

Зодчество. Въ Полтавѣ, кроомѣ казенныхъ зданій, нѣтъ особеннаго ничего. Половина города въ ямѣ состоитъ изъ однихъ лачугъ и громко свидѣтельствуетъ о бѣдности жителей. На горѣ нѣсколько прямыхъ улицъ состоитъ изъ домиковъ деревянныхъ ветхихъ,—современныхъ Карлу XII. На самомъ краю города, къ полю, стоитъ памятникъ Петру, вокругъ котораго булеваръ циркулемъ на сажень и площадь круглая же, обстроенная нѣсколькими корпусами присутственныхъ мѣстъ и домомъ губернаторскимъ. Въ противоположномъ концѣ большой улицы стоитъ вновь выстроенный Институтъ дѣвицъ, зданіе огромнѣйшее и обширное, въ родѣ дворца. Классы и жилыя комнаты состоятъ изъ большихъ залъ, весьма чисто обдѣланныхъ. Домъ Приказа общественнаго призрѣнія—заведеніе также обширное и отличается особенною опрятностью и порядкомъ во всемъ. Тамъ въ расписанныхъ комнатахъ на опрятныхъ постеляхъ въ чистомъ бѣльѣ почиваютъ увѣчные воины, дряхлые старцы и умалишенные. Прислуги достаточно и врачъ постоянно при нихъ находится; столовая общая и церковь также внутри.—Въ Харьковѣ на вершинѣ горы при соединеніи двухъ грязныхъ рѣчекъ стоитъ небольшой соборъ, вокругъ котораго на подобіе замка возвышаются зданія Университета и Коллегіума. Городъ не великъ; есть каменныхъ строеній хорошихъ довольно, но раскиданы и съ прочими деревянными небольшими составлютъ какую-то пестроту. Бѣлгородъ стоитъ внизу подъ горою почти на ровномъ мѣстѣ. Зданія всѣ почти деревянныя, исключая немногія, домики не большіе. Грунтъ песчаный и потому безъ мостовыхъ грязи никогда не бываетъ. Соборъ здѣшній огромный, внутри также теменъ, какъ и кіевскій. Монастырь—въ городѣ же, обведенъ высокою каменною стѣною; но внутри пустъ—только церковь и Архимандричьи покои изъ нѣсколькихъ залъ. Курскъ расположенъ на трехъ возвышенностяхъ, раздѣленныхъ двумя гнилыми потоками, такъ же, какъ и въ Харьковѣ. На оконечности средней стоитъ монастырь и присутственныя мѣста, гимназія и проч. Отъ церкви монастыря, которая есть городской соборъ, идетъ большая улица верхомъ горы до Тріумфальныхъ Московскихъ воротъ. Всѣ зданія большія и каменныя, улицы всѣ мощены камнемъ, а большая—шоссе. Соборъ—преогромное зданіе съ колоннами вокругъ и въ среднемъ весьма красиво убранъ. Строитель его—Архимандр. Палладій, нынѣшній Намѣстникъ Невской Лавры, предполагалъ строить колокольню, которая превышала бы и кіевскую, но по недостатку суммъ

она возведена до крыши собора и завершена двумя небольшими башенками. На двухъ прочихъ горахъ зданія перемѣшаны съ садами; а въ предмѣстьи за рѣкой на долинѣ почти одни сады. Многія зданія и въ томъ числѣ церкви нѣкоторыя довольно не новы и свидѣтельствуютъ о древности города.—Орелъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ Оки на ровномъ мѣстѣ такъ, что изъ семинарскаго корпуса весь видѣнъ. Строенія огромныя, все каменныя и, кажется, новѣе курскихъ. Архитектура большею частью новѣйшая, колокольни красивыя. Соборъ недостроенъ еще Уѣздные города уступаютъ губернскимъ только въ обширности. Впрочемъ, въ Болховѣ я насчиталъ до 20-ти церквей. Калуга тѣмъ только отличается, что расположена по одну сторону рѣки на ровной возвышенности, вся вмѣстѣ, и отъ того кажется менѣе Орла. За то здѣсь во всемъ видна давняя осѣдлость. Все застроено и, какъ говорятъ, набито зданіями. По всѣмъ улицамъ и площадямъ мостовыя; а особенная выгода мѣстоположенія та, что со всѣхъ мѣстъ вода свободно стекаетъ къ рѣкѣ и въ городѣ всегда чисто. Мѣсто очень топкое и водянистое; для того вездѣ дворы вымощены камнемъ съ наклоненіемъ на улицу такъ, что если и на краю города выливается вода изъ погребовъ, то она пресвободно идетъ черезъ всѣ улицы и площади до самой рѣки. Церквей считается до 30, всѣ каменныя; только многія строены по фасаду незапамятныхъ временъ. Всѣ почти улицы подольныя и поперечнымъ паралельны. Много частныхъ домовъ большихъ и лучшей архитектуры, даже съ нѣкоторою роскошью,—съ лѣпными статуями на фасадахъ, по воротамъ, съ красивыми рѣшетками—все впрочемъ купеческіе. Лучшія улицы по зданіямъ—отъ Смоленской и до Тульской заставы вдоль всего города, Дворянская, паралельно съ Окою на сѣверной сторонѣ, Московская, отъ гимназіи до Московскихъ воротъ. Городъ раздѣлятся главною площадью на двѣ части равныя—восточную и западную. Она занимаетъ возвышеннѣйшее по берегу мѣсто и съ трехъ сторонъ окружена тремя огромнѣйшими зданіями въ три этажа по фасаду Кіевскаго Арсенала, соединяющимися въ углахъ площади арками въ видѣ воротъ, а оконечности примыкаютъ къ берегу рѣки, такъ что представляются однимъ зданіемъ на подобіе большого замка. Здѣсь помѣщаются всѣ присутственныя, уѣздныя и губернскія мѣста, а по серединѣ одинъ а. [1]), Соборъ новѣйшей архитектуры съ прекраснымъ куполомъ и съ великолѣпнымъ иконостасомъ, который состоитъ изъ нѣсколькихъ высокихъ колоннъ вызолоченныхъ и поддерживающихъ красивую арку надъ св. вратами. Въ алтарѣ вокругъ престола нѣсколько высокихъ колоннъ, сдѣланныхъ подъ бѣлый мраморъ съ золотыми коринѳскими вѣнцами, поддержи-

[1]) Къ письму приложилъ о. Антоній и *планъ* Калуги, имъ самимъ начертанный Буквы: а, б, в, указываютъ мѣста въ этомъ планѣ.

вающихъ легкой катафасъ съ историческими изображеніями. Колокольня съ высокимъ шпицемъ, на которомъ подъ крестомъ золотой шаръ. Вокругъ собора въ далекомъ разстояніи стоятъ фонари для освѣщенія площади въ ночное время. Въ числѣ прочихъ публичныхъ мѣстъ первое мѣсто занимаетъ б., зала дворянскаго собранія; в., Консисторія съ своею канцеляріею и архивомъ; г., теплый соборъ на второмъ этажѣ, а внизу еще церковь теплая же, гдѣ раннюю обѣдню служатъ; д., покои Архіерейскіе зимніе, а лѣтомъ Архіерей живетъ въ загороднемъ—въ бывшемъ прежде монастырѣ; внизу живутъ пѣвчіе и прислуга; е., комнаты ректорскія, состоящія изъ трехъ залъ съ перегородками; ж., семинарское правленіе съ канцеляріею; з., комнаты инспекторскія—двѣ залы съ отдѣленіемъ для прихожей, прислуги и спальни, меблированныя и расписанныя прилично. У меня комодъ, шкафъ и гардеробъ остаются порожними; і., философскій классъ первой половины; к., зала величиной съ Академическую; л., классы семинаріи и училищные. Внизу на второмъ этажѣ живетъ секретарь и 13 номеровъ жилыхъ ученическихъ. А на первомъ этажѣ столовая, кухня, пекарня, амбары и проч. службы. На всѣхъ трехъ этажахъ съ восточной стороны открытые корридоры во всю длину корпуса съ столбами; м., семинарская библіотека довольно богатая, внизу кладовая; н., больница на 25 человѣкъ; березовая роща, далѣе сараи, бани, опять кладовыя и нѣсколько комнатъ жилыхъ и классы приходскаго училища; о., домъ губернатора зимній, а лѣтній на западномъ концѣ города, возлѣ общественнаго сада; п., бульваръ величиной съ кишиневскій садъ, обведенъ небольшими перилами и усаженъ небольшими вербами и тополями, т. е. осиной. Между аллеями раскиданы кусты бузины и рябины и крымской акаціи. Здѣсь ежедневно по утрамъ и вечерамъ прохаживаются купцы, обдумывая свои спекуляціи на счетъ своихъ барокъ, стоящихъ у берега съ хлѣбомъ, или съ лѣсомъ. Въ праздники бываютъ большія собранія, а въ торжественные дни освѣщеніе и потѣшные огни. Какъ здѣсь съ осени до Пасхи день продолжается не болѣе 4-хъ часовъ, то во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, такъ какъ и въ Семинарскомъ корпусѣ, занимаются долго ночью. Тогда ежедневно бываетъ отличная иллюминація у насъ на площади—всѣ три этажа горятъ огнями. Одна невыгода лишь въ городѣ—ночью и днемъ на улицахъ не умолкающая грохотня по мостовой, и ѣздить—мученіе. Смежно съ Консисторіей къ сѣверу гауптвахта, экзерциръгаузъ, почтамтъ и полиція, и къ востоку площадь торговая, далѣе красные ряды, прекрасно выстроенные. По главной улицѣ на сѣверѣ внизу подъ купеческими домами—магазины съ мукой, а по сторонамъ нѣсколько площадей торговыхъ; на площадяхъ (замѣтьте) фонтаны бьютъ вверхъ воду. На сѣверномъ краю часть кузнечная, а далѣе—ямъ.

Приключенія. Безъ нихъ видно не начинается дорога. Распрощавшись

на Дубоссарской горѣ, отъ горя заснулъ и по пробужденіи увидѣлъ станцію Ягорлицкую. Требую лошадей, является писарь, а подорожной нѣтъ. Очевидно, что лошадей не дадутъ. Ну что, если она утрачена дорогой? Надобно возвращаться въ Кишиневъ! Можете представить, до какой степени плакали при разлукѣ. Впрочемъ, сообразивъ все, послалъ за двойные прогоны ямщика въ Дубоссары; тамъ, расплачиваясь съ ямщикомъ, забылъ на столикѣ. Было поздно и я не могъ сомкнуть очей до разсвѣта, какъ воротился посланецъ и привезъ подорожную. Въ этотъ день предъ захожденіемъ солнца пріѣхали въ Кривое-озеро; при всемъ томъ, что въ Балтѣ часа два побесѣдовалъ съ извѣстнымъ священникомъ Левицкимъ [1]). За то досталось бричкѣ. Добрые люди посмотрѣли и рѣшительно объявили, что и сутокъ не выдержитъ, хотя ничего не видно было кромѣ, что колодки у спицъ сочили мазь. Присудили, что всѣ колеса надобно передѣлать. Выдумать лучшаго ничего нельзя было кромѣ, что ѣхать на перекладныхъ. Не знаю, что способствовало, но только неожиданно съ моей стороны нашлась дорожная небольшая коляска работы Варшавской, предложили, обмѣнялись и я преспокойно и благополучно отправился и доѣхалъ. Теперь, когда обдѣлали ее, оказалась красивою и щегольскою. Въ Злынку пріѣхали вечеромъ, и я, вспомнивъ, что лѣтъ тому за 20 съ лишнимъ раскольники—здѣшніе поселяне, теперь уланы—среди бѣлаго дня на дорогѣ обобрали чисто моего отца и едва не дошло до убійства,—разсудилъ не ѣхать ночью, а пріискать безопасный ночлегъ. Рекомендуютъ содержателя почты,—его нѣтъ дома; совѣтуютъ отправиться къ писарю. Въ силу ночью нашли его жилище. Долго онъ, доброй малой, гдѣ-то, когдась-то учившійся у духовныхъ, отговаривался, что у него «малѣ дитина». Я успокоиваю, что привыкъ къ крику не только дѣтей, но и взрослыхъ. Оказалось, что въ домѣ родины. *Баба колаторе наре сербаторе* [2]). «Можно ли подойти подъ благословеніе?»—Грѣшно не подойти: осѣнивъ всѣхъ, далъ имъ по крестику кипарисному и—всю ночь провелъ въ коляскѣ, согнувшись въ три бѣды, не забывая, что я ночую на открытомъ дворѣ въ Злынкѣ. Къ тому жъ ночь была послѣ проливнаго дождя. Сыро и холодно, и темно, и страшно. Въ Кременчугѣ часовъ нѣсколько продержали на станціи, выѣхалъ къ вечеру. Но ямщикъ, какъ малороссъ, изъ лѣности желая сократить дорогу, или по ненависти къ почтовой, надъ которою онъ не разъ въ потѣ лица трудился, потому что пещаникъ затрудняетъ разсадку деревъ и скоро заравниваетъ каналы,—повезъ на *впрямыкъ*—черезъ пахатныя поля, гдѣ примѣтна была когдась-то проселочная

---

[1]) Священникъ *Ѳеодосій Левицкій* - извѣстный мистическій проповѣдникъ временъ Императора Александра I и благотворитель Балтскій.

[2]) Это молдавская поговорка. Значитъ: *подорожная баба не знаетъ праздника.*

дорожка, но уже давно запаханная и засѣянная. Мучилъ онъ меня нѣсколько часовъ по бороздамъ, много хлѣба истопталъ и, сбившись съ пантелыку,—«*простіть, паноче*», умилительно говоритъ. Надобно былъ о возвращаться къ самой почти заставѣ, чтобы стать на дорогу. Терпѣнья-то доставало, да боялся за экипажъ, а ночь темнѣла. Едва пріѣхалъ на первую станцію, по выѣздѣ изъ Полтавы, какъ съ противной стороны катятъ двѣ тройки, и на одной изъ нихъ почтальонъ едва на ногахъ держится и непрестанно гвоздитъ кулаками ямщика, тоже пьянаго, пригова ривая: «*ступай, ступай*» [1]); но видно было, что и лошади приустали, которыхъ тотчасъ для меня и заложили, по неимѣнію другихъ. Я и не обратилъ вниманія, что и мнѣ придется ѣхать съ тѣмъ же ямщикомъ. Но, чтобъ подшутить надъ нимъ, дали въ пристяжку молодую не ученую лошадь. *Матвій*, притомъ дряхлый, вскарабкался на козлы и погналъ, хотя лошади и рысью не могли идти. Пристяжная рвется въ стороны, вожжи падаютъ съ рукъ у Матвія не разъ, и мы не разъ то кружились на одномъ мѣстѣ, то перебѣгали отъ одной канавы до другой. Сѣлъ съ нимъ въ пособіе и *Филиппъ* [2]) и сталъ править, а ямщику предоставилъ бичь, которымъ онъ старался всю свою злость на помѣщика и товарищей выложить на пристяжной. Когда я замѣчалъ, что онъ не годится уже въ ямщики, то Матвій съ презрѣніемъ отвѣчалъ: «отъ ище попивъ не бачывъ, я три раза бувъ пидъ Александромъ и зубы зъивъ на станціи». Но въ самый торжественный взмахъ, которымъ хотѣлось показать свое искусство, что и въ пьяномъ видѣ онъ мастеръ своего дѣла,—а между тѣмъ солнце жарило,—кувыркнулся Матвій головой на переднее колесо и подкатился подъ заднее, которымъ наѣхало ему грудь, и легъ Матвій поперекъ дороги, замертво ушибленный, а голова въ крови. Очевидно,—бѣда; на полѣ и свидѣтелей нѣтъ. Голова расшиблена, и грудь сперло такъ, что онъ не могъ дышать Налили уксусу въ уши, въ глаза, въ ротъ, потерли, ожилъ, а поднять нельзя, кричитъ. Но и оставаться не хотѣлъ, а мнѣ и ѣхать нельзя безъ него. До станціи оставалось верстъ 15 и Филиппъ догналъ, а ямщикъ сидѣлъ привязанный и во всю дорогу кричалъ отъ боли. На станціи я тотчасъ взялъ показаніе при писарѣ отъ прочихъ и отъ него признаніе о случившемся, — тѣмъ и легче мнѣ стало. Въ Валкахъ, что подъ Харьковымъ, нужно было доставить письмо отъ Мот-

---

[1]) Этотъ эпизодъ невольно напоминаетъ намъ разсказъ Достоевскаго (въ его «*Дневникѣ Писателя*») о *фельдъ-егерѣ*: какъ онъ подобнымъ же образомъ билъ въ затылокъ ямщика... черта *добраго* стараго времени. («*Дневн. Писат.*», 1876, Январь, гл. 3, стр. 22—23).

[2]) *Филиппъ*—это спутникъ о. Антонія, его служка *послушникъ*. О немъ еще ниже упоминается. Не простой онъ былъ, а учившійся въ семинаріи. Но... какая-то странная выпала у него участь.

ренка: пока нашли квартиру, разбудили, посидѣли, — пошло до ночи; на станціи потребовалъ лошадей, сказали нѣтъ; въ ожиданіи не выхожу изъ экипажа. Но писарь, какой-то парень Губскій, преспокойно проспалъ до утра, а я всю ночь бодрствовалъ,—дождь и холодъ, пробралъ я поутру негодяя:—и кланялся, и плакалъ, и просилъ, чтобъ пощадить его. Хотя и самъ не понимаю, чтобъ было ему бояться отъ меня. Въ это самое время остановился на станціи чиновникъ, служившій при Иванѣ Никитичѣ [1]), Андрей Ивановичъ *Вейсманъ*; напились вмѣстѣ чаю, поговорили и нѣсколько отогрѣлась душа. Въ *Липцахъ* имѣлъ тогда дневку Харьковскій новый Преосвященный [2]). Станціонный смотритель подумалъ, что и я принадлежу къ свитѣ его. Теща и жена тотчасъ пооткрывали скриньки, накрыли столъ и угостили меня, какъ еще дорогой не случалось мнѣ; хорошей настойкой, пивомъ, рыбой и сластями:—земляникою и свѣжими огурцами—преусердно, и я отъ души осѣнилъ ихъ десницею въ благодарность.—Въ Курскѣ остановился въ настоятельскихъ покояхъ монастырскихъ. На другой день,—это было наканунѣ Петрова дня,—ожидали Преосвященнаго, который ѣздилъ по Епархіи и въ *Коренную* [3]). Послѣ обѣда выхожу изъ залы, на встрѣчу мнѣ идетъ молодой человѣкъ съ Архимандритскимъ крестомъ, столкнулись на порогѣ и разошлись. Спрашиваю, кто онъ,—и говорятъ—Архіерей; а въѣхалъ въ городъ безъ повѣстки. Встрѣчаетъ меня самъ Настоятель, Архимандритъ похожій на покойника *Карасева* и, узнавъ, что я проѣзжій, обернулся и пошелъ, хотя я просилъ доложить Преосвященному. Прошу камердинера доложить, что хочу только благословенія взять, какъ проѣзжій монахъ; такой же отвѣтъ. Какъ же иначе сказать? Не Инспекторъ Кишиневскій, но еще и не Калужскій. Нечего дѣлать, взялся за первое и доложили; онъ тотчасъ вышелъ, повелъ въ гостиную, сѣли, поговорили, потчивалъ виномъ. Расхваливалъ мнѣ Калугу—свою родину. Распрашивалъ о *Гедеонѣ*, а я грѣшный и не зналъ, что онъ большой ему пріятель [4]) Убѣждалъ разговляться съ нимъ, а я спѣшилъ ѣхать

---

[1]) *Иванъ Никитичъ Инзовъ*—Новороссійскій и Бессарабскій генералъ-губернаторъ, извѣстный *пѣстунъ* Пушкина, когда этотъ послѣдній жилъ въ изгнаніи въ Кишиневѣ въ 1820—23 гг.

[2]) *Иннокентій Александровъ*, съ 19 мая 1832 г. епископъ Слободско-Украинскій (т. е. Харьковскій).

[3]) Это былъ Епископъ *Иліодоръ Чистяковъ*.—*Коренная* это *Коренная Пустынь* — монастырь въ 27 верстахъ на сѣверо-востокѣ отъ Курска, на рѣчкѣ Тускори. Возлѣ него ежегодно *въ девятую пятницу послѣ Пасхи* происходитъ *Коренная ярмарка*, когда-то знаменитая въ старо-дворянское помѣщичье время, теперь пріупавшая. См. статью «*Изъ путевыхъ записокъ*» В. П. Безобразова—*Русск Вѣстникъ*, 1864 г., Іюнь.

[4]) Архимандритъ *Гедеонъ* (Вишневскій),—ректоръ подольской духовной Семинаріи, недавно передъ этимъ ревизовалъ кишиневскую духовную семинарію. Впослѣдствіи Епископъ Полтавскій.

и лошади были заложены.—Въ Орлѣ ожидали ревизора Случилось мнѣ проѣхать мимо дома, гдѣ были въ гостяхъ Ректоръ и Инспекторъ, и они—слѣдомъ за мной. Вхожу въ комнаты экономa, который ушелъ одѣваться; а сидѣлъ тамъ отецъ Ревизоровъ — старичекъ-священникъ; кланяется и спрашиваетъ: я ли ревизоръ? Много послѣ тѣшились. Здѣсь, спасибо, и и банею угостили. Іюня 6-го взъѣхалъ на гору подъ Калугой и весь городъ представился, какъ картина, радостный; звонили во всѣхъ церквахъ къ обѣдней—это хорошій знакъ! Выхожу на верхній корридоръ и встрѣчаю всѣхъ профессоровъ, которые собрались встрѣтить Преосвященнаго [1]). Онъ въ то же время шелъ съ другого конца—на экзаменъ. «Вѣрно о. Инспекторъ»?—и въ первый разъ мнѣ полегчало на душѣ. Тотчасъ отперли комнаты, вычищенныя, прибранныя, снова расписанныя, и служитель приставленный явился къ услугамъ. Исторія длинная,—имѣйте терпѣніе.

Эстетика. Когда я поднимался на гору къ Вамской станціи [2]), солнце выходило изъ-за горы. Послѣ дождя роса была большая. Съ горы видъ прекрасный и далекой, такъ что еще синѣлись верхи холмовъ за-днѣстровскихъ; степь необозримая и трава высокая, какой давно не видалъ я. Свѣжій воздухъ, чистое небо и тишина на необозримомъ пространствѣ, гдѣ не видно жилищъ человѣческихъ и людей, кромѣ станціонной вольницы—все это такъ тихо и радостно повѣяло на душу, что показалось, какъ будто въ первый разъ почувствовалъ жизнь. Въ такомъ состояніи, помню, былъ я, когда еще отецъ водилъ меня по роднымъ полямъ. Въ степяхъ херсонскихъ и екатеринославскихъ, гдѣ часто ѣзжалъ въ дѣтствѣ, многое встрѣчалось знакомое; изсохшія рѣчки, высокіе курганы—все возобновляло въ памяти время счастливое, навсегда минувшее. Тамъ 16-го числа въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ смотрѣлъ, какъ послѣ знойнаго полудня образовалась и пошла отъ запада къ востоку впереди меня на краю горизонта величественная и, какъ судъ Божій, страшно-грозная буря, опустошившая Малороссію. Наконецъ, широко-величественный Днѣпръ, растилающійся по песку, частію видомъ своимъ, а частію воспоминаніями погрузилъ въ задумчивость странствующую думу и возбудилъ невольный вздохъ—о чемъ, о чемъ-то не существующемъ, но нѣкогда бывшемъ, которое, казалось, все погружено въ сихъ волнахъ... Въ сихъ степяхъ какъ будто на яву представляются тѣни *Будиновъ*, *Тиритовъ*, *Савроматовъ*... Кажется доселѣ бродятъ призраки *Сезостриса*, *Дарія*, *Лукулла*, *Мидянъ*, *Египтянъ*, *Рим-*

---

[1]) Это былъ Епископъ *Никаноръ Клементьевскій*, впослѣдствіи Митрополитъ С.-Петербургскій.

[2]) *Вамская станція*—это вторая станція послѣ Дубоссаръ. *Вама*—турецк. слово—значитъ: *пошлина. Вамишъ*—по молд. *сборщикъ податей*.—Здѣсь когда-то была граница Польши и Турціи—и отбирали пошлины.

лянъ и невнятно говорятъ о временахъ счастливаго ихъ владычества. На сихъ самыхъ волнахъ неслись легкія ладьи *Олега* и *Святослава* — и гдѣ они? А волны все идутъ непрестанно... Кажется, природа здѣшнихъ мѣстъ весьма много содѣйствовала къ образованію удальства *Скивова* и *Казакова*. Далѣе за Днѣпромъ ничего подобнаго нѣтъ, кромѣ единообразной плоскости, ничего не возбуждающей, но много располагающей къ общежительному быту. Отъ Орла къ сѣверу становятся чаще лѣсочки, рощи и все показываетъ, что расчистка сихъ мѣстъ не совсѣмъ давно сдѣлана. Замѣчательно, что здѣсь нигдѣ нѣтъ кургановъ, которыми Полтавская и Харьковская губерніи засѣяны. Вотъ все, чѣмъ наиболѣе питалась мечтательность въ пути! А единообразный визгъ колокольчика совершенно связывалъ мысли и стѣснялъ сердце. На все встрѣчающееся я смотрѣлъ, какъ на проходящія тѣни, которыя, не имѣя никакой жизни въ себѣ, безмолвно мелькали по сторонамъ. Прошедшее отсѣчено, а въ будущемъ ничего не видно было. Повѣрите ли, что отъ всего сего образовалось чувство мизантропическое, или космополитическое. Люди и самыя общества кажутся чѣмъ-то химерическимъ—какое-то случайное сцѣпленіе и, — какъ южная почта ежедневно проходитъ мимо оконъ [1]), — колокольчикъ каждый разъ восторгаетъ душу—по одному воспоминанію, или по предчувствію, но только онъ одинъ еще можетъ трогать меня. Изъ окна видна вся площадь со всѣмъ, что только на ней дѣется и днемъ и ночью. Далѣе Ока достигаетъ поворота на югъ съ рощицами, холмами, увитыми ельникомъ, деревушками. А... [2]) коридоръ—вся восточная часть города со всѣми церквами и колокольнями, кажется, под... [3]) Ока внизъ и опять тѣ же виды. По южной горѣ пахатныя поля и лѣтомъ прекрасный видъ нивъ волнующихся. Это можетъ быть причиною, что я никуда не хожу, кромѣ въ церковь. А зимой по корридору въ церковь и, когда нужно къ Архіерею, — такъ что можно обойтись безъ того, чтобъ сходить лишніе переходы. Общество?— отличное, живутъ, можно сказать, любовно-мирно. Замѣчательно, заведено у духовныхъ и у всѣхъ почти при свиданіи цѣловаться, даже въ церкви. Для меня и то пріятно, что собакъ почти не слышно въ городѣ, а жидовъ вовсе нѣтъ. Со всѣмъ тѣмъ никакого побужденія нѣтъ выдти куда-нибудь, развѣ за дѣломъ, когда служить въ храмовые праздники да съ докладомъ къ Преосвященному. Правда, что онъ очень жалуетъ меня, какъ пришельца. Когда живетъ здѣсь въ городѣ, то часто обѣдаемъ втроемъ съ ректоромъ, а иногда насъ двое, чай пьемъ и посидимъ далеко допоздна; а лѣтомъ въ загороднемъ домѣ — тотчасъ поведетъ по саду, по бесѣдкамъ и

---

[1]) Это уже въ Калугѣ.
[2]) Не прочитано.
[3]) Тоже.

можно поговорить о чемъ угодно, даже и для одной забавы. Бѣднаго игумена честятъ всѣ, а въ служеніи велятъ стать послѣ Ректора, выше Каѳедральнаго. А между тѣмъ представляешь, что подъ строжайшимъ надзоромъ, что можетъ быть каждый указываетъ пальцемъ. До пріѣзда моего, составлено такое понятіе, что этотъ Игуменъ долженъ быть удалая голова, какой-нибудь молдаванъ—мужикъ здоровой. Когда увидѣли, что я отъ вѣтру валяюсь, то еще сильнѣе стали подозрѣвать во мнѣ характеръ какого-нибудь Лелевеля. И весьма естественно, послѣ такой рекомендаціи, послѣ столькихъ лѣтъ службы. Пошло дѣло на догадки и, кто знаетъ, какъ кто думаетъ? Благодареніе Богу, что библіотека хороша и вотъ я круглый годъ сижу почти безвыходно одинъ съ мертвыми людьми, совершенно одичалый къ живымъ. Но нимало не сожалѣйте. Можетъ быть, я никогда не былъ такъ свободенъ и спокоенъ въ душѣ, какъ теперь. Чѣмъ далѣе отъ людей, тѣмъ ближе чувствуешь себя къ Богу. При крѣпкой довѣренности къ Промыслу Его сообщается не только свѣтъ мыслямъ не обманчивый, но и радость прочная. Послѣ сего страннымъ кажется ожидать и искать чего-либо отъ людей, когда есть надежнѣйшій и неизмѣнный Покровитель и Руководитель. Это состояніе совершенно похоже на то, когда дитя, покричавши въ водѣ, въ которой моютъ его, потомъ, сидя на рукахъ матери, безпечно смотритъ на воду, въ которой купали его, какъ на вещь, которая никакого зла не сдѣлала ему, и видитъ, что она даже и не могла вредить ему

Заключеніе. Что жъ сдѣлалось съ Филиппомъ?—безъ сомнѣнія спросите. Онъ, какъ видно, давно освоился съ тѣмъ чувствомъ, которое я только что пріобрѣлъ. Весь свѣтъ для него тоже, что домъ, котораго онъ никогда не имѣлъ. Въ Бѣлградѣ, Орлѣ и здѣсь онъ тотчасъ бѣжитъ въ Семинарію, знакомится: составитъ возлѣ себя порядочный кружокъ ребятъ и толкуетъ имъ всякую всячину—по-гречески, по-французки, по-латыни. Въ то же время и пріязнь и, коли угодно, пошли и попотчивали другъ друга. Одна главная цѣль его жизни, слѣдовательно и путешествія, — ученіе. И вотъ Филиппъ получилъ позволеніе слушать уроки философскіе. До самаго Рождества посѣщалъ классъ мой и выслушалъ Логику. Но вѣдь надобно же избрать родъ жизни, билетъ уже просроченъ, и Филиппъ отправился въ монастырь, безщадно—навсегда простившись съ науками. Потому что надобно работать...

Уповаю, что Господь всѣхъ васъ хранитъ въ добромъ здравіи и благоденствіи. По крайней мѣрѣ такъ вчера говорило мнѣ внутреннее чувство. А потому прошу засвидѣтельствовать мое всегдашнее почтеніе Маріи Степановнѣ [1]), Вѣрѣ Егоровнѣ [2]), а малюткамъ поцѣлуи заочные. То-то,

[1]) Теща А. И. Бѣлюгова.
[2]) Жена А. И. Бѣлюгова.

умаю, Вася читаетъ уже громко, а Люба шьетъ хорошо [1]). Да возрастутъ они для вашего счастья!—Сомнѣваюсь, получили ль письмо въ Апрѣлѣ. Молчаніе Михаила Осиповича [2]) удивляетъ меня. Видно, имъ всѣмъ жутко пришлось послѣ ревизіи [3]). Не знаю, какъ моя участь тамъ рѣшена и сколько на мою долю прійдется барышей послѣ вѣрной службы [4]). *Смарагдъ* [5]) въ Полоцкѣ. Сказываютъ, по прибытіи его, тотчасъ до двухъ тысячъ уніатовъ обратилось къ Православію. Поручено открыть семинарію православную и уніатская ему же ввѣрена. Съ нѣкотораго времени я ничего не знаю объ участи Кіево-печерскаго затворника. Участь его должна, кажется, кончиться [6]). Поздравляю васъ съ новымъ начальникомъ области. Навѣрно опять перемѣнъ много будетъ. Только теперь, кажется, вездѣ заняты однимъ недостаткомъ хлѣба. Здѣсь купечество сложилось на 305 тысячъ закупить муки для раздачи бѣднымъ въ случаѣ нужды. Велѣно излишекъ посылать въ южныя губерніи для посѣвовъ осеннихъ. Это похоже на времена и распоряженія Іосифовы.—Игуменъ Антоній.

Сообщилъ д. ч. *Л. Мацѣевичъ* [7]).

---

[1]) Эта *Люба*—впослѣдствіи извѣстная основательница въ Кишиневѣ первой женской гимназіи, обращенной затѣмъ въ земскую,—*Любовь Александровна Бѣлюева.*

[2]) Мих. Осиповичъ *Дыдицкій*—учитель Кишиневской Семинаріи,—товарищъ о. Антонія по школѣ.

[3]) Разумѣется вышеупомянутая ревизія Архим. Гедеона.

[4]) Намекаетъ на *дѣло объ утраченной семинарской суммѣ.*

[5]) *Смарагдъ Крыжановскій* — извѣстный Архіепископъ,—памятный о. Антонію по Кіевской Академіи. Съ 1833 г.—Епископъ Полоцкій и дѣятель по обращенію уніатовъ въ православіе.

[6]) Не знаемъ, о комъ здѣсь идетъ рѣчь.

[7]) Имъ же сдѣланы и примѣчанія.

Договоръ г. Одессы съ г. Спорити.

Въ архивѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей сохранился слѣдующій договоръ, заключенный между одесскимъ строительнымъ комитетомъ (см. о немъ у А. Скальковскаго. Перв. тридцатилѣтіе исторіи г. Одессы стр. 137) съ одесскимъ домовладѣльцемъ Спорити:

Условія, на коихъ кончено дѣло съ господиномъ маіоромъ Споритіемъ за затопленный его хуторъ ставомъ устроеннымъ комитетомъ.

1-е. Ежели комитетъ разсудитъ еще выше теперешнего поднять спускъ на одинъ аршинъ, и отъ того еще больше затонетъ садъ Споритія, онъ г. Споритій недолженъ имѣть за то никакой претензіи. Но ежели спускъ поднятъ будетъ выше аршина, тогда освидѣтельствовать тотъ вредъ, которой причинится прибылою водою саду, и по разсмотрѣнію вознаградить его единожды.

2-е. Предоставить г. Споритію право пользоваться вѣчно тою землею въ саду, которая теперь затоплена, и сіе право распространить на наслѣдниковъ его и на покупщиковъ, ежели бы садъ имъ проданъ былъ, но только на выше изъясненномъ положеніи, съ нимъ Споритіемъ сдѣланномъ.

3-е. Въ вознагражденіе ему за убытки выдать нынѣ единожды двѣ тысячи рублей.

4-е. По полученіи сего вознагражденія уже ни г. Споритій, ни его наслѣдники, ни покупщики никогда претензіи имѣть не должны, развѣ тогда когдабы спускъ поднятъ былъ выше аршина, о чемъ въ 1-мъ пунктѣ сказано.—Въ извѣстность же на будущее время спускъ 2-й плотины нынѣ измѣренъ при бытности г. маіора Споритія г. инженеръ подполковникомъ Кругомъ и оказался вышиною *два аршина сполвиною* ($2^1/_2$), считая отъ горизонта земли. Маіоръ Спорити.

При заключеніи сихъ условій присутствовали:

Генералъ Маіоръ и Комендантъ Кобле.

Инспекторъ Карантина Васильевъ.

Инженеръ Подполковникъ Кругъ.

Управляющій Таможнею Дитерихсъ.

Коммерціи Совѣтникъ Рено.

Іюня 25-го дня.
1817 года.

Гдѣ находился садъ Спорити, о коемъ идетъ рѣчь въ договорѣ, я не знаю; но проф. Вл. Ал. Яковлевъ говорилъ мнѣ, на основаніи давнихъ воспоминаній, что на Водяной Балкѣ, гдѣ сдѣланы были такъ наз. ставки.

Въ архивѣ сохранилось еще письмо 20 мая 1805 г. отъ кн. А. Куракина, въ то время канцлера Императорскихъ орденовъ, къ г. Спорити съ извѣщеніемъ о пожалованіи ему 26 ноября 1804 г. ордена Св. Георгія 4 класса,—очевидно за заслуги во время турецкой войны.

А. М.

Слово при открытіи памятника Кагульской битвы.

На подлинномъ Преосвященнѣйшимъ Иринархомъ Архіепископомъ Кишиневскимъ написано «Произнесть».

СЛОВО

при открытіи памятника Кагульской битвы, бывшей въ 1770 году 21 Іюля [1]).

Дивныя дѣла совершились, Россіяне, на мѣстѣ семъ. Объ нихъ свидѣтельствуетъ нынѣ священный этотъ памятникъ, воздвигнутый по велѣнію Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая I.—Священное мѣсто сіе напоминаетъ для каждаго Русскаго тотъ незабвенный для Россіи день, когда храброе воинство наше ознаменовало себя безсмертною побѣдой надъ страшнымъ полчищемъ Мусульмановъ.—Торжествуйте, Россіяне, народъ избранный и возлюбленный Богомъ! *Помяните и здѣсь Чудеса Его, яже сотвори Господь* надъ возлюбленной Нашей Россіей, *Чудеса Его и Судьбы устъ Его.*

Таковымъ воспоминаніемъ приличо почтить день настоящаго торжества, посвященнаго въ память знаменитой Кагульской битвы, положившей начало низверженія Оттоманскаго могущества въ семъ краѣ.

Торжествовать надъ врагами, восходить отъ силы въ силу, отъ славы въ славу,—сдѣлалось обыкновеннымъ для Россіи. И сіе то дѣло обыкновенное, поистинѣ, есть самое необыкновенное, чрезвычайное знаменіе благости Божіей! Чудеса Божьи, для блага Отечества Нашего древле содѣланныя, были бы даже невѣроятны, еслибъ мы не видѣли новыхъ, главнѣйшихъ чудесъ во дни наши [2]). Но вотъ восьмидесятый уже годъ наступилъ того событія, которое совершилось здѣсь. И кто не подивится той грозной и страшной минутѣ, когда врагъ съ многочисленною своей силой, занявъ необозримыя сіи поля, мечталъ въ гордости своей засѣять ихъ Русскими костями? Но Богъ чудесно сохраняетъ избранный Имъ народъ. Тогда какъ съ одной стороны толпы татаръ облегали Русскихъ съ тыла,

---

[1]) Произнесенное 13 Сентября 1849 года Болградской Преображенской Церкви Протоіереемъ Никифоромъ Петровымъ.

[2]) Нашествіе Галловъ на Россію.

а съ другой гордый визиръ огромною силой Мусульманскаго воинства грозилъ совершеннымъ истребленіемъ ихъ, Всемогущій вождь браней уничтожилъ всѣ замыслы гордаго. Русскій вождь, подобно Гедеону, древнему вождю избраннаго Богомъ народа, съ самымъ малымъ числомъ воинства своего обошелъ станъ непріятельскій и громомъ пушекъ привелъ непріятеля въ такое смятеніе, что отъ внезапнаго страха бросился въ бѣгство, преслѣдуемый храбрымъ воинствомъ нашимъ.—Не тмы темъ поражаютъ тысячи, а тысяча поражаетъ цѣлыя тмы.—Семнадцать тысячъ Русскихъ уничтожаютъ стопятидесятитысячную армію Турковъ. Самъ первѣйшій вождь ихъ визирь едва могъ спастись бѣгствомъ [1]). Таковы дѣла во дни Вѣнценосной Великой Екатерины совершили здѣсь Русскіе съ помощію Божіею. Честь Героямъ Русскимъ, прославившимъ себя на вѣки въ битвѣ сей. Слава воинственному мужу графу Румянцову, обезсмертившему себя столь знаменитыми дѣлами въ исторіи войны и народа. Его побѣдами изумленъ былъ одинъ изъ великихъ монарховъ—Фридрихъ [2]). Но слава и родителю твоему, великому Герою, сіятельный князь! Онъ первый мужествомъ своимъ воодушевилъ сердца воиновъ, и съ самоотверженіемъ свой-ственнымъ душѣ великаго, вступилъ первый въ кровавый бой. Достойно почтена тобою память драгоцѣннаго Тебѣ и отечеству нашему родителя. Провидѣнію угодно было вызвать тебя, сіятельнѣйшій князь, изъ гремящей оружіемъ страны Кавказа на поля, гремѣвшія нѣкогда тѣмъ же оружіемъ, дабы отдать и здѣсь признательный долгъ великимъ доблестямъ твоего родителя. Пусть потомки приходятъ на сіи священныя, омытыя кровію, русскою мѣста и поучаются, какъ жертвовать собою за Вѣру, Царя и Отечество, и быть вѣчно благодарными своимъ родителямъ.—Послѣ того, какъ не воскликнуть отъ радости вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ: *коль благъ Богъ Израилевъ* къ Отечеству Нашему! *Любитъ* Господь врата сего Сіона новаго паче всѣхъ селеній на земли (Пс. 86. 2). Почему и зачто найпаче? Конечно, не за великость, богатство, славу Царства: но потому, что сіе Царство не преклоняетъ колѣнъ своихъ предъ Вааломъ, т. е. лжеименнымъ и непокорнымъ Вѣрѣ разумомъ. Такъ! Россія есть Исполинъ предъ Богомъ, коего сила несокрушима, непобѣдима; сила же сія сокрыта въ духѣ вѣры и благочестія: не отнявши оныхъ, никакими узами не свяжутъ сего дивнаго Сампсона.—И такъ, Сынове Россійстіи! Торжествуя нынѣ столь знаменитое для Отечества Нашего событіе, торжествуемъ его и предъ Богомъ. Будемъ всегда благодарить и прославлять Господа, столько благодѣющаго намъ, памятуя

---

[1]) Истор. Русск. Полководцевъ.

[2]) Въ Потсдамѣ представлено было герою сему на маневрахъ прусскою гвардіею Кагульское сраженіе.

й о первомъ по Богѣ Великомъ Благотворителѣ нашемъ Благочестивѣйшемъ Государѣ Николаѣ I. Прибави Господи Милость Твою къ Нему и всему Августѣйшему Дому Его и укрѣпи Его во всѣхъ Царственныхъ подвигахъ Его; укрѣпи Его и избранныхъ Имъ приставниковъ къ совершенію великихъ дѣлъ для пользы любезнаго Отечества нашего и благослови именитаго виновника сего торжества, благодѣтеля Новороссійскаго края и Бессарабіи, Князя Михаила Семеновича Воронцова.—*Господи! спаси Царя и услыши ны, въ онь же аще день призовемъ Тя*» [1]).

Сообщ. *Г. А. Тройницкій.*

[1]) Подробное описаніе открытія памятника Кагульской битвы, составленное А. Г. Тройницкимъ, напечатано въ Одесскомъ Вѣстникѣ 1849 г. №№ 88, 89, 90 и 91; въ послѣднемъ напечатанъ и небольшой отрывокъ изъ этого «Слова».

О. Михаилъ Юркевичъ доставилъ при посредствѣ д. ч. Общества М. Ю. Попруженко три письма извѣстнаго гр. Д. Е. Остенъ Сакена къ В. П. Кишкиной. Послѣдняя скончалась 30 декабря 1896 г. восьмидесяти шести лѣтъ отъ роду въ г. Николаевѣ, гдѣ и погребена. Печатаемыя здѣсь письма изъ ея архива были доставлены къ редактору прекратившагося нынѣ журнала «Русское Обозрѣніе», а отъ г. редактора получены о. Юркевичемъ.

I.

13 Іюля 1868 Дер. Пріютъ.

Милая, искренно любимая
Вѣра Петровна.

Боюсь, что Вы опять обнесете меня чаркою относительно сѣмянъ: древесныхъ и кустарныхъ, фруктовыхъ и дикихъ, всевозможныхъ и баштанныхъ.

Милую Вашу Лизу [1]) прошу напоминать о томъ себѣ и Вамъ. Попросите также Вашихъ знакомыхъ собирать сѣмена, вмѣсто того чтобы выбрасывать ихъ вонъ.

Вожделѣнная Церковь моя, въ которой Вы одна изъ первыхъ приняли участіе, приходитъ къ окончанію. Слава и благодареніе Спасителю!

Призываю благословеніе Свыше на Васъ и близкихъ къ Вамъ, и милую Лизу, которую очень люблю за ея личныя достоинства, а въ особенности привязанность къ Вамъ, отъ всего сердца обнимаю Васъ.

Гр. Д. Остенъ-Сакенъ.

P.S. Всѣ пріютцы Вамъ подобающее.

II.

5 Апрѣля 1870. С. Пріютъ.

Милая, искренно любимая
Вѣра Петровна.

Отъ души благодарю Васъ за присылку сѣмянъ и прошу извиненія въ хлопотахъ, наносимыхъ Вамъ просьбою отправить на пароходъ вручаемую Вамъ денщикомъ моимъ Михайлою Калининымъ посылку на имя механическаго заведенія Беллино, Фендериха и К., и по полученіи изъ за-

---

[1]) Елисавета Захаріевна Иванова—воспитанница Вѣры Петровны.

веденія принадлежностей косилокъ принять ихъ изъ агентства и поспѣшить увѣдомить меня по почтѣ, а посылку изъ заведенія отдать Ксеніи Павловнѣ Минковой, для присылки мнѣ при случаѣ. Увѣдомьте о вѣсѣ посылки и сколько денегъ слѣдуетъ за расходы. Если извощика возьмете не на мой счетъ, то меня обидите.

Анна Ивановна[1]) проситъ Васъ на присылаемые три рубля купить два папошника и прислать съ Михайлою Калининымъ вмѣстѣ съ ящикомъ, наполненнымъ большими растеніями.

Какъ бы я желалъ, чтобы Вы пріѣхали поклониться частицамъ мощей въ нашей церкви и скиту Ангела Хранителя моего Св. Димитрія Ростовскаго и навѣстить Варвару Григорьевну[2]) и меня, которымъ 25-го сего мѣсяца совершится 149 лѣтъ; слѣдовательно, по закону природы, скоро не придется Вамъ навѣщать насъ.

Варвара Григорьевна прожила у насъ больная 4 мѣсяца и въ четвергъ только уѣхала въ Водяную[3]).

Вмѣстѣ съ присными отъ души обнимаю Васъ, призываю благословеніе Свыше и поздравляю съ великимъ праздникомъ Воскресенія Спасителя.

Христосъ съ Вами!

Гр. Д. Остенъ Сакенъ.

III.

22 Марта 1871. Пріютъ.

Отъ души благодарю Васъ, милая Вѣра Петровна, за деревья и сѣмена. Спѣшу отправить подводу за ними съ нашимъ отличнымъ садовникомъ, который самъ будетъ сажать и щепить ихъ.

Мы говѣемъ, не имѣю больше времени.

Анна и Софья Ивановны[4]) вмѣстѣ со мною обнимаютъ Васъ отъ всего преданнаго Вамъ сердца.

Христосъ съ Вами, дѣтьми, внуками и симпатичной Лизой, которой почеркъ мнѣ пріятно было узнать[5]).

Гр. Д. Остенъ Сакенъ.

---

[1]) Супруга Графа.

[2]) Лореръ—родственница графа.

[3]) Имѣніе г-жи Лореръ.

[4]) Сестра графини—Лутовина.

[5]) Писала подъ диктовку г-жи Кишкиной.

СМѢСЬ.

Эпиграфическая замѣтка.

Въ 21 томѣ Записокъ Импер. Одесск. Общества Ист. и Древностей въ протоколахъ засѣданій Общества на стр. 8—11 помѣщено содержаніе доклада В. В. Шкорпила о трехъ христіанскихъ надписяхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Керчи. Всѣ три надписи—профилактическаго содержанія. На послѣднемъ мѣстѣ между ними (стр. 10) помѣщена копія и транскрипція надписи на лоскуткѣ матеріи, вложенномъ въ бронзовый цилиндрикъ съ двумя ушками, найденный А. А. Диринымъ въ маѣ 1897 г. въ раскопанной имъ дѣтской гробницѣ на Сюръ Ташѣ у Азовскаго моря. Пишущему эти строки удалось видѣть этотъ лоскутокъ, присланный въ С.-Петербургъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію. При внимательномъ разсмотрѣніи надписи оказалось, что копія, снятая г. Шкорпиломъ,—небезукоризненной точности (разстояніе между строками дано бо́льшее, чѣмъ на самомъ дѣлѣ) и надпись допускаетъ болѣе полное возстановленіе. Мы прочитали ее слѣдующимъ образомъ:

1. Ὁρκίζω ὑμᾶς κα-
τὰ τοῦ Θεοῦ τοῦ <ζω>
ζῶ(ν)τος, πᾶν πνεῦ-
μα καὶ [φ]άν[τ]ασμα
2. καὶ πᾶν θηρίον ἀπο-
στῆν(αι) ἀπὸ [τῆ]ς
ψυχ[ῆ]ς τ[ῆς γ]υν[αι]-
κὸς [τα]ύτης...

«Заклинаю васъ Богомъ живымъ, всякій духъ и призракъ и всякій звѣрь, отступить отъ души этой женщины»...

Конецъ стр. 8-й и начала строкъ 9-й и 10-й не поддаются возстановленію; но во всякомъ случаѣ можно сказать навѣрное, что въ концѣ стр. 8-й не былъ обозначенъ 602-й годъ воспорской эры, какъ думаетъ г. Шкорпилъ,—такъ какъ обозначеніе даты здѣсь совершенно неумѣстно.

В. Латышевъ.

Проэктъ надѣленія землей въ г. Старомъ Крымѣ братства Искупленія.

Громадныя пространства незаселенной земли были пріобрѣтены въ концѣ прошлаго вѣка на нашихъ южныхъ окраинахъ. Необозримыя степи, покрытыя толстымъ слоемъ чернозема, тянулись на сотни верстъ, никѣмъ необрабатываемыя, и только табуны дикихъ коней проносились здѣсь коекогда. Эти степи представляли собой колоссальное богатство, которымъ никто не пользовался, и вполнѣ понятны заботы правительства о заселеніи ихъ. Въ архивѣ бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернаторства находимъ множество дѣлъ о колонизаціи края; причемъ нетрудно замѣтить, что правительство селило здѣсь главнымъ образомъ иностранцевъ, или иновѣрцевъ и сектантовъ; болгаре, сербы, нѣмецкіе колонисты, раскольники, меноиты, армяне—вотъ изъ какихъ элементовъ составлялось населеніе вновь пріобрѣтаемыхъ земель.

Между прочимъ находимъ въ упомянутомъ архивѣ [1]) дѣло объ отводѣ близъ гор. Стараго Крыма земли для католическаго общества «Les frères de la Redemption». Это общество возникло въ Италіи въ 1732 г. и основателемъ его былъ нѣкто Альфонсъ Марія Лигдори; въ 1749 г. орденъ былъ утвержденъ папой Бенедиктомъ XIV. Цѣлью, которую ставили себѣ члены ордена, было: освятить себя возможнымъ подражаніемъ Искупителю и прійдти на помощь угнетеннымъ—особенно сельскому населенію, путемъ проповѣди и религіозныхъ упражненій. Долгое время орденъ существовалъ лишь въ Италіи; потомъ стали образовываться отдѣленія ордена въ другихъ странахъ и, между прочимъ, въ Варшавѣ. Въ 1803 г. Николаевскому губернатору генералъ-лейтенанту Беклешову прислано было отъ Государя именное повелѣніе, которое мы считаемъ небезынтереснымъ привести цѣликомъ:

«Католическое общество, подъ именемъ «Les frères de la Redemption» извѣстное, принесло мнѣ черезъ повѣреннаго своего графа Ланскоронскаго просьбу о дозволеніи ему водвориться въ Крымскомъ полуостровѣ съ дарованіемъ оному нѣкоторыхъ для поселенія его удобностей. Разсмотрѣвъ сію просьбу и находя, что водвореніе сего общества можетъ быть въ томъ

[1]) Херс. губ. 1803 г., № 1.

краю полезно, Я приказалъ министру внутреннихъ дѣлъ изъявить графу Ланскоронскому Мое на то соизволеніе; между тѣмъ считаю нужнымъ, чтобы для назначенія имъ земли сдѣланы были слѣдующія распоряженія:

«1-е. Бывшій Новороссійскій военный губернаторъ представлялъ, что общество сіе можетъ быть поселено на мѣстѣ, Старый Крымъ именуемомъ. По свѣдѣніямъ отъ него тогда же доставленнымъ видно, что на семъ же самомъ мѣстѣ дозволено селиться и армянамъ. Хотя дозволеніе сіе не даетъ имъ на оное исключительнаго права и хотя по отзыву военнаго губернатора мѣсто сіе по доселѣ ими незанято: тѣмъ не менѣе однако-же считаю Я нужнымъ, чтобы вы собрали точнѣйшія свѣдѣнія, сколько остается тамъ теперь незаселенной земли, исключая той, которая по грамотѣ армянскому обществу данной отведена къ монастырю св. Егорія».

«2-е. Сверхъ сего мѣста можно назначить обществу сихъ братьевъ въ степной части Крыма до десяти тысячъ десятинъ земли удобнѣйшей, какая свободною найтись можетъ».

«3-е. А дабы переселенцы сіи могли напередъ знать положеніе назначаемыхъ имъ мѣстъ, графъ Ланскоронскій по отзыву къ нему министра внутреннихъ дѣлъ предложитъ имъ для осмотра ихъ послать въ Крымъ отъ себя повѣренныхъ. По прибытіи сихъ повѣренныхъ вы не оставите показать имъ всѣ выгоды назначаемыхъ мѣстъ и дозволить имъ самимъ въ степной части изъ свободныхъ и никому неотданныхъ земель сдѣлать для себя выборъ».

«4-е. Послѣ сего, узнавъ съ точностію желаніе ихъ въ разсужденіи льготныхъ лѣтъ и прочихъ пособій къ переселенію, вы представите Мнѣ оныя на усмотрѣніе. Въ Санктпетербургѣ, февраля 24 дня. 1803 года».

«На подлинномъ тако: Александръ».

«Графъ Кочубей».

По полученіи такого именного повелѣнія Беклешовъ обращается въ «комиссію учрежденную для разбора споровъ по землямъ и для опредѣленія повинностей въ Крымскомъ полуостровѣ» съ просьбой доставить ему свѣдѣнія о земляхъ въ Старомъ Крымѣ, а также откомандировать землемѣра для собранія точнѣйшихъ данныхъ.

Комиссія препровождаетъ Беклешову копію со справки, учиненной въ комиссіи, и принятыя въ оную изъ Новороссійскаго губернскаго правленія 6 дѣлъ о земляхъ города Стараго Крыма. Изъ отвѣта комиссіи можемъ почерпнуть любопытныя извѣстія о Старомъ Крымѣ и о заселеніи принадлежащихъ городу земель.

По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ числѣ дѣлъ, принятыхъ изъ Новороссійскаго губернскаго правленія, имѣются: 1) По предписанію Таврическаго генералъ-губернатора кн. Потемкина объ отводѣ коллежскому совѣтнику Лазареву земли, на которой стоитъ Егорьевскій армянскій мо-

настырь, и по просьбѣ Лазарева объ отдачѣ этой земли монастырю. 2) По просьбѣ армянскаго архіепископа Іосифа и по предписанію кн. Потемкина объ отводѣ земли какъ къ стоящей въ г. Ѳеодосіи армянской церкви св. Сергѣя, такъ и для поселенія армянъ, а также лично епископу для заселенія румельскими армянами. 3) По просьбѣ католическаго архіепископа могилевскаго Сестренцевича и уніатской церкви архіепископа Лисовскаго и по предписанію кн. Потемкина объ отводѣ земли къ церквамъ и для заселенія. 4, 5 и 6) по просьбѣ архіепископа Ѳеодосійскаго и Маріупольскаго (жительствующаго въ Старомъ Крыму) и по предписанію графа Зубова, Таврическаго генералъ-губернатора, объ отводѣ земли къ архіерейскому дому.

Объ отводѣ земли Лазареву и архіепископу Іосифу показано также въ доставленной въ комиссію изъ Новороссійскаго губернскаго правленія вѣдомости о дачахъ Перекопскаго и Акмечетскаго уѣздовъ; земли эти, какъ показано въ вѣдомости, «состоятъ въ завладѣніи, но не сняты и немежованы». Изъ той же вѣдомости заимствуетъ комиссія свѣдѣнія о гор. Старомъ Крымѣ: «Старый Крымъ городъ немежеванъ и затѣмъ неизвѣстно, сколько при немъ земли, расположенъ между горами на равномъ и выгодномъ между садами мѣстѣ; остатки греческихъ и армянскихъ церквей и татарскихъ мечетей доказываютъ прежнюю сего города обширность; нынѣ же существуютъ въ немъ дворецъ, построенный изъ дикаго бутоваго камня подъ черепицею и при немъ фруктовый садъ, гдѣ имѣетъ свое пребываніе архіепископъ кефійскій и маріупольскій; въ дворцѣ походная его церковь Успенія Богородицы; имѣется также шелковый заводъ; обывательское строеніе состоитъ изъ остатковъ ветхихъ татарскихъ домовъ, жители водою довольствуются изъ фонталовъ, въ которыхъ вода здорова». Далѣе, Беклешову сообщается, что «въ присланной въ комиссію изъ Новороссійской казенной палаты вѣдомости о казенныхъ земляхъ, оставшихся за роздачею разнымъ людамъ, въ Старомъ Крымѣ таковыхъ земель незначится».

Мы видимъ такимъ образомъ, что изъ казенныхъ земель, лежащихъ при гор. Старомъ Крымѣ, лишь незначительная часть отведена къ архіерейскому дворцу; вся же остальная земля отдана католикамъ и уніатамъ и особенно армянамъ, имѣющимъ въ 5 верстахъ отъ Стараго Крыма свой старинный Георгіевскій монастырь, основанный, по преданію, еще въ 1340 г. Однако армяне, повидимому, не довольствовались отведенными имъ казенными землями. Въ 1801 г. повѣренный старокрымскихъ татаръ жаловался Новороссійскому военному губернатору Михельсону, что армянскій архимандритъ Лазарь Артабанъ «вторично отмежевалъ для монастыря своего земли и лѣса, состоящіе между онымъ монастыремъ и Старымъ Крымомъ; не одни казенные, но и собственные татаръ по самое строеніе

ихъ, и чрезъ то лишилъ ихъ пропитанія». Кромѣ того повѣренный заявлялъ, что изъ армянъ туда для поселенія никто не пріѣхалъ, и просилъ отдать татарамъ землю, оставшуюся отъ межеванія. Помимо этой жалобы, нѣсколько старокрымскихъ жителей — татаръ же подали особое заявленіе въ комиссію о томъ, что армянскій архіепископъ Сарпасанъ 8 лѣтъ тому назадъ, ссылаясь на пожалованіе монастырю 12000 дес., отмежевалъ къ монастырю ихъ земли, доставшіяся имъ отъ предковъ, а также земли, принадлежащія мечети и училищу. «И потомъ», говорится далѣе въ заявленіи «онъ (Сарпасанъ), а по немъ пріемникъ его Козаръ Мартобитъ не допущаетъ ихъ татаръ ко владѣнію оныхъ земель и угодій, отъ чего они татары, равно мечеть и училище пришли въ разореніе». Въ заключеніе, конечно, просьба о возвращеніи имъ — татарамъ неправильно отнятыхъ у нихъ земель.

Но не только татары, сами армяне жалуются на своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ: бахчисарайскій мѣщанинъ армянинъ Арутюнъ Хачидуровъ подалъ въ комисію прошеніе, въ которомъ изъяснялъ, что еще въ 1779 г. крымскій ханъ Шагинъ-Гирей пожаловалъ отцу его шубному мастеру Хачидуру домъ въ Ѳеодосіи, а въ Старомъ Крымѣ армянскій монастырь съ фруктовымъ садомъ; потомъ «изъ онаго имѣнія домъ взятъ въ казну, а монастыремъ завладѣлъ архіерей Лазаръ». Арутюнъ просилъ о скорѣйшемъ разсмотрѣніи дѣла и представилъ на татарскомъ языкѣ копію съ фирмана, дарованнаго отцу его Шагинъ-Гиреемъ. Странно только, что Арутюнъ ни однимъ словомъ не обмолвился объ отводѣ Егорьевскому монастырю *казенныхъ* земель. Какъ поступлено было со всѣми этими прошеніями, на это въ архивѣ нѣтъ указаній.

Изъ приведенныхъ жалобъ, а также изъ именного повелѣнія видно, что армяне, получивъ въ окрестностяхъ Стараго Крыма земли, не занимали ихъ и не пріѣзжали туда. Однако, узнавъ о томъ, что собираются отводить землю католическому братству, армяне всполошились и рѣшили напомнить о себѣ. 7 мая 1803 г. подается Беклешову коллективное прошеніе отъ армянъ жительствующихъ на крымскомъ полуостровѣ: «армянскій архіепископъ Ефремье, жительствующій въ Санктпетербургѣ, и дворянинъ Мина Лазаревичъ извѣстили насъ письменно, что о желаніи нашемъ переселиться въ Старый Крымъ по силѣ дарованной Монаршей грамоты, которая нынѣ въ городѣ дуббусарахъ хранится у живущихъ нашихъ единовѣрцевъ армянъ, докладывали вашему высокопревосходительству, по таковому поводу, и что мы дѣйствительно желаемъ въ Старомъ Крыму поселиться, просимъ вашего высокопревосходительства объ отводѣ подъ застроеніе домовъ земли и о непрепятствованіи намъ къ выходу туда, кому слѣдуетъ повелѣть неоставить и о семъ учинить милостиваго вашего высокопревосходительства разсмотреніе» (Слѣдуетъ 13 надписей по армянски съ переводомъ на русскій языкъ).

Комиссія для разбора споровъ по землямъ и для опредѣленія повинностей въ крымскомъ полуостровѣ сообщала Беклешову, что свободныхъ казенныхъ земель близъ Стараго Крыма не осталось. Беклешовъ и самъ ѣздилъ въ Старый Крымъ, но «не нашелъ, да и по разслѣдованіи не могъ узнать, чтобы тамъ было достаточное число пустопорожнихъ земель». Наконецъ, Беклешовъ предписываетъ еще Таврическому гражданскому губернатору Милорадовичу отправить землемѣра, чтобы онъ донесъ о количествѣ незаселенной земли съ приложеніемъ примѣрнаго плана, а также собралъ свѣдѣнія, гдѣ было бы удобно отвести католическому братству до 10,000 десятинъ земли. Такимъ образомъ Беклешовъ сдѣлалъ все съ своей стороны, чтобы собрать какъ можно болѣе точныя свѣдѣнія; но отвѣтъ получился все тотъ же: свободной земли нѣтъ. Объ этомъ же сообщилъ Беклешову и Милорадовичъ рапортомъ отъ 4 іюля, причемъ онъ прибавилъ, что до 10,000 дес. земли можно было бы купить за сходную цѣну у помѣщиковъ. Но и самое братство Искупленія, повидимому, перестало хлопотать объ отводѣ земли; повѣренные его для осмотра земли на мѣстѣ совсѣмъ не пріѣзжали и вообще по этому вопросу мы не находимъ больше въ архивѣ никакихъ извѣстій. Такъ, повидимому, свелось на нѣтъ все это дѣло, потребовавшее обширной переписки и множества справокъ. Для насъ однако это дѣло не лишено интереса; благодаря ему, получаются свѣдѣнія, относящіяся къ колонизаціи Крыма, причемъ подтверждается то, что было уже указано: инородцы и иновѣрцы, — армяне, католики, уніаты и пр.,—вотъ изъ кого составлялось населеніе нашихъ вновь заселившихся южныхъ окраинъ.

Н. Родзевичъ.

Заведеніе Ланкастерскихъ школъ въ Новороссіи.

(По даннымъ, извлеченнымъ изъ архива бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора).

Извѣстно, что событія 1812 г. сильно подѣйствовали на Императора Александра I и произвели въ душѣ его рѣзкій переломъ. Взволнованный и потрясенный до глубины души гибелью Москвы, Государь, по совѣту кн. Голицына, беретъ Библію,—и какъ-бы новый міръ открывается предъ нимъ при чтеніи ея; онъ находитъ мѣста, поразительно подходящія къ его положенію и его настроенію, онъ слышитъ дружескій голосъ, который утѣшаетъ и одобряетъ его. «Пожаръ Москвы освѣтилъ мою душу», признавался потомъ самъ Государь: «и наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не ощущалъ. Тогда я позналъ Бога». Такой же переломъ происходитъ около этого времени и въ обществѣ; религіозные кружки съ мистическимъ оттѣнкомъ возникаютъ десятками и насчитываютъ сотни и тысячи членовъ; высокопоставленныя лица собираются для общей молитвы и религіозныхъ бесѣдъ; примѣру высшихъ слѣдуютъ и подчиненные: губернаторы произносятъ рѣчи, похожія на проповѣди, городничіе и становые пристава распространяютъ Священное Писаніе, а донесенія ихъ переполнены церковно-славянскими текстами. Въ 1813 г. по почину членовъ Лондонскаго Библейскаго Общества открыто такое же общество въ Россіи подъ покровительствомъ Государя и подъ предсѣдательствомъ кн. Голицына; общество ставитъ своей задачей просвѣщеніе народа въ духѣ христіанства и распространеніе Св. Писанія; начальствующія лица въ провинціи приглашаются къ участію въ дѣятельности общества и къ открытію мѣстныхъ отдѣленій. Въ связи съ дѣятельностью Библейскаго Общества находится также и появленіе у насъ Ланкастерскихъ школъ.

Знакомствомъ съ школами взаимнаго обученія по методѣ Белля и Ланкастера русское общество обязано Министерству внутреннихъ дѣлъ и агентамъ Библейскаго Общества, которые, такъ же какъ и массонскіе дѣятели весьма интересовались этими школами. Въ 1813 году посланъ былъ Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ заграницу нѣкто Гамель для собиранія свѣдѣній по мануфактурѣ и хозяйству; въ Лондонѣ онъ имѣлъ случай ви-

дѣть Ланкастерскія школы, которыя поразили его простотой своего устройства, и впечатлѣнія свои онъ сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, который опубликовалъ ихъ въ «Сѣверной Почтѣ». Затѣмъ Гамель составилъ подробное описаніе этихъ школъ и книга его была напечатана по повелѣнію Государя на нѣмецкомъ языкѣ, а въ 1820 г. переведена на русскій. Простота и дешевизна Ланкастерскихъ школъ были главной причиной ихъ распространенія въ Россіи. Уже въ 1815 г. мы видимъ такія школы, заведенныя для солдатъ русскаго оккупаціоннаго корпуса, расположеннаго въ то время во Франціи. Въ 1816 г. 4 студента Главнаго Педагогическаго Института отправлены были по Высочайшему повелѣнію за границу для ознакомленія съ методой взаимнаго обученія. Въ 1817 г. въ нѣкоторыхъ военныхъ школахъ вводится преподаваніе по методѣ Ланкастера и метода эта рекомендована для низшихъ классовъ приходскихъ школъ, гдѣ не менѣе 100 чел. учащихся. Для подготовки учителей предполагалось учредить особые Ланкастерскіе педагогическіе курсы, но ограничились устройствомъ при с.-петербургскомъ университетѣ особаго Ланкастерскаго класса, въ которомъ обязаны были учиться всѣ студенты, но который просуществовалъ лишь нѣсколько лѣтъ.

Таковы были первыя попытки ввести въ нашемъ отечествѣ систему взаимнаго обученія по методѣ Белля и Ланкастера. Метода эта заключается въ томъ, что лучшіе ученики сами, подъ наблюденіемъ учителя, передаютъ свои знанія слабѣйшимъ, что даетъ возможность обучать одновременно въ одной комнатѣ и подъ руководствомъ одного учителя—весьма большое число учениковъ, иногда болѣе 1000. Всѣхъ учащихся дѣлятъ, по ихъ познаніямъ и способностямъ, на множество маленькихъ группъ или классовъ, человѣкъ по 10—16 въ каждомъ, и для каждаго класса назначается учителемъ въ руководители или «мониторы» одинъ изъ лучшихъ учениковъ старшаго класса. Классъ сидитъ на одной длинной скамьѣ, или располагается полукругомъ около своего монитора. Самые опытные и благонравные ученики становятся старшими помощниками учителя и имѣютъ надзоръ за младшими мониторами. Давно уже эта метода приходила на мысль многимъ педагогамъ, но лишь въ концѣ XVIII в. была она разработана и примѣнена на практикѣ одновременно двумя лицами, дѣйствовавшими совершенно независимо одинъ отъ другого—Беллемъ и Ланкастеромъ. Первые опыты дали блестящіе результаты и система Белля и Ланкастера быстро распространяется во всѣхъ европейскихъ странахъ. Библейскія общества принимали дѣятельное участіе въ распространеніи этой методы, и поэтому, можетъ быть, школы и Белля и Ланкастера носили явный религіозный отпечатокъ: чтеніе Библіи было однимъ изъ главныхъ предметовъ преподаванія, а въ школы Белля принимались дѣти только одного вѣроисповѣданія, чего впрочемъ не было въ Ланкастерскихъ школахъ, распространившихся у насъ въ Россіи.

Другой особенностью школъ взаимнаго обученія является строгій порядокъ, который необходимо долженъ былъ царить въ комнатѣ, гдѣ одновременно обучается масса дѣтей различныхъ классовъ. Чисто военная дисциплина и выправка вводится въ этихъ школахъ, которыя къ тому-же въ нашемъ отечествѣ впервые были устроены именно въ войскахъ. Когда читаешь въ «Руководствѣ къ взаимному обученію», составленномъ Гречемъ, описаніе урока по методѣ Ланкастера, можно совершенно забыть, что имѣешь передъ собой классъ, и невольно переносишься мыслью на плацъ, гдѣ происходитъ фронтовое ученіе. Надзиратели порядка, выбранные учителемъ изъ лучшихъ учениковъ 8 (старшаго) класса, громко командуютъ. Старшіе въ каждомъ классѣ по командѣ дѣлаютъ шагъ вправо, по командѣ «*маршъ*»! выступаютъ впередъ, а затѣмъ опять по командѣ приступаютъ къ обученію. По командѣ ученики входятъ въ классную залу, по командѣ—«*во фрунтъ*»! — поворачиваются лицомъ къ учителю, по командѣ садятся, берутъ доски и грифеля и принимаются за занятія. Вотъ напр. приказанія, которыя отдаются на урокѣ ариѳметики: «*Верхніе классы къ ариѳметикѣ! Вставай! на право! въ линію! маршъ! Во фрунтъ! Къ ариѳметическому разряду стройся*»! И дружно, размѣрено по командѣ должны были усваивать себѣ дѣти начала премудрости. Обязанность учителя при такомъ преподаваніи ограничивалась верховнымъ надзоромъ, назначеніемъ надзирателей и старшихъ по классу, распредѣленіемъ наградъ и наказаній и, наконецъ, занятіями со старшимъ классомъ.

Съ возвращеніемъ отправленныхъ заграницу 4-хъ студентовъ, быстро распространяется метода Ланкастера; 1-мъ училищемъ въ Россіи, устроеннымъ вполнѣ по системѣ Ланкастера, была школа основанная въ Гомелѣ въ имѣніи графа Румянцева на 50, потомъ на 200 учащихся; здѣсь преподавались Законъ Божій, грамматика, ариѳметика, ремесла, а лѣтомъ, кромѣ того, земледѣліе и огородничество. При Министерствѣ народнаго просвѣщенія образованъ былъ особый «комитетъ» по устройству школъ взаимнаго обученія и въ 1818 г. въ Петербургѣ уже открыта такая школа. Въ 1819 г. возникаетъ общество, которое ставитъ своей задачей распространеніе Ланкастерскихъ школъ; многія высокопоставленныя лица вступаютъ членами въ это общество или принимаютъ участіе въ дѣятельности его. Въ короткое время открывается въ нашемъ отечествѣ цѣлый рядъ Ланкастерскихъ школъ. Въ 1822 г. открыты въ С.-Петербургѣ Ланкастерская школа для дѣтей бѣдныхъ иностранцевъ и женская Ланкастерская школа, просуществовавшая до 1854 г. и преобразованная потомъ въ училище Св. Елены; въ 1823 г. въ Петербургѣ же основана Ланкастерская школа для русскихъ мальчиковъ; во множествѣ провинціальныхъ городовъ открыты такія же школы.

Довольно равнодушно отнеслось къ Ланкастерскимъ школамъ насе-

леніе Новороссійскаго края, какъ видно изъ дѣла, хранящагося въ архивѣ бывшаго Новороссійскаго ген.-губернатора (Херс. губ. 1819 г. № 5). Вотъ данныя, которыя мы находимъ въ этомъ дѣлѣ:

15 марта 1819 г. отправлено было графомъ Ѳ. Толстымъ, президентомъ общества для устройства Ланкастерскихъ школъ, отношеніе къ графу Ланжерону.

«Въ числѣ благодѣтельныхъ для человѣчества открытій, принадлежащихъ собственно нашему вѣку, достоинъ особаго вниманія способъ взаимнаго обученія, изобрѣтенный Беллемъ и Ланкастеромъ. Друзья человѣчества и народнаго просвѣщенія въ то же самое время отдали должную справедливость сему изобрѣтенію». Всѣ почти правительства учредили у себя Ланкастерскія школы, «и вскорѣ отъ краевъ отдаленнѣйшихъ Индій [1]) до Парижа и Лондона ученіе по методѣ Ланкастера сдѣлалося общимъ и почти единственнымъ и повсемѣстнымъ». Только у насъ долгое время не были извѣстны эти училища, пока Государь не повелѣлъ обучать по этому способу въ школахъ военныхъ кантонистовъ. Успѣхъ этой первой попытки превзошелъ ожиданія и вызвалъ общую благодарность и удивленіе. И вотъ, создалось общество, президентомъ котораго состоитъ гр. Толстой и которое поставило своей цѣлью, воспользоваться методой Ланкастера для безденежнаго обученія дѣтей бѣднѣйшихъ классовъ народа. Училища уже открываются въ С.-Петербургѣ и «Всевышній благословляетъ сіе усердное предпріятіе». Государь утвердилъ уставъ общества, «почтеннѣйшія особы при дворѣ и въ столицѣ украсили именами своими списокъ онаго». Президентъ общества извѣщаетъ обо всемъ этомъ гр. Ланжерона. «Лаская себя пріятною надждою найти въ особѣ вашей усерднѣйшаго соревнователя, общество покорнѣйше проситъ Ваше Сіятельство сообщить жителямъ ввѣренныхъ вамъ губерній, особенно же всегда отличающемуся патріотическимъ рвеніемъ благородному сословію дворянства, сей уставъ и приглашеніе». Если бы кто изъ помѣщиковъ и другихъ обывателей пожелалъ завести училища взаимнаго обученія, то графъ отъ имени общества обѣщаетъ сообщать по первому требованію нужныя свѣдѣнія и доставлять пособія за самую ничтожную цѣну.

При отношеніи гр. Толстого приложены печатныя приглашенія и уставъ общества на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ приглашеніи исчислены преимущества методы Белля и Ланкастера: 1) «въ одинъ годъ можно успѣть также, какъ по обыкновенной методѣ въ 3 года»; 2) «Издержки обученія гораздо умѣреннѣе нежели въ другихъ училищахъ»; 3) «Дѣти весьма легко выучиваются правописанію и получаютъ въ письмѣ

[1]) Метода Белля дѣйствительно была примѣнена въ Эгморской военной школѣ въ Остъ Индіи (см. Бенеке «Руководство къ воспитанію и ученію» ч. 2, стр. 213).

руку чоткую и красивую»; 4) «Дѣти привыкаютъ къ повиновенію, порядку, тишинѣ и благонравію», и наконецъ, 5) послѣднее преимущество состоитъ въ простотѣ этой методы. Какъ на примѣры учебныхъ заведеній, гдѣ уже введена метода Ланкастера, указывается на военно-сиротскій домъ въ С.-Петербургѣ и на школу взаимнаго обученія для взрослыхъ при штабѣ гвардейскаго корпуса.

29 апрѣля того же года главноуправляющій статистической частью Балашевъ обратился къ графу Ланжерону съ отношеніемъ, въ которомъ сообщаетъ, что онъ «въ числѣ многихъ почетныхъ особъ» имѣетъ честь быть членомъ «Высочайше утвержденнаго общества для заведенія училищъ взаимнаго обученія по методѣ Белля и Ланкастера».

«Не почитая нужнымъ», пишетъ далѣе Балашевъ, «распространятся въ исчисленіи пользъ, отъ способа взаимнаго обученія вообще проистекающихъ, повсюду почти нынѣ извѣстныхъ и съ довольною подробностію въ помянутомъ отношеніи къ вамъ [1]) изъясненныхъ, я вмѣняю себѣ въ обязанность обратить ваше вниманіе на сей способъ обученія исключительно въ отношеніи къ государственной статистикѣ, доставленіе коей ввѣрено особому моему попеченію. Здѣсь не излишнимъ кажется мнѣ коснутся кратко той великой пользы, которая отъ сей науки проистекаетъ». Подробно по пунктамъ разсматриваетъ Балашевъ пользу статистики. Въ отношеніи къ правительству польза этой науки состоитъ въ томъ, «что чѣмъ полнѣйшія и точнѣйшія правительство будетъ имѣть свѣдѣнія о состояніи народа, тѣмъ съ большею удобностію будетъ находить мѣры къ утвержденію его безопасности и благосостоянія и примѣнять сіи мѣры къ обстоятельствамъ мѣстнымъ, кои во всякомъ государствѣ столь разнообразны, что одни умозрительныя начала не могутъ быть достаточны». Въ отношеніи къ частнымъ людямъ польза статистики состоитъ въ томъ, «что она открываетъ способы Государства, указуетъ и разверзаетъ, такъ сказать, источники его богатства, вспомоществуя правительству въ дѣяніяхъ его вообще и въ особенности въ пріемлемыхъ имъ мѣрахъ по части хозяйства и промышленности, изучаетъ уважать благія его намѣренія. Статистическія свѣдѣнія, сообщенныя владѣльцамъ земель, фабрикантамъ, купцамъ, могутъ подать имъ новыя полезныя мысли и догадки и поведутъ ихъ къ новымъ полезнымъ открытіямъ и заведеніямъ».

Доказавъ, такимъ образомъ, важность статистики, авторъ дѣлаетъ выводъ, что распространеніе статистическихъ познаній приноситъ большую пользу. «Какое же надлежитъ особенное средство къ распространенію статистическихъ познаній? Размноженіе числа людей, знающихъ грамотѣ и

---

[1]) Вѣроятно, подразумѣвается приведенное выше отношеніе отъ гр. Толстого, президента общества.

обученныхъ по крайней мѣрѣ необходимымъ въ общежитіи наукамъ. Къ легчайшему и вѣрнѣйшему достиженію сей цѣли ведутъ способы Белля и Ланкастера». Поэтому Балашевъ, какъ главноуправляющій статистической частью и членъ общества, проситъ гр. Ланжерона оказать содѣйствіе обществу и пригласить «благонамѣренныхъ и вмѣстѣ достаточныхъ людей» къ учрежденію въ Новороссійскихъ губерніяхъ училищъ для взаимнаго обученія по методѣ Белля и Ланкастера.

Однако все краснорѣчіе гр. Толстого и Балашева не привело почти ни къ какимъ результатамъ; дѣло ограничилось почти одной только формальной перепиской. Графъ Ланжеронъ, сообщая о полученныхъ отношеніяхъ, разсылаетъ уставъ общества подвѣдомственнымъ ему гражданскимъ губернаторамъ и получаетъ рапорты о томъ, что сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія; одесская городская полиція присовокупляетъ при этомъ, что «хотя и употребляемо было со стороны полиціи стараніе къ приглашенію здѣшнихъ дворянъ, чиновниковъ и гражданъ на пожертвованіе въ пользу Ланкастерскихъ школъ, но никто на таковое добровольное пожертвованіе согласіе не изъявилъ». Въ мартѣ слѣдующаго 1820 г. гр. Ланжеронъ получаетъ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ гр. Кочубея 11 экземпляровъ переведеннаго по Высочайшему повелѣнію на русскій языкъ сочиненія—«Описаніе способа взаимнаго обученія» (вѣроятно Гамеля) для раздачи въ губерніяхъ Новороссійскаго края.

Имѣлось въ виду, очевидно, ознакомленіемъ населенія съ методой Ланкастера содѣйствовать распространенію въ краѣ Ланкастерскихъ школъ, но и эта мѣра не имѣла дѣйствія. Въ іюнѣ 1820 г. гр. Толстой проситъ у гр. Ланжерона свѣдѣній объ училищахъ взаимнаго обученія для сообщенія Министерству народнаго просвѣщенія и иностраннымъ обществамъ [1]). Гр. Ланжеронъ требуетъ свѣдѣній отъ подвѣдомственныхъ ему лицъ и получаетъ не особенно убѣдительные отвѣты. Екатеринославскій гражданскій губернаторъ рапортуетъ, что Ланкастерскихъ школъ въ губерніи не имѣется; поступить-же въ члены общества изъявилъ желаніе смотритель Бахмутскаго и Славяносербскаго уѣздныхъ училищъ помѣщикъ Пантелеймонъ Ивановичъ Золотаревъ. Таврическій губернаторъ извѣщаетъ, что Ланкастерскихъ школъ «еще не заведено». Въ Херсонской губерніи школъ не имѣется и къ учрежденію ихъ никто согласія не изъявилъ. Только одесскій градоначальникъ сообщаетъ, что взаимное обученіе по системѣ Ланкастера введено въ 1820 г. въ греческомъ коммерческомъ училищѣ, въ которомъ обучается до 160 учениковъ. 9 декабря 1820 г. гр. Ланжеронъ сообщаетъ гр. Толстому полученныя свѣдѣнія; между прочимъ Ланжеронъ пишетъ, что *при греческомъ коммерческомъ училищѣ открыта школа для*

[1]) Бумаги объ этомъ въ дѣлѣ не имѣется.

взаимнаго обученія по системѣ Ланкастера, «*въ коей* считается до 160 учащихся». Хотя гр. Ланжеронъ ссылается при этомъ на извѣстія, полученныя отъ Одесскаго Градоначальника, но его сообщеніе не сходится со словами Одесскаго Градоначальника, который говоритъ только о *методѣ Ланкастера*, введенной при элементарномъ обученіи въ греческомъ училищѣ, что дѣйствительно и было; Ланкастерской-же *школы* при греческомъ училищѣ въ Одессѣ никогда никакой не открывалось. Отношеніе гр. Ланжерона, какъ и всѣ бумаги, исходящія отъ Новороссійскаго генералъ-губернатора, хранится въ здѣшнемъ архивѣ въ черновомъ видѣ. Любопытно, что послѣ сообщенія о Ланкастерской школѣ при греческомъ коммерческомъ училищѣ въ черновомъ прибавлено еще и потомъ зачеркнуто: «да еще полагать должно откроется таковая-же вскорости при внѣшнемъ Ришельевскомъ лицеѣ». Очевидно, былъ такой проектъ, который извѣстенъ былъ графу Ланжерону, но о которомъ послѣдній рѣшилъ не сообщать, не будучи увѣренъ въ томъ, что проектъ будетъ приведенъ въ исполненіе.

Покровительство, которымъ пользовались Ланкастерскія школы со стороны правительствъ у насъ и въ Западной Европѣ, продолжалось, однако, не долго. Въ эпоху реакціи къ этимъ школамъ относились подозрительно: клерикалы во Франціи старались захватить образованіе въ свои руки и съ недоброжелательствомъ смотрѣли на учебныя заведенія, которыя ускользали изъ подъ ихъ вліянія; они-то и постарались выставить Ланкастерскія школы какими-то разсадниками вольнодумства и орудіями революціонной пропаганды; этотъ взглядъ на Ланкастерскія школы распространяется и у насъ въ высшихъ сферахъ въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I, годы глухого броженія и недовольства. Подозрѣніе, лежавшее на Ланкастерскихъ школахъ, подкрѣплялось еще и тѣмъ, что многіе вольнодумцы 20-хъ гг. и будущіе декабристы ставили себѣ цѣлью распространеніе образованія въ войскахъ, тратя на это свои собственныя средства; весьма возможно, что они пользовались при этомъ методой Ланкастера; вспомнимъ, что Ланкастерскія школы у насъ впервые появляются именно въ войскахъ и къ тому же въ войскахъ оккупаціоннаго корпуса, находившагося во Франціи въ 1814—1818 г. Все это могло, конечно, подорвать довѣріе правительства къ Ланкастерскимъ школамъ. Бунтъ въ Семеновскомъ полку Императоръ Александръ приписалъ вредному вліянію Ланкастерскихъ школъ, хотя именно въ Семеновскомъ то полку Ланкастерскихъ школъ, кажется, и не было. Перемѣна въ настроеніи правительства по отношенію къ Ланкастерскимъ школамъ выразилась, повидимому, и въ циркулярномъ предписаніи министра внутреннихъ дѣлъ къ гражданскимъ губернаторамъ отъ 10 марта 1821 года.

«Господинъ Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, по случаю учрежденія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ училищъ по методѣ Лан-

кастера, безъ предварительнаго о томъ сношенія съ начальствомъ по учебной части, и къ отвращенію, дабы при учрежденіи оныхъ не были допускаемы распоряженія, не согласныя съ предположеніями Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія о введеніи въ Россіи способа взаимнаго обученія,—относится ко мнѣ о учиненіи распоряженій, дабы господа начальники губерній съ своей стороны не приступали къ тому безъ предварительнаго сношенія съ начальствомъ по учебной части.

О таковомъ требованіи Господина Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія я честь имѣю сообщить Вашему Превосходительству, для надлежащаго наблюденія».

Въ этомъ предписаніи отчасти уже видно желаніе воспрепятствовать распространенію Ланкастерскихъ школъ.

Съ тѣхъ поръ стало замѣчаться сильное охлажденіе къ Ланкастерскимъ школамъ; закрывается Ланкастерскій классъ при С.-Петербургскомъ университетѣ, а общество для заведенія училищъ взаимнаго обученія прекращаетъ свое существованіе въ 1827 г. за недостаткомъ средствъ.

Въ 40-хъ гг. опять имѣемъ рядъ извѣстій о Ланкастерскихъ школахъ въ Бессарабіи (Бессар. губ. 1842 г., № 13). Бессарабскій губернаторъ входитъ съ ходатайствомъ къ графу Воронцову объ учрежденіи Ланкастерскихъ школъ въ Оргѣевѣ, Сорокахъ и Кагулѣ и разрѣшеніи отчислять изъ бессарабскаго десятипроцентнаго капитала сумму, потребную для устройства и ежегоднаго содержанія этихъ школъ. По приложенному разсчету оказывается, что на первоначальное образованіе всѣхъ 3-хъ школъ потребно 625 р. 53 к. сер., а ежегодно на наемъ помѣщенія, отопленіе и пр. 180 р. для каждой школы, на содержаніе учителя 257 р. $14^2/_7$ коп. Всего на ежегодное содержаніе 3-хъ школъ 1311 р. $42^6/_7$ к.—«Въ образованіи дѣтей», присовокупляетъ губернаторъ: «нуждаются наиболѣе служащіе въ тѣхъ городахъ чиновники и канцелярскіе служители». Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ согласіе на учрежденіе названныхъ школъ, а Министръ Внутреннихъ Дѣлъ—на отчисленіе потребной суммы изъ бессарабскаго $10^0/_0$ процентнаго капитала «съ тѣмъ, чтобы по примѣру переложенія штатовъ на серебро, вмѣсто опредѣленнаго въ возвращаемыхъ при семъ проектахъ штата училищъ и издержекъ на учрежденіе оныхъ жалованья учителямъ 257 р. $14^2/_7$ к. назначено было по 257 р. 29 к. въ годъ каждому».

Въ этомъ же дѣлѣ мы встрѣчаемъ извѣстія объ отпускѣ сорокскому училищу временнаго пособія въ 83 р. по случаю пожара въ зданіи училища и о прибавкѣ на ежегодное содержаніе сорокской и оргѣевской школъ по 50 руб.; при этомъ мы узнаемъ, что число учениковъ въ оргѣевской школѣ было въ 1847 г.—24, а въ 1848 г. удвоилось.

Ходатайства объ учрежденіи Ланкастерскихъ училищъ идутъ также

изъ Рени и изъ Килiи; любопытно, что килійское училище названо «приходскимъ».

Видимъ, наконецъ, что Ланкастерское училище существовало въ Кишиневѣ съ гораздо большимъ числомъ учащихся; въ 1843 г. учащихся было 150, въ 1846 г. 174 человѣка. Въ виду этого директоръ училищъ ходатайствуетъ объ открытіи въ Кишиневѣ 2-й Ланкастерской школы; ходатайство это было удовлетворено, причемъ сумма, отпущенная на ежегодное содержаніе этого училища, значительно выше—730 р.

О дальнѣйшей участи этихъ Ланкастерскихъ школъ не встрѣчаемъ въ дѣлахъ архива никакихъ извѣстій; есть нѣсколько дѣлъ о состояніи училищъ, объ открытіи новыхъ или закрытіи существующихъ въ 60-хъ и 70-хъ гг.; но въ этихъ дѣлахъ ни единымъ словомъ не упоминается о Ланкастерскихъ училищахъ; встрѣчаемъ, правда, извѣстія объ уѣздныхъ училищахъ въ Оргѣевѣ, Сорокахъ, Бѣльцахъ; весьма возможно, что это и были прежнія Ланкастерскія школы.

Мало кто знаетъ теперь объ обществѣ для заведенія училищъ взаимнаго обученія; между тѣмъ многія изъ Ланкастерскихъ школъ преобразованы въ другія учебныя заведенія, многія тысячи бѣдныхъ дѣтей обязаны этимъ школамъ своимъ образованіемъ; что же касается методы Ланкастера, то отъ нея удержанъ теперь принципъ помощи, которую оказываютъ учителю лучшіе ученики и которая особенно необходима, когда подъ руководствомъ одного учителя обучается большое число учениковъ.

Н. Родзевичъ.

Изъ описанія г. Одессы, сдѣланнаго генер. Сухтеленомъ.

Случай натолкнулъ меня на рукопись, въ которой между прочими документами помѣщено описаніе Одессы черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея основанія, сдѣланное генералъ-инженеромъ Сухтеленомъ. По всѣмъ видимостямъ, это описаніе должно было служить чѣмъ-то въ родѣ докладной записки или отчета о служебной поѣздкѣ. Вотъ наиболѣ любопытныя выдержки изъ этого описанія.

«По всему морскому берегу между Очаковымъ и устьемъ Днѣстра одно только есть въ томъ безпокойномъ морѣ убѣжище для кораблей — бухта Одесская, которая по глубинѣ воды позволяетъ довольно близко приставать къ берегу и закрываетъ суда, которыя на семъ рейдѣ стоятъ, отъ нѣкоторыхъ вѣтровъ, выключая отъ Остъ, который прямо изъ моря дуетъ и противъ котораго и въ самой бухтѣ весьма трудно удержаться Сіи причины подали мысль основать Одессу и тамъ построить крѣпость и гавань не токмо, чтобъ запретить всякимъ непріятельскимъ судамъ пользоваться сею бухтою и приставать къ берегу, но и приготовить своимъ кораблямъ вѣрное и безопасное пристанище во время великихъ бурь и штурмовъ, которые довольно часты на Черномъ морѣ, или когда противный вѣтеръ препятствуетъ имъ слѣдовать въ Севастополь.

«Въ Одессѣ много сдѣлано, и едва повѣрить можно, не увидавъ самъ сіе заведеніе, чтобъ въ столь короткое время столь можно было сдѣлать. Городъ довольно великъ и хорошо построенъ, и домы вообще всѣ каменные. Казармы достаточны, и безъ должной нужды можно помѣстить въ нихъ шесть баталіоновъ гарнизона. Крѣпость довольно велика и хорошо сработана, но не совсѣмъ еще окончена, и профиль вообще не довольно надеженъ, особливо рва и открытаго пути. И ежели ей доставить ту безопасность и важность, которыя она имѣть должна, чтобъ принудить непріятеля для взятія оной открыть траншеи, то непремѣнно надобно исправить профиль.

«Гавань въ Одессѣ начата въ трехъ разныхъ мѣстахъ и почти вездѣ плотина (mole) доведена до 15 футовъ глубины. Мысли: три плотины начаты, кажется, излишне, двѣ сходно было бы съ дѣломъ и съ предметомъ

заложенія Одессы, то есть одна для купеческой гавани, а другая для военной. Безъ сомнѣнія, полезнѣе было бы всѣ сіи важныя работы соединить сперва въ одномъ пунктѣ, и та или другая гавань безъ малаго могла бы быть готова. Но теперь дѣло не состоитъ въ томъ, что могло быть, но въ томъ, что есть. Плотина для военной гавани начата подъ самою крѣпостью и съ разными этажами батарей. Сія гавань въ совершенной власти нашей. Она длиною уже имѣетъ около 70 саж. и на концѣ 15 футовъ глубины. Работа прочная и важная. Молва, будто тамошній камень, которымъ наполнены деревянные квадраты, изъ коихъ плотина составлена, для такого зданія не годенъ, не справедлива, по очевидному моему свидѣтельству, и не сходна притомъ съ натурою, ибо родъ сего камня извѣстный, который болѣе связывается сообщеніемъ морской воды, нежели расплывается. Ежели сію плотину довести до глубины 8-ми футовъ, которая для воинской гавани потребна, надобно еще продолжать ее безъ малаго на 70 саж. и послѣ загнуть. Весьма желательно, чтобы сія работа была окончена, и гавань въ Одессѣ совершена. Она во всякое время можетъ быть нужна для мореплаванія на Черномъ морѣ, особливо во время войны, а касательно до купеческой оная для пользы государства необходимо нужна, какъ ниже будетъ сказано. Окончаніе сего строенія весьма улегчено множествомъ припасныхъ матеріаловъ, оставшихся отъ прежняго строенія, особливо лѣса, коего довольствіе труднѣе прочихъ и дороже, камень-же и известь на мѣстѣ».

Авторъ описанія не прочь и сдѣлать кое-какія предсказанія. Въ Одессѣ онъ видитъ такую же важную адмиралтействъ бухту, которая грозитъ сравняться съ самимъ Азовомъ. Если-бы, говоритъ онъ, переселить сюда опытныхъ корабельныхъ стройщиковъ, то можно было бы выстроить въ самомъ скоромъ времени весьма грозный флотъ. Авторъ описанія не предполагалъ, конечно, что Одесса такъ скоро откажется отъ всякихъ воинственныхъ настроеній и употребить свое выгодное морское положеніе на столько въ пользу торговли, что уже черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ другіе авторы называютъ Одессу городомъ на рѣдкость торговымъ. Между прочимъ, авторъ жалуется, что въ Одессѣ ни у кого изъ жителей нельзя достать кофе, этотъ знатный напитокъ, къ которому авторъ привыкъ въ Европѣ.

Арс. Гурлянд.

Обмѣленіе праваго рукава Днѣпра у Херсона.

Въ печати поднятъ очень важный и интересный не только съ экономической, но и съ научной точки зрѣнія вопросъ объ обмелѣніи праваго рукава Днѣпра у Херсона. По извѣстному закону Бера, казалось бы, должно происходить совершенно обратное, т. е. углубленіе и подмываніе праваго берега Днѣпра, такъ какъ именно въ правый берегъ вслѣдствіи вращенія земли должна ударять вся масса текущей въ Днѣпрѣ воды. Такъ происходитъ вездѣ, гдѣ нѣтъ спеціальныхъ мѣстныхъ причинъ, парализующихъ вліяніе закона Бера. Вотъ именно для Днѣпра и существуютъ въ настоящее время эти мѣстныя причины, которыя не только уничтожаютъ дѣйствіе закона Бера, но производятъ еще нѣчто большее, т. е. не только не допускаютъ подмыванія праваго берега, но и способствуютъ образованію у этого берега мелей. Не входя въ разсмотрѣніе причинъ этого обмелѣнія, вызванныхъ неправильнымъ пользованіемъ прибрежными водами мѣстными жителями и судовладѣльцами, такъ сказать, частныхъ причинъ, я укажу лишь существующія геологическія и физико-географическія причины, способствующія этому обмелѣнію.

Въ петербургскихъ основныхъ архивахъ какъ военнаго, такъ и морского министерствъ, а тоже въ библіотекахъ Императорской академіи наукъ и Императорской публичной находится множество чрезвычайно точно снятыхъ и въ большомъ масштабѣ старинныхъ картъ нижняго теченія Днѣпра и Днѣпровско-бугскаго лимана, составленныхъ въ концѣ прошедшаго столѣтія, тотчасъ же по завоеваніи этой области Россіею. Это обиліе старыхъ картъ является для насъ чрезвычайно цѣннымъ во всѣхъ отношеніяхъ и показываетъ, съ какой лихорадочной поспѣшностью и упорной настойчивостью Россія изучала присоединенный край, стараясь всесторонне познакомиться съ нимъ во всѣхъ деталяхъ. Изъ этихъ картъ оказывается, что сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ не только правый берегъ Днѣпра былъ глубокъ, но и правые (сѣверные) рукава его устья были очень глубоки, и по нимъ совершалось все судоходство, выходили въ море даже военные корабли. Это, между прочимъ, послужило также основаніемъ къ выбору мѣста для постройки Херсона и въ особенности къ очень занимав-

шему въ то время всѣхъ обширному проекту устройства громадной гавани и города на мѣстѣ такъ называемой Глубокой пристани, въ сѣверо-восточномъ углу Днѣпровскаго лимана. Въ видѣ иллюстраціи этого взгляда можно привести слова Потоцкаго (Potocki, le comte Jean. «Histoire ancienne du Gouvernement de Cherson». St.-Petersbourg 1804), который говоритъ: «я убѣжденъ, что если-бы изучали древнюю географію, то Херсонъ былъ-бы построенъ у Глубокой (пристани), Николаевъ на мѣстѣ Сто-Могильнаго, Овидіополь за косой, гдѣ русскія (собственно казацкія и запорожскія) лодки имѣли обыкновеніе зимовать. Одна Одесса, кажется, умно и предусмотрительно помѣщена». Между тѣмъ, теперь, сто лѣтъ спустя, оказывается: правый берегъ Днѣпра мелѣетъ, Днѣпровскій лиманъ у Глубокой пристани тоже обмелѣлъ, мѣсто за косою въ Днѣстровскомъ ламанѣ совсѣмъ занесено пескомъ. Одна лишь Одесса подтверждаетъ дѣйствительно, что она удачно расположена, такъ какъ ея бухта не только не мелѣетъ, но значительно углубляется (за 100 лѣтъ въ среднемъ углубилась на 8 футъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за 69 лѣтъ на 37 футъ, но объ этомъ подробнѣе въ другой разъ). Всѣ эти явленія происходятъ отъ одной и той-же геологической причины, именно: опусканія сѣверо-западной прибрежной Черному морю области, такъ называемой въ старину Очаковской степи. Между многими результатами этого опусканія надо указать также слѣдующее: разрушеніе одесскаго берега, отступленіе рѣкъ Днѣпра и Днѣстра влѣво, вмѣсто вправо, какъ слѣдовало бы ожидать по закону Бера, обмелѣніе правыхъ рукавовъ устья Днѣпра и лѣвыхъ въ устьѣ Дуная и, наконецъ, непрерывное уменьшеніе влаги въ степяхъ, не смотря на продолжающееся увеличеніе атмосферныхъ осадковъ. Указанное здѣсь отступленіе рѣки влѣво въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершается съ поразительной быстротой. Напримѣръ, селеніе Паланка сто лѣтъ тому назадъ находилось на самомъ берегу Днѣстра, какъ безспорно свидѣтельствуютъ всѣ старыя карты. Въ то время это была одна изъ значительныхъ турецкихъ крѣпостей, и знаменитый генералъ-аншефъ Г. А. Потемкинъ приказалъ снять ее на планъ въ 50-ти саженномъ масштабѣ; слѣдовательно, сомнѣнія быть не можетъ въ томъ, что Днѣстръ отъ крѣпости былъ въ то время на разстояніи 24 саженъ, а теперь ушелъ отъ Паланки болѣе чѣмъ на три версты влѣво. Сто лѣтъ тому назадъ о Збурьевскомъ гирлѣ вовсе и не знали, а все судоходство совершалось по сѣвернымъ рукавамъ днѣпровскаго устья, изъ которыхъ отъ самаго сѣвернаго теперь осталось лишь одно воспоминаніе въ видѣ двухъ-трехъ мелкихъ лужъ, почти высыхающихъ въ осени, а другіе бывшіе судоходные рукава совершенно обмелѣли. Наконецъ, еще Гаюи въ двадцатыхъ годахъ этого столѣтія замѣтилъ уменьшеніе влажности въ степяхъ южной Россіи и не зналъ, чему это приписать. Вслѣдствіе опусканія сѣверо-западнаго берега Чернаго моря, степь получаетъ все большій

и большій уклонъ къ югу, падающіе, хотя въ возрастающихъ количествахъ, атмосферные осадки быстрѣе стекаютъ въ море по увеличивающемуся уклону.

Только что указанныя здѣсь въ высшей степени серьезныя обстоятельства не только не слѣдуетъ и нельзя игнорировать, но постоянно нужно имѣть въ виду при проектированіи какихъ бы то ни было гидравлическихъ работъ въ цѣляхъ улучшенія берега и русла Днѣпра для судоходства. Оставленіе безъ вниманія столь серьезнаго геологическаго явленія, хотя и совершающагося крайне медленно, незамѣтно, но тѣмъ не менѣе безпрерывно и неизмѣнно, можетъ повести къ самымъ неожиданнымъ результатамъ, и къ совершенно непроизводительнымъ затратамъ, что отчасти мы уже видѣли при расчисткѣ Днѣпровскихъ гирлъ, какъ напримѣръ, знаменитаго Рвача, который въ старое время дѣйствительно былъ очень глубокъ и удобенъ для судоходства, а теперь трудно отъ него ждать благопріятныхъ результатовъ, не смотря на милліонныя затраты.

А. С.

Фаберова дача[1]).

(Дѣло въ Архивѣ Екатеринославскаго Губернскаго Правленія).

29 іюля 1784 г. С.-Петербургскій купецъ Фабре подалъ на Высочайшее имя слѣдующую челобитную:

«Бьетъ челомъ владѣлецъ Санктпетербургской купецъ Яковъ Андрѣевъ сынъ Францъ Фабре, а о чемъ мое челобитье, тому слѣдуютъ пункты:

1-е. Сего 1784 года отмежевана мнѣ, по повелѣнію Его Свѣтлости, высокоповелительного господина генералъ-фельдмаршала, государственной военной коллегіи президента, сенатора, Екатеринославскаго и Таврическаго генералъ-губернатора, всѣхъ россійскихъ и разныхъ орденовъ кавалера князь Григорія Александровича Потемкина въ Херсонскомъ уѣздѣ при рѣкахъ Бугѣ и устьи Ингула, подъ заведеніе плантаціи земля, на кое я и по сіе время съ указнымъ утвержденіемъ плана и межевыхъ книгъ не имѣю, и хотя оные къ выдачѣ мнѣ въ бывшей Новороссійской межевой экспедиціи и изготовлены были, но за открытіемъ Екатеринославскаго намѣстничества выдача пріостановлена; то дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое челобитіе принять и о выдачѣ мнѣ на вышеписанную отмежеванную въ Херсонскомъ уѣздѣ землю плана съ межевыми книгами съ указнымъ утвержденіемъ по данной отъ меня довѣренности подпоручику Самойлову учинить Вашего Императорскаго Величества указъ (собств. ручн. подпись—Францъ Фабре»). Челобитная подана въ Екатеринославское Намѣстническое Правленіе. Послѣднее, по наведеніи надлежащихъ справокъ, отвѣтило Фабре слѣдующимъ указомъ:

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержцы Всероссійской изъ Екатеринославскаго Намѣстническаго Правленія Херсонскаго уѣзда помѣщику С.-Петербургскому купцу Якову Андрееву сыну Францу Фаберу. По указу Ея Императорскаго Величества Екатеринославское Намѣстническое Правленіе, слушавъ прошеніе твое коимъ прописывая (слѣдуютъ выписки изъ прошенія) ..... а по справкѣ съ дѣломъ вступившимъ въ сіе Намѣстническое Правленіе изъ бывшей Новороссійской Губернской Канце-

[1]) Теперь Спасъ въ г. Николаевѣ.

ляріи оказалось, что Его Свѣтлость высокоповелительный господинъ генералъ-фельдмаршалъ, государственной военной коллегіи президентъ, сенаторъ Екатеринославскій и Таврическій генералъ-губернаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ Григорій Александровичъ оной губернской канцеляріи отъ 9 марта 1783 г. предложить изволилъ тебѣ желающему съ фамиліею своею и съ компаніею водвориться въ Херсонѣ, отвести въ тамошней окрестности близъ рѣкъ удобной для разведенія разныхъ плантацій 500 дес. земли, которую бы ты заселить и полезныя на оной произращенія развести могъ; почему посланнымъ изъ губернской канцеляріи въ ея межевую экспедицію указомъ велѣно, въ окрестности города Херсона удобной 500 дес. земли формально по силѣ межевой инструкціи отмежевать, и по отмежеваніи сочиня планъ и межевую книгу для законнаго утвержденія представить въ губернскую канцелярію, а 27 августа тогожъ года поданнымъ ты вѣ губернскую канцелярію доношеніемъ просилъ объ отводѣ тебѣ въ Херсонскомъ уѣздѣ при рѣкѣ Бугѣ и устьѣ рѣчки Ингула по теченію оныхъ съ лѣвой стороны къ отведенной тебѣ тамъ 500 еще 1000 дес. земли подъ поселеніе; а при томъ и господинъ генералъ поручикъ бывшій Екатеринскаго Намѣстничества правитель и кавалеръ Тимофей Ивановичъ Тутолминъ отъ 18 генваря 784 года оной губернской канцеляріи къ свѣдѣнію предложилъ, что по послѣдовавшей къ нему отъ тебя объ отводѣ тебѣ въ прописанномъ урочищѣ 1500 дес. просьбѣ, способствуя онъ господинъ генералъ-поручикъ и кавалеръ распространенію заведенія полезныхъ для сего краю плантацій и получа въ свое время объ отводѣ тебѣ земли повелѣніе Его Свѣтлости, предписано отъ него землемеру подпоручику Дебрецинію, дабы онъ тебѣ 1500 дес. землю, лежащую при рѣкѣ Бугѣ и устьи рѣчки Ингула, отмежевалъ формально, и сочиня планъ и межевую книгу представилъ въ губернскую канцелярію для законнаго утвержденія, и потому изъ той губернской канцеляріи ея межевой экспедиціи указомъ велѣно оную 1500 дес. землю тебѣ формальнымъ образомъ отмежевать, и по отмежеваніи сочиня подлежащій планъ и межевые книги представить для законнаго утвержденія въ губернскую канцелярію. А какъ надворный совѣтникъ Радуловичъ 784 года августа 14 дня представилъ въ сіе намѣстническое правленіе при рапортѣ для подписанія и законнаго утвержденія государственною печатью на отмежеванную землемѣръ-прапорщикомъ Самойловымъ формально по силѣ межевой инструкціи въ Херсонскомъ уѣздѣ тебѣ землю планы и межевыя книги, на коихъ въ вѣрности засвидѣтельствовалъ онъ Радуловичъ изъ тѣхъ же плановъ и межевыхъ книгъ значитъ: что въ оной дачѣ по формальномъ отмежеваніи явилось удобной къ хлѣбопашеству и сѣнокосу 1400, неудобной 105 дес. 1514 кв. саж., въ томъ числѣ подъ большою дорогою, лежащею изъ мѣстечка Станислава въ городъ Ольвіополь, проселочною и подполевыми дорогами 14 дес. 1410 кв.

саж.; а подпоручикъ Самойловъ справкою показалъ, что подъ оными дорогами состоитъ десятинъ: подъ большою 6, а подъ проселочною и полевыми восемь десятинъ 1410 кв. саж. (дальше приводятся выдержки изъ межевой инструкціи 1766 г., мая 25 дня, 29 гл. 1, 2, 4, 6, 8 и т. д. пункты и главы)... Для того въ намѣстническомъ правленіи прошедшаго 785 года мая 30 опредѣлено: какъ изъ предложенія господина генералъ-поручика бывшаго сего намѣстничества правителя и кавалера значитъ, что онъ господинъ генералъ-поручикъ, получа въ свое время объ отводѣ тамъ земли повелѣніе Его Свѣтлости высокоповелительнаго господина генералъ-фельдмаршала, государственной военной коллегіи президента, сенатора, Екатеринославскаго и Таврическаго генералъ-губернатора и разныхъ орденовъ кавалера князя Григорія Александровича Потемкина, предписалъ землемѣру Дебрецинію просимую тобою 1500 дес. землю отмежевать формально и сочиня планъ и межевую книгу представить въ бывшую Новороссійскую губернскую канцелярію, а сей предложилъ по полученіи приложить къ онымъ штемпелевую печать и утвердя подписомъ по узаконенію доставить оные тебѣ для безпрепятственнаго владѣнія, что и отъ губернской канцеляріи оному же землемѣру подтверждено, то въ разсужденіи того, и что изъ дѣлъ, вступившихъ въ сіе правленіе изъ бывшихъ Азовской и оной Новороссійской губернской канцеляріи видно, что роздавались въ тѣхъ губерніяхъ земли и утверждались въ вѣчность по повелѣніямъ Его же Свѣтлости, помянутые представленные отъ надворнаго совѣтника Радуловича три плана съ межевыми книгами, которые по свидѣтельству его оказались исправными, въ силу межевой инструкціи 29 гл. 4 п. подписавъ какъ планы такъ и межевыя книги присутствующимъ намѣстническаго правленія и приложа къ нимъ государственныя печати, коихъ за приложеніе на основаніи той же главы 8 п. взыскать съ тебя за всякую отмежеванную удобную и неудобную десятину, выключая изъ оной лежащую подъ большою дорогою, идущею изъ мѣстечка Станислава въ городъ Ольвіополь шесть дес., единожды по 3 коп., всего за 1500 дес. и 524 кв. саж.—45 р. $^3/_4$ к. и по взысканіи отослать для записки въ приходъ въ подлежащую сумму въ казенную палату, а на тѣхъ планахъ и межевыхъ книгахъ въ пріемѣ ихъ учиня надпись отдать оригинальный планъ и межевую книгу для вѣчного и потомственного того землею владѣнія тебѣ съ роспискою, обязавъ при томъ тебя особенною таковою же о выполненіи на всегдашнее время межевой инструкціи: 7 гл. 9 п., повелѣвающаго сбереженія межевыхъ признаковъ. Копію же плановъ и межевыхъ книгъ отослать для свѣдѣнія и храненія какъ въ гражданскую палату при сообщеніи такъ и губернскому землемѣру Мордвинкину при указѣ. А поелику сія земля отведена тебѣ не для заселенія людьми, а подъ плантацію, то повелѣно будетъ считать льготу такую, какая уже по генеральному о бывшей Азовской гу-

берніи положенію опредѣлена, или со дня отводу взыскивать поземельныя деньги, и представить на благоразсмотрѣніе Его Свѣтлости князя Григорія Александровича и просить резолюціи; тебя же въ платежѣ поземельныхъ денегъ со времени того какъ Его Свѣтлостію предопредѣлено будетъ обязать подпискою, о чемъ и херсонскому уѣздному суду дать знать указомъ; а казенной сего намѣстничества палатѣ сообщеніемъ препроводя при томъ въ оную прописанныя деньги по взысканіи съ тебя или твоего повѣреннаго для записки въ приходъ въ подлежащую сумму, равно планы и межевыя книги, на коихъ по учиненіи должной въ пріемѣ тѣхъ денегъ подписи благоволила-бъ оная палата прислать ихъ обратно въ сіе правленіе при своемъ сообщеніи для поступленія и учиненія по силѣ вышеписаннаго. По сему опредѣленію надлежащее исполненіе въ намѣстническомъ правленіи учинено, и деньги по взысканіи отосланы съ тѣми планами и межевыми книгами тогожъ маія 30 дня при сообщеніи въ казенную палату которая таковымъ же отъ 10 апрѣля сего 787 года дала знать, что оныя деньги приняты и въ приходъ въ кременчугскомъ уѣздномъ казначействѣ записаны. На планахъ и межевыхъ книгахъ должная въ пріемѣ ихъ надпись казначеемъ коллежскимъ ассесоромъ Лазаревымъ сдѣлана, кои при томъ препровождены обратно и въ намѣстническомъ правленіи съ того числа опредѣлено: по сему дѣлу поступить такъ, какъ въ иномъ учиненномъ 30 мая 785 года опредѣленіи изображено. А потому во утвержденіе вышеписаннаго сей Ея Императорскаго Величества указъ данъ за подписаніемъ и приложеніемъ печати изъ Екатеринославскаго Намѣстническаго Правленія въ благополучномъ городѣ Кременчугѣ. Показанныя же планы и межевыя книги при семъ прилагаются Мая 787 года».

Однако, Фабру не суждено было получить межевыхъ книгъ и плановъ на отведенную ему землю.

Екатеринославскій намѣстническій правитель Синельниковъ 1 іюня 1787 года сообщилъ Екатеринославскому Намѣстническому Правленію слѣдующее:

«Его Свѣтлость высокоповелительной господинъ генералъ-фельдмаршалъ, государственной военной коллегіи президентъ, Екатеринославскій, Таврическій и Харьковскій генералъ-губернаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ Таврическій орденомъ, даннымъ мнѣ отъ 25 іюня, предписать изволитъ отведенную въ прошломъ 783 году по повелѣнію Его Свѣтлости въ Херсонскомъ уѣздѣ при устьѣ рѣки Ингула иностранцу Фабру землю 1500 дес. принять въ казенное вѣдомство и препоручить оную подполковнику и кавалеру Каспарову съ надлежащимъ о сохраненіи сдѣланныхъ тамъ разныхъ заведеній приказаніемъ. О чемъ для надлежащаго по сему исполненія Екатеринославскому Намѣстническому Правленію даю знать».

Вслѣдствіе этого 2 сентября 1787 г. Екатеринославское Намѣстническое Правленіе опредѣлило исключить изъ владѣнія Фабра отведенную было ему землю и причислить ее по прежнему къ казенному вѣдомству; составленные же планы и межевые книги, не выдавая Фабру, уничтожить.

При дѣлѣ находится: Опись.

«Учиненная (дворянскимъ засѣдателемъ) сколько отведено на дачѣ состоящей въ Херсонскомъ уѣздѣ Санктпетербургскаго купца Франца Фабера первобугскаго полка подполковнику Каспореву имѣнія значитъ ниже сего. Ноября 1 дня 1787 г.

«Лежащей земли по теченію съ лѣвой стороны при устьѣ рѣки Ингула занимая рѣки Буга берегу 1500 д.

На которой домъ состоящій надъ рѣкою Бугомъ въ урочищѣ виноградной косѣ (быть можетъ Бопланова Винараднакрица?), складеной изъ камня, покрытой камышемъ, на кроквахъ и латахъ сосновыхъ, потолокъ изъ сосновыхъ дощецъ на сосновыхъ брускахъ на верху, двойныя двери изъ сосновыхъ досокъ на желѣзныхъ цѣпкахъ, объ двухъ покояхъ, третья прихожая и кухня; въ нихъ дверей половинныхъ четыре, изъ сосновыхъ дощекъ на желѣзныхъ цѣпкахъ; безъ печей, оконъ 6 безъ стекла, въ трехъ окнахъ затворы половинные изъ сосновыхъ дощекъ на желѣзныхъ цѣпкахъ. Предъ домомъ исдѣланное съ каменя крильцо, по которому саженъ вишей девять.

По правую сторону домикъ подъ крышею плетеною хворостомъ съ лозы, усыпана пескомъ, коя уже упала; о двухъ покояхъ), маленькою прихожею, по сторонамъ ея два чуланца, дверей половинныхъ сосновыхъ достокъ на желѣзныхъ цѣпкахъ двое, стѣны и потолокъ изъ сосновыхъ достокъ шелеванокъ тонкихъ, побитые гвоздями и снаружи обмазанное глиною, окошекъ 10 безъ стекла, съ затворками сосновыхъ достокъ на цѣпкахъ желѣзныхъ.

Уходной погребъ, сдѣланной съ каменя, въ немъ дверей двое, безъ затвору однѣ, а другіе сосновыхъ дошекъ съ затворомъ на цѣпкахъ желѣзныхъ, окошко безъ стекла одно.

Возлѣ него небольшое яблошное дерево. По лѣву сторону пущеной изъ криницы протокъ, на которомъ небольшое число вербовыхъ деревъ и сдѣлана мельница съ каменя о двухъ колесахъ съ чашкою небольшою; въ ней два мукомолныхъ каменья и три просяныхъ товкачей; покрыта камышемъ на кроквахъ и латахъ сосновыхъ, двери изъ сосновыхъ дошекъ однѣ.

За протокомъ маленькій сарайчикъ, гдѣ огородникъ былъ, плетеныя стѣны хворостомъ, безъ дверей и безъ оконъ, покрытый каменемъ на кроквахъ и латахъ сосновыхъ, ветхой. По сторонамъ его саморослыхъ неболь-

шое число разныхъ деревъ яко то грушъ, терновнику и прочаго. Вверху протока птичникъ складенный съ каменя безъ крыши, дверей и окошекъ.

При устьи рѣки Ингула на горѣ: гумно, объ однихъ воротахъ, въ коихъ столпы и достки сосновые, а другихъ маленькихъ достокъ и стовповъ сосновыхъ же, окопанное рвомъ и частью огорожано плетнемь ветхое. Въ немъ ржи складено въ скирду 90 копъ.

Сарай на сохахъ, сволокахъ, ключинахъ, латахъ сосновыхъ, покрытой соломою безъ стѣнъ, ветхой.

Сарайчикъ малой на сохахъ, сволокахъ и латахъ сосновыхъ, стѣны и крыша съ камышу; въ немъ лѣсъ оставшейся отъ строенія отрубной кусками и ветхихъ телегъ колеса и прочее ветхое складено кучею.

Возлѣ него цѣвокъ сосновыхъ верченыхъ почти сажени двѣ.

Колодка дубовая два сажня съ половиною одна.

По правую сторону гумна землянка подкладена каменемъ подъ крышею земляною съ 3 окошками и однѣми дверми съ сосновыхъ достокъ безъ сѣнецъ.

Сарай, стѣны и крыша съ камышу на сохахъ, ключинахъ и латахъ сосновыхъ.

При берегу реки Ингула гдѣ перевозъ:

Домъ складеной съ каменя объ четырехъ покояхъ, одними сѣнцами и однимъ мохомъ подъ одною крышею земляною, на потолокѣ тонкихъ шелеванокъ обаполъ брускахъ и подставныхъ подъ оные столбахъ сосновыхъ ветхою; въ немъ печей 2, одна каменная, а другая кирпичная, дверей 6 сосновыхъ досокъ на желѣзныхъ цѣпкахъ, окошекъ небольшихъ 18, со стеклами 10, а безъ стеколъ 8, столовъ соснового лѣсу 3, скамеекъ сосновыхъ же 2, желѣзная кочерга и вила большая, кои служащіе къ извѣстнымъ печамъ, молотъ большой желѣзной одинъ; шкафа сосновыхъ достокъ о 3-хъ атажахъ съ половинною затворкою на цѣпкахъ желѣзныхъ одна, мѣра полчтверная съ обручами желѣзными одна.

По правую сторону землянка подкладена камышемъ и съ сѣнцами, двумя дверьми сосновыхъ дошекъ и двумя окошками; потолокъ сосновыхъ же дошекъ, подъ крышею земляною, ветхой. По лѣвую сторону кузница складена съ каменя объ однѣхъ дверяхъ сосновыхъ дошекъ, двухъ окошекъ безъ стеколъ, потолокъ изъ обаполокъ шелеваныхъ сосновыхъ, покрытой землею, ветхой.

Шинокъ складеной съ камня объ одномъ покоѣ недодѣланной безъ крыши, дверей и окошекъ, при одномъ чуланцѣ земляномъ сосновыхъ дошекъ, однѣми дверьми на желѣзныхъ цѣпкахъ.

Изба на подклетѣ съ сѣнцами и съ коморкою, о 3-хъ дверей и двухъ окошкахъ, покрыта соломою, ветха.

Впереди дому землянка каменемъ подкладена, и съ двумя окнами безъ стекла и одними дверми сосновыхъ дошекъ, завалена

Сена 5 скирдъ въ коихъ состоитъ лошадиныхъ 600 копъ.

Надъ Богомъ въ урочищѣ Косѣ осницкой саморослаго разнаго дерева мелкаго, яко то березы, осики, грушъ, терновнику и протчего по разнымъ мѣстамъ кустами окружностью по примѣру верстъ до двухъ»[1]).

Д. ч. П. Иванов.

---

[1]) Опись написана чрезвычайно неразборчиво и весьма неправильной орѳографіей.

Запись о кладѣ подъ Одессою.

Записи о кладахъ настолько общеизвѣстны, что нѣтъ цѣли говорить о нихъ подробно; немало такихъ записей появляется и въ Одессѣ, смущая довѣрчивыхъ и малоразвитыхъ лицъ, которыя тратятъ иногда послѣднія средства для отысканія клада, обозначаемаго записью, обыкновенно имѣющаго будто бы запорожское происхожденіе. Чаще всего появлявшіяся въ Одессѣ записи о кладахъ указываютъ на мѣстность у Хаджибейскаго лимана, на которой будто бы закопаны клады, и жители окрестныхъ селъ и хуторовъ переплатили уже немало денегъ разнымъ проходимцамъ, успѣвшимъ этимъ путемъ продать за дорогую сравнительно цѣну ничтожный клочекъ земли, или полуразрушенную усадьбу и пр. Въ Общество доставлялись даже мѣдныя доски съ записями о кладахъ, которыя оказывались самаго новѣйшаго происхожденія. Впрочемъ, обо всемъ этомъ было уже написано неоднократно.

Попавшая ко мнѣ запись, здѣсь сообщаемая, одного характера съ другими, уже извѣстными. Я пріобрѣлъ ее лѣтомъ 1898 г. у нѣкоего Гончаренка, бѣдняка-чернорабочаго, живущаго на Слободкѣ Романовкѣ. По его словамъ, онъ выкопалъ на полѣ возлѣ Хаджибейскаго лимана чугунную коробочку, въ которой и находилась бумажка съ записью; коробочку онъ продалъ кому то на толчкѣ, а запись надоумили его отнести ко мнѣ,—конечно, съ цѣлью помочь отыскать кладъ. Убѣдившись, что клада по этой записи не найти, Гончаренко просилъ меня купить у него хоть запись, на что я охотно согласился, имѣя въ виду и помощь ему и возможность напечатать запись въ дополненіе къ другимъ, уже опубликованнымъ.

Запись эта написана на полулистѣ писчей бумаги довольно крупнымъ и разборчивымъ почеркомъ; какъ бумага, такъ и почеркъ очень поздняго времени, примѣрно 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія; только бумага очень пожелтѣла и потемнѣла, вѣроятно, отъ пребыванія въ сыромъ мѣстѣ. Языкъ записи малорусскій; но видно, что ее писалъ или переписывалъ кто то, знакомый съ русскою грамотою, хотя все еще малограмотный; въ виду неважнаго значенія записи я не давалъ себѣ труда строго сохранить ея правописаніе и разставилъ знаки препинанія, которыхъ въ ней почти нѣтъ.

Нѣсколькихъ словъ разобрать я не могъ, такъ какъ запись была сложена въ $^1/_{32}$ долю листа, на сгибахъ вся порвалась и кое гдѣ на сгибахъ же слишкомъ сильно потерлась; неразобранныя мною мѣста или такія, въ правильномъ чтеніи которыхъ я не увѣренъ, я вездѣ отмѣтилъ. Сохранять запись въ подлинникѣ въ виду ея крайне плохого состоянія не стоило.

Писана ця опись для памяти, чи кому достанется, той буде счастливий, тилько молись Богу. Вотъ вамъ, добрие люди — что будите мати. Ця опись писана 1811-го года 12-го апреля; писавъ дьякъ Микита Злюкъ. Знаки ✉ 0. 0. 0. $\left|\frac{\text{вы его с}}{\text{ш}}\right|$ ци показують, гдѣ лежить добро. Человиче добрий. Підешь ти до Кочукъ Лимана, коло Одессы (?) на заходъ солнца— тамъ есть лиманъ Кочукъ, на горі могила; отъ могили на низъ долина на Кочуковъ поворотъ. Заразъ на повороті за загребомъ до лимана есть маленькой терничокъ, дальній завалъ, за нимъ тичі, а внизъ кирница коло дороги, на верху човбикъ; отъ човбика 12-ть великихъ ступень, 4-и великихъ до дороги ступень; а дальшъ зновъ терничокъ, а више у гору 2 дички грушъ. Заразъ отъ теченія 2-ва великихъ ступеня до грушокъ, а дальше 5-ть ступеней въ половину гори. Тамъ копай за 4-и локтя глубини, найдешь плиту каменну, на ней найдешь крестъ какъ на бумазі, подъ плитою копай 13-ть локтівъ, тамъ будуть двері каменни, отвали, тамъ лежить 4-и чушки: 3-и съ серебромъ и 1 съ золотомъ; буде и тобі и твоімъ дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ, и они не проживуть. Тилько молись Богу та не забувай братьевъ: Микиту, Василія, Петру и Федора, которые клали ци гроши и добро. А внизъ прямо отъ погреба въ терничокъ стоить Ш-и камня, нарізано такъ якъ на бумазі; въ серединѣ копай, тамъ закопанъ човникъ, въ ему лежать (?).... дорогой козацкой сбруей и дві золоти турецкі саблі. А дальше отъ погреба на заходъ солнця по підъ гору обвалъ, а въ тимъ обвалі копай за 8-мъ локтівъ глубини, найдешь мідну доску, такъ якъ есть на бумазі; на ней слова таки: вис. гос. два (?). ш. и. п. у. j. unt. Такъ подъ доскою копай 2-а локтя—маленька хатка, тамъ буде разни золоти вещи. Цей кладъ положенъ на счастливую долю. Клали его четири товарища, котори написани на цеи описі: Микита, Василій, Петро и Федоръ. Цей кладъ покладенъ 1769-мъ году 3-го мая ранкомъ, а ця опись писана 12 апрѣля 1811-мъ году въ Туретчині за Дунаемъ передъ смертью, бо я уже умираю и уже послѣдній. 2-а товарища поховани подъ могилою тамъ же Петро и Федоръ; то найдешь и цихъ кладивъ кладъ то прошу отслужить панахиду за усіхъ четырехъ товарищей за упокой: Микиту, Василія, Петра и Федора. Помоги, Боже, добримъ людямъ найти нашъ цей кладъ да не забувайте насъ грѣшнихъ бурлаковъ запорожцевъ. А кто найдетъ, то не забувайте и бѣднихъ людей и лучшей справедливості. Шу-

вай, то я ще покажу лучшу дорогу. Отъ поворота по підъ году отъ дороги прямо міряй на заходъ солнця по підъ гору 50-тъ великихъ ступней, гдѣ другой завалъ; тамъ великій круглый камень съ заміткою Х.с.Ч. Отъ камня по тичи 9-ть великихъ ступней за .... 2-хъ дички грушъ, а выше тоже есть камень, то треба встать рано до всхода солнця 12-го мая и прямо отъ верхняго камня идти на конець и стать на низъ у грушекъ за 7-мъ великихъ ступней и взять палку 3-и локтя длиною поставить въ землю, гдѣ будетъ конецъ тѣні, тамъ копай первый погребъ и отъ погреба найдешь все. Або міряй у половину гори отъ заворота 90 великихъ ступень на заходъ солнця; можно изъ низу 1 отъ перваго терничка на полудень въ половину гори 7 великихъ ступней на полудень тилько рой. Дай дебѣ, Боже, найти нашъ кладъ. Писавъ Микита Злюкъ. Амінь.

Д. ч. Ал. Маркевичъ.

Изъ жизни старой Одессы.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія виднымъ лицомъ среди одесскаго купечества былъ Дмитрій Потылица; онъ носилъ званіе войсковаго товарища,—значитъ раньше служилъ въ казакахъ, а по семейнымъ преданіямъ былъ запорожцемъ и явился въ Одессу уже изъ Черноморья. Лѣта его можно отчасти опредѣлить тѣмъ, что старшій сынъ его родился въ іюлѣ 1801 г. (уже въ Одессѣ); кромѣ того у него было еще 3 сына и нѣсколько дочерей; жену его звали Анной Ивановной. Въ Одессѣ Потылица имѣлъ двѣ усадьбы, при чемъ одна находилась во второй части, въ XII кварталѣ по Преображенской ул., подъ №№ 411 и 415; теперь это мѣсто находится частью подъ строеніями, принадлежащими Успенской церкви, частью подъ прилегающими къ нимъ; другая усадьба была на Старопортофранкской улицѣ, гдѣ теперь № 21. Потылица былъ человѣкъ денежный, были у него, конечно, и цѣнныя вещи. По семейнымъ же преданіямъ онъ былъ старостою Соборной церкви, что тоже показываетъ его замѣтное положеніе въ обществѣ.

Изъ сохранившихся, весьма отрывочныхъ бумагъ семьи Потылицыныхъ видно, что въ 1814 г. Дм. Потылица подалъ дюку-де-Ришелье какіе то документы; можно догадываться, что онъ хлопоталъ объ утвержденіи въ дворянскомъ достоинствѣ, такъ какъ сохранилось удостовѣреніе, выданное 13 апрѣля 1819 г., въ томъ, что онъ имѣетъ четырехъ дѣтей (сыновей), которыя записанными по ревизіи ни въ какомъ званіи не состоятъ, а пользуются дворянскими правами по заслуженному званію отца ихъ; удостовѣреніе это подписано 12 свидѣтелями, большею частью отставными проживающими въ «Одессахъ» чиновниками, и 10 мая 1819 г. представлено было въ Тираспольскій нижній земскій судъ; но, кажется, дворянства Потылица не получилъ.

Въ 1821 г. надъ нимъ стряслась бѣда: онъ былъ сосланъ въ Восточную Сибирь на поселеніе и, повидимому, административнымъ порядкомъ; по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ нѣтъ слѣда, чтобы Потылица былъ судимъ; и вообще имѣвшіяся въ моемъ распоряженіи бумаги совершенно не разъясняютъ причинъ столь строгой кары; но А. И. Потылицына переда-

вала своей внучкѣ, что Потылицу почему-то не взлюбилъ генералъ-губернаторъ гр. Ланжеронъ и сталъ къ нему придираться; выведенный изъ терпѣнія Потылица оскорбилъ гр. Ланжерона дѣйствіемъ, при томъ въ соборѣ, на людяхъ, и за это пострадалъ. Считаю это объясненіе довольно вѣроятнымъ,—во-первыхъ, вслѣдствіе близости передаваемаго источника (я слышалъ разсказъ отъ той самой внучки, которой его передавала жена Потылицы); во-вторыхъ, потому, что столь извѣстный Одессѣ генералъ «Ma foi!», при всѣхъ своихъ положительныхъ достоинствахъ, дѣйствительно отличался рѣзкостью въ словахъ и поступкахъ; а щекотливость факта могла стать причиною, почему о немъ стѣснялись сообщать даже въ оффиціальной перепискѣ.

Но кара постигла не только Потылицу; вся семья его выслана была на жительство въ Пермь, гдѣ на высланныхъ посмотрѣли, видимо, какъ на немаловажныхъ лицъ. Когда Анна Потылицына обратилась къ Государю съ просьбою, вѣроятно, о разрѣшеніи возвратиться въ Одессу, ей было въ этомъ отказано, и среди бумагъ ея сохранилась слѣдующая:

«Получено 23 октября 1824 года.

Копія.

Пермской губерискої полиціи.

Во исполненіе объявленнаго мнѣ начальникомъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества г. генералъ-адъютантомъ Барономъ Дибичемъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, по принесенной Его Величеству просьбѣ находящейся здѣсь подъ надзоромъ полиціи сей изъ Одессы женщины Анны Потылицыной послѣдовавшаго, предписываю городской полиціи: 1) объявить Потылицыной, что она и ея семейство только скромною и тихою своею жизнію могутъ надѣяться на Монаршую милость и на возвращеніе въ Одессу. Объявленіе учинить съ подпискою. 2) Между тѣмъ во время пребыванія ихъ здѣсь оградить отъ всякихъ обидъ и оскорбленій подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ взысканія съ виновныхъ; и 3) доносить мнѣ ежедневно, какъ сіе семейство будетъ себя вести, и сверхъ того доставлять по истеченіи трехъ мѣсяцевъ особое донесеніе о образѣ жизни сего семейства.

Подлинное подписалъ Пермскій гражданскій губернаторъ *Тюфяевъ.*

22 октября

1824 года

№ 5368

Пермь.

Не знаю почему, но, кажется, именно вслѣдствіе несовсѣмъ тихаго поведенія Потылицына зажилась въ Перми; сыновья ея выросли и были опредѣлены въ военную службу, сперва, повидимому, кантонистами.

Между тѣмъ имущество Потылицы въ Одессѣ поступило въ вѣдѣніе одесскаго сиротскаго суда, отдавшаго его въ опеку; деньги-же хранились частью въ этомъ судѣ, частью въ приказѣ общественнаго призрѣнія. Что изо всего этого вышло, можно догадаться. Дома и мѣсто на Преображенской улицѣ были, съ разрѣшенія Сената, проданы одесскимъ коммерческимъ судомъ: участокъ № 414 и часть № 415 подъ лит. Б, мѣрою какъ по улицѣ, такъ и въ глубину по 15 саженъ, Успенской церкви, а другая часть № 415 чиновнику Бартеневу.

Съ 1838 года Анна Потылицына, съ двумя сыновьями: Прокофіемъ (р. 1801 г.) и Эммануиломъ (р. 1813 года) и двумя дочерьми, отпущена была въ Одессу; хотя свидѣтельство на свободное проживаніе какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ Имперіи, она получила лишь въ 1848 г.

Какъ видно изъ сохранившихся бумагъ, Потылицына была особа очень энергичная и съ мѣста предприняла цѣлый рядъ ходатайствъ. Такъ, она стала отыскивать своего мужа, для чего и былъ сдѣланъ оффиціальный запросъ иркутскому губернскому правленію; но таковое его не розыскало; безполезными оказались и всѣ дальнѣйшія хлопоты въ этомъ отношеніи, какъ ея, такъ и ея внучки, А. Э. Даниловичъ, которая, давно уже проживая въ Сибири, и до сихъ поръ хлопочетъ, чтобы найти тамъ слѣды пребыванія своего дѣда. Доходили до нея слухи, что Потылица укрывался не безъ намѣренія, такъ какъ обзавелся въ Сибири второй семьей и пріобрѣлъ хорошія средства. Въ Сибири есть и теперь Потылицыны; но установить происхожденіе ихъ отъ Дм. Потылицы или родство съ ними невозможно; да и вообще всѣ подобные разсказы имѣютъ характеръ обычной бродячей саги.

Параллельно съ этими хлопотами Анна Потылицына стала устраивать и свои имущественныя дѣла; прежде всего она стала добиваться выдачи ей денегъ, хранившихся въ приказѣ; опека вскорѣ начала ей выдавать какіе то пустяки; съ 1846 г. Потылицына выхлопотала снятіе опеки.

Затѣмъ она успѣла добиться того, что въ ней принялъ участіе генералъ-губернаторъ, приказавшій одесскому уѣздному суду разсмотрѣть ея претензіи. Вѣроятно, рѣшеніе суда было благопріятно для нея, такъ какъ въ 1850 г. ей возвращена была часть денегъ и вещей; но домъ, очевидно, неправильно проданный Бартеневу, возвращенъ былъ Потылицынымъ лишь въ 1863 г.; когда-то получили они и домъ на Старопортофранкской улицѣ. Потылицына долго еще заявляла претензіи къ одесскому сиротскому суду о значительной растратѣ ея имущества и особенно винила письмоводителя суда Михайлова; судъ все отписывался и не видно, чтобы жалобы Потылицыной привели къ положительному для нея результату.

Хлопотала она еще и о томъ, чтобы ей выдали какія-то деньги, удер-

жанныя въ Перми; искала бумагъ, которыя мужъ ея представилъ дюкуде-Ришелье, но ихъ не нашли. Скончалась Анна Потылицына въ Одессѣ уже въ началѣ 1880-хъ годовъ, въ глубочайшей старости; изъ сыновей ея Прокофій былъ рядовымъ одесской инвалидной команды (будто-бы вслѣдствіе разжалованія, а раньше служилъ въ гвардіи) и умеръ въ 1870-хъ годахъ; а Эммануилъ, отставной штабсъ-капитанъ, владѣлъ домомъ № 21 по Старопортофранкской ул. и умеръ недавно. Всѣ бумаги, находившіяся у него, перешли къ его дочери, А. Э. Даниловичъ, которая и предоставила мнѣ возможность ими воспользоваться для настоящаго изложенія.

Ал. Маркевичъ.

Для исторіи Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Выдержка изъ письма Григорія Александровича Тройницкаго къ А. И. Маркевичу отъ 11 мая 1898 г.:

«По поводу вашей недавней поѣздки въ Крымъ мнѣ вспомнилось, что проэктъ записки въ Комитетъ Министровъ о передачѣ Одесскому Обществу Исторіи и Древностей развалинъ Судака я составлялъ — по обязанности столоначальника временнаго отдѣла по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ».

Дмитрій Спиридоновичъ Инглези.

Мнѣ доставленъ формулярный списокъ виднаго нѣкогда, а теперь забытаго одессита—Д. С. Инглези. Не печатая всего списка, какъ имѣющаго совершенно обычный характеръ, извлекаю изъ него лишь наиболѣе интересныя свѣдѣнія.

Такъ какъ Инглези поступилъ на службу въ 1787 г., то родиться онъ могъ около 1770 г.; мѣсто родины былъ островъ Кефалонія, гдѣ предки его были немаловажными людьми; по крайней мѣрѣ формуляръ 1837 г. приписалъ имъ дворянство; по семейнымъ же преданіямъ они были англійскаго происхожденія и, переселившись въ Кефалонію, тамъ эллинизировались.

Во время второй турецкой войны Инглези, вмѣстѣ съ другими греками, поступилъ въ 1787 г. волонтеромъ въ русскую гребную флотилію и, видимо, служилъ, не безъ отличія, такъ какъ въ теченіи всей войны ежегодно получалъ все новые и новые чины; формуляръ глухо говоритъ, что онъ плавалъ въ Черномъ морѣ и сдѣлалъ 4 регламентныя кампаніи; въ сраженіяхъ же былъ противъ турецкаго флота въ 1788, 1789, 1790, 1791 и 1792 г. Въ концѣ послѣдняго года онъ вышелъ въ отставку флота капитаномъ и дальше по службѣ не пошелъ.

Надо полагать, что вскорѣ послѣ того Д. С. Инглези переселился въ Хаджибей-Одессу и не безъ успѣха занялся здѣсь торговлей. Въ 20-хъ годахъ онъ уже имѣлъ здѣсь крупный экспортный домъ; но и въ началѣ 1800-хъ годовъ это былъ видный одесскій дѣятель; въ 1805 г. дюкъ-де-Ришелье далъ ему порученіе нанять купеческія суда для перевозки войскъ и продовольствія въ Корфу. Инглези выполнилъ порученіе успѣшно, притомъ употребилъ на то болѣе 10.000 голландскихъ червонцевъ и изъ собственныхъ средствъ.

Затѣмъ встрѣчаемъ Д. С. Инглези въ различныхъ немаловажныхъ выборныхъ должностяхъ (конечно, онъ тогда уже владѣлъ въ Одессѣ каменнымъ домомъ), напр. членомъ одесскаго коммерческаго суда и пр.; онъ собираетъ болѣе 20,000 р. для сооруженія церкви при городскомъ госпиталѣ; что еще важнѣе, во время знаменитой чумы 1812 г. состоитъ комиссаромъ въ 6 кварталахъ, причемъ снабжаетъ неимущихъ на свои сред-

ства всѣмъ необходимымъ, и вообще, какъ выражается формуляръ, при крайнемъ недостаткѣ продовольствія въ городѣ доставлялъ оное на собственно имъ открытыя средства (?).

Такія услуги, безъ сомнѣнія, повліяли съ одной стороны на избраніе его въ 1818 г. одесскимъ городскимъ головой; съ другой, доставили ему довольно рѣдкую награду—орденъ Св. Владимира 4 ст.

Одесскимъ городскимъ головой Инглези пробылъ не долго, всего 3 года, но и потомъ продолжалъ исполнять различныя выборныя должности, изъ коихъ отмѣтимъ развѣ его участье въ коммиссіи по устройству одесскаго порто-франко и сходную съ предыдущей дѣятельность во время чумы въ 1829 г., холеры въ 1830 г. и голода въ 1833 г., когда ему поручена была закупка хлѣба для голодающаго населенія Одессы. Такъ какъ формуляръ составленъ въ 1837 г., то о дальнѣйшей дѣятельности Д. С. Инглези, скончавшагося 1 мая 1846 г., въ немъ уже нѣтъ свѣдѣній; но едва-ли, судя по его возрасту, она и могла быть уже особенно интенсивною.

Доживалъ онъ вѣкъ въ Одессѣ, гдѣ имѣлъ не мало родныхъ (дочь его была за крупнымъ негоціантомъ И. Мавро), съ значительною семьею, владѣя хорошими средствами и пользуясь общимъ уваженіемъ. По воспоминаніямъ о немъ лицъ, его знавшихъ, это былъ вполнѣ почтенный человѣкъ.

Теперь онъ уже забытъ; но, какъ воспоминаніе о немъ, остался прекрасный портретъ его, литографированный въ Одессѣ. Экземпляръ этого портрета, находящійся въ обширной коллекціи гравюръ, литографій и пр. С. П. Виноградова, не могъ не заинтересовать меня, старающагося ознакомиться съ жизнью старой Одессы и дѣятельностью выдающихся одесситовъ; я сталъ собирать справки о Д. С. Инглези и вотъ тѣ немногія свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось найти.

Ал. Маркевичъ.

Къ замѣткѣ о Д. С. Инглези.

Выше мною помѣщена замѣтка о Д. С. Инглези. Сынъ его, Спиридонъ Дмитріевичъ Инглези, отъ коего были получены и предыдущія свѣдѣнія, недавно получилъ и доставилъ мнѣ два родословныхъ древа фамиліи Инглези, составленныя въ началѣ XIX в. Первое нарисовано масляными красками на полотнѣ и съ одной стороны есть помѣта, указывающая на появленіе предка Инглези въ Кефалоніи въ 1429 г.; съ другой — гербъ Инглези: въ желтомъ полѣ съ лѣвой стороны солнце съ человѣческимъ лицомъ, а подъ нимъ что-то въ родѣ трехъ звѣздъ; съ правой стороны рука съ обращеннымъ вверхъ мечемъ. Надъ гербомъ корона, а внизу герба бѣлый крестъ въ красномъ ободкѣ.

Второе родословное дерево нарисовано очень грубо на бумагѣ акварелью; въ корнѣ дерева написано: Nel 1490 Gugliemo Inglese Vene ad Abitare nell' Isola Ceffalonia. Подъ деревомъ гербъ, нѣсколько отличенный отъ перваго: рука съ мечомъ посрединѣ, справа корона, звѣзды совершенно внизу. Ни короны сверху, ни бѣлаго креста снизу нѣтъ.

На обѣихъ древахъ написана масса именъ, но такъ какъ при нихъ никакихъ датъ или приписокъ нѣтъ, то какого-либо самостоятельнаго историческаго матерьяла эти родословныя не представляютъ. Есть и надписи, но тоже частнаго характера и притомъ позднѣйшія.

А. М.

Де-Воланъ о Гаджибеѣ.

Въ инженерномъ архивѣ хранится серія рапортовъ «главоначальствующему надъ войсками, расположенными въ губерніяхъ Екатеринославской и Брацлавской, областяхъ Таврической и Новоприобрѣтенной отъ Порты Отоманской», графу А. В. Суворову-Рымникскому, отъ инженеръ-подполковника Деволанта о положеніи работъ по укрѣпленію въ 1793—1795 гг. нашей границы по берегу Днѣстра и по черноморскому побережью, а также предположенія объ этихъ работахъ, утвержденныя Суворовымъ.

Среди названныхъ документовъ есть такіе, которые касаются возведенія долговременнаго фортификаціоннаго сооруженія у Одессы. Пользуясь сообщеніемъ «Русскаго Инвалида», приводимъ описаніе общаго характера этихъ работъ.

Крѣпость Гаджибей (Одесса) имѣла цѣлью прикрыть стоянку нашей черноморской флотиліи и необходимые для нея склады интендантскихъ и спеціальныхъ запасовъ. Крѣпость состояла изъ большого укрѣпленія, гдѣ былъ расположенъ провіантскій магазинъ на 30 т. четвертей, казармы для гарнизона и артиллерійскій арсеналъ; изъ малаго укрѣпленія, на возвышенности противу бухты, служившаго для фронтальной обороны послѣдней и заключавшаго казармы морскихъ служителей, склады гребного флота и «экспедицію строенія военной гавани и города», находившуюся подъ вѣдѣніемъ в.-адм. де-Рибаса; наконецъ изъ горизонтальныхъ пониженныхъ батарей на траверсѣ рейда для продолжительной его обороны. «Какъ война съ Портою и французами въ началѣ прошедшей весны (1794 года) казалась неизбѣжною, а особливо на здѣшіе южные предѣлы ожидали непріязненныхъ дѣйствій, почему и необходимо нужно было, чтобы гребной нашъ флотъ для обереганія береговъ былъ въ заливѣ [Гаджибейскомъ; но какъ мѣстоположеніе сего поста таково, что съ великою пользою можетъ оборонять рейду, почему для усиленія онаго и приняты были мѣры, черезъ которое какъ оное мѣсто приведено въ оборонительное состояніе, такъ и рейда имѣетъ хорошую защиту».

(Изъ газетъ).

Учрежденіе Одесскаго уѣзда.

(Архивная справка).

Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, по вступленіи въ управленіе Новороссійскимъ краемъ въ 1823 г., обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что Херсонская губернія чрезвычайно неравномѣрно распредѣлена по уѣздамъ и что уѣзды Тираспольскій и Херсонскій занимаютъ почти половину площади всей губерніи, что въ общемъ составитъ площадь въ 3.224.652½ десятинъ земли; поэтому нѣкоторыя мѣстности слишкомъ удалены отъ уѣздныхъ городовъ, а это вредно отзывается на административномъ управленіи уѣздами; жители-же такихъ отдаленныхъ мѣстъ терпятъ крайнюю нужду, а именно: въ случаѣ появленія заразныхъ болѣзней, при разбояхъ, воровствахъ, когда необходимо немедленное вмѣшательство административной власти. Болѣе-же всего отдаленность уѣзднаго города замѣтна въ недавно основанномъ приморскомъ гор. Одессѣ, который расположенъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ и отстоитъ отъ уѣзднаго города въ 95 верстахъ. Между тѣмъ г. Одесса по своему многолюдству и торговымъ оборотамъ имѣетъ много дѣлъ казенныхъ и частныхъ, тогда какъ уѣздный и земскій суды и уѣздное казначейство находятся въ Тирасполѣ; по этому всѣмъ тяжущимся и всему торговому люду приходится отправляться въ Тирасполь: однимъ въ суды, а другимъ за выборкой торговыхъ документовъ.

Въ виду этого начальникъ края, находя необходимымъ отвратить на будущее время выше указанныя затрудненія, обратился въ январѣ 1825 г. къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, прося его ходатайства объ учрежденіи возлѣ г. Одессы новаго уѣзда.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Василій Сергѣевичъ Ланской, получивъ представленіе Начальника Новороссійскаго края, передалъ таковое Министру Финансовъ генералъ-лейтенанту Канкрину, который высказался, что учрежденіе Одесскаго уѣзда является преждевременнымъ въ виду того, что городъ Одесса хотя и терпитъ недостатокъ отъ этого, но зато и имѣетъ много преимуществъ предъ другими городами, напримѣръ: порто-франко; а кромѣ того учрежденіе уѣзда, если потребуетъ хотя и не значительныхъ расходовъ, то они явятся излишнимъ обремененіемъ Государственнаго

Казначейства, которые съ таковыми-же прочими расходами къ концу года составятъ въ общей массѣ значительныя суммы, для покрытія каковыхъ потребуются мѣры, умножающія повинности подданныхъ. А для устраненія неудобствъ отдаленныхъ мѣстностей отъ уѣздовъ Министръ полагалъ-бы уѣзды раздѣлить на участки, поручивъ завѣдываніе таковыми членамъ земскаго суда. Соглашаясь съ мнѣніемъ генералъ-лейтенанта Канкрина, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ объ этомъ графа Воронцова 24 августа 1825 г. и дѣло объ учрежденіи Одесскаго уѣзда осталось не разрѣшеннымъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того-же года во время пребыванія Его Императорскаго Величества Александра Павловича въ городѣ Таганрогѣ графъ М. С. Воронцовъ имѣлъ счастье представить лично Государю докладную записку, въ которой были изложены побудительныя причины къ учрежденію Одесскаго уѣзда, а также представилъ и соображенія Министровъ, по которымъ они не нашли возможнымъ разрѣшить учрежденіе новаго уѣзда.

Государь Императоръ въ 19 день октября 1825 г. соизволилъ дать указъ Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ слѣдующаго содержанія:

«Находя удобнымъ и полезнымъ, согласно съ представленіемъ мнѣ Новороссійскаго генералъ-губернатора, учредить около Одессы особенный уѣздъ, съ тѣмъ чтобы присутственнымъ мѣстамъ находиться въ семъ городѣ, Я поручаю вамъ сдѣлать объ исполненіи по сему должное распоряженіе, войдя въ сношеніе съ генералъ-адъютантомъ графомъ Воронцовымъ о назначеніи для сего уѣзда удобнаго пространства земли отъ Херсонскаго и Тираспольскаго уѣздовъ».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: *Александръ.*

О таковомъ Высочайшемъ соизволеніи Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомилъ графа Воронцова и просилъ составить планъ границъ новаго уѣзда, съ обозначеніемъ количества отошедшихъ подъ него земель и числа жителей.

Начальникъ края представилъ въ Министерство планъ новаго уѣзда, въ который отошли земли Херсонскаго уѣзда, расположенныя по правую сторону рѣки Буга, въ количествѣ 390.233½ десятинъ удобной и 34.342 десятины неудобной земли съ 8.396 душами жителей, и Тираспольскаго уѣзда земли отъ Днѣстра черезъ Кочурганское селеніе до границы Ольвіопольскаго уѣзда у деревни Лозоватки въ количествѣ 530.843 десятины удобной и 47.482 дес. неудобной земли съ 21.806 душами жителей, и проектъ штатовъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, какъ-то: уѣзднаго казначейства, дворянской опеки, уѣзднаго и нижне-земскаго судовъ, для представленія въ правительствующій сенатъ на утвержденіе въ законодатель-

номъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ Одесскому Градоначальнику озаботиться пріисканіемъ зданія для уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ; но такъ какъ таковое зданіе въ прежнее время трудно было найти, то по сношенію съ Одесскимъ городскимъ головою Авчинниковымъ рѣшено было предоставить для этого домъ, занимаемый Одесскою портовою таможнею, а для послѣдней былъ купленъ домъ у коммиссіонера 8 класса Пишона.

Когда поднятъ былъ вопросъ объ омеблированіи новыхъ учрежденій, то въ городской думѣ не оказалось излишней мебели, а на запросъ строительному комитету о томъ, не можетъ-ли онъ удѣлить часть мебели для той-же цѣли и отпустить красное сукно, купленное во время проѣзда черезъ Одессу Государя Императора Александра Павловича, комитетъ отвѣтилъ, что изъ мебели можетъ отпустить только 6 стульевъ, а сукно, купленное для обивки ложи генералъ-губернатора во время пріѣзда Государя Императора, передано въ театръ. Поэтому городской думѣ пришлось купить всю новую мебель.

Въ 1827 г. Правительствующій Сенатъ указомъ отъ 28 апрѣля увѣдомилъ управляющаго Новороссійскими губерніями, что учрежденіе Одесскаго уѣзда Его Императорскимъ Величествомъ 27 марта 1827 г. утверждено. И тотчасъ послѣдовало открытіе всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, во главѣ которыхъ были назначены: въ дворянскую опеку предводитель дворянства П. Крамида, въ уѣздное казначейство казначеемъ Карякинъ, въ Одесскій уѣздный судъ засѣдателемъ отъ дворянства Тефтулъ и въ Нижній земскій судъ уѣзднымъ исправникомъ Малашевскій.

(Изъ газетъ).

Село Федварь.

(Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи).

На сѣверо-востокѣ Александрійскаго уѣзда, вблизи границы Кіевской губерніи, находится большое селеніе Федварь. Оно занимаетъ плоскость, раздѣляющую воды рѣкъ Ингула и Ингульца на близкомъ разстояніи. Слѣва отъ этой плоскости течетъ рѣчка Северинка, впадающая въ Ингулъ, а справа — ручей Плоскій, который, перейдя черезъ небольшой лѣсъ того-же имени, у селенія Елисаветградки соединяется съ другимъ ручьемъ, берущимъ начало возлѣ Кучеровыхъ Буеракъ, образуя такимъ образомъ рѣку Ингулецъ.

Означенная мѣстность появляется на исторической сценѣ въ XVI вѣкѣ. Одинъ изъ южно-русскихъ воеводъ, именно Юрій Язловецкій, преслѣдуя въ 1571 г. татаръ, опустошавшихъ Кіевоподолію, зашелъ, между прочимъ, къ верховьямъ рѣкъ Ингула и Ингульца и нашелъ здѣсь три бани, или, какъ Панроцкій называетъ ихъ, лазни [1]). Что-же это за бани? По всѣмъ соображеніямъ, это были не что иное, какъ теперешнія наши каланчи, только устройство ихъ было гораздо проще, а именно: ставились въ землю четыре длинныя колоды изъ сосны, въ близкомъ разстояніи одна противъ другой; внутри этой четыреугольной башни проходила лѣстница; наверху строилась будка для караульнаго; возлѣ такой каланчи закапывался длинный шестъ, къ верху котораго привязывали соломеные снопы. Караульный, замѣтивъ вдали, на разстояніи отъ 10 до 20 верстъ, движущуюся орду, немедленно зажигалъ солому, или, какъ называли казаки, фигуру, чѣмъ подавался сигналъ поступать такъ и съ другими фигурами, чтобы люди укрывались и спасались отъ незванныхъ гостей. Одну изъ трехъ бань, видѣнныхъ Панроцкимъ, можно пріурочить къ Федварской мѣстности, съ которой открывается обширный горизонтъ на югъ, на разстояніе 30 верстъ.

---

[1]) Высоединеніе Руси, Кулиша, ч. I, стр. 40—41 примѣчаніе. Банею и теперь малороссы называютъ маленькій осьмирикъ, на которомъ утверждаются шаръ и крестъ, на колокольнѣ.

На сѣверъ отъ Федвари тянется на нѣсколько верстъ прекрасный лѣсъ, за которымъ начинается Чигиринскій уѣздъ. Между этимъ лѣсомъ и верховьями рѣкъ Ингула и Ингульца лежитъ пространство земли, удобное для прохода войскъ.

Послѣ 1705 года, когда Турція уступила такъ называвшееся «Дикое Поле» Россіи, въ описываемомъ мѣстѣ образуется населенный пунктъ подъ именемъ «Лѣсницкое» [2]).

Во время основанія Новосербіи Лѣсницкое входитъ въ составъ Чернаго гусарскаго Хорвата полка, съ переименованіемъ въ шанецъ Федварь, 13-й роты [3]). Въ простонародьи названіе 13-я рота и теперь чаще употребляется, чѣмъ имя Федварь.

Въ 1769 году Федварь былъ сожженъ крымскими татарами, вторгнувшимися въ Новосербію подъ начальствомъ хана Керимъ-Гирея. Въ числѣ плѣнныхъ взята была и жена мѣстнаго священника съ малолѣтнимъ сыномъ, которые, впрочемъ, черезъ пять лѣтъ возвратились на родину [4]).

Въ послѣдней четверти XVIII столѣтія именно въ селеніи Федварь, а не въ какомъ-либо городѣ Новороссіи, показался лучъ просвѣщенія. Крыжановскіе, владѣльцы сельца Шпакова, устроили въ Федвари пансіонъ для дѣвицъ дворянокъ. Въ немъ, между прочимъ, учились: извѣстная по всему Александрійскому уѣзду Ксенія Афанасьевна Чунпалова, Пестовы, кн. Кудашевы, Потемкины. Въ пансіонѣ этомъ особенное вниманіе было обращено на изученіе свѣтскаго этикета. Въ то время въ Федвари проживало до десяти помѣщиковъ, въ числѣ коихъ были и Селевины. У послѣднихъ по воскреснымъ днямъ бывали и Крыжановскіе съ своими пансіонерками. Во время косовицы и уборки хлѣба, помѣщики оставляли Федварь и отправлялись на свои земли, гдѣ и жили до окончанія полевыхъ работъ [5]). Долго-ли просуществовалъ пансіонъ Крыжановскихъ, неизвѣстно; но въ 1818 году въ Федвари проживала вдова маіора Фелицата Семеновна Садовникова. Вышедшая изъ Московскаго института, она держала въ Федвари пансіонъ, въ которомъ, между прочимъ, учились Марія Гаевская, рожденная Юноша, и семь родныхъ сестеръ, по фамиліи Лейнеръ. Садовникова жила въ домѣ, который назывался впослѣдствіи богадѣльнымъ и находился противъ Крестовоздвиженской церкви [6]).

---

[2]) Хронологическое описаніе Херсонской епархіи, архіепископа Гавріила.

[3]) Очеркъ повѣствованія о Новороссійскомъ краѣ, архіепископа Гавріила.

[4]) Историко-статистическое описаніе Екатеринославской епархіи, епископа Ѳеодосія.

[5]) Изъ разсказовъ вдовы маіора Анны Андреевны Яковлевой, воспитанницы Ксеніи Чунпаловой.

[6]) Сообщено Маріею Ивановною Гаевскою.

При учрежденіи Новороссійскаго военнаго поселенія въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія Федварь зачисленъ былъ въ первую волость 8-го кавалерійскаго округа.

Въ настоящее время Федварь имѣетъ двѣ церкви, земскую школу, школу грамотности и волостное правленіе.

Черезъ Федварь проходитъ транзитная дорога изъ Кіева на Елисаветградъ. Нѣкоторые писатели пріурочиваютъ эту дорогу, идущую черезъ Бѣлую Церковь, Корсунь, Камянку и Александровку, къ извѣстному въ исторіи «Черному шляху».

Протоіерей Василій Никифоровъ.

Nº 28

В. Юргевич

НЕКРОЛОГИ.

Памяти Вице-Президента ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Владислава Норбертовича Юргевича.

(† 23 Ноября 1898 года).

23 ноября 1898 года, въ 10 часовъ вечера, скончался вице-президентъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, заслуженный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго Университета Владиславъ Норбертовичъ Юргевичъ. 26 ноября состоялось его погребенье на Новомъ кладбищѣ. Проводить его собрались въ большомъ числѣ члены Общества, профессора университета съ ректоромъ во главѣ, студенты и знакомые. Во время слѣдованія погребальной процессіи, по среди улицы, предъ зданіемъ Университета была произнесена рѣчь однимъ изъ старѣйшихъ членовъ Общества, заслуженнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго Университета А. А. Кочубинскимъ; вторая рѣчь была сказана членомъ совѣта Общества, деканомъ Историко-филологическаго факультета А. Н. Деревицкимъ во дворѣ католической церкви послѣ отпѣванья.

18 декабря 1898 года въ музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей состоялось засѣданіе Общества, посвященное памяти скончавшагося вице-президента. Послѣ соборной панихиды по православному обряду была произнесена предсѣдательствовавшимъ въ засѣданіи профессоромъ Э. Р. фонъ-Штерномъ рѣчь, посвященная обзору ученой дѣятельности покойнаго вице-президента В. Н. Юргевича и затѣмъ прочитаны телеграммы, отношенія и письма съ выраженіемъ Обществу соболѣзнованія по случаю утраты.

Общее собраніе постановило напечатать всѣ рѣчи и выраженныя сочувствія въ формѣ особой брошюры съ приложеніемъ портрета своего бывшаго вице-президента, сорокъ лѣтъ неустанно работавшаго на пользу Общества.

У гроба, предъ Университетомъ.

Рѣчь заслуженнаго профессора А. А. Кочубинскаго.

Не умре, но—усне.... Догорѣлъ и угасъ свѣтильникъ скромнаго, но никогда не прерывавшагося дѣйствія, горѣвшій ровно и спокойно на обширномъ протяженіи лѣтъ.

Сегодня—ровно 80 лѣтъ, какъ въ день 26 ноября 1818 года, въ стѣнахъ Виленскаго Университета, явился на свѣтъ усопшій нашъ дорогой собратъ, старѣйшина нашей корпораціи [1]). Онъ достигъ, такимъ образомъ, уже почти крайняго предѣла дѣйствительнаго человѣческаго бытія, предѣла годности нашего сосуда скудельнича.

Университетъ былъ воспріемникомъ его въ жизнь: Университетъ-же слѣдуетъ за нимъ по его послѣднему земному пути...

Правда, не одинъ разъ казалось, что этотъ свѣтильникъ меркнетъ и вотъ-вотъ угаснетъ.... Но его сильная, чисто литовская, натура превозмогала тяжелыя условія, и онъ сохранялся на старое дѣло.

Да, усопшій собратъ нашъ былъ пришлецъ среди насъ: судьбою онъ былъ, уже на половинѣ своего жизненнаго пути, занесенъ къ намъ съ далекаго сѣвера, изъ поэтической родины Мицкевича.

Изъ Вильны очутившись въ ничтожномъ тогда городкѣ Ковнѣ, онъ, безъ средствъ, среди неблагопріятныхъ условій личной жизни, только благодаря своей личной энергіи въ достиженіи намѣченной цѣли—*учиться*, уже взрослымъ юношей, въ половинѣ 30-хъ годовъ, студентъ стараго Педагогическаго Института, съ такою честью послужившаго интересамъ отечественнаго просвѣщенія.

Свидѣтель послѣднихъ лѣтъ дѣятельности Пушкина и первыхъ — гр. Уварова, бѣдный студентъ Института избираетъ для себя словесное отдѣленіе и посвящаетъ себя изученію классической филологіи. Не легка была

---

[1]) Отецъ его, Норбертъ Юргевичъ, былъ секретаремъ Совѣта бывшаго Импер. Виленскаго Университета. Въ Гл. Моск. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ (по печатанію гр. Румянцевымъ изв. собранія грамотъ) мнѣ случилось какъ-то встрѣтить бумаги изъ того Университета, за подписью Норберта Юргевича: рука сына буквально воспроизводила руку отца—до того оба почерка похожи.

жизнь въ Институтѣ: онъ былъ скуденъ въ своихъ средствахъ, а въ тоже время долженъ былъ, какъ припоминалъ бывало съ горечью покойный, удовлетворять еще требованію ежегодныхъ *сбереженій*... Блестяще окончивъ курсъ, нашъ классикъ былъ отправленъ въ Германію, чтобы, по возвращеніи оттуда въ 1845 году, стать преподавателемъ Харьковскаго Университета по избранной имъ на студенческой скамьѣ спеціальности.

Въ старомъ Харьковѣ, не скудномъ тогда людьми съ именемъ и высшихъ интересовъ, молодой классикъ встрѣтилъ радушный пріемъ. Съ добрымъ чувствомъ онъ вспоминалъ всегда стараго ректора, Гулака Артемовскаго, Метлинскаго; но естественно, особенно близки были ему встрѣтившіеся въ Университетѣ земляки: романистъ Александръ Мицкевичъ—братъ поэта, докторъ Валицкій и др. Здѣсь же онъ устроилъ и свою личную жизнь.

Въ поразительной своею силою памяти усопшаго хранилась масса самыхъ разнообразныхъ воспоминаній изъ Харьковскаго періода его жизни, живо воскресавшихъ предъ нами старый бытъ провинціальнаго университета. Припомню одно, какъ онъ не одинъ разъ обязанъ былъ, по чувству товарищества, помогать медикамъ въ печатаніи ихъ латинскихъ дисертацій, цѣликомъ переводя ихъ на латинскій языкъ. Правда, латинскій языкъ ему, ученику старой нѣмецкой школы, былъ знакомъ практически, почти какъ отечественный. Но сколько труда онъ долженъ былъ употреблять, чтобы придумать слово, чтобы облечь въ классическую форму неуклюжее изслѣдованіе по какой нибудь современной болѣзни.

Въ 1858 году онъ Университетъ мѣняетъ на Лицей, Харьковъ на Одессу, и это, когда лучшая часть жизни уже *тамъ*.

Предъ нимъ открылась новая среда *и* новыя условія, и онъ, уже испытанный профессоръ, явился въ эту новую среду не съ гордою мыслью о своемъ призваніи, а съ скромною задачею—не только учителя, чтобы учить, но и *ученика*—чтобы учиться. Онъ сталъ сейчасъ-же въ ряду членовъ этой новой среды ея простымъ, рядовымъ, но усерднымъ, рабочимъ.

Не забудемъ, что эта новая среда была *стара* своими литературными и научными, примѣнительно къ мѣсту, интересами. Въ ней вращались еще въ 20 и 30 годахъ избранные русскіе умы: напомнимъ Пушкина, Надеждина. Въ ней давно существовало и энергически вело дѣло старѣйшее, послѣ Москвы, историческое Общество въ Россіи—Одесское Общество Исторіи и Древностей. Да и самый Лицей насчитывалъ уже не одно десятилѣтіе своей полезной научно-педагогической дѣятельности.

Естественно, если тонъ мѣстной наукѣ давали интересы мѣстной исторіи и, въ частности, классической *Археологіи* и, встрѣтившись съ этими новыми условіями дѣятельности, старый классикъ-педагогъ становится горячимъ адептомъ Археологіи, особенно эпохи классическаго міра. Предъ нимъ вскрылись новые интересы отечественной науки, и онъ всецѣло охватывается ими, поглощается ими.

Вошедши сейчасъ-же въ число членовъ нашего историко-археологическаго Общества, онъ путешествуетъ по Югу, открываетъ и изслѣдуетъ предметы древности, сначала средневѣковой, потомъ классической эпохи.

Переходя постепенно званія товарища секретаря, секретаря, наконецъ, вице-президента (съ 1883 года) Общества, онъ всю свою энергію посвящаетъ его интересамъ, и, выдѣливъ для своей ученой пытливости, особенно трудную и важную для науки область—*лапидарныя* надписи и *монеты* стараго Юга, онъ такъ сказать, вживается въ нихъ, и мы непрерывно видимъ его—то горячимъ защитникомъ ихъ непорочности, то столь-же страстнымъ обличителемъ ихъ, какъ своекорыстнаго фальсификата. Увлеченіе его своими надписями было увлеченіе юноши. Въ памяти многихъ изъ насъ свѣжо сохранился тотъ несчастный случай, когда онъ, послѣ напряженной, въ—плоть до сумерокъ, работы надъ дешифровкой неподдававшихся надписей, на пути изъ Музея домой, отъ изнеможенія упалъ на тротуаръ и отвезенъ полицейскимъ, да еще какъ невѣдомый обыватель...

Примѣрный рабочій, онъ до гробовой доски оставался неукоснительно вѣрнымъ своему призванію — рабочаго науки, идеалу своей далекой и тяжелой юности. Съ своими амфорными надписями онъ и отошелъ отъ насъ.

Прости-же, старый, завидный орудователь на нивѣ отечественной науки! Прости, горячій, но всегда любезный, ободряющій соратникъ! Прости, старый сослуживецъ! Прости, старѣйшій профессоръ и нашего Юга, и нашей Имперіи, за исключеніемъ одного—твоего товарища, послѣдняго студента твоего Института!...

Во дворѣ католической церкви.

Рѣчь проф. А. Н. Деревицкаго.

Съ чувствомъ благоговѣйнаго трепета приближаюсь я ко гробу почившаго, чтобы по влеченію сердца и по завѣту христіанской любви отдать ему послѣднее цѣлованіе. Безпощадная смерть вырвала изъ нашей среды человѣка, вся долгая жизнь котораго являлась высокимъ и назидательнымъ подвигомъ безкорыстнаго и неизмѣннаго служенія наукѣ. Время не охлаждало юношескаго пыла его бодрой души, воспріимчивой ко всему доброму и не утратившей до конца способности къ идеальнымъ порывамъ. Въ нашъ вѣкъ общественнаго индифферентизма, въ вѣкъ, столь бѣдный идеалами личности, подобныя усопшему,—полныя свѣтлой вѣры въ свое призваніе и глубокаго, дѣятельнаго сознанія своего общественнаго долга,—рѣдки, и тѣмъ глубже ихъ значеніе. Они своимъ примѣромъ воспитываютъ младшія поколѣнія,—эти поколѣнія въ ихъ дѣятельности почерпаютъ бодрость и силу. И закончивъ свою жизнь, онѣ остаются жить среди насъ въ воспоминаніяхъ и продолжаютъ вліять на насъ своими завѣтами...

Скажемъ же съ признательностью: миръ твоему праху, добрый наставникъ и неутомимый труженикъ! Твой образъ да живетъ средь насъ, увлекая насъ впередъ по оставленной тобою стезѣ!

Въ общемъ собраніи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 18 декабря 1898 года.

Рѣчь профессора Э. Р. фонъ-Штерна.

Мм. Г.

«Дней лѣтъ нашихъ семьдесятъ лѣтъ, а при бо́льшей крѣпости восемьдесятъ лѣтъ и сама лучшая пора ихъ—трудъ».

Этотъ десятый стихъ восемьдесятъ девятаго псалма можетъ служить самымъ подходящимъ эпиграфомъ для жизни и дѣятельности покойнаго нашего вице-президента, высокочтимаго Владислава Норбертовича, памяти котораго посвящено настоящее засѣданіе.

Ровно 80 лѣтъ — grande mortalis aevi spatium по словамъ Тацита — прожилъ нашъ незабвенный сочленъ, и вся эта долголѣтняя жизнь посвящена была умственной работѣ, скромному, но плодотворному преподавательскому и научному труду: и поэтому, по псаломпѣвцу, его жизнь была счастлива и содержательна.

Сорокъ лѣтъ изъ этой жизни принадлежали намъ, сорокъ лѣтъ покойный Владиславъ Норбертовичъ трудился на пользу нашего Общества, на пользу историческаго и археологическаго изслѣдованія нашего юга и его достопримѣчательной роли въ общей культурной исторіи.

Въ 1858 г. Владиславъ Норбертовичъ былъ назначенъ профессоромъ римской словесности въ Ришельевскій лицей и въ томъ-же году былъ избранъ членомъ нашего Общества. Здѣсь на югѣ Россіи, въ сферѣ дѣятельности нашего Общества, здѣсь на мѣстѣ театра важныхъ событій изъ древней, византійской, генуэзской и отечественной исторіи зрѣлый уже ученый-классикъ какъ-бы открываетъ свое настоящее призваніе стать изслѣдователемъ исторіи и археологіи этого края съ его богатымъ прошлымъ, здѣсь только научная дѣятельность Владислава Норбертовича получаетъ опредѣленное направленіе, его жизнь твердое и прочное содержаніе.

Въ первой половинѣ своей жизни Владиславъ Норбертовичъ много работалъ и читалъ, многому научился; но онъ рѣдко чувствовалъ потребность дѣлиться результатами своихъ изслѣдованій съ другими. Кромѣ магистерской диссертаціи—De mundiciis vetorum Graecorum et Romanorum—, послѣ

защиты которой въ 1847 году онъ былъ утвержденъ въ должности адъюнкта-профессора греческой и римской словесности въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, онъ въ этотъ періодъ своей жизни проявилъ себя въ печати только одной статьей весьма спеціальнаго содержанія: «О пожарахъ и предохранительныхъ противъ нихъ мѣрахъ въ древнемъ Римѣ» (въ 1854 г.).

Переѣхавъ въ Одессу и сдѣлавшись членомъ нашего Общества, Владиславъ Норбертовичъ во второй половинѣ своей жизни напечаталъ болѣе 50 статей и изслѣдованій, изъ которыхъ многіе по объему и содержательности являются цѣлыми сочиненіями. Этотъ замѣчательный фактъ объясняется только тѣмъ, что скромный ученый-классикъ, занимавшійся до сихъ поръ, согласно школьной и университетской традиціи исключительно изученіемъ древнихъ языковъ и жизни классическихъ народовъ, насколько она засвидѣтельствована литературными памятниками, здѣсь впервые сталкивается съ новыми вопросами, съ новымъ, болѣе жизненнымъ матеріаломъ, и эти вопросы, и этотъ матеріалъ настолько его интересуютъ, настолько его поглощаютъ, что у него пробуждается неудержимое, горячее стремленіе участвовать въ разработкѣ этихъ вопросовъ, выступить съ результатами своихъ наблюденій и изслѣдованій въ этой новой для него области.

Конечно это перерожденіе классика старой школы въ историка-археолога съ широкой научной программой не могло совершиться сразу. Надо вспомнить, что Владиславъ Норбертовичъ воспитывался въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, куда онъ четырнадцати лѣтъ отъ роду былъ зачисленъ по Высочайшему повелѣнію на историко-филологическое отдѣленіе, и то, что онъ, по окончаніи курса Института въ 1841 году съ золотою медалью былъ отправленъ для усовершенствованія въ избранныхъ наукахъ въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ въ то время самымъ знаменитымъ ученымъ былъ извѣстный профессоръ Готфридъ Германъ. Ни въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, ни въ Лейпцигскомъ университетѣ не обращалось вниманія на историческую археологію, на реальную сторону жизни древне-классическихъ народовъ, — мало того, Готфридъ Германъ, послѣдній великій представитель старой школы былъ ярымъ противникомъ новаго, выдвинутаго Бэкомъ направленія, и главное — онъ въ своей полемикѣ противъ Бэка, въ своей критикѣ отдѣльныхъ, конкретныхъ положеній его обыкновенно былъ правъ.

Проработавъ два года подъ руководствомъ такой обоятельной и могучей личности, какъ Готфридъ Германъ, Владиславъ Норбертовичъ возвратился на родину, раньше чѣмъ на Западѣ это историческое направленіе окончательно восторжествовало, раньше чѣмъ для всѣхъ стало ясно, что новому направленію въ филологической наукѣ принадлежитъ будущее.

Что сорокалѣтній ученый, убѣдившись здѣсь на югѣ въ виду собраннаго и ежедневно вновь открываемаго вещественнаго, эпиграфическаго и лингвистическаго матеріала въ томъ, что этотъ матеріалъ рядомъ и помимо литературнаго преданія заслуживаетъ самостоятельнаго изслѣдованія въ цѣляхъ вѣрнаго и полнаго пониманія обще-культурнаго развитія, успѣлъ освободиться отъ узкой университетской традиціи и примкнуть къ направленію, требовавшему всесторонняго сравнительнаго изученія всѣхъ вообще памятниковъ, оставшихся отъ минувшихъ періодовъ культурной жизни въ данной странѣ—это, конечно, на первомъ мѣстѣ его собственная заслуга, заслуга его пылкаго, научнаго интереса; но выработкѣ этого новаго направленія его ученой дѣятельности не мало конечно способствовала и та среда, въ которую попалъ Владиславъ Норбертовичъ, переѣхавъ въ Одессу. Достаточно назвать имена Павла Беккера, Филиппа Бруна и Николая Мурзакевича, изъ которыхъ первый занимался спеціально вопросами классической древности на югѣ Россіи, второй въ широкой мѣрѣ изучалъ историко-географическія и этнографическія проблемы нашего Черноморья, между тѣмъ какъ послѣдній интересовался по преимуществу исторіею завоеванія и заселѣнія юга со стороны Россіи — достаточно, повторяю, назвать имена этой тріады, чтобы понять, въ какой мѣрѣ живая научная жизнь въ нашемъ Обществѣ должна была содѣйствовать развитію новыхъ научныхъ плановъ и взглядовъ у Владислава Норбертовича.

Первые три года съ 1858—1861 своего пребыванія въ Одессѣ Владиславъ Норбертовичъ посвящаетъ всестороннему ознакомленію съ новой средой, ознакомлѣнію съ тѣми задачами, которыя эта новая обстановка его жизни, вновь появившіеся интересы предъявляютъ къ нему. Затѣмъ въ 1861 году онъ сразу выступаетъ съ нѣсколькими работами на учено-литературное поприще и съ полнымъ успѣхомъ на немъ подвизается. Путешествіе, предпринятое имъ впервые весной этого 1861 года въ Крымъ, по порученію президента Общества, графа Строганова, для осмотра развалинъ генуэзскихъ построекъ въ Судакѣ, Ѳеодосіи и Балаклавѣ, является какъ-бы послѣднимъ толчкомъ для Владислава Норбертовича чтобы всецѣло отдать себя историко-археологическимъ изслѣдованіямъ. Изъ подробнаго отчета, представленнаго имъ въ Общество по возвращеніи изъ поѣздки, мы узнаемъ, что, помимо удачнаго исполненія даннаго ему порученія, осмотрѣть остатки древнихъ сооруженій и принять мѣры къ ихъ охраненію, имъ обращается во время поѣздки главное вниманіе на собираніе и копированіе генуэзскихъ надписей и монетъ: его старанія въ этомъ отношеніи увѣнчались полнымъ успѣхомъ; онъ открылъ въ Судакѣ семь новыхъ надписей (1388, 1389, 1394, 1396, 1404, 1423, 1454 гг.) и пріобрѣлъ четырнадцать каффскихъ монетъ; на возвратномъ пути онъ заѣхалъ въ Балаклаву, чтобы лично осмотрѣть раскопанный тамъ курганъ.

Владиславъ Норбертовичъ немедленно приступаетъ потомъ къ подробному обслѣдованію добытаго матеріала. Онъ публикуетъ не только вновь найденныя имъ генуэзскія надписи, но и прежде открытыя, снова имъ правильнѣе скопированныя — всего 36; снабжаетъ ихъ подробнымъ историческимъ комментаріемъ и введеніемъ и въ томъ-же году, въ связи съ этой работой издаетъ на латинскомъ и русскомъ языкахъ весьма важный уставъ генуэзскихъ колоній въ Черномъ морѣ 1449 года; этотъ уставъ, который тогда еще не былъ опубликованъ, — Канале н. п. въ извѣстной его исторіи Крыма его не зналъ, — проливаетъ новый свѣтъ на исторію генуэзской колонизаціи въ нашемъ Черноморьѣ. Владиславъ Норбертовичъ пользовался рукописной копіей, находившейся въ библіотекѣ свѣт. князя С. М. Воронцова, списанной въ 1843 году съ подлинника по порученію покойнаго отца князя. Изданіе и переводъ этой изобилующей ошибками копіи представляли не малый трудъ, и въ пространныхъ и весьма ученыхъ примѣчаніяхъ Владиславъ Норбертовичъ показываетъ, что онъ дѣйствительно умѣлъ вполнѣ справиться съ своей задачей.

Эти первыя работы по исторіи генуэзской колонизаціи доставляютъ Владиславу Норбертовичу извѣстность и за границей: начинается съ тѣхъ поръ ученая переписка съ итальянскими изслѣдователями Канале, Десимони и т. д., переписка, которая, какъ уже увидимъ, и впослѣдствіи еще заставляетъ его заниматься вопросами, касающимися генуэзской колонизаціи на югѣ Россіи.

Въ томъ-же и въ двухъ слѣдующихъ годахъ Владиславъ Норбертовичъ написалъ еще нѣсколько статей: въ одной изъ нихъ, «Греческая надпись изъ древняго города Одиссоса» онъ изслѣдуетъ вопросъ о мѣстонахожденіи этого города, который пріурочивается имъ къ Тилигульскому лиману, въ другой онъ публикуетъ «Три отрывка ольвійскихъ надписей» и наконецъ издаетъ русскій переводъ разсказа римско-католическаго миссіонера Доминиканца Юліана о путешествіи въ страну приволжскихъ *Венгерцевъ*, совершенномъ, по опредѣленію Владислава Норбертовича, передъ 1295 годомъ.

Всѣ до сихъ поръ шесть названныхъ работъ Владислава Норбертовича вошли въ V томъ нашихъ Записокъ; я подробнѣе на нихъ остановился между прочимъ и потому, что эти работы представляютъ собою какъ-бы программу для дальнѣйшихъ изслѣдованій нашего покойнаго вице-президента: исторія генуэзскихъ колоній, греческая эпиграфика и этнологическіе вопросы, особенно о роли Венгерцевъ въ этнографіи юга Россіи—вотъ тѣ области, выясненію которыхъ покойный больше всего посвящалъ свои силы.

Въ слѣдующихъ годахъ Владиславъ Норбертовичъ продолжаетъ съ такимъ-же неутомимымъ рвеніемъ и стараніемъ работать въ области нашей археологіи: въ 1865 г. онъ посѣщаетъ Ольвію и собираетъ тамъ новый

эпиграфическій матеріалъ; но онъ самъ не обнародываетъ этотъ матеріалъ, а предоставляетъ его въ распоряженіе профессора Струве — должно быть потому, что онъ въ то время занятъ болѣе крупными изслѣдованіями.

Какъ извѣстно, въ 1865 г. Ришельевскій лицей преобразуется въ Новороссійскій университетъ и Владиславъ Норбертовичъ, бывшій профессоромъ и инспекторомъ въ лицеѣ, могъ по университетскому уставу, такъ какъ не имѣлъ докторской степени, стать университетскимъ преподавателемъ лишь въ качествѣ и. д. экстраординарнаго профессора. Чтобы упрочить свое положеніе и получить ординатуру, Владиславъ Норбертовичъ, понятно, на первомъ мѣстѣ долженъ былъ приступить къ составленію докторской диссиртаціи. Онъ со свойственной ему энергіею взялся за дѣло, и уже въ концѣ 1866 г. представилъ въ историко-филологическій факультетъ диссертацію на степень доктора римской словесности «De Iovis Lycaei natura cognominisque huius ratione»; по одобреніи ея профессоромъ Струве и затѣмъ факультетомъ состоялся 18 февраля 1867 года диспутъ, одинъ изъ первыхъ въ Новороссійскомъ университетѣ. Эта небольшая по внѣшнему объему, но весьма ученая диссертація, написанная на изящномъ латинскомъ языкѣ, которымъ Владиславъ Норбертовичъ владѣлъ какъ роднымъ, свидѣтельствуетъ о совершенномъ знакомствѣ автора съ древней литературой, объ его громадной въ ней начитанности,—но вмѣстѣ съ тѣмъ эта диссертація является послѣднимъ его трудомъ въ духѣ старой филолической школы, полагавшей, что подобные сложные миѳологическіе вопросы можно рѣшить окончательно на основаніи разбора одного *литературнаго* преданія *классическихъ народовъ*: Владиславъ Норбертовичъ впослѣдствіи самъ не возвращается въ своихъ работахъ къ такимъ темамъ, убѣдившись въ томъ, что онѣ нуждаются въ болѣе широкой постановкѣ.

Надо положительно удивляться рабочей силѣ не молодого уже профессора: почти одновременно съ этой докторской диссертаціею онъ въ VI томѣ нашихъ Записокъ публикуетъ весьма обстоятельное изслѣдованіе «О мнимыхъ Норманскихъ именахъ въ Русской исторіи». Выступая антагонистомъ «норманской школы» вообще и, полемизирую главнымъ образомъ противъ взглядовъ Дюверпуа и Куника, Владиславъ Норбертовичъ останавливается по преимуществу на двухъ моментахъ: онъ подробно разсматриваетъ названія Днѣпровскихъ пороговъ, переданныя Константиномъ Багрянороднымъ, и въ противоположность къ норманской гипотезѣ объясняетъ эти названія изъ венгерскаго языка, разбираетъ имена пословъ Олега и Игоря и другихъ лицъ, упоминаемыхъ въ русской исторіи, и на сорока одномъ примѣрѣ доказываетъ, что объясненіе этихъ именъ изъ норманскаго языка возможно только при большихъ натяжкахъ, между тѣмъ какъ ближайшія къ нимъ аналогіи встрѣчаются въ мадьярскомъ языкѣ. Владиславъ Норбертовичъ при этомъ конечно не думаетъ выставлять гипотезы о какомъ-нибудь

непосредственномъ, долгомъ вліяніи или господствѣ самихъ мадьяръ надъ Русью; онъ только указываетъ на то, что хазары (угры), тѣсно связанные съ венграми, долго жили на всемъ югѣ Россіи, и что отъ нихъ Днѣпровскіе пороги могли получить и дѣйствительно получили свои названія, перешедшія потомъ въ славянскія языки; при неотрицаемомъ вліяніи финскихъ племенъ на другіе народы (въ одномъ французскомъ языкѣ, напримѣръ, больше двухъ тысячъ словъ, заимствованныхъ изъ финно-угро-мадьярскаго языка) прежде всего слѣдуетъ, по мнѣнію автора, обратиться при объясненіи неславянскихъ именъ въ русской исторіи къ языкамъ ближайшихъ сосѣдовъ руссовъ,—къ языкамъ народовъ финнскаго племени. Все равно соглашаться или не соглашаться съ отдѣльными положеніями Владислава Норбертовича и съ предложенными имъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ объясненіями, едва-ли возможно будетъ отрицать, что основныя взгляды его заслуживаютъ полнаго вниманія и что его изслѣдованіе занимаетъ весьма видное мѣсто въ историко-этнографической литературѣ, какъ по основательности метода и по знанію литературы предмета, такъ и по лингвистическому матеріалу и по чисто научному способу изложенія, избѣгающаго и въ полемической части всякихъ дешевыхъ эффектовъ.

Въ томъ-же VI томѣ нашихъ Записокъ, изданномъ въ 1867 г., украшеніемъ котораго служитъ только что разобранная работа, мы находимъ еще одну статью Владислава Норбертовича, написанную имъ впрочемъ уже въ 1863 г.: «Двѣ аморгскія надписи, принадлежащія музею О. О. И. и Д.»; Владиславъ Норбертовичъ въ этой статьѣ не довольствуется — и это характерно и для его дальнѣйшихъ эпиграфическихъ изслѣдованій — обнародываніемъ однихъ текстовъ надписей; онъ всегда присовокупляетъ подробныя комментаріи, а въ данномъ случаѣ еще присоединяетъ къ этому изданію надписей интересное введеніе объ исторіи и дальнѣйшей судьбѣ острова Аморга.

Неутомимо Владиславъ Норбертовичъ продолжаетъ работать: уже въ слѣдующемъ году онъ издаетъ дополненіе къ своей вышеназванной работѣ о генуэзскихъ надписяхъ, публикуя и комментируя пять вывезенныхъ изъ Ѳеодосіи въ Павловскій Музей и неизданныхъ до тѣхъ поръ надписей, и помѣщаетъ въ VII томѣ Записокъ весьма тепло написанный некрологъ знаменитаго эпиграфиста Августа Бэка: онъ, ученикъ Готфрида Германа, вѣрно и справедливо оцѣниваетъ заслуги великаго антагониста своего не менѣе знаменитаго учителя: переходъ—необходимый переходъ въ лагерь сторонниковъ болѣе широкаго пониманія задачъ классической филологіи этимъ некрологомъ окончательно былъ засвидѣтельствованъ.

Наилучшимъ оправданіемъ необходимости этого перехода, и въ тоже время однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ доказательствъ глубокой эрудиціи Владислава Норбертовича служитъ его слѣдующая большая работа «Объ

именахъ иностранныхъ на надписяхъ Ольвіи, Боспора и другихъ греческихъ городовъ сѣвернаго побережья Понта». Однимъ изъ главныхъ результатовъ этого изслѣдованія является выводъ, что Скиѳы и Сарматы—различные народы и что первыхъ нельзя съ Müllenhof'омъ причислять къ арійскому племени. Возможно-ли будетъ съ этимъ выводомъ вполнѣ согласиться—это другой вопросъ; но признать слѣдуетъ, что съ этимъ выводомъ наукѣ еще придется считаться и заслуги автора заключаются именно въ томъ, что онъ своей постановкой этой этнографической проблемы заставляетъ глубже еще надъ ней задуматься. Своему изслѣдованію Владиславъ Норбертовичъ предпосылаетъ цѣнное введеніе о характерѣ греческой колонизаціи на югѣ Россіи; онъ вполнѣ вѣрно подчеркиваетъ, что греки здѣсь отчасти уже нашли застроенныя поселенія и города, съ которыми начали свои торговыя операціи, отчасти учредили купеческія складочныя мѣста, и что только постепенно, въ продолженіи многихъ вѣковъ возникли изъ этихъ поселеній и складочныхъ мѣстъ греческія колоніи съ опредѣленнымъ государственнымъ устройствомъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что эти вполнѣ основательныя разсужденія, которыя рѣзко различаются отъ мнѣній и положеній, общераспространенныхъ въ руководствахъ по греческой исторіи, н. п. Курціуса и другихъ, высказываются въ исторической наукѣ Запада снова только въ новѣйшее время. Къ сожалѣнію этотъ трудъ Владислава Норбертовича, о которомъ не появилось ни одной рецензіи, ни одной замѣтки ни въ одномъ иностранномъ журналѣ, не сдѣлался достояніемъ общей исторической науки.

Рядомъ съ этой крупной работой по греческой эпиграфикѣ и опубликованіемъ вновь найденнаго надписнаго матеріала («Ольвійская надпись» въ VIII томѣ Записокъ) Владиславъ Норбертовичъ издалъ новый, не менѣе важный трудъ по исторіи генуэзской колонизаціи.

Внѣшнимъ поводомъ къ изданію этого труда служилъ запросъ, обращенный въ 1869 г. къ нему извѣстнымъ итальянскимъ ученымъ Канале, не можетъ-ли онъ сообщить какія-нибудь свѣдѣнія относительно генуэзскихъ монетъ, чеканенныхъ въ Каффѣ. Эти монеты на Западѣ, даже въ самой Генуѣ, были совсѣмъ неизвѣстны—только въ 1841 знаменитый женевскій оріенталистъ Soret, получившій черезъ посредство Fraehn'a отъ г. Мурзакевича нѣсколько генуэзско-татарскихъ монетъ, вѣрно опредѣлилъ ихъ принадлежность городу Каффѣ и первый описалъ двѣ каффскія монеты; потомъ баронъ Кёне въ свое время издалъ всѣ до него извѣстныя, но въ его описаніе вкралось много ошибокъ. Мы выше уже видѣли, что Владиславъ Норбертовичъ во время своей первой поѣздки въ Крымъ обращалъ вниманіе на эти монеты и собралъ ихъ четырнадцать штукъ для музея: теперь, по полученіи письма отъ Канале, онъ приступаетъ къ работѣ и, хотя располагалъ небольшимъ матеріаломъ—всего сорока монетами,—тѣмъ не менѣе ему удалось написать весьма цѣнное изслѣдованіе

объ этихъ генуэзскихъ монетахъ, изслѣдованіе, которое подчасъ разростается въ цѣльную исторію генуэзской колонизаціи и особенно Каффы. Въ работѣ Владислава Норбертовича мы находимъ первую попытку дать свѣдѣнія о монетномъ дѣлѣ въ городѣ Каффѣ, причемъ авторъ между прочимъ старается доказать, что Генуэзцы только въ 1449 г. начали чеканить монеты въ Каффѣ. Французскій переводъ этой работы, посланный авторомъ извѣстному генуэзскому историку Десимони, побудилъ послѣдняго послать Владиславу Норбертовичу очень подробное письмо съ разными поправками и объяснительными примѣчаніями, что въ свою очередь дало нашему покойному сочлену поводъ ко второй статьѣ, изданной имъ въ томъ-же VIII томѣ нашихъ Записокъ. Съ тѣхъ поръ вопросъ о каффскихъ монетахъ поставленъ былъ на очередь въ ученой литературѣ: его касались многіе ученые —въ самое послѣднее время, въ 1897 и въ 1898 г., появилось прекрасное изслѣдованіе г. Ретовскаго о генуэзско-татарскихъ монетахъ; и если и теперь въ виду новаго, значительно обогащеннаго матеріала и въ виду общаго прогресса нумизматическихъ изслѣдованій, многіе изъ положеній Владислава Норбертовича являются устарѣлыми, то навсегда за нимъ останется заслуга, что онъ далъ надлежащій толчекъ изученію этого для исторіи генуэзской колонизаціи крайне важнаго вопроса.

Въ сентябрѣ 1873 года Владиславъ Норбертовичъ отправляется въ Крымъ съ ученой цѣлью; опять онъ посѣщаетъ Судакъ и Ѳеодосію; ему удается открыть въ имѣніи г. Мордвинова новую генуэзскую надпись, кромѣ того онъ въ Судакѣ сличаетъ прежде списанныя: эта провѣрка оказывается небезполезной особенно для надписи 1473 года; въ Ѳеодосіи онъ пріобрѣлъ восемь новыхъ каффскихъ монетъ, которыя подтверждаютъ его предположеніе, что двѣ начальныя буквы латинской легенды не могутъ означать ничего другого, кромѣ имени консула; дальше онъ разбираетъ знаменитую Климентовскую надпись до конца (впрочемъ только Ремондини окончательно устанавливается ея чтеніе), и на возвратномъ пути онъ осматриваетъ только что раскопанный курганъ около Севастополя. Кромѣ подробнаго отчета о поѣздкѣ, ближайшимъ ея результатомъ является статья «О новѣйшихъ археологическихъ открытіяхъ въ Крыму», въ которой онъ подробно останавливается на оцѣнкѣ только что упомянутой раскопки, трезво и основательно критикуя фантазіи г. Ванье, распространившаго повсюду въ газетахъ, что открыты жертвенникъ и мѣсто для жертвоприношеній въ честь знаменитой таврической Артемиды.

Послѣ изданія этихъ работъ въ IX томѣ Записокъ, въ 1875 году, въ составѣ правленія нашего Общества происходятъ важныя перемѣны: архіепископъ Димитрій слагаетъ съ себя вице-президентство, на его мѣсто избирается бывшій до сихъ поръ секретаремъ Н. Мурзакевичъ, а освободившееся секретарство замѣщается Владиславомъ Норбертовичемъ; та-

кимъ образомъ, покойный нашъ сочленъ еще ближе сталъ къ работамъ нашего Общества, еще въ большей мѣрѣ сросся съ его интересами.

Въ слѣдующіе за этимъ избраніемъ годы Владиславъ Норбертовичъ сосредоточивался въ своихъ работахъ — если оставить въ сторонѣ переводы VII и XI книги Страбоновой географіи и перевода рецензіи Kreutzer'a на сочиненіе Бларамберга «Choix de médailles» — почти исключительно на эпиграфическихъ изслѣдованіяхъ и штудіяхъ. Но онъ расширяетъ кругъ этихъ своихъ эпиграфическихъ изслѣдованій включеніемъ въ него новаго отдѣла; онъ распространяетъ свои изслѣдованія и на надписи на амфорныхъ ручкахъ, обработка и изданіе которыхъ до сихъ поръ, повидимому, составляли привилегію Павла Беккера. Въ первой своей работѣ по названному вопросу, изданной въ XI томѣ нашихъ Записокъ (1879), Владиславъ Норбертовичъ весьма мѣтко критикуетъ одно изъ основныхъ положеній Беккера, будто Ольвія является единственнымъ мѣстомъ фабрикаціи этихъ амфоръ на югѣ Россіи, и изъ сопоставленія именъ астиномовъ съ именами горшечниковъ неопровержимо доказываетъ произвольность этого положенія. Амфорныя ручки и толкованіе ихъ надписей и впослѣдствіи еще привлекаютъ вниманіе Владислава Норбертовича; подъ конецъ своей жизни, какъ мы увидимъ, онъ особенно живо ими интересуется. Что Владиславъ Норбертовичъ въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ почти исключительно занимается эпиграфикой, это на первомъ мѣстѣ объясняется тѣмъ, что въ это время найденъ былъ на нашемъ югѣ весьма важный въ историческомъ отношеніи эпиграфическій матеріалъ: стоитъ только перелистать X, (1877) XI, (1879) XII, (1881) и XIII (1883) томы нашихъ Записокъ, въ которыхъ помѣщены одиннадцать статей и изслѣдованій, посвященныхъ этому вновь открытому эпиграфическому матеріалу, чтобы убѣдиться въ томъ, съ какимъ рвеніемъ и съ какимъ успѣхомъ Владиславъ Норбертовичъ взялся за его обработку.

Такъ, напримѣръ, изданіе знаменитаго декрета въ честь Діофанта (XII томъ) представляетъ собою цѣлый трактатъ объ исторіи Херсонеса во время Миѳридата, статья «О древне-греческихъ надписяхъ, найденныхъ въ Керчи, Анапѣ и Херсонесѣ» (въ томъ-же томѣ) содержитъ въ себѣ цѣнное изслѣдованіе о царѣ Аспургѣ, публикація (въ XIII томѣ) найденной въ Херсонесѣ въ 1881 надписи на пьедесталѣ статуи, работы Кефисадота, опять разростается въ очеркъ исторіи Херсонеса въ извѣстный періодъ, и наконецъ обнародываніе весьма важной Тирасской надписи, найденной въ томъ же 1881 году въ селѣ Чобручи (Аккер. уѣзда) даетъ Владиславу Норбертовичу поводъ къ изслѣдованію объ эрѣ и лѣточисленіи этой колоніи.

Совершенно естественно, что Общество въ виду важныхъ заслугъ Владислава Норбертовича въ отечественной археологіи его избрало по смерти Н. Мурзакевича въ 1883 году своимъ вице-президентомъ. Но это почетное назна-

ченіе отнюдь не является облегченіемъ его труда въ службѣ интересамъ Общества. Владиславъ Норбертовичъ кромѣ должности вице-президента взялъ на себя и завѣдываніе музеемъ и, какъ извѣстно, былъ и въ значительной степени собственнымъ своимъ секретаремъ: если имѣть въ виду, что именно въ это время музей перемѣщенъ былъ въ нынѣ имъ занимаемое зданіе, что лѣтомъ 1884 года собрался VI Археологическій Съѣздъ въ Одессѣ, въ организаціи котораго вице-президентъ нашего Общества долженъ былъ принять дѣятельное участіе и на которомъ онъ выступилъ съ интереснымъ докладомъ «Замѣчанія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края, заслуживающихъ археологическаго изслѣдованія»,—если дальше имѣть въ виду, что къ 1884/85 году относится введеніе новаго университетскаго устава, сопряженнаго съ довольно сложной подготовительной работой для членовъ университетской корпораціи, и если наконецъ имѣть въ виду, что шестидесятипятилѣтній профессоръ страдалъ серьезной болѣзнью, приковывавшей его особенно въ зимнее время къ комнатѣ и постели, то надо все снова удивляться бодрости духа, энергіи и рабочей силѣ Владислава Норбертовича, который не смотря на только-что указанныя неблагопріятныя обстоятельства продолжалъ служить Обществу и безпрерывно заниматься научнымъ трудомъ.

Запоздавшій правда своимъ изданіемъ, но за то весьма объемистый XIV томъ нашихъ Записокъ, вышедшій въ 1886 г., свидѣтельствуетъ о рѣдкомъ трудолюбіи нашего больного тогда, обремененнаго работами вице-президента: онъ содержитъ не менѣе шести работъ и статей маститаго археолога; подъ скромнымъ заглавіемъ «Двѣ печати, найденныя въ Херсонесѣ въ 1884 году» Владиславъ Норбертовичъ издаетъ цѣлое изслѣдованіе о пресловутомъ вопросѣ относительно продолжительности пребыванія Готовъ на югѣ Россіи; ближайшимъ поводомъ къ его написанію было появленіе книги Томашка «Die Goten in der Krim»; оспаривая положенія австрійскаго ученаго, который опирается на свидѣтельство Бусбека, Рубрикиса и другихъ, Владиславъ Норбертовичъ доказываетъ, что собранныя Бусбекомъ въ 1526 году будто-бы готскія слова въ сущности жидовско-нѣмецкія, и что вся исторія Крыма въ средніе вѣка не позволяетъ допустить мысли о долговременномъ въ немъ пребываніи Готовъ, не оставившихъ въ немъ ни малѣйшаго слѣда; возвращаясь къ положеніямъ, высказаннымъ имъ въ одной изъ первыхъ своихъ археологическихъ статей «О мнимо Норманскихъ именахъ въ Русской исторіи», Владиславъ Норбертовичъ указываетъ на поразительное совпаденіе многихъ названій деревень, мѣстностей, рѣкъ и т. д. въ Крыму съ названіями, распространенными въ Венгріи и въ этомъ совпаденіи усматриваетъ вѣсское подтвержденіе своей гипотезы о значительномъ вліяніи финно-угро-венгерскаго племени и о его роли на югѣ Россіи.

Кромѣ этой работы заслуживаетъ изъ помѣщенныхъ въ XIV томѣ нашихъ Записокъ особеннаго упоминанія здѣсь еще два историко-археологическихъ очерка, имѣющіе спеціально мѣстный интересъ: 1) «Объ археологическихъ разысканіяхъ и открытіяхъ въ южной Россіи, предшествовавшихъ учрежденію Одесскаго Общества Исторіи и Древностей» и во 2) «Краткій очеркъ дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей». Первая статья предназначена была служить введеніемъ къ указателю Музея древностей, принадлежащихъ Обществу, вторая вызвана весьма крупнымъ событіемъ въ жизни нашего Общества—предстоящимъ тогда празднованіемъ пятидесятилѣтія его существованія. Приготовленіе къ этому празднеству, обширная переписка имъ вызванная, изданіе юбилейнаго тома Записокъ—все это составляетъ преимущественную заботу неутомимаго труженника, который послѣ выхода въ отставку въ 1887 году всѣ свои силы посвящаетъ Обществу и его интересамъ. Вышедшій ко дню юбилея (14 ноября 1889 года) XV томъ Записокъ есть непререкаемое свидѣтельство его энергіи и его знанія. Въ этомъ обширномъ томѣ шесть статей принадлежатъ перу Владислава Норбертовича, и три изъ нихъ: «Монеты города Тиры», «Свинцовыя печати, принадлежащія музею Общества», и «Амфорныя ручки, собранныя въ окрестностяхъ Херсонеса» являются крупнымъ обогащеніемъ отечественной археологіи, замѣчательныхъ выясненіемъ судебъ нашего юга.

Послѣ юбилейнаго торжества наступаетъ въ жизни Общества въ извѣстномъ родѣ кризисъ, ослабленіе и утомленіе послѣ напряженной дѣятельности, наступаетъ неотрадный періодъ; нѣтъ денежныхъ средствъ, но нѣтъ и рабочихъ силъ, новыхъ элементовъ въ общество почти не прибываетъ, засѣданія собираются рѣдко, научныхъ докладовъ представляется мало: нашъ вице-президентъ одинъ въ полѣ—не воинъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ нельзя было ему приступить къ изданію новаго тома Записокъ; нѣтъ денегъ,—но что хуже, нѣтъ работъ, нѣтъ матеріала. Но этотъ неотрадный періодъ не продолжается долго: члены Общества, собравшись и соединившись, чтобы достойнымъ образомъ отпраздновать день (20 декабря 1891 года) истекающаго пятидесятилѣтія ученой дѣятельности маститаго вице-президента, дошли до убѣжденія, что ихъ прямой долгъ, кромѣ внѣшняго проявленія благодарности своему руководителю, заботиться и объ облегченіи его труда, заботиться и о томъ, чтобы организація Общества была видоизмѣнена, его дѣятельность расширена въ цѣляхъ наилучшаго выполненія его завѣтныхъ задачъ. Общество принимается усердно за работу: открывается доступъ новымъ силамъ, исходатайствовано увеличеніе правительственнаго пособія, вырабатывается новый уставъ, издается ежегодно томъ Записокъ. Владиславъ Норбертовичъ, какъ это вполнѣ естественно при его преклонномъ возрастѣ, на первыхъ порахъ относится скептически къ этимъ новымъ планамъ: онъ по долголѣтнему опыту знаетъ, что легче критико-

вать, чѣмъ работать, и онъ не безъ основанія боится, что съ охлажденіемъ минутнаго интереса ряды работниковъ будутъ рѣдѣть. Поэтому онъ во всѣхъ совѣщаніяхъ и коммиссіяхъ сначала принималъ на себя роль осторожнаго Нестора: но какъ только онъ убѣдился въ томъ, что новые планы основательны, что они сулятъ успѣхъ, онъ съ свойственной ему энергіею заботился объ ихъ осуществленіи; онъ собираетъ у себя засѣданія вновь учрежденнаго совѣта Общества, читаетъ доклады на общихъ засѣданіяхъ, руководитъ по прежнему дѣлами Общества и никогда не отказываетъ въ совѣтѣ и помощи болѣе молодымъ его сотрудникамъ.

Окончательно сложивъ съ себя въ 1895 году должность хранителя музея, слишкомъ тягостную при его лѣтахъ, онъ принимается еще за большую работу: за изданіе надписей на ручкахъ и обломкахъ амфоръ и черепицъ, найденныхъ въ Ѳеодосіи въ 1884 году. Это послѣдняя крупная работа нашего глубоко-почитаемаго вице-президента; хотя, правда, глазъ ему уже нерѣдко измѣняетъ при чтеніи этихъ трудно разбираемыхъ, потертыхъ отчасти надписей, тѣмъ не менѣе эта работа въ другихъ отношеніяхъ, по умѣлой группировкѣ матеріала, по осторожности и основательности выводовъ смѣло можетъ претендовать на почетное мѣсто въ длинномъ спискѣ археологическихъ трудовъ покойнаго.

Интересъ къ наукѣ, къ дѣламъ Общества не ослабѣваетъ у Владислава Норбертовича съ прибывающими годами; ровно годъ тому назадъ онъ просиживаетъ дни и ночи подрядъ надъ опредѣленіемъ пожертвованныхъ музею греческихъ монетъ и еще въ январѣ этого года, узнавъ отъ меня, что пріобрѣтена для музея серія интересныхъ амфорныхъ ручекъ изъ Керчи, онъ, несмотря на холодъ и непогоду, пріѣзжаетъ немедленно въ музей и готовитъ докладъ для ближайшаго январскаго засѣданія Общества. Въ февралѣ онъ докладываетъ «О свинцовыхъ печатяхъ византійскихъ, хранящихся въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей», въ апрѣльскомъ засѣданіи дѣлаетъ сообщеніе «О надписяхъ на ручкахъ' найденныхъ въ Керчи, вновь пріобрѣтенныхъ для музея», и въ томъ же засѣданіи знакомитъ членовъ общества съ цѣлями экспедиціи графа Зичи на Кавказъ и въ Азію..... Такъ онъ работалъ до конца дней своихъ, не зная утомленія, не зная отдыха.

Вотъ, м. г., въ самыхъ крупныхъ штрихахъ очеркъ научной дѣятельности Владислава Норбертовича. Наука быстро живетъ; что вчера считалось послѣднимъ ея словомъ, сегодня можетъ быть уже отчасти устарѣло; но помня латинскую пословицу «in magnis voluisse sat est», смѣло можно сказать, что этотъ отрадный и необходимый прогрессъ науки никоимъ образомъ не умаляетъ заслугъ покойнаго нашего сочлена... Между нами больше нѣтъ Владислава Норбертовича, это предсѣдательское кресло, которое онъ въ послѣдній разъ занялъ въ октябрѣ этого года, сегодня

пустѣетъ; но онъ могъ-бы вмѣстѣ со своимъ любимымъ поэтомъ Горапіемъ говорить: «non omnis moriar» — «не весь я умру»; не только мы, на долю которыхъ выпало жить вмѣстѣ съ нимъ и работать подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ, до конца жизни помнить будемъ его свѣтлую, вѣрующую въ идеалы личность, помнить будемъ его крупныя заслуги, но и грядущія поколѣнія свято сохранятъ—пока существовать будетъ наше Общество и читаться наши Записки — память о благой его дѣятельности на пользу всѣмъ одинаково дорогой отечественной науки.

Телеграммы, отношенія и письма, полученныя Обществомъ по случаю смерти В. Н. Юргевича, Вице-Президента Общества.

Отъ Президента Общества члена Государственнаго Совѣта, генерала тъ инфантеріи Х. Х. Роопа:

Глубоко опечаленъ смертью глубокопочитаемаго Вице-Президента нашего Владислава Норбертовича, всего себя посвятившаго наукѣ и нашему Обществу. Благоволите передать его семейству, какъ много Общество потеряло съ утратой его, а отъ меня потрудитесь возложить на гробъ вѣнокъ.

Х. Х. Роопъ.

Отъ поч. члена Общества А. Л. Бертье-Делагарда:

Прошу передать роднымъ и Обществу мое глубочайшее сожалѣніе о смерти высокоуважаемаго Вице-Президента, присоединивъ мой голосъ и средства ко всѣмъ мѣрамъ почета, указываемымъ Совѣтомъ и Обществомъ.

А. Л. Бертье-Делагардъ.

Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества:

Императорское Московское Археологическое Общество, получивъ извѣщеніе о кончинѣ Вице-Президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и своего Почетнаго Члена Владислава Норбертовича Юргевича, спѣшитъ выразить Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей свое глубокое сожалѣніе.

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*

Секретарь *В. Трутовскій.*

Отъ Состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича Уральскаго Общества любителей естествознанія:

Вслѣдствіе извѣщенія Совѣта Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей о кончинѣ Вице-Президента Общества Владислава Норбертовича Юргевича, — Комитетъ Уральскаго Общества Любителей Естествознанія имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ, что онъ душевно раздѣляетъ скорбь, понесенную Одесскимъ Обществомъ въ потерѣ Вице-Президента своего, скончавшагося 23 Ноября сего года.

За Президента Общества Вице-Президентъ *А. Мислаевскій.*

Секретарь *Р. Микевичъ.*

Отъ Ростовскаго Музея Церковныхъ Древностей:

Получивъ отъ Совѣта Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей печальное увѣдомленіе о кончинѣ незабвеннаго Владислава Норбертовича Юргевича, Комитетъ Ростовскаго Музея постановилъ: отслужить 4-го сего декабря въ 12 час. дня, въ присутствіи всѣхъ наличныхъ Членовъ Музея, панихиду въ Бѣлой Палатѣ по усопшемъ своемъ Почетномъ Членѣ.

Товарищъ Предсѣдателя *А. Титовъ.*

Члены Комитета *Ив. Шляковъ.*

Городской Голова *П. Мальгинъ.*

Отъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи, состоящаго подъ покровительствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича:

Церковно-Археологическое Общество при Кіевской Духовной Академіи, получивъ печальную вѣсть о кончинѣ маститаго Вице-Президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Владислава Норбертовича Юргевича, долгомъ считаетъ выразить искреннее, глубокое соболѣзнованіе горю Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, а въ лицѣ его—и всѣмъ почитателямъ памяти почившаго и всѣмъ дѣятелямъ на поприщѣ ученой разработки Отечественной Исторіи и Древностей.

Предсѣдатель *Епископъ Димитрій.*

Секретарь, профессоръ *Н. Петровъ.*

Отъ Ярославской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи:

Ярославская Ученая Архивная Коммиссія въ годичномъ засѣданіи своемъ 21 Декабря 1898 года, выслушавъ скорбное извѣстіе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей о кончинѣ Вице-Президента Общества Владислава Норбертовича Юргевича, почтила память почившаго просвѣщеннаго дѣятеля—«вставаніемъ» и постановила выразить Одесскому Обществу Исторіи и Древностей глубокое соболѣзнованіе въ ихъ дорогой утратѣ.

Предсѣдатель Коммиссіи,
Ординарный профессоръ Демидовскаго Юридическаго Лицея,
Докторъ Финансоваго права *Э. Берендтсъ.*
Правитель дѣлъ *В. А. Городцевъ.*

Отъ члена Общества П. П. Короленко:

Выражаю Совѣту Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей глубочайшее мое прискорбіе о кончинѣ Вице-Президента этого Общества Владислава Норбертовича Юргевича.

Членъ Общества *П. Короленко.*

Отъ члена Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей профессора Н. И. Петрова:

Глубоко сочувствую горю, причиненному Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей кончиною Вице-Президента его, многоуважаемаго Владислава Норбертовича Юргевича, коего совѣтами и указаніями неоднократно пользовался и я во время моихъ посѣщеній г. Одессы и Одесскаго музея, и искренно желаю Обществу найти достойнаго преемника почившему крупному дѣятелю на поприщѣ Исторіи и Археологіи.

Членъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи
и Древностей, профессоръ *Николай Петровъ.*

Отъ члена Общества А. И. Маркевича:

Узнавъ о кончинѣ высокочтимаго Вице-Президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Владислава Норбертовича Юргевича, спѣшу выразить Обществу искреннее соболѣзнованіе по случаю этой тяжелой утраты. Неутомимаго подвижника и радѣтеля лишилось Общество Исторіи и Древностей въ лицѣ почившаго. Съ своей стороны никогда не забуду теплаго участія и внимательнаго руководства, которыя я встрѣтилъ со стороны покойнаго во время моихъ занятій въ библіотекѣ Общества лѣтъ девять тому назадъ.

Членъ Общества *Арсеній Маркевичъ.*

Отъ члена Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Ѳ. Корша:

Принося Совѣту Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей глубокую благодарность за извѣщеніе о кончинѣ Вице-Президента Общества, Владислава Нортбертонича Юргевича, считаю долгомъ выразить при этомъ Обществу свое искреннее соболѣзнованіе по случаю этой утраты и пожелать, чтобы Общество и впредь считало въ рядахъ своихъ членовъ такихъ преданныхъ его интересамъ дѣятелей, каковъ былъ покойный до конца своей жизни.

Дѣйствительный членъ Императорскаго Одесскаго
Общества Исторіи и Древностей *Ѳ. Коршъ.*

No 2

А. А. Скальковскій [1]).

(Поминки).

За истекшее десятилѣтіе Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей суждено было испытать немало цѣнныхъ утратъ. Если не самою важною, въ силу непреодолимыхъ жизненныхъ условій, то едва-ли не самою выдающеюся была утрата перваго изслѣдователя исторіи Новороссійскаго Края и въ частности г. Одессы, одного изъ учредителей нашего Общества и почетнаго члена его Аполлона Александровича Скальковскаго. Въ виду этого, надѣюсь, Общество не посѣтуетъ на меня, если я нѣсколько займу его вниманіе хотя-бы краткой біографіей покойнаго, указаніемъ заслугъ его для нашей исторіографіи, оцѣнкою его трудовъ и, пожалуй, немногими личными о немъ воспоминаніями.

Введеніе Новороссійскаго края въ русскій государственный организмъ —дѣло сравнительно недавнее, а появленіе и ростъ г. Одессы и того новѣе; поэтому неудивительно, что въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. мы хоть и можемъ найти книги, печатанныя въ Новороссійскихъ типографіяхъ, но исторіи или литературы въ этомъ краѣ нѣтъ; даже въ Одессѣ времени де-Ришелье встрѣчаемъ литературу на французскомъ языкѣ соотвѣтственно господствующему элементу въ самомъ одесскомъ обществѣ того времени.

Съ 30-хъ годовъ Новороссійскій край и центръ его—Одесса пріобрѣтаютъ свою литературу и исторіографію, болѣе всего связанныя съ именемъ А. А. Скальковскаго. Я далекъ отъ мысли приписывать ему это движеніе въ умственной жизни нашего края; мало того, я вижу здѣсь отраженіе гораздо болѣе общихъ причинъ; тѣмъ не менѣе его заслуги весьма велики.

До 30-хъ годовъ центрами умственной жизни Россіи были Петербургъ, Москва и отчасти Харьковъ; даже Кіевъ былъ слабымъ проводникомъ культурнаго вліянія Россіи на общество. Я не имѣю въ виду, конечно, городовъ, сильныхъ стародавнею общественною жизнью, но не русскихъ по составу самого культурнаго класса. Съ 30-хъ же годовъ замѣчается

[1]) Читано въ засѣданіи Общества 14 ноября 1899 г.

можетъ быть не глубокое, но все-же сильное оживленіе въ умственной жизни южной Руси; не только Кіевъ, но Полтава и Нѣжинъ играютъ широкую роль въ этомъ отношеніи; на встрѣчу возникающимъ здѣсь идеаламъ идутъ и новые идеалы общества юго-западной Руси, которое имѣло тогда обильныя и разностороннія связи съ одесскимъ обществомъ. Съ другой стороны гр. Воронцовъ и окружающія его лица, хотя-бы и въ разной степени, умѣли цѣнить значеніе науки и литературы; вступили въ жизнь и питомцы Ришельевскаго Лицея, благодаря знакомству съ русской литературой, особенно съ Пушкинымъ, оставшіеся русскими, не смотря на полученное ими иностранное воспитаніе. Вотъ тѣ элементы, которые вызвали извѣстное умственное оживленіе въ г. Одессѣ въ 30—40 годахъ, въ которомъ, какъ я сказалъ, наиболѣе видная роль принадлежала А. А. Скальковскому.

Переходя къ біографіи этого ученаго, я позволю себѣ остановиться на немногихъ данныхъ, тѣмъ болѣе, что въ ней какихъ-либо особенно выдающихся моментовъ не много.

А. А. Скальковскій былъ сыномъ помѣщика Кіевской губ., повидимому, польскаго происхожденія; но установить какое-либо родственное отношеніе его къ забытому теперь польскому поэту 20-хъ годовъ Скальковскому мнѣ не удалось; одно время я полагалъ, не самъ-ли А. А. Скальковскій былъ этимъ поэтомъ, тѣмъ болѣе, что онъ упорно отклонялъ разговоръ со мною по этому предмету; но, кажется, хронологическія данныя свидѣтельствуютъ противъ такого предположенія. Родился А. А. Скальковскій 1 Января 1808 г. въ Житомирѣ; о дѣтствѣ его извѣстія еще не опубликованы и ихъ только можно ожидать отъ сына его К. А. Скальковскаго, работающаго нынѣ надъ бумагами, оставшимися послѣ отца. Въ Житомирѣ-же С—кій окончилъ гимназію, приблизительно въ 1823/24 году, недолго изучалъ медицину въ Виленскомъ университетѣ, а затѣмъ перешелъ на юридическій факультетъ Московскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1828 г. Всѣ эти обстоятельства, разумѣется, могутъ быть возстановлены въ полной инкрустаціи лицами, которыя займутся полной его біографіей. Можно указать еще, что въ бытность студентомъ С—скій посѣщалъ извѣстный салонъ кн. Зинаиды Волконской и, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ къ жившему тогда въ Москвѣ знаменитому польскому поэту Мицкевичу, началъ свою литературную дѣятельность въ Московскихъ журналахъ (Сообщено К. А. Скальковскимъ въ Кіевск. Стар. 1898 г. № 1, стр. 150).

По окончаніи курса С—скій отправился на службу въ Одессу, куда генер.-губернаторъ гр. Воронцовъ вызывалъ вообще образованныхъ чиновниковъ, которыми любилъ себя окружать. С—скій зачисленъ былъ въ канцелярію генералъ-губернатора.

Разсказъ о его пріѣздѣ въ Одессу настолько интересенъ и въ тоже время такъ малоизвѣстенъ, что я считаю полезнымъ привесть его здѣсь въ извлеченіяхъ:

«12 іюня 1828 г., въ 40 почти верстахъ отъ Одессы съ обрыва близь Коблевской почтовой станціи... завидѣлъ я въ первый разъ рѣдкія башни церквей и цѣлые ряды бѣлѣющихъ зданій этого прекраснаго города, живописно оттѣняющагося отъ синихъ волнъ моря и хотя ярко освѣщеннаго солнцемъ, но покрытаго какъ-бы сѣрою пеленою полупрозрачнаго тумана. Приближаясь къ Одессѣ, степь закрыла городъ, но послѣ нѣсколько разъ еще являлся онъ при поворотѣ почтовой дороги къ морскому берегу, на скатѣ овраговъ... Наконецъ, въ 15 верстахъ отъ города увидѣли мы, что этотъ туманъ была столь знаменитая одесская пыль, ужъ полстолѣтія висящая надъ Одессою и которую только обильные дожди или сильные снѣга на время поглощаютъ. Не даромъ Пушкинъ... въ своемъ безсмертномъ Онѣгинѣ напоминаетъ о ней.

И теперь еще (въ 1870 г.) бываютъ дни, когда не только города и моря, но даже солнца не бываетъ видно отъ тучъ густой и палящей пыли, порождаемой немощенными улицами или песчанымъ перешейкомъ между лиманами. Но что было 40 лѣтъ назадъ, счастливые обитатели улицъ, закованныхъ въ гранитныя мостовыя, и постигнуть не могутъ. И вотъ въ эту-то палящую и душную атмосферу попалъ я въ первый-же день знакомства съ Одессою. Въ 9 верстахъ отъ города, спустившись съ одного довольно высокаго пригорка, покрытаго почти созрѣвшею пшеницею, мы увидѣли у нашихъ ногъ вовсе неожиданное зрѣлище. Это была, какъ казалось, необозримая пустыня, упиравшаяся, сколько можно было разсмотрѣть, съ одной стороны въ море, съ другой къ какимъ-то грязнымъ лужамъ и озерамъ, съ третьей къ возвышеніямъ, застроеннымъ весьма изящными и обширными зданіями. Въ этой котловинѣ, среди тучъ весьма тонкой пыли, температура была до того возвышена, что дышать было трудно. Проѣхавъ нѣсколько саженъ, мы очутились среди песковъ, которыхъ даже и не подозрѣвали! Это была Пересыпь, считавшаяся предмѣстіемъ Одессы, а въ самомъ дѣлѣ настоящимъ ея чистилищемъ, какъ это мы испытали на самихъ себѣ...

Это было, какъ мы сказали, въ іюнѣ мѣсяцѣ, т. е. въ самый знойный періодъ здѣшняго климата, и воздухъ имѣлъ всѣ свойства сильно натопленной бани, въ которой паръ замѣнялся пылью. На всемъ пространствѣ этой ливійской пустыни длинными вереницами въ 2 и 3 ряда тянулись обозы съ хлѣбомъ и военной амуниціей [2]). Изрѣдка между ними съ трудомъ двигались разныхъ калибровъ и формъ экипажи съ путешественни-

[2]) Это было во время войны съ Турціей.

ками, стремящимися въ Одессу по дѣламъ торговли или для обычныхъ закупокъ, и видъ представляемый какъ людьми, такъ и несчастными животными былъ по истинѣ плачевный: изнуренные зноемъ, пылью, погружаясь на каждомъ шагу въ глыбы песку, и лошади и волы постоянно спотыкались, падали, иногда тутъ-же умирали, и цѣлые обозы останавливались, загораживая другъ другу дорогу. А люди, столь-же утомленные, выражали свое горе или крикомъ, или отчаянными вздохами. Моя почтовая тележка, несмотря на свою легкость, погружались наравнѣ съ другими, и болѣе 2-хъ часовъ надобно было для того, чтобы пройти эти пять или шесть верстъ. Изъ одного экипажа, погрязшаго въ песку, вышли какія-то дамы и дѣти и рѣшились идти пѣшкомъ; я предложилъ имъ мѣсто въ своей повозкѣ и доставилъ къ первымъ домамъ селенія, какъ мнѣ казалось, а въ самомъ дѣлѣ пригорода, называвшагося тоже Пересыпью, составляющаго.... третью часть Одессы. Это предмѣстіе дѣлилось на двѣ части какимъ-то рвомъ безъ воды, валомъ и рогатками. Мои спутницы объяснили, что это была черта портофранко, и шутя сказали, что за этою рогаткою вся Одесса находится въ таможенномъ отношеніи какъ-бы заграницею. За этими рогатками потянулась предлинная улица, вовсе не мощеная, покрытая или лужами грязи или глыбами песку, на углу ея была доска съ надписью Strada Mosca. Такъ добрались мы до возвышенія или «континента» Одессы. Для въѣзда на гору устроена была превосходно мощеная улица, называвшаяся Херсонскимъ спускомъ. Зная, что Одесса въ прежнее время принадлежала туркамъ, что въ ней была крѣпость и «магалы», или татарскія предмѣстія, я напрасно искалъ какихъ-либо остатковъ восточной архитектуры. Но мои спутницы... увѣряли меня, что во всемъ городѣ и даже въ окрестностяхъ не осталось ничего отъ прежнихъ обитателей, кромѣ фонтановъ, которыми такъ богаты всѣ турецкія области.

Да вотъ одинъ изъ нихъ, сказали они, указывая на толпу людей и повозокъ, окружавшихъ какой-то водоемъ у подошвы горы, на которой возвышалось прекрасное зданіе городского госпиталя. Увы (прибавляетъ Скальковскій), благодаря нерадѣнію почтенной городской общины фонтанъ этотъ давно изсякъ, не смотря на безцѣнныя услуги, оказанныя имъ въ теченіе столѣтія приходившимъ и отходившимъ обозамъ.

Предполагая поселиться въ Одессѣ на многіе годы, для меня особенно интересно было свиданіе съ незабвеннымъ начальникомъ края графомъ М. С. Воронцовымъ... Управлявшій тогда его канцеляріей М. И. Лексъ представилъ меня этому знаменитому сановнику въ одинъ изъ вторниковъ, въ концѣ того-же іюня мѣсяца; гр. Воронцовъ жилъ тогда въ домѣ Фундуклея на Херсонской ул., предоставивъ свой домъ на Бульварѣ, только что выстроенный, въ распоряженіе Императорской Фамиліи и Двора. Этотъ достопамятный вторникъ былъ для меня первымъ свѣтлымъ днемъ въ моей

одесской жизни. Пріемъ былъ утромъ въ 11 ч., и простота этого пріема была выше всякой похвалы. Ко мнѣ вышелъ изъ кабинета высокій, блѣдный и довольно худощавый, въ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ, господинъ, съ большимъ крестомъ Св. Георгія на шеѣ; съ самою привѣтливою улыбкою и свѣтлымъ взоромъ добрыхъ глазъ онъ протянулъ мнѣ свою руку, которую я, бѣдный юноша, пожалъ съ особеннымъ благоговѣніемъ. Спросивъ у меня по обычаю, откуда я родомъ и гдѣ учился? и узнавъ, что я кандидатъ Московскаго университета, немедленно сказалъ: «Я очень радъ; я давно желаю привлечь на югъ Россіи московскихъ студентовъ. Послѣ нѣсколькихъ ласковыхъ словъ онъ вторично пожалъ мою руку и сказалъ: «ступайте съ Богомъ, трудитесь, и надѣюсь, что будемъ довольны другъ другомъ; жаль только, что не могу обѣщать вамъ приличныхъ матеріальныхъ выгодъ»;—штаты канцеляріи тогда были самые ничтожные и онъ отдавалъ на содержаніе свое жалованье. Разумѣется, отвѣтъ мой былъ и, признаюсь, въ ту минуту весьма искренній: что честь служить подъ его начальствомъ будетъ для меня выше всѣхъ матеріальныхъ интересовъ. Впослѣдствіи, когда не мало я страдалъ и, нуждаясь во всемъ, вспоминалъ я эту минуту, повторяя невольно слова одного великаго поэта: О молодость, какъ легки тебѣ жертвы! Замѣчу мимоходомъ, что когда осенью того-же года я порядочно заболѣлъ, графъ Воронцовъ, не знаю какъ, узналъ объ этомъ, пробрался въ мою бѣдную квартиру и не только утѣшилъ меня нѣсколькими ласковыми словами, но и положилъ тихонько подъ подушку 200 р. ассигнаціями» (Труды Одесск. Статист. Комитета, томъ IV, Одесса за 40 лѣтъ назадъ, стр. 48—53).

Намъ извѣстны и первыя порученія, возложенныя гр. Воронцовымъ на С—скаго: лѣтомъ 1828 г. отправился изъ Одессы въ Крымскіе порты первый пароходъ «Одесса»; на С—скаго возложена была обязанность вести подробную записку о плаваніи парохода, удобствахъ выгрузки и погрузки, о пристаняхъ, куда онъ заходилъ и пр. Поданная гр. Воронцову записка представлена была затѣмъ Государю. Въ тоже время С—скій былъ въ числѣ редакторовъ преобразованной газеты «Одесскій Вѣстникъ» [3]) и принималъ участіе въ дѣлахъ основаннаго въ 1828 г. Общества сельскаго хозяйства южной Россіи; въ 1829 г. С—скій, по порученію гр. Воронцова, изучалъ экономическій бытъ Одессы, а въ 1830 г. участвовалъ въ прекращеніи въ ней чумной заразы.

Изъ дальнѣйшихъ воспоминаній С—скаго мы можемъ заключить болѣе объ образѣ его жизни, типичномъ для одессита того времени, чѣмъ о

[3]) Онъ и позднѣе все время оставался сотрудникомъ «Одесск. Вѣстника», когда его редактированіе перешло къ А. Г. и Н. Г. Тройницкимъ; съ ними его связывали наилучшія отношенія.

его занятіяхъ въ канцеляріи генер.-губернатора (знаемъ лишь о выработкѣ имъ гербовъ для нѣкоторыхъ уѣздовъ Новороссіи); но и послѣдующая дѣятельность его связана съ организаціей нѣкоторыхъ одесскихъ учрежденій; такъ съ 1835 г. открывается въ Одессѣ статистическій комитетъ, въ которомъ С—скій былъ первымъ секретаремъ, оставшись въ этомъ званіи до самой смерти; при организаціи Одесскаго биржеваго комитета С—скій тоже является первымъ секретаремъ его; наконецъ, въ 1839 г. учреждается Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей при его-же участіи.

Для насъ важна его дѣятельность по Обществу Исторіи и Древностей, въ числѣ основателей котораго ему довелось быть, разумѣется, уже какъ лицу, небезызвѣстному своими занятіями по исторіи и статистикѣ края. Что его участіе при учрежденіи Общества было немаловажное, видно, во-первыхъ, изъ того, что въ уставѣ Общества указывалось на необходимость занятій не только исторіей, но и статистикой; во-вторыхъ, С—скій былъ первымъ казначеемъ Общества, сложивъ съ себя, впрочемъ, это званіе довольно скоро—въ концѣ 1842 г.

Почти оставляя въ сторонѣ (очень важные однако) труды С—скаго по мѣстной статистикѣ, я обращу вниманіе на его историческія произведенія.

Изъ печатныхъ разсказовъ самого С—скаго узнаемъ, что на занятія исторіей края обратилъ его вниманіе извѣстный одесскій градоначальникъ А. И. Левшинъ, поручившій ему весною 1835 г. осмотръ Новороссійскихъ архивовъ. Еще до этой поѣздки у С—скаго уже было значительное, отъ кого-то полученное имъ собраніе запорожскихъ актовъ; поѣздка-же увеличила его собраніе. Разсказъ автора объ осмотрѣ имъ архивовъ Новороссіи рисуетъ крайне печальную картину ихъ состоянія; но кое-гдѣ ему удалось найти и весьма цѣнные документы. Онъ посѣтилъ Новомиргородъ, Елисаветградъ и другіе города бывшей Новой Сербіи, затѣмъ Екатеринославъ, Павлоградъ; здѣсь узналъ онъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда онъ предполагалъ ѣхать, интересовавшіе его архивы не сохранились. Возвратившись въ Екатеринославъ и внимательно осмотрѣвъ архивы его учрежденій, онъ именно здѣсь нашелъ тотъ богатый матерьялъ, который послужилъ ему основою его послѣдующихъ историческихъ трудовъ [4]). Проѣхавъ затѣмъ по запорожскимъ мѣстамъ и собравъ здѣсь болѣе преданій, чѣмъ документовъ, С—скій отправился въ Херсонъ, гдѣ крѣпостной и адмиралтейскій архивъ дали не мало интересныхъ для него матерьяловъ. Посѣтивъ города Крыма, изъ которыхъ лишь въ Симферополѣ нашелъ онъ довольно полный архивъ, онъ закончилъ Одессою, съ архивами которой, впрочемъ, познакомился нѣсколько позже.

[4]) Если мнѣ не измѣняетъ память, кажется (со словъ С—скаго), что интереснѣйшіе запорожскіе документы найдены имъ сваленными въ кучу въ Екатеринославской больницѣ

Если не считать затерявшихся уже статей А. А. Скальковскаго, напечатанныхъ, по словамъ его сына, во время его студенчества въ Московскихъ журналахъ; статей, также затерявшихся въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» начала 30-хъ годовъ, и упоминаемаго М. Грабовскимъ, но неизвѣстнаго, напечатаннаго будто-бы въ Одессѣ въ 1836 г. дневника путешествія гр. Воронцова по Черному морю, принадлежавшаго перу С—скаго [5]), то первымъ печатнымъ трудомъ его слѣдуетъ признать Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійскаго края съ 1730 по 1823 г., точнѣе сказать первую часть его (напеч. въ Одессѣ 1 ч. въ 1836, 2 ч. въ 1838 г.). Этотъ громадный трудъ, изданный, какъ и всѣ первыя сочиненія его, на средства гр. Воронцова, распадается на двѣ части: первая—до 1796 г. (т. е. до смерти Императрицы Екатерины II) написана главнымъ образомъ по Полному Собранію Законовъ; вторая-же по архивнымъ источникамъ. Но зависимость труда С—скаго отъ Полн. Собр. Законовъ не умаляетъ его заслуги; кто работалъ надъ этимъ громаднымъ собраніемъ источниковъ, тотъ знаетъ, что это вовсе нелегко; а въ то время имъ и вообще мало кто пользовался; тѣмъ болѣе интересна вторая часть, гдѣ впервые былъ опубликованъ цѣнный архивный матеріалъ. Указать все важное, сдѣланное С—скимъ для исторіи Новороссіи въ этомъ трудѣ, невозможно: въ большинствѣ случаевъ онъ, какъ Колумбъ, открывалъ Америку; онъ былъ Карамзинымъ Новороссійскаго края. Лѣтописная форма изложенія, облегчившая, конечно, автору его трудъ, не помѣшала ему быть во многихъ мѣстахъ весьма полнымъ, а часто и краснорѣчивымъ. Героемъ разсказа является кн. Потемкинъ, заслуги котораго указаны очень обстоятельно; не мало страницъ отведено и тѣмъ лицамъ, которыя энергіей своей создали нашу Одессу (де-Рибасъ, дюкъ де-Ришелье); заканчивается трудъ С—скаго 1823 г., т. е. временемъ назначенія гр. Воронцова новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ; писать о послѣдующемъ времени очевидно было уже неловко.

Когда С—скій, по возвращеніи изъ археографической экспедиціи, въ концѣ 1836 г. представилъ А. И. Левшину добытые имъ матеріалы, тотъ предложилъ ему, тщательно разсмотрѣвъ одесскіе архивы, составить отдѣльную краткую, но достовѣрную исторію Одессы. «Находясь девятый уже годъ въ этомъ городѣ,—пишетъ авторъ въ предисловіи къ изданной имъ исторіи, и предположивъ навсегда поселиться въ немъ, я принималъ всегда живѣйшее участіе въ его судьбѣ и успѣхахъ и охотно отыскивалъ слѣды прошедшаго его быта. Дошедъ такимъ образомъ до перваго дня жизни Одессы, я слѣдовалъ съ этой точки годъ за годомъ до нашихъ вре-

[5]) Не идетъ-ли рѣчь о той запискѣ о плаваніи парохода «Одесса», о которой было упомянуто? но С—скій нигдѣ не говоритъ, что она была напечатана.

менъ и, какъ лѣтописецъ, записывалъ тщательно всѣ происшествія. Такъ составился по немногу архивъ исторіи сего города... Слѣдственно предположеніе г. Одесскаго Градоначальника не могло не возбудить во мнѣ охоты оказать услугу тому городу, въ которомъ провелъ я лучшіе годы моей жизни, къ которому привязываютъ меня многія отношенія,—и я рѣшился исполнить возложенное на меня столь лестное порученіе».

Не теряя времени, авторъ въ концѣ 1836 г. началъ осмотръ одесскихъ архивовъ; въ магистратскомъ нашелъ онъ дѣла съ 1796 по 1803 г., въ градоначальническомъ съ 1803 по 1812 г. и въ генералъ-губернаторскомъ съ 1799 по 1823 г. Дѣла болѣе раннихъ годовъ были въ концѣ 1796 г. переданы въ вознесенскіе архивы, а оттуда перешли въ херсонскіе и екатеринославскіе; но такъ какъ эти архивы, равно и нѣкоторые другіе, содержавшіе одесскіе акты, были уже раньше осмотрѣны авторомъ, который извлекалъ изъ нихъ относящіяся до исторіи Одессы свѣдѣнія, то матерьяловъ собрано было достаточно. Авторъ дополнилъ ихъ печатными и рукописными пособіями и въ результатѣ лѣтомъ 1837 г. было напечатано имъ «Первое тридцатилѣтіе города Одессы (1793—1823 г.)», т. е. первая исторія нашего города.

Какъ и Хронологическое обозрѣніе, исторія Одессы изложена здѣсь вообще въ лѣтописномъ порядкѣ; но большая частность сюжета вызвала и болѣе детальный разсказъ, героемъ котораго является де-Ришелье. Окончаніе исторіи 1823 г., т. е. временемъ назначенія въ Одессу гр. Воронцова, понятно; но предыдущая грань—1793 г. явилась, кажется, лишь для округленія цифры, такъ какъ съ одной стороны значеніе этого года въ исторіи Одессы не первостепенное; съ другой, авторъ начинаетъ свой разсказъ введеніемъ, далеко отступающимъ отъ 1793 г.

Конечно, послѣдующіе труды Смольянинова, Яковлева, Надлера во многомъ дополнили и исправили трудъ Скальковскаго объ Одессѣ; судьбы мѣстности, занятой г. Одессою, и ея предшественника Хаджибея въ трудахъ Ф. К. Бруна и другихъ историковъ нашли болѣе научную обработку; но я напомню, что исторія Одессы написана А. А. С—скимъ въ 1837 г., когда трудовъ по областной исторіи у насъ было чрезвычайно мало, да и вообще капитальными историческими монографіями наша исторіографія была далеко не богата. Между тѣмъ трудъ С—скаго чрезвычайно документаленъ, а указанія на источники, если таковыя сдѣланы, совершенно точны, въ чемъ я имѣлъ случай неоднократно убѣдиться. Слѣдуетъ принять въ соображеніе и условія, въ какихъ тогда находилась наша печать; С—скому нужно было прятать въ примѣчанія или въ приложенія какія-либо любопытныя частности, не безъ эффекта позднѣе подчеркнутые другими историками.

Когда вышла Исторія Одессы, интересно было-бы опредѣлить точнѣе: предисловіе къ ней, написанное какъ-бы послѣ книги, помѣчено 18 февраля 1837 г., помѣта цензора—2-го іюня, а самая исторія 5 августа 1837 г. [6]) Во всякомъ случаѣ можно предполагать, что въ пріѣздъ Императорскаго Семейства въ Одессу въ сентябрѣ этого года книга была уже опубликована и вмѣстѣ съ I частью Хронологическаго обозрѣнія доставила автору нѣкоторую извѣстность. По его словамъ, онъ имѣлъ удовольствіе принимать у себя знаменитаго поэта Жуковскаго и статистика Арсеньева, интересовавшихся положеніемъ Одессы и ея торговлею; затѣмъ С—скій былъ представленъ гр. Сперанскому; онъ разспрашивалъ автора объ историческихъ и статистическихъ трудахъ его, съ которыми былъ знакомъ, благодарилъ его за то удовольствіе, которое онъ чувствовалъ, видя, что авторъ уже воспользовался Полнымъ Собраніемъ Законовъ, и совѣтовалъ продолжать ученыя занятія, прибавивъ, что скоро онъ услышитъ такой совѣтъ отъ лица еще болѣе важнаго. С—скій попросилъ Сперанскаго благословить его, что тотъ и сдѣлалъ. По словамъ С—скаго, это благословеніе произвело на него сильное впечатлѣніе и сопровождало его въ теченіи всей его жизни. Тогда-же онъ былъ представленъ Цесаревичу, который совѣтывалъ ему продолжать ученыя занятія — въ тѣхъ-же выраженіяхъ, какъ и Сперанскій.

Покончивъ на время съ исторіей Одессы, С—скій обратился къ разработкѣ матерьяловъ, собранныхъ имъ во время археографическаго путешествія, и, допечатавъ Хронологическое обозрѣніе, опубликовалъ «Изустныя преданія о Новороссійскомъ краѣ» (см. 1838 г. [7]), въ которыхъ, впрочемъ, самую интересную часть составляютъ сообщенныя уже Архіепископомъ Гавріиломъ воспоминанія о бытѣ запорожцевъ, записанныя отъ знавшаго Запорожье козака Никиты Коржа.

Послѣ археографической поѣздки въ 1839 г., доставившей автору новый запорожскій матерьялъ, онъ издалъ въ 1841 г. свой главный историческій трудъ: «Исторія новой Сѣчи или послѣдняго Коша запорожскаго». И въ первомъ изданіи это уже была капитальная работа, но еще не вполнѣ законченная, и авторъ, напечатавъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» нѣсколько статей, включенныхъ затѣмъ въ его трудъ, исправилъ его и выпустилъ въ 1846 г. вторымъ изданіемъ, доставившимъ ему почетный отзывъ Императорской Академіи Наукъ. Хотя онъ гораздо позднѣе опубликовалъ и 3-е изданіе этой исторіи; но оно почти не отличается отъ 2-го, почему я и позволю себѣ именно здѣсь сдѣлать оцѣнку этого извѣстнаго труда.

---

[6]) Кажется, нѣсколько раньше былъ напечатанъ отрывокъ изъ нея—1812 г. въ Одессѣ.

[7]) Оттискъ изъ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Назвать его исторіей Запорожья при настоящихъ требованіяхъ исторической критики нельзя—для этого онъ невполнѣ наученъ; это и не лѣтопись — для этого сочиненіе недостаточно подробно; но во всякомъ случаѣ это весьма занимательное сочиненіе по изображенію жизни Запорожья, гдѣ многое сообщено на основаніи источниковъ, которые были доступны только самому автору, и потому для исторіи Запорожья очень цѣнное.

Въ I части его заключается разсказъ о происхожденіи и устройствѣ Запорожья и состоитъ оно изъ введенія и 10 главъ. Введеніе посвящено именно вопросу о происхожденіи козачества и трактуется онъ крайне архаично; при томъ написано введеніе напыщеннымъ слогомъ, переносящимъ насъ въ погодинскія и устряловскія времена.

Иное дѣло слѣдующія 9 главъ; здѣсь за авторомъ стоитъ его архивный матерьялъ, которымъ онъ пользуется весьма умѣло, давая превосходныя картины запорожской жизни въ половинѣ XVIII в. Изрѣдка онъ касается и болѣе раннихъ временъ, но и то напрасно: не сообщая ничего существенно важнаго, онъ безъ нужды не выдерживаетъ своей задачи — дать исторію *Новой* сѣчи. Передъ читателемъ проходятъ: географическое положеніе запорожскаго края, границы его, сосѣди (особенно татары), административное дѣленіе края, паланки и села въ нихъ, съ числомъ жителей, и русскія слободы подъ властью хана въ Очаковской землѣ. Далѣе говорится о сѣчи, составѣ и числѣ войска, управленіи, чинахъ, радѣ, характеризуется вообще запорожскій бытъ, не совсѣмъ удачно сближаемый съ бытомъ рыцарскаго ордена (это, впрочемъ, мнѣніе Грабовскаго); очень картинно изображены запорожскія и пограничныя степи, степныя войны и вызываемые ими способы береженія; причемъ авторъ постоянно иллюстрируетъ изложенное выдержками изъ разсказовъ очевидцевъ. Затѣмъ изображается церковное устройство Запорожья, запорожскій судъ, какъ гражданскій, такъ и уголовный, объѣзды кошевыхъ по Запорожью, хозяйство его, весьма благоустроенное, зимовники и хутора, доходы и расходы, и вездѣ авторъ приводитъ весьма важныя статистическія данныя, иногда самыя мелкія, но благодаря которымъ можно возсоздать экономическій строй Запорожья; о весьма обширной и важной для сосѣдей торговлѣ запорожцевъ и ея путяхъ; наконецъ, о домашнемъ бытѣ, одеждѣ, вооруженіи и пр. Только послѣдняя глава—о письменности въ Запорожьи заключаетъ скудныя свѣдѣнія, и запорожскихъ преданій, пѣсенъ и пр. приведено недостаточно; да и самое изложеніе этой главы опять слишкомъ приподнятое.

Во второй части тоже есть введеніе, посвященное краткой исторіи Запорожья до 1734 г. и сдѣланное неудовлетворительно; послѣдующая глава тоже довольно поверхностно разсказываетъ о пребываніи запорожцевъ подъ властью хана; за то всѣ слѣдующія 10 главъ даютъ обстоятельный раз-

сказъ: о переселеніи запорожцевъ въ послѣднюю сѣчь, участіи ихъ въ войнѣ съ Турціей при Императрицѣ Аннѣ, исторію Запорожья въ царствованіе Императрицы Елисаветы, особенно когда на запорожской территоріи были основаны сербскія военныя поселенія, борьбѣ запорожской администраціи съ гайдамаками, поѣздкахъ въ Петербургъ запорожскихъ депутацій; причемъ, кстати сказать, разсказы о пребываніи въ XVIII в. въ Петербургѣ запорожцевъ, основанные на ихъ донесеніяхъ въ сѣчь, представляютъ едва-ли не самыя интересныя мѣста въ сочиненіи. Заканчивается II часть исторіей Запорожья при Императрицѣ Екатеринѣ II, но лишь до 1769 г., т. е. здѣсь говорится объ отношеніяхъ его къ Крыму, спорахъ съ сосѣдями за земли, поѣздкахъ въ Петербургъ и Коліивщинѣ. III ч. (въ 8 главахъ) естественно заканчиваетъ II-ю; здѣсь изображается военная исторія Запорожья съ 1769 по 1774 г., т. е. участіе принятое запорожцами въ первой Турецкой войнѣ; любопытнѣе всего для насъ обстоятельные разсказы о поискахъ козаковъ у г. Хаджибея, изложенные на основаніи донесеній въ сѣчь запорожскихъ полковниковъ.

На внутренней жизни Запорожья въ это время авторъ почти не останавливается, хотя массу указаній приводитъ въ своемъ сочиненіи между прочимъ; и ему было, видимо, неясно то разложеніе запорожскаго строя, которое произошло во 2-й половинѣ XVIII в., сдѣлало крайне труднымъ дальнѣйшее его существованіе и допустило столь легкое уничтоженіе Запорожья. Поэтому разсказъ о руйнованіи сѣчи является до извѣстной степени неожиданнымъ; причемъ авторъ, который раньше повсюду, видимо, симпатизировалъ Запорожью, отмѣчалъ его заслуги, восхищался хлопомански подвигами козаковъ,—вдругъ перемѣняетъ тонъ и къ уничтоженію Запорожья относится съ совершенно оффиціальной точки зрѣнія; не остерегся онъ принять за исторію и легенды, относящіяся къ руйнованію сѣчи. Дополнительныя свѣдѣнія о запорожцахъ на Кубани и Дунаѣ и пр. очень кратки; наоборотъ описаніе путешествія автора по запорожскимъ мѣстамъ въ 1845 г. представляетъ живой интересъ. Затѣмъ въ сочиненіи приложены планы, различные акты и пр., что имѣетъ несомнѣнную важность.

Я отнесся къ труду Скальковскаго «Исторія Новой Сѣчи», какъ историкъ конца XIX ст., уже съ новыми требованіями относительно исторической критики, и потому судилъ ее слишкомъ, быть можетъ, строго; но я не скрылъ и большихъ его достоинствъ. Мало того; я подчеркну тотъ фактъ, что онъ и до сихъ поръ остается не замѣненнымъ. Обширные труды позднѣйшаго спеціалиста по исторіи Запорожья Д. И. Эварницкаго, во многомъ пополняя сочиненіе А. А. Скальковскаго на основаніи вновь опубликованныхъ матерьяловъ, не исправляютъ однако находящихся въ немъ недостатковъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это безусловно требуется

исторической критикой, а развитіе внутренней жизни Запорожья и для позднѣйшаго историка осталось не распечатаннымъ.

Принося извиненіе, что я такъ долго останавливалъ вниманіе слушателей на одномъ трудѣ С—скаго (правда, самомъ главномъ), я на остальныхъ остановлюсь лишь кратко, такъ какъ по характеру своему они не отличаются отъ разобраннаго.

Въ 1845 г. напечатанъ былъ третій крупный трудъ С—скаго: «На ѣзды гайдамакъ на западную Украину въ XVIII ст. (1733—1768 г.)»; написанъ онъ по матерьяламъ, находившимся въ архивахъ, конфискованныхъ у нѣкоторыхъ крупныхъ польскихъ помѣщиковъ, принимавшихъ участіе въ мятежѣ 1831 г. С—скій разбиралъ эти архивы въ 1843 г. вмѣстѣ съ Крашевскимъ и М. Грабовскимъ. Такое происхожденіе источниковъ очень неблагопріятно отозвалось на трудѣ С—скаго, посмотрѣвшаго на гайдамачину съ точки зрѣнія польскаго пана; но разсказъ автора очень живъ и чтеніе этого сочиненія представлялось въ свое время занимательнымъ.

Изъ послѣдующихъ трудовъ С—скаго отмѣчу (кромѣ 2-го изданія Исторіи Новой Сѣчи въ 1846 г.) Болгарскія колоніи въ Бессарабіи и Новороссійскомъ краѣ (Од. 1848 г.), какъ интересный и самъ по себѣ, а въ то-же время ему, кажется, я былъ случайно обязанъ началомъ своего сближенія съ авторомъ.

Но что представляется любопытнымъ, это очень малое количество работъ, помѣщенныхъ С—скимъ въ то время въ трудахъ нашего Общества. Въ I томѣ Записокъ (Од. 1844 г.) онъ печатаетъ небольшой статистическій этюдъ «Сравнительный взглядъ на Очаковскую область въ 1790 и 1840 годахъ», причемъ встрѣчающіяся здѣсь историческія свѣдѣнія заимствованы отъ прежнихъ трудовъ автора, за исключеніемъ лишь интересныхъ для насъ выдержекъ изъ донесеній Каховскаго Императридѣ Екатеринѣ II въ 1792 г. объ Очаковской землѣ, и въ частности о г. Хаджибеѣ. Во II т. Записокъ (1848—1850 г.) помѣщена статья С—скаго: Историческій и статистическій взглядъ на успѣхи умственнаго образованія въ Новороссійскомъ краѣ [8]) и, кажется, нѣкоторые рескрипты Императрицы Екатерины II на имя екатеринославскихъ губернаторовъ; а далѣе труды его въ Запискахъ долго не встрѣчаются; находимъ статьи по исторіи и статистикѣ Новороссіи, подъ которыми невольно ищешь подпись Скальковскаго, написанными совершенно иными лицами. Мало того, въ III т. Записокъ (1853 г.) встрѣчаемъ уже довольно суровую рецензію М. А. Бухтѣева на I т. сочиненія С—скаго «Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края». Для знакомаго съ исторіей нашего Общества всѣ эти

[8]) Безъ подписи; но это перепечатка статьи его: Общественное образованіе Новороссійскаго края въ 1840 годахъ, помѣщенной въ Журналѣ М. Н. Пр. 1847 г. № 5.

мелочи легко воспроизводятъ фактъ, что С—скій въ это время разошелся съ властнымъ секретаремъ Общества Н. Н. Мурзакевичемъ, а потому и пересталъ быть дѣятельнымъ членомъ Общества и сотрудникомъ его Записокъ.

Но это, конечно, не помѣшало ему работать, и въ 1849/50 г. вышло собраніе его историческихъ повѣстей, подъ названіемъ «Порубежники. Канва для романовъ», — въ 4-хъ выпускахъ («Кагальничанка». Повѣсть 1769—1770 г.; «Хрустальная балка». Повѣсть 1790 г.; «Братья искупители». Повѣсть 1768 г. и «Мамай». Повѣсть 1758—1760 г.). Эти историческія повѣсти по своему характеру мало отличаются отъ многихъ подобныхъ, которыя съ легкой руки Загоскина, въ свою очередь неособенно удачно копировавшаго В. Скотта, наводнили нашу литературу; хотя С—скій, впрочемъ, больше подражалъ иному копировщику В. Скотта — Крашевскому. Въ каждой повѣсти есть двое влюбленныхъ, которымъ различныя обстоятельства препятствуютъ увѣнчать свою любовь законнымъ бракомъ; но въ концѣ-концевъ все устраивается къ общему благополучію. Затрудненія, казавшіяся непреодолимыми, неожиданно распутываются, добродѣтель вознаграждается, порокъ строго наказывается. Идеальныя лица не имѣютъ никакихъ недостатковъ, злодѣи никакихъ достоинствъ; за то они и страшно погибаютъ. Художественности въ этихъ разсказахъ немного; но что въ нихъ важно—это большое знаніе исторіи и жизни Новороссіи во второй половинѣ XVIII в. Только историкъ, спеціально занимавшійся этимъ предметомъ, можетъ оцѣнить все это знаніе и поражается обширностью и разнообразіемъ свѣдѣній С—скаго; просто не вѣрится, что разсказы написаны 50 лѣтъ назадъ, а не теперь, когда мы знаемъ о Новороссіи много болѣе. Разумѣется, оцѣнить *этою* достоинства повѣстей С—скаго публика наша не могла и онѣ особеннаго успѣха не имѣли.

Въ 1850—1853 г. явился четвертый и послѣдній крупный трудъ С—скаго «Опытъ Статистическаго описанія Новороссійскаго края», въ 2 частяхъ; причемъ въ первой, увѣнчанной половинною демидовской преміей, заключаются: географія, этнографія и народосчисленіе Новороссійскаго края; во второй хозяйственная его статистика. Въ этомъ трудѣ объединено много прежнихъ статей автора, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ. Затѣмъ во все сочиненіе вкраплена масса историческихъ свѣдѣній и такихъ воспоминаній автора, которыя нынѣ тоже стали историческими; не менѣе важны данныя для исторіи края, извлеченныя изъ старыхъ польскихъ писателей, не только въ то время, но и теперь далеко не использованныхъ нашею исторіографіей. Во всякомъ случаѣ этотъ трудъ С—скаго легъ въ основу всѣхъ послѣдующихъ работъ по статистикѣ Новороссіи. Въ это время Скальковскій былъ не только членомъ всѣхъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ, но и членомъ Русскаго географическаго, Вольно-экономи-

ческаго, Копенгагенскаго общества Сѣверныхъ антикваріевъ и мн. друг., а нѣсколько позже членомъ корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ.

Затѣмъ съ половины 50-хъ до начала 80-хъ годовъ, т. е. втеченіи свыше 25 лѣтъ, С—скій печаталъ очень мало статей, все-таки относившихся или къ исторіи запорожцевъ, или къ статистикѣ Новороссіи. Такъ, когда Одесскій Статистическій Комитетъ въ 1865—1870 г. напечаталъ 4 выпуска Трудовъ, С—скій, бывшій ихъ редакторомъ, помѣстилъ здѣсь очень цѣнныя статьи: въ 1 т. Предисловіе, имѣющее для Одессы историографическій интересъ; дѣйствительное населеніе Одессы въ 1863 г.; торговля, заводская, фабричная и ремесленная промышленность въ Одессѣ; біографія одесской желѣзной дороги; во II т. Матерьялы для исторіи общественнаго образованія въ Одессѣ съ драгоцѣнными свѣдѣніями, заимствованными изъ бумагъ профессора Дегурова [9]); пятая или загородная часть г. Одессы; акцизныя учрежденія въ Одессѣ; результатъ регистраціи одесскаго населенія въ 1866 г.; въ III в. Климатъ Одессы и одесская торговля въ 1868 г. и въ IV в. Одесса 40 лѣтъ назадъ; поѣздка въ Ольвію; торговля скотомъ и мясомъ на одесскихъ рынкахъ и еще нѣсколько статей о различныхъ отрасляхъ одесской торговли; начало заводской промышленности въ Одессѣ; о цѣнности земли въ Новороссійскомъ краѣ и т. д.; въ сущности имъ составленъ весь 4-й выпускъ Трудовъ.

Къ сожалѣнію, этимъ и закончились печатныя изданія Одесскаго статистическаго комитета и около 1895 г. одесскіе остряки шутили, что Комитетъ намѣренъ праздновать 25-лѣтній юбилей со времени выхода своего послѣдняго труда. Это, впрочемъ, больше зло, нежели справедливо, такъ какъ Комитетъ, т. е. Скальковскій, никогда не прекращалъ занятій по статистикѣ Одессы; но результаты его работъ помѣщались въ печатныхъ приложеніяхъ къ Всеподданнѣйшимъ отчетамъ Одесскихъ Градоначальниковъ; охотно давалъ онъ эти статистическія свѣдѣнія адрессъ-календарямъ, газетамъ и пр. Припомнимъ, что въ это время даже многія земства стали обнаруживать отрицательное отношеніе къ статистикѣ и особенно къ опубликованію ея результатовъ.

Укажемъ на еще одну важную, хоть и малоизвѣстную заслугу С—скаго, относящуюся къ 60 годамъ. Когда рѣшено было основать Новороссійскій университетъ и выборъ мѣста для него склонялся въ пользу г. Николаева, генералъ-губернаторъ графъ Строгоновъ рѣшительно сталъ за Одессу; тогдашній правитель его канцеляріи Гирсъ, повидимому, не умѣлъ, или не желалъ составить записку въ требуемомъ гр. Строгоновымъ смыслѣ, и составленіе ея было поручено С—скому; она сообщена мною въ «Двадцатипятилѣтіи Императорскаго Новороссійскаго Университета» и написана очень горячо и рѣзко. Изучая дѣло объ откры-

[9]) Раньше были напечатаны въ «Южн. Русск. Сборникѣ» Од. 1859 г. № 3 и 4.

тіи нашего университета, находящееся въ архивѣ Мин. Нар. Просвѣщенія, я имѣлъ случай убѣдиться, что эта записка гр. Строганова оказала рѣшающее вліяніе на открытіе университета именно въ Одессѣ.

Время по 80-е годы, кажется, не вызвало въ печати новыхъ трудовъ А. А. Скальковскаго по исторіи, если не считать нѣсколькихъ статей въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» съ характеромъ воспоминаній; но кабинетныя работы его надъ судьбами Запорожья продолжались. Зрѣлыя лѣта дѣлали работу въ архивѣ уже затруднительною, да С—скій и раньше привыкъ имѣть запорожскій архивъ и всѣ требующіяся бумаги у себя на собственномъ столѣ (прежде все это устраивалось очень просто [10]); между тѣмъ явились и другіе охотники работать по документамъ генералъ-губернаторскаго архива; не доставши нужныхъ документовъ и узнавъ, что таковые у С—скаго и получить ихъ было невозможно въ теченіи долгаго времени, они начинали жаловаться, небезосновательно при этомъ указывая, что квартира С—скаго (насколько я помню, онъ жилъ сперва на Надеждинской ул., къ морю, потомъ (долго) въ д. Чуйко на Спиридоновской ул., а незадолго до смерти перебрался наискось, на той-же улицѣ, въ д. Фрица) не есть мѣсто вполнѣ удобное для сохранности важныхъ архивныхъ дѣлъ. Прислуга легко могла продавать эти дѣла на пуды и устеречься было-бы трудно. Происходило-ли что-либо подобное въ дѣйствительности, сказать, разумѣется, трудно; но я самъ покупалъ въ Одессѣ съ рукъ бумаги, нѣкогда бывшія въ запорожскомъ архивѣ [11]); въ одномъ подобномъ актѣ принесли мнѣ купленныя на базарѣ вишни. Старикъ, до котораго доходили эти нареканія, очень обижался, жаловался на своихъ «враговъ», но не уступалъ и системы своихъ занятій архивными матерьялами не измѣнялъ.

Когда началъ издаваться журналъ «Кіевская Старина» (съ 1882 г.), С—скій какъ будто снова нашелъ мѣсто для помѣщенія своихъ статей по исторіи Запорожья и напечаталъ ихъ здѣсь не мало (напр., Филипъ Орликъ, Секреты запорожскаго коша и пр.), показавъ тѣмъ, что мысль объ этой исторіи никогда его не покидала. А вскорѣ затѣмъ его статьи, или вѣрнѣе подобранные имъ историческіе матерьялы стали появляться и въ Запискахъ нашего Общества, составъ котораго успѣлъ со времени смерти Н. Н. Мурзакевича сильно измѣниться; но такъ какъ болѣе сочувственное отношеніе С—скаго къ нашему Обществу произошло не безъ моего посредничества, то я и позволю себѣ здѣсь пополнить поминки о немъ личными воспоминаніями.

Увлекаясь въ юности чтеніемъ историческихъ романовъ и повѣстей, я, сколько помнится, читалъ и «Порубежники» Скальковскаго, но оцѣнить ихъ я не могъ и кажется смѣшивалъ съ романомъ Масальскаго «Курскіе

[10]) Припомнимъ хотя-бы болѣе близкую по времени исторію съ дѣломъ о Пушкинѣ.

[11]) Почти всѣ онѣ теперь переданы мною Обществу.

порубежники». Перейдя въ 1868 г. въ Новороссійскій университетъ, я хоть и занимался уже особенно усердно русской исторіей, но менѣе всего исторіей Новороссіи, связей съ которою у меня почти не было, и я не помню, читалъ-ли я что-либо изъ сочиненій С—скаго; развѣ преданія о Новороссійскомъ краѣ, случайно купленныя мною на толкучкѣ; собирался я прочесть «Наѣзды гайдамакъ», да подъ руку не попались. Но фамилію Скальковскаго я уже слыхалъ: въ Университетской церкви пѣлъ прекрасный хоръ, въ которомъ первое мѣсто занимала О. А. Скальковская; столь памятный намъ, старымъ студентамъ, Д. И. Логиновъ какъ-то и сказалъ мнѣ, что это дочь извѣстнаго историка Новороссіи и показалъ мнѣ его на улицѣ: уже тогда это былъ старичекъ, небольшого роста, круглый, но чрезвычайно живой; въ чиновничьей фуражкѣ, съ орденомъ на шеѣ и съ тросточкой на отлетѣ онъ бѣгалъ по улицамъ такъ, что мнѣ студенту за нимъ было-бы не угнаться. Затѣмъ я узналъ, что въ домѣ Скальковскихъ образовался постоянный кружокъ образованной молодежи, въ числѣ которой могу указать на теперешняго Министра Финансовъ С. Ю. Витте. Скальковскій былъ женатъ на дочери Степана Живковича, извѣстнаго дѣятеля по освобожденію Сербіи отъ турецкаго владычества, бывшаго секретаря Георгія Чернаго, а послѣ смерти его нашедшаго пріютъ въ Россіи; г-жа С—ская, говорятъ, была въ свое время прекрасная пѣвица и у нихъ издавна происходили собранія съ эстетическими цѣлями. Люди очень небогатые, Скальковскіе умѣли дать своимъ дѣтямъ прекрасное образованіе и эта молодежь продолжала родительскія традиціи.

Переселившись въ 1871 г. окончательно въ Одессу съ цѣлью готовиться къ магистерскому экзамену, я, вслѣдствіе семейныхъ условій, жилъ очень открыто, у меня были большіе вечера, на которые собиралось много одесской молодежи; появились и Скальковскіе (съ нѣкоторыми у меня и понынѣ сохраняются добрыя отношенія); двухъ меньшихъ дочерей С—скаго я обучалъ литературѣ; но съ нимъ самимъ знакомство какъ-то не клеилось; мы отдавали другъ другу визиты, перебрасывались 2—3 обычными фразами на улицѣ — и только.

Съ 1880 г. я сталъ приватъ-доцентомъ въ здѣшнемъ университетѣ; читать общіе курсы приватъ-доцентамъ было не принято, и я долженъ былъ выбирать различныя частныя области русской исторіи. Такъ какъ въ университетахъ чаще всего читается русская исторія до Петра Великаго, то я старался назначать курсы изъ послѣдующаго времени; но необходимость для самого себя, преподавая на югѣ Россіи, познакомиться съ исторіей этого Юга, привела меня къ тому, что я прочелъ весь курсъ исторіи южной Россіи, доведя его до XIX в. При такомъ условіи я, разумѣется, долженъ былъ основательно познакомиться съ сочиненіями Скальковскаго и на лекціяхъ нерѣдко на нихъ ссылаться. Относился я къ нимъ

съ большимъ уваженіемъ, хотя указывалъ и ихъ недостатки. Разъ, говоря о болгарской колонизаціи на югѣ Россіи, я съ похвалой сослался на книгу С—скаго; во второй разъ, излагая руйнованіе сѣчи, я сказалъ, что у С—скаго приведена объ этомъ событіи малорусская пѣсня (сходная съ разсказомъ Коржа) и полученная будто-бы отъ елисаветградскаго помѣщика И. Скопивоя:

«Ой изъ-за зеленаго гаю
Червоне сонечко зійшло.
Ой изъ русского краю
Велике війско пришло» и т. д.

Но, по моему мнѣнію, это пѣсня фальсифицированная, въ чемъ, впрочемъ, безъ труда убѣдится всякій, кто только имѣлъ дѣло съ дѣйствительными памятниками народной поэзіи.

Вскорѣ послѣ этого ко мнѣ явился студентъ-болгаринъ, изъ моихъ слушателей, и передалъ мнѣ записочку отъ С—скаго, въ которой онъ, свидѣтельствуя мнѣ свое почтеніе, изъявляетъ желаніе меня видѣть, извиняется, что нездоровье мѣшаетъ ему самому придти ко мнѣ, и проситъ пожаловать къ нему, обозначивъ для того и время. Отъ студента я узналъ, что онъ отправился къ С—скому просить у него рѣдкой уже книги о болгарскихъ колоніяхъ, кстати разсказалъ ему о моихъ лекціяхъ, и старикъ не безъ удивленія и радости узналъ, что сочиненія его вспоминались и имя произносилось съ каѳедры Новороссійскаго университета, почему и пожелалъ меня поблагодарить, да кое-что и объяснить. Въ назначенное время, захвативъ кое-какія свои печатныя работы съ приличествующею надписью, явился я къ С—скому; онъ принялъ меня очень любезно, вспомнилъ, что мы давно знакомы, благодарилъ за лекціи, взамѣнъ моихъ статей презентовалъ мнѣ рѣдкую книжку, заключающую собраніе оттисковъ нѣсколькихъ его газетныхъ статеекъ, и, что всего интереснѣе, заговорилъ о пѣснѣ на руйнованье сѣчи. Онъ сразу сказалъ, что она не настоящая, а принадлежитъ перу знаменитаго хлопомана Тимка Падуры и помѣщена была имъ по настоянію Крашевскаго и Грабовскаго; всѣхъ этихъ 3-хъ лицъ онъ называлъ своими друзьями.

Я, конечно, тогда былъ доволенъ такимъ результатомъ; но потомъ сообразилъ, что вышло недоразумѣніе и старику измѣнила память. Что это пѣсня фальсифицированная, это несомнѣнно; но она совершенно не соотвѣтствуетъ манерѣ Падуры; между тѣмъ въ той-же книгѣ С—скаго есть пѣсни, которыя именно напоминаютъ стиль Падуры, напр. «Сыдить чумакъ межъ возами», или «Ой тамъ за рикою, за быстрою» и др. (изд. 3, ч. I, стр. 238, 297); рѣшеніе вопроса особенно затрудняется тѣмъ, что вообще всѣ пѣсни, приведенныя у Скальковскаго, сильно модернизированы.

Съ того времени у меня установились съ С—скимъ хорошія отношенія; я своевременно дѣлалъ ему визиты, приносилъ свои печатные труды; а онъ нерѣдко посылалъ ко мнѣ записочки такого-же содержанія, какъ и первая, и всякій разъ я уходилъ отъ него съ цѣнною добычей. Чаще всего онъ передавалъ мнѣ какую-либо рукопись, заключающую собраніе матерьяловъ, иногда съ его предисловіемъ, и просилъ, чтобы я помѣстилъ въ Запискахъ. «Теперь въ Обществѣ другое дѣло, говорилъ онъ: есть очень милые люди, напр., вы, проф. Кирпичниковъ; да и съ В. Н. Юргевичемъ у насъ ссоры не было». Только о проф. Яковлевѣ отзывался онъ неблагосклонно, но и то быстро прекращалъ разговоръ, увидѣвъ, что я этому осужденію сочувствовать не буду. Такимъ образомъ удалось мнѣ напечатать полученные отъ него Архивъ Сердара Малише, статью о румынскихъ доблестяхъ, съ очень любопытными матерьялами, къ сожалѣнію, не обратившими на себя вниманія; даже и въ послѣдующемъ XXII томѣ Записокъ будутъ напечатаны три записки извѣстнаго авантюриста Скасси, полученныя отъ С—скаго.

Иногда приглашенія имѣли иную цѣль: Въ 1889 г., когда Одесское Юридическое Общество собиралось отмѣтить особымъ засѣданіемъ 50-лѣтіе со дня смерти гр. Сперанскаго, С—скій пригласилъ меня, обстоятельно разсказалъ мнѣ о знакомствѣ съ гр. Сперанскимъ и пожелалъ, чтобы его разсказъ былъ сообщенъ въ засѣданіи. Возвратившись домой, я немедленно записалъ разсказъ, передалъ его предсѣдателю Юридическаго Общества; разсказъ былъ прочитанъ въ собраніи и напечатанъ.

Въ другой разъ С—скій вызвалъ меня, узнавъ, что я составляю исторію Новороссійскаго университета, и хотѣлъ мнѣ указать на находящійся въ архивѣ Новороссійскаго генералъ-губернатора докладъ графа Строгонова Государю относительно проэкта открыть университетъ въ Николаевѣ. Оказалось, что я уже списалъ этотъ докладъ; тогда С—скій сообщилъ мнѣ, что онъ составленъ имъ; я спросилъ потомъ объ этомъ А. М. Богдановскаго; онъ точно вспомнить не могъ, но считалъ заявленіе С—скаго весьма вѣроятнымъ.

Одной изъ просьбъ С—скаго выполнить я не могъ. Затѣваетъ онъ длинный разговоръ, что онъ уже старъ, средствъ у него нѣтъ, а есть не вполнѣ обезпеченные члены семьи; онъ желалъ-бы имъ оставить хоть какой-либо капиталъ. Съ этою цѣлью онъ рѣшилъ продать право на 3-ье изданіе Исторіи Новой Сѣчи; вотъ онъ и полагалъ, что мои знакомства среди одесскаго общества могутъ ему въ этой продажѣ содѣйствовать. Это была фикція, и я отказался взять на себя безполезныя хлопоты. Дѣло устроилось инымъ способомъ: средства на изданіе даны были д. ч. Общества Г. Г. Маразли и оно вышло въ 1885—1886 г. Къ сожалѣнію, авторъ хоть и привнесъ въ это изданіе нѣсколько дополненій, напечатанныхъ

раньше въ видѣ отдѣльныхъ статей въ «Кіевской Старинѣ», но въ общемъ мало отступилъ отъ 2-го изданія; между тѣмъ какъ за 40 лѣтъ напечатано было многое, совершенно иначе освѣщающее событія; авторъ и самъ оговариваетъ это въ предисловіи, но, имѣя подъ 80 лѣтъ, трудно работать оригинально. Такъ-же архаична и брошюра его «Адмиралъ де-Рибасъ и завоеваніе Хаджибея», выпущенная къ 100-лѣтнему юбилею взятія Хаджибея. Кстати сказать, что празднованіе столѣтняго юбилея Одессы въ 1894 году сдѣлалось источникомъ не малаго огорченія для С—скаго, такъ какъ профессора В. А. Яковлевъ и В. К. Надлеръ, занятые передъ тѣмъ изученіемъ исторіи Одессы, высказали мнѣнія, расходящіяся съ мнѣніями Скальковскаго, считавшаго себя авторитетомъ во всѣхъ вопросахъ, относящихся къ исторіи Одессы; старикъ не удержался, кинулся въ полемику; въ ней принялъ участіе о. Арсеній Лебединцевъ и др., и пошла газетная перепалка; припомнились архивныя дѣла, и полемика свелась на личности, какъ это у насъ часто, къ сожалѣнію, практикуется. Конечно, полемизирующіе другъ друга не убѣдили ни въ чемъ.

Еще въ одной финансовой операціи С—скаго я не принималъ участія—въ продажѣ рукописей его Г. Г. Маразли для Одесской публичной библіотеки; среди этихъ рукописей есть не безъинтересный и разнообразный матерьялъ, подготовленный А. И. Левшинымъ для изданія «Одесса въ 1837 г.», которое въ свое время не состоялось.

Съ половины 90-хъ годовъ я сталъ посѣщать С—скаго рѣже и рѣже, такъ какъ посѣщенія его утомляли, слушать-же его было очень затруднительно; при этомъ онъ постоянно забывалъ, о чемъ онъ говоритъ; потомъ онъ даже пересталъ узнавать не только знакомыхъ, но и родныхъ, за исключеніемъ самыхъ близкихъ. Воспользовавшись тѣмъ, что 1 Января 1898 г. ему исполнилось 90 лѣтъ, Общество наше, вспомнивъ его ученыя заслуги и участіе въ самомъ учрежденіи Общества, избрало его своимъ почетнымъ членомъ—почесть, выпадающая на долю лицъ не высокопоставленныхъ очень рѣдко. Особая депутація поднесла ему дипломъ, но, кажется, старикъ уже былъ тогда не отъ міра сего. Однако онъ прожилъ еще годъ и скончался 29 декабря 1898 г. въ Одессѣ, гдѣ и былъ 31-го декабря похороненъ на Старомъ кладбищѣ» [12]).

Бумаги его взяты его сыновьями и, по частнымъ извѣстіямъ, нынѣ подготовляются къ печати; конечно, слѣдуетъ пожелать, чтобы онѣ были изданы скорѣе, особенно если въ числѣ ихъ будетъ дневникъ, который С—скій велъ постоянно, со времени своей молодости; онъ самъ упоминаетъ объ этомъ дневникѣ въ предисловіи къ исторіи Одессы, а также говоря, что извѣстный архіепископъ Иннокентій склонялъ его къ наблюденіямъ за современнымъ ему одесскимъ обществомъ. И дѣйствительно, дневникъ С—скаго будетъ драгоцѣннымъ источникомъ для знакомства съ жизнью

[12]) Случайно меня въ то время въ Одессѣ не было.

этого общества Найдется, вѣроятно, и обширная переписка С—скаго [18]) но неневозможно, что найдутся и случайно не сданные еще матерьялы изъ одесскихъ архивовъ; позволительно желать, чтобы они возвратились къ законнымъ мѣстамъ своего храненія, какъ возвратилось дѣло о Пушкинѣ.

Заканчивая этимъ поминки по А. А. Скальковскомъ, я позволю себѣ сдѣлать краткое заключеніе, основанное на знакомствѣ какъ съ нимъ, такъ и съ его произведеніями. Скальковскій былъ человѣкъ выдающихся дарованій; молодымъ окончилъ онъ образованіе и явился въ Одессу, гдѣ кружокъ гр. Воронцова привлекъ его къ той бойкой общественной жизни, однимъ изъ проявленій которой было учрежденіе Императ. Одесск. Общ. Исторіи и Древностей. Слѣдуя извѣстному Бенкендорфскому принципу, что русскій человѣкъ долженъ быть тѣмъ, чѣмъ ему прикажутъ быть, Скальковскій сталъ историкомъ и статистикомъ Новороссіи. Ни его предыдущая подготовка, ни самое состояніе науки въ то время не давали возможности стать крупнымъ, вполнѣ научнымъ дѣятелемъ; но его дарованія и энергія помогли ему достигнуть блестящихъ результатовъ: онъ открылъ и въ сущности спасъ массу первостепеннаго въ научномъ отношеніи историческаго матерьяла и написалъ на основаніи его цѣнные труды, которые до сихъ поръ сохраняютъ свое значеніе, такъ какъ не замѣщены другими, болѣе научными. Неясныя еще для насъ причины заставили Скальковскаго устраниться отъ занятій исторіей и обратить все вниманіе на занятія статистикой, а другія,—можетъ быть, недостатокъ средствъ, повели и къ дальнѣйшему его отчужденію отъ ученыхъ силъ Одессы. Въ концѣ жизни онъ снова вернулся къ историческимъ занятіямъ, но зрѣлыя уже лѣта затруднили ему возможность слѣдить за исторической наукой, и характеръ работъ его въ 80-хъ и 90-хъ годахъ таковъ-же, какъ въ 30-хъ и 40-хъ. Что дѣлать? Можно пожалѣть, что такія высокія дарованія, какими обладалъ Скальковскій, не нашли себѣ лучшаго примѣненія, и пожелать, чтобы какъ можно скорѣе отыскались ему замѣстители въ видѣ юношей съ университетскимъ историко-филологическимъ образованіемъ, которые получили-бы возможность трудиться надъ такъ мало разработанною еще исторіей Новороссіи.

Д. ч. *Ал. Маркевичъ.*

Одесса, 11 ноября
1899 года.

---

[18]) Часть ея см. въ «Русск. Стар.» 1899 г., № 10.

26 октября 1898 г. скончалась дочь перваго Президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Д. М. Княжевича и одна изъ учредительницъ преміи его имени Екатерина Димитріевна Княжевичъ.

В. Н. Ястребовъ.

21 декабря 1898 г. скончался дѣйствительный членъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, извѣстный южно-русскій этнографъ-археологъ Владиміръ Николаевичъ Ястребовъ.

Біографія его немногосложна: родился онъ 6-го іюля 1855 г. въ с. Кривая Луна, Самарской губерніи, въ семьѣ священника, окончившаго жизнь въ сумасшествіи. Учился В. Н. Ястребовъ въ Самарской гимназіи, по окончаніи которой въ 1872 г. поступилъ на историко-филологическій факультетъ Императорскаго Новороссійскаго университета, историческое отдѣленіе коего окончилъ въ 1876 г., а кандидатомъ утвержденъ 20 января 1877 г. Еще раньше (13 сентября 1876 г.) онъ былъ назначенъ преподавателемъ исторіи въ Елисаветградскую общественную гимназію, откуда перешелъ преподавателемъ исторіи-же въ Елисаветградское земское училище I разряда, ставшее потомъ земскимъ реальнымъ училищемъ, и занимался преподаваніемъ здѣсь всю свою жизнь; исполнялъ при училищѣ разныя служебныя обязанности, за что получалъ и награды; лѣтомъ 1898 г. заболѣлъ психически и 21 декабря того-же года умеръ.

Таковы оффиціальныя свѣдѣнія о В. Н. Ястребовѣ; но я, какъ человѣкъ, хорошо его знавшій и нѣкогда близкій къ нему, постараюсь охарактеризовать его по личнымъ воспоминаніямъ.

Не помню, въ которомъ году, но приблизительно въ 1874, явился ко мнѣ молоденькій студентъ, небольшого роста, неособенно красивый, съ темнымъ цвѣтомъ лица, въ очкахъ; но лицо его было такъ выразительно, оживлено и озарялось такой пріятной улыбкой, что любо было на него смотрѣть. Пришелъ онъ ко мнѣ за какой-то книгой, ибо, хотя я еще не былъ въ то время преподавателемъ въ университетѣ, но уже собралъ по-

рядочную для учителя библіотеку, которую охотно предоставлялъ въ пользованіе студентовъ. Не помню, конечно, была-ли у меня искомая книга, но съ того времени В. Н. Ястребовъ приходилъ ко мнѣ часто, бралъ много книгъ и читалъ ихъ залпомъ. Я приласкалъ юношу, часто задерживалъ его у себя, бесѣдовалъ съ нимъ и убѣдился, что онъ чрезвычайно серьезно относится къ своимъ занятіямъ, дѣйствительно читаетъ взятыя имъ книги, интересуется наукой. Онъ сперва интересовался лекціями В. И. Григоровича, о которомъ узналъ еще отъ своихъ самарскихъ учителей, высоко цѣнилъ Ястребовъ и лекціи Ф. К. Бруна, но всего болѣе увлекался онъ лекціями по исторіи философіи Р. В. Орбинскаго, дѣйствительно блестящими. Къ сожалѣнію, вѣчно занятый многосложными обязанностями, проф. Орбинскій не заботился о подготовкѣ изъ своихъ слушателей спеціалистовъ по своему предмету, и Ястребовъ окончилъ тѣмъ, что сталъ заниматься у Ф. И. Успенскаго. У него онъ работалъ и надъ своей диссертаціей, относившейся если мнѣ не измѣняетъ память, къ исторіи Императора Фридриха II Гогенштауфена. И возился-же онъ этимъ Фридрихомъ! Перечиталъ онъ все, что можно было достать для его диссертаціи въ Одессѣ, говорилъ только о ней и, признаться, наскучилъ мнѣ ужасно, хотя я этого ему и не далъ замѣтить. Среди разговора я не разъ спрашивалъ Ястребова: не думаетъ-ли онъ о профессурѣ? но онъ всегда отвѣчалъ, что гдѣ-же ему и помыслить о томъ, чтобы стать на ряду съ такими колоссами, какъ его профессора; и это говорилось совершенно искренно, не смотря на то, что въ числѣ его профессоровъ не всѣ-же были Григоровичи да Бруны. Матерьяльныя средства Ястребова были не велики; стипендію онъ получалъ, но, вѣдь, ея хватить на жизнь не могло, онъ бѣгалъ по урокамъ. Къ тому-же онъ былъ человѣкъ очень добрый, помогалъ еще болѣе бѣднымъ товарищамъ или давалъ деньги на общестуденческія нужды, а самъ нуждался. Но вообще въ своихъ дѣлахъ онъ былъ очень аккуратенъ.

Какъ я уже сказалъ, въ 1876 г. Ястребовъ переселился въ Елисаветградъ; съ того времени у насъ возникла переписка, продолжавшаяся до самой его смерти. Независимо отъ того онъ, пока не обзавелся семьей, всякій длинный праздникъ являлся въ Одессу, какъ онъ говорилъ: освѣжиться, и бывалъ у меня чуть не каждый день. Елисаветградомъ онъ, впрочемъ, былъ доволенъ, увлекался своими учениками, отъ которыхъ ждалъ очень многаго, не прочь былъ поухаживать за барышнями; самая наружность его очень облагообразилась, но вѣчная, симпатичная улыбка осталась таже. Ему удалось съѣздить въ Италію, о которой онъ говорилъ съ необыкновеннымъ восторгомъ и рядъ статей напечаталъ въ журналѣ «Семья и Школа».

Попадались на пути В. Н. Ястребова и терніи; такъ онъ чуть не потерялъ мѣста за юбилейныя статьи объ Императорахъ Петрѣ Вели-

комъ и Александрѣ I, которымъ онъ вздумалъ придать извѣстное яко-бы дѣтское изложеніе, фамильярно называя Царя Петра Петей и пр. Къ счастью, удалось успокоить С. П. Голубцова указаніемъ, что въ сущности отношеніе автора къ Петру Великому полно высокаго уваженія.

Въ первые годы своего учительства для науки Ястребовъ сдѣлалъ мало; очевидно, ему раньше всего необходимо было подготовить себя къ преподаванію и онъ относился къ этому чрезвычайно добросовѣстно; по отзывамъ его учениковъ, это былъ преподаватель образцовый и чрезвычайно ими любимый; точно такіе же отзывы даютъ о немъ и его товарищи.

Когда опытность въ преподаваніи уже дала ему свободное время, тогда онъ сталъ заниматься этнографіей и археологіей; и изъ него выработался мѣстный ученый въ лучшемъ смыслѣ этого слова; онъ дѣлалъ мѣстныя раскопки, собиралъ памятники народнаго быта и поэтическія произведенія сѣверной Херсонщины, мало того, онъ обладалъ умѣніемъ внушить любовь къ мѣстной этнографіи и своимъ ученикамъ, которые постоянно собирали для него пѣсни, сказки, предметы быта и пр. Первыя статьи его по мѣстной исторіи и этнографіи появились, кажется, въ 1884 г. [1]) въ «Кіевской Старинѣ», сотрудникомъ которой онъ оставался до конца жизни. Статьи его не блещутъ научными достоинствами, нѣтъ въ нихъ тѣхъ безконечныхъ параллелей, которыми такъ любятъ щеголять теперь наши этнографы; но въ статьяхъ Ястребова всегда есть свѣжій и цѣнный матерьялъ, добросовѣстно переданный и аккуратно обставленный; на Ястребова можно положиться. Работы Ястребова обратили на себя вниманіе очень чуткаго Московскаго Археологическаго Общества, которое избрало его сперва членомъ-корреспондентомъ, а затѣмъ и дѣйствительнымъ членомъ; а затѣмъ и наше Общество избрало его 23 января 1887 г. членомъ-корреспондентомъ, а 29 марта 1893 г. дѣйствительнымъ членомъ; причемъ въ Запискахъ Общества напечатано имъ три цѣнныхъ труда: «Объяснительная Записка къ картѣ Елисаветградской провинціи 1772 — 1774 г. (въ XIV т.), «Архивъ крѣпости св. Елисаветы» (въ XV т.) и, особенно важный, «Опытъ топографическаго обозрѣнія древностей Херсонской губерніи (въ XVII т.). Въ 1892 г. его избрало дѣйствительнымъ членомъ Историко-филологическое Общество при Новороссійскомъ университетѣ, во II т. Лѣтописи котораго напечатанъ его важнѣйшій трудъ по этнографіи: «Матерьялы по этнографіи Новороссійскаго края». Кромѣ того Ястребовъ былъ членомъ-корреспондентомъ Церковно-археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи; Императорская Археологическая коммиссія поручила ему раскопку лядинскаго и темниковскаго

[1]) Раньше, въ 1883 г. въ № 4 была напечатана его статья о Херсонесѣ Таврическомъ—слѣдъ его путешествія въ Крымъ.

могильниковъ Тамбовской губ. и издала его сообщеніе объ этомъ; наконецъ, упомянемъ и его мало кому извѣстномъ, но очень интересномъ трудѣ, напечатаномъ заграницей: «Pains de noces rituels en Ukraine» въ «Revue des Traditions populaiers».

Унажу и еще на заслугу В. Н. Ястребова—устройство историческаго и географическаго отдѣла въ музеѣ при Елисаветградскомъ реальномъ училищѣ; это былъ первый въ своемъ родѣ и обладавшій предметами древности немаловажнаго научнаго значенія, доставленными или Ястребовымъ или при его посредствѣ. Онъ, видимо, гордился своимъ созданіемъ, и потому былъ страшно огорченъ, когда Археологическая Коммиссія, взявъ на просмотръ находившуюся въ музеѣ бронзовую ручку отъ сосуда, изображавшую бѣгущую медузу, удержала ее для Эрмитажа, какъ рѣдкую и интересную въ научномъ отношеніи, а музею прислала вмѣсто нея какіе-то другіе предметы.

Женившись и имѣя значительную семью, Ястребовъ сталъ болѣе домосѣдомъ, почти не показывался въ Одессу и даже выражалъ въ письмахъ неудовольствіе, если на жалобы о разстроенныхъ нервахъ получалъ отъ меня совѣтъ воспользоваться каникулами и проѣздиться. Если онъ и ѣздилъ куда-либо, то по близости Елисаветграда на раскопки или для собиранія памятниковъ, записыванья пѣсенъ и пр. Видѣлся я съ нимъ уже рѣдко; собирались мы раскапывать курганъ въ Онуфріевкѣ у гр. Толстого или въ Мигеѣ у г. Скаржинскаго и, кажется, все было уже подготовлено; но непремѣнно что-либо мѣшало.

Изъ писемъ Ястребова я, впрочемъ, всегда зналъ, что съ нимъ дѣлается, и зналъ, что такъ разстроило ему нервы; это были нападки на то учебное заведеніе, въ которомъ онъ всю жизнь былъ преподавателемъ и которое такъ любилъ; нападки его нисколько не задѣвали, но онъ былъ слишкомъ хорошій товарищъ, чтобы не мучиться за другихъ. А тутъ его постигло и страшное семейное горе—одновременная потеря двухъ дѣтей; не скоро извѣстилъ онъ меня объ этомъ и письмо его было, сколько помню, болѣе чѣмъ странное...

Осенью 1892 г. Историко-филологическое Общество исполнило свое предположеніе—поставило памятникъ на могилѣ В. И. Григоровича въ Елисаветградѣ. Новороссійскій университетъ командировалъ въ Елисаветградъ нѣсколькихъ профессоровъ, и въ числѣ ихъ меня, какъ ученика и біографа знаменитаго слависта. Мы пробыли въ Елисаветградѣ дня три и, конечно, постоянно видѣлись съ Ястребовымъ; чуть ли не у него провели мы вечеръ передъ открытіемъ памятника и установили окончательно ходъ открытія, порядокъ рѣчей и пр. Ястребовъ, видимо, былъ намъ радъ (въ числѣ пріѣхавшихъ былъ его наставникъ проф. Успенскій), оказался гостепріимнымъ хозяиномъ; но это уже былъ человѣкъ совершенно надор-

ванный; онъ страшно постарѣлъ, потерялъ много волосъ, тянулъ слова, не улыбался и казался воплощенною скорбью. Открытіе памятника любимому профессору его однако оживило и онъ не мало волновался по поводу обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ маленькихъ неустройствъ. Въ торжественномъ засѣданіи послѣ открытія памятника онъ сказалъ рѣчь, небольшую, но прочувствованную; въ ней онъ упомянулъ, какъ гимназическіе учителя съ завистью говорили ему, что въ Одессѣ онъ станетъ ученикомъ Григоровича, сообщилъ нѣсколько словъ о немъ и въ заключеніе какъ-бы просилъ одесситовъ не отбирать у Елисаветграда могилы Григоровича. «У васъ, говорилъ онъ, и университетъ, и ученыя общества и много другихъ преимуществъ, а у насъ только эта могила. Оставьте жъ намъ ее!» Рѣчь была сказана не громко, медленно, но съ такою неподдѣльною грустью, что навела эту грусть и на всѣхъ присутствующихъ... Послѣ открытія Ястребовъ впалъ въ апатію, говорилъ больше всего объ умершихъ дѣтяхъ, а жена его успѣла шепнуть мнѣ, что она сильно опасается за его здоровье.

Чего опасались, то и случилось; впрочемъ, окончательная роль принадлежала, кажется, солнечному удару, которому подвергся Ястребовъ затѣмъ, въ 1898 г., въ Крыму, куда онъ совершилъ экскурсію съ учениками; помѣшавшагося Ястребова даставили въ Елисаветградъ, а затѣмъ отвезли въ Харьковъ въ психіатрическое заведеніе; я узналъ объ этомъ какъ-то случайно, можетъ быть, изъ газетъ, во всякомъ случаѣ поздно, и написалъ въ Елисаветградъ къ знакомому, прося извѣстить меня о здоровьѣ Ястребова. Совершенно неожиданно я получилъ отъ него отвѣтъ, написанный такъ, что нельзя было и предполагать какой-либо болѣзни. Ястребовъ писалъ о ней, затѣмъ, что онъ поправился, но вполнѣ сознаетъ, что его роль, какъ учителя, кончена; а такъ какъ ему съ семьей прожить на 600 р. въ годъ пенсіи невозможно, то онъ намѣренъ вскорѣ ѣхать въ Москву искать какого-либо мѣста при ученомъ обществѣ или музеѣ, хотя-бы и съ небольшимъ вознагражденіемъ; ему именно хотѣлось не разрывать связи съ наукою. Въ тоже время Ястребовъ прислалъ свои небольшія воспоминанія о любимыхъ профессорахъ Новороссійскаго университета для помѣщенія во 2-мъ выпускѣ Сборника, изд. бывшими воспитанниками Ришельевскаго лицея и Новороссійскаго университета. Все это меня очень порадовало; я отвѣчалъ на письмо подробно; но затѣмъ мнѣ сообщили, что произошелъ рецидивъ, что Ястребовъ снова въ психіатрической (Херсонской) больницѣ, а затѣмъ и о его безвременной кончинѣ.

Закончу свои краткія воспоминанія отзывомъ о В. Н. Ястребовѣ его ученика, сельскаго учителя Мороза [2]): «Нравилась мнѣ въ немъ больше

---

[2]) Сообщенъ въ статьѣ о В. Н. Ястребовѣ, напеч. въ «Кіевской Старинѣ» 1899 г., № 10, которою я отчасти пользовался для настоящаго некролога; затѣмъ у меня имѣлись выписки изъ формулярнаго списка Ястребова.

всего его великая, почти геніальная доброта. Въ немъ гармонически сочетался высокій умъ, опытность наблюдательнаго человѣка, юная довѣрчивость, свидѣтельствующая о его честности, и дѣтская простота. До сей поры я не встрѣчалъ человѣка съ такою широкою душой, такъ умѣющаго воспринять чужое состояніе (sic!), чужое лишеніе или же радость, съ такой горечью отзывающагося о всемъ низкомъ и подломъ и такъ восторгающагося высокимъ, идеальнымъ». Пожалуй, въ этомъ отзывѣ есть гипербола, вполнѣ понятная въ устахъ благодарнаго ученика; но и я прибавлю, что равныхъ В. Н. Ястребову по душевной чистотѣ людей я, можетъ быть, и встрѣчалъ, но выше его въ этомъ отношеніи — никогда.

Д. ч. *Ал. Маркевичъ.*

И. К. Суручанъ.

Съ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Иваномъ Касьяновичемъ Суручаномъ я близко знакомъ не былъ; я встрѣчалъ его нѣсколько разъ въ засѣданіяхъ Общества и въ нашемъ музеѣ—и только. Но мнѣ пришлось, по званію секретаря Общества, исполнить порученіе Румынской Академіи въ Букарештѣ относительно собиранія матерьяловъ для біографіи И. К. Суручана, что мнѣ и удалось сдѣлать, благодаря любезному вниманію его своднаго брата члена кишиневскаго окружнаго суда К. П. Шумскаго. Вслѣдствіе того мнѣ и представляется возможнымъ написать настоящій некрологъ.

И. К. Суручанъ родился 19 декабря 1851 г. въ Кишиневѣ и воспитанъ былъ своимъ вотчимомъ П. М. Шумскимъ, человѣкомъ всесторонне образованнымъ, памяти котораго Суручанъ посвятилъ свой важнѣйшій печатный трудъ. П. М. Шумскій любилъ заниматься исторіей, что и сказалось въ послѣдующихъ занятіяхъ Суручана, который уже въ юныхъ лѣтахъ сталъ коллекціонеромъ, собирая сперва преимущественно монеты, а затѣмъ вообще предметы классической древности. Первоначальное образованіе Суручанъ получилъ въ Кишиневской гимназіи, потомъ въ частной гимназіи Стародубцева и Ставилла въ Одессѣ и, наконецъ, въ Нѣжинскомъ лицеѣ кн. Безбородко. Оставивъ его по болѣзни, Суручанъ, имѣвшій хорошее состояніе, служилъ лишь въ почетномъ званіи члена попечительства дѣтскихъ пріютовъ Бальша, жилъ въ Кишиневѣ въ своемъ домѣ, все время и средства употреблялъ на пріобрѣтеніе предметовъ классической древности на югѣ Россіи и его коллекціи составили извѣстный выдающійся среди собраній частныхъ лицъ (да и не только частныхъ) музей въ г. Кишиневѣ.

Ему привозили предметы археологіи отовсюду (даже изъ Египта); не мало онъ и самъ добывалъ ихъ раскопками кургановъ въ Бессарабіи; однѣхъ монетъ въ его музеѣ было свыше 12.000 экземпляровъ, въ томъ числѣ и очень рѣдкихъ; также значительны были иныя его коллекціи, напр. античнаго стекла и др. Все это занимало весь его домъ и флигель. Къ сожалѣнію, И. К. Суручанъ не могъ уберечься отъ пріобрѣтенія столь распространившихся въ послѣднее время на югѣ Россіи поддѣлокъ, попа-

давшихъ и въ другіе музеи. Онъ имѣлъ смѣлость даже привлекать продавцовъ поддѣлокъ къ суду, но изъ этого ничего не вышло.

У И. К. Суручана была поразительная страсть рыться, гдѣ можно, и удивительное умѣніе находить, что нужно; отъ его внимательнаго взора не ускользали ни старьевщики, ни монастыри, ни частныя коллекціи. Если онъ узналъ о какомъ-либо памятникѣ древности, находящемся въ частныхъ рукахъ и достойномъ вниманія, онъ не могъ успокоиться, пока не водворялъ его въ свой музей, и такое водвореніе было для него истиннымъ праздникомъ. Затѣмъ, у него была масса книгъ, особенно справочныхъ изданій, и много рукописей; для пріобрѣтенія ихъ онъ велъ обширную переписку съ антикварами, букинистами и т. п., какъ съ нашими, такъ и съ заграничными; въ его собраніи греческихъ надписей работалъ акад. Латышевъ, опубликовавъ многія изъ нихъ; нерѣдко бывали у И. К. Суручана Н. Н. Мурзакевичъ и другіе члены нашего Общества.

И. К. Суручанъ былъ истинный любитель древности: ни свѣтское общество, смотрѣвшее кстати сказать на такое коллекціонированіе съ усмѣшкой, или съ сожалѣніемъ, ни какія-либо развлеченія не занимали его и онъ проводилъ въ своемъ музеѣ дни, а иногда работалъ тамъ и по ночамъ; причемъ, самоучкой познакомился съ необходимымъ ему для занятій греческимъ языкомъ.

Какая участь постигаетъ или уже постигла коллекціи Суручана послѣ смерти ихъ собирателя? Къ сожалѣнію, онъ даже не успѣлъ составить имъ каталогъ, хотя всю жизнь собирался это сдѣлать [1]).

Какъ о человѣкѣ, близкіе къ И. К. Суручану люди даютъ самые лестные отзывы; онъ былъ извѣстнымъ кишиневскимъ благотворителемъ.

Напечаталъ И. К. Суручанъ очень немного; главный трудъ, связанный съ его именемъ — «Inscriptiones graecae et latinae novissimis annis (1889—1894) Museo Surutschaniano, quod est Kischinevi inlatae. Ediderunt I. Surutschan (Acad. Rom. soc. hon.) B. Latyschev (Acad. Petrop. soc. ord.). Accedunt tabulae septem. Petropoli. Typis Academiae Caesareae Scientiarium. MDCCCXCIV. Этотъ именно трудъ посвятилъ И. К. Суручанъ своему вотчиму П. М. Шумскому. Затѣмъ во II т. Трудовъ VI Одесскаго археологическаго съѣзда (Одесса 1888 г., стр. 129—134) напечатанъ рефератъ, прочитанный имъ на этомъ съѣздѣ: Опытъ доказательства мѣстонахожденія скиѳскаго укрѣпленія Алектора и Золотого Берега Константина Багрянороднаго. Возможно, что онъ печаталъ какія-либо замѣтки и въ Запискахъ нашего Общества, но безъ подписи; наконецъ, сообщалъ онъ статьи по археологіи и въ бессарабскія изданія.

---

[1]) При принятіи мѣръ охраны судебный приставъ не описалъ всего музея по предметамъ, что было-бы очень затруднительно, а ограничился лишь общей описью по помѣщеніямъ (витрина съ вазами, ящикъ съ монетами и пр.).

Эти труды и еще болѣе извѣстный музей И. К. Суручана дали основаніе нѣкоторымъ ученымъ обществамъ избрать его въ число своихъ сочленовъ, такъ онъ былъ почетнымъ членомъ Румынской академіи въ Букарештѣ, дѣйствительнымъ членомъ (съ 19 ноября 1885 г.) нашего Общества и членомъ Кіевскаго Церковно-Археологическаго Общества.

Въ ноябрѣ 1897 г. И. К Суручанъ схватилъ простуду, вслѣдствіе которой у него явилась скоротечная чахотка; всѣ усилія врачей спасти его были тщетны. Находясь почти въ безсознательномъ состояніи, онъ все время бредилъ монетами, рукописями и т. п.; мысль о чемъ очевидно не покидала его до конца жизни. Скончался онъ въ Кишиневѣ 18 ноября этого-же года и похороненъ тамъ-же

Можно пожалѣть, что преждевременная кончина И. К. Суручана не дала ему возможности вполнѣ утилизировать свои коллекціи научнымъ образомъ и въ тоже время не позволила ему принять мѣры для ихъ надлежащаго сохраненія въ будущемъ.

Д. ч. *Ал. Маркевичъ.*

Н. Ѳ. Красносельцевъ.

Выдающійся ученый, ординарный профессоръ церковной исторіи Императорскаго Новороссійскаго университета Николай Ѳомичъ Красносельцевъ родился 3 декабря 1845 года въ с. Верхосульѣ, Богульминскаго уѣзда, Самарской губ., въ семьѣ священника; учился сперва въ богульминскомъ, потомъ въ уфимскомъ духовномъ училищѣ, въ уфимской семинаріи и казанской духовной академіи, которую окончилъ въ 1870 г. со степенью магистра богословія; былъ преподавателемъ въ самарской семинаріи, а съ начала 1871 г. уже и. д. доцента по каѳедрѣ церковной археологіи и литургики въ казанской духовной академіи, гдѣ и преподавалъ 18 лѣтъ, причемъ съ 1884 г. въ званіи экстраординарнаго профессора, и пользовался большимъ уваженіемъ и любовью со стороны какъ товарищей, такъ и своихъ учениковъ; одно время былъ онъ и редакторомъ журнала «Православный Собесѣдникъ», гдѣ помѣщена большая часть его трудовъ. Его же заботами устроенъ былъ при академіи церковно-археологическій музей. Изъ Казани онъ ѣздилъ впервые заграницу и на христіанскій Востокъ, гдѣ ему удалось добыть очень цѣнные для его занятій матерьялы.

Необходимость упрочить свое матерьяльное положеніе, отчасти желаніе быть ближе къ христіанскому Востоку были причиною, что Н. Ѳ. Красносельцевъ перешолъ въ 1889 г. и. д. профессора церковной исторіи Императорскаго Новороссійскаго университета. Казанская академія впослѣдствіи почтила бывшаго своего преподавателя званіями: почетнаго члена въ 1892 г. и доктора богословія въ 1893 г.; послѣднее дало возможность Красносельцеву быть утвержденнымъ въ званіи ординарнаго профессора университета. Вообще связи его съ казанской академіей всегда были чрезвычайно прочными.

Я былъ знакомъ съ Н. Ѳ—чомъ и раньше его перехода къ намъ профессоромъ, такъ какъ неоднократно встрѣчался съ нимъ на археологическихъ съѣздахъ; но онъ всегда отличался большою скромностью, если даже не застѣнчивостью, почему сперва на этихъ съѣздахъ и не обращалъ на себя особеннаго вниманія.

Я, конечно, хорошо помню и вступительную лекцію его въ нашемъ университетѣ — объ изученіи церковной археологіи; она была, по внѣш-

ности, не изъ удачныхъ; онъ не справился съ заготовленнымъ для нея огромнымъ матерьяломъ, который нужно было изложить въ теченіи 40—45 минутъ, и прочелъ лишь половину ея; лекторъ онъ былъ тоже не выдающійся; но для человѣка науки лекція его была чрезвычайно содержательная и показала большія знанія новаго профессора. Это впечатлѣніе вполнѣ подтвердилось впослѣдствіи; какъ церковный археологъ, Красносельцевъ почти не имѣлъ у насъ себѣ равныхъ; но онъ былъ до того скроменъ, что далеко не всякій, кто его зналъ, даже изъ профессоровъ, могъ предположить, что имѣетъ дѣло съ столь крупнымъ ученымъ.

Далѣе жизнь Н. Ѳ—ча протекала въ Одессѣ очень мирно и скромно, среди ученыхъ и профессорскихъ занятій, изрѣдка — пребыванія въ небольшомъ кружкѣ товарищей, пожалуй, за скромнымъ проферансомъ и рюмкою вина, или блюдечкомъ варенья. Разнообразилась она чуть-ли не ежегодными поѣздками на любимый Востокъ, откуда К—въ всегда привозилъ массу списанныхъ имъ текстовъ, которые потомъ научно обработывалъ и издавалъ. Во время одной изъ такихъ его поѣздокъ въ Константинополь тамъ произошло страшное землетрясеніе, грозившее и ему большой опасностью.

Нѣтъ цѣли говорить здѣсь о его многочисленныхъ сочиненіяхъ и выдающихся научныхъ заслугахъ. Историко-филологическое общество при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ издало вскорѣ послѣ его смерти брошюру «Поминка по Н. Ѳ. Красносельцевѣ» (Од. 1898 г.), гдѣ проф. А. Алмазовымъ (ученикомъ его) напечатаны обстоятельное жизнеописаніе К—ва и обзоръ его учено-литературной дѣятельности; проф. В. Истринымъ данъ отзывъ о трудахъ К—ва въ области византійско-славянской литературы и проф. П. Лавровымъ — о значеніи славянскихъ текстовъ, имъ изданныхъ. Въ той-же брошюрѣ помѣщены и воспоминанія о немъ его учениковъ: проф. Дмитріевскаго (по Казанской духовной академіи) и М. Попруженко (по Императорскому Новороссійскому университету), а въ концѣ брошюры приведенъ списокъ его трудовъ, хотя и не совсѣмъ полный; все это вмѣстѣ рельефно изображаетъ Красносельцева, какъ ученаго и какъ учителя.

Только случайный выѣздъ изъ Одессы лишилъ меня возможности присоединить къ брошюрѣ и свою небольшую замѣтку объ одной спеціальной услугѣ, оказанной К—вымъ русской историографіи. Кто не слыхалъ о пресловутомъ варяжскомъ вопросѣ, рѣшеніе котораго до извѣстной степени зависитъ отъ точнаго установленія времени, когда происходилъ извѣстный набѣгъ русовъ на Царьградъ при императорѣ Михаилѣ III и патріархѣ Фотіѣ. Пресловутая дата — 862 годъ — уже опрокинута и съ наибольшею вѣроятностью устанавливается иная — 860 годъ; но здѣсь важно было знать время набѣга точнѣе. Проф. Красносельцеву удалось

найти въ типикѣ великой Софійской церкви, что набѣгъ русовъ былъ 25 іюня, что совпадаетъ и съ иными соображеніями, въ силу коихъ онъ происходилъ въ теченіи 18—25 іюня; такъ что этотъ вопросъ въ настоящее время почти можетъ считаться рѣшеннымъ.

Научныя заслуги Н. Ѳ. Красносельцева послужили къ избранію его въ члены многихъ ученыхъ обществъ; о Казанской духовной академіи было уже сказано; сверхъ того онъ былъ членомъ общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, членомъ-корреспондентомъ, а затѣмъ и дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Московскаго археологическаго общества, членомъ Кіевскаго общества лѣтописца Нестора, дѣйствительнымъ членомъ Историко-филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ, дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей (съ 25 января 1890 г.) и членомъ-корреспондентомъ Константинопольскаго историко-филологическаго общества (Силлога).

Изъ всѣхъ этихъ обществъ К—въ болѣе всего работалъ для историко-филологическаго при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ; здѣсь онъ былъ долго членомъ правленія, здѣсь постоянно читалъ чрезвычайно интересные рефераты, всякій разъ знакомившіе съ новыми и важными научными открытіями докладчика; въ Лѣтописяхъ этого общества напечатаны и важнѣйшіе труды К—ва за послѣднее время. Но онъ работалъ и въ нашемъ Обществѣ, состоя въ немъ съ 1896 г. членомъ издательскаго комитета; въ Запискахъ общества были, впрочемъ, помѣщены лишь два написанные имъ некролога: Никанора, архіепископа Херсонскаго (въ XVI т.) и Саввы, архіепископа Тверскаго (въ XX т.).

Но Н. Ѳ. Красносельцевъ былъ не только выдающійся ученый; онъ былъ отличный товарищъ, какъ о немъ справедливо говорятъ проф. Г. Перетятковичъ въ названной уже брошюрѣ, равно и ученики проф. К—ва; затѣмъ это былъ человѣкъ чрезвычайно добродушный, спокойный, ровный — истинный типъ ученаго; имѣть съ нимъ какое-бы то ни было дѣло — было прямо удовольствіемъ. Отлично характеризовалъ его одинъ изъ товарищей, узнавъ о его кончинѣ: «Вотъ человѣкъ, который никому не сдѣлалъ зла».

Хотя Н. Ѳ. Красносельцевъ, переселившись въ Одессу, и жаловался на нездоровье, но какъ-то не очень вѣрилось этимъ жалобамъ при видѣ его дышущаго здоровьемъ лица и плотной фигуры; поэтому сильная болѣзнь его въ 1897 г., отразившаяся сильнѣе всего болью въ ногахъ и заставлявшая предполагать ревматизмъ, явилась нѣсколько неожиданною; съ полгода онъ не покидалъ квартиры и надѣялся все на лѣтнюю поправку, причемъ для него испрошена была годичная командировка на Востокъ и К—въ строилъ даже планы послѣдующихъ занятій. Не знаю почему док-

тора отправили его предварительно на лѣто въ Кисловодскъ. Такъ какъ жизнь на кавказскихъ минеральныхъ водахъ мнѣ знакома, то я далъ ему различныя указанія, которыми онъ и воспользовался. Лѣто 1898 г. я провелъ въ Ессентукахъ и, пріѣзжая въ Кисловодскъ, видѣлся съ К—вымъ; потомъ и я переселился въ Кисловодскъ и К—въ нерѣдко заходилъ ко мнѣ на чай, котораго онъ всегда пилъ очень много. К—въ похудалъ, поблѣднѣлъ, но смотрѣлъ довольно бодро, велъ очень правильный образъ жизни и былъ доволенъ результатами лѣта; однако докторъ, лѣчившій его, уже тогда предупредилъ меня, что К—въ человѣкъ конченный, до весны ему не дожить, а умереть онъ можетъ ежеминутно. И вѣрилось, и не вѣрилось этому. Страшно и грустно было находиться въ обществѣ К—ва, а показать этого было нельзя; иногда какая-нибудь невольно проскользнувшая въ разговорѣ мелочь указывала К—ву, что его считаютъ опасно больнымъ; онъ огорчался, и требовалось немалое искусство, чтобы истолковать сказанное совершенно въ иномъ смыслѣ.

Съ Кавказа К—въ вернулся до того поправившимся, до того бодрымъ, что мысль о докторской ошибкѣ невольно закрадывалась въ умъ; но въ то-же время что-то чувствовалось печальное, и провожавшіе К—ва на Востокъ какъ-будто хоронили его. И такія предчувствія не были обманчивы: простуда сразу разрушила больной организмъ, и Красносельцевъ скончался 11 сентября въ Константинополѣ, гдѣ и похороненъ. Обстоятельства его кончины и погребенія подробно разсказаны въ предисловіи къ цитированной уже брошюрѣ по письмамъ ухаживавшаго за больнымъ К—вымъ и затѣмъ похоронившаго его Ѳ. И. Успенскаго.

Портретъ К—ва, приложенный къ брошюрѣ, хотя и похожъ, но въ немъ добродушному лицу его придано нѣсколько суровое выраженіе. Вообще съ портретами ему не везло; на группѣ членовъ VII археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ портретъ К—ва спутанъ съ другимъ; но уже совершенно невѣроятная исторія была разсказана мнѣ самимъ Н. Ѳ—чомъ о его казанскомъ портретѣ. Обанкротившійся фотографъ сталъ снимать карточки прежнихъ заказчиковъ и продавать ихъ, называя именами какихъ-либо извѣстныхъ лицъ, и портретъ Н. Ѳ—ча продавался, какъ портретъ Поль-де-Кока! Можетъ-ли быть что-либо анекдотичнѣе, особенно для того, кто зналъ Красносельцева?! Вотъ ужъ именно отъ трагическаго до комическаго въ жизни одинъ только шагъ.

Д. ч. *Ал. Маркевичъ.*

И. Ф. Федоровъ.

Иванъ Федоровичъ Федоровъ, скончавшійся 9 октября 1899 г., сталъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей въ то время (27 ноября 1895 г.), когда уже имѣлъ совершенно разстроенное здоровье и ослѣпъ; работать для Общества онъ въ это время не могъ, въ засѣданія не являлся и въ Запискахъ нѣтъ ни одной его статьи; тѣмъ не менѣе онъ представлялъ изъ себя довольно замѣтное лицо въ одесской прессѣ, а такъ какъ я встрѣчался съ нимъ въ Одессѣ въ теченіи 30 лѣтъ и хорошо зналъ его, то и не отказался почтить его память хоть небольшимъ некрологомъ.

Біографія его до 1864 г. мнѣ совершенно неизвѣстна; съ лѣта этого года онъ сталъ надзирателемъ при Ришельевской гимназіи и, такъ какъ напечаталъ уже въ одесскихъ газетахъ нѣсколько статей по статистикѣ, то былъ избранъ членомъ Одесскаго статистическаго комитета, хотя, повидимому, серьезнаго образованія не получилъ. Надзирателемъ онъ оставался до 1868 г., затѣмъ былъ одесскимъ участковымъ мировымъ судьею въ 1870—1875 г., инспекторомъ народныхъ училищъ Херсонской губ. въ 1877—1889 г., причемъ сперва пользовался большимъ вліяніемъ въ округѣ, и вышелъ въ отставку статскимъ совѣтникомъ.

Всего болѣе извѣстенъ Ф—въ, какъ издатель Новороссійскаго народнаго календаря, который онъ выпускалъ въ теченіи свыше 30 лѣтъ, пріобрѣтя его отъ Императорскаго Новороссійскаго университета, который, получивъ право изданія отъ Ришельевскаго лицея, не хотѣлъ этимъ заниматься и передалъ календарь, чуть не безвозмездно, Ф—ву. Издаваемый Ф—вымъ календарь былъ неважный, бумага сѣроватая, печать плохая, рисунки невозможные, ошибокъ масса; но онъ былъ очень дешевъ (20 коп.), появлялся аккуратно въ концѣ года — для слѣдующаго, въ немъ было множество справокъ, рецептовъ, статей на случай и т. п., почему онъ бойко расходился, доставляя издателю хорошій доходъ. Ф—въ же былъ основателемъ и первымъ редакторомъ «Вѣдомостей Одесскаго Градоначальства», но это дѣло у него не пошло.

И въ календарѣ, и еще болѣе въ мѣстныхъ газетахъ Ф—въ напечаталъ множество историческихъ и публицистическихъ статеекъ объ Одессѣ

и ея жизни; даже выпустилъ брошюру объ Одессѣ ко времени столѣтняго ея юбилея. Странный онъ былъ историкъ! Всѣ факты сообщалъ онъ въ серьезъ, ссылался на очевидцевъ, на источники..., а съ перваго разу было видно, что авторъ привнесъ много фантазіи. Помнится, мнѣ случилось быть въ числѣ редакторовъ благотворительнаго сборника, изданнаго въ 1891 г. Одесскимъ обществомъ помощи литераторамъ и ученымъ въ пользу голодающихъ; ко мнѣ поступали статьи историческаго содержанія, и въ томъ числѣ поступила статья Ф—ва о взятіи Хаджибея. Прочолъ я эту статью,— нашолъ массу новыхъ и интересныхъ показаній и, повторяю, все съ ссылками на очевидцевъ, которые, или ихъ дѣти, обо всемъ этомъ будтобы разсказывали самому автору; съ другой стороны, не могъ я не замѣтить, что во многихъ мѣстахъ авторъ просто фантазируетъ и его разсказъ совершенно не сходится съ достовѣрными извѣстіями о взятіи Хаджибея, которыми я располагалъ, а онъ ихъ не зналъ. Что тутъ дѣлать? Хоть плачь! Думалъ я, думалъ, посовѣтовался еще съ однимъ изъ редакторовъ сборника, проф. А. А. К—кимъ, — и мы рѣшили не печатать статьи; однако, кое-чѣмъ изъ нея я, съ согласія автора, потомъ воспользовался для своего труда о Качибеѣ, помѣстивъ эти свѣдѣнія въ примѣчанія и съ оговорками, такъ какъ далеко не былъ убѣжденъ въ ихъ вѣрности. Чѣмъ я объяснилъ Ф—ву отказъ въ помѣщеніи его статьи въ сборникѣ, не помню; но въ претензіи на меня онъ за это не былъ.

Таковъ былъ Ф—въ и въ другихъ своихъ статьяхъ, и не только историческихъ, но и публицистическихъ: интересныя свѣдѣнія, особенно сообщаемыя имъ, какъ очевидцемъ, и потому вѣроятныя (а иногда и вѣрныя) мѣшались съ фантазіей, или даже съ тенденціознымъ подборомъ и еще болѣе тенденціозною окраскою фактовъ, особенно когда онъ касался двухъ наиболѣе раздражавшихъ его предметовъ: мироваго суда и еврейскаго вопроса; особенно рѣзкія статьи, напр. въ «Наблюдателѣ», онъ или совсѣмъ не подписывалъ, или подписывалъ псевдонимами.

Избраніе И. Ф. Федорова въ члены нашего Общества было вызвано желаніемъ почтить человѣка, все-же долго работавшаго на одесскомъ литературномъ поприщѣ и написавшаго массу историческихъ замѣтокъ, знакомыхъ членамъ Общества, слѣдившимъ за одесской прессой; притомъ въ 90-хъ годахъ Ф—въ уже ослѣпъ, пересталъ писать; забылись наиболѣе тенденціозныя или неудачныя статьи его, явилось и сожалѣніе къ нему, а въ то-же время было извѣстно, какъ онъ желалъ стать членомъ Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей.

Д. ч. *Ал. Маркевичъ.*

В. Г. Васильевскій.

Знаменитый византологъ, докторъ русской исторіи, профессоръ Императорскаго С.-Петербургск. университета и академикъ Василій Григорьевичъ Васильевскій (р. 21 января 1838 г., скончался 13 мая 1899 г.) избранъ былъ въ дѣйствительные члены Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (23 августа 1884 г., во время VI одесскаго археологическаго съѣзда), какъ выдающійся ученый, имя котораго могло украсить всякій списокъ лицъ. Для нашего Общества онъ спеціально не работалъ и статей своихъ въ нашихъ Запискахъ не помѣщалъ; но труды его болѣе всего относились именно къ тѣмъ научнымъ областямъ, разработка которыхъ лежитъ на обязанности нашего Общества. Не имѣю основанія говорить здѣсь объ этихъ трудахъ подробно, такъ какъ они оцѣнены гораздо болѣе компетентными знатоками, а подробный списокъ сообщенъ въ приложеніи къ некрологу В. Г. Васильевскаго, написанному проф. П. В. Безобразовымъ и помѣщенному въ послѣднемъ номерѣ «Византійскаго Временника» за 1899 г., но все-же не могу не отмѣтить превосходную научную обработку В. Г. Васильевскимъ нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ такимъ событіямъ изъ древнѣйшей русской исторіи, которыя происходили на почвѣ нынѣшней Новороссіи. Не могу и не пожелать, чтобы В. Г. Васильевскій нашелъ себѣ въ этомъ отношеніи продолжателя: тогда по крайней мѣрѣ древнѣйшая русская исторія дѣйствительно могла-бы стать извѣстною.

Помѣщать здѣсь жизнеописаніе знаменитаго ученаго я тоже не рѣшаюсь, такъ какъ опасаюсь въ этомъ отношеніи конкурренціи съ лицами, стоявшими къ нему гораздо ближе, нежели я, и напечатавшими уже о немъ некрологи, напр. съ проф. Безобразовымъ, который напечаталъ указанный выше прекрасный некрологъ, дающій о В. Г. Васильевскомъ обстоятельныя и рельефно изображающія его свѣдѣнія. Въ виду этого я позволю себѣ сообщить здѣсь лишь нѣсколько бѣглыхъ воспоминаній о В. Г. Васильевскомъ, какъ о человѣкѣ, которыя переданы были мною въ засѣданіи Историко-филологическаго общества, спеціально посвященномъ памяти В. Г. Васильевскаго:

Что В. Г. Васильевскій былъ выдающійся ученый—не можетъ быть, конечно, спора; позволю себѣ думать, что я въ состояніи оцѣнить значеніе

его трудовъ, изъ которыхъ иные я даже рецензировалъ. Но почему-же при мысли о В. Г. Васильевскомъ передъ моимъ умственнымъ взоромъ является образъ не крупнаго ученаго, а хорошаго человѣка? Право, я сперва боялся сознаться даже самому себѣ, что, какъ ни важны ученыя заслуги Васильевскаго, но личность его еще болѣе была привлекательна. Я понимаю, что я оказываю покойному историку нѣсколько медвѣжью услугу и мое сужденіе напоминаетъ отзывъ Суворова о какомъ-то генералѣ: «Хорошій генералъ, миролюбивый генералъ!» Но что дѣлать! Отъ своего впечатлѣнія о Васильевскомъ я отдѣлаться не могу и выскажу его въ такой формѣ: можетъ быть, и были люди, не уступающіе Васильевскому въ духовной красотѣ, но высшихъ, чѣмъ онъ, въ этомъ отношеніи быть не можетъ. Я прибавлю лишь, что это не единственный случай изъ моихъ воспоминаній: то же могъ-бы я сказать о Ф. К. Брунѣ, объ О. Ѳ. Миллерѣ (хотя и менѣе крупномъ ученомъ, чѣмъ В—скій) и еще о нѣкоторыхъ лицахъ, встрѣченныхъ мною на жизненномъ пути.

Съ В. Г. Васильевскимъ я никогда близокъ не былъ; но знакомство наше тянулось свыше 25 лѣтъ, и все это время при свиданіи съ Васильевскимъ я имъ любовался, сказалъ-бы я — обожалъ его, если-бы это не было нѣсколько комично.

Учился я исторіи по старымъ и плохимъ учебникамъ (Смарагдова, Зуева и т. п.), гдѣ придавалось значеніе только исторической номенклатурѣ. Даже въ университетѣ преподаваніе исторіи не выходило изъ обычныхъ тогда пріемовъ, причемъ глубокая ученость или привлекательная личность профессора вліяли на слушателей, но не открывали имъ широкихъ научныхъ горизонтовъ. Въ частности курса греческой исторіи я совсѣмъ не прослушалъ и лишь для экзамена прочелъ лекціи, составленныя со словъ проф. Брикнера, читавшаго греческую исторію раньше; но, во-первыхъ, проф. Брикнеръ, будучи въ этой области не спеціалистъ, обыкновенно сообщалъ разныя мнѣнія, не дѣлая изъ нихъ опредѣленнаго вывода и вообще неглубоко знакомя слушателей съ этой областью; во-вторыхъ, и дочиталъ онъ лишь (если мнѣ не измѣняетъ память) до конца Персидскихъ войнъ, можетъ быть—до Пелопоннезской войны. Съ такимъ багажемъ относительно исторіи Греціи, прочтя, впрочемъ, Шлоссера, очерки по Пютцу (очень полезные для учителя) и еще нѣсколько какихъ-нибудь статей, сталъ я учителемъ гимназіи въ Таганрогѣ. Опытные преподаватели поймутъ меня и согласятся, если я скажу, что, для того чтобы ученики хорошо усвоили себѣ знанія, находящіяся въ ихъ учебникѣ (напр. хотя-бы Иловайскаго), нужно, чтобы учитель зналъ гораздо больше. Поэтому сразу почувствовалъ я необходимость основательнѣе познакомиться съ исторіей Греціи. Добывать въ Таганрогѣ книги было нелегко, покупать ихъ—средствъ не было. Пришлось довольствоваться тѣмъ, что само

давалось въ руки; при такихъ условіяхъ и попалось мнѣ недавно напечатанное въ «Журналѣ Мин. Нар. Пр.» сочиненіе Васильевскаго: «Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка».

Въ засѣданіи нашего Историко-филологическаго общества объ этомъ сочиненіи В—скаго не вспомнили, и понятно: отмѣчались труды его по византологіи. Но я позволю себѣ сказать, что изъ всѣхъ сочиненій Васильевскаго его сочиненіе по исторіи Греціи самое живое и, пожалуй, самое интересное; по крайней мѣрѣ, на меня оно произвело громадное впечатлѣніе. Припомню, что это было въ началѣ 70-хъ годовъ, когда такіе вопросы, какъ федеративный строй, или улучшеніе аграрнаго положенія народа, были животрепещущими. И въ трудѣ Васильевскаго для размышленій объ этихъ вопросахъ давался богатѣйшій матерьялъ. Федеративный Ахейскій союзъ съ тонкимъ политикомъ Аратомъ, напоминавшимъ заправилъ западно-европейской буржуазіи XIX вѣка, съ одной стороны; пламенный Агисъ III, схожій съ мечтателями въ родѣ Бабефа или даже Фурье, осторожный и методичный Клеоменъ III, какъ-бы первый предшественникъ Лассаля—все это были у Васильевскаго живые люди текущаго интереса. Поведеніе буржуазіи, бросившейся изъ-за опасенія аграрныхъ реформъ въ руки македонскаго царя, напоминало имперію Наполеоновъ, Филопименъ—Кавеньяка и пр. Словомъ, ежеминутно могла вспомниться фраза: Mutato nomine de te narravit historia.

Кто-же, однако, былъ этотъ Васильевскій? Въ Таганрогѣ я узнать объ этомъ не могъ, да и въ Одессѣ, куда я перешелъ лѣтомъ 1871 г., объ немъ ничего не знали. Часть зимы 1871—72 г. я провелъ въ Петербургѣ, гдѣ былъ тогда II археологическій съѣздъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда, въ одинъ изъ вторниковъ вечеромъ, пришелъ я къ К. Н. Бестужеву-Рюмину. Послѣ меня, въ числѣ многихъ гостей, явился какой-то господинъ, очень красивый, полный, съ большою густою шевелюрой, хотя нѣсколько мѣшковатый. Насъ, кажется, и познакомили; но я, можетъ быть, по глухотѣ, не разслышалъ его фамиліи. Разговоръ шелъ главнымъ образомъ о петербургскихъ служебныхъ вѣстяхъ, между прочимъ, о предстоящемъ назначеніи предсѣдателя археографической коммисіи; кандидатомъ называли гр. А. С. Уварова. Я сказалъ, что я только-что былъ у Н. И. Костомарова и тамъ сообщили за вѣрное о назначеніи В. П. Титова, причемъ удивлялись, какія ученыя заслуги могли доставить ему это мѣсто; а Костомаровъ даже сказалъ, что Титовъ столько же годенъ быть предсѣдателемъ археографической коммисіи, какъ онъ, Костомаровъ, предсѣдателемъ энтомологическаго общества. Послѣ моего сообщенія естественно и здѣсь пошелъ разговоръ о Титовѣ и неизвѣстный мнѣ красивый господинъ сталъ спокойно защищать Титова, указывая на его давнія литера-

турныя связи. «Вотъ, проговорилъ тогда Бестужевъ-Рюминъ, два антипода: Николай Ивановичъ на всѣхъ нападаетъ, а Василій Григорьевичъ всѣхъ защищаетъ». Я спросилъ сосѣда: кто это Василій Григорьевичъ? — Васильевскій. Такъ вотъ онъ Васильевскій! Кто онъ, однако, такой? Доцентъ Петербургскаго университета.

Я устроилъ такъ, что подсѣлъ къ Васильевскому и заговорилъ съ нимъ, высказавъ, какъ я увлекаюсь его сочиненіемъ. Васильевскій слушалъ меня спокойно, затѣмъ, перемѣнивъ разговоръ, сталъ разспрашивать о нашемъ университетѣ, о знакомыхъ ему здѣсь профессорахъ, и мы говорили до конца вечера.

Я сдѣлалъ визитъ В—скому, кажется, видѣлъ его въ засѣданіяхъ съѣзда, въ которомъ онъ участія, впрочемъ, почти не принималъ; но познакомиться ближе мнѣ съ нимъ тогда не удалось.

Послѣ этого мнѣ нерѣдко приходилось бывать въ Петербургѣ, гдѣ образовывались новые кружки ученыхъ; въ одномъ изъ нихъ я встрѣтилъ Васильевскаго, уже ставшаго извѣстнымъ ученымъ, профессоромъ и основателемъ цѣлой школы византологовъ. Онъ пригласилъ меня заходить къ нему вечеромъ по воскресеньямъ, когда у него собираются знакомые. Не разъ я этимъ приглашеніемъ пользовался и всегда заставалъ въ кабинетѣ Васильевскаго, гдѣ-либо у Пяти-Угловъ, не много народа, сидѣвшаго около небольшого круглаго столика, на которомъ стояла ваза съ фруктами и соотвѣтствующій столовый приборъ; подавали чай съ печеніями, и шелъ тихій безстрастный разговоръ. Изъ сосѣднихъ комнатъ доходили къ намъ возгласы молодежи, но никто изъ семейства Васильевскаго въ кабинетъ не показывался. Васильевскій оставался вѣренъ себѣ; въ его словахъ всегда отражалась его гуманная природа; онъ никогда никого не порицалъ, а все старался объяснить и оправдать. Научные разговоры бывали рѣдки, да и то въ такихъ случаяхъ, когда рѣчь шла, напр., о чьей-либо диссертаціи, представленной для полученія степени, но внушающей сомнѣнія въ своей для этого пригодности; и къ такимъ диссертаціямъ Васильевскій былъ терпимъ до нельзя; онъ, во-первыхъ, умѣло подчеркивалъ ихъ достоинства, во-вторыхъ, увѣрялъ, что слѣдующіе труды будутъ лучше, почему и надо помочь ищущему степени, тѣмъ болѣе, что съ этимъ было почти всегда связано улучщеніе въ его матерьяльномъ благосостояніи. Мнѣ приходилось иногда спрашивать у Васильевскаго научнаго совѣта или указанія; онъ охотно давалъ ихъ и обстоятельно разъяснялъ дѣло, какъ разъяснялъ-бы его студенту. Я помню, между прочимъ, подобный разговоръ о совѣтахъ византійскаго боярина, которые я сопоставлялъ съ знаменитыми разсужденіями Макіавели. Разъ я высказалъ мнѣніе, что его взглядъ на вопросъ (рѣчь шла о кельтахъ) недостаточно обоснованъ; Васильевскій тотчасъ-же согласился съ этимъ. Въ другой разъ я былъ у

него послѣ того, какъ написалъ рецензію въ нашей «Лѣтописи» одного изъ трудовъ Васильевскаго. Отнесясь, разумѣется, съ большимъ уваженіемъ къ этому труду, я въ одномъ мѣстѣ позволилъ себѣ насмѣшку надъ мнѣніемъ Васильевскаго о тавро-скиѳахъ; объ этомъ тоже возникъ разговоръ, и Васильевскій высказался, что въ этомъ вопросѣ мы слишкомъ мало знаемъ, чтобы создавать серьезныя гипотезы, и согласился, что его собственная мало вѣроятна. Научной амбиціи у него не было, — конечно, потому, что его ученыя заслуги слишкомъ позволяли ему сознаваться въ мелкихъ недосмотрахъ, въ чемъ такъ не любятъ сознаваться ученые мелкаго калибра. Прибавлю еще, что собиравшееся у Васильевскаго по воскресеньямъ общество становилось все болѣе и болѣе рѣдкимъ, вѣроятно, въ зависимости отъ его болѣзни, и въ иные пріѣзды мнѣ случалось быть у него только одному.

Приведу еще одно пріятное воспоминаніе; въ августѣ 1884 г. Васильевскій пріѣхалъ на VI одесскій археологическій съѣздъ. Дѣла всѣмъ намъ было много, и я хотя и часто видѣлся съ Васильевскимъ, но говорилъ съ нимъ мало. Въ одинъ изъ праздниковъ мы были приглашены проф. А. И. Смирновымъ на обѣдъ на дачу его въ такъ называемой Швейцаріи. Народа было много, тосты,—все какъ слѣдуетъ. Наступилъ чудный лунный вечеръ, который мы провели надъ моремъ. Пріплыли рыбаки; мы стали помогать имъ тянуть неводъ, купили рыбу, разсматривали, какіе попались ея сорта, а потомъ у Смирновыхъ-же изъ этой рыбы намъ сварили уху. Васильевскій къ эпизоду съ рыбной ловлей отнесся необыкновенно серьезно; тянулъ онъ неводъ до изнеможенія, увѣряя, что ему необходимъ теперь такой физическій трудъ, а объясненія рыбаковъ относительно пойманныхъ сортовъ рыбы слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ и дѣлалъ при этомъ наводящіе вопросы. Вечеръ проведенъ былъ живо и интересно.

Могъ-бы я сообщить о Васильевскомъ много еще подобныхъ мелочей; но упомяну лишь о двухъ характеристичныхъ, которыя могутъ затеряться, а было-бы жалко.

Во время какихъ-то давнихъ уже недоразумѣній среди молодежи, у общаго высокопоставленнаго знакомаго встрѣтился я съ Васильевскимъ; были и еще гости, и въ томъ числѣ еще болѣе высокопоставленное лицо; порицавшее молодежь, правда, не очень рѣзко, а, такъ сказать, отечески, съ прискорбіемъ, и жалѣвшее, что она испортитъ себѣ будущее. Не защищая этой молодежи, Васильевскій рѣзко высказался противъ того, чтобы настоящее ея поведеніе было поставлено ей въ строку въ будущемъ. «Я вотъ-то (какъ извѣстно, онъ часто вставлялъ въ свою рѣчь частицу «то») теперь академикъ и пр., а вѣдь я тоже ходилъ въ Колокольную улицу».—Что вы, что вы! Богъ съ вами! замахалъ на него рукою собе-

сѣдникъ.—«Ходилъ, говорилъ съ Филиппсономъ, а вотъ видите, никакой бѣды не вышло» (Я передаю этотъ разговоръ несовсѣмъ точно).

Другой случай: Бываютъ представители науки, по неблагопріятной случайности или даже по собственной винѣ вынужденные оставить свое оффиціальное положеніе; между тѣмъ вина ихъ въ сущности не велика, а наукѣ они могли-бы при благопріятныхъ условіяхъ оказать еще крупныя услуги. За одного изъ такихъ сравнительно молодыхъ, но уже съ извѣстнымъ именемъ историка В. Гр. Васильевскій (вмѣстѣ съ другимъ профессоромъ С.-П. Университета, фамилію котораго назвать считаю себя не вправѣ) энергично ходатайствовалъ передъ бывшимъ его начальникомъ и, когда это не удалось вслѣдствіе слишкомъ вліятельнаго противодѣйствія, былъ очень огорченъ.

Сообщу еще одинъ фактъ изъ біографіи Васильевскаго, хотя уже и опубликованный мною, но мало извѣстный. При учрежденіи Императорскаго Новороссійскаго университета Васильевскій былъ намѣченъ въ немъ доцентомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи и, какъ видно изъ его переписки, очень желалъ получить это званіе, но до время не успѣлъ защитить магистерской диссертаціи. Можетъ быть, повліяло и то, что просьба его была написана совмѣстно съ извѣстнымъ криминалистомъ Н. А. Неклюдовымъ (впослѣдствіи товарищемъ Министра Внутреннихъ дѣлъ, недавно скончавшимся), который въ то время считался нѣсколько неудобнымъ, изъ-за той-же исторіи, которая вызвала хожденіе въ Колокольную улицу.

Въ началѣ 90-хъ годовъ стали поговаривать, что Васильевскій сильно хвораетъ. На виленскомъ археологическомъ съѣздѣ (куда онъ пріѣхалъ съ опозданіемъ, можетъ быть умышленнымъ, чтобы избѣжать овацій, такъ какъ онъ началъ свою служебную и ученую дѣятельность въ Вильнѣ) Васильевскій явился сильно исхудавшимъ и съ нѣсколько страдальческою наружностью, показывавшею, что опасность есть; это не помѣшало ему однако прочесть два реферата и принять очень оживленное участіе въ преніяхъ, напримѣръ, по поводу доклада проф. Успенскаго.

Послѣ того извѣстія о болѣзни Васильевскаго становились все настойчивѣе и настойчивѣе, а между тѣмъ въ «Византійскомъ Временникѣ» и въ «Журналѣ Мин. Народ. Просвѣщенія» постоянно появлялись его работы, иногда весьма крупныя: Васильевскій умиралъ, какъ солдатъ на своемъ посту. Въ одну изъ послѣднихъ поѣздокъ въ Петербургъ я хотѣлъ кое-о-чемъ посовѣтоваться съ Васильевскимъ, но стѣснялся быть у него, зная о его болѣзни. Близкіе къ нему люди однако посовѣтовали мнѣ навѣстить его, такъ какъ ему стало лучше, и онъ любитъ, чтобы его навѣщали; между тѣмъ всѣ стѣсняются. Я пошелъ въ воскресенье вечеромъ и нашелъ тотъ-же небольшой кабинетъ, ту-же вазочку съ фруктами, того-же спокойнаго, разсудительнаго, уравновѣшеннаго и прекраснодушнаго хозяина;

но видъ его былъ уже «не отъ міра сего» Я былъ у Васильевскаго единственнымъ посѣтителемъ въ этотъ вечеръ. Выяснивъ интересовавшій меня вопросъ, я скоро затѣмъ ушелъ, чтобы не утомлять хозяина; но уходя я сознавалъ, что это уже наше послѣднее свиданіе. Имѣть такое чувство, прощаясь съ кѣмъ-то ни было, нелегко, а сознавать, что уходитъ въ могилу такой человѣкъ и такой ученый, какъ Васильевскій, — и подавно. Мнѣ хотѣлось плакать, а я долженъ былъ шутить, такъ какъ Васильевскій привыкъ видѣть во мнѣ веселаго собесѣдника, и ему нравилось, какъ онъ говорилъ, что я всегда въ духѣ. Вскорѣ смерть Васильевскаго стала совершившимся фактомъ. Прочитывая некрологи, я замѣтилъ, что вездѣ говорится о немъ только какъ о выдающемся ученомъ; а я вотъ не могу отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что, какъ человѣкъ, онъ былъ еще выше. Пусть-же эти немногія строки—лица, къ нему хоть и не близкаго, но искренно его любившаго, будутъ цвѣткомъ иммортели на его безвременной могилѣ.

Д. ч. *Ал. Маркевичъ.*

НА ПАМЯТЬ

о Д. Ч. О. протоіереѣ А. Г. Лебединцевѣ.

21 февраля мин. года скончался одинъ изъ старѣйшихъ членовъ нашего Общества, каѳедральный протоіерей Одессы, магистръ Арсеній Гавріиловичъ Лебединцевъ, на исходѣ 80 года своей скромной, но случайно захватившей поучительную полосу новѣйшей исторіи Россіи, жизни: съ старымъ іереемъ сходилъ въ могилу одинъ изъ уже немногихъ уцѣлѣвшихъ свидѣтелей обороны Севастополя, въ весь періодъ теченія ея, этой кровавой эпопеи и въ то же время суда надъ нами, а вмѣстѣ съ этимъ и—правдивый анналистъ тѣхъ искупительныхъ дней, отрезвившихъ насъ отъ долгаго самообольщенія.

Конечно, я не пишу оффиціальнаго некролога: не время уже. Я дѣлаю здѣсь добрыя поминки, ненапрасныя для нашего Общества, какъ о его членѣ — и старѣйшемъ, и съ именемъ, и съ извѣстными заслугами для науки, но обязательныя для автора этихъ строкъ, котораго связывали съ почившимъ и много лѣтъ пріязненнаго знакомства (съ 1857) и добрыя родственныя отношенія, подкрѣплявшіяся и въ землячествѣ по правобочной Украинѣ, Каневъ—Умань [1]).

Сынъ бѣднаго сельскаго священника Каневскаго уѣзда (села Яблоновки, потомъ, Зеленой Дубровы, тутъ-же) Лебедыньця (умеръ въ глубокой старости, въ 1856 г., на мѣстѣ), о. Арсеній былъ старшій среди пяти братьевъ—изъ нихъ о. Петръ, также нашъ сочленъ, крупный дѣятель Кіевской эпархіи и мѣстный историкъ-археологъ, въ наши дни воскресившій великаго святителя Евгенія, а Ѳеофанъ, заслуженный дѣятель и основатель «Кіевской Старины» († 1888)—и 4 сестеръ.

---

[1]) Въ свое время некрологъ появился въ мѣстномъ оффиціальномъ органѣ—въ «Херс. Епарх. Вѣдомостяхъ» за 1898 годъ, священника Гордіевскаго, къ сожалѣнію, мѣстами неточный. Родственность мон къ покойному опредѣлялась женитьбой его на моей двоюродной сестрѣ—Гербановской, мать которой сестра моего отца, а родъ нашъ изъ Уманьщины. Оттуда и дѣдъ (родной братъ матери моего отца), Иванъ, въ монахахъ Ириней, Гавриловичъ Нестеровичъ, изв. архіепископъ Иркутскій (1781—1864), отъ старшей сестры котораго пошелъ священническій родъ Пуришкевичей, и все изъ той же Уманьщины. Объ Иринеѣ—совсѣмъ недомысліе въ томъ некрологѣ, отд. отт., стр. 2.

Но что такое, сельскій, хотя и бѣдный, священникъ, *ninz*, на Югѣ въ старину, особенно, въ исторической Уманьщинѣ? Это — политическій, образованный вождь народа, членъ перваго сословія между православныхъ. Покойникъ, вспоминая о своемъ дѣтствѣ, любилъ припоминать гордое признаніе своей, съ характеромъ, матери: «я — з дідів и прадідів *попівна*»... Здѣсь, хотя и въ недавно польской землѣ, священники не привѣтствовали взаимно извѣстнымъ «niech będzie pochwalony» — отцы ихъ были еще свидѣтели эпохи, «як ножи святылы»... Это были люди крѣпкіе Православію, всѣ эти Лебедыньци, Нестеровичи, Пуришкевичи и пр. Съ другой стороны, они не были пріучены и къ недостойному для ихъ сана уничиженію. Интересы образованія стали давно благороднымъ преданіемъ среди этого передоваго русскаго сословія — среди него митрофанушкамъ мѣста не было — и въ концѣ 20-хъ годовъ обоихъ братьевъ, Арсенія и Петра, мы находимъ въ Кіевѣ, въ Духовной семинаріи. Особыхъ, мимо традиціонныхъ, видовъ не было. О матери покойный припоминалъ нерѣдко въ бесѣдѣ со мной, что она не была другомъ монашескаго клобука, требуя отъ сыновей искушенія жизни и въ жизни: «спасыся, сынку, *въ мірѣ*, а не въ монастырѣ», говорила она своею риѳмованной прозой [2]). Но достатка въ семьѣ не было: «бѣденъ, признавался онъ много позже, уже священникомъ, предъ своимъ начальствомъ, какъ-бы сейчасъ изъ школы»... [3]). Самая многочисленность семьи требовала многаго, хотя-бы и на селѣ.

Изъ школьныхъ лѣтъ въ Кіевской семинаріи онъ любилъ останавливаться на свѣтломъ образѣ старика Евгенія, митрополита Кіевскаго († 1837). Любилъ припоминать его ласковость съ дѣтьми и его необыкновенную простоту въ жизни, что его единственная роскошь была—книги. Помнилъ онъ хорошо и необыкновенную подвижность, проворность движеній и дѣятельный характеръ своего знаменитаго владыки, даже до самыхъ послѣднихъ минутъ его жизни. Какъ любопытный примѣръ онъ нерѣдко припоминалъ, что митрополитъ и въ день своей смерти разрѣшилъ еще болѣе двухъ десятковъ (24) епархіальныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ этимъ, по словамъ покойнаго, Евгеній, не смотря на свои 70 лѣтъ, имѣлъ особенно свѣжее лице.

Въ Кіевскую академію Лебединцевъ поступилъ вмѣстѣ съ братомъ Петромъ уже при митрополитѣ Филаретѣ. Это было время выдающихся дѣятелей вѣковой академіи; съ нѣкоторыми изъ нихъ ему пришлось, много позже, встрѣтиться и вмѣстѣ работать и въ Одессѣ, и въ

---

[2]) Когда уже по овдовѣніи, въ началѣ 80 годовъ, его бывшій ректоръ и учитель, знаменитый своей святою жизнью и умомъ, нашъ архіепископъ Димитрій предложилъ ему мѣсто викарія у себя, онъ отклонилъ почетное предложеніе и остался вѣренъ завѣту родительскому.

[3]) Въ 1855 г. «Письма...» стр. 167, отд. отт. Объ этихъ историческихъ письмахъ, изъ Севастополя, ниже.

нашемъ Обществѣ. Это были: ректоръ Иннокентій (позже архіепископъ въ Одессѣ), Димитрій, преемникъ Иннокентія по Одесской каѳедрѣ и многолѣтній вице-президентъ нашего Общества; профессора о. Скворцовъ, Авсеневъ, І. Г. Михневичъ, позже членъ нашего Общества, Серафимъ Серафимовъ, позже также членъ нашего Общества, о. Макарій Булгаковъ, извѣстный богословъ и церковный историкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и старшій сотоварищъ поч. о. Арсенія, и др. [4]).

Изъ своихъ академическихъ преподавателей почившій нашъ сочленъ особенно любилъ вспоминать о ректорѣ Димитріи, читавшемъ Основное Богословіе, о его характерномъ пріемѣ чтеній. Величественный, статный брюнетъ, Димитрій не садился за каѳедру, а велъ изложеніе, мѣрно ходя изъ угла въ уголъ аудиторіи, и эта живая своего рода импровизація такъ приковывала вниманіе студентовъ, что они не замѣчали, какъ проходили, обыкновенно долгія, двухчасовыя лекціи, а лекторъ говорилъ безъ перерыва.

Изъ преподавателей младшаго поколѣнія былъ близокъ молодой іеромонахъ Макарій Булгаковъ. Благодаря архіеп. Иннокентія за присланный его разборъ изв. Догматическаго Богословія Макарія, Лебединцевъ, въ мартѣ 1855 г., изъ Севастополя, пишетъ: «я тѣмъ болѣе радъ былъ вразумиться въ этомъ Богословіи вашимъ судомъ, что авторъ мнѣ знакомъ еще въ студентахъ Академіи, жилъ со мною два года въ одной комнатѣ и былъ мнѣ, младшему тогда студенту, компаньономъ старшимъ» [5]).

Окончилъ Академію, вмѣстѣ съ братомъ Петромъ, въ 1843 году, а чрезъ немного лѣтъ былъ удостоенъ отъ нея ученой степени магистра, латинскимъ дипломомъ на которую онъ такъ всегда дорожилъ.

Первые годы службы онъ провелъ въ Одессѣ, принявши посвященіе отъ члена нашего Общества, архіепископа Гавріила. Но уже въ 1848 году своимъ бывшимъ ректоромъ, а теперь вторымъ нашимъ епархіальнымъ владыкой, Иннокентіемъ, онъ былъ назначенъ въ Севастополь (Таврическая и Херсонская губ. составляли тогда одну епархію). Конечно, дѣло случая, что молодой священникъ былъ переброшенъ на другой берегъ моря. Но этотъ случай на-вѣки слилъ имя скромнаго дѣятеля на нивѣ Господней съ приближавшеюся великою эпохою нашей жизни, вызвавъ его на особенное поприще—стать правдивымъ лѣтописцемъ историческихъ 360 дней осады Севастополя, стать для потомства факеломъ, бросающимъ свѣтъ въ темное поле субъективныхъ представленій кроваваго испытанія, искусственныхъ построеній исторіи, а потому — остерегателемъ предъ опаснымъ всегда

---

[4]) Справки эти изъ Исторіи Кіевской академіи Макарія Булгакова, Спб., 1843, въ концѣ.

[5]) Письма прот. Арс. Лебединцева къ преосв. Иннокентію, оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина», Кіевъ, 1896, стр. 99. Они изданы братомъ Петромъ. Какъ текстъ писемъ попалъ въ Кіевъ—см. ниже.

увлеченіемъ. Дѣятели на мѣстѣ не подозрѣвали, какого нелицепріятаго, а потому непріятнаго, цѣнителя себя, своихъ дѣйствій, но цѣнителя безъ лести, встрѣчали они что—день въ исполнительномъ іереѣ севастопольской Петропавловской церкви. Но обратимся къ самой лѣтописной заслугѣ.

Довѣренное лицо архіеп. Иннокентія по поднятіи интересовъ Церкви въ историческомъ углу Православія, Лебединцевъ былъ правою рукою его въ дѣлѣ постройки новыхъ церквей, устройства монастырей, скитовъ въ районѣ Севастополя, и это вызвало первую переписку. Эти-то «репорты» и положили основаніе историческому циклу севастопольскихъ писемъ Лебединцева, основаніе на сторонѣ никому неизвѣстной, само собою образовавшейся, правдивой лѣтописи осады Севастополя. Когда авторъ, какъ малый человѣкъ, случалось нѣсколько стѣснялся говорить, въ виду неприглядной дѣйствительности осады, и говорить предъ своимъ начальникомъ, онъ слышалъ грозный призывъ Иннокентія—писать свободно, не стѣсняться предъ правдой, не отстранять и слуховъ, толковъ, какъ показателей настроенія массы въ данную минуту. «Иннокентій, вспоминалъ Лебединцевъ чрезъ нѣсколько лѣтъ брату Петру, требовалъ отъ меня, чтобы писать все, что̀ слышу въ Севастополѣ, не отвѣчая за достовѣрность слуха; бранилъ, когда я былъ остороженъ» [6]). Дѣйствительно, письмо свое 25 января 1855 г. Лебединцевъ начинаетъ извиненіемъ: «письмо ваше сокрушило меня...; чувствую, что ваше неудовольствіе и замѣчанія дѣлаются отечески...; но сокрушаюсь, что не могу или не умѣю быть для васъ хорошимъ слугою, при всемъ моемъ усердіи къ тому» [7]). Не забудемъ, что уже очень рано онъ указывалъ своему корреспонденту, что по слухамъ письма на почтѣ просматриваются, почему и пользовался казеннымъ пакетомъ [8]). Правда, по обыкновенной скромности своей, онъ даже говоритъ о своей вынужденной корреспонденціи, что она пустовата [9]); но она, какъ современный оттискъ событій и явленій, не дозволяетъ вести себя въ какое-либо

[6]) Свящ. Гордіевскій, указ. некрологъ, 5

[7]) Письма и пр., стр. 65. Письма эти появились въ свѣтъ въ «Кіевской Старинѣ» за 1896 г., благодаря заботамъ братьевъ Θеофана и Петра. Еще въ 1870 г. о. Арсеній писалъ о. Петру: «болгаринъ Палаузовъ продалъ Вольфу пріобрѣтенное имъ право на изданіе сочиненій Иннокентія, продалъ... и письма. Между письмами изъ Крыма есть мои, о которыхъ въ свое время я вовсе не думалъ, что они могутъ попасть въ печать... Ну, если въ чемъ прописался я.... Выйдетъ дѣло скверное» .. (Гордіевскій, указ. некрологъ, 4—5). Спасеніе автора понятное, только не то, что онъ «прописался», какъ увидимъ ниже; 1870 г. былъ еще близокъ къ 1854. Отъ Вольфа тѣ письма, съ бумагами Иннокентія, купила Императорская Публ. Библіотека, и здѣсь списалъ ихъ братъ Θеофанъ для своей «Кіевской Старины». Но изданы уже по смерти Θеофана братомъ Петромъ. И такъ, подлинникъ севастопольскихъ писемъ Лебединцева послужилъ даже на пользу «болгарина» Палаузова и Вольфа. (См. предисловіе къ Письмамъ, стр. 3).

[8]) Письма, стр. 35, 32.

[9]) Тамъ-же, стр. 42.

сравненіе съ тѣмъ громоздкимъ, некритическимъ матеріаломъ, который предлагаютъ намъ разныя такъ называемыя воспоминанія на досугѣ черезъ *десятки* лѣтъ. Она дозволяетъ одно сравненіе—сравненіе съ только-что вышедшими, также современными и съ мѣста дѣйствія, и столь-же откровенными, письмами къ женѣ своей врача тѣлесъ — доктора Пирогова [10]): одна картина событій у одного и другаго очевидца, одно пониманіе ихъ, одинъ духъ, одно чувство Ясно, что напрасно Лебединцевъ позже опасался—не прописался-ли онъ? Но стѣсняемое въ выраженіи — въ письмахъ къ начальству врача духовнаго, чувство патріотическаго, честнаго негодованія выливается свободнѣе и въ художественныхъ краскахъ—въ семейныхъ письмахъ, но также осторожно, путями окольными экспедировавшихся, того другаго врача. Да и оба они были близки по положенію, по безкорыстной службѣ въ знаменитой общинѣ сестеръ милосердія, основанной историческимъ патріотомъ Россіи—Великою Княгиней Еленою Павловною: Пироговъ былъ руководитель Общины, Лебединцевъ—духовникъ ея членовъ.

Обѣ серіи писемъ—Лебединцева и Пирогова—это два источника съ первымъ значеніемъ для исторіи знаменитой эпохи. Обнародованіе однихъ и другихъ писемъ—прямая заслуга предъ наукой, предъ Отечествомъ, если только мы не потеряли еще вкуса въ исторіи, если мы еще не довольствуемся *елочною* исторіей.

Первыя письма Лебединцева изъ Севастополя, вскорѣ имѣвшаго стать «пещью, седмерицею разженной» (стр. 13), кромѣ своего церковнаго интереса, имѣютъ для насъ и интересъ *историко-археологическій*. Въ нихъ мы имѣемъ первыя страницы лѣтописи по исторіи раскопокъ въ Херсонесѣ, отмѣтки первыхъ, случайныхъ находокъ съ заступомъ въ рукахъ. Лебединцевъ принималъ развалины отъ Морскаго вѣдомства и первый даже оправлялъ ихъ [11]). Затѣмъ уже въ четвертомъ письмѣ (17 марта 1853 г.) — первое упоминаніе о событіи, которое повлекло за собой новую попытку кровавой развязки Восточнаго вопроса — о кн. Меншиковѣ въ Константинополѣ; черезъ письмо, первымъ письмомъ 1854 года, открывается и исторія самой той попытки: непріятель у Евпаторіи, а засимъ—Севастополь, это недавно *археологическое* мѣсто, обращается въ «пещь», въ «жилище слезъ, стоновъ и смерти» [12]), почти невообразимое. Рано послышались звуки ужаса, съ молитвою о спасеніи, о выходѣ изъ «прискорбнаго поприща», а затѣмъ уже возложеніе всего упованія на одного Господа [13]).

---

[10]) Севастопольскія письма Н. И. Пирогова 1854—1855. Спб., 1899, 158 стр. Въ оттискѣ севастопольскихъ писемъ Лебединцева 185 стр., убористаго шрифта.

[11]) Лебединцевъ не былъ виною, что простую гробницу между развалинъ церкви Херсонеса объявили *купелью* нашего князя Владиміра. См. П. Лебединцева, Остатки церквей Херсонеса, отт. изъ «Кіев. Старины», 1889, 14—18. Письма Лебединцева, стр. 100.

[12]) Стр. 17, 33. Въ 4 письмѣ 1854 года,—о безнадежности.

[13]) Стр. 37. Во 2 письмѣ 1854 о поясѣ окоповъ вокругъ города со стороны непріятеля—этимъ предрѣшалась задача.

Но взглянемъ внутрь этой «вещи»—что за фигуры мелькали въ ней на пространствѣ почти цѣлаго года, заглянемъ въ эту «юдоль страданій и бѣдствій» [14]).

Письма подчиненнаго священника своему начальнику, но знаменитому владыкѣ въ Одессѣ, и письма знаменитаго врача и довѣреннаго знаменитой Великой Княгини къ женѣ въ Петербургѣ—это одна страшная эпопея въ прозѣ объ оказавшейся нашей негодности.

Здѣсь прежде всего въ точныхъ штрихахъ живые портреты властныхъ людей, съ ихъ духовною и нравственною физіономіями, съ не покидающими ихъ побужденіями—то жалко сѣострить, то напортить ближнему, то маскироваться въ тогу величественнаго молчанія, то не умѣть даже путно приказать или распорядиться. Но болѣе скромныя характеристики Лебединцева, онѣ подъ перомъ Пирогова пріобрѣтаютъ аттическую соль, и подъ острой критикой его падаютъ имена, какъ подъ его ножемъ оперируемые члены.

Впрочемъ нельзя отказать и Лебединцеву въ необыкновенной иногда мѣткости выраженія. «Князь Меншиковъ, пишетъ онъ 29 октября 1854 г., т. е. уже послѣ ранней смерти незамѣнимаго, умнаго и дѣятельнаго Корнилова, ничего не предпринимаетъ и свои мысли скрываетъ даже отъ своей фуражки, которую сжегъ-бы, еслибъ узнала ихъ» [15]). Но эта молчаливость, притворная, какъ отмѣтилъ ее Пироговъ, исчезала тамъ, гдѣ она могла имѣть мѣсто. На первое знакомство съ Пироговымъ, какъ руководителемъ общины сестеръ, Меншиковъ встрѣтилъ его словами: «Будетъ ли съ толкъ отъ нихъ? Чтобы не сдѣлать-съ послѣ еще *сифилитическаго* отдѣленія въ госпиталѣ-съ» [16]). Или какъ прекрасенъ, въ немногихъ словахъ, у Лебединцева портретъ «генеральши», начальницы общины сестеръ, одинаково возбуждавшей негодованіе какъ Пирогова въ «Письмахъ», такъ и ея помощницы, Бакуниной, въ недавно явившихся ея «Запискахъ», въ «Вѣстникѣ Европы», г-жи Стаховичъ! «Правду сказать, пишетъ Лебединцевъ 25 апрѣля 1855 г., Стаховичъ имѣетъ болѣе пріемы крутаго ротнаго командира, чѣмъ начальницы женщинъ благородныхъ и сознающихъ свои личныя достоинства» [17]).

А горькихъ признаній не исчислить... Вотъ, «филина смѣнили» [18]). Суровый Меншиковъ смѣненъ «ласковымъ» Горчаковымъ, съ фуражкой на затылкѣ; но пользы мало. «Моряки, пишетъ Лебединцевъ 25 апрѣля, почти 8 мѣсяцевъ защищая Севастополь своею грудью, не могутъ безъ не-

[14]) Пироговъ, Севастопольскія письма, стр. 39.

[15]) Письма, стр. 26. Объ общемъ неумѣньѣ—стр. 23, 32. О Корниловѣ—стр. 19. Меншиковъ о Нахимовѣ—стр. 107.

[16]) Сев. письма, стр. 18.

[17]) Письма, стр. 107.

[18]) Пироговъ, Сев. письма, стр. 84. Пироговъ даже обрадовался слуху о смерти Меншикова сейчасъ по отъѣздѣ (стр. 89).

годованія говорить о бездѣйствіи арміи и какомъ-то холодномъ равнодушіи ея генераловъ». А между тѣмъ—«перевелись и матросы, и офицеры» [19]).

«Плохо, очень плохо намъ, начинаетъ онъ письмо 30 мая 1855 г. Въ послѣдніе дни поколебалась наша увѣренность въ неодолимость Севастополя». Говоря далѣе о крайней оплошности, недостаткѣ распорядительности и паденіи духа, онъ прибавляетъ: «я вижу въ нашемъ несчастіи попущеніе Божіе, которое, когда нужно наказать, отнимаетъ и умъ у начальниковъ» [20]).

Еще рельефнѣе тѣ же тяжелыя чувства у втораго наблюдателя. Предъ оставленіемъ своимъ зараженнаго города Пироговъ пишетъ: «Горчаковъ весь въ рукахъ Коцебу, и если Богъ Самъ не поможетъ Россіи, то недалеко на немъ уйдемъ... Самъ лукавый ихъ не разберетъ, что они дѣлаютъ и что думаютъ дѣлать—да еще *и думаютъ* ли. Одинъ другому завидуетъ и другъ другу ногу подставляютъ, какъ-бы свалить» [21]).

Но извѣстно, что бываетъ, когда паны дерутся — съ сѣрою массою, обращенною въ матеріалъ, а это—главный фонъ кровавой картины, настоящіе обитатели той «юдоли страданій и бѣдствій».

Сплошной нищій, бѣднякъ, голодный, для котораго и грошъ—деньги (ср. разсказъ Лебединцева объ исповѣди). Не будемъ удивляться, если онъ ходилъ иногда и на грабежи и святотатство, по свидѣтельству нашего іерея-корреспондента [22]).

Но едва ли не цѣлая половина тѣхъ обитателей были больные, раненые; положеніе ихъ было неописанное: оно — «превзошло всю мѣру моихъ опасеній», писалъ Пироговъ. Соломы для тюфяковъ нѣтъ и старая солома съ мочею и гноемъ, по высушкѣ, шла снова въ дѣло [23]). А Меншиковъ ни разу не видѣлъ эти «заморенные, полусгнившіе легіоны, высланные на смерть» [24]). Но прибыли сестры Общины и—«въ госпиталяхъ, пишетъ Лебединцевъ, все теперь улучшено до превосходной степени» [25]).

---

[19]) Письма, 106—107.

[20]) Тамъ-же, 122—123.

[21]) Сев. письма, стр. 98. Оба очевидца согласно свидѣтельствуютъ и объ измѣнѣ поляковъ, ихъ перебѣгахъ къ врагу. (Пироговъ, Сев. письма, стр. 67 о рядовыхъ, 86 объ офицерахъ, цѣлыми партіями). Но особенно характерно свидѣтельство Лебединцева о мѣстномъ ксендзѣ, разрѣшавшемъ во время великопостной исповѣди солдатъ отъ присяги и требовавшемъ именно теперь вспомнить объ ихъ долгѣ предъ ихъ польскимъ отечествомъ. (Письма, стр. 85 и 95. Ср. и стр. 111).

[22]) Письма, стр. 81, 82. О первыхъ грабежахъ послѣ Алмы—Пироговъ, Сев. письма, стр. 59.

[23]) Пироговъ, Сев. письма, стр. 34, 45.

[24]) Тамъ-же, стр. 20.

[25]) Письма, стр. 69.

Мы дѣлали эти небольшія очныя ставки показаній обоихъ свидѣтелей, чтобы каждый могъ видѣть, какой правдивый, честный историческій матеріалъ для пониманія севастопольской обороны предлагаютъ письма Лебединцева и Пирогова, въ частности, эти своеобразныя «репорты» по начальству. У обоихъ первый двигатель—любовь къ родинѣ, къ ближнему, сознаніе святости исполненія долга. «Чѣмъ-же я виноватъ и передъ кѣмъ, пишетъ Пироговъ, что у меня въ сердцѣ еще не застыли всѣ порывы къ высокому и святому»? [26]). Эти слова имѣютъ примѣненіе и къ Лебединцеву, и если иногда его высокій собесѣдникъ въ Одессѣ и понукалъ—писать свободно, то не забудемъ, что писалъ маленькій человѣкъ. Если самъ Пироговъ, письма котораго не шли далѣе высокаго интимнаго круга въ столицѣ, опасался напрасныхъ осложненій изъ-за огласки содержанія ихъ; то понятно, сколько душевнаго мужества оказалъ нашъ смиренный іерей, когда не останавливался предъ правдой и о сильныхъ міра, зная всю опасность корреспонденцій. Онъ былъ дѣйствительно доблестный мужъ Севастополя, благородный его лѣтописецъ. Чтеніе его «Писемъ», какъ и «Писемъ» Пирогова—чтеніе назидательное, воспитывающее человѣка.

Конечно, письма многое мелочное, но характерное, и опускали. Много мелкихъ, но поучительныхъ, припоминаній севастопольскій іерей унесъ съ собою въ могилу. Такъ мнѣ лично не разъ приходилось слышать отъ него разсказы, какъ пріѣзжавшіе за отличіемъ офицеры искали у него, какъ священника, удостовѣренія, что онъ видѣлъ того-то и того-то, тогда-то и тогда то, въ самомъ огнѣ. Но возблагодаримъ память покойнаго и за сообщенное въ письмахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возблагодаримъ и память преосвященнаго Иннокентія, какъ духовнаго виновника тѣхъ драгоцѣнныхъ писемъ, и извинимъ суетность иногда того-же Иннокентія, домогавшагося, напримѣръ, при Меншиковѣ, попасть въ Севастополь, вмѣшивавшагося въ отношенія флотскаго духовенства и пр.

Позволительно гадать, что всѣ эти мелочи, интимные слухи, толки, но имѣющіе свое мѣсто въ воспроизведеніи картины эпохи, были заносимы Лебединцевымъ въ его «Дневникъ». Свой дневникъ онъ велъ отъ 1 сентября 1854 и до конца осады, и велъ, по прямому требованію того-же Иннокентія, съ особенною обстоятельностью [27]). Къ сожалѣнію, эти записки, за исключеніемъ небольшаго, напечатаннаго отрывка, болѣе не существуютъ, и погибли онѣ не въ Севастополѣ, а въ Одессѣ, и за немного лѣтъ до смерти ихъ автора. Такъ свидѣтельствуетъ издатель «Писемъ», братъ. Нельзя сердечно не поскорбѣть о постигшей таинственной гибели этого источника для исторіи обороны Севастополя. Едва-ли какой другой днев-

[26]) Сев. письма, стр. 65. О благодѣтельной дѣятельности Пирогова, его докторовъ (не казенныхъ), сестеръ—см. свидѣтельство Лебединцева, Письма, стр. 75.

[27]) Письма, стр. 29.

никъ существовалъ: одинъ только Лебединцевъ, какъ образованный священникъ мѣстной церкви, имѣлъ и досугъ и возможность писать дневникъ, въ полной мѣрѣ исполнить волю Иннокентія; другимъ людямъ было не до простой даже отмѣтки ужасовъ, когда и головы не было гдѣ приклонить, въ предѣлахъ собственно города—«пещи». Только въ нѣкоторой степени могутъ возмѣстить погибшій «Дневникъ» частная, случайная корреспонденція другихъ лицъ изъ Севастополя или ихъ воспоминанія позже. Припоминаются мнѣ въ эту минуту слышанные мною разсказы отъ покойнаго адмирала П. П. Шмидта—выпуклые, характерные, напримѣръ, о позднемъ вечерѣ 27 августа 1855 г. на Южной сторонѣ. Но все это отрывки, а «Дневникъ» Лебединцева, поденная запись за все время осады—какое интересное дополненіе къ оффиціальнымъ донесеніямъ... Впрочемъ, изданныя «Письма» заключаютъ въ себѣ главное изъ погибшаго «Дневника».

Въ началѣ 1857 года Лебединцевъ оставилъ Крымъ и переселился въ Одессу. Здѣсь немногія минуты его досуга были посвящены имъ нѣкоторымъ вопросамъ изъ недавняго прошлаго нашего Юга — изъ мѣстныхъ церковныхъ отношеній въ XVIII и началѣ XIX стол. Эти историческія занятія его пошли въ слѣдъ за реорганизаціей мѣстнаго печатнаго органа епархіальной власти — «Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», выходившихъ подъ редакціей друга его, протоіерея І. Знаменскаго: со второй половины 1860 года Вѣдомости стали выходить книжками, по двѣ въ мѣсяцъ, и расширили свой неоффиціальный отдѣлъ, т. е. литературную часть. Журналъ потребовалъ новыхъ силъ, и на появившійся запросъ сейчасъ-же откликнулся авторъ «Писемъ».

Первая, и самая важная, капитальная, статья, Лебединцева явилась уже въ сентябрьской (№ 6) книжкѣ «Херс. Еп. Вѣдомостей» за 1860 годъ. Это «Ханская Украина», съ 14 приложеніями (ставленныя архіерейскія грамоты, свидѣтельства, въ русскомъ переводѣ съ молдавскаго языка) и 1 подлинною церковно-статистической вѣдомостью отъ декабря 1793 года, о состояніи этой части будущей Новороссіи, которая была пріобрѣтена Россіей по Ясскому мирному договору 29 декабря 1791 года, когда въ Аджибеѣ (Одессѣ) было всего 10 дворовъ, а населенія—22 мужчины и 6 женщинъ, т. е. Очаковской области.

Свою статью авторъ скромно называетъ церковною лѣтописью этой новой Украины. Дѣйствительно, она говоритъ, и говоритъ скупо, безъ лишняго слова, о церквяхъ, о поставленіи священниковъ къ нимъ отъ епископовъ изъ-за Днѣстра послѣ 1760 года, объ церковномъ управленіи. Но ея научно-историческое значеніе заключается въ томъ, что она познакомила насъ съ новыми, до того времени никому неизвѣстными, мѣстными отношеніями въ послѣдніе три десятка лѣтъ власти очаковскихъ татаръ

въ области между нижнимъ Днѣстромъ и Бугомъ, что она измѣнила наше представленіе объ Очаковской области. Матеріалы, извлеченные авторомъ изъ архива мѣстной консисторіи, показали, что хотя тонъ Степи давали кочующіе татары, кочевья которыхъ заполняли центральную полосу ея (на современныхъ картахъ XVIII столѣтія эти кочевья, въ видѣ палатокъ, обыкновенно группируются на Тилигулѣ и вблизи Буга), но обѣ береговыя рѣчныя полосы—по лѣвой сторонѣ Днѣстра (у молдаванъ Нистръ) и правой Буга, какъ и сѣверныя части нын. Ананьевскаго уѣзда, не были уже лишены христіанскаго населенія—въ лицѣ бѣглыхъ изъ Великороссіи, малороссовъ изъ Подоліи и молдаванъ (волоховъ). Хотя плетневыя или мазанки изъ чамура, но все-же были церкви, и церкви, удовлетворявшія духовнымъ нуждамъ населенія, а не строившіяся безъ спроса на нихъ, такъ какъ были священники, не безъ труда, вдали получавшіе ставленіе отъ молдавскихъ епископовъ Гуша, Хотина, Браилова, слѣдовательно, уже были на лицо первыя основы христіанской культуры. Нашъ старѣйшій историкъ Новороссіи болѣе скользилъ по прошлому нашей Степи, мчался за своими запорожцами: Лебединцевъ-же открылъ въ ней и настоящую культурную жизнь, элементъ осѣдлый. Мнѣ и сегодня живо помнится тотъ неподдѣльный восторгъ, съ которымъ бывало говорилъ о «Ханской Украинѣ» Лебединцева—числомъ страницъ изслѣдованіе небольшое — нашъ достославный сочленъ, пок. В И. Григоровичъ. Можетъ быть, эта самая статья имѣла свое вліяніе на обращеніе ученыхъ симпатій знаменитаго слависта въ сторону культурныхъ вопросовъ именно нашей Черноморской Степи въ XVIII столѣтіи. Его послѣдній трудъ (1876 года)—«Записка о пособіяхъ...» — прямо на эту тему. И въ настоящую минуту не много можно прибавить къ картинѣ жизни въ нашей Степи—въ минувшее время [28]).

Въ тѣхъ-же Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ на 1861 годъ мы находимъ новыя работы Лебединцева—статьи, матеріалы.

Извѣстныя семейныя отношенія остановили вниманіе нашего автора, уже ключаря Одесскаго собора, на первомъ каѳедральномъ этой церкви, на извѣстномъ политическомъ и педагогическомъ дѣятелѣ въ Молдавіи и Бессарабіи (въ послѣдней въ первые годы по соединеніи), сотрудникѣ и

---

[28]) Напр., о торговыхъ путяхъ изъ средней и южной Бессарабіи въ Очаковъ, отъ села Чобручъ и гор. Аккермана, что въ самомъ Очаковѣ было довольно купцовъ изъ молдаванъ, что плодородіе земли давно уже было приманкой для татаръ изъ-за Кубани и они здѣсь *прочно селились* по Лиману, по р. Барабою, что названіе «Ханская Украина» было въ общемъ употребленіи у сосѣдей—молдаванъ и русскихъ нын. Бессарабіи—и въ началѣ XVIII вѣка, что она называлась еще татарской *Валахіей*, вѣроятно, по значительному количеству молдаванскаго населенія. Ср. наше изслѣдованіе и для исторіи нашей и Аккерманской степи: «Графъ А. И. Остерманъ и раздѣлъ Турціи» (Одесса, 1899), стр. 231 прим., 235, и 342, XXXIV, 188.

ученикѣ знаменитаго митрополита-экзарха Гавріила Банулеска, протоіереѣ Петрѣ Сем. Куницкомъ [29]) († 1837, въ Одессѣ). Въ № 20 Вѣдомостей появился очеркъ бессарабской дѣятельности Куницкаго, съ отрывками изъ любопытной переписки протоіерея, находившагося въ командировкѣ въ Петербургѣ (1811 г.), съ его епархіальнымъ владыкою въ Яссахъ, экзархомъ Гавріиломъ, о грекахъ-монахахъ, взбунтовавшихся было противъ русскаго управленія [30]); а еще въ № 18 Лебединцевъ помѣстилъ статью самого Куницкаго о знаменитомъ экзархѣ. Затѣмъ, черезъ номеръ, въ № 22 онъ напечаталъ въ русскомъ переводѣ слово Куницкаго у гроба экзарха († въ концѣ марта 1821 г.), сказанное имъ въ исторической митрополіи Кишинева на молдавскомъ языкѣ. Наконецъ, въ томъ же году онъ помѣстилъ на страницахъ тѣхъ же Вѣдомостей небольшой отрывокъ изъ своего погибшаго Дневника, подъ заглавіемъ: «Замѣтки севастопольскаго священника».

Послѣ 1861 года живое участіе Лебединцева въ работахъ по мѣстной исторіи прерывается и—надолго. Только подъ конецъ дней его въ старикѣ ожила былая энергія, и онъ энергически, со страстью, вмѣшался въ вопросъ о годѣ основанія нашего города. Покойный горячо отстаивалъ традицію, защищая тѣмъ своего высокаго наставника, архіепископа Иннокентія, но едва-ли съ полною объективностью (въ «Новорос. Телеграфѣ» 1893 г., № 5979). Мы, члены Общества, хорошо помнимъ, какъ онъ еще раньше въ одно изъ нашихъ засѣданій выволокъ изъ архива мѣстной Консисторіи цѣлое дѣло объ установленіи крестнаго хода въ 1848 году, читалъ изъ него прошеніе отъ старожиловъ Одессы (но, собственно, написанное самимъ Иннокентіемъ — приномню характеръ доводовъ — февральская резолюція и пр.), дѣлалъ и другія справки, чтобы только отстоять 22 августа. Старикъ былъ очень огорченъ и проф. В. К. Надлеромъ, и В. А. Яковлевымъ, тогда секретаремъ нашего Общества, за ихъ невѣріе къ этому 22 августа, за ихъ пропаганду своихъ соображеній. Всѣ эти ратоборцы въ могилѣ...

За сдѣланное нашимъ скромнымъ покойнымъ сочленомъ для науки память его въ нашемъ Обществѣ останется надолго съ симпатіей. Но онъ имѣетъ право на теплую признательность, какъ неробкій исповѣдникъ

---

[29]) Сейчасъ у Одессы, между Хаджибеемъ и Куяльникомъ, село Протопоповка, первое въ уѣздѣ, принадлежало Куницкому (онъ былъ изъ дворянъ). Отъ его сана село и получило свое названіе. Его одесскій домъ и до сихъ поръ сохранился—у Собора, сосѣдъ соборнаго дома, гдѣ теперь — контора погребальныхъ церемоній...

[30]) Ср. богатый трудъ кишиневскаго преподавателя Авксентія Стадницкаго (нынѣ викарія московскаго и ректора Моск. Дух. Акад.): «Гавріилъ Банулеско-Бодони, экзархъ Молдо-Влахійскій и митрополитъ Кишиневскій», Кишиневъ, 1894; стр. 210—241 о дерзкомъ бунтѣ греческихъ монаховъ.

истины, какъ человѣкъ характера. Заключая эти поминальныя строки, я полагалъ-бы, что наше чувство къ покойному труженнику могло-бы вылиться въ наилучшую форму, если-бы Общество наше на страницахъ своего органа перепечатало его «Ханскую Украину», а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду приближающагося столѣтія соединенія Бессарабіи съ Россіей, если-бы оно переиздало тамъ-же капитальный для своего времени — первые годы послѣ того соединенія—статистическій трудъ о вновь пріобрѣтенномъ краѣ его любимца, памятнаго протопопа Куницкаго: «Статистическое описаніе Заднѣстровской области». Вполнѣ увѣренъ, что мы были-бы за то не безъ признательности отъ молодыхъ изслѣдователей исторіи нашего роднаго Юга —за эту перепечатку хорошей старины, за этотъ облегченный доступъ къ старинѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Елены Павловны къ о. Лебединцеву въ 1856 году, съ благодарностью за его дѣятельность по Общинѣ, въ Севастополѣ. (Подлинникъ хранится у дочери покойнаго, А. А. Гамовой).

Отецъ Арсеній! Исполняя съ примѣрнымъ рвеніемъ и полнымъ самоотверженіемъ многотрудныя обязанности духовника Крестовоздвиженской Общины, во время пребыванія Сестеръ въ Крыму, вы вполнѣ оправдали МОЕ довѣріе.

Вы являлись постоянно утѣшителемъ Сестеръ въ самыя тяжкія для нихъ минуты, наставляя и ободряя примѣромъ слабѣвшихъ, укрѣпляя всѣхъ помощью духовною—этою главною, основною опорою всѣхъ обрекшихъ себя на многотрудное поприще служенія страждущей братіи.

Изъявляю вамъ МОЮ благодарность за столь достойное и примѣрное исполненіе обязанностей вашихъ.

Пребываю къ вамъ благосклонная

ЕЛЕНА (собственноручно).

№ 2630.
26 сентября 1856 г.

Д. чл. Общ. *Алекс. Кочубинскій.*

Декабрь, 1899.

Н. А. Новосельскій.

Николай Александровичъ Новосельскій (р. 1818 г., † 25 сентября 1898 г.) хотя отчасти и былъ писателемъ, но его, немногочисленные притомъ, печатные труды касались исключительно экономическихъ и финансовыхъ вопросовъ, а не имѣли отношенія къ отечественной исторіи или археологіи; избранъ-же онъ былъ въ члены Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, еще 28 января 1868 г., какъ Одесскій городской голова и вообще выдающійся общественный дѣятель.

Мало знакомый съ біографіей Н. А. Новосельскаго, такъ какъ я зналъ его довольно поверхностно, я желалъ-бы лишь указать здѣсь на главную черту его общественной дѣятельности—необыкновенную и можно сказать геніальную иниціативу въ дѣлахъ и мастерское достиженіе осуществленія проэктируемыхъ имъ предпріятій. Если Одесса представляетъ собою едва-ли не самый благоустроенный по внѣшности городъ въ Россіи, она въ значительной степени обязана этимъ Новосельскому; мостовыя, водопроводъ, газовое освѣщеніе и мн. др. устроены въ то время, когда Новосельскій былъ городскимъ головою и въ большинствѣ случаевъ по его-же иниціативѣ. Онъ (и С. С. Яхненко) явились первыми организаторами прекрасныхъ одесскихъ народныхъ училищъ. Нѣтъ почти ни одного возникшаго въ Одессѣ въ 60—70 годахъ торгово-промышленнаго предпріятія, начало которому не положилъ-бы Новосельскій: Русское общество пароходства и торговли, Одесское городское кредитное общество, Общество взаимнаго кредита, Общество куяльницко-хаджибейскихъ соляныхъ промысловъ и мн. др.—памятники его иниціативы.

Но такова была особенность личности Н. А. Новосельскаго, что ему никогда не удавалось изъ затѣянныхъ имъ предпріятій получить благопріятные результаты. Можетъ быть потому, что онъ слишкомъ разбрасывался, но разъ установленнымъ дѣломъ онъ уже руководилъ съ недостаточною осмотрительностью и осторожностью и зачастую оставлялъ его тогда на руки другимъ, которые, если это было возможно, уже придавали дѣлу требуемую прочность. Занятъ Новосельскій былъ всегда настолько, что поймать его хоть-бы на минутку для разговора по самому серьезному дѣлу представлялось совершенно немыслимымъ. Въ теченіи какихъ-ни-

будь 5 минутъ онъ начиналъ разговоръ съ 20 лицами, являвшимися къ нему по различнымъ дѣламъ—и, разумѣется, ни одного разговора не оканчивалъ. Подвижности онъ былъ необыкновенной и постоянно леталъ изъ Одессы то въ Петербургъ, то на Кавказъ, словомъ всюду, гдѣ у него ни затѣвались какія-то дѣла.

Въ бытность Новосельскаго городскимъ головой у него, или вѣрнѣе сказать у его семейства были пріемы, отличавшіеся широкимъ гостепріимствомъ, и мы, старые студенты Новороссійскаго университета, не можемъ не вспомнить съ благодарностью объ этой радушной семьѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ скоро покинувшей Одессу.

Д. ч. *Ал. Мирковичъ.*

И. И. Курисъ.

Скончавшійся въ ночь съ 1 на 2 марта 1898 г. Иванъ Ираклієвичъ Курисъ, внукъ извѣстнаго суворовскаго сподвижника, родился 30 декабря 1840 г.; воспитаніе получилъ сперва домашнее, очень хорошее, а затѣмъ въ Ришельевскомъ лицеѣ; въ 1858 г. поступилъ на службу и, какъ человѣкъ съ большимъ состояніемъ, занималъ исключительно почетныя мѣста, по выборамъ дворянства, до Херсонскаго губернскаго предводителя дворянства включительно, пробывши въ этомъ званіи съ 1877 г. по 1895 г. Нечего и прибавлять, что онъ былъ и гласнымъ земскихъ собраній, почетнымъ мировымъ судьею и пр. и пр.

Я помню И. И. Куриса въ началѣ 60-хъ годовъ представителемъ, или даже предводителемъ одесской золотой молодежи, который часто заставлялъ говорить о себѣ одесское общество. Съ теченіемъ времени, а въ особенности ставши семьяниномъ, онъ угомонился, и тогда именно началось его полезное служеніе мѣстному обществу.

Совмѣщая въ себѣ черты стариннаго русскаго барина и современнаго западно-европейскаго джентельмена, умѣло гостепріимный, радушный, щедрый и т. д., И. И. Курисъ былъ именно такимъ вождемъ дворянства, какихъ оно всегда желало имѣть; въ тоже время онъ твердо «стоялъ на стражѣ» дворянскихъ правъ и преимуществъ, эффектно и находчиво предсѣдательствовалъ во всевозможныхъ собраніяхъ, и въ виду этого пользовался и всеобщимъ уваженіемъ и замѣтнымъ вліяніемъ какъ здѣсь, такъ и въ Петербургѣ

Казалось-бы поэтому, что И. И. Курисъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей (еще 25 апрѣля 1865 г.), лишь какъ видный общественный дѣятель, отъ котораго Общество могло ждать извѣстнаго рода услугъ, связанныхъ съ его положеніемъ или состояніемъ. Но это было далеко не такъ. Рискуя быть очень парадоксальнымъ, я все-же скажу, что И. И. Курисъ прожилъ всю свою жизнь не въ соотвѣтствіи съ истиннымъ своимъ призваніемъ: онъ имѣнно по натурѣ былъ ученымъ. Я съ тѣмъ большимъ правомъ могу это засвидѣтельствовать, что меня связывали съ И. И. Курисомъ сперва

родство, а затѣмъ и многолѣтнія дружественныя отношенія, которыя сдѣлали для меня возможнымъ нерѣдко заглядывать и въ его внутренній міръ.

Чуть-ли не по выходѣ изъ лицея И. И. Курисъ, подъ вліяніемъ своихъ наставниковъ, профессоровъ Ф. К. Бруна и Н. Н. Мурзакевича, сталъ коллекціонеромъ, и притомъ довольно разнообразнымъ; такъ онъ собиралъ монеты припонтійскихъ колоній, первыя изданія русскихъ классическихъ писателей, автографы всевозможныхъ русскихъ дѣятелей, гравюры и литографіи съ ихъ изображеніями, рукописи и старопечатныя книги (русскія и иностранныя), художественную утварь, картины и т. д. и т. д., и все это въ такомъ количествѣ, что даже огромное состояніе его не выдерживало подобныхъ затратъ. Библіотека у него была огромная и полная рѣдкихъ изданій

Для хорошаго коллекціонера вообще требуется немалая, если не ученость, то начитанность; но И. И. Курисъ обладалъ свѣдѣніями по исторіи и воспомогательнымъ къ ней наукамъ гораздо болѣе значительными, чѣмъ это требовалось его коллекціонированіемъ; онъ не только любилъ и зналъ свои коллекціи, посвящая имъ все свободное время, особенно въ концѣ жизни, по оставленіи службы, но можно сказать жилъ ими. Разговоръ съ нимъ обнаруживалъ такое обиліе свѣдѣній о любомъ историческомъ вопросѣ, что не всякому профессору было-бы въ пору; можетъ быть, его свѣдѣнія были слишкомъ мелочныя, но онъ учился исторіи у такихъ профессоровъ и въ такое время, когда фактическое знаніе исторіи было единственнымъ требованіемъ; зато въ этой области онъ былъ весьма силенъ. Вотъ это то страстное отношеніе И. И. Куриса къ своимъ столь разнообразнымъ коллекціямъ вмѣстѣ съ его громадною начитанностью постоянно и внушали мнѣ мысль, что изъ него выпелъ-бы крупный ученый, если-бы только его, прекрасное все-же, какъ и сказалъ, образованіе было въ молодыхъ лѣтахъ болѣе приноровлено къ серьезнымъ ученымъ занятіямъ.

Прибавлю еще, что И. И. Курисъ охотно допускалъ и другихъ лицъ знакомиться съ его богатыми коллекціями и такъ-же охотно позволялъ описывать предметы или издавать рукописи изъ имѣвшихся у него. Поэтому, хотя самъ онъ опубликовалъ не много: Снимки съ предметовъ и картинъ изъ собранія Ив. Ир. Куриса, бывшихъ на выставкѣ VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ 1884 года. Од. 1886 г. (Прекрасное изданіе, напечатанное въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ экземпляровъ для раздачи знакомымъ и въ продажу не поступившее) и статью «Губертъ Лангэ. Мнѣніе о Россіи» («Русск. Стар.» 1885 г. № 5), а можетъ быть и еще какія-либо замѣтки; но многіе ученые, особенно мѣстные, начиная съ Н. Н. Мурзакевича, пользовались коллекціями И. И. Куриса для своихъ сочиненій, преимущественно помѣщенныхъ въ Запискахъ нашего Общества.

Упомяну еще, что автографы изъ своей коллекціи И. И. Курисъ давалъ неохотно, но, если кому-либо нужно было ими пользоваться, переснималъ точныя ихъ копіи; не любилъ онъ давать также рукописей или книгъ изъ библіотеки, гдѣ у него на видномъ мѣстѣ помѣщено было извѣстное двустишіе:

«Tel est le triste sort de tout livre prêté:
Souvent il est perdu, toujours il est gâté». —

А рядомъ чей-то плохой стихотворный русскій переводъ его.

Но у него книгами, рукописями и пр. можно было пользоваться вполнѣ свободно, при соотвѣтственной обстановкѣ, въ прекрасномъ библіотечномъ помѣщеніи, которое онъ устроилъ въ своемъ замкѣ (мавританскаго стиля) въ м. Покровскомъ, въ 60 верстахъ отъ Одессы (Одесскаго уѣзда), а также пользуясь радушнымъ гостепріимствомъ любезнаго хозяина.

Съ И. И. Курисомъ сошелъ въ могилу одинъ изъ послѣднихъ нашихъ коллекціонеровъ. Какая судьба ждетъ его собранія? Правда, они и теперь въ просвѣщенныхъ рукахъ; но все-же лучше было-бы имъ найти вѣчное пристанище гдѣ-либо не въ частномъ музеѣ или библіотекѣ. Свою коллекцію монетъ, впрочемъ, И. И. Курисъ продалъ (часть ея вошла въ собраніе нашего Общества), нѣкоторыя чрезвычайно рѣдкія гравюры принесены были въ даръ Императорской публичной библіотекѣ; другія, кажется, проданы; пожертвована и часть археологической коллекціи; но остальныя коллекціи остались, и въ томъ числѣ громадная коллекція автографовъ, гдѣ есть ненапечатанныя еще письма Гоголя, стихотворенія Жуковскаго и много подобныхъ драгоцѣнностей.

Ал. Маркевичъ.

312 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

2-го Октября 1898 г.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. Н. Юргевича*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, дѣйств. члены: *А. А. Кочубинскій*, *Х. П. Ящуржинскій*, *П. А. Ивановъ*, *А. В. Лонгиновъ*, *В. М. Истринъ*, *М. П. Истоминъ*, *Г. И. Перетятковичъ*, *Э. Р. фонъ-Штернъ*, *И. А. Линниченко*, *Л. Ф. Брунъ* и гость, проф. Кіевской Духовной Академіи *А. А. Дмитріевскій*.

Обсуждали:

I. Представленіе Совѣта объ обмѣнѣ изданіями, согласно предложенію, съ Стокгольмской Королевской Академіей Наукъ. (Die Königliche Akademie der schönen Wissenschaft, der Geschichte und Altertumskunde in Stockholm).

Постановили: войти въ обмѣнъ.

II. Отношеніе Керчъ-Еникальскаго градоначальника—о представленіи основаній, на которыхъ выдается изъ суммъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ субсидія Мелекъ-Чесменскому музею на охрану, поддержаніе кургана, а равно и на покупку древнихъ вещей.

Постановили: въ виду сдѣланнаго уже отвѣта г. Вице-президента г. Градоначальнику—принять къ свѣдѣнію.

III. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 12 іюня 1898 года за № 871, съ просьбою дать свѣдѣнія о матеріалѣ, изъ котораго сдѣланы деревянныя вещи музея.

Постановили: просить сдѣлать справки г. хранителя музея.

IV. Отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 5 сентября 1898 года за № 1426—о посылкѣ Обществу 7 терракоттъ и 54 экземпляровъ серебряныхъ турецкихъ монетъ.

Постановили: увѣдомить о полученіи монетъ и неполученіи терракоттъ.

V. Отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 18 сентября 1898 года за № 1474 о высылкѣ Обществу одной мѣдной монеты Императрицы Екатерины II, трехъ полутора-дукатовъ республики Рагузы и пятнадцати серебряныхъ восточныхъ монетъ.

Постановили: увѣдомить Коммиссію о полученіи.

VI. Заявленіе хранителя Одесскаго музея о новыхъ пріобрѣтеніяхъ:

1) Даръ отъ Императорской Археологической Коммиссіи.

54 экземпляра турецкихъ серебряныхъ монетъ (Сулеймана I и Селима I), отобранныхъ изъ клада, найденнаго въ текущемъ году въ селеніи Димитровкѣ, Аккерманскаго уѣзда, Бессарабской губерніи и кромѣ того 1 мѣдная монета Императрицы Екатерины II, три полутора-дуката республики Рагузы и пятнадцать восточныхъ серебряныхъ монетъ, найденныхъ въ с. Нерумай, Измаильскаго уѣзда, Бессарабской губ.

2) Даръ отъ чл. сотр. В. И. Штулькерца въ Аккерманѣ.

1 большая бронзовая монета императрицы Фаустины (Diva Faustina Pia), 1 мѣдная города Томи (Ad. ΚΤΙCΤΗC ΤΟΜΟC голова, Rev. ΤΟΜΕΩΝ. голова въ шлемѣ срв. Head. стр. 235. Mionnet I, стр. 361): обѣ до сихъ поръ въ нашей коллекціи не имѣлись, и двѣ мѣдныя турецкія — всѣ найдены въ Аккерманѣ.

3) Даръ отъ поч. члена *А. Л. Бертье-Делагарда*:

Монеты

Æ Пантикапея. Аполлонъ и колосъ.
Æ Керасусъ. Александръ Северъ и Геракл (очень рѣдкая).
— Амисъ. Персей и Пегасъ.
— id. id. id. (иначе).
— Фанагоріи. Діонисъ и горитъ.
— Амастріи. Эгида и Ника.
Æ Синопъ. Тихе и орелъ
— id. id. id. (иначе).
Æ Гераклеи. Максиминъ и Гигея.
— Виѳиніи. Каракалла и Аѳина (неиздана).
— Тіи. Тіи и Діонисъ (рѣдкая).
— Кіи. С. Северъ и надпись (рѣдкая).
— Никеи. Транквилина и Согласіе.
— id. М. Аврелій и Силенъ.
— id. Домиціанъ и Тихе (рѣдкая).
— Амисъ. Емиліанъ и Зевсъ (неиздана).
— Амисъ. Емиліанъ и Діонисъ (неиздана).
— id. Бальбинъ и Діонисъ (неиздана).
— Каваръ. Аполлонъ и щитъ (неиздана).
— Амасіи. Коммодъ и Тихе.

Æ id. Каракалла и жертвенникъ.
— Маркіанополь. Элагабалъ и Меза и Саропись.
— Перинеъ. Гета и Согласіе.
— Истръ. Каракалла и Тихе.
Æ Ольвія. Деметра и дельфинъ.
— id. Артемида и лукъ.

Итого 4 серебряныхъ и 21 мѣдныхъ, всѣ такія, которыхъ въ кабинетѣ не было.

Пожертвованія Ѳракійскія.

Æ Пантикапей. Голова Пана и лукъ.
— Херсонесъ. Артемида и грифонъ.
— Одиссъ. Септимій Северъ и Согласіе.
— id. id. id. и Сарапись.
— id. id. id. id.
* — Анхіалъ. Каракалла и крѣпостныя ворота.
* — Томи. Септимій Северъ и Артемида.
Æ Месемврія. Женская голова и Аѳина.
— id. Филиппъ младшій и Асклепій.
— Каллатія. Голова Аполлона и треножникъ.
— id. Алекс. Северъ и Тихе.
* — Деультъ. Юлія Мамея и Зевсъ.
* — Павталія Каракалла и фавнъ.
* — Сердика. id. и Гигея.
* — Траянополь id. и Императоръ.
* — id. id. и Императоръ скачущій.
* — Никополь на Истрѣ. Септ. Северъ и Гемъ.
* — id. id. и орелъ съ значками
* — id. Каракалла и Асклепій.
— id. Гета и Ника.
* — id. Макринъ и Геракъ.
* — id. Элагобалъ и вѣнокъ.
* — id. Плавтилла и Императоръ.
* — id. Элагабалъ и Справедливость.
* — Адріанополь. С. Северъ и Асклепій.
* — id. Каракалла и Геракъ.
* — id. id. и Гера (?).
* — id. id. и Согласіе.
* — Маркіанополь. Гордіанъ III и Асклепій.
* — id. id. и Тихе.
* — id. Александръ Северъ и Тихе.
* — id. Элагобалъ и Гера (?).
* — id. С. Северъ и Тихе.

Æ Кесарея. С. Северъ и гора Аргей.

Æ id. Двѣ неопредѣленныхъ.

* Обозначены тѣ, которыхъ у насъ не было, мелкіе варіанты.

Всего 37 штукъ.

Вещи

7 листковъ печатныхъ указовъ.

Чашка, покрытая желтой поливой (очень рѣдкая), изъ Керчи.

Три обломка надписей изъ Анапы.

Двѣ свинцовыя фигурки, изъ Ольвіи.

Одинъ мѣдный разновѣсъ, изъ Ольвіи.

Постановили: жертвователю выразить глубокую благодарность.

4) Получена въ даръ отъ германскаго подданнаго, изъ Берлина, г. Ф. Краузе этнологическая коллекція съ острова Суматры, состоящая изъ:

3 ружей

10 копьевъ,

25 кинжаловъ,

9 идоловъ,

1 книги,

разныхъ предметовъ украшенія, домашней утвари, музыкальныхъ инструментовъ и т. д.; въ общемъ больше ста двадцати предметовъ.

Постановили: выразить письменную благодарность г. Ф. Краузе въ Langkat-Bindjei, Sumatra O. K., и выбрать въ д. члены Общества, при чемъ оную баллотировку произвести сейчасъ, въ этомъ же засѣданіи. По произведенной закрытой баллотировкѣ г. *Ф. Краузе* оказался избраннымъ *единогласно*.

5) Даръ чрезъ д. чл. А. А. Кочубинскаго.

1 сентября настоящаго года землевладѣлецъ Оргѣевскаго уѣзда Бессарабской губерніи, офицеръ запаса конной артиллеріи, Викторъ Ѳеодоровичъ *Лашковъ*, вручилъ мнѣ для передачи Императорскому Обществу Исторіи и Древностей въ Одессѣ пачку документовъ (около 80) на мѣстномъ молдавскомъ языкѣ и отчасти на русскомъ и нѣмецкомъ, большая часть оригиналовъ, немногіе—копіи, изъ конца прошлаго и первыхъ двухъ десятилѣтій послѣдняго вѣка, домашняго и оффиціальнаго характера. Письмо славянское, гражданское.

Документы касаются мѣстныхъ экономическихъ отношеній резешскаго села Киперченъ, откуда родомъ самъ жертвователь, нѣкогдашнихъ судебно административныхъ порядковъ въ первые годы нашего управленія Бессарабіей, въ Оргѣевскомъ цинутѣ, и имѣютъ потому извѣстный мѣстный историко-бытовой интересъ. Копіи—грамоты XVI, XVII столѣтій.

Постановили: передать въ музей Общества, а жертвователя, г. Лашкова, благодарить.

6) Куплены хранителемъ музея а) монеты: 1 серебряный рубль императрицы Елисаветы 1761 года, одна 5-zlote и одна 2-zlote. Pol., чеканенныя въ 1837 году; б) другіе предметы: пять гипсовыхъ украшеній древнихъ гробовъ, 1 чаша съ рельефнымъ украшеніемъ (римской эпохи).

VI. Отношеніе Департамента таможенныхъ сборовъ — о пропускѣ безпошлинно въ музей Общества коллекціи г. Краузе.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

VII. Заявленіе секретаря о вновь поступившихъ книгахъ:

1) Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, томъ IX, выпуски первый и второй. Новая серія. Труды отдѣленія славянской и русской археологіи, С.-Петербургъ, 1897 г.

2) Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, Т. IX, выпуски третій и четвертый. Новая серія. Труды отдѣленія археологіи древнеклассической, византійской и западно-европейской, книга вторая, 1896 г. съ 3 таблицами и 65 рисунками въ текстѣ, С.-Петербургъ, 1897 г.

3) Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. X, выпуски I и II. Новая серія. Труды отдѣленія славянской и русской археологіи, книга III, С.-Петербургъ, 1898 г.

4) Записки восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. X, выпуски I—IV, С.-Петербургъ, 1897 г.

5) Извѣстія Императорскаго Томскаго Университета, кн. XIII. Томскъ, 1898 г.

6) Варшавскія Университетскія Извѣстія 1898, кн. IV и V, Варшава.

11) Византійскій Временникъ, Томъ IV (1897 г.), выпуски III и IV; Т. V (1898 г.), выпуски I и II.

12) Записки Крымскаго горнаго клуба въ г. Одессѣ 1898 г. №№ 5, 6, 7 и 8.

8) Отъ д. чл. *В. М. Истрина.* Греческіе списки Завѣщанія Соломона, Одесса, 1898 г.

9)—Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи. Выпускъ I, С.-Петербургъ, 1897 г., выпускъ II, 1898 г.

10)—Хронографы въ русской литературѣ. Вступительная лекція въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ, 16 сентября 1897 г., С.-Петербургъ, 1898 г.

24)—Апокрифъ объ Іосифѣ и Асенефѣ, Москва, 1898 г.

14) Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора въ азбучномъ порядкѣ расположенное, Павла Саввaитова, С.-Петербургъ, 1896 г.

15) *В. В. Латышевъ.* Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи съ 13 таблицами, С.-Петербургъ, 1896 г.

15) Записки Историко-филологическаго Факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, ч. XLVI. *Б. Тураевъ*, Богъ Тотъ. Опытъ изслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры. Лейпцигъ, 1898 г.

16) Записки Историко-филологическаго Факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Часть XLVII. *А. К. Бороздинъ*, Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ. С.-Петербургъ, 1898 г.

17) Труды восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. XXII, С.-Петербургъ 1898 г.

18) Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Т. III, № 1. Отчетъ о тридцать восьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова, С.-Петербургъ, 1898 г.

19) XVI-ый общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ Таврической губ. Севастопольскаго и Керченскаго градоначальствъ за 1897 годъ. Бердянскъ 1898 г.

20) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. VIII № 4 Апрѣль, № 5 Май и томъ IX № 1 Іюнь, С.-Петербургъ, 1898 г.

21) Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, томъ XIV, вып. IV, Казань 1898 г.

22) Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XXXIII (1897), вып. V и XXIV, вып. I и II. С.-Петербургъ, 1898 г.

23) Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію, томъ I, № 6. Память и Похвала Князю Владиміру и его житіе, издалъ В. И. Срезневскій, С.-Петербургъ, 1897 г.

25) Отъ д. чл. *Н. Е. Бранденбурга*. Старая Ладога. Юбилейное изданіе Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. С.-Петербургъ, 1896 г.

26) Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета годъ 6-й № 1, 2, 3. Юрьевъ, 1898 г.

27) Записки Императорской Академіи Наукъ, т. I, № 7. Часословъ Эѳіопской Церкви. *Б. Тураевъ*. С.-Петербургъ, 1897 г.

28) Записки Императорской Академіи Наукъ, т. II, № 2. *С. Г. Рыбаковъ*, Музыка и пѣсни Уральскихъ мусульманъ. С.-Петербургъ, 1898 г.

30) Отчетъ о шестомъ присужденіи наградъ Академіею Наукъ преміи митрополита Макарія въ 1895 году, С.-Петербургъ, 1897 г.

31) Записки Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. IV, вып. I и II, Хабаровскъ 1898 г.

32) Записки Наукового Товариства Імени Шевченка, т. XXIII и XXIV. кн. III і IV, 1898 г.

33) Записки Западно Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, книга XXIII. Омскъ, 1898 г.

34) Записки состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Николаевича Уральскаго Общества Любителей Естествознанія, т. XX, вып. I, Екатеринбургъ, 1898 г.

35) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, годъ LXV, кн. 5 и 6, 7 и 8 и 9. Казань, 1898 г.

36) Сборникъ матеріаловъ станицъ Кубанскаго казачьяго войска, томъ IV.

37) Отъ д ч. *Е. К. Рѣдина.* Ѳ. И. Буслаевъ, обзоръ трудовъ его по исторіи и археологіи искусства. Харьковъ, 1898 г.

38) Систематическій указатель книгъ и статей по греческой филологіи, напечатанныхъ въ Россіи съ XVII столѣтія по 1892 г. на русскомъ и иностранномъ языкахъ съ прибавленіемъ 1893, 1894 и 1895. Составилъ *Прозоровъ*, С.-Петербургъ, 1898 г.

39) Отъ *Д. Н. Анучина.* Каменный вѣкъ и доисторическое населеніе Египта по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. (Оттискъ) Москва, 1898 г.

41) Извѣстія Таврической ученой архивной коммиссіи, № 28, годъ XII, Симферополь, 1898 г.

43) Жерела до исторіі Украіни-Руси видалъ Археографічна Комісия Наукового Товариства імени Шевченка, томъ IV, у Львові, 1898 г.

44) Труды Рязанской ученой архивной коммиссіи. Рязань, 1898 г.

45) Этнографическое Обозрѣніе, т. XXXIII, кн. 1, 2 .Москва, 1898 г.

46) Указатель къ Этнографическому Обозрѣнію. Кн. XVI—XXXI. (1893—1896 гг.), сост. Г. И. Куликовскій, Москва, 1898 г.

47) Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1897 г. Москва 1898 г.

48) Отчетъ Александровской Публичной Библіотеки въ г. Самарѣ Самарскаго Публичнаго Музея и Зала Императора Александра II за 1897 г. Самара 1898 г.

49) Указатель предметовъ, хранящихся въ Самарскомъ Публичномъ Музеѣ. *Н. М. Ѳедоровъ.* Самара, 1898 г.

51) Отъ д. чл. *Х. В. и К. В. Шкорпиловъ*: Паметници изъ Българско. Могили отъ Х. и К. Шкорпилъ, Пловдивъ, 1898 г.

52) Паметници изъ Българско. Паметници на гр. Одессосъ-Варна.

53) Отъ *С. К. Кузнецова* Г. І. Оссовскій, біографическій очеркъ (8 ноября 1835 г.—16 апрѣля 1897 г.), сост. *С. К. Кузнецовымъ*, Варшава, 1898 г.

54) Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіею, № 20. Курганы С.-Петербургской губерніи въ раскопкахъ Л. К. Ивановскаго, обработалъ *А. Спицынъ*. С.-Петербургъ, 1898 г.

55) Древности. Труды Археологической Коммиссіи Императорскаго Археологическаго Общества, изд. М. В. Довнаръ-Запольскимъ, т. I, вып. I Москва, 1898 г.

56) Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ *Ю. Б. Иверсена*, т. III. С.-Петербургъ, 1896 г.

57) Памятныя книжки и адресъ-календари Уральской области на 1897 и 1898 г. Саратовъ, 1897 и 1898 г.

58) Личный составъ Императорскаго Юрьевскаго Университета къ 10 октября 1897 г. Юрьевъ, 1897 г.

59) Обозрѣніе лекцій въ Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 1897 и 1898, I—II семестры, Юрьевъ, 1898 г.

60) Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею и общественной библіотекѣ за 1897 годъ. Минусинскъ, 1898 г.

61) Чтенія о святой землѣ. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. IX—XVI. Протоіерея *В. С. Соловьева*. Ветхій Завѣтъ. С.-Петербургъ, 1897 г.

62) Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества за іюнь и августъ 1898 г. С.-Петербургъ, 1898 г.

Постановили: передать въ библіотеку.

VIII. Заявленіе казначея Общества:

Поступило за проданные томы Записокъ 32 р. 70 к.; отъ Русскаго Общества пароходства и торговли 150 р.; отъ гл. сотр. В. И. Штулькерца по эксплоатаціи Аккерманской крѣпости 80 р. 50 к.; за проданныя экземпляры изданія терракоттъ 9 р.; пособіе отъ казны за май и сентябрь 1666 р. 67 к.; членскихъ взносовъ: отъ П. А. Мавродордато 5 р.; И. И. Дмитренко 10 р.; Ю. А. Кулаковскаго 5 р.; отъ Мавродордато за дипломъ 10 р. Итого 1968 р. 87 коп.

IX. Доклады *д. чл. проф. Э. Р. фонъ-Штерна*:

1) О содержаніи раскопанной въ 1896 году на Глинищѣ въ Керчи могилы и о научномъ значеніи сдѣланныхъ тамъ находокъ.

Постановили: печатать въ XXI томѣ Записокъ.

2) Кромѣ того проф. Э. Р. Фонъ-Штернъ сообщилъ слѣдующія археологическія замѣтки:

«Не только въ мѣстныхъ газетахъ, но и въ ученомъ журналѣ, въ «Археологическихъ Извѣстіяхъ», издаваемыхъ подъ редакціею проф. Анучина и Кирпичникова (1898 № 7/8), появилась замѣтка о важныхъ археологическихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ будто-бы г. Кибальчичемъ здѣсь на югѣ Россіи. То обстоятельство, что объ этихъ открытіяхъ сообщается на столбцахъ научнаго журнала, и только это, заставляетъ меня здѣсь касаться этого сообщенія. Въ «Археологическихъ Извѣстіяхъ» мы читаемъ, что г. Кибальчичъ, между прочимъ, открылъ въ «обвалѣ стѣны Аккерманской крѣпости скелетъ, украшенный золотымъ вѣнкомъ, перстнемъ и т. д., и что по стилю работы этихъ предметовъ эту находку слѣдуетъ отнести къ первому вѣку. Хотя на первый взглядъ не ясно, какъ «въ обвалѣ» построенной генуэзцами крѣпости возможно предполагать открытіе скелета I вѣка, однако возможно было подумать, что на территоріи крѣпости или на близко къ ней прилегающихъ участкахъ были произведены раскопки, давшія вышеупомянутый замѣчательный результатъ. Такъ какъ Аккерманская крѣпость передана въ вѣдѣніе нашего Общества, то извѣстіе объ этомъ открытіи, конечно, меня сильно заинтересовало: помимо его научнаго значенія вопросъ о томъ, какъ, безъ нашего вѣдома, могли быть сдѣланы раскопки на принадлежащей намъ территоріи, требовалъ разъясненія. Во исполненіе порученія совѣта Общества представить докладъ о предполагаемыхъ мѣрахъ для охраненія и эксплоатаціи крѣпости, я 17 сентября отправился въ Аккерманъ и, пользуясь этимъ случаемъ, старался собрать данныя и относительно открытія г. Кибальчича. Справки, наведенныя у г. завѣдывающаго крѣпостью и у г. полиціймейстера города Аккермана, равно какъ и осмотръ крѣпостной территоріи и прилегающихъ къ ней участковъ привели меня къ несомнѣнному убѣжденію, что ни въ крѣпости, ни въ ея окрестностяхъ не было произведено раскопокъ и что объ этомъ мнимомъ открытіи г. Кибальчича въ Аккерманѣ никто ничего не знаетъ. Однако дыма не бываетъ безъ огня, а потому надо полагать, что сообщеніе г. Кибальчича всетаки основано на какихъ-нибудь фактическихъ данныхъ. По любезному сообщенію проф. А. А. Кочубинскаго, д. чл. Общества, далеко внѣ города, въ одномъ изъ Аккерманскихъ виноградниковъ лѣтъ 10 тому назадъ былъ найденъ склепъ *римскихъ времена* съ богатымъ содержаніемъ. Открытые въ немъ предметы перешли будто-бы во владѣніе какого-то аккерманскаго жителя; ихъ видѣть г. А. А. Кочубинскому, однако, не удалось, несмотря на то, что было ему обѣщано ихъ показать. Потомъ, три или четыре года тому назадъ распространилось извѣстіе объ открытіи *недалеко отъ крѣпости*, въ скалѣ у пристани, могилы, которую по ея содержанію нашедшій ее считалъ склепомъ христіанскаго епископа. Гдѣ остались найденные тогда предметы не удалось установить. Вотъ изъ соединенія этихъ двухъ извѣстій

и возникло позже третье о недавнемъ открытіи г. Кибильчичемъ римскаго склепа въ обвалѣ стѣны Аккерманской крѣпости.

Что касается другого, не менѣе замѣчательнаго пріобрѣтенія г. Кибальчича въ Очаковѣ, — золотой ольвійской монеты, которой до сихъ поръ имѣется только одинъ экземпляръ въ Cabinet des Médailles въ Парижѣ, то могу сообщить, что я эту монету видѣлъ весной текущаго года: мнѣ ее показывала госпожа Фогель изъ Николаева, и я, къ ея сожалѣнію, долженъ былъ сообщить ей, что монета поддѣльная.

Чтобы, однако, не останавливать Вашего вниманія на одной отрицательной сторонѣ археологіи, позволю себѣ въ заключеніе коснуться одного, весьма интереснаго, положительнаго сообщенія изъ области нашихъ южно-русскихъ древностей. Въ «Verhandlungen der Berliner Gesellschaft der Anthropologie (1898, стр. 144) читалъ 19 марта г. Ф. Р. Мартинъ докладъ «О мастерской бронзоваго вѣка въ окрестностяхъ Одессы» (Ueber einen bronzezeitlichen Werkstattfund aus der Umgegend von Odessa). Эта мастерская найдена въ 1856 году въ деревнѣ на Тилигульскомъ лиманѣ и содержала 4 кельта, 1 топоръ, 21 серпъ, 4 формы для отливки кельтовъ и серповъ. Къ короткой замѣткѣ г. Мартина приложено 12 рисунковъ, сдѣланныхъ по фотографическимъ снимкамъ. Сообщаю объ этомъ важномъ, должно быть давно извѣстномъ открытіи, на которое обратилъ мое вниманіе д. чл. проф. Гаусманъ, отчасти съ цѣлью получить о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Я лично не могъ найти въ матеріалахъ нашего Общества ничего, касающагося этой находки, но надѣюсь, что наши русскіе археологи, занимающіеся болѣе спеціально изученіемъ періода бронзоваго вѣка, не откажутся подѣлиться съ нашимъ Обществомъ своими знаніями относительно вопроса, который такъ близко касается нашихъ интересовъ.

X. Докладъ д. чл. проф. *И. А. Линниченка*: «Археологическія изслѣдованія лѣтомъ 1898 года».

Лѣтомъ нынѣшняго 1898 г. мною были произведены археологическія изслѣдованія въ двухъ пунктахъ: въ Кіевской губ., у мѣст. Триполья, и въ Роменскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., у с. Волковцы и Великія Будки.

Изслѣдованія мои въ Кіевской губ. имѣли характеръ случайный. Цѣлью моей поѣздки въ м. Триполье было ознакомленіе съ открытыми здѣсь г. Хвойко крайне любопытными въ археологическомъ отношеніи культурными площадками (о нихъ см. мой докладъ въ протоколахъ Одес. Общ. Исторіи и Древн. февраль 1898 г.).

Въ виду незаконченности еще изслѣдованій г. Хвойко, считаю преждевременнымъ высказывать здѣсь тѣ новыя соображенія, на которыя наводятъ изслѣдованія этого лѣта въ той же области, но не могу не упомянуть о двухъ очень важныхъ находкахъ на одной изъ площадокъ: глинянаго сосуда, наполненнаго нѣсколькими десятками кремневыхъ серповъ (часть

послѣднихъ, не помѣстившаяся въ сосудѣ, окружала его кольцемъ снаружи) и другаго сосуда, наполненнаго крупно-зернистой пшеницей. Этими находками точно устанавливается эпоха данныхъ сооруженій (каменный вѣкъ) и степень культуры ихъ обитателей (бытъ земледѣльческій).

Воспользовавшись нѣсколькодневнымъ пребываніемъ въ м. Трипольи, я, совмѣстно съ В. В. Хвойко, произвелъ въ окрестностяхъ мѣстечка раскопку нѣсколькихъ кургановъ, при чемъ обнаружилось, что каждый почти изъ изслѣдованныхъ кургановъ принадлежалъ къ разному похоронному типу. Въ двухъ курганахъ оказались крашенные костяки: скелетъ въ одномъ изъ нихъ лежалъ навзничь, руки вдоль туловища, нѣсколько согнутыя къ бедрамъ, приподнятыя ноги согнуты въ колѣнахъ, причемъ правая нога заложена на лѣвую; окрашенными оказались только ступни ногъ; никакихъ предметовъ при костякѣ не оказалось; сохранность костяка превосходная.

Въ другомъ изъ раскопанныхъ кургановъ оказалось два плохо сохранившихся костяка съ крашенными черепами; предметовъ точно также никакихъ.

Въ третьемъ курганѣ оказалось погребеніе съ конемъ. На глубинѣ около $^1/_2$ арш. отъ поверхности кургана лежалъ костякъ; правая его сторона была сдвинута съ мѣста, вѣроятно задѣтая плугомъ; у кисти лѣвой руки желѣзное стремя, подлѣ него голова и ноги лошади. У ногъ костяка другой черепъ и подлѣ него голова и ноги другой лошади. Въ раскопанномъ до подошвы курганѣ ничего болѣе не оказалось.

Наконецъ, въ одномъ курганѣ оказались слѣды деревяннаго склепа и желѣзный небольшой ножикъ при костякѣ.

Если характеръ моихъ изслѣдованій въ Кіевской губ. чисто случайный, то раскопки въ Полтавской губ. явились продолженіемъ изслѣдованій въ этой мѣстности, произведенныхъ въ разное время В. Б. Антоновичемъ, Д. Я. Самоквасовымъ, С. А. Мазараки и мною.

Группы кургановъ у с. Великія Будки и Волковцы представляютъ значительную аналогію и по внѣшнему виду, и по внутреннему содержанію съ сосѣдней группой кургановъ Аксютинскихъ, уже хорошо извѣстныхъ археологамъ, благодаря раскопкамъ С. А. Мазараки и Д. Я. Самоквасова. И здѣсь на одной площади расположена компактная группа могильныхъ насыпей съ центральнымъ курганомъ весьма крупныхъ размѣровъ, окруженнымъ цѣпью болѣе мелкихъ. Отличіе этихъ группъ отъ группы Аксютинской состоитъ прежде всего въ наличности вала, окружающаго отдѣльную группу. Валъ этотъ, какъ напр. окружающій группу кургановъ у с. Великія Будки, поражаетъ иногда своей мощностью—его легко принять съ перваго взгляда за довольно внушительныхъ размѣровъ курганъ (валомъ кружены обѣ группы—с. Великія Будки и Волковцы). По-за границами вала находятся также курганы, но любопытно, что внутреннее устройство

могильныхъ насыпей разное: курганы, лежащіе за валомъ, ближе къ Аксютинской группѣ, окруженные валомъ насыпи имѣютъ любопытныя черты отличія.

Раскопки были начаты въ курганной группѣ дачи с. Волковецъ (Коровинской волости), на землѣ козака Козы. Здѣсь на высокомъ нагорномъ берегу р. Сулы на одной площади находится группа кургановъ, числомъ около 50.

Въ центрѣ группы весьма значительныхъ размѣровъ курганъ (аршинъ 20 по склону) съ крестообразно перерѣзанной вершиной (слѣды начатой и неоконченной попытки мѣстной помѣщицы раскопать могилу). Большой курганъ окруженъ нѣсколькими меньшими (арш. по 10 отвѣсной высоты) и десятками теряющихся въ полѣ распаханными небольшими курганами. Часть кургановъ этой группы скрывается въ окружающей это поле рощѣ; въ послѣдней на ряду съ мелкими курганами находится и одинъ очень крупныхъ размѣровъ, не уступающій по величинѣ центральной могилѣ полевой группы (курганное поле недавно еще было покрыто лѣсомъ—отдѣльныя деревья высятся еще и теперь на вершинахъ болѣе крупныхъ кургановъ, не отошедшихъ подъ пашню). Въ виду того обстоятельства, что большинство кургановъ этой мѣстности оказались ограбленными, мы начали наши раскопки съ небольшихъ насыпей, въ разсчетѣ приступить къ раскопкѣ крупныхъ только при условіи цѣльности внутренняго содержанія могилъ этой группы. Практика прежнихъ лѣтъ убѣдила насъ, что грабители, найдя цѣнныя вещи въ какомъ-либо курганѣ одной группы, не оставляли нетронутымъ ни одного кургана и во всякомъ случаѣ сосредоточивали свои грабительскія попытки на насыпяхъ болѣе крупныхъ, дававшихъ обильную жатву. Грабительскія раскопки удавались однако только при условіи подземныхъ могильныхъ камеръ—воронкообразнымъ углубленіемъ отъ подошвы кургана грабитель легко проникалъ въ деревянные могильные склепы (характерныя черты внутренняго устройства могилъ этой мѣстности) и легко тамъ хозяйничалъ. Этотъ способъ раскопки оказывался однако непригоднымъ относительно кургановъ съ поверхностнымъ погребеніемъ, и въ послѣднихъ насыпяхъ камеры оказывались обыкновенно нетронутыми. Произведенная лѣтомъ 1897 г. пробная раскопка одного изъ кургановъ этой группы (С. А. Мазараки) давало надежду найти внутренность могилъ нетронутою грабителями.

Однако первый изъ раскопанныхъ нами кургановъ (выс. ок. $1^1/_2$ а. окр. у подошвы 30 шаговъ) далъ въ этомъ отношеніи результаты отрицательные. На уровнѣ земли оказалась неглубокая яма (въ $^1/_2$ арш. гл.), кости скелета лежали въ ямѣ въ безпорядкѣ—голова на N, лицемъ на S, правая рука вдоль туловища, кусокъ таза на мѣстѣ, остальная его часть вмѣстѣ съ частью лѣвой руки у головы. По всей вѣроятности курганъ этотъ былъ ограбленъ (при костякѣ предметовъ никакихъ не оказалось).

Такіе же отрицательные результаты далъ и второй раскопанный курганъ (выс. 2 арш.); въ насыпи кургана были остатки углей, количество которыхъ увеличивалось по мѣрѣ приближенія къ уровню земли. Нѣсколько выше уровня могильной ямы въ юго вост. сторонѣ кургана найдены были 2 бусины, одна мелкая стеклянная, одна янтарная, кусокъ желѣзнаго гвоздя, черепокъ сосуда, человѣческіе позвонки; на уровнѣ могилы часть человѣческой ноги. Могильная яма почти квадратная (ок. 3 арш. дл. и 3 арш. шир., 1 арш. глубины); въ сѣверномъ ея углу разбросаны куски черепа, реберъ, черепки сосуда. Въ юго-вост. углу рогъ козы и желѣзный ножикъ. Въ юго-зап углу куски разбитаго горшка окрашеннаго въ черный цвѣтъ со слѣдами пристывшей къ нему красной краски (румяна) и кусокъ бѣлилъ. Въ юго-зап. углу слѣды подкопа.

Мало утѣшительнаго далъ и третій раскопанный курганъ (выс. 4 арш., окр. у подошвы ок. 80 шаговъ, распаханъ, хотя сохранилъ довольно острую форму). Могильная яма вырыта была въ землѣ до уровня желтой глины, дно ея выжжено, глубина ямы ок. 2 м., длина 3 м., шир. 2 м. Въ сѣв. вост. углу глиняный сосудъ, рядомъ съ нимъ по вост. сторонѣ кости животныя и желѣзный ножъ, ближе къ срединѣ могилы куски костей (животныхъ?), костяныя усики отъ удилъ, въ юго-вост углу желѣзныя удила и такіе же костяные усики отъ удилъ, въ юго-зап. углу желѣзное копье, ближе къ зап. сторонѣ могилы куски человѣческой ноги очень сильно разложившіеся и два человѣческіе зуба.

Неудача пробныхъ раскопокъ не остановила однако нашихъ разслѣдованій, и мы рѣшили для окончательнаго опредѣленія степени сохранности даннаго могильника приступить къ раскопкѣ одного изъ кургановъ средней величины; для изслѣдованія мы избрали находившійся у лѣса курганъ довольно значительныхъ размѣровъ (выс. ок. 11 арш., окр. у основанія ок. 100 шаговъ). Въ виду случаевъ нахожденія въ болѣе крупныхъ курганахъ скиѳскаго типа боковыхъ камеръ, (на что намекаютъ и запавшіе въ недавнее время бока болѣе крупныхъ могилъ, раскопанныхъ разными изслѣдователями въ Аксютинской группѣ) мы начали раскапывать данный курганъ по способу, предложенному намъ В. В. Хвойко: въ насыпи дѣлается крестообразная яма, съуживающаяся постепенно однимъ или нѣсколькими, (смотря по высотѣ кургана) уступами на противоположныхъ по діагонали концахъ креста. При такомъ способѣ раскопки всегда можно захватить боковыя камеры, а уступы служатъ упорами, сдерживающими стѣнки насыпи и т. о. предохраняютъ отъ возможныхъ въ высокихъ насыпяхъ обваловъ.

На глубинѣ 2 м. 40 с. показались слѣды деревяннаго склепа, куски пережженнаго дерева, смѣшаннаго съ углями и известью. На глубинѣ около 3 м. обнаружилось погребеніе. Бока и верхъ склепа въ насыпи

кургана были обложены деревомъ, дно покрыто рѣчнымъ утрамбованнымъ глеемъ. Размѣры склепа 5 ар шир., 7 а. длины, направленіе NS. Въ могилѣ два женскихъ костяка, лежавшихъ рядомъ, головою на S, лицомъ на N, ноги и руки вытянуты. Кости скелетовъ очень плохой сохранности. Возлѣ ушей каждаго костяка по золотой серьгѣ—у скелета, лежавшаго ближе къ зап. стѣнкѣ, серьги непарныя (одна конусообразная, подобная найденной Д. Я. Самоквасовымъ въ одномъ изъ Аксютинскихъ кургановъ, другая формы триремы, или казацкой трубки-люльки, подобная найденной И. Е. Забѣлинымъ въ Чертомлыцкомъ курганѣ), у другого костяка парныя (формы конусообразной); между головами обоихъ скелетовъ еще пара золотыхъ серегъ конусообразной формы. У шеи и на грудной клѣткѣ вост. костяка ожерелье изъ крупныхъ бусъ—16 бусъ изъ *сердолика*, 8 изъ разновидности сердолика, называемой *карнеоломомъ*, 6 бусъ разнообразной формы изъ горнаго хрусталя, 4 бусы изъ *халцедона*, 1 изъ *оникса*, 1 изъ слабо обожженной глины, 6 бусъ, выточенныхъ изъ бураго угля, и 9 бусъ искусственнаго производства [1]); на ногахъ вост. костяка бронзовые браслеты, на рукахъ браслеты желѣзные, обтянутые золотомъ со слѣдами орнамента, выдавленнаго по золоту. Съ правой стороны скелета бронзовый конусъ очень плохой отливки, у основанія 26 дырочекъ, и тутъ же 26 бронзовыхъ колокольчиковъ съ желѣзными язычками, очевидно висѣвшими подъ конусомъ (вся эта фигура очевидно представляетъ какой то знакъ власти [2]). Тутъ-же два бронзовыхъ орнаментированныхъ лошадиныхъ налобника, бронзовыя бляхи отъ конскаго убора, желѣзныя удила съ бронзовыми крупными усиками; у правой ноги большой разбитый глиняный сосудъ съ двумя ручками, съ лѣвой стороны у таза бронзовое зеркало съ бронзовой ручкой. У втораго скелета на шеѣ ожерелье изъ мелкихъ золотыхъ бусъ, золотыхъ привѣсокъ и крупныхъ золотыхъ съ проволочнымъ орнаментомъ луницъ; на уровнѣ груди нѣсколько золотыхъ бляшекъ; у лѣвой стороны терракоттовый небольшой сосудъ, на ногахъ бронзовые браслеты, на уровнѣ таза костяная ручка съ вставленнымъ въ нее кускомъ желѣза, между обоими скелетами на уровнѣ таза нѣсколько бронзовыхъ шпилекъ.

Къ сѣв. сторонѣ склепа примыкалъ другой склепъ on. 1 арш. глубины (отъ уровня перваго склепа), $6^1/_2$ арш. длины и $1^3/_4$ арш. ширины, составлявшій т. о. вмѣстѣ съ верхней могилой фигуру буквы Т.

Второй склепъ былъ густо обложенъ деревомъ. Въ зап. сторонѣ склепа оказалась большая остродонная амфора съ двумя ручками, бронзовое зеркало

---

[1]) Опредѣленіемъ минералогическаго состава ожерелья мы обязаны проф. Р. А. Пренделю.

[2]) Колокольчики и конусъ не находились однако рядомъ, а были раздѣлены конской сбруей.

глиняный кувшинчикъ, два бронзовые лошадиные налобника (не орнаментированные), два терракотовыхъ сосуда. Подъ первымъ могильнымъ склепомъ оказался еще склепъ ок. 3 арш. глубиною, а въ немъ на W сторонѣ два большихъ разбитыхъ сосуда—одинъ формы миски, другой формы малорусской макотры (послѣдній у горлышка орнаментированъ вертикально идущими рельефными полосками) и двое желѣзныхъ удилъ съ желѣзными усиками. Наконецъ на поверхности земли обнаружилась еще могильная яма, въ сѣв.-зап. ея сторонѣ лежали въ безпорядкѣ кости (всего половина скелета отъ таза до ногъ, правая нога составляла прямой почти уголъ съ тазомъ, голень прямой уголъ съ бедромъ, лѣвая нога согнута въ колѣнѣ, у лѣвой ноги желѣзный кинжалъ съ ручкой, крупная костяная орнаментированная бляха отъ пояса, небольшія бронзовыя украшенія пояса (одно изображавшее лошадиную голову—въ сквозномъ отверстіи фигурки остатки кожи, кусокъ деревяннаго колчана съ нѣсколькими стрѣлками (нѣсколько бронзовыхъ, 1 желѣзная, 1 костяная); въ юго-западн. углу могилы плохо сохранившійся черепъ пожилаго субъекта, повидимому женскаго пола, судя по найденной у одного уха золотой серьгѣ конусообразной формы (подобной найденнымъ въ верхней могилѣ). На днѣ могилы съ W на O оказалась небольшая ($^1/_4$ арш. шир. и $^1/_4$ глуб.) канавка, а въ ней нѣсколько костяныхъ украшеній пояса (выдѣланы изъ костей дикой кошки или рыси), у вост. стѣнки ямы остатки животныхъ костей; желѣзный ножъ.

Въ сѣв.-зап. углу ямы слѣды подкопа, а въ немъ куски человѣческихъ костей. Мы имѣемъ т. о. въ описанномъ курганѣ погребеніе въ нѣсколько ярусовъ—главная могила въ насыпи кургана — такое помѣщеніе склепа и спасло его отъ разграбленія; грабители могли проникнуть только въ подземную могилу, — о существованіи верхней они не подозрѣвали, и поэтому то верхнее погребеніе оказалось въ полномъ порядкѣ. Вѣроятно, оба погребенія имѣютъ связь — если позволено нѣсколько пуститься въ область предположеній, то, по нашему мнѣнію, въ нижней могилѣ были погребены тѣлохранитель и женская прислуга погребенныхъ въ насыпи знатныхъ женщинъ.

Въ той-же группѣ С А. Мазараки былъ раскопанъ одинъ курганъ средней величины (7—8 арш. отвѣсной высоты). Раскопка дала слѣдующій результатъ. Въ грунтѣ (желтой глинѣ) оказалась яма арш. 3 дл., $2^1/_2$ шир., выс. $1^1/_2$, гл. направленіе NS. У южной стороны могильнаго склепа (яма наполнена обугленнымъ деревомъ, глиняное дно ея также было устлано деревомъ, горшокъ грубой работы съ носикомъ; въ юго-вост. углу два желѣзныхъ копья, у зап. стѣнки сброшенныя въ кучу человѣческія кости; у костей нѣсколько бронзовыхъ пластинокъ панцыря; ближе къ восточной стѣнкѣ желѣзное копье; у сѣв.-зап стѣнки колчанъ съ бронзовыми стрѣлками, бронзовая трубочка (формы горлышка сосуда), у NW угла человѣ-

ческое бедро и кости животнаго (свиньи), у NO стѣнки желѣзное кольцо отъ удила, въ сѣв. вост. углу кусокъ черепа человѣческаго.

Выше дна могилы въ юго-вост. углу желѣзныя удила, два желѣзныхъ копья, колчанъ съ бронзовыми стрѣлками, украшенный 9 золотыми пластинками съ изображеніемъ крылатаго льва, остатки желѣзной брони куски какого-то небольшаго серебрянаго сосуда.

Очевидно, могила эта была ограблена.

Въ группѣ у с. Великія Будки нами было раскопано два небольшихъ кургана. Первый высотою $1^1/_2$ арш., окр. ок. 50 шаговъ. Насыпь кургана состояла изъ чернозема, обильно перемѣшаннаго съ дубовыми угольями и пережженной глиной. На глубинѣ 1 арш. человѣческія кости сильно пережженныя; костякъ лежалъ въ напр. NS. Черепъ раздавленъ (лицемъ на S). На южной сторонѣ могилы небольшой горшокъ и другой крупныхъ размѣровъ, но раздавленный землею.

Другой курганъ сильно распаханъ. выс. ок. 1 арш. Въ грунтѣ яма 3 арш. дл., 2 а. шир. На глуб. $^3/_4$ арш. яма сокращена уступомъ до 2 арш. длины. Выше уровня могилы нашлась серебряная шпилька.— Могильная яма оказалась пустою

Обстоятельства не позволили намъ продолжать нашихъ изслѣдованій, а окончаніе ихъ мы отложили до лѣта 1899 г.

XI. Докладъ д. чл. *К. В. Шкорпила*: «Древнія надписи, найденныя въ Болгаріи»[1]).

№ 13.

На мѣстѣ древняго Марціанополя найдена большая надгробная плита изъ известняка. Сверху украшена двумя акротеріями и фронтономъ со щитомъ и стрѣлою въ серединѣ. Подъ фронтономъ находится четыреугольникъ (шир. 0,63 м, выс. 0,235), посреди котораго высѣченъ бюстъ съ вьющимися внизу волосами. Еще ниже въ четыреугольномъ углубленіи, окаймленномъ рамою (шир. 0,092 м.), тщательно вырѣзана греческая надпись римскихъ временъ на полѣ, имѣющемъ въ вышину 0,425 м. и въ вышину 0,74 м. Обѣ боковыя стороны надгробія украшены виноградными лозами, выходящими изъ сосудовъ. Нижняя часть памятника срѣзана по краямъ и украшена рельефнымъ изображеніемъ сосуда и двухъ листьевъ по сторонамъ: это, кажется, противорѣчитъ общепринятому мнѣнію, будто эта срѣзанная часть надгробія предназначалась для втыканія въ землю или въ постаментъ.

---

[1]) Продолженіе. См. протоколы Общества №№ 291, 296, 305 и 307.

Памятникъ находится теперь во дворѣ одного поселянина дер. Девны и въ скоромъ времени будетъ перевезенъ въ гор. Софію.

Надпись состоитъ изъ слѣдующихъ 18 строкъ:

Σοί, Ἀστρα-
π(ε)ία Π(οπλίου) ἀρ-
(ε)ίφρον, δμ-
ο ζ υγ[ία]ς
[ἐ]ρατεινῆς
μάρτυρες
καὶ στοργῆς·
ἵδρυσα τόν-
δ[ε] λ(ε)ίθον
Β(ε)ικτορῖ(νι)-
νος ἀπὸ πρ-
[αι] ποσίτων
συ[ν]ζήσας ἔ-
τη κε' μνη-
μοσύνης
στήλη[ν] κατὰ δά-
κρυα· χ[αί]ρετε
παροδῖτ[αι].

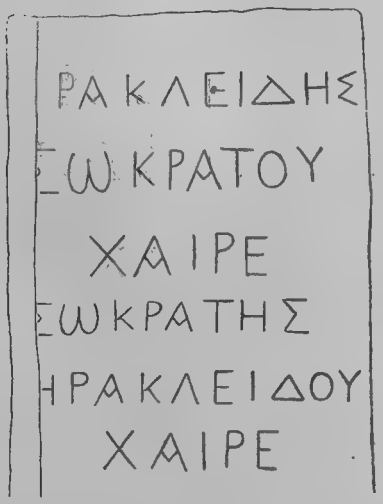
Собственное имя Ἀστραπία, происшедшее отъ прилагательнаго ἀστράπος (см. B. Suhle und M. Schneidewin, Griechisch-deutsches Handwörterbuch. Leipzig 1875, стр. 205 s. v.), встрѣчается въ первый разъ: его нѣтъ ни

у Папе-Бензелера, ни у Бехтеля Фика. Ἀπὸ πραιποσίτων соотвѣтствуетъ обычному въ римскихъ надписяхъ ex praepositis (см. H. Skorpil, Antike Inschriften aus Bulgarien въ вѣнскомъ журналѣ Archäologisch-epigraphische Mittheilungen, т. XVII, стр. 214, № 113; срв. также Forcellini, Lexicon. Patavii 1871 s. v. praepositus).

Всѣ археографическія особенности нашей надписи представляютъ весьма обычное въ эпиграфикѣ римскихъ временъ явленіе, но непонятнымъ является, почему рѣзчикъ написалъ въ третьей и четвертой строкахъ ὁμοζυγέης вмѣсто ὁμοζυγίας. Укажу еще на ту особенность, что въ первой половинѣ надписи написано A съ ломаной поперечной чертой, но во второй A съ прямой чертою.

№ 14.

Въ стѣнѣ старой турецкой казармы въ Варнѣ найдена мраморная плита безъ всякихъ украшеній, выш. 0,6, шир. 0,295 и толщ. 0,14 м. На плитѣ, которая немного стерлась съ лѣвой стороны, тщательно вырѣзаны двѣ греческія надписи римскихъ временъ (выс. буквъ колеблется между 0,03 и 0,04 м.):



Ἡ]ρακλείδης
Σωκράτου.
Χαῖρε
Σωκράτης
Ἡρακλείδου
Χαῖρε.

Памятникъ хранится въ Варненскомъ офицерскомъ музеѣ.

№ 15.

Въ городской рощѣ гор. Варны найдено снизу обломанное надгробіе изъ известняка, выш. 0,66 м., шир. 0,47 и выш. 0,38 м. Верхняя часть украшена тремя акротеріями и фронтономъ, посреди котораго былъ изваянъ теперь отчасти стертый щитъ. Подъ фронтономъ находится карнизъ шир. 0,14 м., а подъ карнизомъ зеркало (выш. 0,28 м.), занятъ слѣдующею надписью (выш. буквъ 0,04 м.):

Διονύσιος Δη-
μοσθένου Ἡρα-
κλεώτης βι-
οὺς ἔτη ο′ Παρο-
δείταις χέριν.
κα]ὶ ἡ γυνὴ αὐ-
τοῦ] κολ.

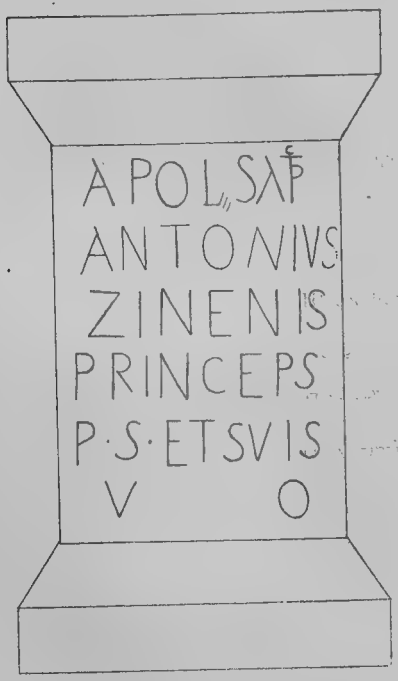
Начертаніе буквъ и орѳографія надписи (χέριν вмѣсто χαίρειν) являются несомнѣннымъ доказательствомъ того, что памятникъ относится къ римскому времени.

Надгробіе находится во дворѣ Варненской городской управы.

№ 16.

Въ развалинахъ Абтаатклае недалеко отъ дер. Абтаатъ (Варненскаго округа), гдѣ, по всей вѣроятности, лежалъ древній городъ Абриттъ (Ἄβριττος Procop. de aed. 4, 11), прославившійся несчастной борьбой императора Деція съ готами, найденъ жертвенникъ изъ известняка выш. 0,9 м. Памятникъ имѣетъ совершенно такую же форму, какъ и алтарь, изданный мною въ болгарскомъ сочиненіи «Сѣверoисточна България» (Софія 1892, стр. 96, рис. 5): верхняя и нижняя части разширяются на подобіе капители и базы. Ширина основанія и капители—0,45 м., площадь же, гдѣ вырѣзана латинская надпись, имѣетъ въ ширину 0,35 м. и въ выш. 0,5 м. Вышина буквъ 0,057 м.

Надпись читаю слѣдующимъ образомъ:



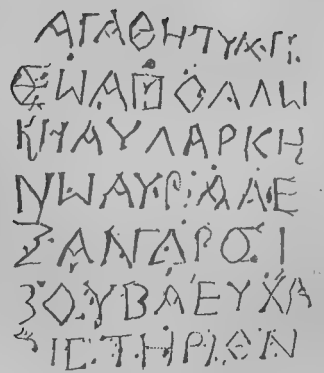
Apol(lini) Sa(lu)t(a)r(i)
Antonius
Zinenis
princeps
p(ro) s(e) et suis
v(otum) o(btulit).

Я пополнилъ второе сокращенное слово надписи въ salutari, имѣя въ виду монеты Каракаллы и другихъ римскихъ императоровъ, гдѣ греческое названіе Ἀπόλλων Σωτὴρ передано словами Apollo Salutaris (L. Preller, Römische Mythologie. Berlin 1865, p. 276, adn. 3); пополненіе Salvatori (срв. Forcellini s. v.) казалось мнѣ менѣе правдоподобнымъ.

Памятникъ находится въ настоящее время въ дер. Сараджѣ передъ турецкою мечетью.

№ 17.

Въ дер. Девнѣ къ западу отъ Варны найденъ сверху и снизу поломанный обѣтный памятникъ съ хорошо сохранившейся надписью императорскихъ временъ. Надъ надписью высѣчено углубленіе, въ которомъ было прежде вставлено рельефное изображеніе «еравійскаго всадника».

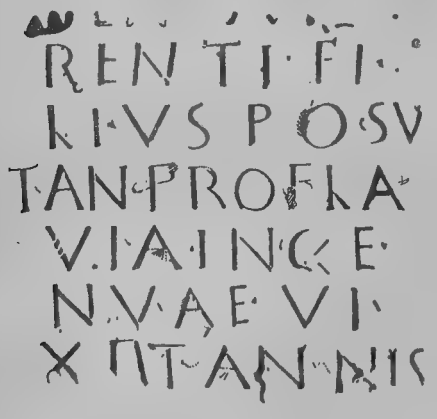


Ἀραθῆ[ι] τύχη[ι]
Θεῶ[ι] Ἀπόλλω-
νι Αὐλαρχη-
νῶ[ι] Αὐρ(ήλιος) Ἀλέ-
ξανδρος Ἰ-
βούβα εὐχα-
ριστήριον.

Прозвище Аполлона Αὐλαρχηνός встрѣчается также въ надписи, изданной мною въ протоколѣ 296 засѣданія Общества (Зап. XX т. стр. 98). Варварское имя Ἰβούβας встрѣчается здѣсь, насколько мнѣ извѣстно, въ первый разъ. (Первое β читается совершенно ясно, такъ что нельзя думать, что въ надписи начертано извѣстное имя Ἰούβας).

№ 18.

Въ Девнѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ по берегу рѣки одинаковаго имени тянется рядъ мельницъ (см. Konst. Jireček, Cesty po Bulharsku. Прага 1888, стр. 624), найдено сверху и снизу обломанное надгробіе изъ известняка, выш. 0,35 м., шир. 0,45, толщ. 0,22. Съ правой стороны сохранилась рама шир. 0,065 м. По линейкамъ начертана слѣдующая латинская надпись (выш. буквъ 0,04—0,045 м.):



. . . .
[bene me]-
renti fi-
lius posu
i]t An(naeus?) pro Fla-
via Inge-
nua(e). Vi-
xit annis
. . . . .

Буквы AN въ четвертой строкѣ я примѣрно пополнилъ въ имя Annaeus, которое читается во фракійской надписи, изданной Дюмономъ (Inscriptions et monuments figurés de la Thrace. Paris 1876. p. 43, № 74), но нисколько не настаиваю на его правильности.

Обломокъ плиты находится въ частномъ домѣ и въ скоромъ времени будетъ перевезенъ въ Софійскій музей.

Постановили: печатать въ протоколѣ.

XIV. Предложеніе поч. члена *А. Л. Бертье-Делагарда* объ употребленіи одной изъ премій, имъ учрежденныхъ, на изданіе древностей, найденныхъ А. Л. Бертье-Делагардомъ въ Ѳеодосіи и мнѣніе Совѣта, присоединяющагося къ предложенію А. Л. Бертье-Делагарда.

Постановили: въ виду непредставленія на имѣющіяся въ распоряженіи Общества преміи ни одного сочиненія, обратить, согласно выраженному желанію жертвователя, одну изъ премій имени поч. чл. А. Л. Бертье-Делагарда на печатаніе указаннаго имъ матеріала.

XV. Предложеніе издателя «Věstnik Slovanskych starožitnosti», проф. Л. Нидерле въ Прагѣ объ обмѣнѣ на Записки Общества.

Постановили: войти въ обмѣнъ.

313 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

3-го Ноября 1898 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ почетнаго члена *А. Л. Бертье-Делагарда*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, гг. дѣйствительные члены: *А. А. Кочубинскій*, *Х. П. Ящуржинскій*, *А. И. Маркевичъ*, *М. Ѳ. Чемена*, *П. А. Ивановъ*, *В. Н. Мочульскій*, *А. В. Лонгиновъ*, *О. Ф. фонъ-Гаазе*, *М. П. Истоминъ*, *Л. Ф. Брунъ*, *Г. И. Перетятковичъ*, *В. М. Истринъ*, *С. Д. Пападимитріу*, *І. Х. Стрыльбицкій*, *Э. Р. фонъ-Штернъ*, *П. А. Маврогордато*, *И. Ю. Вучина* и гость *П. С. Чеховскій*.

Засѣданіе открылъ поч. чл. А. Л. Бертье-Делагардъ заявленіемъ, что вице-президентъ, по болѣзни не могущій присутствовать, обратился къ нему съ просьбой принять на себя предсѣдательство въ этомъ засѣданіи. Польщенный этой честью, онъ прежде всего считаетъ долгомъ выразить сожалѣніе о причинѣ отсутствія вице-президента, къ чему присоединилось и все собраніе, прося г. Бертье-Делагарда принять на себя передать это общее соболѣзнованіе г. вице-президенту.

Обсуждали:

I. Отношеніе г. управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія отъ 20 іюня 1898 года на имя г. президента Общества о томъ, что Государь Императоръ соизволилъ благосклонно принять преподнесенные Ему XX-й т. Записокъ и Отчетъ Общества за 1896 годъ.

Постановили: внести въ отчетъ.

II. Отношеніе предсѣдателя Бессарабской ученой архивной коммиссіи въ Кишиневѣ отъ 20 октября 1898 года за № 70 съ просьбой о высылкѣ вновь учрежденной коммиссіи изданій Общества.

Постановили: выслать всѣ томы Записокъ, имѣющіеся болѣе чѣмъ въ 10 экз.

III. Отношеніе Кишиневской городской общественной библіотеки отъ 20 октября 1898 года за № 228 съ просьбою о высылкѣ библіотекѣ трудовъ Общества.

Постановили: удовлетворить такимъ же способомъ.

IV. Заявленіе секретаря о вновь поступившихъ книгахъ:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. IX. № 2. 1898, сентябрь. С.-Петербургъ 1898.

2) Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества т. XXXIII. 1897 г. вып. VI и т. XXXIV, 1898 г. вып. III, С.-Петербургъ, 1898 г.

3) Отъ д. чл. *Е. К. Рѣдина*, «Проф. М. С. Дриновъ». Къ чествованію двадцатипятилѣтія его ученой дѣятельности. Харьковъ, 1898 г.

4) Протоколъ обыкновеннаго общаго собранія Троицко-савско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго отд. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, № 5, засѣданіе 19 сентября 1897 года.

5) Отъ д. чл. *В. В. Латышева*, Переводъ изъ древнихъ поэтовъ. С.-Петербургъ, 1898 г.

6) Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1897 годъ. С.-Петербургъ, 1898 г.

7) Краткій обзоръ дѣятельности Троицко-савско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за первый періодъ его существованія 1894—1897 года и Отчетъ за 1897 годъ. Москва, 1898 г.

8) Записки Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. III, вып. III. г. Хабаровскъ, 1898 г.

9) Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета г. LXV, кн. 10.

10) Древности. Труды Археографической Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, изд. М. В. Довнаръ-Запольскаго т. I, вып. II. Москва, 1898 г.

11) Историческіе акты Ярославскаго епископскаго монастыря, изд. И. А. Вахрамѣевымъ, т. I Княжескія и Царскія Грамоты, т. II Выписи изъ Ярославскихъ межевыхъ книгъ, т. III Выписи изъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ. Дополненіе—Книга кормовая. Москва, 1898 годъ.

12) Древности. Труды Славянской Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Томъ II, изд. П. А. Лаврова. Москва. 1898 г.

13) Отчетъ о тридцать седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Съ 2 картами. С.-Петербургъ, 1897 г.

14) Analele Academiei Romane. Serie II, tomul XVIII (1895—96) Memoriile sectiunii sciintifice. Bucuresci 1897.

15) The Numismatik Chronicle 1898, part II, III.

16) 16-th annual report of the bureau of American ethnology. 1894—1895. Washington. 1897.

17) Kwartalnik historyczny. Rocznik XII, seszyt II, III. 1898

18) Παπαδοπούλου—Κεραμέως. Ἀναλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Τομ. ε'

19) Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Апрѣль, 1898 г.

20) Bulletino di archeologia e storia Dalmata anno XXI, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

21) Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1897. Riga 1898.

22) Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Knijga CXXXIV, Razred filologijsko-historijski i filosofijsko-juridički. XLIV.

23) Památky archaeologické a mistopisné. Organ Archaeologicki Komise pri České Akademii cisate Frantiska Josefa pro vědy, slovesnost . . . . . archaeologickeho sboru Musea Kralowstvi Ceského. Dilu XVII, sešit IV, V, VI, VII, VIII; Dilu XVIII, I—III.

24) Annual report of the board of regents of the Smithsonian Institution — for Jear anding. Juni 30 1895. Washington 1897.

25) Free Museum of science and art. Department of archaeology and palaeontology University of Pensylvania. Bulletin № 4. Juni 1898.

26) Numismatischer Verkehr 1898. № 5, 6. Juli.

27) Отъ д. чл. *маркиза де Феррари* J. Baddano-Littardi. Nozze Badano de Ferrari 18—20 Aprile 1898.

Постановили: передать въ библіотеку.

V. *Заявленіе* хранителя Одесскаго музея о вновь поступившихъ предметахъ:

А. Пожертвовано:

1) Въ даръ отъ поч. чл. *А. Л. Бертье-Деламарда*:

Æ Александра Великаго тетрадрахма.
— id. id. драхма.
— Θазосъ. Сатиръ и квадраты.
— Эпиръ. Зевсъ и орелъ.
— Коринѳъ. Нимфа и пегасъ.
— Херсонесъ Ѳракійскій. Левъ и квадраты.
— Шесть разныхъ римскихъ монетъ.
Æ Аканѳъ. Голова воина и колесо.
— Сидонъ. Голова женщины и вѣнокъ.

Итого 12 серебряныхъ и 2 мѣдныхъ и 1 золотой жетонъ брелокъ Александра I.

2) Отъ д. ч. Н. П. Кондакова — терракоттовая фигурка — крылатый Эротъ (изъ Мирины).

Б. Пріобрѣтено:

1) Золотая монета царя Эвпатора съ обозначеніемъ года боспорской эры 459, т. е. 162 п. Р. Х. Представляетъ варіантъ въ сравненіи съ имѣющимся въ коллекціи Общества экземпляромъ.

2) Двѣ ольвійскія монеты: а) рыбка съ надписью ΑΡΙΧ: О и медальонъ съ головой Горгоны и надпись ея на реверсѣ: ΚΡΛ.

3) 16 брактеатовъ, найденныхъ въ Хотинскомъ уѣздѣ, у станціи Мамалыга, близъ рѣки Прута. Брактеаты XIII и XIV вѣка главнымъ образомъ майнскихъ епископовъ.

4) Терракоттовая статуэтка (женщина, держащая тарелку), фрагментъ терракоттоваго дельфина, чернолаковый арибаллъ съ изображеніемъ женской головки, фрагменты надписи на мраморѣ (читаются слова τοῦ θεοῦ), 2 оловянныхъ головки быка, оловянная фигурка всадника, бронзовая шпилька и стеклянное кольцо—всѣ изъ Ольвіи.

Постановили: благодарить жертвователей, предметы передать въ музей.

VII. Докладъ почетнаго члена *А. Л. Бертье-Делагарда.*

А. Л. Бертье-Делагардъ представилъ краткій словесный докладъ объ археологическихъ розысканіяхъ въ Крыму въ теченіе 1898 года. Сущность имъ сказаннаго была такова:

Въ Керчи начали раскапывать склонъ такъ называемой горы Мидридата, съ цѣлью открыть остатки самаго города Пантикапея и его акрополя; до сихъ поръ керченскія раскопки почти исключительно состояли изъ разрытія кургановъ и некрополей. Огромная толща древняго мусора сильно замедляетъ раскопки, но все же открыта часть городскихъ зданій между ними бани и, вѣроятно, нѣчто въ родѣ пропилей; въ будущемъ, здѣсь можно ожидать очень любопытныхъ, хотя и не показныхъ находокъ.

Въ Херсонесѣ раскопки продолжались съ такимъ же рвеніемъ, какъ и въ прошлые годы, таковы же были и находки. Всего важнѣе оказались раскопки оборонительныхъ стѣнъ города и хотя это открытіе не на столько подвинуто, чтобы составить себѣ полное представленіе объ оборонѣ города, но уже и теперь можно видѣть, что въ ней находился, впереди стѣнъ, перевалъ, а это такой способъ усиленія обороны городовъ, котораго никакъ нельзя было ожидать встрѣтить въ Херсонесѣ.

Въ Евпаторіи никакихъ раскопокъ не производилось, но были сдѣланы находки монетъ, имѣющихъ высокій интересъ и поступившихъ въ коллекцію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича; монеты Херсонеса и особенно Керкинита. Постоянная и частая находка послѣднихъ въ Евпаторіи подтверждаетъ мнѣніе о мѣстоположеніи тамъ же и самаго города Керкинита, что впрочемъ опредѣляется и иными соображеніями.

Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михаиловичъ предпринялъ раскопки въ своемъ имѣніи Ай-Тодоръ, которыя поведутъ несомнѣнно къ весьма важнымъ открытіямъ, если будутъ продолжены. Уже и теперь ими опредѣляется значительное населеніе, городокъ I—II вѣка по Р. Хр., бывшій въ зависимости отъ Херсонесса. Предстоитъ опредѣлить имя этого городка. Въ числѣ многихъ любопытныхъ предметовъ здѣсь были найдены обломки черепицъ съ клеймами правителей нижней Мезіи и эта находка имѣетъ очень большое значеніе въ смыслѣ опредѣленія развитія мѣстной промышленности и торговыхъ сношеній съ придунайскими странами.

Лично докладчикъ сдѣлалъ маленькую поѣздку въ глухой уголокъ центральнаго Крыма, гдѣ и нашелъ развалины церкви, весьма любопытныя въ архитектурномъ смыслѣ; нѣсколько неизвѣстныхъ до сихъ поръ надписей пересланы имъ В. В. Латышеву, которымъ и издаются теперь въ печатающемся томѣ нашихъ Записокъ.

VIII. Заявленіе секретаря о томъ, что срокъ его полномочія истекъ 16 октября сего года и по уставу должны быть произведены выборы на эту должность.

Постановили: назначить выборы въ ближайшемъ засѣданіи.

IX. Заявленіе предсѣдательствующаго о смерти дѣйствительнаго члена Николая Ѳомича Красносельцева.

Постановили: почтить память покойнаго вставаніемъ, а некрологъ его просить составить д. чл. отца С. В. Петровскаго.

X. Докладъ д. чл. проф. А. И. Маркевича о книгѣ, пожертвованной г. Н. И. Ленцомъ (см. протоколъ 305 засѣданія).

Рукопись, принесенная въ даръ Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей нашимъ извѣстнымъ библіофиломъ д. ст. сов. Н. И. Ленцомъ, состоитъ изъ 104 листовъ (208 страницъ), форматомъ въ небольшой полулистъ, и переплетена въ обычный для первой половины XIX в. кожанный переплетъ. Написана вся рукопись, кажется, однимъ и тѣмъ же почеркомъ начала XVIII в.; хотя и есть разница то въ аккуратности письма, то въ размѣрѣ буквъ, и даже настолько значительная, что съ перваго взгляда можно бы предположить измѣненіе въ самомъ почеркѣ; но внимательное сличеніе показываетъ при разнообразіи общее сходство; впрочемъ, я на этомъ не настаиваю. Почеркъ рукописи четкій, но правописаніе нѣсколько произвольное.

Затѣмъ, книга по листамъ перемѣчена арабскими цифрами, кажется, тѣмъ же почеркомъ, какимъ писана рукопись, и довольно хорошо сохранились 104 листка.

Но самая рукопись сохранилась не вполнѣ; конецъ оборота 104 листка показываетъ, что дальше слѣдовало продолженіе, а на бѣломъ листѣ,

отдѣляющемъ верхній переплетъ отъ рукописи, есть такая, сравнительно новая, надпись:

«Крайне прискорбно, что послѣдніе листы сей книги отъ сырости истлѣли и небреженія растеряны.

Въ 1837 году я собралъ ее и связавъ ее переплетомъ оставляю для пользы потомства».

Много-ли утеряно листовъ въ концѣ рукописи, сказать трудно, но, что рукопись писана уже въ началѣ XVIII в., видно изъ того, что противъ годовъ, означенныхъ въ ней вообще отъ С. М., на поляхъ рукописи тѣмъ же почеркомъ приписаны киноварью даты отъ Воплощенія Господня; впрочемъ такія приписки не многочислены и оканчиваются 1607 годомъ.

Есть на поляхъ еще рѣдкія приписки пропущенныхъ, очевидно, при перепискѣ рукописи словъ; напр. на оборотѣ 17-го листа, гдѣ сказано, что пришли послы отъ литовскаго короля, на полѣ приписано: полскаго и т. п.

Начало рукописи сохранилось, что видно, во первыхъ, изъ цифровыхъ помѣтъ на листахъ, которыя начаты съ первой; а во вторыхъ потому, что слова, которыми рукопись какъ будто озаглавлена: Царство Бориса Ѳеодоровича Годунова, написаны исключительно крупнымъ почеркомъ, чего дальше нигдѣ нѣтъ, и сопровождаются киноварными травами, равно какъ и буква *В* въ началѣ текста (Въ лѣто), очень затѣйливая, тогда какъ постоянныя киноварныя буквы въ началѣ періодовъ весьма просты и лишены травъ.

Тѣмъ не менѣе одно указаніе наводитъ на мысль, что рукопись имѣла какіе то предыдущіе листки: на оборотѣ 2-го листка кто то грубо написалъ карандашемъ новымъ почеркомъ 12 и потомъ перемѣтилъ нѣсколько слѣдующихъ страницъ, кажется, до 17-го листка; кое гдѣ эти помѣты стерты, но на многихъ страницахъ онѣ замѣтны ясно и всѣ соотвѣтствуютъ тому, что оборотъ 2-го листка составляетъ 12-ую страницу; а въ такомъ случаѣ въ рукописи какъ бы недостаетъ первыхъ 8 страницъ или 4-хъ листковъ.

Можно бы привесть и такое соображеніе: Обыкновенно всѣ повѣствованія, въ коихъ разсказывается о Смутномъ времени (а къ числу ихъ принадлежитъ и наша рукопись—см. далѣе), начинаются не царствованіемъ Бориса Годунова, а по крайней мѣрѣ царствованіемъ Ѳедора Ивановича (если не раньше); но 4-хъ листковъ для разсказа о событіяхъ, совершившихся при Царѣ Ѳедорѣ, было бы не достаточно, по крайней мѣрѣ, въ аналогичныхъ лѣтописяхъ (см. далѣе) имъ отведено гораздо больше мѣста.

Передъ заглавіемъ рукописи нѣмъ то написано чернилами № 17, что, надо думать, обозначало номеръ этой рукописи въ какомъ либо собраніи рукописей или книгъ.

Н. И. Ленцъ въ настоящее время уже не можетъ съ точностью припомнить, какъ перешла къ нему эта рукопись; но, кажется, онъ пріобрѣлъ ее въ одной изъ книжныхъ лавочекъ въ Одессѣ.

По содержанію рукопись заключаетъ въ себѣ лѣтопись, начинающуюся царствованіемъ Бориса Годунова и оканчивающуюся 7194 г.; но такъ какъ конецъ оборванъ (см. выше), то лѣтопись могла не только доходить до 1700 г., но и перейти его и дойти, напр., до Нарвской или до Полтавской битвы; по крайней мѣрѣ лѣтописи, доведенныя до этихъ событій, извѣстны.

Лѣтопись можно раздѣлить на двѣ части; бо́льшая половина ея, до 72-го листка, посвящена Смутному времени; остальная же часть сообщаетъ свѣдѣнія о послѣдующихъ событіяхъ, но довольно не систематично, иногда бѣгло; хотя, опять таки, встрѣчаются и обширные отдѣльные сказанія, напр. о Разинѣ.

Лѣтопись вообще расчленена на отдѣльныя повѣсти съ особыми же, какъ это обычно въ лѣтописяхъ XVII в., заглавіями; но повѣсти эти постоянно связываются краткими лѣтописными замѣтками.

Та часть лѣтописи, которая посвящена Смутному времени, представляетъ одну изъ редакцій такъ наз. Новаго лѣтописца, распространеннаго во многихъ спискахъ, находящихся чуть ли не во всякомъ значительномъ собраніи рукописей.

Новый лѣтописецъ уже напечатанъ, даже по нѣсколькимъ спискамъ, съ которыми я и сличалъ нашу лѣтопись; въ большинствѣ случаевъ существуетъ разница лишь въ изложеніи; а если и попадаются факты, въ печатныхъ изданіяхъ Новаго лѣтописца не указанные, то они все же мнѣ были извѣстны, такъ какъ, повидимому, заимствованы изъ такъ наз. Извѣта старца Варлаама, или изъ другихъ повѣстей о Смутномъ времени, которыя можно найти въ XIII томѣ Русской Исторической Библіотеки. Для образца я прилагаю ниже небольшую выноску изъ нашей лѣтописи о появленіи перваго самозванца.

Опредѣленіе другой части лѣтописи, обнимающей время царствованія Михаила Ѳедоровича и послѣдующія до 7194 г., потребовало бы слишкомъ спеціальныхъ розысканій, ибо излагающія событія этого времени лѣтописи еще не напечатаны; но таковыя существуютъ; онѣ указаны профессоромъ Платоновымъ въ сочиненіи Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени (см. стр. 337 и примѣчанія) и пока находятся въ рукописяхъ; хотя составъ ихъ, повидимому, не вполнѣ сходенъ съ составомъ нашей лѣтописи, такъ какъ почти всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ записки Сильвестра Медвѣдева, которыхъ въ нашей лѣтописи нѣтъ; рукопись

же Императорской Публ. Библіотеки, означаемая Q, IV, 139, хотя и заканчивается краткимъ лѣтописцемъ, доведеннымъ до 1700 года, но въ началѣ составъ ея не схожъ съ составомъ Новаго лѣтописца.

Во всякомъ случаѣ печатанье принесенной Н. И. Ленцемъ въ даръ Обществу лѣтописи въ его Запискахъ, въ виду очень скромныхъ средствъ Общества, я считалъ бы преждевременнымъ. Слѣдуетъ выждать, пока не будетъ напечатана какая либо лѣтопись, съ нашею сходная, и тогда помѣстить въ Запискахъ отличія, которыя, по всей вѣроятности, окажутся и могутъ представить извѣстный интересъ.

Д. ч. Ал. Маркевичъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

О Гришкѣ Ростриге Отрепьеве

(Листъ 8).

В Россійской земли в' городе Галиче бысть нѣкто воинскаго чина сынъ боярской рекомы Замятня Отрепьевъ, у него же родишася два сына единъ именуемы Смирно, други богданъ (л. 8 оборотъ) именемъ же яиковъ, у богдана же родися сынъ именемъ юшко, и остася послѣ отца младъ, мати же его отдаде учитися божественнымъ книгамъ, онъ же мало навыче и в царствующи градъ Москву отиде, по некоемъ же времени случися ему беседа ватстките области града хлынова, успенского монастыря со игуменомъ тріеономъ, и от него постриженся во иночески чинъ, и нареченъ бысть Григори и пріиде в суздаль во wбитель преподобнаго Еуѳимія, архимандритъ же тоя обители именемъ левки видя юна суща яко $\overline{\text{д}}$ лѣтъ, и вручи старцу добродетельну назирати житія того, онъ же поживе ту лѣто едино и отиде в монастырь всемилостиваго спаса на куксу, i тамо поживе полгода, слышав же о деде своемъ замятне яко онъ постриженъ на Москвѣ в чудове монастыре, и поиде тамо, и по изволенію тоя обители настоятеля архимандрита паѳнутіа поставленъ бысть отъ патріарха иова в дияконы, и потомъ начатъ искати премудрости богомерзкихъ отметных книгъ еретическихъ, и пріиде в монастырь святаго Николая на угрешу, и нача в безуми своемъ возноситися. в тw время святѣйши патріархъ иовъ, неведая в немъ такова злова прозябенія но слыша яко навыченъ бѣ писанію, и взя его в домъ свой патріаршъ, і бысть у него болѣе единаго лѣта, книги писаша, і каноны святыя глаголаша и к царю борису с патріархомъ хождаше, тогда ростовски митрополитъ иона, познавъ в немъ диавольскую прелесную мудрость, и патріарху јову нача возвѣщати яко той рече діаконъ гришка хочетъ сосудъ діаволь быти, патріархъ же

іовъ словесемъ митрополита не внятъ и ни вочтоже се вмени, тои же окаянны чернецъ бесовскаго мудрованія творецъ вложи во свою мысль сие, еже бы назватися ему царскія отрасли царевичемъ димитріемъ Иванновичемъ Углитчкимъ, и нача крепко о убіени его испытовати и подробну о всемъ на харти все писати, въ баснословіи же со старцы чудовними сия (л. 9) со смехомъ имъ глаголя; яко азъ рече буду Царемъ на Москвѣ, старцы же от него слышавше о семъ на лице ему плеваху и в баснословое вменяху. По некоемъ же времени ростовски іона митрополитъ Царю борису о немъ возвести, Царь же повеле двора своего дьяку смирному васильеву послать гришку в соловецкой монастырь. Смирнои же слышавъ от Царя об немъ и возвести діякону семенке Ефимову, той же семенка гришке тому бысть в родствѣ, и нача дьяка смирнова молити; чтобы онъ царево веленіе јсполнилъ, а гришку бы въ соловки нескоро послалъ, смирнои же дѣло то въ забвеніи положи, и гришке тому во всемъ снорови и непосла его.

О бегстве Гришкине с Москвы.

Злокозненный чернецъ Гришка, яко левъ, Устремися на бежаніе отъ Москвы, и приіде на железной борокъ въ монастырь іоанна преттеча, и оттуда приде въ Муромъ въ монастырь Бориса и глеба, оттуду же побежа на северъ ј приде во брянскъ, и тамо соединишася снимъ два чернеца Мисаилъ повадинъ, да варлаамъ поидоста же оттуду вновъ городокъ северной во wбитель всемилостивогw спаса, и мало тамъ пребысть поидоста, остави же гришка у архимандрита о себѣ тайное писаніе, яко азъ рече сынъ Царя іоанна васильевича московскогw царевичъ димитрій, и егда на своемъ престоле въ Россіи царемъ буду тогда тебя архимандрита велми пожалую; что мене нынѣ не презрелъ, архимандритъ же обрете после ихъ таковое писаніе и велми ужасеся но никому не поведа. И тако Гришка с товарищи своими устремися јтти въ литовскую землю, и доидоша замка млоева и любеца, ј приидоша въ Киевъ и нача гришка жити въ пѣчерской великой лаврѣ, архимандритъ же повелѣ ему в той обители служити, онъ же окоянны нача непојночиски жити мясо ядеше и всяко скверное дѣло творяще, архимандритъ же видя его нечесна живуща, и возвести о немъ тогда бывшему воеводе князю василию константиновичу острозскому (л. 9 оборотъ) онъ же повелѣ его поимати. и смертно казни предати таковаго врага гришка же оттуда на бежаніе устремися ј в мирское одеяніе облечеся и јночески чинъ с себе сверже, и прииде въ городокъ гощу,—седе в школу нача учитися лютерской грамате. и совершенно отвержеся православныя христіанскія вѣры. князь Василіи же воевода старца варлаама да мисаила посла во свое богомоліе въ древлянскіи монастырь святыя троицы. Гришка же в гоще научился всему в школе языка полского и чародѣиства бесовского, и волхованія цыганска-

го, пріиде же в городъ брагинъ ко князю адаму вишневецкому и нача у него пребывати простымъ чиномъ, и лукавное свое дѣло всегда умышляти, потомъ же окаянны разстрига притворилъ себѣ лукавствомъ яко начатъ земно болѣти, и призвавъ латинския вѣры попа и нача ему пронырствомъ исповедь творити, еще и о семъ на мнозе утверждая его и глаголя; отче мой духовны егда же смерть нынѣ случится молю тя да не како проста человѣка погребеши мя, но сотвори надо мною провожаніе яко же достоитъ царстей чести, азъ бо есть сынъ московскаго царя иоанна васильевича царевичь Димитрій Углицкій, ибо хотелъ мя рабъ нашъ борисъ Годуновъ убить, j сохранили мене бояре и диаки щелкаловы, j убитъ в мѣне мѣсто поповъ угличанинъ. Сія же слышавъ латынянинъ попъ и возвести князю адаму вишневецкому онъ же во всем Гришке повери и честь ему нача творити, в корете повѣле возити, и слугамъ за нимъ ходити, из брапна в вишневицъ князь адамъ по болшимъ панамъ з гришкою хождаше и во всемъ о немъ разстриге возвещаше, яко той есть царевичь Димитри углитски, последи же князь приведе его вора к воеводе Самборскому, и пану сердомилскому, и тоже[2]о гриш ке истинствоваше, сердомилски же радъ бысть нача его почитати еще же обещася и дщерь свою маринку за него ростригу дати, гришка же клятвы пану тому даваше, егда получитъ царствовати в Россіи тогда Сердомилскому обещася велики новъ градъ j Псковъ во владѣніе поручить, и веру Римскую вруча утвердити, в мѣсто церквей святых костелы ставить, (л. 10) они же до правадиша его в Краковъ хкоролю жигиманту полскому и все о розстриге возвестили. в тоже время изменніки московские пять братовъ Хрипуновыхъ, да ивашка шварла, да петрушка истомиръ Михнева, да jвашка вожъ, да посадцкія люди кіевляне королю об немъ гришкѣ инствоваша, что онъ ростригa прямы царевичь Димитріи, тогда король Жигимантъ нача ево к руке звати, онъ же не поиде но нача преднимъ плакати, и царевичемъ себя нарицати и сказывати, еще же учалъ короля ласкателными словесы увещевати. корол же наднимъ умилился, и во всемъ ему обещася помогати, забывъ свое с царемъ борисомъ мирное утвержденіе и клятву. злокозненны же разстрига всехъ оболсти j на милость себѣ всехъ преклони, бе убо онъ окаянны зело велеречив и словесенъ, в писани всякую ложъ соплетаетъ. Яко же jстинно все возвещаетъ, даде же королю жигимонту клятвенное слово; что ему градъ Смоленскъ и всю северную землю во владеніе отдати, тогда король нача ему помогати повеле рать во своей земли збирати, и Московское царство себе доступати. в тоже время придоша к королю чернецъ варлаамъ да сынъ боярской ияковъ Пыхачевъ, и начаше королю возвещати гришку отрепьева обличати; яко той гришка не царевичь Димитрій, но разстрига Отрепьевъ сынъ ияковлевъ, а не jоанна Московскаго царя. Король же j всякого рода паны и гетманы крепко Ростригою

прелщены быша, и нивчемъ старцу не повериша, но в симборскъ к пану сердомилскому юрію меншке да к розстригѣ гришке обоихъ послаша. тогда гришка нача на нихъ клеветати что они рече посланы отъ царя бориса с Москвы за мною, и хотятъ меня вдѣ оболгати, или смерти предати, и повеле растрига јноческое оденніе варлаама сняти, и бивъ много въ темницу заплючити сына же боярскаго јякова Пыхачева повеле смертной казни предати. воевода же сердомилскій все по воле ростригине сотвори.—

11) Представленіе совѣта относительно Аккерманской крѣпости.

Постановили: просить поч. чл. А. Л. Бертье-Делагарда съѣздить въ Аккерманъ для выясненія вопроса о ремонтѣ стѣнъ крѣпости.

314 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

18-го Декабря 1898 г.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ и. об. вице-президента Общества, дѣйст. члена *Э. Р. фонъ-Штерна*, гг. дѣйст. члены: *Г. Г. Маразли*, протоіерей *М. Ѳ. Чемена*, *С. В. Петровскій*, *А. В. Лонгиновъ*, *Г. И. Перетятковичъ*, *Х. П. Ящуржинскій*, *П. А. Ивановъ*, *С. Д. Пападимитріу*, *М. П. Истоминъ*, *А. А. Кочубинскій* и члены семьи покойнаго вице-президента В. Н. Юргевича.

Засѣданіе настоящаго дня было посвящено спеціально памяти почившаго вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей Владислава Норбертовича *Юргевича* (род. 19 ноября 1818 — сконч. 23 ноября 1898).

Предъ засѣданіемъ была отслужена въ залѣ Общества панихида по почившемъ вице-президентѣ. Она была совершена членами-же Общества протоіереемъ М. Ѳ. Чеменомъ и священникомъ С. П. Петровскимъ, при участіи соборнаго причта.

Затѣмъ, по открытіи засѣданія, предсѣдательствующій, профессоръ Э. Р. фонъ-Штернъ предложилъ собранію детальный обзоръ ученой дѣятельности и научныхъ заслугъ для отечественной археологіи почившаго вице-президента за вторую половину его жизни, принадлежавшую Одессѣ и посвященную главнымъ образомъ Обществу, предпославъ ему общій очеркъ его дѣятельности, подготовительной и научной, въ первую половину: въ Петербургѣ, Лейпцигѣ и Харьковѣ.

По окончаніи рѣчи Э. Р. фонъ-Штерна, по предложенію послѣдняго, присутствовавшіе въ засѣданіи почтили память усопшаго вставаньемъ.

Далѣе, предсѣдательствующимъ были предложены вниманію членовъ

полученныя Обществомъ отъ иногородныхъ ученыхъ Обществъ и отъ отдѣльныхъ членовъ Общества телеграммы и письма съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю постигшей Общество утраты.

Постановили: напечатать по поводу смерти вице-президента В. Н. Юргевича отдѣльной брошюрой рѣчи, произнесенныя при погребеніи дѣйст. членами А. А. Кочубинскимъ и А. Н. Деревицкимъ, полученныя телеграммы и письма по случаю постигшей Общество утраты и очеркъ ученой дѣятельности почившаго, сдѣланный Э. Р. фонъ-Штерномъ, съ приложеніемъ фототипическаго портрета покойнаго вице-президента.

315 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

22-го Января 1899 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ и. об. вице-президента дѣйст. члена *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, поч. членъ *А. Л. Бертье-Делагардъ* и дѣйствительные члены: *А. А. Кочубинскій*, *П. А. Маврогордато*, *Л. Ф. Брунъ*, *Х. П. Ящуржинскій*, *П. А. Ивановъ*, *Г. Р. Шмидтъ*, *А. В. Лонгиновъ*, *С. Д. Пападимитріу*, *С. В. Петровскій*, *А. И. Алмазовъ*, *В. М. Истринъ*, *М. Ю. Попруженко*, *Н. В. Эрдели* и *А. Н. Деревицкій*.

Слушали:

1) Сообщеніе и. об. вице-президента о смерти историка Аполлона Александровича Скальковскаго, почетнаго и старѣйшаго члена и учредителя Общества.

Постановили: почтить память почившаго вставаніемъ.

2) Письмо президента Х. Х. Роопа на имя и. об. вице-президента съ указаніемъ на неудобство пребыванія президента Общества въ С.-Петербургѣ и съ предложеніемъ, въ виду приближенія срока выборовъ, озаботиться пріисканіемъ новаго президента.

Постановили единогласно: просить усиленно Х. Х. Роопа остаться президентомъ и на слѣдующее трехлѣтіе.

3) Предложеніе совѣта объ избраніи вице-президента.

По запискамъ предложены кандидаты: поч. чл. Общества А. Л. Бертье-Делагардъ 8 голосами и Э. Р. фонъ-Штернъ 6 голосами.

По снятіи своей кандитатуры Э. Р. фонъ-Штерномъ, рѣшено приступить къ баллотированію согласно § 40 и 41 устава А. Л. Бертье-Делагарда шарами и большинствомъ 14 голосовъ противъ 2 онъ избранъ вице-президентомъ Общества.

4) Предложеніе совѣта произвести выборы, въ виду окончанія срока выбора проф. Э. Р. фонъ-Штерна, казначея Общества.

По запискамъ предложены въ кандидаты П. А. Маврогордато 7, Э. Р. фонъ-Штернъ 5 и Н. В. Эрдели 3 голосами. По снятіи другихъ кандидатуръ приступлено къ баллотировкѣ П. А. Маврогордато и большинствомъ 13 противъ 3 голосовъ онъ избранъ въ казначеи Общества.

5) Денежный отчетъ казначея за 1898 годъ.

Постановили: для провѣрки отчета избрать коммиссію изъ дѣйст. чл. Общества А. В. Лонгинова, Н. В. Эрдели и П. А. Маврогордато.

6) Отчетъ завѣдующаго Ѳеодосійскимъ музеемъ Общества за 1898 годъ.

Постановили: утвердить.

7) Представленіе совѣта по поводу отношенія г. Одесскаго городскаго головы съ приглашеніемъ къ участію во франко-русской художественной и кустарной выставкѣ въ С.-Петербургѣ — отправить 2 выпуска «Музея Общества» въ переплетѣ.

Постановили: отклонить.

8) Представленіе совѣта о высылкѣ, согласно просьбѣ, С.-Петербургскому Археологическому Институту всѣхъ томомъ Записокъ Общества, исключая 5-го.

Постановили: утвердить.

9) Представленіе совѣта о высылкѣ, согласно просьбѣ, Владимірской губернской ученой архивной коммиссіи новой серіи Записокъ отъ XVI-го тома.

Постановили: утвердить.

10) Представленіе совѣта объ избраніи въ члены Общества г. Одесскаго городскаго головы Павла Александровича Зеленаго и д. ст. сов. Анатолія Евгеніевича Егорова.

Постановили: баллотировать и по баллотировкѣ оба избраны дѣйствительными членами Общества—П. А. Зеленый единогласно, и А. Е. Егоровъ большинствомъ.

11) Отношеніе Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ отъ 14 января за № 6 съ приглашеніемъ къ участію въ устройствѣ Пушкинскихъ празднествъ по поводу истекающаго 26-го мая сего года столѣтія со дня рожденія поэта.

Постановили: представителями Общества въ коммиссію по выработкѣ проекта празднованія избрать дѣйст. чл. Общества А. В. Лонгинова и Х. П. Ящуржинскаго, о чемъ и извѣстить Историко-Филологическое Общество.

12) Смѣту на 1899 года.

Постановили: утвердить.

Смѣта прихода и расхода денежныхъ суммъ ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей на 1899 г.

ПРИХОДЪ	Въ 1899 году		Дѣйствительно получено въ 1898 году	
	Руб	Коп	Руб	Коп
Остатокъ къ 1 Января 1899 года:				
на рукахъ у казначея	59	20	55	01
на текущемъ счету Одесскаго Общ. Взаимн. Кредита по книжкѣ за № 3824	1400	-	450	—
1. Высочайше дарованнаго въ ежегодное пособіе Обществу	2500		2500	
2. % на капиталъ Общества (5100 р.)	193	80	193	80
3 % по текущему счету Одесскаго Общ. Взаимн. Кредита за 1898 годъ	30	19	24	05
4. За дипломы отъ дѣйствительныхъ членовъ	40	—	20	
5 Членскихъ взносовъ отъ дѣйствительныхъ членовъ	200	—	245	—
6. Отъ продажи изданія, «Терракотты Музея Общества» вып. I и II	260	—	30 (въ 1897 г 351 р.)	—
7 Отъ продажи «Записокъ» Общества	100	—	149	50
8 % на капиталъ преміи имени Бертье-Делагарда	25	65	57	
9. Отъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли	150	-	150	-
10 Отъ завѣдующаго Аккерманской крѣпостью	120		117	50
	5078	84	—	—

РАСХОДЪ	Въ 1899 году		Дѣйствительно израсходовано въ 1898 году	
	Руб	Коп	Руб.	Коп
1. На выписку русскихъ и иностранныхъ журналовъ и книгъ	100	-	17	95
2. Жалованье служащимъ	876	—	867	—
3 Пособія имъ и наградныя	60	—	60	—
4 а) Печатаніе протоколовъ и XXI го тома Записокъ	750	—	XX томъ 729	-
б) печатаніе отчета, дипломовъ и т. д.	170	-	181	—
в) изготовленіе клише для протоколовъ и таблицъ для XXII го тома	270		279	25
г) печатаніе протоколовъ для XXII-го тома и часть оплаты XXII-го тома	300	—	-	—
д) изданіе «Ѳеодосія»	600	-	За II-ой вып. 1 серр въ 1898 276 р —	-
5 Отопленіе музея, ремонтъ и т. д	200	—	148	20
6 Освѣщеніе музея отъ 1895—1899	105	—		—
7. Витрины и другія столярныя работы, расходы по устройству музея	200	—	175	35
8 Пособія Мелекъ-Чесменскому музею	100	-	100	—
9 Ремонтъ Судакской крѣпости и пр.	100	—	122	50
10 На переплетъ книгъ, картъ и рукописей	100	—	60	25
11. По устройству библіотеки	50	—	—	
12. Канцелярскіе, почтовые расходы и т. д.	85	—	82	71
13 Пріобрѣтеніе предметовъ древностей, экстренные расходы, командировка членовъ съ археологической цѣлью и т. д.	800	-	698	30
	4861	—	—	-

Казначей *Э. Р. фонъ-Штернъ.*

13) Заявленіе секретаря о вновь поступившихъ въ Общество книгахъ:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. Серія V, т. IX, № 3, 4, 6.

2) Труды Московскаго Нумизматическаго Общества. I т. Москва 1898.

3) Вѣстникъ археологіи и исторіи, изд. Археологическимъ Институтомъ, вып. X. Спб. 1898.

4) Сборникъ Археологическаго Института. Книга 6-ая. Спб. 1898.

5) Этнографическое Обозрѣніе, 1898 г. № 3.

6) Труды Рязанской ученой архивной коммиссіи. Рязань 1898. (По дѣламъ, хранящимся въ архивѣ Ярославской губ. архивной коммиссіи).

7) Мелочи Ярославской исторіи (XVIII и XIX в.) *П. Мизинова.* Ярославль 1895 г.

8) Упраздненные храмы въ бывшемъ Борисоглѣбскомъ приходѣ города, прот. Израиля. Ярославль 1898 г.

9) О находкѣ мамонта въ дилювіи г. Ярославля на берегу рѣки Волги. *Б. Доссъ.* Рига.

10) Отчетъ о раскопкахъ въ Ярославской губ. и уѣздѣ подъ сельцомъ Михайловскъ. *И. А. Тихомировъ.*

11) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. вып. XXV. Тифлисъ 1898.

12) Варшавскія Университетскія Извѣстія 1898. VII.

13) Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета, годъ LXV, кн. 11, 12.

14) Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Т. XIV, вып. 6.

15) Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Кн. XXIV.

16) Т. XVI. Горнозаводская и золотоплатиновая промышленность на Всероссійской выставкѣ 1896 года, бывшей въ Нижнемъ-Новгородѣ. Изд. при Западно-Сибирскомъ Отдѣлѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Омскъ 1898.

17) Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго Университета 1898. 4.

18) Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XXXIV, 1898 г., в. IV.

19) Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Октябрь 1898 г.

20) Дѣятели Ярославскаго края. Составилъ К. Д. Головщиковъ. Изд. Ярославской ученой архивной коммиссіи. Ярославль 1898 г.

21) Записки Крымскаго горнаго клуба въ Одессѣ. 1898. № 9 и 10.

22) Отчетъ о дѣятельности Севастопольской морской офицерской библіотеки за 1897 года.

23) Отчетъ Петровскаго Общества изслѣдованія Астраханскаго края за 1896 годъ съ приложеніями рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ Общества. Астрахань 1898 г.

25) Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst mit Jahresbericht des Kurländischen Provinzialmuseums aus dem Jahre 1897. Mitau.

25) Етнографічний Збірник, видаэ етнографічна комісия Наукового Товариства імени Шевченка. т. V. У Львові 1898.

26) Vjestnik kr. Hrvatsko-slavansko Dalmatinskog Zemaljskog Arkiva godina I, Svezak I. Zagreb. 1899.

27) Bulletino di archeologia e storia Dalmata. Anno XXI, 10 и 11, 12.

28) 58-tes Programm zum Winkelmannsfeste der archäologischen Gesellschaft zu Berlin. Hellenistische Silbergefässe im Antiquarium der Königlichen Museen. Berlin 1898.

29) Königl. Vitterhets Historie och Antiquitits Akademiens Manads blad. 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894.

30) Antiquarisk Tidskrift för Sverige. Utgifven of Kongl. Vitterhets historie och antiquitets Akademien. 2 (1869)—16 (1898) tom. въ 41 вып.

Отъ дѣйст. чл. *Д. И. Иловайскаго.*

31) Исторія Россіи. IV, 2. Москва 1899.

Отъ дѣйст. чл. *О. Ф. Ретовскаго.*

32) Генуэзско-татарскія монеты города Каффы. Статья 2-ая. Симферополь 1898.

Отъ дѣйст. чл. *П. А. Маврогордато.*

Μουσεῖον καὶ βιβλιοθηκὴ τῆς Εὐαγγελικῆς Σχολῆς. 1874—1875, 1875—76, 1876—1878, 1878—79 καὶ 1879—80.

14) Заявленіе казначея:

Получено: членскій взносъ отъ П. П. Короленко за 1898 г.—5 р., отъ купца Штейнберга за 1 полугодіе 1899 г. аренды помѣщенія въ Аккерманской крѣпости 40 р., отъ книгопродавца Бера во Франкфуртѣ за 75 экз. II выпуска «Музей Общества» 225 р., % съ денегъ, хранившихся на текущемъ счету въ Одесскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита за 1898 г.—30 р. 19 к. Высочайше дарованнаго пособія I-ая треть—833 р. 32 к.,

отъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли за аренду береговой полосы въ Судакѣ за 1899 годъ—150 р., за проданный экземпляръ выпуска II «Музея Общества»—3 р., за проданный экземпляръ XXI-го тома Записокъ 1 р. 50 к.

15) Заявленіе хранителя музея о вновь поступившихъ предметахъ.

А. Пріобрѣтено:

1) Мраморный надгробный рельефъ изъ Аккермана, представляющій собою бюстъ женской фигуры.

2) Ольвійская мѣдная монета т. н. асъ, голова Горгоны; реверсъ орелъ на дельфинѣ и буква Е—изъ Ольвіи.

3) Фрагменты глазированной чаши (желтая полива); рельефное изображеніе борьбы пигмеевъ съ журавлями—изъ Ольвіи.

4) Пять античныхъ стеклянныхъ сосудовъ различныхъ формъ; графины и кубки изъ Керчи.

5) Три терракоттовыхъ фигуры (маріонетка-гротескъ, всадникъ и полый бюстъ Коры съ ясными слѣдами окраски); одинъ терракоттовый дѣтскій саркофагъ, серія глиняныхъ, позолоченныхъ бусъ; два сосуда красноглиняныхъ и одинъ чернолаковый (хоусъ) съ изображеніемъ грифоновъ и ланей.

Б. Пожертвовано:

6) М. Д. Сидоренко найденная будто-бы въ Керчи, но несомнѣнно поддѣльная мраморная голова льва, держащаго въ пасти ребенка. Снизу вытравленная надпись ΑΣΙΕ / ΩΝΔΙΑ

7) N. N. Картина, изображающая запорожскаго пѣвца.

8) поч. чл. А. Л. Бертье-Делагардомъ портретъ Императора Павла.

9) д. чл. Н. В. Эрдели: серебряный рубль, чеканенный по поводу открытія въ Москвѣ памятника Императора Александра II.

Постановили: внести въ инвентарь, жертвователей благодарить.

16) Докладъ дѣйст. чл. В. В. Шкорпилла «Босфорское надгробіе съ изображеніемъ корабля».

18-го іюля 1897 г. найдено въ Керчи надгробіе, которое украшено

новымъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ рельефомъ, изображающимъ ладью на волнующемся морѣ.

Это—хорошо сохранившаяся плита изъ мягкаго известняка, внизу срѣзанная для вставки въ постаментъ, выш. 0,95 м., шир. 0,43 — 0,465, толщ. 0,08—0,09 м. Верхъ надгробія украшенъ рельефнымъ фронтономъ съ тремя акротеріями и одной розеткой, помѣщенной посреди фронтона.

Подъ фронтономъ въ углубленіи изображенъ плывущій по морю корабль, на которомъ сидятъ двѣ фигуры, одѣтыя въ иматіи, застегнуты на правомъ плечѣ: одна фигура сидитъ у весла, другая управляетъ рулемъ. Лица обѣихъ фигуръ, по обыкновенію, умышленно отбиты. На памятникѣ сохранились слѣды красокъ: волны были окрашены синей краской; корабль—красной и синей: весь корпусъ корабля красный, но высоко поднятая корма и рельефно выдающаяся полоса, проходящая вдоль всего судна, отъ носа до кормы выкрашены въ синій цвѣтъ; на иматіи моряка, сидящаго у весла, сохранились кое-гдѣ остатки синей краски. Фронтонъ закрашенъ красной краской, а треугольникъ его синей.

Подъ рельефомъ на разстояніи 0,03 м. вырѣзаны четыре строки греческой надписи римскихъ временъ (выс. буквъ 0,027 — 0,03 м.; О немного меньше). Всѣ буквы, кромѣ десяти послѣднихъ, выкрашены красною краскою, которая прекрасно сохранилась.

ΓΛΥΚΑΡΙΩΝΜΕΝΕ		Γλυκαρίων Μενε-
ΚΛΕΟΥΣ ΚΑΙ ΠΟΛΥ	†	κλέους καὶ Πολυ-
ΣΘΕΝΗΑΠΟΛΛΩΝΙΟΥ		σθένη Ἀπολλωνίου.
ΧΑΙΡΕΤΕ		χαίρετε.

Мужское имя Γλυκαρίων встрѣтилось на Боспорѣ только одинъ разъ (В. В. Латышевъ, Греческія и латинскія надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1892—1894 годахъ. Спб. 1895, стр. 45, № 37), но имена Μενεκλῆς и Πολυσθένη въ боспорской эпиграфикѣ доселѣ неизвѣстны.

17) Докладъ дѣйств. чл. *Э. Р. фонъ-Штерна* «Неизданныя древнія надписи, хранящіяся въ Одесскомъ Музеѣ».

Въ послѣдніе годы поступили въ Одесскій Музей нѣсколько камней съ греческими надписями и одинъ съ латинской. Всѣ надписи эти до сихъ поръ не изданы. Покойный нашъ вице-президентъ собирался ихъ обнародывать, но, будучи занятъ другими работами, не успѣлъ исполнить своего намѣренія. Теперь, послѣ его смерти, я считаю своимъ долгомъ познакомить членовъ Общества съ этими памятниками старины, найденными въ греческихъ колоніяхъ на побережьѣ Чернаго моря.

1) Надгробный столбъ изъ песчаника. Найденъ при устройствѣ гавани въ Ѳеодосіи. Пожертвованъ музею поч. членомъ Общества, А. Л. Бертье-Делагардомъ въ 1896 году. Размѣры столба 88×25×15 см. На верхней части снабженнаго маленькимъ карнизомъ столба читается надпись:

ΑΡΕΣΙΑΣ
ΚΑΛΛΙΓΕΙΤΟ

т. е. Ἀρεσίας Καλλιγείτο[υ. Оба имени, насколько я знаю, на боспорскихъ надписяхъ пока не встрѣчались, хотя они по другимъ надписямъ извѣстны: относительно Ἀρεσίας срв. Fick-Bechtel: Griech. Personennamen стр. 65 (Ἀρεσίας Ἀρεσίππου Κεφαλῆθεν) и относительно Καλλίγειτος срв. l. c. стр. 157. По характеру буквъ надпись можно отнести къ IV вѣку до Р. Х.

2) Надгробный столбъ изъ песчаника. Найденъ при земляныхъ работахъ, произведенныхъ для устройства Ѳеодосійской гавани. Пожертвованъ музею поч. членомъ Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ въ 1896 году. Размѣры столба 61×25×15 сант. На верху, подъ маленькимъ карнизомъ, читается надпись:

ΚΑΛΛΙΑΡΟΣ
ΔΑΜΩΝΟ

т. е. Καλλίαρος Δάμωνο[ς. Καλλίαρος — названіе города въ Локридѣ; срв. Hom. Il. II, 531. Strab. IX, 426. Потомъ у Стефана Византійскаго Καλλίαρος (срв. s. v.) встрѣчается какъ имя собственное мужскаго рода; Стефанъ говоритъ о Καλλίαρος, сынѣ Ойдодока и Лаомоны. Названія мѣстностей весьма часто въ греческомъ языкѣ примѣняются для обозначенія лицъ; срв. Fick-Bechtel: Griech. Personennamen стр. 351; п. н. Κόρινθος, Κῶος (C. G. C. Ionia 67. № 175).

Δάμων — довольно извѣстное имя собственное; каждый на первомъ мѣстѣ вспомнитъ о Дамонѣ, другѣ Перикла (Arist. Αθ. 27, 4; Plut. Per. 9. Plut. Nik. 6); но и помимо того Δάμων часто встрѣчается; срв. н. п. Paus. VII, 2, 3; 3, 10. Въ боспорскихъ надписяхъ оба имена до сихъ поръ не встрѣчались.

3) Надгробный мраморный столбъ. Найденъ въ Ольвіи. Весной 1895 г. Виндшейтъ изъ Николаева прислалъ мнѣ фотографію съ этого камня; онъ на дорогѣ между Николаевомъ и селомъ Парутиномъ встрѣтилъ двухъ евреевъ, которые везли этотъ камень вмѣстѣ съ другими древностями въ Николаевъ и, имѣя при себѣ фотографическій аппаратъ, немедленно, на дорогѣ, сдѣлалъ съ камня снимокъ. Въ Николаевѣ полиція отняла у евреевъ этотъ камень. Узнавъ обо всемъ этомъ, я просилъ покойнаго вице-президента Общества В. Н. Юргевича снестись съ полиціей города Николаева о присылкѣ этого камня въ нашъ музей, и въ концѣ концовъ камень былъ доставленъ въ Одессу и пріобрѣтенъ музеемъ. На довольно вывѣтренной лицевой сторонѣ столба, имѣющаго въ высоту 44, въ ширину 22 и въ толщину 17 см. и поврежденнаго сверху съ правой и снизу съ

лѣвой стороны, изсѣчена, весьма неглубоко, слѣдующая, отчасти сильно потертая надпись:

ΠᴼϹΕΙΔΩΝΙᴼ
ΠᴼΛΥΞΕΝᴼ
ΚΑΙΗΓΥΝΗΑΥ
ΤᴼΥΚΡΕᴼΥϹΑΥ
ΩΙΑΧΙΛΛΕΙΙΗ
ϹΑϹΕΤ///ΙΔΤΗ
ΝϹΤΗΛΙΔΑΝ
ΑΝΕϹΤΗϹΑΗ
.....ΗϹΧΑΡΙ..

т. е. Ποσειδώνιο[ς]| Πολυξένο[υ]| καὶ ἡ γυνὴ αὐ|τοῦ Κρέουσα ὑ|ῷ Ἀχιλλεῖ ζή|σας(sic!) ἔτ[η]ιδ' τὴ|ν στηλίδαν| ἀνέστησαν| [μνήμ]ης χάρι[ν].

Я долженъ сознаться, что при первомъ чтеніи считалъ надпись подозрительной: неправильный переносъ въ пятой строкѣ (τὴ|ν), невѣрное согласованіе причастія, ζήσας вмѣсто ζήσαντι, и наконецъ то обстоятельство что имена Ποσειδώνιος и Πολυξένος встрѣчаются въ спискѣ ольвійскихъ гражданъ (Latyschev: J. P. I. № 114), изъ котораго наши фальсификаторы по преимуществу заимствовали необходимыя для своихъ произведеній имена, заставили меня послѣ сдѣланныхъ опытовъ съ особеннымъ скептицизмомъ отнестись къ этому памятнику старины. Но тщательное и продолжительное изученіе камня убѣдило меня въ неосновательности моего первоначальнаго подозрѣнія. Надпись послѣ весьма основательной чистки оказывается такъ-же вывѣтренной, какъ и вся поверхность камня, и главное — въ поврежденныхъ несомнѣнно уже въ древности частяхъ столба, въ отбитомъ правомъ и нижнемъ краяхъ, ясно еще видны слѣды или части нѣкогда тамъ помѣщенныхъ буквъ.

Въ виду этого, мы должны уже мириться со встрѣчающимися въ надписи неправильностями, тѣмъ болѣе, что для этихъ неправильныхъ переносовъ и невѣрныхъ согласованій имѣется не мало аналогій въ дошедшихъ до насъ ольвійскихъ документахъ.

Объ именахъ Ποσειδώνιος и Πολυξένος я уже говорилъ. Первое встрѣчается довольно часто въ Ольвіи (Latyschev: J. P. I. № 46, № 114, 1, 8; 1, 22; 1, 11); еще чаще имя его четырнадцатилѣтняго сына Ἀχιλλεύς, которому поставленъ нашъ надгробный памятникъ; срв. Latyschev: J. P. I. №№ 62, 67, 77, 80, 83, 142. Имя матери мальчика — Κρέουσα, — также извѣстно въ боспорской эпиграфикѣ, срв. Latyschev: J. P. II, № 7, (Κρέουσα Μέδοντος).

По характеру буквъ (Ⴀ) надпись наша относится къ періоду знаменитаго декрета въ честь Протогена. Какъ извѣстно, этому времени принадлежитъ и списокъ ольвійскихъ гражданъ, въ которомъ неоднократно встрѣчается имя Ποσειδώνιος—(Latyschev: J. P. I, № 114). Очень можетъ быть, что одинъ изъ приведенныхъ тамъ Посидоніевъ тождественъ съ отцомъ усопшаго Ахиллеса, поставившимъ своему преждевременно умершему сыну занимающій насъ здѣсь скромный надгробный памятникъ.

4) Надгробная плита, изъ желтаго, мягкаго мѣстнаго камня. Размѣры плиты; 63×36×17 см. Найдена она въ Аккерманѣ или его окрестностяхъ. Камень пріобрѣтенъ музеемъ въ 1894 году. Лицевая сторона плиты окаймлена грубымъ орнаментомъ изъ листьевъ, на верху розетка. Поверхность мягкой плиты, пострадала отъ атмосферическихъ вліяній, на ней образовались ямки и дыры, такъ что надпись читается съ трудомъ:

MARCO	т. е. Marco
//// I . . .M	. . . . .
NONYM	nonum
VIXI ·	vixi[t
ANNYM	annum

При теперешнемъ состояніи камня воздерживаюсь отъ возстановленія чтенія второй строки; ясно только, что, повидимому, мать поставила этотъ памятникъ своему сыну Марку, скончавшемуся на девятомъ году отъ роду. При малочисленности латинскихъ надписей изъ древней Тиры наше надгробіе представляетъ извѣстный интересъ.

5) Обломокъ мраморной плиты изъ Ольвіи. Пріобрѣтенъ въ 1898 году у торговца древностями Лившица. Размѣры обломка: 13×13×3,5 см. Обломокъ раздѣленъ выступомъ въ родѣ карниза на двѣ части; надъ карнизомъ имѣются остатки трехъ строкъ мелкихъ буквъ:

. . . . . ΟΥ . . . .

. . . . . ΑΜ . . . .

. . . . . ΜΑΣΙΚ . . . .

подъ карнизомъ, также мелкимъ шрифтомъ изсѣчены буквы ΤΟΥΘΕΟΥ ΑΝ. . . т. е. τοῦ θεοῦ. Повидимому, нашъ обломокъ—фрагментъ какой то посвятительной надписи.

6) Фрагментъ мраморной плиты. Найденъ въ Анапѣ. Пожертвованъ музею въ 1898 г. поч. членомъ Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ

Размѣры фрагмента — 11×8×2,5 см. На фрагментѣ читаются весьма глубоко и тщательно изсѣченныя буквы.

ΙΕΦΑ

ΠΟΛΕΙΤΩ

ΘΗΝ

Такъ какъ разбирается слово πολειτῶν, то мы имѣемъ передъ собою, повидимому, остатокъ какого нибудь народнаго декрета, и тѣмъ болѣе слѣдуетъ сожалѣть о томъ, что надпись не сохранилась цѣликомъ. По характеру буквъ (Ω) она относится къ I—II вѣку послѣ Р. Х.

7) Фрагментъ мраморной плиты. Найденъ въ Анапѣ. Пожертвованъ музею поч. членомъ Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ въ 1898 году. Размѣръ фрагмента 8×10+3. Сохранились въ пяти строкахъ слѣдующія буквы:

ΤΟCΚΟΟ

ΚΙCCΗC

ΝΝΕΟ

ΡΟC

Γ

Надпись изсѣчена тщательно; къ сожалѣнію даже гадательно нельзя соединить эти буквы въ опредѣленныя слова.

8) Фрагментъ мраморной плиты. Найденъ въ Анапѣ; пожертвованъ музею поч. членомъ Общества, А. Л. Бертье-Делагардомъ въ 1898 году. Размѣръ плиты: 18×12×4 см. Весьма красивымъ шрифтомъ глубоко изсѣчены слѣдующія буквы въ пяти строкахъ:

. . . . . CΙ

ΔΕΙΤΟΥΙΑΤΡΟ

ΛΦΟΚΡΑΤΟΥΦ

ΘΟΥΑΡΙCΤΕΙΩΝ

ΥΧΟΥΓΑΛΗ

Во второй строкѣ буквы сочетаются въ τοῦ ἰατροῦ, въ третьей сохранившіяся буквы можно лишь дополнить и сочетать въ Ἀ]λφοκράτους. Имя собственное Ἀλφόκρατης, насколько я знаю, до сихъ поръ неизвѣстно, но оно правильно образовано (срв. ἀλφο-πρόσωπος) и другаго сочетанія сохранившихся буквъ нельзя придумать. Въ четвертой строкѣ идетъ рѣчь о ἀριστειῶν, «о призѣ», «наградѣ», а въ пятой имѣется собственное имя

Γαλη[νός]. Судя по этимъ руководящимъ вѣхамъ, можно полагать, что надпись трактовала о какомъ-то врачѣ и назначенной ему ἀριστεία. Какъ бы то ни было, мы имѣемъ передъ собою не обыкновенное надгробіе, а интересный декретъ, о потерѣ котораго слѣдуетъ особенно сожалѣть. Характеръ буквъ тотъ-же, какъ при № 6.

8) Фрагментъ бѣломраморной плиты. Найденъ въ Θеодосіи во время работъ, произведенныхъ для устройства гавани. Размѣры фрагмента 7×7×2 см. Въ четырехъ строкахъ читаются слѣдующія не подающіяся сочетанію буквы:

ΔAMA

IHTP

IAE

ΩI.

316 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

(экстренное, по желанію вице-президента поч. члена А. Л. Бертье-Делагарда и д. чл. А. В. Лонгинова, Н. В. Эрдели, В. М. Истрина, С. Д. Пападимитріу, П. А. Маврогордато и А. А. Павловскаго).

24-го Января 1899 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *А. А. Бертье-Делагарда,* при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, д. чл. *А. И. Маркевичъ*, *С. А. Селивановъ*, *С. Д. Пападимитріу*, *В. М. Истринъ*, *А. В. Лонгиновъ*, *Л. Ф. Брунъ*, *П. А. Маврогордато*, *Н. В. Эрдели* и *Г. Р. Шмидтъ*.

Слушали:

Предложеніе вице-президента пополнить совѣтъ, за выбытіемъ его, изъ членовъ совѣта по случаю избранія его вице-президентомъ, новымъ членомъ.

Постановили: произвести выборы.

По запискамъ кандидатомъ въ члены совѣта былъ предложенъ единогласно д. чл. Э. Р. фонъ-Штернъ 11 записками и по баллотировкѣ получивъ всѣ бѣлые шары, былъ избранъ въ члены совѣта.

317 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

19-го Марта 1899 г.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена совѣта *Г. И. Перетятковича*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, гг. дѣйств. члены: *А. А. Кочубинскій, И. Ю. Вучина, Х. П. Ящуржинскій, М. Ѳ. Чемена, М. П. Истоминъ, А. В. Лонгиновъ, П. А. Мавродордато, М. Ю. Попруженко, А. Е. Егоровъ, Э. Р. фонъ-Штернъ и Л. Ф. Брунъ.*

Слушали:

I. Заявленіе Судакской сельской общины съ просьбою разъяснить основанія, на которыхъ Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей считало себя въ правѣ отдать въ арендное пользованіе береговую полосу Русскому Обществу Пароходства и Торговли при существованіи арендnаго договора съ Судакскимъ сельскимъ обществомъ, и съ претензіей на уплату сельскому обществу арендной платы, получаемой отъ Общества Пароходства.

Проектъ отвѣта, предлагаемый общему собранію совѣтомъ:

Старостѣ Судакской сельской общины. На заявленіе ваше отъ 2 февраля 1899 года Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей считаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія Судакскаго сельскаго общества нижеслѣдующее:

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей формальнаго договора ни съ Судакскимъ сельскимъ обществомъ, ни съ Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли не заключало, а заключило лишь домашнія предварительныя условія, по которымъ, между прочимъ, Судакскому сельскому обществу предоставлено право рыбной ловли, но не производство вообще промысловъ на береговой полосѣ, какъ говорится въ заявленіи старосты Судакской сельской общины отъ 2 февраля 1899 года. По домашнему условію съ Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли права сельскаго общества

на рыбную ловлю вполнѣ гарантированы и не могутъ быть нарушаемы, и донынѣ отъ сельскаго общества не было никакого заявленія о какомъ либо стѣсненіи его рыбнаго промысла, не смотря на то, что коммиссія изъ членовъ Общества еще въ апрѣлѣ прошлаго года была на мѣстѣ и не разъ бесѣдовала какъ съ самимъ старостой г. Гроссомъ, такъ и съ другими жителями колоніи Судакъ. Отдавая Судакскому сельскому обществу въ оброчное содержаніе крѣпостную землю съ правомъ на разведеніе виноградниковъ, пастьбу скота и рыбную ловлю, Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей не лишало однако себя права извлекать изъ береговой полосы выгоды, по своему усмотрѣнію, исключая, конечно, рыбнаго промысла, какъ это значится въ копіи договора, имѣющейся въ дѣлахъ Общества.

Что касается приговора Судакскаго сельскаго общества отъ 1880 года, представленнаго при заявленіи, то приговоръ этотъ, если бы даже былъ и въ дѣйствительности составленъ въ присутствіи г. вице-президента Общества г. Мурзакевича, для Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей никакой обязательной силы имѣть не можетъ, какъ не вполнѣ согласный съ содержаніемъ договора относительно порядка пользованія отданной въ оброчное содержаніе землей.

Если Судакское сельское общество считаетъ въ чемъ либо свои интересы нарушенными, то отъ него вполнѣ зависитъ отказаться отъ дальнѣйшаго исполненія домашняго условія, прекративъ пользованіе предоставленными ему этимъ условіемъ правами и дальнѣйшую уплату арендной платы.

Постановили: Принять проектъ съ внесенными общимъ собраніемъ поправками.

II. Просьбу академика Н. П. Кондакова, переданную чрезъ вице-президента Общества А. Л. Бертье-Делагарда, о высылкѣ ему въ Ялту для изданія въ «Русскихъ кладахъ» хранящихся въ музеѣ Общества 2 кусковъ древней матеріи изъ Херсонеса; соображенія совѣта о неудобствѣ высылать подобные предметы древности изъ музея куда-либо и предложеніе совѣта: изготовить, по указанію профессора Н. П. Кондакова, точный снимокъ, хотя бы это было сопряжено и съ расходами для Общества.

Постановили: Большинствомъ голосовъ согласиться съ предложеніемъ совѣта; причемъ за высылку тканей академику Кондакову высказался лишь членъ Общества А. А. Кочубинскій.

III. Проектъ условія на арендное пользованіе Аккерманской крѣпостью, присланный г. завѣдующимъ крѣпостью В. И. Штулькерцомъ, и поправки, предлагаемыя въ этомъ условіи совѣтомъ.

Постановили: Большинствомъ голосовъ, противъ одного голоса члена Общества А. А. Кочубинскаго, принять проектъ съ поправками совѣта, но для заключенія условія потребовать наименовать предварительно лицо, желающее арендовать крѣпость.

IV. Заявленіе ревизіонной коммиссіи о томъ, что по ревизіи денежный отчетъ казначея Общества за 1898 г. вполнѣ оправдывается документами.

Постановили: Отчетъ г. казначея за 1898 годъ утвердить.

V. Заявленіе г. секретаря о вновь поступившихъ книгахъ:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. X, № 12, 1899 г., январь.

2) Записки Крымскаго горнаго клуба въ г. Одессѣ, 1898, № 11 и 12, 1899, № 1.

3) Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. VII. Москва 1898 г.

4) Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній Витебской и Могилевской. Вып. 27-ой Витебскъ 1899 г.

5) *Э. Берендтсъ*. Описаніе русскихъ монетъ музея Ярославской ученой архивной коммиссіи, пожертвованныхъ почетнымъ членомъ и казначеемъ коммиссіи И. А. Вахромѣевымъ. Ярославль 1898 г.

6) Отчетъ о дѣятельности Ярославской ученой архивной коммиссіи за 1896—1898 годъ. Ярославль 1898 г.

7) Памятная книжка и адресъ-календарь Уральской области на 1898 годъ Изданіе Уральскаго Областного Статистическаго Комитета.

8) Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета. Годъ LXVI, кн. 1, 2. Казань 1899 г.

9) Извѣстія Императорскаго Томскаго Университета. Кн. XIV. Томскъ 1898 г.

10) Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. III. Софія 1898 г.

11) Этнографическое обозрѣніе. 1898, № 4. Москва 1898 г.

12) Варшавскія Университетскія Извѣстія 1898, VIII, IX.

13) Труды Рязанской ученой архивной коммиссіи 1898 г. XIV годъ. Рязань 1899 г.

14) Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, т. XIV, вып. 6, т. XV, вып. 1 и 2.

15) Памятники, изданные Кіевскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. I, II и III-й. Изданіе 2-ое. Кіевъ 1898 г.

16) Труды Оренбургской ученой архивной коммиссіи. Вып. IV-ый, Оренбургъ 1898 г.

17) Записки Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго Общества. Кн. XXV. Омскъ 1898 г.

18) Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго Университета, годъ VI-й (1898), № 5. Юрьевъ.

19) *С. Селиванов.* О Херсонесѣ Таврическомъ. Рѣчь, произнесенная въ день торжественнаго празднованія 50-лѣтняго юбилея Одесской 2-ой гимназіи. Одесса 1898 г.

20) Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, т. II-й. Харьковъ 1899 г.

21) Воспоминанія о святой землѣ и Аѳонѣ преосвящ. Никанора, епископа Смоленскаго и Дорогобужскаго. С.-Петербургъ 1898 г.

22) Чтенія о святой землѣ. XVII—XXI. Протоіерея В. С. Соловьева Ветхій Завѣтъ. Спб. 1898.

Отъ почетнаго члена А. Л. Бертье-Делагарда:

Книги:

Gamba, Voyage dans la Russie Méridionale 2 vol. et atlas.

Barker, Historical account of the Crimea.

Hammer, Geschichte der Chane der Krim.

Anthoine, Essai sur le commerce et la navigation de la Mer-Noire.

Schlatter, Reise nach dem Südlichen Russland.

Гермогенъ, Таврическая епархія.

Хвольсонъ, Восемнадцать еврейскихъ надписей изъ Крыма.

Постановили: Передать въ библіотеку.

VI. Заявленіе г. хранителя музея о вновь пріобрѣтенныхъ и принесенныхъ въ даръ Обществу вещахъ.

Даръ почетнаго члена А. Л. Бертье-Делагарда:

Золотая монета Визант. импер. Василія и Константина, найденная въ деревнѣ Воронъ, на южномъ берегу Крыма. Двѣ точно такихъ-же, вмѣстѣ найденныхъ, но фальшивыхъ.

Даръ Н. П. Кондакова:

Римская монета И. Адріана, найденная въ Кореизѣ, въ Крыму.

Пріобрѣтены отъ Л. Ф. Бруна.

1) Чернолаковая посуда.

1. Ваза съ 2 ручками со стертымъ рисункомъ, 26 сант. высоты, цѣльная, *Пант.*
2. Ваза съ 2 ручками желобчатая съ рельефно-выступающимъ узоромъ, 22 сант., склеена, *Пант.*
3. Кувшинъ съ 1 ручкой, съ узоромъ въ видѣ гроздьевъ, 21 сант., отлично сохранившійся, *Ольвія.*
4. Чаша съ 2 ручками съ такимъ-же узоромъ, 11 сант., треснута, *Ольвія.*

5. Блюдо съ гравированнымъ узоромъ, 27 сант. ширины, 1 бокъ склеенъ, *Ольвія.*
6. Блюдечко, на днѣ снаружи знакъ (графит.), цѣльн., *Ольвія.*
7. Чаша съ 2 ручк. съ выдавлен. узоромъ грифоновъ и пѣтуховъ вокругъ, 9 сант., цѣльная, *Ольвія.*
8. » » съ узкой ножкой, 16 с., ножка склеена, *Ольвія.*
9. » » » внизу желобчатая, вверху рисунокъ вѣтки, 10 с., цѣльн., отлично сохр., *Ольвія.*
10. » » плоская, съ узкой ножкой, на днѣ узоръ, 7 сант. ручка склеена, *Ольвія.*
11. » » » съ широкой ножкой, 4 с., ручка склеена, *Ольвія.*
12. » » малая, 5 сант., цѣльная, *Ольвія.*
13. Лекиѳъ съ рис. квадриги и 3 фигуръ, 22 сант., цѣльный, отлично сохранившійся, *Ольвія.*
14. » » идущей фигуры, 21 с., цѣльный, отлично сохранившійся, *Ольвія.*
15. » » по бѣлому фону плюща черн. кр., 19 с., цѣльн., отл. сохр., *Ольвія.*
16. » » всадника, 17 сант. (безъ ручки), *Ольвія.*
17. » » лошадей и фигуръ, 15 с. (шейка склеена), *Ольвія.*
18. » » биги, 13 сант., цѣльный, *Ольвія.*
19. » » трехъ листьевъ, 13 с., цѣльн., *Ольвія.*
20. » » верх. украшеній, 11 с., цѣльн., отлично сохр., *Ольвія.*
21. Флаконъ съ рис. сѣтчатымъ, 10 с., цѣльный, отлично сохранившійся, *Ольвія.*
22. » » змѣекъ, 8 с., цѣльн., отл. сохр., *Пант.*
23. » » женской головы, 7 с., цѣльн., отлично сохранившійся, *Ольвія.*
24. » » цвѣтка, 8 сант., цѣльный, отлично сохранившійся, *Ольвія.*
25. » » тоже, 5 с., цѣльн., *Ольвія.*
26. » » узора съ носикомъ, 5 с., безъ ручки, *Ольвія.*

2) Посуда изъ красной глины.

27. Кувшинъ съ 1 ручк. съ узк. шейкой, на ручкѣ штемпель ΔΙΣ, 21 сант., цѣльный, Аккерманъ?
28. Чаша съ 2 ушками, 6 сант., цѣльная, *Ольвія.*
29. Блюдечко, 14 сант. ширины, цѣльное, *Ольвія.*
30. Флаконъ съ черн. ободкомъ и на днѣ знакъ (графит.), 6 с., склеенный, *Ольвія.*

31. Флаконъ простой съ узк. ножкой, 6 с., цѣльн., *Ялта.*
32. Кувшинчикъ простой съ ручкой, 4 с., цѣльн., *Ялта.*
33. Лампа съ изображ. 2 фигуръ на ложѣ, отличной работы, ручка склеена, *Ольвія.*
34. » » сидящей фигуры, цѣльная, *Ольвія.*
35. » безъ изображеній, цѣльная, *Пант.*
36. » покрытая чернымъ лакомъ, *Пант.*
37. » малая съ изображеніемъ звѣря, цѣльная, *Ялта.*
38. Слезница изъ желтой глины, склеена, *Ольвія.*
39. » изъ гипса, цѣльн., *Ольвія?*

3) Терракотты.

40. Женская фигура съ головн. уборомъ и вѣнкомъ въ рукѣ, 21 сант высоты, цѣльная, *Пант.* (поддѣлка).
41. Мужск. фигура съ головн. уборомъ и полунагая, 15 с., цѣльн., отличн. сохран., *Ольвія.*
42. » » съ пѣтухомъ и герм., 11 с., склеена, *Ольвія.*
43. Женск. фигура въ одѣяніи, 17 с, голова прикл., *Ольвія* (поддѣлка).
44. » » » съ распущенными волосами, 23 сант., склеена, *Ольвія.*
45. Рельефъ бюста съ закинутыми руками, 8 с., цѣльн., *Пант.* (поддѣлка).
46. » головы съ прической, 5 сант., цѣльный, *Пант.*
47. Торсъ фигуры съ башней на головѣ (непом.), склеена, *Ольвія.*

4) Стекло.

48. Сосудъ круглый съ высокой шейкой, 19 с., цѣльн., *Ольвія.*
49. Флаконъ съ прекрасной ирризаціей, 15 с., цѣльн., *Пант.*
50. » безъ ирризаціи, 14 сант., *Ольвія*, цѣльный.
51. » » 11 сант., цѣльный, *Ольвія.*
52. » » изъ толстаго стекла, 12 с., цѣльный, *Ольвія.*
53. » » съ плоскимъ дномъ и узкой шейкой, 15 сант., цѣльный, *Ольвія.*
54. » » изъ очень толстаго стекла, 16 с., цѣльн., *Ольвія.*
55. » » изъ очень толстаго стекла, 14 с., склеенъ, *Ольвія.*
56—58. Три слезницы узкія, 12, 10 и 8 с., цѣльн., *Ольвія*
59—61. Три слезницы круглыя, 6 сант., цѣльныя, *Пант.*
62. Слезница изъ цвѣтного стекла (склеена), 10 с. *Пант.*
63. Стаканъ, 7 сант., цѣльный, *Ольвія.*
64 Кувшинъ съ узкой ручкой, 10 с., цѣльн., рѣдкій, *Пант.*

5) Бусы.

65—66. Двѣ нитки синяго стекла.
67. 1 нитка цвѣтнаго стекла.
68. 1 » зеленаго стекла.
69—70. Двѣ нитки мозаичныя.
71. 1 изъ египетской массы.
72. 1 изъ подвѣсокъ египетской массы.
73—74. 2 изъ угольной массы.
75—79. 5 изъ камней черныхъ, красныхъ и пестрыхъ.
80. 1 изъ смѣшанныхъ.

6) Рѣзные камни и стекло съ изображеніями.

81. Камень альмондинъ съ изображ. эрота, отличн. сохран., *Пант*
82. » агатъ » эскулапа, отличн. сохр.
83. » » » фортуны.
84. » » » женской фигуры.
85. » » » узла.
86. » красной яшмы » бюста.
87. » зеленой яшмы » воина.
88. » карнеоль, съ изображеніемъ скарабея.
89. » » » лани.
90. » » » головы лани?
91. » » » животнаго.
92. » » » буквы?
93. Кораллъ съ рельефнымъ изображеніемъ бюста.
94. Стекло изъ бронз. кольца, съ изображ. крылатой фигуры.
95. » » » стоящей фигуры.
96. » » » неясной фигуры.
97. » » » фортуны.
98. » » » тоже меньшей вел.
99. » синее съ двумя головами (сломано).
100. » бѣлое съ двумя фигурами (сломано).
101—103. Три кольца изъ стекла.

7) Предметы изъ золота.

104. Кольцо съ камнемъ карнеоль съ изображ. сидящей фигуры.
105. Кольцо съ камнемъ карнеоль съ изображ. чаши.
106. Два золотыхъ обруча.
107. Золотой кружокъ съ оттискомъ съ монеты Рескупориса.
108. Золотая пластинка съ цвѣткомъ.

8) Предметы изъ бронзы, желѣза и проч.

109. Кольцо съ круглымъ стекломъ (цѣльное).
110. Тоже (сломанное).
111. » съ голубой эмалью (цѣльное).
112. » съ краснымъ гладкимъ камнемъ (сломанное).
113—122. 10 колецъ съ изображеніями (цѣльные).
123—131. 9 колецъ съ изображеніями (сломанные).
132—136. 5 колецъ съ гравирован. украшеніями (цѣльн.).
137. Браслетъ въ видѣ змѣйки (цѣльный).
138. Связки изъ 18 бронзовыхъ и оловяныхъ подвѣсокъ, отлично сохран.
139. Бронзовая фигурка женщины, 4 сант.
140. » » ребенка, 3 сант.
141. » головка, 2 сант.
142—144. Три бронзовыхъ посеребр. малыхъ зеркала.
145. 146. Двѣ бронзовыхъ фибулы.
147. Двѣ оловяныя головы быка.
148. Цилиндрическій амулетъ.
149. Кольцо съ ключемъ.
150. Наконечники стрѣлъ, пряжки, ситечки и проч.

9) Предметы прошлаго вѣка

151. Серебряный складень, 5 сант.
152. Серебряный браслетъ безъ камней, отличн. филиграновое украшеніе
153. Бронзовыя серьги.
154. Бронзовое кольцо.
155. 4 рѣзныхъ камня.
156. 2 чугунныхъ кувшина.

10) Монеты.

157—176. 6 монетъ Тиры, 5 Ольвіи, 3 Херсонеса, 6 Пантикапеи.
177—204. 28 римскихъ монетъ серебряныхъ.
205—230. 26 римскихъ монетъ мѣдныхъ.
231—246. 16 восточныхъ и турецкихъ монетъ серебряныхъ.
247—273. 27 » » » мѣдныхъ.

Постановили: Передать въ музей.

VII. Заявленіе казначея о поступившихъ въ кассу Общества суммахъ: Членскій взносъ отъ д. чл. П. А. Иванова за 1898 г. 5 р., членскій взносъ отъ д. чл. Р. Г. Шмидта за 1897, 98, 99—15 р., членскій взносъ отъ д. чл. А. А. Кочубинскаго за 1897 г. 5 р., отъ А. Л. Бертье-Делагарда за II томъ Записокъ Общества 2 р., отъ д. чл. В. Г. Дружинина за дипломъ 10 р., за II томъ Записокъ отъ П. А. Мавродиадато 3 р., отъ

него-же за дубликаты монетъ 17 р., пособіе изъ Министерства 200 р., членскій взносъ отъ д. чл. Г. И. Перетятковича за 1900 г. 5 р., членскій взносъ отъ д. чл. В. К. Еренштедта за 1898, 99 г. 10 р., членскій взносъ отъ д. чл. И. П. Щелкова за 1899 г. 5 р., за XXI томъ Записокъ Общества отъ Таврической Духовной Семинаріи 1 р. 50 к., проценты съ преміи п. чл. Бертье-Делагарда 12 р. 82 к., проценты съ капитала Общества 48 р. 45 к., членскій взносъ д. чл. протоіерея М. Ѳ. Чемены за 1899 г. 5 р., за проданныя «Терракотты» 1 экз. I-го выпуска и 2 экз. II-го выпуска 9 р., за проданные изъ коллекціи г. Бруна русскіе предметы прошлаго вѣка 13 р., за проданные дублеты монетъ 26 р. 50 к.

VIII. Докладъ д. чл. *В. В. Шкорпила* «Три христіанскія надгробія», найденныя въ Керчи въ 1898 году.

I.

Въ первой половинѣ января 1898 года на Глинищѣ, въ саду К. Верле, найдена почти со всѣхъ сторонъ обломанная плита изъ мелкозернистаго известняка, выш. 0,64 м., шир. 0,63, толщ. 0,10—0,16. На серединѣ лицевой стороны памятника высѣченъ крестъ выш. 0,21 м., шир. 0,11.

Надъ крестомъ, во всю ширину камня, небрежно вырѣзаны двѣ строки греческой надписи, впереди которой высѣченъ небольшой крестикъ (выш. 0,04 м.; выс. буквъ 0,03—0,05 м.).

+ ΕΝΘΑΔΕΚΑΤΑΚΙ	† ἐνθάδε κατάκ(ε)ι-
ΤΕΕΥΤΡΟΠΙ(-ΧΑϚ	τ(αι) Εὐτρόπις-χα'.

Имя Εὐτρόπις (Pape-Benseler s. v.) не встрѣчалось еще на Боспорѣ ни въ языческихъ, ни въ христіанскихъ надписяхъ. Надпись въ высшей степени интересна тѣмъ, что въ ней обозначена дата: 601, по боспорскому лѣтосчисленію, стало быть, 304 годъ по Р. Хр.; дата доказываетъ, что предъ нами древнѣйшій датированный памятникъ христіанства въ Пантикапеѣ. Стигма, высѣченная въ концѣ надписи, служитъ простымъ знакомъ препинанія (см. I. Franz, Elementa epigraphicae Graecae. Berolini 1840, pag. 375: In titulis praesertim Christianis etiam litterae sunt siglorum interpunctionis vicem gerentes, ut ϛ etc.).

II.

Вмѣстѣ съ предъидущимъ памятникомъ найдено надгробіе изъ крупнозернистаго известняка, выш. 0,49 м., шир. 0,33, толщ. 0,07. Верхняя часть камня украшена сводообразнымъ углубленіемъ, въ которомъ рельефно выдается крестъ выш. 0,13 м., шир. 0,11; края углубленія, а также и крестъ закрашены темнокрасною краскою.

Непосредственно подъ изображеніемъ креста небрежно вырѣзаны четыре строки греческой надписи (выш. буквъ 0,02—0,025 м.), въ буквахъ которой сохранились слѣды красной краски.

ЄΝΘΑΔЄΚΑΤ⅄.	ἐνθάδε κατ[ά-
ΚΙΤΕΟΔΟΥΛΟϹ	κ(ε)ιται ὁ δοῦλος
ΘΥΘЄΘЄѠΔ	Θ(εο)ῦ <Θε> Θε(ό)δ-
ΟΡΟϹ	(ω)ρος.

III.

Въ мартѣ 1898 г. найдено на Глинищѣ, недалеко отъ дачи К. Верле, на четыре части разбитое христіанское надгробіе изъ мягкаго известняка, шир. 0,50 м , выш. 0,43, толщ. 0,05—0,065. На памятникѣ вырѣзанъ крестъ и крупныя, глубокія буквы (выш. 0,04—0,09 м.) слѣдующей греческой надписи:

ⱣΕΝΞΔΙΚΑΤ	Ᵽ ἐνθ[ά]δε κατ-
ΑΚΙΤΕ□Δ□Υ	άκ(ε)ιτ(αι) ὁ δοῦ-
⅄□ΙΤ□ΥΞΥφ.	λος τοῦ Θ(εο)ῦ Φ-
Η⅄Ι⊱	ῆλιξ.

На крестѣ замѣтно небольшое закругленіе, представляющее кружокъ буквы Р (см. изслѣдованіе Ю. А. Кулаковскаго, Керченская христіанская катакомба 491 года. Спб. 1891, стр. 18).

Постановили: печатать въ протоколѣ 317 засѣданія.

IX. Докладъ д. чл. *А. И. Маркевича*: «Два пріобрѣтенныхъ музеемъ акта».

Сообщаемые ниже 2 акта, относящіеся къ 1739 году, имѣютъ слѣдующій интересъ:

Первый актъ относится къ области комисаріатскаго управленія въ половинѣ XVIII в., не особенно хорошо извѣстной; въ тоже время въ немъ упоминается Донская экспедиція—тоже учрежденіе не очень извѣстное, какъ и вообще вся исторія Донскаго края въ промежутокъ между Булавинскимъ и Пугачевскимъ бунтами.

Второй актъ изображаетъ нѣсколько тревожное отношеніе правительства къ вопросу о присягахъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1730 и 1731 годахъ, достаточно объясняемое тѣми общеизвѣстными обстоятельствами, послѣ которыхъ присяги эти происходили.

I.

№ 899.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской Генеральнаго военнаго походного комисаріата изъ комисіи Донской экспедиціи обрѣтающемуся въ Чугуевѣ при провіантѣ капитану Малютину. По Ея Императорскаго Величества указу и по опредѣленію комисіи Донской экспедиціи велѣно для записки прихода и расхода провіанта въ нынѣшній 739-й годъ приходящую и расходную книгу отослать къ вамъ, которыя вамъ содержать въ чистотѣ и добромъ охраненіи и записку приходу и расходу имѣть неотмѣнно по адмиралтейскому регламенту. И капитану Малютину учинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величества указу Генваря 9 дня 1739 году.

Оберштеркригсъ комисаръ Ртищевъ:

Секретарь Александръ Протасовъ.

Вторая страница чистая; на третей въ концѣ приписка: Получилъ Генваря 11 дня 1739 года; а на четвертой: Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской Генеральнаго военнаго комисаріата отъ комисіи Донской экспедиціи обрѣтающемуся въ Чугуевѣ у провіантскаго магазина капитану Малютину.

Изъ благополучнаго мѣста
Ольшанъ
въ Чугуевъ.

Отчасти сохранилась и небольшая красная сюргучная печать, которою запечатанъ былъ листъ; на ней виденъ двоегласный орелъ и надпись: Донской Экспедиціи. . . . . комисаріата печать.

На первой же страницѣ въ углу, гдѣ вообще помѣщается нумерація страницъ, написано 171; вѣроятно актъ былъ сложенъ со многими другими подобными, но изъ книги онъ не вырванъ.

При печатаніи правописаніе исправлено.

II.

1739-го года сентября 4 дня по силѣ присланнаго Ея Императорскаго Величества съ Бѣлогородской губернской канцеляріи въ Салтовскую воеводскаго правленія канцелярію указа велѣно въ силѣ состоявшихся Ея Императорскаго Величества въ 730-мъ и 731-мъ годахъ указовъ: Кто не былъ въ вѣрности Ея Императорскаго Величества и по ней высокимъ наслѣдникомъ въ присягѣ, съ такого по силѣ указовъ взять штрафъ тридцать рублей и приводить по силѣ состоявшихся въ вышеписанныхъ годахъ указовъ къ присягѣ. И по силѣ оного Ея Императорскаго Величества указу мы нижеподписавшійся Харьковскаго слободскаго полку салтовской сотни села Мартового попъ Архангельской церкви Алексѣй Щербина въ

Салтовской воеводскаго правленія канцеляріи по сущей Евангельской заповѣди сказалъ въ правду, что въ 730-мъ и 731-мъ годехъ въ присягѣ былъ въ городѣ Чугуевѣ, а приводимъ былъ соборной Преображенской церкви протопопомъ Яковомъ Илѣнскимъ. Оной же Архангельской церкви дьячекъ Гаврило Штепинъ по сущей правдѣ сказалъ, что въ 730-мъ и 731-мъ годехъ въ Малороссіи въ мѣстечкѣ Ромнѣ было у присяги и приводимъ Покровской церкви попомъ Стефаномъ, а какъ его прозваніе, не упомнитъ. Тояжъ церкви полимарь Николай Коноваловъ по сущей Евангельской заповѣди сказалъ въ правду, что былъ въ присягѣ вышеписанныхъ обоихъ 730-го и 731-го годовъ въ мѣстечкѣ Чугуевѣ, а приводимъ было соборной Преображенской церкви протопопомъ Яковомъ Илѣнскимъ. А ежели въ сей сказкѣ показали ложно и за то учинить намъ по силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ штрафъ, чего будемъ достойны, въ чемъ и подписуемся: Въ сей сказкѣ вышеписанной сотнѣ села Мартового Архангельской церкви попъ Алексѣй Щербина по евангельской заповѣди сущую правду показалъ и руку приложилъ. Къ сей сказкѣ вышеписаннаго села Мартового Архангельской церкви дьячекъ Гаврило Штепинъ и вмѣсто вышеписаннагожъ села Архангельской церкви поламаря Николая Коновалова въ томъ, что въ сей сказкѣ сущую правду сказали, руку приложили.

Правописаніе исправлено за исключеніемъ нѣкоторыхъ характеристическихъ случаевъ. Можно замѣтить однако, что актъ писанъ малоросомъ, ибо онъ смѣшиваетъ *ы* и *и*, напр. по сылѣ, состоявшыхся, били (были), вишеписанныхъ и т. п.; точно также нерѣдко смѣшиваются *и* и *ѣ*.

Постановили: Напечатать въ протоколѣ настоящаго засѣданія Общества.

X. Докладъ д. чл. *Э. Р. фонъ-Штерна*: «О результатахъ новѣйшихъ раскопокъ въ Херсонесѣ».

Гг. членамъ Общества, должно быть, по краткимъ замѣткамъ, сообщеннымъ въ мѣстныхъ газетахъ, уже извѣстно, что въ послѣднее время въ Херсонесѣ сдѣланы какія-то замѣчательныя открытія и находки.

Въ виду неполноты и суммарности этихъ замѣтокъ я полагаю, что гг. членамъ небезъинтересно будетъ получить болѣе спеціальныя свѣдѣнія о результатахъ послѣднихъ раскопокъ въ Херсонесѣ. Нашъ многоуважаемый вице-президентъ, А. Л. Бертье-Делагардъ, который г. завѣдующимъ раскопками былъ вызванъ изъ Ялты въ Херсонесъ, сообщилъ мнѣ въ письмѣ первыя, болѣе детальныя свѣдѣнія о значеніи сдѣланныхъ открытій. Эти открытія казались мнѣ столь важными для исторіи Херсонеса, что я рѣшился воспользоваться свободнымъ отъ занятій временемъ на страстной недѣлѣ, чтобы поѣхать въ Херсонесъ и на мѣстѣ изучить вновь найденный матеріалъ. Сообщивъ предварительно въ мартовскомъ засѣданіи Общества о результатахъ новыхъ раскопокъ на основаніи извѣстныхъ

мнѣ тогда данныхъ, я сохранилъ за собою право при печатаніи протокола засѣданія дополнить свой сжатый резюмé сдѣланными мною на мѣстѣ наблюденіями. Возвратившись теперь изъ поѣздки въ Херсонесъ, честь имѣю донести членамъ Общества слѣдующее:

Уже въ прошломъ году раскопаны были на *правой сторонѣ* отъ въѣзда въ складъ Херсонесскихъ древностей (всѣ опредѣленія мѣста сдѣланы въ настоящей замѣткѣ съ точки зрѣнія человѣка, стоящаго лицемъ къ морю), недалеко отъ берега Карантинной бухты, значительные остатки круглой башни, построенной изъ весьма тщательно обтесанныхъ плитъ, сложенныхъ безо всякой извести или цемента. Не могло подлежать никакому сомнѣнію, что эти остатки башни относятся къ самымъ древнимъ сооруженіямъ, до сихъ поръ найденнымъ въ Херсонесѣ; но такъ какъ онѣ находятся въ средѣ чисто византійской постройки и сами по себѣ неособенно значительны, то конечно казалось рискованнымъ сдѣлать на ихъ основаніи какія-нибудь опредѣленные выводы.

Въ настоящемъ году г. завѣдующій раскопками продолжалъ начатыя въ прошломъ году работы *на лѣво* отъ въѣзда въ складъ Херсонесскихъ древностей, по направленію къ монастырю, параллельно съ византійской стѣной. Оказалось при этомъ, что то, что прежде считалось материкомъ, была лишь насыпная земля, и подъ византійской стѣной въ глубину приблизительно 18 футовъ находится *древнегреческая стѣна прекраснѣйшей кладки* отъ IV вѣка до Р. Х. Эта стѣна еще далеко не раскопана во всемъ ея протяженіи; тѣмъ не менѣе уже сдѣланы замѣчательныя открытія; тамъ, гдѣ теперь начинается ограда монастырскаго сада, обнаружены древнія ворота, надъ которыми впослѣдствіи, только немного лѣвѣе, построены были и византійскія ворота. Въ шагахъ пяти или шести направо отъ этихъ древнихъ воротъ съ внѣшней стороны стѣны есть мина, ведущая въ стѣну; на четверинкахъ можно влѣзть въ эту мину, которая въ стѣнѣ направо и налѣво распространяется на пять аршинъ. Устроена эта мина конечно при постройкѣ самой стѣны, и въ ней расположены были урны съ пепломъ, содержащія самые богатые золотые предметы украшенія — серьги и ожерелья, которыя по тонкости и красотѣ работы смѣло могутъ поспорить съ самыми знаменитыми находками изъ Кулъ-Обскаго и другихъ Керченскихъ кургановъ IV вѣка. Между урнами, въ которыхъ сдѣланы эти богатыя открытія, заслуживаетъ особеннаго вниманія одна чернолаковая гидрія; туловище ея совершенно гладко (между тѣмъ какъ оно при Керченскихъ гидріяхъ подобной формы и величины бываетъ обыкновенно желобчатымъ); на шеѣ гидріи довольно рельефно выступающее желтое ожерелье изъ продолговатыхъ капель, а ниже, на верхней части туловища, отъ одной поперечной ручки къ другой, въ свѣтло-желтой краскѣ нарисована лента въ видѣ діадемы изъ весьма своеобразнаго лиственнаго узора.

Первое мое предположеніе при осмотрѣ этой мины было, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ тайнымъ проходомъ черезъ стѣну и что она только впослѣдствіи была приспособлена къ похоронной цѣли. Отъ смотрителя музея Ѳедора —(д. ч. Общества завѣдующій раскопками, К. К. Косцюшко-Валюжиничъ во время моего посѣщенія Херсонеса еще не вернулся изъ С.-Петербурга) я узналъ, что и А. Л. Бертье-Делагардъ высказалъ подобное предположеніе и что вслѣдствіе этого послѣ его отъѣзда г. Косцюшко распорядился вынуть плиту, которою эта мина заканчивается теперь въ направленіи на право; но дальнѣйшаго прохода тамъ не найдено, а есть лишь массы насыпнаго бута. Окончательнаго рѣшенія этого вопроса можно будетъ ожидать только тогда, когда древняя стѣна и со внутренней стороны, со стороны города, будетъ окончательно до материка раскопана. Если тогда не обнаружится слѣдовъ такого скрытаго прохода черезъ стѣну, то остается полагать, что строитель стѣны при самой ея постройкѣ позаботился объ устройствѣ въ ней для себя фамильнаго склепа. Богатые предметы украшенія, положенные въ этомъ склепѣ, служатъ яснымъ доказательствомъ знатнаго происхожденія его рода и его богатствъ.

Къ внѣшней сторонѣ этой древне-греческой стѣны въ направленіи направо отъ древнихъ воротъ пристроены были впослѣдствіи еще другіе склепы. Пока такихъ склеповъ раскопано два, но по всей вѣроятности ихъ найдено будетъ больше. Это склепы построены изъ штучныхъ, довольно хорошо обтесанныхъ камней на извести и сооружены такъ, что одну, высшую ихъ сторону составляетъ древняя стѣна, отъ которой отлого, какъ бы въ формѣ терассы, склепъ спускается внизъ до материка. Входъ въ эти склепы съ правой стороны, и внутри устроено до 14-ти и больше отдѣленій для помѣщенія въ нихъ урнъ съ пепломъ покойныхъ. Что эти склепы относятся къ болѣе позднему періоду, чѣмъ постройка стѣны, видно уже по кладкѣ камней и способу всей конструкціи; но и помимо того болѣе позднее ихъ происхожденіе доказывается тѣмъ фактомъ, что рядомъ съ однимъ изъ этихъ склеповъ находятся фундаменты и остатки одной полукруглой башни, построенной одновременно со стѣной. Эта башня должна была быть уже разрушенной, прежде чѣмъ могли приступить къ постройкѣ склепа, для которой отчасти еще пользовались камнями, принадлежавшими къ этой башнѣ. Съ другой стороны надъ склепами проведены трубы византійскаго водопровода: въ то время значитъ вся греческая стѣна и эти склепы были уже вполнѣ засыпаны, слѣды ихъ исчезли. Такимъ образомъ эти склепы могли быть устроены приблизительно въ первомъ вѣкѣ до Р. Х., можетъ быть и немного позже; къ сожалѣнію въ погребальныхъ урнахъ, помѣщенныхъ въ этихъ склепахъ, не найдено почти никакихъ предметовъ, за исключеніемъ одного гладкаго золотого перстня; судить по немъ точно о времени погребенія невозможно, и надо

только надѣяться, что дальнѣйшія находки дадутъ возможность еще болѣе детальнаго опредѣленія въ этомъ отношеніи.

Тѣмъ не мѣнѣе добытые до сихъ поръ раскопками нынѣшняго года результаты позволяютъ уже сдѣлать немаловажные выводы для исторіи Херсонеса.

Во первыхъ, — и это самое главное, — послѣ открытія древне-греческой стѣны IV вѣка до Р. Х. не можетъ быть болѣе спора о томъ, что древне-греческій городъ расположенъ былъ съ самаго начала на томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ находился римскій и византійскій Херсонесъ. Мое предположеніе («О мѣстоположеніи древняго Херсонеса», 296 протоколъ засѣданій нашего Общества, апрѣль 1896 года), высказанное три года назадъ на основаніи разныхъ соображеній, что показаніе Страбона о перенесеніи города на другое мѣсто не заслуживаетъ довѣрія, нашло теперь фундаментальное подтвержденіе. А. Л. Бертье Делагардъ, который являлся по военно-инженернымъ соображеніямъ авторитетнымъ защитникомъ Страбона, теперь въ виду новыхъ открытій также согласенъ, что придерживаться мнѣнія Страбона больше нельзя. Надо полагать, что описаніе осады, которое по компетентному мнѣнію Александра Львовича можетъ относиться только къ поселенію около Казачьей бухты (гдѣ по всей вѣроятности и расположена была одна изъ крѣпостицъ Херсонитовъ («τὰ τείχη»), и которое въ источникѣ Страбона отнесено было къ этому укрѣпленному мѣсту, по недоразумѣнію пріурочивается Страбономъ къ самому городу, и что Страбонъ, убѣдившись въ томъ, что городъ въ его время расположенъ былъ въ другой мѣстности, чѣмъ та, которую онъ описалъ при передачѣ разсказа объ осадѣ, вынужденъ былъ высказать свое убѣжденіе о перенесеніи города на другое мѣсто. Это объясненіе возникновенія ошибки Страбона конечно только гипотеза; при ней однако, т. е. при предположеніи, что Страбонъ невѣрно толковалъ выраженіе источника τεῖχος (=крѣпость) въ смыслѣ городской стѣны, легче всего объяснится заблужденіе знаменитаго географа.

Во вторыхъ, изъ результатовъ нынѣшнихъ раскопокъ можно вывести заключеніе, что эта древне-греческая стѣна въ первомъ вѣкѣ до или послѣ Р. Х. отчасти была уже разрушена; полукруглая башня уже не существовала, стѣна не служила больше для оборонительныхъ цѣлей и къ ней пристроили склепы для помѣщенія въ нихъ урнъ съ прахомъ покойниковъ.

Такъ какъ въ древности устройство кладбища мыслимо только внѣ городской черты, то отсюда вытекаетъ, что и въ этотъ періодъ городъ не расширялся въ сравненіи съ древне-греческимъ городомъ болѣе въ глубь страны.

Въ третьихъ, наконецъ, то обстоятельство, что надъ этими склепами и древне-греческой стѣной проведены водопроводныя трубы изъ хорошо

обожженой глины ранне-византійскаго періода, доказываетъ, что вся эта мѣстность тогда уже была вполнѣ засыпана и византійцы могли воспользоваться только верхнимъ слоемъ кладки этой высокой древне-греческой стѣны, какъ фундаментомъ для устройства своей собственной стѣны.

Вотъ пока вкратцѣ тѣ выводы, которые позволяютъ сдѣлать результаты раскопокъ нынѣшняго года. Они весьма любопытны и важны для топографіи и исторіи древняго Херсонеса. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшій ходъ работъ, съ такой энергіей и умѣніемъ предпринятыхъ г. Косцюшко-Валюжиничемъ, увѣнчаются полнымъ успѣхомъ и дадутъ намъ возможность съ точностью разъяснить судьбу этого самаго важнаго для отечественной археологіи города.

Постановили: Напечатать въ протоколѣ 317 засѣданія Общества.

XI. Докладъ проф. Э. Р. фонъ-Штерна: «Объ античныхъ вазахъ съ поливой и рельефными изображеніями, найденныхъ въ послѣднее время на югѣ Россіи».

Постановили: Напечатать въ слѣдующемъ томѣ Записокъ.

318 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

29-го Апрѣля 1899 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *А. Л. Бертье-Делагарда* при секретарѣ *А. А. Павловскомъ* члены Общества: *А. А. Кочубинскій, А. В Лонгиновъ, И. А. Линниченко, А. И. Маркевичъ, Г. Р. Шмидтъ, Ю. А. Кулаковскій, Л. Ф. Брунъ, Х. П. Ящуржинскій, В. Н. Мочульскій, Э. Р фонъ-Штернъ, Г. И. Перетятковичъ, М. Ю. Попруженко, П. А. Мавродордато, С. А. Селивановъ, А. Е. Егоровъ, И. Ю. Вучина* и членъ корреспондентъ *В. И. Штулькерцъ.*

Слушали:

I. Благодарность Его Императорскаго Величества Великаго князя Георгія Михайловича Обществу за поднесеніе XXI тома Записокъ Общества и экземпляра изданія «Музей Общества, вып. II. Терракотты».

II. Заявленіе г. вице-президента о необходимости избрать секретаря Общества за отказомъ д. чл. А. А. Павловскаго.

Постановили: избрать предварительно кандидатовъ на эту должность записками.

По запискамъ были предложены: дѣйст. чл. А. И. Маркевичъ и М. Ю. Попруженко 5 голосами, А. А. Кочубинскій и И. А. Линниченко 2 голосами и Х. Н. Ящуржинскій 1 голосомъ; но послѣдніе три заявили, что они отказываются отъ баллотировки.

При закрытой баллотировкѣ получили: А. И. Маркевичъ 9 бѣлыхъ шаровъ и 6 черныхъ и М. Ю. Попруженко — 8 бѣлыхъ и 7 черныхъ; такимъ образомъ, въ секретари Общества былъ избранъ А. И. Маркевичъ.

III. Заявленіе г. вице-президента о необходимости избрать четырехъ членовъ Совѣта, ибо кончился срокъ, на который были избраны прежніе.

Единогласно постановили: избирать гг. членовъ Совѣта по запискамъ, послѣ чего были избраны: д. чл. Э. Р. фонъ-Штернъ, А. В. Лонгиновъ,

Г. И. Перетятковичъ и А. А. Павловскій, получившіе абсолютное большинство голосовъ, а именно: проф. Э. Р. фонъ-Штернъ 17, А. И. Лонгиновъ 14, Г. И. Перетятковичъ и А. А. Павловскій по 11.

IV. Заявленіе г. вице-президента о необходимости избрать трехъ членовъ редакціоннаго комитета, въ виду окончанія срока, на который были избраны прежніе.

Единогласно постановили: избрать членовъ редакціоннаго комитета по запискамъ, послѣ чего были избраны: д. чл. И. А. Линниченко, А. А. Кочубинскій и Л. Ф. Брунъ, получившіе абсолютное большинство голосовъ, а именно: И. А. Линниченко—16, А. А. Кочубинскій—14 и Л. Ф. Брунъ—9 голосовъ.

V. Предложеніе вице-президента объ избраніи депутатовъ отъ Общества на предстоящій Кіевскій Археологическій Съѣздъ.

Постановили: просить быть депутатами: г. вице-президента А. Л. Бертье-Делагарда, д. ч. М. П. Истомина, А. А. Кочубинскаго, И. А. Линниченко, А. В. Лонгинова, П. А. Мавродордато, А. И. Маркевича, А. А. Павловскаго и Э. Р. фонъ-Штерна и о томъ извѣстить предварительный комитетъ Съѣзда.

VI. Отношеніе Кіевскаго комитета Археологическаго Съѣзда о высылкѣ картъ, изъ числа принадлежащихъ Обществу, для археологической выставки во время Съѣзда, и представленіе Совѣта Общества о неудобствѣ посылки нѣкоторыхъ особенно рѣдкихъ картъ.

Постановили: просить г. вице-президента отобрать карты для отправки комитету Съѣзда, но не изъ чрезвычайно рѣдкихъ. Д. чл. Ю. А. Кулаковскій согласился доставить эти карты комитету.

VII. Предложеніе г. Гилятовскаго объ арендѣ Аккерманской крѣпости на 12 лѣтъ.

Постановили: въ принципѣ принять предложеніе, поручивъ г. вице-президенту выработать проэктъ договора согласно съ указаніями, сдѣланными въ настоящемъ засѣданіи.

VIII. Предложеніе попечительства о народной трезвости въ г. Аккерманѣ о предоставленіи ему пользованія Аккерманскою крѣпостью для устройства народныхъ гуляній.

Постановили: предоставить попечительству для указанной цѣли мѣсто на гласисѣ крѣпости.

IX. Заявленіе секретаря о вновь поступившихъ книгахъ:

1) Отчетъ церковно-археологическаго общества при Кіевской Духовной Академіи за 1898 годъ.

2) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета. Годъ LXVI, книга 3 (Мартъ) и 4 (Апрѣль).

3) Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1899, 1 и 2.

4) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1895 г. Спб. 1898.

5) Записки Крымскаго Горнаго Клуба въ Одессѣ. 1899 г. № 2.

6) *А. Бертье-Делагардъ*, Керменчикъ (Крымская глушь) Одесса 1899.

7) Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Т. XV, вып. 3.

8) Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Декабрь 1998 г.; т. IX, Приложенія.

9) Православный Палестинскій Сборникъ. 49 вып. Спб. 1898 г.

10) Палестинскій Патерикъ. 49 вып. Спб. 1899.

11) *П. Короленко.* Войсковые фабрики и заводы Черноморскаго казачьяго войска. Симферополь 1899.

12) Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи № 29 (годъ XII-й). Симферополь 1899.

13) Записки Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Ч. XXV, вып. 1: *П. Сырку.* Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ. Время и жизнь Патріарха Евеимія Тырновскаго. Спб. 1898.

14) Записки Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Ч. LI: *М. Ростовцевъ.* Исторія государственнаго откупа въ Римской Имперіи (отъ Августа до Діоклетіана). Спб. 1899.

15) Записки Историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго Университета. Ч. XLVIII: *С. Жебелевъ.* Изъ исторіи Аѳинъ. 229—31 годъ до Р. Хр. Спб. 1898.

16) Отчетъ о дѣятельности Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества за 1897 г. Омскъ 1899.

17) Протоколы засѣданій совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго Университета за 1897 г., № 53 и 54. Спб. 1899 г.

18) Годичный актъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета 8 февраля 1899 года.

19) Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго Университета. 1899. № 1-й.

20) Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. XXXIV, 1898. Вып. V-й.

21) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга XI-я. Москва 1899.

22) *Д. Н. Анучинъ.* Къ исторіи искусства у приуральской чуди. Москва 1899.

23) Одиннадцатый археологическій съѣздъ въ Кіевѣ 1—20 августа 1899 года. Москва 1899.

24) Sitzungs-Berichte der Pernauer Alterthumforschenden Gesellschaft 1897 und 1898. Gedruckt für die Mitglieder. Pernau 1898.

25) *F. Imhoof Blumer.* Die antiken Münzen Nord-Griechenlands. B. I. Dacien und Moesien, bearbeitet von B. Pick. I Halbband. Berlin, 1899.

26) Kwartalnik historyczny. Rocznik XII, zeszyt IV. 1898. Rocz. XIII, zeszyt I. 1899.

27) Записки Наукового Товариства имени Шевченка. Рік VIII, т. XXVIII, 1899. кн. II.

28) Starine. Na sviet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Knjiga XXIX. U Zagrebu. 1898.

29) Rad jugoslovenske Akademye znanosti i umjetnosti. Knjiga CXXXVI. Razredi filologijsko-historijski i filosofijsko-juridički. I. U Zagrebu. 1898.

30) Vjestnik Hrvatskoga archeološkoga društva. Nove serije sveska III. 1898. Zagreb. 1898/99.

31) Poviest Jevrejskoga Julijeva i Grgureva Koledara obzirom. Na Swetkovanje Vazmenog Blagdana. Sostavio Otac Vicko Tomašic. Reda z. Frane Zadar 1898.

32) Atti della Societa Ligure di Storia patria. Volume XXVIII, fascicolo III, и V. XXIX, f. II Genova. 1898.

33) *Bochlau*, Aus Irnischer und italischer Nekropoler. Leipzig 1898.

34) Commentationes Philologicae. Сборникъ статей въ честь И. В. Помяловскаго. Спб. 1897.

35) Vestnik Slovenských starožitnosti. Vydava Dr. Lubor Niederle. Svazek II. Praha 1899.

36) Bulletino di archeologia e storia Dalmata. Anno XXII, 1—3.

37) Vjestnik kr. Hrvatsko-Slavonsko-Dalmatinskog zemaljskog arkiva. Godina 1, Svezak 2. Zagreb 1899.

38) Liste alphabetique des familles de la ci-devant République de Gênes ayant reçu des titres de noblesse sous la Premier Empire (11 Juin 1805—11 avril 1814) d'après les documents authentiques. Florence 1898.

39) Каталогъ украинскихъ древностей коллекціи В. В. Тарновскаго. Кіевъ 1899 (отъ В. В. Тарновскаго).

40) Etablissement du Lycée Richelieu à Odessa. P. 1817 (отъ д. чл. Г. Р. Шмидта).

X. Заявленіе хранителя музея о вновь поступившихъ предметахъ *Отъ А. Л. Бертье-Делагарда*:

а) Географич. карты и планы:

1) Генеральн. карта Новороссійской губ. Исленьева 1779 г. .	1	листъ.
2) Russie d'Asie, около 1780 г.	1	»
3) Историческая карта Россійской Имперіи, 1793 г.	2	»
4) Principatum Maldav. et Walach. tabula geogr., 1774 г. . .	1	»
5) Карта представл. изобрѣтенія рос. морепл. на сѣверной ч. Америки, около 1780 г..	1	»

6) Del. prov. Tartarorum nunc Crim, 1685 г. . . . . 1 листъ.
7) Carta du guvern. de Tauride par Dezauche, 1788 г. . . . 1 »
8) Provinciarum Turcico Tartaricorum, 1738 г. (Рѣдка) . . . 1 »
9) Azow, mit der kleinen Tartarey, dem Schwarze Meer etc. около 1720 г. . . . . 1 »
10) Theatre de la guerre dans la petite Tartarie, la Crimée etc. 1736 г. . . . . 2 »
11) Carte exacte d'une partie de la Russie, la petite Tartarie etc., 1769 г. (рѣдкая) . . . . . 1 »
12) Nouvelle carte de la petite Tartarie et de la Mer Noire, около 1730 г. . . . . 1 »
13) Nova et accurata Turcicorum et Tartaricum provinciorum— designatio, около 1737 г. . . . . 1 »
14) Carte Nouvelle de la Grande Russie dans l'estat ou il s'est trouvé à la mort de Pierre le Grand; около 1730 г. . . . 1 »
15) La Russie Blanche ou Moscovie. 1692 . . . . . 1 »
16) Mare Mediterraneum etc., около 1700 г. . . . . 1 »
17) La Russie Noire ou Polonoise, 1674 . . . . . 1 »
18) Haute Podolie, 1665 . . . . . 1 »
19) Basse Podolie, 1665 . . . . . 1 »
20) Poloniae-Auctore Wenceslao Godreccio, около 1600 (оч. рѣдка) 1 »
21) Карта, представляющая Польшу и Молдавію, 1769 г. . . 1 »
22) Magni ducatus Lithuaniae, 1613 (оч. рѣдка) . . . . . 1 »
23) Карта путешествія Ея Императорскаго Величества въ Бѣлорусскія намѣстн. 1780 г. (рѣдка) . . . . . 1 »
24) Partie Orientale de la Russie Polonoise, около 1750 г. . . 1 »
25) Estats du Grand Duc de Moscovie, около 1700 г. . . . . 1 »
26) La Moscovie Meridionale, около 1730 г. . . . . 1 »
27) Carte reduite de la Moscovie, около 1730 г. . . . . 1 »
28) Изображеніе земного глобуса, Европы, Африки, Америки и Азіи, 1791 г. . . . . 5 »
29) Карта новыхъ открытій въ Восточн. окіанѣ, 1781 г. . . 1 »
30) Carte nouvelle de Moscovie, 1792 г. . . . . 1 »
31) Tabula Russiae... dediata ab Hess. Gerard; 1614 г. (рѣдка) . 1 »
32) Carte de la Mer Caspienne, около 1750 г. . . . . 1 »
33) Imper. Russici... tabula, opera I. M. Hosii, 1739 г. . . . . 1 »
34) Ukrainae pars, que Podolia palatinatus vulgo dicitur, около 1665 г. . . . . 1 »
35) Russiae, Moscoviae et Tartariae descriptio. Auct. A. Jenkensono, 1562 г. (оч. рѣдка) . . . . . 1 »
36) Carte de Moscovie. A. S. Ex. M. And. Arteman. de Matweof, около 1700 г. . . . . 1 »

37) Empire de Russie, 1771 г. . . . . 2 листъ.
38) Ukraina, около 1740 г. . . . . 1 »
39) Tabula Moscoviae, около 1700 г. . . . . 2 »
40) Mare Nigrum, около 1770 г. . . . . 1 »
41) Генеральная карта Грузіи, 1819 г. . . . . 12 »
42) Tabula Russia vulgo Moscovia, около 1660 г. . . . . 1 »
43) Russiae vulgo Moscovia pars Australis, auct. Jassa, около 1660 г. 1 »
44) Nouv. carte geograph. du Gr. Royaume de Moscou, repr. la partie merid., около 1700 г. . . . . 1 »
45) Plan de la v. de Chotzyn, 1788 . . . . . 1 »
46) Plan de Bender et d'Oczakow, 1788 г. . . . . 1 »
47) Kamienec Podolski, 1705 . . . . . 1 »
48) Carte des Embouchures du Tanais, около 1770 . . . . . 1 »
49) Plan d'Azak, около 1770 г. . . . . 1 »
50) Plan de la ville d'Astracan, около 1770 г. . . . . 1 »
51) Oczakow aux Turcs, 1770 г. . . . . 1 »

Всего . . 71 листъ.

b) Предметы:

1) Глиняный сосудъ въ формѣ барана изъ Ольвіи.
2) Арибаллъ изъ зеленой египетской массы, изъ Ольвіи.
3) Большой Ольвійскій асъ, Деметра и Орелъ съ вѣтвью.
4) Малый асъ, Аѳина и кругъ.
5) Тоже, Горгона и орелъ, съ именемъ чиновника.
6) Серебряное кольцо съ рѣзнымъ камнемъ, изъ Аккермана.

Отъ А. Е. Егорова:

		Серебряныя.	Бронзовыя.
Медалей:	русскихъ	3	3
	восточныхъ	—	1
Монетъ:	византійскихъ	—	4
	восточныхъ	7	15
	европейскихъ	6	27
	русскихъ императорскихъ	6	11
	» царскихъ	78 (копѣечекъ)	—
	греческо-римскихъ	6	21
	Всего .	106	82
		188	

Сверхъ того, совершенно стертыхъ, неразобранныхъ 30 штукъ.

Отъ г. Штулькерца: одна простая глиняная амфора и осколки стекла и фаянса, восточнаго и итальянскаго, средне-вѣковаго.

Отъ г. Мерджанова: одна шейка отъ амфоры со штемпелемъ Σ Ω М.

Отъ А. А. Скрягина — полтинникъ Императрицы Елисаветы 1753.

Отъ г. Л. Гохманна: мраморная голова льва (поврежденная), 2 свинцовыхъ вѣсовъ и кусокъ изъ обработанной кости.

Отъ А. И. Новикова въ Керчи: глиняный флаконъ («баклага») съ часто повторяющимся знакомъ неизвѣстнаго значенія $\frac{\Upsilon}{HK}$ Сосудъ найденъ въ Эльтычинѣ.

Отъ А. И. Маврогордато: богатая конская сбруя изъ Керчи и сосудъ (чернолаковый) съ лиственнымъ узоромъ и надписью AIONYΣOY.

Куплено у г. *Л. Гохманна*: Мраморная голова Зевса, верхняя часть подлинной стелы съ богатымъ пальментовымъ украшеніемъ и поддѣльной надписью; маленькій мраморный сосудъ съ дельфиномъ и фрагментъ надписи.

. . . . VV . . . .
. . . . TOΣY . . . .
. . . . IAITI . . . .
. . . . NE . . . .

Куплено изъ коллекціи покойнаго г. *Гугеля:* 1) Амфора чернолаковая, на черномъ фонѣ три красныхъ фигуры; двѣ играютъ въ мячъ. 2) Алабастръ, по желтому фону три черныхъ, женскихъ фигуры 3) Алабастръ, по бѣлому фону два черныхъ льва; въ полѣ узоры въ видѣ звѣздъ. 4) Лампочка изъ натуральнаго цвѣта глины о двухъ фитиляхъ и съ отверстіемъ для входа воздуха. 5) Канеаръ съ цвѣточнымъ орнаментомъ кверху и желобчатымъ тѣломъ. 6) Чаша на ножкѣ съ двумя ручками; по темному фону желтой и синей краской орнаментъ въ видѣ ожерелья. 7) Чаша подобная же по формѣ и стилѣ работы, но орнаментъ лиственный бѣлой краски. 8) Чаша маленькая съ широкимъ разваломъ вверху и желтымъ орнаментомъ по черному фону. 9) Чаша маленькая, тѣло съ поперечной бороздой въ видѣ украшенія. 10) Пиксида, крыта коричневымъ блестящимъ лакомъ. 11) Кувшинъ съ одной ручкой, бѣлой глины (weisser Pfeiffenthon), 2 поперечныхъ красныхъ обруча. 11) Родъ курильницы изъ грубой глины, орнаментъ изъ красныхъ листьевъ. 12) Пискида изъ слоновой кости, точеная, съ крышкой. 13) Пиксида изъ кости съ мѣшалкой. 14) Крышка отъ сосуда съ изображеніемъ сфинкса. 15) Золотой перстень съ рѣзнымъ камнемъ (заяцъ).—Всѣ эти предметы изъ Ольвіи. 16) Ойнохоэ, чернолаковая, съ цвѣтными фигурами по черному фону (раб. IV вѣка). 17) Сосудъ красной глины, съ прямымъ высокимъ горлышкомъ и рельефнымъ лиственнымъ узоромъ. 18) Чашка и блюдечко красной глины, хорошей работы, съ рельефными узорами. 19) Аланастръ чернолаковый черный. 20) Лампочка сѣрой глины съ рельефнымъ украшеніемъ. 21) Деревянная пиксида. 22) Большая красноглиняная амфора съ штемпелемъ на горлышкѣ. 23) Терракоттовая маска молодого пана. 24) Терракоттовая маска сатира съ рогами. 25) Печать терракоттовая съ мужской головой. 26—32) семь ручекъ отъ амфоръ съ штемпелями. 33) Кусокъ черепицы съ штемпелемъ. 34) Фрагментъ со-

суда съ «graffito». 35) Фрагментъ прекрасной чаши, на желтомъ фонѣ чернолаковой техники фигура. 36) Деревянный гребень. 37) Ножикъ съ костяной ручкой 38) Ножъ съ деревянной ручкой и приставшая къ нему посредствомъ окисленія серебряная ложка; ручка этой ложки, на томъ мѣстѣ, гдѣ она придѣлана къ ложкѣ, имѣетъ форму какого-то звѣря, — волка или лисицы. 39) Поддѣльная чернолаковая амфора съ красными фигурами. 40) Второй экземпляръ подобной поддѣлки.—Всѣ эти предметы изъ Керчи.

Куплено черезъ посредство г. В. В. Шкорпила въ Керчи:

4 терракоттовыхъ фигуры, одна пантикапейская монета (перечеканенная) и 1 глиняная печатка для просфоры.

Куплено у Ш. Гохманна:

Красноглиняное блюдо со штемпелемъ: нога, колосъ и надпись ΓΑΙΟΥ, и кувшинъ съ двумя ручками и желобчатымъ брюхомъ изъ terra sigillata; чаша на ножкѣ съ украшеніемъ своеобразнаго лиственнаго узора съ виноградными кистями, выполненными въ бѣлой, желтой и красной краскѣ, и надписью ΔΙΟΝ (ручки побиты); круглая чашка («ермолка»), чернолаковая, безъ всякихъ рельефныхъ украшеній; чернолаковый сосудъ съ отверстіемъ въ срединѣ; простоглиняная, работанная отъ руки, миска; такое же ситечко; ручка отъ амфоры съ штемпелемъ: ΗΡΑΙΩΝΟΣ; верхняя часть терракоттовой фигуры, изображающей актера комедіи.—Всѣ вещи изъ Ольвіи.

Пріобрѣтено г. хранителемъ музея:

1) Красноглиняная чаша (terra sigillata), 2) простоглиняная чаша съ двумя ушками, 3) мѣдная пряжка т. н. меровингскаго стиля, 4) пряжка, кончающаяся птичьимъ клювомъ, и 5 и 6) двѣ фибулы—изъ Керчи.

1) Миска съ тисненнымъ узоромъ, 2) кувшинъ съ двумя тисненными ручками, на шеѣ вѣнокъ изъ листьевъ, на плечахъ узоръ изъ клѣтокъ (желтая краска), которая раздѣлена двумя полосами съ узоромъ, похожимъ на доску для шахматной игры, 3) черная миска—колпакъ (buccero) съ тисненнымъ узоромъ изъ розетокъ и круговъ, 4) алабастровый амфорчикъ хорошей сохранности, 5) чернолаковое блюдце съ просверленной дыркой, 6 и 7) два фрагмента росписной вазы и 8 и 9) два фрагмента чернолаковой посуды съ рельефнымъ изображеніемъ изъ Ольвіи.

Постановили: благодарить жертвователей, а вещи передать въ музей.

XI. *Свѣдѣнія отъ казначея* Общества: поступило отъ Импер. С.-Петерб. Университета за книгу «Терракоты» 3 рубля, за проданные томы №№ 16, 17, 19, 20, 21 Записокъ Общества 7 руб. 50 коп., отъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли за пользованіе Судакскимъ берегомъ за 1900 годъ 150 руб. 50 коп.; Высочайше дарованное пособіе за Майскую треть 1899 г. 833 руб. 33 коп. и отъ продажи дуплетовъ монетъ 10 руб.

Постановили: записать въ протоколъ настоящаго засѣданія.

XII. Докладъ г. вице-президента А. Л. Бертье-Делагарда о состояніи Аккерманской крѣпости.

Въ прошлую зиму завѣдывающій Аккерманской крѣпостью и мѣстная полиція представляли нашему Обществу объ обрушеніи части крѣпостной стѣны и о сомнительномъ положеніи нѣкоторыхъ другихъ сооруженій той же крѣпости, давшихъ большія трещины и угрожающихъ паденіемъ, а стало быть и опасностью для проходящихъ. Обществу угодно было поручить мнѣ осмотрѣть крѣпость и сообразить, что необходимо и возможно сдѣлать для ея исправленія и поддержанія. Наступившія дурныя погоды и замерзаніе лимана не позволили мнѣ исполнить это дѣло до весны и только прошлаго 14 Апрѣля я удосужился пробраться въ Аккерманъ; нашъ казначей П. А. Маврогордато, былъ такъ любезенъ что согласился сопутствовать мнѣ и помочь въ исполненіи возложеннаго на меня порученія.

Приступая къ изложенію видѣннаго мною и предполагаемаго, прежде всего успокою Общество; ничего чрезвычайнаго и особенно угрожащаго не представляютъ стѣны старой крѣпости, такъ что и спѣшить ихъ осмотромъ не было крайней надобности.

Само собою разумѣется, что рука времени не щадитъ крѣпостныхъ сооруженій, но съ этимъ неизбѣжно приходится мириться. Часть стѣны, около тридцати саженъ длиною, стоявшая на самомъ урѣзѣ лимана, подмытая теченіемъ и волнами, обрушилась; ея продолженіе угрожаетъ тѣмъ же въ близкомъ будущемъ; впрочемъ, это не главная стѣна крѣпости. Большія ворота, ведущія въ крѣпость со стороны города, на опасное состояніе которыхъ особенно указывалось, имѣютъ не мало трещинъ, но не стали хуже чѣмъ были съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ знаю въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ и, надо думать, простоятъ еще очень долго, да и сейчасъ ничего угрожающаго не представляютъ. Въ прочихъ частяхъ крѣпостныхъ стѣнъ также не мало трещинъ, но въ общемъ все это такое же, какъ было въ послѣдніе годы, и также ничего особеннаго опаснаго не представляетъ. Надо, однако, не забывать, что всѣ эти старыя постройки способны стоять очень долго и какъ то безпричинно вдругъ обрушаться; поэтому необходимо за ними постоянно наблюдать, о чемъ я и просилъ г. Штульцерца, указывая ему особенно угрожающія мѣста.

Итакъ, немедленной, кричащей необходимости въ какихъ либо мѣропріятіяхъ по исправленію стѣнъ не настоитъ; но я полагалъ бы современемъ обсудить вообще тѣ основы, которыхъ должно держаться наше Общество въ смыслѣ охраненія и поддержанія порученной ему крѣпости. Наиболѣе дѣйствительною мѣрою было бы приведеніе старыхъ стѣнъ въ совершенно исправный видъ и затѣмъ поддержка ихъ въ такомъ видѣ постоянными достаточными поправками; объ этомъ, однако, едва ли можно и мечтать. Общество приняло крѣпость со многими болѣе или менѣе обру-

шившимися частями, кромѣ того очень многія части имѣютъ большія трещины; все это не можетъ быть исправлено какими либо мелкими починками, требуя сплошной перестройки заново, а подобныя работы не только дороги, но и крайне опасны, такъ какъ расчистка обрушеннаго можетъ вызвать обвалы сосѣднихъ частей, совершенно неожиданные и тѣмъ болѣе опасные. Судя на глазъ, думаю, что только на крайне необходимыя подобныя работы пришлось бы истратить не менѣе двухъ-трехъ десятковъ тысячъ рублей, а эта сумма превосходитъ нетолько средства нашего Общества, но и какія бы то ни было, если принять въ соображеніе неособенную значительность достигаемой цѣли; тѣмъ болѣе, что такой крупный расходъ не будетъ окончательнымъ, и все же потребуются ежегодно не малыя суммы на поддержаніе всего и на новыя исправленія. Очевидно, что для Общества все это совершенно недоступно, и мнѣ кажется, что мы можемъ думать не о полномъ возстановленіи, а только о такомъ надзорѣ, который нѣсколько замедлитъ естественное разрушеніе и, по возможности, исключитъ порчу, производимую злоумышленниками и праздношатающимися людьми; кромѣ того возможны, но въ очень малой мѣрѣ, исправленія наиболѣе важнаго; для чего камень можно получить отъ разборки остатковъ кое какихъ казарменныхъ помѣщеній. Если мы достигнемъ такого положенія вещей, то большимъ, мнѣ кажется, намъ нѣвозможно задаваться, да и сама старая крѣпость едва ли стоитъ того.

Если признать правильнымъ такой взглядъ, то мнѣ казалось бы, что въ будущемъ полезно придерживаться нижеслѣдующаго: Наиболѣе любопытная часть крѣпости есть молдавская цитадель и находящійся въ ней турецкій замокъ; эти лишь части я и полагалъ бы поддерживать по возможности, на что большихъ средствъ не потребуется, а, вѣроятно, будетъ достаточно тѣхъ, которыя можно получать отъ эксплоатаціи остальной части крѣпости. На первое время въ этой части крѣпости достаточно сдѣлать полотна въ воротахъ стѣнъ цитаделя и замка, поднять небольшіе участки стѣнъ, отдѣляющіе цитадель отъ крѣпости, для того чтобы преградить проходъ по валамъ въ цитадель, заложить вторыя ворота, ведущія изъ цитадели къ рѣкѣ, и очистить замокъ внутри отъ всякаго мусора, устроивъ тамъ лѣстницы и поручни и давъ тѣмъ возможность осматривать всѣ части замка съ его переходами. Такимъ образомъ цитадель и замокъ, огражденные со всѣхъ сторонъ, могутъ быть довольно легко охраняемы отъ мелкаго, но, въ концѣ концовъ, немало значащаго поврежденія окрестнымъ населеніемъ. Нетрудно будетъ устроить въ цитадели и сторожа, который охраняя ее, а частью и всю крѣпость, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить и проводникомъ для посѣтителей.

Все это потребуетъ немного средствъ, но и тѣ превышаютъ мѣру нашего обыкновеннаго бюджета, а слѣдовательно приходится изыскивать особый

источникъ. Г. Штулькерцъ нашелъ предпринимателя, предлагающаго за право пользованія площадью земли внутри крѣпости вносить довольно значительную арендную плату, поддерживая въ исправности самую крѣпость. Этотъ вопросъ уже обсуждался въ Обществѣ и я полагаю, что онъ заслуживаетъ нашего согласія съ тѣмъ, конечно, чтобы условія аренды были должнымъ образомъ выяснены и изложены. Если мы будемъ употреблять арендныя деньги на поддержаніе крѣпости, то можемъ сдѣлать довольно многое въ этомъ отношеніи и даже, можетъ быть, найдемъ средства для того, чтобы предпринять небольшія раскопки въ самой крѣпости. Первымъ нашимъ дѣломъ однако должно быть возобновленіе небольшого участка стѣны во рву (эскарпа). Этотъ участокъ началъ выламывать городъ лѣтъ десять тому назадъ; дальнѣйшая разломка тогда же оставлена по ходатайству нашего Общества, но проломъ, который успѣли тогда сдѣлать, грозитъ обрушеніемъ значительной части цитадели. Подлѣ этого мѣста устроенъ складъ керосина, за который городу платятъ значительную наемную плату; нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что складъ находится на землѣ крѣпости, на самомъ ея гласисѣ, примыкая вплотную къ контръ-экскарпу, и я полагаю, что слѣдовало бы намъ, мягкими мѣрами, но все таки добиться дѣйствительнаго пользованія и этою частью крѣпости; арендная плата очень пригодится для расходовъ по крѣпости, да и надзоръ за этимъ важнѣйшимъ мѣстомъ упорядочится.

Осматривая Аккерманъ, я не могъ не обратить вниманіе на нѣкоторые археологическіе вопросы, касающіеся этой мѣстности; прошу позволенія сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Древняя Тира стояла гдѣ то на мѣстности нашего Аккермана, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но точнаго мѣста древняго города до сихъ поръ не найдено; мы не знаемъ въ немъ ни акрополя, ни некрополя, и я думаю, что именно этимъ обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснять рѣдкость какихъ бы то ни было находокъ древностей въ Аккерманѣ. Оцѣнивая всѣ окрестныя мѣста, очевидно, что наиболѣе выгоднымъ и наилучше защищаемымъ оказывается тотъ мысъ, на которомъ расположена теперь крѣпость; ея построеніе именно и служитъ доказательствомъ выгодности этой мѣстности, что сознавали во всѣ времена; по этой причинѣ тутъ же слѣдуетъ искать и акрополь древней Тиры. Конечно, слишкомъ много прошло надъ этимъ мѣстомъ всякихъ строительныхъ періодовъ, но все возможны находки, и именно въ цитадели онѣ наиболѣе вѣроятны; о раскопкахъ на этомъ мѣстѣ я и упомянулъ выше, конечно, подразумѣвая раскопки небольшія и очень осторожныя.

Ходя по старой крѣпости, невольно пришлось обсуждать вопросъ о томъ, кто именно и когда ее соорудилъ? Хотя это дѣло рѣшается совершенно точно, но нетолько въ мѣстномъ населеніи, и въ литературѣ повто-

ряются по этому поводу мнѣнія недостаточно обоснованныя. Было время, итальянскія колоніи вообще, въ особенности генуэзскія, такъ много нашумѣли по всѣмъ прибережьямъ Чернаго моря, имѣли такое вліяніе и значеніе, такъ запечатлѣлись въ памяти народной, что ихъ имя замѣстило собою имена всѣхъ древнихъ сооруженій. Въ Малой Азіи, на берегахъ Чернаго моря и даже далеко въ глубь страны всякое древнее сооруженіе, во мнѣніи народа, построено «*дженевезами*»; то же самое говорятъ и у насъ въ Крыму, хотя бы постройка была вовсе не генуэзская, а греческая или даже турецкая; то же народное мнѣніе распространено на Бессарабію, и только имъ можно объяснить, почему построеніе Аккерманскаго замка упорно приписывается генуэзцамъ, которые въ дѣйствительности ничѣмъ не владѣли, никогда и ничего не строили на сѣверо-западныхъ берегахъ Чернаго моря.

Аккерманская крѣпость состоитъ изъ трехъ частей: собственно крѣпости, ея части отдѣленной особой стѣной, составляющей цитадель, и замка построеннаго внутри этой цитадели. Обыкновенно полагаютъ, что прежде всего построенъ замокъ и именно генуэзцами, потомъ построена цитадель молдавскими воеводами и, наконецъ, остальная крѣпость турками; дѣло было несовсѣмъ такъ. Вся крѣпость съ цитаделью построена въ первой половинѣ XV вѣка молдаванами, вѣроятно, по указанію греческихъ розмысловъ; это опредѣляется надписями, прекрасно и подробно разобранными и изложенными А. А. Кочубинскимъ, въ XV томѣ Записокъ. Мѣсто нахожденія надписей въ крѣпостныхъ стѣнахъ опредѣлено не вполнѣ точно, но впадины, въ которыхъ онѣ были вдѣланы отчетливо, видны и до сихъ поръ; при первомъ удобномъ случаѣ надо постараться измѣрить эти впадины, чѣмъ и опредѣлится, гдѣ именно стояла какая надпись, хотя это примѣтно съ достаточною точностью и теперь; къ тому же выводы дѣлаемые изъ надписей вполнѣ подтверждаются стилемъ самихъ построекъ и ихъ техническимъ исполненіемъ. Въ 1484 году Аккерманъ былъ взятъ турками, сдѣлавшими въ его стѣнахъ только нѣкоторыя передѣлки и дополненія, замѣтныя по ихъ боевому значенію и кладкѣ; эти передѣлки невелики и мало существенны, ихъ всего болѣе по рѣчному фронту. Наши инженеры въ началѣ этого вѣка также тутъ кое что построили, впрочемъ очень не многое и легко опредѣляемое. Такимъ образомъ Аккерманская крѣпость съ цитаделью является прекраснымъ и почти безпримѣснымъ образчикомъ греко-молдавскаго военнаго зодчества первой половины XV вѣка. Этотъ образчикъ тѣмъ болѣе поучителенъ, что онъ находится въ сравнительно прекрасной сохранности, которая объясняется тѣмъ, что крѣпость поддерживалась, какъ таковая, почти до нашихъ дней и упразднена едва полъ вѣка тому назадъ.

Когда турки заняли Аккерманъ, то очутились тамъ въ довольно трудныхъ и своеобразныхъ условіяхъ, въ которыхъ, впрочемъ, имъ приходилось бывать довольно часто и изъ которыхъ они привыкли выходить вполнѣ успѣшно. Дѣло въ томъ, что въ тѣ времена въ крѣпостяхъ находился не одинъ только гарнизонъ, который со взятіемъ крѣпости можно было замѣстить гарнизономъ побѣдителей и тѣмъ дѣло кончить; крѣпости такія обширныя, какъ наша, заключали въ себѣ сверхъ того и большое населеніе, а его ничѣмъ нельзя было замѣнить, да не было это и желательнымъ. Всѣ горожане, разумѣется, не благоволили къ побѣдителямъ, которые не только становясь на стѣны видѣли въ тылу у себя враждебное, готовое къ возстанію населеніе, но и вообще при такомъ положеніи вещей не имѣли возможности укрыться гдѣ бы то ни было при всякомъ нечаянномъ нападеніи, котораго можно было ожидать постоянно во вновь завоеванной странѣ. Въ такихъ условіяхъ оставалось бы только обезлюдить городъ, истребляя и выведя его населеніе, или держать громадные совершенно не отвѣчающіе потребности гарнизоны. Турки выходили изъ такихъ трудныхъ условій способомъ вполнѣ основательнымъ, тѣмъ же какъ и всѣ до нихъ, какъ и мы теперь, а именно: въ углѣ покоренной крѣпости на удобномъ мѣстѣ, устроивали свою маленькую цитадель, свой замокъ, въ которомъ располагался совершенно безопасно только одинъ гарнизонъ, а его огнемъ легко удерживали въ повиновеніи и всю остальную часть крѣпости, весь городъ. Совершенно такъ поступили турки въ Крыму, когда въ 1475 году заняли очень большую и населенную крѣпость Мангупъ (Θеодоро); они тамъ построили внутри крѣпости особую стѣну и замокъ, обыкновенно называемый по недоразумѣнію дворцомъ. Также точно они поступили и въ Аккерманѣ, построивъ внутри цитадели, на самомъ берегу лимана, замокъ съ четырьмя большими башнями по угламъ. Высказываю это не какъ догадку, а какъ несомнѣнность; довольно одного взгляда на внутренность замка, чтобы сейчасъ же признать характернѣйшія черты турецкой постройки: стрѣльчатыя арки въ окнахъ (амбразурахъ) съ сидѣньями въ видѣ завалинокъ, разныя ниши въ стѣнахъ, расположеніе отверстій одно не надъ другимъ. Еще характернѣе все это видно снаружи, со стороны рѣки, гдѣ сохранились вполнѣ уцѣлѣвшія отхожія мѣста въ видѣ висячихъ пристроекъ, и къ тому же двухъ, изъ которыхъ одна особенно старательно закрытая предназначалась для гарема; подобныя части сооруженій составляютъ черту чистокровно турецкаго зодчества; таковыя имѣются также для гарема и въ Крыму въ Мангупскомъ замкѣ, построеніе котораго турками внѣ всякаго сомнѣнія.

Въ Аккерманскомъ замкѣ, также со стороны рѣки, въ обрушившейся башнѣ, надъ двернымъ отверстіемъ положенъ камень съ характернѣйшимъ рельефомъ въ видѣ перевитаго жгута; это обыкновенное украшеніе турецкаго дверного наличника, и до сихъ поръ часто встрѣчаемое въ очень

многихъ турецкихъ и крымско-татарскихъ постройкахъ, не исключая и указаннаго замка въ Мангупѣ; зная турецкіе порядки, можно думать, что въ стѣны замка попала нетолько одна эта плата, а потому при расчисткѣ замка, на поиски заложеннаго въ стѣны должно обращать особое вниманіе. Наконецъ, въ одной изъ внутреннихъ башень замка (лѣвой, стоя лицемъ къ нему), на самомъ видномъ мѣстѣ, вставлена мраморная плита съ турецкою надписью; я просилъ г. Штулькерца снять ее и прислать къ намъ въ музей, гдѣ она будетъ въ большей сохранности. Эта надпись очень коротка и, вѣроятно, заключаетъ только какой нибудь священный возгласъ; но возможно указаніе въ ней и на время постройки, хотя бы въ видѣ султанской тугры. Еще разъ повторю, построеніе замка турками внѣ сомнѣнія и относится, по всей вѣроятности, къ первымъ годамъ овладѣнія ими Аккерманомъ, т. е. къ концу XV или началу XVI столѣтія.

Что касается генуэзцевъ, то они бывали въ Аккерманѣ только какъ частные люди, какъ торговцы. Нетолько здѣсь нигдѣ нѣтъ и не было ихъ надписей, ставить которыя даже на чужихъ сооруженіяхъ они были такіе охотники, но не сохранилось ни малѣйшаго указанія на какую бы то ни было ихъ административную власть въ этихъ мѣстахъ, безъ чего они нигдѣ не обходились въ своихъ колоніяхъ и о чемъ имѣются повсюду, въ ихъ же документахъ подробныя указанія даже и для самихъ ничтожныхъ городковъ или селеній. Мало того, Аккерманъ, Монкастро по ихъ номенклатурѣ, всегда упоминается въ генуэзскихъ актахъ, какъ городъ нетолько чужой, но и прямо враждебный. Въ этомъ отношеніи можно найти очень много самыхъ любопытныхъ данныхъ въ «Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri», изданномъ Амедео Винья (есть у насъ въ библіотекѣ). Разумѣется, приписывать генуэзцамъ постройку замковъ въ Сорокахъ и Хотинѣ также нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Впрочемъ, болѣе распространяться по этому вопросу полагаю здѣсь неудобнымъ.

Осмотрѣвъ крѣпость и воспользовавшись самимъ любезнымъ гостепріимствомъ г. Штулькерца, у насъ еще оставалось достаточно времени для посѣщенія рѣдкой и большой могилы, найденной при сносѣ на землѣ частнаго владѣльца кургана въ 1895 году; объ этой находкѣ подробно докладывалось Обществу въ засѣданіи 16-го Октября того же года; но къ этому докладу небезполезно прибавить нѣсколько словъ для возможнаго выясненія нѣкоторыхъ подробностей и опредѣленія времени сооруженія этого кургана. Вмѣстѣ съ описаніемъ могилы Обществу представлялись рисунки и подробныя объясненія найденныхъ на стѣнахъ этой могилы — склепа особыхъ узоровъ, поразительныхъ по своей необычной, никогда не виданной оригинальности; эти орнаменты, точнѣе сказать разводы, врѣзанные въ штукатурку, не подходили ни къ какому времени, ни къ какому стилю и рѣшительно ставили въ тупикъ всякія соображенія; отчасти они

послужили даже къ предположенію чрезвычайной древности открытаго склепа. Осмотрѣвъ подробно самый склепъ, я могу теперь вполнѣ точно опредѣлить происхожденіе загадочныхъ узоровъ: это продуктъ атмосферныхъ вліяній на гладкую штукатурку, а не дѣло умысла человѣческаго. Въ этомъ склепѣ для штукатурки известковый растворъ, плохо приготовленный и нехорошо размѣшанный, наметывался на стѣну и растирался, какъ то всегда дѣлается и понынѣ; отъ времени штукатурка выкрошилась и вывѣтрилась неодинаково, а въ зависимости отъ плотности частей известковаго раствора; причемъ и получились волнообразные разводы, совершенно отвѣчающіе тѣмъ кривымъ линіямъ и фигурамъ, которыя принимаютъ частицы составляющіе свѣжій растворъ подъ дѣйствіемъ круговыхъ движеній терки штукатура. Это также не предположеніе, а совершенная несомнѣнность, которую доказываютъ нетолько строительно-техническіе соображенія, но и уцѣлѣвшія части самой штукатурки, находящіяся въ разныхъ фазахъ разрушенія, отъ совершенно гладкихъ до очень сложно-узорныхъ, вполнѣ подобныхъ предъявленнымъ рисункамъ. Такое состояніе штукатурки, получившееся не только отъ времени, но и вѣроятно подъ вліяніемъ атмосфернаго воздуха, доказываетъ, что склепъ былъ частью разрушенъ и доступъ въ него воздуха, достаточно свободенъ; отсюда можно заключить, что въ наше время курганъ былъ найденъ уже разграбленнымъ и показаніе объ этомъ нашедшихъ его заслуживаетъ довѣрія; оно еще и потому вѣроятно, что этотъ роскошный, рѣдкій по тщательности постройки склепъ долженъ былъ непремѣнно заключать въ себѣ огромное количество вещей, которыя не могли исчезнуть безслѣдно; а, между тѣмъ, рѣшительно ничего подобнаго никто изъ насъ нетолько не видѣлъ, но ни о чемъ подобномъ и не слыхивалъ. Время построенія склепа и кургана также опредѣляется съ достаточною точностью его строительною техникою: прекрасный, вполнѣ правильный, сложенный изъ клиньевъ сводъ склепа ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть древнѣе римскихъ временъ, т. е. I вѣка по Р. Х.; съ другой стороны, судя по громадности камней и роскоши того же склепа, его нельзя отнести и къ послѣднимъ временамъ историческаго существованія греческихъ колоній на нашихъ берегахъ; я полагаю наиболѣе вѣроятнымъ, на основаніи изложенныхъ соображеній, отнести время сооруженія этой курганной могилы къ I—II вѣкамъ по Р. Х.

Ѣздивъ по городу, мы не преминули поискать въ немъ и продажныхъ древностей, которыя хотя и рѣдко, но все таки попадаются у мѣстныхъ торговцевъ этимъ товаромъ; въ этотъ разъ, однако, наша добыча оказалась очень незначительною: г. Штулькерцъ вручилъ мнѣ для передачи въ музей Общества средней величины амфору изъ простой глины. Г. Мерджановъ передалъ, съ тою же цѣлью, горлышко амфоры съ клеймомъ; мнѣ самому удалось пріобрѣсти серебряное кольцо съ рѣзнымъ камнемъ, кото-

рое я представляю Обществу. Остается надѣяться, что въ будущемъ усердная дѣятельность, которую обнаруживаетъ въ этомъ дѣлѣ г. Штулькерцъ, принесетъ болѣе замѣтные плоды, а пока прошу Общество не отказать выразить ему искреннѣйшую благодарность за его особо ревностные труды по упорядоченію и усиленію надзора и хозяйства во ввѣренномъ нашему попеченію рѣдкомъ памятникѣ старины.

Постановили: благодарить г. Штулькерца въ настоящемъ засѣданіи, равно и липъ, сдѣлавшихъ Обществу пожертвованія; докладъ же г. вице-президента напечатать въ протоколѣ настоящаго засѣданія.

XIII. Докладъ члена совѣта Э. Р. фонъ-Штерна по поводу вновь пріобрѣтенныхъ музеемъ древностей, особенно новаго эпиграфическаго матеріала.

Между только что перечисленными, вновь пріобрѣтенными и пожертвованными музею предметами древности находится много такихъ, которые представляютъ весьма большой археологическій интересъ. Намѣреваясь въ ближайшемъ будущемъ обнародовать и подробнѣе описать важнѣйшіе изъ нихъ, какъ напр. чудную мраморную головку изъ Ольвіи, весьма любопытную конскую сбрую изъ Керчи, пожертвованную д. ч. П. А. Мавро-гордато, нѣсколько древнихъ вазъ изъ коллекціи покойнаго г. Гугеля, я сегодня остановлюсь лишь на разъясненіи вновь поступившаго въ музей эпиграфическаго матеріала. Но прежде чѣмъ приступить къ публикаціи этого матеріала, считаю нужнымъ коснуться одной дерзкой эпиграфической поддѣлки. Въ числѣ пріобрѣтенныхъ у г. *Леона Гохманна* древнихъ и и весьма цѣнныхъ мраморовъ есть верхняя хорошо сохранившаяся часть надгробной стелы, украшенная богатымъ лиственнымъ орнаментомъ. Этотъ орнаментъ состоитъ изъ «раздробленной на двѣ части пальметты» (Riegl, Stilfragen S. 211 «gesprengte Palmette»); листья каждой «полупальметты» поднимаются изъ массы широко развѣтвленныхъ усиковъ и своими верхними кончиками обращены внутрь другъ къ другу къ срединѣ вѣера, такъ что обѣ «полупальметты» составляютъ почти правильный полукругъ. Ближайшую аналогію къ нашему орнаменту мы имѣемъ на антической надгробной стелѣ, изображенной у Riegl'я: Stilfragen, Fig. 110. Не подлежитъ сомнѣнію, что найденная въ Ольвіи стела, сработанная изъ аттическаго мрамора, есть продуктъ аттической мастерской: по тонкости выполненія и по характеру стиля нашъ надгробный памятникъ относится къ концу V—началу IV вѣка до Р. Х.

Этотъ интересный памятникъ старины г. Леону Гохманну благоразсудилось украсить, или лучше сказать, обезобразить слѣдующею надписью: Εὐρήμων εὐεργέτη Ἀπόλλωνι. Это его рѣшеніе могу себѣ объяснить только какимъ-то болѣзненнымъ его пристрастіемъ къ эпиграфикѣ, заставляющимъ его и его брата куда ни попало, даже на дѣйствительно древнія вещи, ими на-

ходимыя, помѣщать свои упражненія въ греческой письменности. Это пристрастіе доходило до того, что въ прошломъ году одному изъ моихъ знакомыхъ предложены были г. Гохманномъ даже серьги съ надписью! Я считаю это пристрастіе чѣмъ то болѣзненнымъ, потому что образъ дѣйствій гг. Гохмановъ въ данномъ случаѣ однимъ указаніемъ на ихъ корыстныя цѣли не вполнѣ объясняется. Предлагая музею этотъ прекрасный архитектурный памятникъ, г. Леонъ Гохманнъ едва-ли могъ разсчитывать на то, что эти три греческія слова заставятъ меня значительно выше оцѣнить эту древнюю стелу, а одновременно онъ принесъ въ даръ музею древнюю мраморную львиную голову, цѣна которой во всякомъ случаѣ соотвѣтствуетъ предполагаемой имъ повышенной выручкѣ отъ стелы. Но каковы-бы ни были цѣли и побужденія г. Гохманна, слѣдуетъ лишній разъ констатировать тотъ печальный фактъ, что эти очаковскіе фальсификаторы, несмотря на всѣ разоблаченія въ печати, несмотря на весь шумъ, который поднятъ былъ по поводу пресловутой тіары, преспокойно продолжаютъ свою дѣятельность. Еще прискорбнѣе, чѣмъ эта дѣятельность, то обстоятельство, что братья Гохманны совсѣмъ монополизировали въ своихъ рукахъ торговлю ольвійскими древностями, которыя невозможно купить непосредственно у парутинскихъ мужиковъ, и главная и лучшая часть ольвійскихъ находокъ вывозится ими за границу. Изъ богатыхъ открытій, сдѣланныхъ въ послѣднее время, только меньшая часть поступила къ намъ и въ собранія нѣсколькихъ мѣстныхъ коллекторовъ,—все остальное пропало для Россіи безслѣдно.

Но возвратимся къ нашей надписи. Г. Гохманнъ довольно удачно воспользовался выбоинами и вывѣтренными въ древнемъ мраморѣ мѣстами для своего эпиграфическаго упражненія, такъ что нѣкоторыя буквы (напр. «омега» въ словѣ Ἀπόλλωνι), даже послѣ очистки ихъ соляной кислотой, производятъ впечатлѣніе дѣйствительно древняго письма; но тѣмъ рѣзче конечно отъ нихъ различаются тѣ буквы, для начертанія которыхъ на камнѣ не имѣлось столь выгодныхъ условій, такъ что надпись и въ техническомъ отношеніи сдѣлана неудачно. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ г. Гохманну на этотъ разъ уже совсѣмъ не повезло. Не зная, что стела по стилю орнамента относится къ концу V—началу IV вѣка, онъ избралъ для своего элабората шрифтъ II—I вѣка и не сообразилъ, что бывшій въ его распоряженіи мраморъ съ богатымъ рельефнымъ украшеніемъ есть часть надгробнаго памятника, который уже никакъ не можетъ служить предметомъ посвященія Аполлону. Имя посвятителя Εὐρήμων заимствовано г. Гохманномъ изъ обычнаго источника—Latyschev: I. P. № 114; почему Аполлону приданъ эпитетъ εὐεργέτης и зачѣмъ этотъ эпитетъ поставленъ передъ именемъ бога, одинъ г. Гохманнъ или его эпиграфическій сотрудникъ г. Б вѣдаетъ.

Но оставимъ неотрадное занятіе съ элаборатомъ г. Гохманна и перейдемъ къ тому эпиграфическому матеріалу, который представляетъ новое обогащеніе нашей цѣнной въ этомъ отношеніи коллекціи. Изъ собранія покойнаго г. Гугеля мнѣ удалось пріобрѣсть пять слѣдующихъ амфорныхъ ручекъ и одинъ кусокъ кирпича, изображенія которыхъ воспроизведены здѣсь цинкографическимъ способомъ.

№ 1.

Голова плѣшиваго силена, украшенная плющевымъ вѣнкомъ, представляетъ собою такую превосходную художественную работу, какой мнѣ еще не пришлось видѣть на штемпеляхъ для амфорныхъ ручекъ Неменѣе интереснымъ, какъ типъ силена на этой, найденной въ Ольвіи ручкѣ, является имя фабриканта: Βιτίων. Это имя до сихъ поръ, сколько я знаю, еще не встрѣчалось въ длинномъ спискѣ мастеровъ-керамистовъ, извѣстныхъ по найденному въ колоніяхъ Черноморскаго прибережія матеріалу. Имя, кажется, вообще довольно рѣдкое, я его знаю только по единичному упоминанію въ одной ѳасосской надписи (Thas. Inschriften № 12, II_{11}, ср. Fick-Bechtel: Griechische Personennamen S. 80).

Однако не только рѣдкость имени и художественное исполненіе штемпеля придаютъ этой ручкѣ выше приписанный ей интересъ, но главнымъ образомъ и слѣдующее обстоятельство: Діогенъ Лаертій упоминаетъ въ біографіи философа-ритора Біона Борисѳенита объ одномъ другѣ этого единственнаго, происходившаго изъ такого отдаленнаго сѣвера греческаго ученаго (Diog. Laert. IV, 54). Имя этого друга ритора въ большинствѣ нашихъ изданій текста Діогена читается Βητίων; но уже Диндорфъ замѣтилъ (Thesaurus Linguae graecae s. v.), что по лучшимъ рукописямъ слѣдуетъ это чтеніе исправить въ Βιττίων. На основаніи нашей ручки можно теперь смѣло сказать, что и въ лучшихъ рукописяхъ Діогена форма этого имени передана не вполнѣ правильно, и что удвоеніе согласнаго «т» является въ ней неумѣстной. Имя Βιτίων образовано, какъ и Βιτίας (C. J. A. II № 2216), Βιτᾶς (Herondas) и т. д. отъ корня βι-βιο-βί-αιος (смѣлый, насильственный). Мнѣніе Pape-Benseler'a (Wörterbuch der griech. Eigennamen s. v. Βιτίας), что въ основѣ этого имени лежитъ корень—ἴτης (скорый, проворный), вполнѣ несостоятельно: остается при этомъ объясненіи загадочнымъ, откуда взялся префиксъ «В».

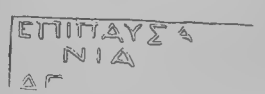
Предполагать, что другъ ольвійскаго философа-ритора Біона, жившаго въ третьемъ вѣкѣ, и фабрикантъ нашей ольвійской амфоры—одно и тоже лицо, казалось бы довольно заманчивымъ. Происхожденіе ритора изъ простой и бѣдной среды и рѣдкость имени Βιτίων могло бы служить какъ-бы рекомендаціей для такого предположенія; но съ другой стороны надо имѣть въ виду, что одно тождество именъ—едва-ли достаточное основаніе, чтобы

на немъ строить гипотезы. Кромѣ того по тонкости и тщательности работы штемпеля можно склониться отнести нашу амфору скорѣе къ болѣе древнему періоду, чѣмъ къ III вѣку, хотя нѣтъ никакихъ препятствій датировать ее и III вѣкомъ.

№ 2.

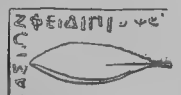
Мѣсто нахожденія ручки—Ольвія,
мѣсто фабрикаціи амфоры—*Родосъ;*

сохранилась ручка съ такъ называемымъ «главнымъ» штемпелемъ, на которомъ помѣщены имя эпонимнаго магистрата, названіе мѣсяца и оффиціальная эмблема,—цвѣтъ гранитнаго дерева—баластвіумъ, balaustium: Ἐ[πὶ] Ἀρχιλαΐδα Ἀγριανίου. Имя этого эпонимнаго магистрата уже разъ встрѣтилось въ найденной на нашемъ Югѣ ручкѣ, въ связи съ другимъ только названіемъ мѣсяца. Ручка эта находится въ Имп. Эрмитажѣ и издана Стефани въ Antiquités du Bosphore Cimmérien II, LXXIX, № 3 : Ε. ΑΡΧΙΔΑΙΔΑ ΔΑΛΙΟΥ. = ἐπὶ Ἀρχιλαΐδα Δαλίου. Названіе мѣсяца Ἀγριανίου также извѣстно по изданному уже матеріалу; срв. Беккеръ, Записки XI, стр. 14, № 3.

№ 3. 

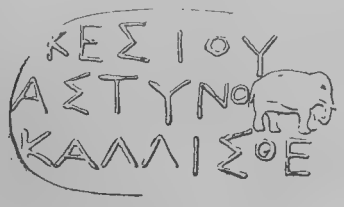
Мѣсто нахожденія ручки—Ольвія;
мѣсто фабрикаціи амфоры—*Родосъ.*

Этотъ штемпель также принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ «главныхъ», хотя оффиціальная эмблема на немъ отсутствуетъ; но случаи, что эта эмблема помѣщалась на другой ручкѣ, на «дополнительномъ» штемпелѣ съ именемъ фабриканта, не особенно рѣдки. Амфора фабрикована при эпонимномъ магистратѣ Павсаніи: ἐπὶ Παυσανίᾳ; буквы ΑΓ слѣдуетъ дополнить въ Ἀγ[ριανίου]; мы имѣемъ здѣсь такимъ образомъ названіе того-же самаго мѣсяца, какъ и при предыдущемъ номерѣ. Имя этого родосскаго магистрата уже извѣстно по изданной амфорной ручкѣ—срв. Юргевичъ, Зап. XI, стр. 54, № 17; имя тамъ помѣщено въ такомъ-же четвероугольникѣ, какъ на нашей ручкѣ; но слѣдовъ обозначенія мѣсяца на публикованной Юргевичемъ ручкѣ нѣтъ.

№ 4. 

Мѣсто нахожденія ручки—Ольвія.
Мѣсто фабрикаціи амфоры—*Θасосъ.*

Какъ извѣстно, фабрикація амфоръ въ Θасосѣ находилась, какъ въ Родосѣ и Книдосѣ, подъ государственнымъ контролемъ. Изъ приписки Θασίων въ полномъ или сокращенномъ видѣ явствуетъ, что клеймо не частное, а государственное; не рѣдкое приложеніе государственныхъ эмблемъ къ этой прописи, встрѣчающихся также на θасосскихъ монетахъ, не оставляетъ насчетъ цѣли клейма ни малѣйшаго сомнѣнія. Изъ трехъ главныхъ, установленныхъ Беккеромъ (Зап. XI, стр. 43) видовъ Θасосскихъ штемпелей, клеймо на нашей ручкѣ принадлежитъ къ самому распространенному. Кромѣ приписки Θασίων на немъ помѣщено лишь имя магистрата, которому довѣренъ былъ надзоръ надъ гончарными фабриками, въ имен. падежѣ, сопровожденное свойственною ему лично эмблемою. Имя магистрата Φειδίππος— очень распространенное; встрѣтилось ли оно уже на Θасосскихъ ручкахъ, я, не имѣя въ данный моментъ подъ руками изданія A. Dumont: Inscriptions céramiques de Grèce, установить не могу.

№ 5. 

Мѣсто нахожденія ручки— Керчь.

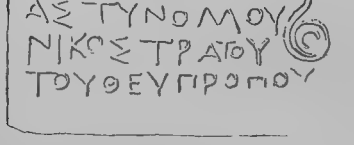
Ἰ]χεσίου
Ἀστυνό[μου]
Καλλισθέ[νου].

Слѣды потертой буквы Ι еще ясно видны на ручкѣ, такъ что вѣрность дополненія перваго имени не подлежитъ никакому сомнѣнію. Скорѣе можетъ быть спорнымъ, какое изъ этихъ двухъ именъ слѣдуетъ принять за имя магистрата, какое за имя фабриканта? Замѣчаніе Беккера (Зап. V, стр. 55), высказанное имъ по поводу двухъ амфорныхъ надписей, на которыхъ читаемъ: Γλαυκία ἀστυνομοῦντος Πασιχάρους и Πασιχάρους ἀστυνομοῦντος Γλαυκία, «что слово ἀστυνόμου или ἀστυνομοῦντος, находящееся въ срединѣ двухъ именъ, употребляемыхъ въ родительномъ падежѣ, могло служить опредѣленіемъ то перваго, то второго имени, и что точный порядокъ въ этомъ отношеніи не соблюдался»—является вполнѣ основательнымъ. Юргевичъ въ первой своей работѣ объ амфорныхъ ручкахъ (Зап. XI, стр. 59) считалъ, правда, возможнымъ не согласиться съ Беккеромъ и полагать, что въ подобныхъ случаяхъ всегда «въ началѣ помѣщалось имя владѣльца фабрики»; но, какъ видно изъ его дальнѣйшихъ работъ, этотъ взглядъ имъ не выдержанъ послѣдовательно; онъ, должно быть, вполнѣ справедливо

убѣдился въ томъ, что этотъ вопросъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ нуждается въ спеціальномъ изслѣдованіи. Что касается нашей ручки, то съ большой вѣроятностью Ἰχέσιος можно принять за имя астинома. Въ качествѣ астинома Ἰχέσιος является неоднократно: срв. Беккеръ: Ueber die im südl. Russland gefundenen Henkelinschriften S. 486 № 23; Юргевичъ: Зап. XI, стр. 57, № 8 и 9, Зап. XVIII, стр. 127, № 31, и стр. 141, № 39 и № 40, Mélang. Grec.-Rom. I, 486—Ἰχέσιος въ качествѣ фабриканта встрѣчается одинъ разъ: Antiquités du Bosph. Cim. I № 38 (срв. Беккеръ: Зап. V, стр. 52, № 26)—но чтеніе этой послѣдней ручки мнѣ кажется немного сомнительнымъ. Напротивъ Калисѳенъ извѣстенъ какъ фабрикантъ: срв. Беккеръ Зап. V, A. № 3. № 27, B. № 9a, C., № 24, 29, 30. Зап. VII, № 6, № 92, № 29, Юргевичъ Зап. XVIII, стр. 141. № 39. Стеф. О. А. К. 1867, 207, 1868, 124.

Эмблема «слона» при имени Ἰχέσιος встрѣчается еще на двухъ ручкахъ, найденныхъ въ Ѳеодоссіи: Юргевичъ, Зап. XVIII, стр. 141, № 39 и № 40; одна изъ этихъ Ѳеодоссійскихъ ручекъ (№ 39) вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей; имя фабриканта на ней тоже Καλλισθένης; между тѣмъ какъ на другой горшечникъ называется Δρόμων.

№ 6.



Мѣсто нахожденія куска кирпича—Керчь.

Ποσειδωνίου
Ἀστυνόμου
Νικοστράτου
τοῦ Θευπρόπου.

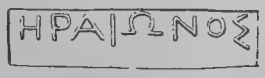
свернувшаяся въ клубокъ змѣя.

Рѣшить, былъ-ли Посидоній астиномомъ или горшечникомъ, весьма трудно; астиномомъ Посидоній является у Беккера: Зап. V, стр. 54, № 31, стр. 56, № 39, Юргевича: Зап. XVIII, стр. 144, № 80, — фабрикантомъ у Беккера: Mélang. I, стр. 492, № 3, Зап. V, стр. 49, № 11; въ другихъ случаяхъ: (Беккеръ, Зап. VII, стр. 61, № 26. Mélang. I, стр. 493, № 11, 12, 13, стр. 495, № 20—24, Зап. V, стр. 56, № 38, стр. 60, № 52, Зап. VII, № 1 и 16, Юргевичъ, Зап. XVIII, стр. 148—150, № 74, 75, 76, 77. 78, 79, 81),—вопросъ о томъ, относится ли слово ἀστυνόμου къ Ποσειδωνίου или къ слѣдующему имени? долженъ остаться открытымъ; Юргевичъ, правда, при большинствѣ изданныхъ имъ ручекъ изъ Ѳеодосіи доходитъ до опре-

дѣленнаго результата, что Посидоній—горшечникъ; но нельзя сказать, что его доводы отличаются вездѣ полной убѣдительностью. Ближе всего нашему штемпелю по всему исполненію и по эмблемѣ соотвѣтствуетъ клеймо на кирпичѣ изъ Ѳеодосіи, изданное Юргевичемъ Зап. XVIII, стр. 144, № 77. Можно думать, что здѣсь, какъ и въ нашемъ случаѣ, Посидоній имя фабриканта, такъ какъ къ слѣдующему имени прибавлено отчество; срв. напр штемпель: Ποσειδωνίου τοῦ Αἰσχύνου ἀστυνόμου; однако съ увѣренностью, какъ это дѣлаетъ Юргевичъ, выставить такую догадку никоимъ образомъ нельзя, такъ какъ, хотя рѣдко, встрѣчается и имя фабриканта въ связи съ отчествомъ: срв. Зап. XVIII, стр. 141, № 38. Θεόδωρος Ποσειδωνίου κεραμεύς.

Относительно имени Νικόστρατος срв. Fick-Bechtel, Griech. Personennamen S. 216. Имя Θεύπροπος до сихъ поръ, насколько я знаю, встрѣчалось только въ формѣ Θεόπροπος (Fick-Bechtel, S. 144); срв. Θεόδωρος и Θεύδωρος, Θεοδοσία и Θευδοσία.

Кромѣ этихъ штемпелей изъ коллекціи покойнаго г. Гугеля еще поступили въ музей:

№ 7. 

Мѣсто нахожденія ручки Ольвія; куплена у г. Ш. Гохманна.

Ἡραίωνος. Имя ольвійскаго горшечника Гераіона уже давно извѣстно; срв. Юргевича, Зап. XI, стр. 57, № 6.

№ 8.

Клеймо на красноглиняномъ (terra sigillata) большомъ блюдѣ изъ Ольвіи, купленномъ у г. Ш. Гохманна.

Это клеймо—ступня ноги—имѣется еще на двухъ красноглиняныхъ блюдцахъ, найденныхъ въ Керчи и хранящихся въ нашемъ музеѣ, и встрѣчается, насколько мнѣ помнится, довольно часто на издѣліяхъ изъ «terra sigillata». Въ данномъ случаѣ однако помѣщено на этомъ клеймѣ и имя фабриканта Гаіου.

Вытекаетъ отсюда во первыхъ, что наше красноглиняное блюдо и принадлежащая къ ней амфора фабрикаты римской эпохи, во вторыхъ-же, что римскіе мастера, работавшіе въ модной арретинской техникѣ для эк-

спорта въ Грецію и въ греческія колоніи, считали нужнымъ грецизировать свои имена.

№ 9. ΣΩΜ — Штемпель на горлышкѣ амфоры, найденной въ Аккерманѣ и пожертвованной музею.

Изъ именъ лицъ, начинающихся на буквы Σωμ :Σωμήδης, Σωμένης, Σώμβροτος, Σώμαχος, Σωμᾶς—послѣднее является самымъ подходящимъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ встрѣчается въ Тирасской надписи, Latyschev: I. P. I, № 2, 31. Итакъ я дополняю клеймо въ имя фабриканта Σωμ[ᾶς]. По начертанію буквы Ω штемпель относится къ I—II вѣку по Р. Х., къ тому же періоду, въ которому принадлежитъ только что названная Тирасская надпись.

№ 10 и 11. Въ заключеніе позволяю себѣ обратить вниманіе на два чернолаковые скиѳоса, находящіеся въ числѣ вновь поступившихъ изъ Ольвіи въ музей предметовъ. Одинъ изъ нихъ, болѣе плоскій, купленъ у г. Ш. Гохманна, другой, глубокій, пожертвованъ д. ч. П. А. Маврогордато. Оба сосуда украшены орнаментомъ, состоящимъ по преимуществу изъ виноградныхъ листьевъ и кистей, исполненныхъ въ желтой краскѣ, и снабжены надписью въ курсивѣ; на одномъ читаются буквы Διον, на другомъ полностью Διονύσου. Какъ орнаменты, такъ особенно эти надписи указываютъ на назначеніе этихъ сосудовъ.

Пользуюсь случаемъ замедленія печатанія настоящаго протокола, чтобы познакомить членовъ Общества съ новымъ весьма важнымъ эпиграфическимъ памятникомъ, найденномъ при послѣднихъ раскопкахъ въ Ольвіи.

Господинъ Р. фонъ-Кизерицкій имѣлъ любезность привезти мнѣ 21 мая изъ Ольвіи, куда онъ отправился для ознакомленія съ мѣстностью и съ положеніемъ этого важнѣйшаго древне-греческаго поселенія на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, эстампажъ надписи, изсѣченной на мраморной плитѣ. Плита эта, найденная на крестьянской землѣ, пріобрѣтена г. управляющимъ имѣніемъ Парутино и, по словамъ г. фонъ-Кизерицкаго, довольно сильно повреждена. Не разсчитывая найти въ Ольвіи новый эпиграфическій матеріалъ, г. фонъ-Кизерицкій не запасся при своей поѣздкѣ надлежащей бумагой для изготовленія эстампажа и имѣлъ въ своемъ распоряженіи только листъ простой и тонкой промокательной бумаги. Вслѣдствіе этого обстоятельства, равно какъ и не особенно хорошей сохранности плиты эстампажъ не вышелъ вполнѣ удовлетворительнымъ; тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь публиковать по этому эстампажу надпись, такъ какъ мнѣ почти вездѣ удалось возстановить первоначальное чтеніе. Изученіе оригинала можетъ, правда, дать поправки и рѣшить сомнѣнія, особенно въ двухъ строкахъ, но, не зная, когда мнѣ придется видѣть плиту, я не хотѣлъ отложить на неопредѣленное время изданіе этой любопытной надписи.

По характеру буквъ надпись наша довольно близко стоитъ къ изданному въ сборникѣ Латышева (Latyschev: I. P. I) подъ № 114 документу; по содержанію она ему вполнѣ соотвѣтствуетъ, такъ какъ представляетъ собою также списокъ ольвійскихъ гражданъ. Вотъ текстъ этого списка:

1. [Є]ΥΡΗCI[ΒΙΟC] ΛЄΩΚΡΑ[ΤΟΥC]
2. ΔΙΟΝΥCΙΟC ΑΡΙCΤЄΙΔ[ου]
3. ΗΡΟΔΟΤΟC ΜΗΤΡΟΔ[ΩΡΟΥ]
4. ΗΡΟCΩΝ ΗΡΟΔΩΡΟΥ
5. CΤΑΦΥΛΟ[C] ΗΡΟΔΩΡΟ[Υ]
6. ЄΠΙΚΟΥΡΟC[Α]ΔΡΑCΤΟΥ
7. ΦΙΛΩΝΙΔ[ΗC] ΚΑΛ[?]ΑΟ[Υ]
8. ΔΗΜΟΚΩΝ ЄΥ[ΒΙ]ΟΤΟ[Υ]
9. ΝΙΚΟΚΛΗC[ЄΚ]ΑΤЄΩΝΥΜ[ΟΥ]
10. ΠΑΝΤΑΚΛΗC ΙΚЄCΙΟΥ
11. [Α]ΡΙCΤΟΚΡΙ[Τ]ΟC ΠΟCЄΙΔΩΝ[ΙΟΥ]
12. ΦΙΛΙCΚΟC ΗΡΟΛΩΡΟ[Υ]
13. [Α]ΡΙCΤΟΚΡΑΤΗC ΑΡΙCΤΩΝ[ΟC]
14. [ΘЄ]ΟΚΛΗC ΑΡ[место для 3 буквъ]ΤΩΝΟ[C]
15. ΠΟC[ЄΙ]ΔΩΝΙΟ[Υ]
16. ΚΑΛΛΙΝΙΚΟ[Υ]

т. е. Е]ὐρησί[βιος] Λεωκράτ[ους
Διονύσιος Ἀριστείδ[ου
Ἡρόδοτος Μητροδ[ώρου
Ἡροσῶν Ἡροδώρου
Στάφυλο[ς] Ἡροδώρο[υ
Ἐπίκουρος [Ἀ]δράστου
Φιλωνίδ[ης] Καλ[λιμ]ά[χ]ο[υ (?)
Δημοκῶν Εὐ[βι]ότου
Νικοκλῆς [Ἐκ]ατεωνύμου
Πανταχλῆς Ἰκεσίου
Ἀ]ριστόκρι[τ]ος Ποσειδων[ίου
Φιλίσκος Ἡροδώρο[υ
Ἀ]ριστόκρατης Ἀρίστων[ος
Θε]οκλῆς Αρ[ίσ]τωνο[ς (?)
Ποσ[ει]δωνίο[υ
Καλλινίκο[υ.

Изъ этихъ тридцати именъ громадное большинство, а именно 22 встрѣчаетъ также въ выше названномъ спискѣ ольвійскихъ гражданъ (Lat. I. P. I, № 114). Одинъ разъ попадается тоже самое сочетаніе имени и отчества:

Σταφυλος Ἡροδώρου=Lat. I. P. I, № 114, II, 15, такъ что можно было-бы подумать, что нашъ документъ относится точно къ тому же времени, какъ и изданная Латышевымъ надпись; но, такъ какъ въ нашей надписи (строка 10, 11 и 14) читаются имена Παντακλῆς Ἱκεσίου Ἀριστόκριτος, Ποσειδωνίου, Θεοκλῆς Ἀρίστωνος. между тѣмъ какъ въ названномъ спискѣ имѣются сочетанія Ἱκέσιος Παντακλέους, Ποσειδώνιος Ἀριστοκρίτου и Ἀρίστων, Θεοκλέους то, при довольно строго выдержанномъ обычаѣ грековъ вообще и ольвіополитовъ въ частности, называть старшаго сына по имени дѣда, вѣрнѣе будетъ датировать нашу надпись однимъ поколѣніемъ позже чѣмъ вышеупомянутый документъ. Надо полагать, что Σταφυλος Ἡροδώρου при составленіи перваго списка (Latyschev. I. P. I, № 114) былъ еще молодымъ человѣкомъ, такъ что могъ попасть и въ нашъ списокъ, составленный при слѣдующемъ поколѣніи.

Впервые здѣсь въ ольвійской эпиграфикѣ являются имена: Ἐπίχουρος (Fick-Bechtel S. 110), Ἀριστείδης (хотя буквы Ἀριστ. въ надписи № 114, II, 2, можетъ быть, слѣдуетъ дополнить именно въ это имя), Φιλωνίδης (Fick-Bechtel S. 279), Φιλίσκος (B. C. H. XII, 360 № 4), Ἄδραστος Ion. Inschriften № 153, 17; Fick-Bechtel S. 307), Ἑκατεώνυμος. Что касается имени Ἑκατεώνυμος, то мнѣ извѣстна лишь форма Ἑκατώνυμος (Ion. Inschriften № 206a, 15 Fick-Bechtel. s. v.); но буква ε вполнѣ ясно читается на эстампажѣ и сохранившіяся буквы ΑΤЄΩΝΥΜ нельзя иначе дополнить, чѣмъ это предложено мною.

Только въ двухъ случаяхъ я не рѣшился съ увѣренностью возстановить чтеніе надписи: въ 7-й строкѣ отъ отчества Филонида сохранились букви ΚΑΛ . . ΑΟ; въ лакунѣ мѣсто для двухъ или трехъ буквъ; имѣемъ-ли мы здѣсь род. пад. имени Καλλίμαχος? Точно также возстановленіе отчества Θеокла въ 14 строкѣ представляетъ нѣкоторое, хотя меньшее затрудненіе; отчетливо читаются буквы ΑΡ . . . ΤΩΝΟ, такъ что я предложилъ дополненіе Ἀρ[ίσ]τωνος, не скрываю, что судя по эстампажу въ лакунѣ мѣсто по крайней мѣрѣ для трехъ буквъ; но я другаго дополненія придумать не могъ и, мнѣ кажется, слѣдуетъ мириться съ тѣмъ, что рѣзчикъ въ данномъ случаѣ помѣстилъ почему то эти двѣ буквы на большомъ разстояніи другъ отъ друга.

Для какой цѣли составленъ этотъ списокъ гражданъ, сказать трудно; можетъ быть, и на этотъ вопросъ дадутъ какой нибудь отвѣтъ усиленныя раскопки, которыя въ виду предстоящаго полнаго неурожая у насъ ведутся съ особеннымъ рвеніемъ въ настоящемъ году парутинскими мужиками.

Ежедневно раскрывается теперь въ Ольвіи до шести могилъ, и Гохманны, Эдлисъ и компанія, монополизировавшіе въ своихъ рукахъ торговлю ольвійскими древностями, открыто хвастаются сдѣланными ими въ послѣднее время большими оборотами. Между тѣмъ попала въ нашъ музей и въ здѣшнія частныя коллекціи только маленькая доля найденныхъ сокровищъ; въ Императорскую Археологическую Коммиссію, насколько я знаю, точно также мало представлено. Когда-же, спрашивается, наступитъ возможность положить конецъ этимъ хищническимъ раскопкамъ и начать систематическое и осторожное разрытіе и изслѣдованіе этой достопримѣчательной мѣстности? Было-бы пора!

Постановили: напечатать докладъ д. ч. Э. Р. фонъ-Штерна въ протоколѣ настоящаго засѣданія.

319 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

20-го Сентября 1899 г.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена совѣта *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. И. Маркевичѣ*, гг. дѣйствительные члены *Л. Ф. Брунъ*, *А. А. Кочубинскій*, *И. А. Линниченко*, *А. В. Лонгиновѣ*, *В. Н. Мочульскій*, *А. А. Павловскій*, *Г. И. Перетятковичѣ* и *Х. П. Ящуржинскій*.

Слушали:

I. Отношеніе Исполнительной Коммиссіи Императорскаго Новороссійскаго Университета по организаціи Пушкинскихъ юбилейныхъ празднествъ совмѣстно съ Городскимъ Общественнымъ Управленіемъ, съ благодарностью Императорскому Обществу Исторіи и Древностей за участіе, принятое Обществомъ въ устройствѣ этихъ празднествъ, и донесеніе Совѣта, что дѣйствительными членами Общества А. В. Лонгиновымъ, Э. Р. фонъ-Штерномъ и Х. П. Ящуржинскимъ возложенъ былъ вѣнокъ отъ Общества на памятникъ Пушкина.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

II. Телеграмму отъ Президента Общества Генералъ-Адъютанта Х. Х. Роопа съ благодарностью Обществу за поздравленіе по случаю исполненія 50-лѣтія его службы.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

III. Предложеніе дѣйств. члена Э. Р. фонъ-Штерна, въ виду исполняющагося 26 октября с. г. тридцатилѣтія университетской службы, а 8 ноября пятидесятилѣтія педагогической дѣятельности дѣйств. чл. Общества протоіерея В. М. Войтковскаго почтить его поздравленіемъ отъ Общества.

Постановили: избрать для принесенія д. ч. В. М. Войтковскому поздравленія 26 октября дѣйств. член. А. А. Кочубинскаго, Г. И. Перетятковича и А. И. Маркевича.

IV. Предложеніе Русскаго Общества Пароходства и Торговли относительно продленія срока аренды береговой полосы въ Судакѣ. При этомъ

Совѣтъ считаетъ возможнымъ согласиться на предлагаемую Р. О. П. и Т. аренду на слѣдующихъ условіяхъ: Въ теченіи первыхъ 3-хъ лѣтъ аренды (съ 1-го января 1900 г.) Р. О. П. и Т. уплачиваетъ Обществу по 300 р. въ годъ; за слѣдующіе 3 года по 450 руб. и за остальныя 6 лѣтъ по 600 руб.; но Р. О. П. и Т. предоставляется право по прошествіи первыхъ 6 лѣтъ отказаться отъ аренды. На аренду долженъ быть совершенъ договоръ нотаріальнымъ порядкомъ, съ отнесеніемъ расходовъ по оному на счетъ Р. О. П. и Т.

Постановили: принять проэктъ Совѣта съ тѣмъ измѣненіемъ, что за послѣднія 6 лѣтъ опредѣлить плату по 900 рублей въ годъ.

V. Отношеніе Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко съ просьбою о продолженіи обмѣна изданіями, такъ какъ «Записки» Общества не получались Институтомъ съ XV т.; и отношенія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи съ предложеніемъ обмѣниваться изданіями; при чемъ Совѣтъ полагаетъ возможнымъ удовлетворить ходатайства, но высылать «Записки» Общества начиная лишь съ XVI т., ибо болѣе ранныхъ томовъ осталось слишкомъ мало.

Постановили: согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

VI. Отношенія Императорской Археологической Коммиссіи съ препровожденіемъ въ даръ Музею Общества 24 серебрян. римскихъ монетъ, найденныхъ въ 1897 году въ Зугдидскомъ уѣздѣ, Кутаисской губ.; 3 серебряныхъ и 24 мѣдныхъ Херсонесскихъ, Керкенитскихъ и друг. монетъ, принесенныхъ въ даръ Евпаторійскимъ купцомъ И. Ю. Захіо, и 4 червонцевъ венеціанскихъ дожей, найденныхъ въ г. Старомъ Крыму.

Постановили: передать монеты въ музей и благодарить Императорскую Археологическую Коммиссію.

VII. Предъявленіе секретаремъ Общества слѣдующихъ полученныхъ Обществомъ книгъ:

1) «Записки Императорской Академіи Наукъ», т. III, № 3. Греческій текстъ житія сорока двухъ Аморійскихъ мучениковъ, изд. А. Васильевъ. С.-Петербургъ. 1898.

2) «Записки Императорской Академіи Наукъ», т. III, № 5. Отчетъ о тридцатьдевятомъ присужденіи наградъ графа Уварова. С.-Петербургъ 1899.

3) Византійскій Временникъ, изд. Императорской Академіи Наукъ, подъ ред. В. Г. Василевскаго и В. Э. Регеля, т. V, вып. 3 и 4, т. VI, выпускъ 1—2.

4) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. X, № 3—4. С.-Петербургъ. 1899.

5) Востокъ Христіанскій. Александрійская Патріархія. Сборникъ матеріаловъ, изслѣдованій и записокъ, относящихся до исторіи Александрійской Патріархіи, т. I. Сост. Архимандритомъ Порфиріемъ (Успенскимъ). Изд. Императорской Академіи Наукъ, подъ ред. Хр. М. Лопарева. С.-Петербургъ. 1898.

6) Ученыя Записки Императорскаго Московскаго Университета. Отдѣлъ историко филологическій. Вып. 17, М. 1891. Вып. 13, М. 1893. Вып. 23, М. 1896. Вып. 24, М. 1899. Вып. 25, М. 1899.

7) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, №№ 5—8. Казань. 1899.

8) Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета, №№ 2 и 3. Юрьевъ. 1899.

9) Личный Составъ Императорскаго Юрьевскаго Университета къ 15 октября 1898 г. Юрьевъ. 1898.

10) Обозрѣніе лекцій въ Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. 1898 г., II семестръ. Юрьевъ. 1898 г.

11) Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ, VII. Византійское отдѣленіе, IV. Одесса. 1899.

12) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, т. XV, вып. 4. Казань. 1899.

13) Матеріалы по Археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіею, № 21. Обсужденіе проекта стѣнной росписи Новгородскаго Софійскаго Собора. С.-Петербургъ. 1897.

14) Матеріалы по Археологіи Россіи, изд. Императорскою Археолог. Ком., № 22. Серебряное Сирійское блюдо, найденное въ Пермскомъ краѣ. С.-Петербургъ. 1899.

15) Матеріалы по Археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіею, № 23. Древности южной Россіи. Греческія и латинскія надписи, найденныя въ южной Россіи въ 1895—1898 годахъ, съ объясненіями академика В. В. Латышева. С.-Петербургъ. 1899.

16) Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1885 годъ, Петербургъ. 1897 и за 1896 г., Петербургъ. 1898.

17) Записки восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, подъ ред. Барона В. Р. Розена. Томъ XI, выпуски I—IV и XII. Петербургъ. 1899.

18) Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Январь—Февраль 1899 г. Петербургъ. 1899.

19) Указатель къ первымъ осьми томамъ полнаго собранія русскихъ лѣтописей. Изд. Археографическою коммиссіею. Отдѣлъ первый. Указатель лицъ. Томъ II (К.—Ѳ.). Спб. 1898.

20) Русская историческая библіотека, томъ 17. Спб. 1898.

21) Донскія дѣла, книга 1-я. Спб. 1898.

22) Труды десятаго археологическаго съѣзда въ Ригѣ 1896 г., подъ редакц. граф. Уваровой. Томъ I и II. Москва 1894. (Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества).

23) Древности. Труды Аргеографической Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, подъ ред. М. В. Довнаръ-Запольскаго, т. I, вып. III. Москва 1899 г.

24) Чтенія въ Церковно-Археологическомъ Обществѣ. Выпускъ II. Кіевъ. 1899.

25) Отчетъ Московскаго и Румянцевскаго музеевъ за 1898 годъ.

26) Московскій Публичный и Румянцовскій музеи. Пушкинская выставка. 1899. Указатель.

27) Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1899, III—V.

28) Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1898 г. Петербургъ. 1899.

29) Краткіе отчеты западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1894/96 годы. Омскъ. 1899.

30) Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ I, вып. 1 и 2. М. 1898 и 1899.

31) Записки Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, томъ IV, выпускъ 4, и т. V, выпускъ 1. Хабаровскъ 1898 и 1899.

32) Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею и общественной библіотекѣ за 1898 годъ.

33) Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, подъ редакціей члена коммиссіи С. Д. Яхонтова. Рязань. 1899.

34) Матеріалы для исторіи Симбирска и его уѣзда (приходо-расходная книга Симбирской приказной избы). 1665 — 1667 гг. *А. Н. Зерцаловъ.* Симбирскъ. 1896.

35) Симбирскъ и его прошлое. (1648—1898 гг.) *М. Ѳ. Суперанскій.* Симбирскъ 1899 г. (Издан. Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи).

36. Остатки старины, сохранившіеся въ Симбирскомъ уѣздѣ. Симбирскъ 1896 г. (Изд. Симб. Губ. Уч. Ком. *П. Мартыновъ*).

37) Курмышская старина. Путевыя замѣтки по археологіи и исторіи Симбирскаго Присурья. (Изд. Симбир. Губ. Учен. Ком.). Симбирскъ. 1899. *В. Н. Поливановъ.*

38) Слѣды язычества въ домашнемъ обиходѣ чувашъ (Изд. Симб. Губ. Учен. Ком.), *Ѳ. Виноградовъ.* Симбирскъ. 1897.

39) Тагай, упраздненный городъ Симбирскаго уѣзда (Изд. Симб. Губ. Учен. Ком.). *П. Мартыновъ.* Симбирскъ. 1898.

40) Краткій историко-географическій очеркъ Симбирска, Сызрани и Кашпира во второй половинѣ XVIII вѣка (Изд. Симб. Губ. Учен. Арх. Комиссіи). *А. Н. Зерцаловъ.* Симбирскъ. 1896.

41) Историческая юбилейная выставка въ память 250-лѣтія основанія г. Симбирска. *А. М. Матвѣевъ.* Симбирскъ. 1898.

42) Отчеты о дѣятельности Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи за 1895 г. Симбирскъ. 1896, за 1896 г. Симб. 1897, за 1897 годъ Симб. 1898, за 1898 г. Симб. 1899.

43) Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго Дворца, т. II. *В. Н. Поливановъ* и *В. Э. Красовскій.* Собраніе актовъ XVII-го и начала XVIII-го в. в. В. П. Мещеринова, П. В. Анненкова, А. В. Толстого, Л. А. Прушкевича и др. (Изд. Симб. Губ. Учен. Арх. Ком.). Симбирскъ. 1898.

44) Отчетъ Александровской публичной библіотеки въ г. Самарѣ, Самарскаго Публичнаго Музея «Зала Императора Александра II» за 1898 годъ. Самара. 1899.

45) Записки Крымскаго Горнаго Клуба въ г. Одессѣ, 1899 г. №№ 3—6.

46) Каталогъ украинскихъ древностей коллекціи В. Тарновскаго. Кіевъ. 1898.

47) Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей. Проф. Ю. Кулаковскій. Кіевъ. 1899.

48) Отчетъ проф. Ю. А. Кулаковскаго о его археологическихъ разслѣдованіяхъ въ Крыму въ 1895 г. (изъ отчета Императорской Археологической Коммиссіи за 1895 г.).

49) Отчетъ проф. Ю. А. Кулаковскаго объ археологическихъ изслѣдованіяхъ его въ Крыму въ 1896 году (тоже за 1896 г.).

50) Смерть и безсмертіе въ представленіяхъ древнихъ грековъ. Юліанъ Кулаковскій. Кіевъ. 1899.

51) Карта Европейской Сарматіи по Птолемею. Юліанъ Кулаковскій. (Привѣтствіе XI Археологическому Съѣзду).

52) Типикъ о церковномъ и о настѣнномъ письмѣ епископа Нектарія изъ сербскаго града Велеса 1599 г. и значеніе его въ исторіи русской иконописи. Н. И. Петровъ. С.-Петербургъ. 1899 г.

53) Планъ храма Воскресенія съ окружающею его мѣстностью; съ показаніемъ красками владѣній по вѣроисповѣданіямъ и съ приложеніемъ 2 таблицъ поперечныхъ разрѣзовъ скалы. К. Шикъ. Спб. 1899.

54) О соборной Богородичной церкви въ городѣ Галичѣ, происходящей изъ первой половины XII столѣтія. А. С. Петрушевичъ. Львовъ. 1899.

55) Дневникъ Краковскаго возстанія въ 1794 году. Л. Цѣшковскій. Львовъ. 1897.

56) Записки науковаго товарищества имени Шевченка. Михаила Грушевскаго, т. XXIX. Р. 1899, кн. III.

57) Часопись правнича, ред. д-ръ Кость Левицкій, ч. IX Львовъ. 1899.

58) Українсько-Руський Универзитет. Михайло Крушельницький Львов 1899.

59) Lietopis jugoslavenske Akademiye znanosti i umyetnosti za godinu 1898. 13. Zagrebu 1899.

60) Rad jugoslavenske Akademiye znanosti i umyetnosti. Kniga 138. Zagrebu 1899.

61) Památky archaeologicke a mistopisné. Dr. Josef Lad. Pic. Praze 1898, 3—4, 1899, 5.

62) Starozitnosti zemé ceske. Dil. 1. Cechy predhistorické na zakladé praehistoricke sbirky Musea Kral. Ceskeho. Pise d-r J. L. Pic. Svazek 1. Praze 1899.

63) Archäologische Karte von Liv-, Est- und Kurland. I. Sitzka. Jurjew (Dorpat). 1896.

64) Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1898. Riga. 1899.

65) Geschichte der Juden in Riga. Anton Buchholtz. Riga. N. Kymmel. 1899.

66) Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft. Zvanzigster Band. Erstes Heft. Jurjew (Dorpat) 1899.

67) Sitzungsberichte der gelehrten Estnischen Gesellschaft 1898. Jurjew (Dorpat). 1899.

68) Mittheilungen aus der Livländischen Geschichte. Riga. 1899.

69) Bonner Jahrbücher. Jahrbücher des Vereins von Alterthumsfreuden im Rheinlande, Heft XCVI und XCVII. Bonn. 1895.

70) Bullettino di archeologia e storia dalmata. Fr. prof. Bulic. Anno XXII.

Постановили: передать въ библіотеку Общества.

VIII. Сообщенія г. хранителя Музея о новыхъ предметахъ, пріобрѣтенныхъ и пожертвованныхъ въ Музей:

А. Пожертвовано:

I) Отъ Императорской Археолог. Коммиссіи: 24 серебр. монеты, найденныя въ 1897 году въ Зугдидскомъ уѣздѣ, Кутаисской губерніи, въ селеніи Незадогову, на лѣвомъ берегу рѣки Завау-Кали.

Монеты эти слѣдующія:

1) *Архелай*, царь Каппадокіи 36 г. до Р. Хр., серебр. драхма.

Лиц. Портретъ царя.

Обр. Палица, слѣва М, вокругъ надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΧΕΛΑΟΥ

ΦΙΛΟΠΑΤΡΙΔΟΣ ΤΟΥ ΚΤΙΣΤΟΥ.

(Mionnet, T. IV, стр. 453, № 69. — 100 fr.).

2—8) Семь разныхъ серебряныхъ монетъ римскихъ консульскихъ.

9) *Юлій Цезарь*, серебр.

Лиц. Голова Венеры.

Обр. Caesar. Эней и пр. (Cohen № 5).

10—18 *Августъ*, серебр. — (9 одинаковыхъ экземпляровъ).

Лиц. Голова императора.

Обр. Кайусъ и Люціусъ.

(Надписи какъ у Cohen № 86).

19) *Августъ*, — серебр.

Лиц. Голова императ.

Обр. August. Козерогъ (Cohen № 54).

20) *Августъ*, — серебр.

Лиц. Голова императ.

Обр. Imp. Caesar. Морскіе трофеи (Coh. № 105).

21) *Августъ*, — серебр.

Лиц. Голова императора (надпись).

Обр. Imp. X. Быкъ направо (Cohen № 119).

22) *Августъ*, — серебр.

Лиц. Голова императ. (надпись).

Обр. Imp. X. Act. Аполлонъ и др. (Cohen № 129).

23) *Августъ*, — серебр.

Лиц. Голова императ. (надпись).

Обр. Ob civis servatus въ вѣнкѣ (Cohen № 177).

24) *Фаустина Младшая*, — серебр.

Лиц. Голова императрицы (надпись).

Обр. Ceres. Церера сидящая (Cohen № 13).

II) Отъ Императорской Археол. Коммиссіи: 3 серебр. и 24 мѣдныхъ монетъ, пожертвованныя ей евпаторійскимъ купцомъ М. Ю. Захіо.

Монеты эти, за выдѣленіемъ поддѣлокъ, слѣдующія:

1) *Керкинитъ*, Лиц. стерта.

Обр. лошадь ГЕЛО Бур. XIII/3.

2) Тоже. Лиц. сид. фигура КЕРКІ.

Обр. лошадь. Бур. XIII/2.

3) Тоже. Лиц. тоже.

Обр. лошадь, надпись стерта

4—8) *Херсонесъ*, Лиц. воинъ стрѣл. изъ лука, внизу ХЕР, позади на 1 экз. буква К, на двухъ Н.

Обр. Квадрига. Бур. XV/68.

9) Тоже. Лиц. сидящая Діана, внизу ХЕР, впереди ГА.

Обр. грифонъ. Бур. XIV/31.

10) Тоже. Тоже, съ надписью надъ грифономъ ΧΟΡΕΙΟ. Бур. XIV/32.
11) Тоже. Тоже, безъ надписи.
12) Тоже. Лиц. голова Аполлона.
Обр. голова льва и палица, внизу ΧΕΡ. Бур. XV/66.
13, 14) Тоже. Лиц. соединенныя головы безъ буквъ.
Обр. левъ терзающій быка (2 экз.). Бур. XV/60.
15, 16) Тоже. Лиц. голова быка.
Обр. ΧΕΡ, палица и стрѣла (2 экз.). Бур. XV/73.
17, 18) Тоже. Лиц. дельфинъ.
Обр. палица, ΧΕΡ (2 экз.). Бур. XV/77.
19) Тоже. Лиц. идущій левъ со стрѣлой во рту. ΧΕΡ.
Обр. Бига.

III) Отъ Императорской Археологич. Коммиссіи четыре золотыхъ генуэзскихъ червонца, изъ числа найденныхъ въ Старомъ Крыму.

IV) Отъ вице-президента общества А. Л. Бертье-Делагарда 7 монетъ изъ Аккермана: пять тирасскихъ (временъ римскихъ императоровъ) и двѣ молдавскія.

V) Отъ Н. В. Эрдели: донышко разноцвѣтнаго стекла. Изъ Керчи.

VI) Отъ купца Іосифа Абрамовича Тульманна: 55 древнегреческихъ и римскихъ лампочекъ, 8 красноглиняныхъ блюдъ, мисокъ и тарелокъ, 1 чернолаковая амфора съ изображеніемъ головы лошади, грифона и амазонки, въ краснофигурной техникѣ, 1 чернолаковое блюдце съ тарелкой и 1 терракоттовая головка. Изъ Керчи.

VII) Отъ торговца древностями П. Гохманна: 10 амфорныхъ ручекъ съ штемпелями. Изъ Ольвіи.

VIII) Отъ торговца древностями Л. Гохмана: 1 серебряное блюдо, фрагменты краснолаковаго блюда съ рельефными украшеніями, фрагменты алебастровой крышки отъ сосуда съ фигурными украшеніями. Изъ Ольвіи.

IX) Отъ торговца древностями Эдлеса: фрагментъ античной вазы съ чернофигурнымъ изображеніемъ головы юноши, чернолаковый арибаллъ, донышко стекляного сосуда и кусокъ античнаго вара, гдѣ еще видны слѣды нитокъ, которыя нѣкогда по немъ проводились. Изъ Ольвіи.

X) Отъ г. Кубчишина два клинка античныхъ мечей и одна мѣдная гравированная ножка съ утиной головкой. Изъ Ольвіи.

XI) Отъ торговца Павловскаго: два куска мрамора съ древнегреческими буквами. Изъ Ольвіи.

XII) Отъ вице-президента Общества А. Л. Бертье-Делагарда: два сосуда, одна фибула и маленькій мѣдный котелъ. Изъ Керчи.

Б) Пріобрѣтено:

1) Дно чернолаковой тарелки, съ изображеніемъ двухъ фигуръ въ

краснофигурной строгой техникѣ (начала V вѣка); кругомъ надпись: Н Е-ΛΕΝΕ ΜΕΝΕΛΕΟΣ. Изъ Керчи (Издано будетъ въ XXII томѣ Записокъ).

2) Двѣ надписи греческія на извѣстнякѣ, пріобрѣтенныя г. Шкорпиломъ въ Керчи и присланныя имъ въ одесскій музей (Изданы будутъ въ слѣдующемъ протоколѣ).

3) Двѣ надписи изъ Аккермана: одна турецкая, другая славянская, взятыя изъ крѣпости и присланныя г. Штулькерцомъ въ одесскій музей.

4) Четыре надписи и два фрагмента надгробныхъ рельефовъ. Изъ Ольвіи.

5) Двадцать семь амфорныхъ ручекъ съ штемпелями. Изъ Ольвіи.

6) Шестьдесять глиняныхъ сосудовъ; въ томъ числѣ: милетскія амфоры, черноФигурные аттическіе кувшины и чаши, большая аттическая краснофигурная амфора IV вѣка, мегарскіе кубки, амфора мѣстнаго производства, римская terra sigillata, сосудъ съ металлической глазурью; рядъ іоническихъ вазъ матово-желтой краски съ украшеніями въ красной краскѣ и т. д. изъ Ольвіи.

7) Два стекляныхъ сосуда и фрагменты разноцвѣтнаго стекла. Изъ Ольвіи.

8) Двѣ коробочки изъ слоновой кости: одна круглая съ остатками румянъ, другая четырехугольная бѣлильница съ подвижной крышкой.

9) Четыре бронзовыхъ гравированныхъ ножки съ головами утокъ (должно быть ручки отъ сосуда). Изъ Ольвіи.

10) Серебряный рубль 1775 года.

Постановили: вещи передать въ музей, жертвователей благодарить отъ имени Общества, равно и хранителя музея за его труды по пополненію музея столь цѣнными въ научномъ отношеніи пріобрѣтеніями.

IX. Предложеніе Совѣта о принятіи въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества: Карла Осиповича Лысаковскаго, преподавателя въ Роменскомъ Реальномъ училищѣ, предлагаемаго д.д. ч.ч. А. А. Кочубинскимъ, А. И. Маркевичемъ и Л. Ф. Бруномъ, и Богдана Ивановича Ханенко, извѣстнаго Кіевскаго собирателя древностей, предлагаемаго д.д. ч.ч. Э. Р. фонъ-Штерномъ, А. А. Павловскимъ и А. В. Лонгиновымъ.

Постановили: произвести баллотированіе въ слѣдующемъ засѣданіи Общества.

X. Выборъ хранителя музея въ виду окончанія срока, на который избранъ былъ д. ч. Э. Р. фонъ-Штернъ.

Постановили: произвести избраніе въ слѣдующемъ засѣданіи Общества.

XI. Докладъ д. ч. Э. Р. фонъ-Штерна о послѣднихъ раскопкахъ и находкахъ въ Ольвіи.

Лѣтомъ этого года парутинскіе крестьяне, вслѣдствіе постигшаго нашъ Югъ неурожая, весьма усердно принялись за раскопку древняго ольвійскаго некрополя, на которомъ расположено ихъ поселеніе. Сотни могилъ ими открыты и разрыты. Сотни историческихъ фактовъ безвозвратно при этомъ погибли для науки, такъ какъ вещи, найденныя вмѣстѣ, были разбросаны и разрознены, описанія могилъ не было сдѣлано и нельзя было получить точныхъ показаній относительно полнаго содержанія наиболѣе любопытныхъ склеповъ. Объ этихъ плачевныхъ хищническихъ раскопкахъ я въ свое время написалъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію; но, не смотря на мѣры, принятыя надлежащею властью, оказалось невозможнымъ положить конецъ этому разграбленію древняго некрополя. Только въ концѣ августа, когда вслѣдствіи выпавшихъ дождей возможно было отправиться на сѣнокосы и приступить къ полевымъ работамъ, бо́льшая часть крестьянъ оставила археологическія розысканія и только завзятые «счастливчики» продолжали свою дѣятельность съ неутомимымъ рвеніемъ. Главнымъ стимуломъ къ такому продолженію работъ даже теперь осенью является то обстоятельство, что раскопки въ продолженіи лѣта увѣнчаны были дѣйствительно блестящими успѣхами, и ими изъ нѣдръ земли извлечены были весьма цѣнные и любопытные предметы въ большомъ количествѣ.

При такомъ положеніи вещей я счелъ своей обязанностью: позаботиться о томъ, чтобы самые интересные и рѣдкіе предметы доставлены были въ Императорскій Эрмитажъ; чтобы, дальше, насколько позволяютъ это средства Общества, найденныя древности сосредоточены были въ нашемъ музеѣ, и наконецъ, слѣдить за тѣмъ, что вообще было найдено. Я увѣренъ, что мнѣ, можетъ быть, только половина сдѣланныхъ открытій стало извѣстной; тѣмъ не менѣе, считаю не лишнимъ представить здѣсь подъ извѣстными рубриками обзоръ, какъ пріобрѣтенныхъ нами находокъ этого лѣта, такъ и поступившихъ во владѣніе другихъ, и постараюсь послѣ этого обзора отвѣтить на вопросъ, какіе историческіе выводы позволяютъ сдѣлать результаты этихъ хищническихъ раскопокъ?

I.

Лапидарныя надписи, надгробные памятники и другія издѣлія изъ мрамора, найденные лѣтомъ этого года въ Ольвіи.

а) Въ протоколѣ прошлаго засѣданія я опубликовалъ вновь найденную ольвійскую надпись — каталогъ гражданъ — по любезно предоставленному мнѣ г. фонъ-Кизерицкимъ эстампажу. Такъ какъ г. фонъ-Кизерицкій не имѣлъ въ своемъ распоряженіи надлежащей эстампажной бумаги и надпись по мѣстамъ изсѣчена очень неглубоко, то мнѣ пришлось во многихъ мѣстахъ возстановить текстъ по догадкѣ. Теперь оргиналъ, находившійся прежде во владѣніи г. управляющаго имѣніемъ Парутино, про-

данъ торговцемъ древностями Ш. Гохманномъ нашему музею; въ виду открывшейся мнѣ возможности изученія оригинала, считаю умѣстнымъ сообщить здѣсь болѣе подробныя свѣдѣнія о самомъ камнѣ и снова издать надпись съ точнымъ обозначеніемъ чтенія оригинала, хотя, какъ оказалось, всѣ сдѣланныя мною дополненія за однимъ исключеніемъ были вѣрными.

Камень—кусокъ паросскаго мрамора, который нѣкогда служилъ архитектурнымъ украшеніемъ, а именно карнизомъ дорійскаго храма. Размѣры камня 32×21×10 снтм. Послѣ разрушенія или перестройки храма воспользовались гладкой, необработанной стороной этого мрамора для изсѣченія надписи. Эта плита, покрытая надписью, при томъ сильно пострадала; сверху, снизу и съ правой стороны отбиты края и только лѣвый край исключая самой нижней части сохранился въ первоначальномъ видѣ.

Текстъ надписи слѣдующій:

1) . . . . . Λ . . . II
2) Ε]ὔρησιβι[ος] Λεωκράτ[ους
3) Διονύσιος Ἀριστείδ[ου
4) Ἡρόδοτος Μητροδ[ώρου
5) Ἡροσῶν Ἡροδώρου
6) Στάφυλος Ἡροδώρο[υ
7) Ἐπίκουρος Ἀδράστου
8) Φιλωνίδης Καλλά[ρου
9) Δημοκῶν Εὐβ[ι]ότου
10) Νικοκλῆς Ἑκατεωνόμ[ου
11) Παντακλῆς Ἰκεσίου
12) Ἀριστόκριτος Ποσειδωνί[ου
13) Φιλίσκος Ἡροδώρου
14) Ἀ]ριστόκρατης Ἀρίστωνος
15) Θ]εοκλῆς Ἀρίστωνο[ς
16) . . . . . ιος Ποσειδωνίο[υ
17) Κ]αλλινίκου
18) . . . . . ΟΓΕΙΝ

Оказывается по оригиналу, что надпись имѣетъ 18 строкъ, а не 16, какъ я долженъ былъ заключить по эстампажу; дальше, что на камнѣ еще читается рядъ буквъ, которыя дополнены были мною по догадкѣ, и наконецъ, что въ осьмой строкѣ отчество Филонида, къ которому я приставилъ вопросительный знакъ, теперь можетъ быть несомнѣнно возстановлено. На камнѣ сохранились буквы ΚΑΛΛΑ[Ρ]...; онѣ дополняютъ въ имя Κάλλαρος. На камнѣ еще видны при хорошемъ освѣщеніи слѣды буквы Р, такъ что о вѣрности дополненія не можетъ быть сомнѣнія.

Къ объясненію текста надписи, данному въ 318 протоколѣ, я ничего не имѣю прибавить.

б) Найдена въ Ольвіи и пріобрѣтена у парутинскаго мужика «Сѣнка» надгробная стела изъ хорошаго твердаго извѣстняка; размѣры ея: 65×25×14 см.; кромѣ стелы мужикъ привезъ еще рельефъ изъ того же матеріала, на которомъ изображены четыре фигуры. Ему за оба предмета уплочено 5 руб.

На стелѣ подъ грубымъ акротеріемъ изсѣчена слѣдующая надпись, которая вслѣдствіе большого ея интереса воспроизведена здѣсь въ цинкографіи.

т. е. Διζάζηλμις
Σεύθου ἡγεμὼν
Διζύρων χαῖρε.

Какъ можно было при первомъ чтеніи заключить изъ имени Σεύθης, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ надгробіемъ ѳракійскаго полководца, и дѣйствительно, ближайшее изученіе вопроса вполнѣ подтверждаетъ это первое впечатлѣніе.

Начну съ имени Διζάζελμις:

Δίζας, Δίξας, Δήζας, Diza, Disza, Dizza весьма часто встрѣчаемое ѳракійское имя. Срв. Tomaschek: Die alten Thrakier II, 2 S. 32 (Sitzungsberichte der Wiener Akademie. Band 131). Даже по найденному у насъ на югѣ Россіи матеріалу это имя извѣстно: оно встрѣчается въ надгробной надписи изъ Пантикапея (Latyschev: I. P. II, № 230), въ которой и ѳракійская родина этого Δίζας обозначена.

Съ другой стороны извѣстно, что, какъ въ большинствѣ индо-европейскихъ языковъ, такъ и въ ѳракійскомъ языкѣ имена лицъ, по преимуществу, образуются изъ двухъ составныхъ частей и что для составленія этихъ именъ по установившемуся обычаю предпочитаются опредѣленные префиксы и суфиксы. Въ числѣ послѣднихъ занимаютъ весьма видное мѣ-

сто суфиксы — πορις, τραλις и ζελμις (Kretschmer, Einleitung in die Geschichte der griech. Sprache. S. 200).

Основываясь на этомъ наблюденіи, Tomeschek по догадкѣ дополняетъ начальныя буквы встрѣчающагося въ изданной Archeol. Epigr. Mittth. XV, p. 107, № 54 надписи имени Διζάζε... въ Διζάζε[λμις], при чемъ оставляетъ, правда, возможность чтенія Διζάζε[νης] открытой. По поводу этого имени онъ дальше пишетъ (Die alten Theaker II, 2 S. 33):

Bei allen diesen Namensformen kann die Wz. dheig'h— «kneten, formen (z. B. Töpfe, Kessel), aufwerfen (z. B. eine Mauer, Veste, vgl. thrak. δίζα-τεῖχος) zu grunde gelegt werden. Δίζων z. B. kann Töpfer bedeutet haben. Gross wäze auch die Versuchung, die Glosse δίζα-αἴξ heranzuziehen und Diza als «Ziege», Dizala als «Zickel», Dizatralis als «Ziegenhalter» u. s. w. zu fassen: *wenn nur die Lesart Διζά-ζελμις sicher stünde*».

Это послѣднее желаніе Томашка теперь сбылось; на нашемъ надгробіи вполнѣ ясно читается Διζάζελμις; что вмѣсто «ε» написано «η», конечно, при транскрипціи въ Ольвіи ѳракійскаго имени на греческій языкъ не должно быть принято въ расчетъ.

Съ именемъ Διζά-ζελμις слѣдуетъ сопоставить Διξά-τελμις, имя династа Одризовъ, которое встрѣчается въ I в. до Р. Х. на монетѣ: Βασιλέως Διξατέλμεως; см. Head, Historia Nummorum, p. 243.

Что касается отца Διζάζελμις, — Σεύθης, то его имя весьма извѣстно. Такъ назывались нѣсколько царей Одризовъ; первый изъ нихъ былъ сыномъ Спарадока (Thucyd. III, 97—101, IV, 101); его монеты имѣютъ легенду: Σεύθα κόμμα (Head. H. N. p. 240); второй (405—383 д. Р. Х.) былъ сыномъ Мансода и отцомъ Котиса I; Σεύθης III (330—313 д. Р. Х.; монету его 324 года съ надписью Σεύθου см. у Head'a H. N. p. 240) воевалъ съ Лисимахомъ. Но кромѣ того имя Σεύθης упоминается въ нашемъ эпиграфическомъ матеріалѣ еще 12 разъ — въ томъ числѣ и еще въ римское время въ солдатскихъ дипломахъ; срв. Dipl. milit. XIV, a. 86; C. I. L. III, p. 857, III, 6122. Томашекъ производитъ слово Σεύθης изъ корня: «sk'ev санскр., kšu. зенд., šu. слав., šu. лит., šàuju. šauti» — «in Bewegung setzen, schleudern, abschiessen» so dass der Sinn «Bogenschütz» darin liegen könnte».

Между тѣмъ какъ онъ толкуетъ это имя такимъ образомъ въ смыслѣ «стрѣлокъ», Rösler, Zeitsch. für oestreich. Gym. 1873, p. 114 сопоставляетъ Σεύθης съ авест. «Zaotor» — жертвоприноситель. Какъ бы то ни было, тотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, что Διζάζελμις и его отецъ Σεύθης — ѳракійцы; не подлежитъ сомнѣнію и то, что эти имена (срв. варіантъ Διξάτελμις) употребительны были въ знатномъ ѳракійскомъ родѣ.

Но кто были Δίζυροι, предводителемъ которыхъ является этотъ Διζάζελμις? Въ Corpus Inscriptionum Latinarum, въ VI томѣ, между «Tituli

sacri, a praetorianis dedicati» (III вѣка по Р. Х.) издана посвятительная надпись (№ 2799) «Asclepio Zemidreno», поставленная гражданами Филиппополя. Въ этой надписи, строка 36, читается:

m. aur. M. F. Fl. Bithus Philippopoli
vico Diiesure.

Diie-sure есть такимъ образомъ «vicus», «мѣстечко, село» около Филиппополя; vicus въ римской провинціи со своимъ общиннымъ устройствомъ, со своими старостами (magistri) и сходками, конечно, не вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему «мѣстечко», но приблизительно этимъ терминомъ мы можемъ передать слово «vicus»

Итакъ около Филиппополя было мѣстечко, которое Римляне назвали Diie-sure; будетъ-ли слишкомъ смѣло предполагать, что это divie-çûre (Tomaschek: Die alten Thacier II, 2, 4. 71. сопоставляетъ санскр. Divya-çûra рядомъ съ Deva-çûra) въ греческой транскрипціи получило форму Δί-ζυρη и что жители этого мѣстечка названы были ольвіополитами Δίζυροι или Δίζυραι? Мнѣ кажется, что такое предположеніе вполнѣ основательно; срв. относительно «der schwankenden griechischen Umschreibung» ѳракійскихъ именъ Kretschmer: Einleitung и т. д., стр. 222 слѣд.

Изъ до сихъ поръ изложеннаго мы получаемъ выводъ, что ѳракійскій вельможа Διζάζελμις, сынъ Сеота, со своими односельчаками, Дицирами, жителями мѣстечка около Филиппополя, пребывалъ когда-то въ Ольвіи и что онъ здѣсь скончался. Надпись по характеру буквъ относится къ римскому императорскому періоду. Но по какому поводу этотъ «гегемонъ Дицировъ» предпринялъ свою экспедицію на сѣверъ, какимъ образомъ онъ здѣсь погибъ—все это конечно неизвѣстно. Скорѣе всего можно думать, что онъ явился сюда какъ другъ ольвіополитовъ — иначе греки ему не поставили-бы надгробнаго памятника,—и что онъ былъ приглашенъ ими для защиты города отъ натиска пришедшихъ съ сѣвера варваровъ; съ первой четверти III вѣка—и именно этимъ временемъ можно датировать и надпись—начинается движеніе Готовъ на Ольвію. Въ это страшное время жители Ольвіи конечно уже не были въ состояніи поставить своему другу, погибшему въ борьбѣ за ихъ самостоятельность, роскошнаго мраморнаго памятника; скромная стела изъ извѣстняка и простая надпись съ сердечнымъ «χαῖρε» было все, чѣмъ они могли почитать его память.

Если согласиться съ этимъ толкованіемъ, то одна изъ послѣднихъ страницъ исторіи Ольвіи получаетъ нѣкоторое освѣщеніе; будемъ надѣяться, что дальнѣйшія находки на почвѣ древней Ольвіи дадутъ намъ еще матеріалъ для возстановленія ея исторіи въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ это возможно было до сихъ поръ.

в) Верхній кусокъ изящнаго надгробнаго памятника изъ аттическаго мрамора; сохранился правый край тщательно сработаннаго капителя со

слѣдами полихромной окраски. На стелѣ подъ надписью находится розетка. Размѣръ фрагмента: 34×41×9 снт. Найденъ этотъ фрагментъ лѣтомъ этого года въ Ольвіи и пріобрѣтенъ для музея Общества у николаевскаго торговца древностями Х. Янирберга. Отъ надписи сохранились только буквы (въ характерѣ IV—III вѣка до Р. Х.):

. . . . . ΑΤΗΣΓ . . . .
. . . . ΙΔΩΝΙ . . .
. . . ΔΡΟΜ . . .

Что буквы въ первой строкѣ представляютъ собою окончаніе собственнаго имени напр. [Ἀριστόκρ]ατης и начало его отчества напр. Ἡ[ροδώρου] едва-ли сомнительно, но дальше возстановить текстъ надписи нельзя.

г) Кусокъ мрамора, довольно длинный и узкій, который нѣкогда примѣненъ былъ для архитектурныхъ цѣлей; размѣръ фрагмента: 10×57×22 снт. скорѣе всего фрагментъ эпистилія или архитрава. Найденъ лѣтомъ этого года въ Ольвіи и купленъ для музея у торговца Ш. Гохманна. На этомъ кускѣ изсѣчена большими красивыми буквами IV вѣка надпись:

т. е.
. . . . Ἰκ]εσίου
. . . τεωνος Διὶ Ἐλευθερίῳ.

Къ четыремъ, извѣстнымъ до сихъ поръ прозваніямъ, подъ которыми почитался Зевсъ въ Ольвіи: Σωτήρ (Inscrip. P. I, № 12, 41, 42) Βασιλεύς (№ 105), Ὄλβιος (№ 24) и Πολιάρχης (№ 101), мы теперь получаемъ пятое—Ἐλευθέριος.

Постройку или починку храма взяли и здѣсь на себя, какъ это обыкновенно бывало въ Ольвіи, отдѣльные богатые граждане. Къ сожалѣнію не сохранились ихъ имена, а лишь окончанія ихъ отчествъ.

д) Стела изъ бѣлаго мрамора; въ срединѣ четырехугольное углубленіе; стела найдена лѣтомъ этого года въ Ольвіи и доставлена г. Ш. Гохманномъ въ Одесскій музей. Размѣръ стелы: 68×30×4 снт.

Въ указанномъ углубленіи читается слѣдующая надпись:

ΑΔΑΙΟΣΔΑΟΥ Ἀδαῖος Δάου

т. е.

ΙΠΠΕΥΣ. ἱππεύς.

Относительно имени Ἀδαῖος срв. Kretschmer: Einleitung и т. д. стр. 338, Pauli-Wissowa I, 341. C. J. A. II, 2430. Athen. Mitth. XIV, 51; имя встрѣчается особенно въ Македоніи и Θессаліи, въ эллинистическое время и въ другихъ мѣстахъ.

О весьма похожемъ имени Αδόης, которое встрѣчается на ольвійскихъ монетахъ и въ надписяхъ (J. P. I, № 115), срв. Латышева: Ольвія, стр. 268—269.

Какъ имя Ἀδαῖος, такъ и *Δάος*, (латинское Davus) до сихъ поръ не встрѣчалось въ ольвійской эпиграфикѣ; но важнѣе и интереснѣе, чѣмъ эти имена, является обозначеніе званія этого Ἀδαῖος — приписка къ его имени слова ἱππεύς.

Едва-ли возможно будетъ на основаніи этого пока единичнаго документа вывести заключеніе о существованіи всаднической сословія въ Ольвіи; такъ какъ кромѣ стратиговъ и другихъ военныхъ начальникахъ въ ольвійскихъ надписяхъ не упоминается, то мы даже и не знаемъ, имѣли-ли ольвіополиты правильно и строго формированную конницу; хотя конечно существованіе таковой при необходимости сражаться со скиѳами является довольно вѣроятнымъ. Но во всякомъ случаѣ ни о классѣ «ἱππεῖς», ни о конныхъ отрядахъ, занимающихъ привилегированное мѣсто между остальнымъ войскомъ, не встрѣчается въ нашихъ документахъ ни малѣйшаго слѣда.

Въ виду этого, а также принимая въ соображеніе, что имя Ἀδαῖος попадается часто въ Македоніи и Θессаліи, извѣстныхъ своими ἱππεῖς, мы скорѣе можемъ полагать, что наша надпись (приб. I. вѣка) — надгробный памятникъ пришельца изъ этихъ странъ.

е) Наконецъ присланы въ даръ музею г. Павловскимъ два обломка мраморныхъ плитъ изъ Ольвіи:

На одномъ читаются буквы

II

ΤΕ

на другомъ буква Φ. Размѣры перваго фрагмента: 7×7×3 снт.; второго фрагмента: 14×11×3 снт.

Кромѣ этихъ эпиграфическихъ памятниковъ, лѣтомъ этого года при усиленныхъ хищническихъ раскопкахъ найдены въ Ольвіи: одно круглое мраморное блюдо, пріобрѣтенное для музея; лапа отъ льва, найденнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ и хранящагося въ коллекціи покойнаго И. К.

Суручана; мраморный бюстъ женской фигуры въ покрывалѣ и мраморное весьма хорошей работы блюдо съ сточной трубкой въ образѣ львиной головы; оба послѣдніе предмета куплены мною по порученію графа А. А. Бобринскаго для Эрмитажа Они вмѣстѣ съ лапой льва раскопаны въ остаткахъ какого-то зданія, которое изслѣдовать научнымъ образомъ было-бы весьма желательно.

Наконецъ, сообщу еще объ одной интересной находкѣ, которой я однако самъ не видѣлъ, но могу описать только со словъ другихъ. Это—большая мраморная плита, на которой въ рельефѣ изображена человѣческая мужская фигура до пояса, заканчивающаяся на нижнемъ краѣ плиты стилизованными пальметтами и завитками. Руки представленной en face фигуры протянуты на право и на лѣво; фигура ими держитъ за горло по одному грифону.

Этотъ любопытный памятникъ пріобрѣтенъ г. управляющимъ имѣніемъ Порутино за 150 р.

II.

Надписи на амфорныхъ ручкахъ.

Кромѣ приведенныхъ надписей на камнѣ, надгробныхъ памятниковъ и издѣлій изъ мрамора, найдено при послѣднихъ раскопкахъ и рядъ амфорныхъ ручекъ съ штемпелями. Двадцать семь изъ нихъ пріобрѣтены музеемъ покупкой, десять пожертвованы торговцемъ древностями Ш. Гохманномъ. Между этими амфорными ручками на этотъ разъ преобладаютъ родосскія; объ обстоятельствахъ нахожденія конечно не имѣются болѣе подробныя свѣдѣнія. Публикуя штемпеля на этой серіи вновь пріобрѣтенныхъ ручекъ, считаю не лишнимъ предварительно замѣтить, что я по прежнему, не смотря на высказанный Schuchardt'омъ (второй томъ изданія Пергаменскихъ надписей) взглядъ о частномъ характерѣ амфорной фабрикаціи на островѣ Родосѣ, придерживаюсь мнѣнія въ новѣйшее время снова B. Keil'емъ (Wochen. f. Klass. Philol. 1896. Sp. 106 folg.) убѣдительно обоснованнаго, что эта фабрикація составляла государственную монополію.

А. Родосскія амфорныя ручки.

а) Ручки съ именемъ эпонимнаго магистрата, съ обозначеніемъ мѣсяца.

1) ΕΠΙ ΙΕΡΕΩΣ — Ἐπὶ ἱερέως
ΓΟΡΓΩΝΟΣ т. е. Γόργωνος
ΠΑΝΑΜΟΥ. Πανάμου.

Четырехугольный штемпель; свѣтло-желтая глина. Буквы въ первой строкѣ сильно стерты; въ послѣднихъ двухъ надпись превосходно сохра-

нена. Имя Γόργων уже извѣстно по найденнымъ раньше въ Ольвіи амфорнымъ ручкамъ; ср. Беккера, Зап. Им. Одесск. Общества V, № 11, 12, стр. 20. На раскопанныхъ на островѣ Родосѣ (Hiller v. Gärtringen: Inscriptiones Graecae Insularum и т. д. A. 1114) Γόργων встрѣчается 6 разъ въ качествѣ эпонимнаго магистрата, два раза даже (A. 1114, 2 и 4) съ обозначеніемъ того же мѣсяца Πάναμος, но безъ титула ἱερεύς. Кромѣ того мы въ родосскихъ надписяхъ на мраморѣ тоже 6 разъ читаемъ имя Горгона.

2) ΕΠΙ ΙΕΡΕΩΣ — Ἐπὶ ἱερέως
ΓΟΡΓΩΝΟ — т. е. — Γόργωνος
ΣΚΑΡΝΕΙΟΥ. — Καρνείου.

Четырехугольный штемпель; свѣтло-желтая глина. Надпись весьма отчетлива. Относительно имени эпонимнаго магистрата срв. № 1; только имя мѣсяца—Καρνεῖος—другое.

3) ΕΠΙ ΔΑΜΑΙ — Ἐπὶ Δαμαι-
ΝΕΤΟΥ — т. е. — νέτου
ΠΑΜΑ — Πανά[μου].

Четырехугольный штемпель, свѣтло-желтая глина; хорошая сохранность.

Имя Δαμαίνετος на найденныхъ на югѣ Россіи родосскихъ ручкахъ встрѣчается здѣсь, насколько я знаю, впервые; но на найденныхъ на островѣ Родосѣ ручкахъ мы его встрѣчаемъ два раза въ качествѣ эпонимнаго магистрата: Hiller v. Gärtringen, J. G. J., A. 1115. Кромѣ того Δαμαίνετος еще 6 разъ упоминается въ родосскихъ надписяхъ.

4) ΕΠΙ ΣΥΜΜΑΧΟΥ — Ἐπὶ Συμμάχου
т. е.
ΥΑΚΙΝΘΙΟΥ. — Ὑακινθίου.

Четырехугольный штемпель, свѣтло-желтая глина.

Σύμμαχος является эпонимнымъ магистратомъ на трехъ найденныхъ на островѣ Родосѣ ручкахъ: Hiller v. Gärtringen, J. G. J., A. 1186; на ручкахъ изъ Ольвіи, насколько я знаю, это имя до сихъ поръ еще не попадалось.

5) ΕΠΙ ΑΡΑΤΟ — Ἐπὶ Ἀρατο-
ΦΑΝΕΥΣ — т. е. — φάνευς
ΠΑΝΑΜΟΥ. — Πανάμου.

Имя эпонимнаго магистра Ἀρατοφάνης извѣстно по матеріалу изъ юга

Россіи: срв. Stephani: Antiquités du Bos. Cimm., Insc. LXXIX, 3—5 и Юргевича: Амфорныя ручки изъ Ѳеодосіи, Записки XVIII, № 20 и 21, стр. 108; на этихъ ручкахъ изъ Ѳеодосіи одинъ разъ читается Ἀρατοφάνου, другой разъ правильнѣе Ἀρητοφάνεος. На ручкахъ изъ острова Родоса мы четыре раза находимъ Аратофана въ качествѣ эпонимнаго магистрата, притомъ разъ въ сочетаніи съ тѣмъ-же названіемъ мѣсяца, какъ у насъ; ср. Hiller v. Gärtringen, J. G. J. A. 1087, 3.

6) ΕΠΙ ΜΥ
ΤΙΟΝΟΣ. т. е. Ἐπὶ Μυτίονος.

Четырехугольный штемпель, голова съ лучеобразной діодемой. Точно такая-же ручка найдена на островѣ Родосѣ, срв. Hiller v. Gärtringen, J. G. J., A. 1166. Кромѣ того рѣдкое имя Μυτίων встрѣчается еще три раза въ родосскихъ надписяхъ.

7) ΕΠΙΑ т. е. Ἐπὶ Ἀ . . . . .

Четырехугольный штемпель; голова въ лучеобразной діодемѣ (caput radiatum). А—начальная буква имени магистрата.

8) ΕΕ

Четырехугольный штемпель; свѣтло-желтая глина.

Такъ какъ на одной найденной на островѣ Родосѣ ручкѣ мы имѣемъ штемпель ΚΚ и подъ нимъ надпись Ἐπὶ Καλλικράτους то мы по этой аналогіи въ правѣ предполагать, что штемпель [ΕΕ] представляетъ собою тоже сокращеніе имени эпонимнаго магистрата. Предположительно можно его дополнить въ Ἐπὶ Ἐτέᾳ, род. отъ Ἐτέας, — отъ имени въ которомъ встрѣчаются два Ε какъ въ Καλλικράτης два Κ.

9) ΕΠΙΑΝΔΡΟΝΙΚΟΥ. т. е. Ἐπὶ Ἀνδρονίκου.

Горлышко отъ амфоры; штемпель въ треугольникѣ; глина красная.

Точно такой кусокъ горлышка съ такимъ-же штемпелемъ найденъ въ Ѳеодосіи и изданъ В. Н. Юргевичемъ въ Запискахъ XVIII, № 15, стр. 107, который уже на основаніи другаго штемпеля на ручкѣ (XVIII, № 14, стр. 106), найденной также въ Ѳеодосіи, вѣрно установилъ родосское происхожденіе этого сосуда. Ἀνδρόνικος встрѣчается на найденныхъ на островѣ Родосѣ ручкахъ два раза въ качествѣ эпонимнаго магистрата: срв. Hiller von Gärtringen J. G. J., 1081.

б) Такъ называемыя добавочныя ручки отъ родосскихъ амфоръ съ именами фабрикантовъ («mercatorum» по терминологіи Hiller'a v. Gärtringen'a).

10) ΜΕΝΕΚΑΤΟΥΣ т. е. Μενεκράτους.

Четырехугольный штемпель, свѣтло-желтая глина.

Относительно имени Μενεκράτης срв. Fick-Bechtel: Griech. Personennamen S. 205; Имя Μενεκράτης было повидимому на Родосѣ и на сосѣднихъ островахъ весьма распространено; 21 разъ оно встрѣчается на эпиграфическихъ памятникахъ изъ района эгейскаго моря, но на амфорной ручкѣ оно попадается здѣсь впервые.

11) ΜΑΡΣΥΑ Μαρσύα
т. е.
ΑΡΤΑΜΙΤΙΟ. Ἀρταμιτίο[υ].

Случаи нерѣдки, что на дополнительной ручкѣ помѣщается рядомъ съ именемъ фабриканта обозначеніе мѣсяца. Тоже самое сочетаніе именно при имени того-же самаго фабриканта Μαρσύας мы находимъ 12 разъ на ручкахъ, найденныхъ на островѣ Родосѣ (Hiller v. Gärtringen: J. G. J., A. 1346 и A. 1347), въ томъ числѣ 2 раза съ обозначеніемъ мѣсяца Ἀρταμίτιος. (A. 1346, 2 и 3).

12) ΑΝΤΙΜΑΧΟΥ подъ именемъ кадуцей.
13) ΑΝΤΙΜΑΧΟΥ надъ именемъ кадуцей. т. е. Ἀντιμάχου.

Четырехугольный штемпель, свѣтло-желтая глина.

Штемпеля съ именемъ Ἀντίμαχος найдены уже въ большемъ количествѣ у насъ на югѣ Россіи; срв. Becker: X Supplement der Jahrb. für Philol. S. 45, Записки V, № 2. 3, 12, стр. 46, 47, 49, V, № 7, стр. 34, VII, C, № 2, стр. 51. Юргевичъ: Записки XVIII, № 16, 17, 18, стр 107 (изъ Ѳеодосіи). Что ручки съ этимъ штемпелемъ и кадуцеемъ принадлежатъ къ родосскимъ, установлено уже Dumont'омъ; на ручкахъ, найденныхъ на островѣ Родосѣ, Каллимахъ встрѣчается 9 разъ въ качествѣ «mercator» (Hiller v. Gärtringen: J. G. J., A. 1236); одинъ разъ (Hiller тамъ-же A. 1083) какъ эпонимный магистратъ.

14) ΝΑΝΙΟΣ т. е. Νάνιος.

Четырехугольный штемпель; свѣтло-желтая глина.

Тотъ-же самый штемпель имѣется на одной изъ найденныхъ на островѣ Родосѣ ручекъ (Hiller v. Gärtringen, J. G. J., A. 1359). Почему Hiller пишетъ «Νάνιος sive ['A]νάνιος» мнѣ не вполнѣ понятно; сомнѣваться въ су-

ществованіи имени Νάνις едва-ли основательно, такъ какъ имя Νάνως, другая лишь форма отъ того-же корня, встрѣчается нерѣдко; срв. Записки VII. В. № 9, 49. Mél. I, стр. 492, № 17 и т. д. Кромѣ того Νάνιος читается еще на двухъ ольвійскихъ ручкахъ (Becker Mélang. I, 441); это конечно родительный падежъ отъ Νάνις, не именительный падежъ, какъ полагалъ Юргевичъ (Зап. XV, № 20, стр. 53).

15) и 16) ΝΙΚΑΓΙΔΟΣ т. е. Νικάγιδος.

Уже Dumont: Inscriptions céramiques p. 102, № 193—195 и за нимъ Беккеръ: Записки XI, № 17, стр. 17 совершенно правильно указали, что штемпель Νίκαγις (въ четырехугольникѣ) принадлежитъ родосскому фабриканту; напрасно Юргевичъ помѣстилъ найденную въ Θеодосіи ручку съ этимъ штемпелемъ подъ рубрику ручекъ неизвѣстнаго происхожденія. (Зап. XVIII, № 64, стр. 161). На раскопанныхъ на островѣ Родосѣ ручкахъ штемпель Νίκαγις встрѣчается 9 разъ; Hiller v. Gärtringen J. G. J., A. 1360.

17) $\frac{\text{ΑΡΙΣΤΟ}}{\text{ΛΑ}}$ т. е. Ἀριστόλα.

Четырехугольный штемпель, свѣтлая глина.

Имя Ἀριστόλας мы находимъ въ 8 родосскихъ надписяхъ, Hiller v. Gärtringen J. G. J., 764, 89; 75b; 370; 731, 17; 46, 350; 731, 14; 819, 24; 991; на амфорныхъ ручкахъ оно до сихъ поръ еще не попалось.

18) $\frac{\text{ΑΡΙΣΤΟΚ}}{\text{ΘΕΣΜΟΣ}}$ т. е. Ἀριστοκ[ράτευς] или [λεῦς] Θεσμοφορίου.

Четырехугольный штемпель, свѣтлая глина, характерная, высокая, почти прямоугольныя ручки.

Что имя фабриканта пишется на горизонтальномъ штрихѣ и подъ нимъ названіе мѣсяца, для этого мы имѣемъ аналогію изъ найденнаго на Родосѣ матеріала. Hiller von Gärtringen J. G. J., A. 1294, 1, 2, гдѣ также слова не дописаны до конца.

напр. $\frac{\text{ΕΠΙΞΕΝ}}{\text{ΕΠΠΟ}}$ т. е. $\frac{\text{Ἐπίξεν]ος}}{\text{Επίγο[νος]}}$.

Изъ извѣстныхъ родосскихъ именъ, начинающихся на Ἀριστοκ — мы имѣемъ для выбора Ἀριστοκ[ράτης] и Ἀριστοκ[λεῦς]. Кому изъ нихъ въ данномъ случаѣ дать предпочтеніе, едва-ли можно рѣшить.

Кромѣ этихъ 18 родосскихъ ручекъ найдено въ Ольвіи въ послѣднее время еще двѣ несомнѣнно привозныхъ.

Б. Θассосскія ручки.

19) ΘΑΣΙΩΝ (Ваза) ΘΑΣΙΩΝ. т. е. подъ и надъ лежачей вазой имѣется государственный штемпель: Θασίων.

В. Паросскія ручки.

20) ИОІЧАЛ т. е. съ права на лѣво Παρίων.

Характеръ надписи въ четырехугольномъ штемпелѣ довольно архаическій; ручка относится къ началу V вѣка до Р. Х. Какъ на Родосѣ, такъ и на островахъ Θассосѣ и Паросѣ изготовленіе амфоръ находилось подъ государственнымъ контролемъ или составляло монополію государства.

Дальше пріобрѣтены:

Г. Ольвійскія ручки и куски кирпича съ именами астиномовъ съ прибавленіемъ или безъ прибавленія именъ фабрикантовъ.

21. Человѣческая голова архаическаго типа;
Рядомъ надпись

ΑΣ		Ἀσ[τυνόμυ]
ΠΟΣΙΟΣΓΟΥ	т. е.	Πόσιος τοῦ
ΣΤΡΑΤΟΝΙΚΟΥ		Στρατονίκου
ΣΤΕ┼ΑΝΟΣ.		Στέφανος.

Астиномъ Πόσις, сынъ Стратоника, уже извѣстенъ по имѣющемуся съ юга Россіи матеріалу. Онъ встрѣчается напр. на двухъ ручкахъ изданныхъ Беккеромъ (Зап. V, A. 36, стр. 42 и Mélanges I, 488, № 45 изъ Ольвіи) и на ручкѣ, изданной Юргевичемъ (Зап. XVIII, 43, стр. 130 изъ Θеодосіи), разъ въ связи съ именемъ фабриканта Ἄγαθων, два раза съ именемъ фабриканка Μιλτίαδης. Здѣсь мы читаемъ его имя въ связи съ третьимъ фабрикантомъ, который впрочемъ уже давно извѣстенъ; срв. Зап. V, № 17, стр. 37, № 37, стр. 56. № 48a, стр. 58, VII, С. 4 стр. 51, XVIII, 10, стр. 135. Только одинъ разъ Στέφανος; является астиномомъ. Зап. XI, 22, стр. 65.

22. Четырехугольный штемпель; красная глина.

ΑΣ		Ἀσ[τυνόμου]
ΑΓΟΛΛΩΝΙΟΥ	т. е.	Ἀπολλωνίου
ΤΟΥ ΓΞΣΙΔΩΝΙΟΝ		τοῦ Ποσιδωνίου
ΑΡΤΕΜΩΝΟΣ		Ἀρτέμωνος.

Аполлоній или Аполланій и Посидоній встрѣчаются весьма часто на нашихъ ручкахъ въ качествѣ астиномовъ; Зап. V, 4, 5, 6, стр. 44 и 45, V, 27, стр. 53, VII, C., 3, стр. 51. Посидоній — Зап. V, 11, стр. 45; 31, стр. 54; 39, стр. 56. XVIII, 74—80 стр. 148,0 149 и т. д. Что касается горшечника Артемона, то слѣдуетъ сравнить изданную Юргевичемъ ручку изъ Ѳеодосіи (Зап. XVIII, 7 стр. 135);

Ἀρτέμωνος
Ἀστυνόμου
Διονυσίου.

По аналогіи съ нашей ручкой надо будетъ считать Артемона и на ѳеодоссійской ручкѣ горшечникомъ; ἀστυμόνος, поставленное въ срединѣ между двумя именами, само по себѣ можетъ, конечно, относиться какъ къ предшествовавшему, такъ и послѣдующему имени, и рѣшеніе, кого изъ этихъ двухъ лицъ считать магистратомъ, кого фабрикантомъ, зависитъ въ каждомъ случаѣ отъ остальнаго нашего матеріала.

23. Кусокъ кирпича: орелъ на дельфинѣ.

MONYTΣA	Ἀστυνόμ[ου]
AЯЧOΦ	Φορβά[ντος]
OTHNAM	Μάνητο[ς]
ЧЯIПƎYOT	τοῦ Ἐπικρ[άτευς]

Имя магистрата, Φόρβας, извѣстно по найденному въ Ольвіи матеріалу; срв. Зап. V, 45а, стр. 58.

Горшечникъ называется Μάνης; это имя обыкновенно считается ѳракійскаго происхожденія (Becker: Mélanges I p. 492), но оно довольно часто попадается у грековъ (Pape-Benseler, Wörterbuch der griech. Eigennamen s. v.). Родительный падежъ отъ Μάγης образуется весьма различнымъ образомъ. Встрѣчаются формы Μάν-ου, εω (Herod. I, 96, IV, 45) и—ους, έντος (Tel. у Stob. Flor. 79, 31 (3, p. 272). Вмѣсто рукописнаго чтенія Μάους и Μανέντος у Стобея Valckenaer предложилъ коньектуру Μάνητος, по аналогіи съ Θάλης-Θάλητος, что по свидѣтельству Et. Mag. является употребительной въ эллинистическое время формой. Оказывается теперь, что Valckenaer былъ правъ, такъ какъ правильность формы Μάνητος засвидѣтельствуется штемпелемъ на нашей ручкѣ.

Имя Ἐπικράτης—весьма обычное. Слѣдуетъ наконецъ отмѣтить, что имя горшечника встрѣчается здѣсь въ связи съ отчествомъ, что, какъ

указано въ 318 протоколѣ, принадлежитъ къ довольно рѣдкимъ случаямъ. Гораздо чаще отчество ставится къ имени магистрата, срв. напр. слѣд. номеръ.

24) Кусокъ кирпича; четырехугольный штемпель; эмблема — свернувшаяся въ клубокъ змѣя.

ΟΣΕΙΔΟΝΙΟΥ		[Π]οσειδωνίου
ΣΤΥΝΟΜΟΥ	т. е.	[ἀ]στυνόμου
ΚΕΣΙΟΥ		[Ἰ]κεσίου
ΟΥΔΙΟ		[τ]οῦ Διο[νυσίου]

Имена, встрѣчающіяся на этой ручкѣ, принадлежатъ къ числу весьма обычныхъ на находимыхъ въ нашихъ колоніяхъ ручкахъ. Такъ какъ слово ἀστυνόμος помѣщено по срединѣ между двумя именами, то трудно рѣшить, кого изъ этихъ лицъ считать астиномомъ, кого горшечникомъ. Но такъ какъ горшечникъ Посидоній встрѣчается довольно часто—срв. напр. Зап. XVIII, 2, стр. 137; 69, стр. 147; 74, стр. 198, 75, стр. 148—Ποσειδωνίου ἐπὶ Ἀπολλοδώρου ἀστυνόμου — а съ другой стороны Ἰκέσιος такъ же часто встрѣчается какъ астиномъ—срв. напр. Зап. XVIII, 39, 40 стр. 141; 30, 31, стр. 127, XI, 8 стр. 57—то правильно будетъ и въ нашемъ случаѣ рѣшить вопросъ по этимъ аналогіямъ, тѣмъ болѣе, что къ имени Ἰκεσίου прибавлено отчество.

25) Кусокъ кирпича; эмблема—орелъ на дельфинѣ.

. . . ΟΝΙΚΟΥ		[Δι]ονίκου
ΑΣΤΥΝΟ	т. е.	ἀστυνό[μου]
ΔΙΟΝΥΣΙΟ		Διονυσίου.

Первое имя дополнено мною въ Διονίκου; можно конечно думать и о другомъ дополненіи, такъ какъ 26 именъ оканчиваются на—ό-νικος; но въ виду того, что на штемпелѣ мѣсто только для двухъ буквъ, дополненіе въ Διόνικος или Ἰσόνικος довольно вѣроятно; это единственныя имена, которыя передъ оканчаніемъ ό-νικος имѣютъ два лишь звука. Вопросъ о томъ, кого изъ этихъ двухъ именъ считать магистратомъ, рѣшить не берусь; могу только указать, что Διονύσιος встрѣчается довольно часто въ качествѣ астинома; Зап. XVIII, 13, 14, 15, стр. 124, XI, 3, стр. 32; 3, стр. 33, 18, стр. 64, Бекк. Замѣтки 24, стр. 52, 41, 42 стр. 57, 7 стр. 52. Dritte Saml. стр. 488, 9 и 10; но почти также часто мы встрѣчаемъ его въ качествѣ горшечника, срв. Bekker: Uebr. die im südl. Russl. gef. Henkel. стр. 493, 9; Зам. стр. 49, 9, стр. 49, 11. Dritte Sammlung: стр. 34, 11; Зап. XVIII, 16 и 17, стр. 125.

26) Ручка; эмблема—сова.

ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ	ἀστυνόμου
т. е.	
ΕΚΑΤΑΙΟΥ.	Ἑκαταίου.

Астиномъ Гекатей извѣстенъ уже по найденному въ нашихъ колоніяхъ матеріалу; срв. Зап. V, 16, 17, стр. 37, Bekker: Ueber die im südl. Russland и т. д. p. 486, № 19, 20, 21, p. 493, № 6, Stephani: Antiquités du Bosph. Cimm. 39, Зап. XI, 7, стр. 57; 11, стр. 62 и т. д.

27) Ручка; эмблема—человѣческая фигура, изображенная въ быстромъ движеніи впередъ.

ΔΙ	. . . . .
т. е.	
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ.	ἀστυνόμου.

Имя астинома возстановить болѣе нельзя; первыя буквы читаются ΑΙ или ΔΙ.

28) Четырехугольный штемпель, свѣтлая глина.

ϹΥΡΙΟ	. . . . .
ΑΣΤΙ	ἀστυ[νόμυ].

Штемпель весьма небрежно наложенъ; отъ имени лица въ первой строкѣ отпечатана лишь нижняя часть буквъ. Скорѣе всего можно читать: ϹΥΡΙΟ т. е. Συρίου. Но такъ какъ Σύρος или Σύριος имя раба или вольноотпущенника, то едва-ли можно допустить, что этотъ Сирій былъ магистратомъ; придется тогда предполагать, что послѣ слова ἀστυνόμου слѣдовало еще имя и что это послѣднее было именемъ должностнаго лица.

29) Кусокъ кирпича.

. . . . .	. . . . .
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ	ἀστυνόμου
т. е.	
ΟΝΙ	[Πλειστ]ονί[κου]

Первое имя совсѣмъ потерто; второе возстановлено много предположительно, по свободному для пяти буквъ мѣсту.

Д. Ручки неизвѣстнаго происхожденія.

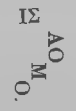
30) Четырехугольный штемпель; по срединѣ эмблема—скиеъ, опустившись на колѣно, стрѣляетъ изъ лука. Вокругъ этой эмблемы читается.

ANΥΤΟ (потерто) т. е. Ἀνύτου

ILLO Ἱππο...

31) Второй экземпляръ такой же ручки; надпись еще болѣе потерта; читаются надъ фигурой скиѳа лишь буквы ΥΤΟ
а подъ ней Ο.

32) Человѣческая фигура, поразившая другую фигуру съ ослиной головой; кругомъ слѣды нѣсколькихъ буквъ



33) ΤΑΙ . . . . ΧΙϹ Штемпель до того небрежно наложенъ, что
. . ΟΥΘ . . . Π . ΛΙΟΥ; читаются лишь отдѣльныя буквы.

Е. Ручки безъ надписей, съ эмблемами.

34) Голова плѣшиваго Силена въ бородѣ.

35) Сфинксъ.

36) Гроздъ винограда.

37) Фигура Силена съ лирой въ рукахъ, два раза въ различномъ направленіи вдавленная въ мягкую глину.

III.

Керамическія издѣлія.

Особенно богатые результаты дали раскопки нынѣшняго лѣта относительно античныхъ керамическихъ издѣлій.

Нашъ музей, при ограниченности своихъ средствъ, которая въ такихъ моментахъ становится особенно чувствительной, могъ пріобрѣсть всего немного болѣе 60-ти вазъ, мискъ, кувшиновъ и другихъ сосудовъ; они всѣ изъ числа такихъ, которыя у насъ еще не имѣлись и которые представляютъ значительный научный интересъ. Пріобрѣтенные нами сосуды составляютъ однако только незначительную долю всего найденнаго; членъ нашего Общества П. А. Маврогордато купилъ для своей замѣчательной коллекціи 363 экземпляра; штукъ 25 я еще видѣлъ, которые перешли въ руки частныхъ собирателей, одна ваза пріобрѣтена для Импе-

раторскаго Эрмитажа и не мало купилъ и г. управляющій имѣніемъ Парутино для графа Мусина-Пушкина.

Такимъ образомъ мнѣ стали извѣстными приблизительно 500 античныхъ сосудовъ, найденныхъ лѣтомъ нынѣшняго года; почти столько-же навѣрно еще на рукахъ торговцевъ древностями, такъ какъ они хвастаются, что имѣютъ еще запасъ на три года—сколько же продано собирателямъ въ Николаевъ, сколько вывезено наконецъ за границу, объ этомъ свѣдѣній не имѣю. Если дальше имѣть въ виду, что мужики копали весьма неосторожно, что ими масса сосудовъ разбито въ дребезги и что при такой обильной жатвѣ не обращалось вниманія на простоглиняную посуду, то число раскопанныхъ этимъ лѣтомъ античныхъ керамическихъ издѣлій можно смѣло цѣнить въ 1000 или 1200 штукъ.

Описать и характеризовать здѣсь всѣ ставшіе мнѣ извѣстными или хотя пріобрѣтенные нами сосуды является вслѣдствіе ихъ большаго числа вполнѣ невозможнымъ. Я долженъ ограничиться лишь немногими замѣчаніями и указаніями.

Впервые теперь въ Ольвіи найдены милетскія амфоры и вазы. Ихъ число, какъ и слѣдовало ожидать, довольно ограничено. Три пріобрѣтены нашимъ музеемъ. Далѣе слѣдуетъ чернофигурный аттическій товаръ изъ VI, начала V вѣка. Между нимъ заслуживаютъ особеннаго упоминанія одинъ кувшинъ съ изображеніемъ вооруженной Аѳины Паллады и одна чаша съ изображеніемъ миѳической сцены: Гермесъ передаетъ молодаго Ахилесса на воспитаніе Кентавру Хирону (оба сосуда пріобрѣтены Одесскимъ музеемъ).

Краснофигурныхъ керамическихъ издѣлій изъ Аттики найдено повидимому мало: къ V вѣку относится лишь одна прекрасная чаша, украшенная внутри фигурой Силена, пріобрѣтенная г. Маврогордато; а въ нашъ музей поступили гидрія изящнаго краснофигурнаго стиля съ изображеніемъ военной пляски и громадная амфора въ стилѣ IV вѣка съ изображеніемъ борьбы амазонокъ. За то чаши, покрытыя однимъ блестящимъ чернымъ лакомъ, раскопаны въ большомъ количествѣ. Ихъ фабрикація начинается въ IV вѣкѣ въ Аѳинахъ и продолжается довольно долго, при чемъ торевтика пріобрѣла на формовку этихъ чашъ со временемъ весьма замѣтное вліяніе. Разнообразіе формъ найденныхъ теперь чашъ весьма замѣчательно и притомъ многіе изъ этихъ чашъ могутъ претендовать на особенный интересъ вслѣдствіе выцарапанныхъ на нихъ «graffiti».

Весьма богато представлены и сосуды III вѣка. Мы имѣемъ во первыхъ цѣлый рядъ т. н. «мегарскихъ кубковъ»; они отличаются весьма различной орнаментаціею; большинство изъ нихъ черно-матовой краски; но попадаются между ними и совсѣмъ красные; на одномъ изъ нихъ въ рель-

ефѣ изображена сцена бѣга на колесницахъ, управляемыхъ эротами. Во вторыхъ найдены сосуды съ бѣлой или бурой орнаментаціей изъ растительнаго міра—они происходятъ изъ Малой Азіи и встрѣчаются, какъ извѣстно, въ большомъ количествѣ въ Мирринскомъ некрополѣ. Дальше идутъ т. н. «калесскія чаши»: г. Маврогордато пріобрѣтены двѣ, которыя не покрыты чернымъ лакомъ, а внутри красны съ бѣлымъ орнаментомъ; на днѣ и у нихъ обычная рельефная голова. Наконецъ къ тому времени относятся вазы «мѣстнаго производства», раскрашенныя красками безъ связующаго вещества; они до сихъ поръ найдены были исключительно въ Керчи; впервые теперь имѣется и экземпляръ изъ Ольвіи. Также въ большомъ количествѣ найдены краснолаковые сосуды римскаго періода—между ними нѣкоторые доказывающіе своими штемпелями свое «арретійское» происхожденіе. Къ этому римскому періоду относится также пріобрѣтенная Императорскимъ Эрмитажемъ ваза: высокій сосудъ прелестной сохранности, украшенный сотнею рельефныхъ фигуръ и рельефнымъ лиственнымъ орнаментомъ. Раскопаны дальше три сосуда и одинъ черенокъ съ металлической глазурью,—сосуды по всей вѣроятности александрійской фабрикаціи.

Но кромѣ перечисленныхъ родовъ вазъ, которые представлены въ весьма хорошихъ и интересныхъ экземплярахъ, являющихся настоящими «unica», раскопки нынѣшняго лѣта дали намъ вазы совершенно неизвѣстнаго еще типа.

Эти сосуды чистой и хорошей греческой формы покрыты мато-бѣлой или желтой краской; на этомъ фонѣ нарисованы большею частью только въ красной, но иногда и въ розовой, зеленой и другихъ краскахъ лиственные орнаменты или просто штрихи и обручи. Относительно происхожденія этихъ вазъ пока сказать ничего не смѣю; можно по способу орнаментаціи и раскрашиванія думать, что онѣ продукты іонической фабрикаціи; но гдѣ именно они изготовлены и къ какому времени онѣ относятся—на этотъ вопросъ отвѣтить не могу. Если бы возможно было узнать что нибудь объ обстоятельствахъ ихъ нахожденія, то можетъ быть вопросъ о времени не представлялъ бы такую полную загадку, какъ теперь.

Терракотъ найдено въ сравненіи съ вазами въ незначительномъ количествѣ; нѣсколько хорошихъ фигуръ пріобрѣтено г. Маврогордато; онъ же купилъ превосходный сосудъ въ формѣ головы Сатира и сосудъ въ формѣ женской головы строгаго стиля; на немъ—онъ найденъ въ Коперубѣ—нацарапано посвященіе Артемидѣ; Одесскимъ музеемъ пріобрѣтены два такихъ сосуда въ формѣ женскихъ головъ; одинъ раскрашенъ; онъ относится по стилю работы и формовкѣ глазъ къ началу V вѣка, другой

въ натуральномъ цвѣтѣ глины немного позжаго стиля; онъ интересенъ тѣмъ, что надъ головой въ мягкую глину лагидарнымъ шрифтомъ вырѣзаны буквы ΕΛΕΝΗ. Оказалось, что я былъ правъ, когда въ рецензіи на трудъ Furtwängler'a: «Neuere Fälschungen von Antiken» (Litterarisches Centralblatt, № 29, 1899) отрицалъ, что существованіе такой надписи на сосудѣ въ формѣ двойной головы въ Луврѣ можетъ считаться признакомъ поддѣлки.

IV.

Стекло.

Также довольно значительно количество добытаго античнаго стекла: значительнѣе еще чѣмъ количество, есть качество этого стекла. Одинъ г. П. А. Мавродордато пріобрѣлъ 48 предметовъ изъ разноцвѣтнаго стекла, между ними четыре чаши, которыя по своему составу представляютъ большую рѣдкость. Весьма много разноцвѣтнаго стекла, въ томъ числѣ высокая ваза на ножкѣ, находится еще въ рукахъ торговцевъ. Кромѣ этихъ дорогихъ разноцвѣтныхъ стекляныхъ сосудовъ найдены въ большомъ количествѣ конечно сосуды изъ бѣлаго стекла. Нѣкоторые любопытные по своимъ формамъ пріобрѣтены и нашимъ музеемъ.

V.

Издѣлія изъ золота и серебра.

Между найденными издѣліями изъ золота заслуживаетъ на первомъ мѣстѣ упоминанія пара серегъ въ видѣ бычачихъ головъ въ стилѣ IV вѣка; серьги особенно интересны какъ по изяществу работы такъ и потому, что являются доказательствомъ весьма ранняго примѣненія эмалевой техники; онѣ поступили въ Эрмитажъ и займутъ тамъ въ богатой коллекціи золотыхъ вещей не послѣднее мѣсто. Кромѣ того найдено еще большее количество золотыхъ предметовъ: изъ нихъ г. П. А. Мавродордато пріобрѣлъ: четыре ожерелья (двѣ изъ нихъ тонкой работы цѣпочки, оканчивающіяся звѣриными головками), шесть паръ серегъ, три вѣнка, шесть золотыхъ бусъ, на которыхъ гравированы человѣческія фигуры и лица (весьма изящная работа) и тридцать восемь мелкихъ золотыхъ предметовъ, какъ то бычачьихъ головъ, служившихъ привѣсками, длинныхъ и круглыхъ бусъ, золотыхъ бляшекъ и т. д.

Изъ серебряныхъ предметовъ поступило одно перегорѣлое круглое блюдо съ медальономъ въ срединѣ въ Одесскій музей; г. Мавродордато купилъ 21 предметъ изъ серебра: между ними заслуживаетъ особеннаго упоминанія одна хорошей сохранности чаша на высокой ножкѣ и съ длин-

ными ручками; она по формѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя служили образцами при изготовленіи вышеупомянутыхъ чернолаковыхъ глиняныхъ чашъ. Не менѣе интересна серебряная коробка со слѣдами позолоты.

VI.

Издѣлія изъ слоновой кости, бронзы и т. д.

Подъ этой рубрикой на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ указать на костяныя фигуры римскаго типа, которыя пріобрѣтены для Эрмитажа; черезъ эти фигуры проходили желѣзные стержени и повидимому онѣ служили ножками или подставкой для какого нибудь блюда, составляемаго изъ вмѣстѣ съ ними найденныхъ тонкихъ листьевъ изъ того же матеріала. Одесскимъ музеемъ куплены нѣсколько пудерницъ изъ слоновой кости;—одна изъ нихъ наполнена румянами: г Маврогордато купилъ 11 предметовъ изъ слоновой кости. Дальше при раскопкахъ найдено большое число разныхъ бронзовыхъ зеркалъ, фибулъ и т. д.; между этими зеркалами заслуживаетъ особеннаго вниманія маленькое складное карманное зеркало съ фигурнымъ украшеніемъ на крышкѣ и зеркало изъ почти бѣлаго металла: оба пріобрѣтены г. П. А. Маврогордато.

Въ видѣ курьеза упоминаю, что найденъ былъ и пробирный камень со слѣдами золота.

VII.

Монеты.

Изъ числа найденныхъ монетъ г. Маврогордато пріобрѣтено 142 штуки; изъ нихъ три золотыхъ, шесть серебряныхъ и одиннадцать большихъ «ассовъ»; эти послѣдніе превосходной сохранности (напр. «ассъ» съ головой Аѳины Паллады), и между ними неизданные и неизвѣстные еще экземпляры, какъ напр. четырехугольная большая монета съ человѣческой головой въ профиль и надписью ОЛВ.

Вотъ сжатое описаніе и перечисленіе найденныхъ лѣтомъ этого года въ Ольвіи сокровищъ, которые мнѣ стали извѣстными. Если имѣть въ виду что приблизительно *тысяча* упомянутыхъ здѣсь и видѣнныхъ мною предметовъ составляетъ по всей вѣроятности только меньшую часть раскопанныхъ древностей, то можно составить себѣ понятіе о небывалыхъ результатахъ этихъ хищническихъ раскопокъ. При указанномъ характерѣ этихъ раскопокъ и полномъ отсутствіи какого-нибудь компетентнаго надзора надъ ними, научные выводы, извлекаемые изъ добытаго матеріала далеко не такъ много-

численны, какъ это можно было бы ожидать при большемъ количествѣ найденныхъ древностей. Нѣкоторыя заключенія однако даже и теперь при указанномъ плачевномъ способѣ раскопокъ можно сдѣлать на основаніи богатыхъ находокъ:

а) Общественная земля парутинскихъ мужиковъ занимали все пространство ольвійскаго некрополя, который служилъ мѣстомъ погребенія по крайней мѣрѣ отъ VI вѣка д. Р. Х. до конца существованія города въ III вѣкѣ послѣ Р. Х.

б) Найденныя въ этомъ сплошномъ некрополѣ вазы, сосуды, амфорныя ручки, монеты и т. д. даютъ намъ возможность составить себѣ понятіе о торговыхъ связяхъ и культурной жизни ольвіополитовъ. Совокупность находокъ свидѣтельствуетъ о широкомъ районѣ, на который распространялись эти связи—Грецiя, особенно Аѳины, Халкидъ, Малая Азія, Родосъ, Египетъ, Италія и т. д. доставляли свои товары въ Ольвію; совокупность находокъ свидѣтельствуетъ дальше о господствовавшемъ въ извѣстные періоды благосостояніи этой отдаленной греческой колоніи. Присутствіе въ могилахъ роскошныхъ вазъ, издѣлій изъ драгоцѣнной слоновой кости, а главнымъ образомъ золотыхъ ожерельевъ, серегъ, браслетовъ, бусъ и т. д. говоритъ о богатствѣ схороненномъ въ этихъ могилахъ лицъ.

в) Кромѣ некрополя на общественной крестьянской землѣ лежала нѣкогда и часть города. Раскопанныя издѣлія изъ мрамора, найденныя не въ гробницѣ, а, по свидѣтельству продавцевъ, въ остаткахъ какого-то зданія, не позволяютъ сомнѣваться въ правильности этого вывода.

г) Изъ найденнаго остатка архитектурнаго памятника съ посвятительной надписью «Зевсу Освободителю» можно вывести заключеніе о существованіи святилища въ честь этого Бога.

д) Найденный надгробный памятникъ въ честь ѳрикійскаго вельможи бросаетъ нѣкоторый, хотя пока конечно и слабый свѣтъ на отношенія ольвіополитовъ къ сосѣднимъ народамъ въ послѣдній періодъ существованія города.

е) Заселенная нѣкогда ольвіополитами территорія простиралась за предѣлы теперешняго села Парутино. Какъ уже раньше въ Аджигёлѣ, такъ теперь въ Коцерубѣ раскопки увѣнчаны были успѣхомъ; найденъ тамъ, кромѣ амфорныхъ ручекъ и разныхъ сосудовъ, между прочимъ прелестный сосудъ въ формѣ головы строгаго стиля съ выцарапаннымъ посвященіемъ въ честь Артемиды.

Надѣюсь, изложеннаго здѣсь достаточно, чтобы вызвать убѣжденіе въ настоятельной потребности систематическихъ раскопокъ на почвѣ древней Ольвіи. Между тѣмъ какъ главное вниманіе археологовъ обращено на Крымъ, здѣсь на сѣверѣ самая большая и богатая древне-греческая колонія

предоставлена на произволъ судьбы—или лучше сказать на произволъ парутинскихъ мужиковъ и ихъ неизбѣжныхъ піявокъ,—торговцевъ-евреевъ. Я уже неоднократно въ продолженіи многихъ лѣтъ указывалъ на необходимость измѣненія этого плачевнаго положенія дѣлъ; богатыя находки настоящаго года даютъ мнѣ право возобновить эти указанія и предложить Обществу ходатайствовать передъ Императорскою Археологическою Коммиссіею о принятіи мѣръ и ассигнованіи средствъ для совмѣстнаго съ нашимъ Обществомъ спасенія хранящихся въ нѣдрахъ ольвійской земли сокровищъ и о производствѣ систематическихъ и строго научныхъ раскопокъ.

Постановили: препроводить этотъ докладъ въ Импер. Археол. Коммиссію и ходатайствовать.

320 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

29-го Октября 1899 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. И. Маркевичъ*, члены Общества: *Л. Ф. Брунъ*, *И. Ю. Вучина*, *А. Е Егоровъ*, *В. М. Истринъ*, *И. А. Линниченко*, *А. В. Лонгиновъ*, *А. А. Павловскій*, *С. Д. Пападимитріу*, *Г. И. Перетятковичъ*, *С. А. Селивановъ* и *Н. В. Эрдели*.

Слушали:

I. Отношеніе Русск. Общ. П. и Т., съ препровожденіемъ копіи съ плана 1830 г. м. Судака и съ указаніемъ на немъ участка, аренду котораго Р. О. П. и Т. предлагаетъ взять у Общества на дальнѣйшій срокъ (см. протоколъ 319 засѣданія п. 4). При этомъ Совѣтъ доложилъ, что входилъ въ переговоры съ Р. О. П. и Т. и въ настоящее время предоставилъ ему возможность снять копію съ имѣющихся въ Обществѣ плана и межевой книги. О дальнѣйшемъ движеніи дѣла Совѣтъ своевременно доложитъ Обществу.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Донесеніе Совѣта о томъ, что въ виду возникшаго предположенія о постройкѣ въ скверѣ возлѣ зданія музея Общества сарая для склада городскихъ декорацій Совѣтъ обратился къ Одесскому Городскому Головѣ съ заявленіемъ о крайнемъ неудобствѣ такой постройки во всѣхъ отношеніяхъ.

Постановили: Одобрить дѣйствія Совѣта.

III. Предложеніе Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества объ обмѣнѣ изданіями, причемъ Совѣтъ предлагаетъ высылать Записки, начиная съ XVI т.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

IV. Просьба редактора-издателя Вѣстника Славянскихъ древностей о присылкѣ послѣдняго тома Записокъ Общества въ обмѣнъ за издаваемый имъ Вѣстникъ.

Постановили: Исполнить просьбу.

V. Отношеніе Харьковской Городской Управы о пожертвованіи для устраиваемаго ею педагогическаго музея имени А. С. Пушкина предметовъ, имѣющихъ общеобразовательное значеніе.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Отношеніе С.-Петербургской Духовной Академіи о присылкѣ ей слѣдующихъ картъ для временнаго пользованія студента IV курса П. Гаврилова: 1) «La Russie Noire ou Polonoise qui comprend les Provinces de la Russie Noire, de Volhynie et de Podolie. Voulgairement connues sou le Nom d'Ukraine ou Pays des Cosaques. Par les s—r Sanson, 1674» и 2) «Haute Podolie ou Palatinat de Kamienice tirée entiarmeuf de la Gr. Ukraine du s—r le Vasseur de Beauplan. A Paris. 1665». При чемъ Совѣтъ предлагаетъ выслать просимыя карты на 3-хъ мѣсячный срокъ съ тѣмъ, чтобы пользованіе ими происходило въ Академіи подъ контролемъ библіотекаря Академіи.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

VII. Списокъ книгъ поступившихъ съ 20 сентября сего года:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. X, № 5.

2) Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета, годъ LXVI, кн. 9.

3) Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго Университета, годъ 1899, № 4.

4) Записки Историко-Филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, части XLIX, L и LII, 1899.

5) Извѣстія XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ 1—20 Августа 1899.

6) Изданія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Мартъ—Апрѣль 1899.

7) Труды Оренбургской Ученой Архивной Коммиссіи, вып. V, 1899.

8) Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XXXIV, вып. VI, 1898, т. XXXV, вып. I, II и III, 1899.

9) Историко-Юридическіе матеріалы, вып. XXVII, Д. И. Довгялло

10) Очерки Юридическаго быта Якутовъ, Д. А. Кочнева, т. XV, вып. 5—6.

11) Обзоръ Эстляндской губ. за 1898.

12) «Золотой сатиръ архонта Игіэнонта». Матеріалы къ русской нумизматикѣ до царскаго періода. А. Орѣшникова.

13) Великій князь Смоленскій и Ярославскій Ѳедоръ Ростиславичъ Черный.

14) Записки наукового товариства імени Шевченка подъ ред. М. Грушевскаго, т. XXX, кн. IV, 1899.

15) Збірникъ математично-природописно-лікарської секціи том V, вып. I, 1899.

16) Памятки Українсько-Руської мови і літературы, т. II. 1899.

17) Етнографичний збірник т. VI.

18) Kwartalnik historyczny, pod red. A. Semkowicza, Rocznik XIII, Zeszyt III. 1899.

19) Sitzungsberichte der Kurlandichen Geselchafft für Literatur und Kunst und Jaresbericht des Kurlandichen provincialmuseums aus dem Jare 1898.

20) Antiqvarisk tigskrift fär Sverige. Hans Hilderband XIV, 1.

Постановили: Передать въ библіотеку Общества.

VIII. Производили избраніе хранителя музея, причемъ записками избраны: Э. Р. фонъ-Штернъ 12 голосами и однимъ голосомъ А. А. Павловскій.

За отказомъ А. А. Павловскаго отъ баллотировки въ хранители музея избранъ единогласно Э. Р. фонъ-Штернъ.

IX. Происходила баллотировка въ д. ч. Общества, К. О. Лысаковскаго и Б. И. Хапенка (см. журналъ 319 засѣданія Общества п. 9).

Избраны оба большинствомъ голосовъ.

X. Предложеніе д. ч. И. А. Линниченка, А. В. Лонгинова, А. А. Павловскаго и Г. И. Перетятковича объ избраніи въ д. ч. Общества проф. Л. Нидерле, И. М. Каманина, В. А. Кордтаи Е. Н. Мельникъ, какъ лицъ извѣстныхъ своими учеными заслугами.

Постановили: Баллотировать въ слѣдующемъ засѣданіи Общества.

XI. Предложеніе Совѣта о томъ, чтобы въ виду истекающаго 14-го ноября сего года 60-лѣтія со времени основанія Общества почтить этотъ день особымъ засѣданіемъ, назначивъ для сего время въ 2 часа дня. При этомъ д. ч. Э. Р. фонъ-Штернъ сообщитъ о дѣятельности Общества въ истекшее 10-лѣтіе, а д. ч. А. И. Маркевичъ объ А. А. Скальковскомъ.

Постановили: согласиться съ предложеніемъ Совѣта.

XII. Сообщеніе д. ч. В. В. Шкорпила о Боспорской эпитафіи.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ найдены стихотворныя надписи, изданныя В. В. Латышевымъ въ Мат. по арх. Россіи, № 23, стр. 57, и мною въ Зап. Одесскаго Общ., т. 18, стр. 201, найдена осенью 1897 года известковая плита безъ всякихъ украшеній, внизу срѣзанная для вставки въ постаментъ, выш. 1,18 м., шир. 0,53, толщ. 0,16—0,21.

На разстояніи 0,08 м. отъ верхняго края плиты вырѣзано крупными буквами имя усопшаго (высш. буквъ въ первой строкѣ 0,06 м., во второй 0,045—0,05, въ третьей 0,04), а затѣмъ шесть строкъ сильно вывѣтрившейся стихотворной эпитафіи (выс. буквъ 0,02 м.). Такъ какъ стихи

цѣликомъ не помѣщались на строкѣ, то рѣзчикъ перенесъ концы стиховъ и написалъ ихъ на право подъ строками.

Λυσίμαχος

Γάστε·

Χαῖρε.

Μεῖνον, ἰὼ παροδεῖτα, καὶ εἴσιδε|τὸν πανόδυρτον

Λυσίμαχον τύμβῳ τῷδ' ὕπο πε|κλιμένον·

Στήλαν δ' ἄθρησον, τήν μοι θέ|σαν ἄ[ρτ]ι θανόντι

Ἥλικες θιέσου δάκρυα[λειβό]μενοι·

Ν̃ῦν δ' ἔτι καὶ νεκ[ύε]σσι ἐ(ν)ὼν «χαίρειν» δ' ἔπος α[ὐδ]ῶ̃,

Οἵ μευ κηδόμενοι θῆκαν|ὅπερθε λίθον.

Въ стихахъ два слова заслуживаютъ вниманіе: ἥλικες и θιέσου. Въ первомъ іота, противъ обыкновенія, долгая (срв. φοῖνιξ, ἶχος и ϰῆρυξ, ὦχος), второе написано вмѣсто болѣе обычнаго θιάσου (срв. θιασεῖται у В. Латышева Inscr. Ponti II, № 443, и въ моемъ докладѣ, напечатанномъ въ Зап. Од. Общ. т. 19, № 4, стр. 6).

Постановили: напечатать въ протоколѣ настоящаго засѣданія.

XIII. Сообщеніе д. ч. Э. Р. фонъ-Штерна о новыхъ пріобрѣтеніяхъ музея и вновь найденныхъ въ послѣднее время древностей.

Два надгробія изъ Керчи, поставленныя отъ имени религіознаго общества въ память усопшихъ ихъ членовъ.

До сихъ поръ извѣстны и изданы 11 боспорскихъ надгробныхъ памятниковъ, поставленныхъ отъ имени религіозныхъ обществъ въ память усопшихъ ихъ членовъ: Latyschev, J. o. s. P. E. II, 60–65, 365, Зап. Имп. Археол. Русскаго Общества VII (н. с.) стр. 90, № 365; Матеріалы по археологіи Россіи 17, стр. 30 и 31, № 7 и 8 и Шкорпилъ, Зап. Одесск. Общества XIX, стр. 5. Число ихъ увеличивается теперь еще двумя памятниками, найденными въ этомъ году въ Керчи, и пріобрѣтенными В. В. Шкорпиломъ для Одесскаго музея. Первый изъ этихъ памятниковъ состоитъ изъ большой плиты мягкаго песчаника, разломанной на три куска, имѣющіе вмѣстѣ слѣдующіе размѣры: 168×59×20 снт. Верхней части этой плиты недостаетъ. Она украшена была грубымъ рельефнымъ изображеніемъ всадника. Сохранилась вполнѣ спокойно стоящая лошадь (срв. Матеріалы 17, стр. 30 № 7) обращенная влѣво и нижняя часть всадника

до груди. За этимъ всадникомъ въ правомъ углѣ изображена еще маленькая лошадь; отъ сидѣвшей на ней фигуры сохранились лишь слабые слѣды. Подъ этимъ рельефомъ вырѣзана по линейкамъ надпись въ 18 строкъ. Надпись при непрочности матеріала по мѣстамъ сильно потерта, особенно тамъ, гдѣ проходятъ черезъ строки проломы плиты, и только въ послѣднихъ строкахъ она читается вполнѣ отчетливо.

1. Η CΥΝΟΔΟC Η ΠΕ	Ἡ σύνοδος ἡ πε-
2. ΡΙ ΙΕΡΕΑ Κ[///]Λ[///]Ν	ρὶ ἱερέα Κ[ί]ν[ω]λ[ο]ν
3. [///////] Κ[///] CΥΝ[///]	κ[αὶ] συνα-
4. ΓΩ[///////] ΑΡΙCΤΩ	γω[γὸν] Ἀρίστω-
5. ΝΑ.Π[///////] ΚΑΙΦΙ	να Π..... καὶ φι-
6. ΛΑΓΑΘΟΝΕΡΑCΙΩ	λάγαθον Ἐρασίω-
7. ΝΑ.Β. ΚΑΙΠΑΡΑΦΙ	να β'. καὶ παραφι-
8. ΛΑΓ[///////] ΑΘΗ[///]	λάγ[αθον] Ἀθη[νά]-
9. ΗΝ ΤΡΥΦΩΝΟC[///]	[δ]ην Τρύφωνος[καὶ]
10. ΓΥΜΝΑCΙΑΡΧΗΝ	γυμνασιάρχην
11. ΛΥCΙΜΑΧΟΝ	Λυσίμαχον
12. ΧΑΡΙΤΩΝΟC ΚΑ[///]	Χαρίτωνος κα[ὶ]
13. ΤΩΝ ΛΟΙΠΩΝ	τῶν λοιπῶν
14. ΘΙΑCΕΙΤΩΝ CΤ[///]	θιασειτῶν· Στ[ρα]
15. ΤΟΝΕΙΚ[///] ΤΟΚΩ	τόνεικ[ον] Τόκω-
16. ΝΟC ΤΟΝ ΙΔΙΟΝ	νος τὸν ἴδιον
17. CΥΝΟΔΕΙΤΗΝ Μ	συνοδείτην μ-
18. ΝΗΜΗC ΧΑΡΙΝ.	νήμης χάριν.

Надпись, какъ видно, поддается почти цѣликомъ возстановленію. Только въ третьей строкѣ, черезъ которую проходитъ проломъ камня, отчество жреца совершенно пропало; лучше дѣло обстоитъ при второмъ проломѣ въ 9-ой строкѣ; тамъ еще сохранилась нижняя часть всѣхъ буквъ, такъ что въ вѣрности чтенія Τρύφωνος сомнѣваться нельзя. Въ 5 строкѣ отъ отчества Аристона читается лишь первая буква. Сдѣланныя мною дополненія не нуждаются въ оправданіи, кромѣ возстановленія личнаго имени въ 8/9 строкѣ. Въ восьмой отчетливо читаются буквы Αθη и кромѣ того горизонтальная черта; въ началѣ девятой мы имѣемъ буквы ην; такъ какъ

врядъ-ли можно допустить, что рѣзчикъ здѣсь ошибся, то надо будетъ дополнить сохранившіяся буквы въ Ἀθη[να] [δ]ην, хотя это имя въ боспорской эпиграфикѣ не встрѣчалось, между тѣмъ какъ Ἀθήνιος весьма обычно. Отмѣтить слѣдуетъ, что рѣзчикъ въ словахъ τὸν ἴδιον вмѣсто о вырѣзалъ θ.

Что касается самого надгробія, поставленнаго въ память члена «схода», Стратоника, сына Токона, то оно въ большей степени, чѣмъ до сихъ поръ изданные памятники этого рода изъ Боспора позволяетъ намъ вывести заключеніе, что эти религіозныя общества въ Пантикапеѣ были организованы совершенно на подобіе танаитскихъ.

Объ этихъ послѣднихъ коллегіяхъ трактовали И. В. Помяловскій (Труды VI. Арх. съѣзда II, стр. 24—28) и В. В. Латышевъ (J. o. s. P. E. II, стр. 246 слѣд.); не желая повторить сказаннаго ими, отсылаю къ ихъ трудамъ. Что во главѣ пантикапейскихъ коллегій стояли «жрецъ», «сводитель», «добролюбъ» и «товарищъ добролюба» мы уже знали изъ опубликованнаго матеріала: но, насколько я знаю, здѣсь впервые встрѣчается упоминаніе должности «гимпасіарха», которая рядомъ съ только что перечисленными постоянно приводится въ танаитскихъ спискахъ и которая по вѣрному замѣчанію И. В. Помяловскаго доказываетъ, «что коллегія была эфебическая, своеобразно слившаяся съ θіасомъ». «Такое своеобразное сліяніе двухъ формъ коллегіальнаго устройства можно представлять себѣ различными способами: или θіасоты дѣлились на двѣ категоріи, возмужалыхъ и эфебовъ, или же они всѣ были эфебами, или, наконецъ, при θіасѣ, въ видѣ дополненія, существовала палестра». Изъ этихъ предложенныхъ И. В. Помяловскимъ толкованій, мнѣ по разнымъ причинамъ послѣднее кажется самымъ вѣроятнымъ. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ издаваемый здѣсь памятникъ впервые устанавливаетъ тотъ не лишенный интереса фактъ, что и въ Пантикапеѣ, какъ въ Танаисѣ, существовали коллегіи, представляющія собою указанное своеобразное сліяніе двухъ формъ коллегіальнаго устройства.

Что касается частностей, то нельзя не отмѣтить того факта, что встрѣчающіяся въ нашей надписи имена почти всѣ попадаются такъ же на указанныхъ танаитскихъ памятникахъ напр. *Κίνωλος* срв. Latyschev: J. o. s. P. E. II, № 446, *Ἀρίστων* срв. № 447, 452, 448, 455, 442, 449, 443; *Τρύφων* № 451, 455, 446; *Χαρίτων* срв. 438, 445, 446, 454, 440; *Στρατότεικος* срв. № 451, 454, 456 и т. д., своеобразная конструкція τῶν λοιπῶν θιεσειτῶν вмѣсто обычнаго καὶ οἱ λοιποὶ θιεσεῖται или θιεσῶται встрѣчается въ танаитской надписи № 443. Въ заключеніе замѣчу, что имя Τόχων въ боспорской эпиграфикѣ до сихъ поръ еще не попадалось. Насколько я знаю, оно вообще до сихъ поръ неизвѣстно; въ доступныхъ мнѣ пособіяхъ я его не могъ найти.

Второй издаваемый здѣсь памятникъ по содержанію и характеру вполнѣ соотвѣтствуетъ первому. Онъ состоитъ изъ плиты весьма мягкаго

раковистаго известняка. Плита разбита на три куска; размѣры всѣхъ трехъ фрагментовъ вмѣстѣ сложенныхъ 103×60×20 снт. На верху вырѣзанъ до половины толщины камня грубый фронтонъ съ акротеріями, украшенный въ срединѣ розеткой. Подъ этимъ фронтономъ написана красной краской по линейкамъ надпись въ 13 строкъ. Она съ большимъ трудомъ читается и только если намочить камень выцвѣтшія буквы немного болѣе ясно выступаютъ. Послѣ долгихъ тщетныхъ стараній мнѣ при хорошемъ освѣщеніи камня и при помощи двухъ фотографическихъ снимковъ съ него удалось прочесть слѣдующее:

1. ΗCΥΝΟΔΟCΗΠΕΡΙ[///]
2. ΡΕΑ ΠΑΠΠΟΝ ΑΡΔΑΡΑΚΟ[///]
3. ΚΑΙ ΠΑΤΕΡΑΦΙΔΑΝΚΑΙCΥ
4. ΝΑΓΩΓΟΝΘΚΑΤΑ ΚΑΙΦΙΛΑ[///]
5. ΘΟΝΔΑΜΑΝΚΑΙΠΑΡΑΦΙΛΑ[///]
6. ΘΟΝΦΙΛΩΤΑΝ ΓΥΜΝΑCΙΑΡ
7. ΧΗΝ ΔΑΔΑΝ ΑΝ[/////]Χ[///]
8. ΚΑΙΝΕΑΝΙCΚΑΡΧΗΝΓ[///]
9. [/////////] CΥΝΟΔΕΙΤ[///]
10. ΑΝΕCΤΗC[/////////]
11. [/////////] ΜΝΗ
12. ΛΗC ΧΑΡΙΝ. ΕΤ
13. ΜΗΝΟC ΠΕΡΙ[////]

т. е.

1. Ἡ σύνοδος ἡ περὶ Ἱ[ε]-
2. ρέα Πάππον Ἀρδαράκο[υ]
3. καὶ πατέρα Φίδαν καὶ συ-
4. ναγωγὸν Ἑκατᾶ[ν] καὶ φιλά[γα]-
5. θον Δαμᾶν καὶ παραφιλά[γα]-
6. θον Φιλώταν γυμνασιάρ-
7. χην Δάδαν Ἀν[τιμά]χ[ου]
8. καὶ νεανισκάρχην Γ....
9. [καὶ οἱ λοιποὶ] συνοδεῖτ[αι]
10. ἀνέστησ[αν] [τὸν δεῖνα]
11. [τοῦ δεῖνος] μνή-
12. μης χάριν ἔτ[ους]. .[καὶ]
13. μηνὸς Περ[ε]ι[τίου .].

Къ названнымъ въ предыдущей надписи должностнымъ лицамъ схода издаваемый памятникъ прибавляетъ еще два: «отца» (συνάδου) и «неанискарха». Оба извѣстны по танаитскимъ надписямъ; срв. относительно πατήρ J. o. s. P. E. II, № 437, 445, 451, 455; относительно νεανισκάρχης тамъ-же № 440, 441, 445—448, 451, 454, 455. Встрѣчающіяся въ нашей надписи имена собственныя, оканчивающіяся замѣчательнымъ образомъ въ большинствѣ случаевъ на «ας», поподаются отчасти такъ же на танаитскихъ памятникахъ. Имя жреца *Πάππος* напр. мы находимъ въ № 438, 441, 446 (два раза), 448 (два раза) 454 (два раза), 456. Въ сочетаніи съ тѣмъ-же отчествомъ имя Πάππος встрѣчается въ большой посвятительной надписи изъ царствованія царя Тиверія Юлія Тирана (срв. Latyschev: J. o. s. P. E. II, № 29b). Но имя *Ἀρδάρακος* извѣстенъ и по танаитскимъ надписямъ: срв. 446, 448; другія формы его, Ἄρδαρος и Ἀρδαρίσκος встрѣчаются еще чаще, срв. № 445 (два раза), 442, 447 (два раза), 448, 438. *Φίδας* встрѣчается (кромѣ въ надписи № 24a), въ слѣдующихъ танаитскихъ надписяхъ: № 438, 440, 445, 448. *Φιλώτας* тамъ-же въ № 438; *Λάδας* тамъ-же, № 438, 439, 441, 442, 446, 448, 451, 452, 453, 454, 466. *Ἀντίμαχος* тамъ-же, № 441, 443, 446, 447, 448, 452.

Относительно *Δαμᾶς* срв. Jos. P. E. II, № 129; имя Ἑκαταῖς въ боспорской эпиграфикѣ мнѣ не встрѣчалось; срв. о немъ Fick-Bechtel: Griech. Personennamen 5. v.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ 6 строкѣ передъ словомъ γυμνασιάρχης нѣтъ союза καὶ.

Отмѣченный на камнѣ годъ нельзя прочесть: не осталось и слѣда. Впрочемъ приблизительная дата не можетъ быть спорной. Не подлежитъ сомнѣнію, что обѣ издаваемыя здѣсь надписи относятся къ II—III вѣку п. Р. Х. Тождество коллегіальнаго устройства ѳіасовъ въ Пантикапеѣ и въ Танаисѣ и повтореніе тѣхъ-же самыхъ именъ на пантикапейскихъ и танаитскихъ памятникахъ позволяетъ вывести заключеніе о близости сношеній между этими сосѣдними городами.

Постановили: Часть сообщенія касающуюся двухъ надгробныхъ надписей, напечатать въ протоколѣ настоящаго засѣданія, другую же часть, о росписной вазѣ изъ Керчи—въ XXII т. Записокъ Общества; вещи же принять въ музей.

XIV. Сообщеніе д. ч. А. И. Маркевича о письмѣ гр. Вейсбаха къ запорожскому кошевому въ 1734 г.

Письмо гр. Вейсбаха къ запорожскому кошевому въ 1734 году.

Какъ извѣстно, послѣ перехода запорожскаго войска при Петрѣ Великомъ подъ власть Крымскаго хана русскимъ правительствомъ дѣлались попытки возвратить это войско Россіи; особенно энергично заботился о томъ кіевскій генералъ-губернаторъ (съ конца 1731 г.) гр. Вейсбахъ,

которому и удалось, наконецъ, привести это дѣло къ благопріятному исходу.

Когда вопросъ о переходѣ запорожскаго войска подъ власть Россіи уже былъ достаточно подготовленъ, гр. Вейсбаху нуженъ былъ все же какой либо поводъ, чтобы этотъ переходъ могъ совершиться при обстоятельствахъ, дипломатически оправдывавшихъ поведеніе Россіи (желаніе самого войска тогдашнею дипломатіей въ разсчетъ быть принято не могло) и сваливавшихъ вину на Крымъ, тѣмъ болѣе что изъ за Запорожья можно было ожидать войны съ Турціей,—значитъ, весьма интересно было дипломатически поставить себя въ положеніе стороны не нападающей, а вынуждаемой къ извѣстнымъ мѣрамъ съ цѣлью необходимой обороны. Въ началѣ 1734 г. гр. Вейсбаху нужно было даже найти этотъ поводъ какъ можно скорѣе, ибо ханъ приказалъ запорожцамъ идти къ р. Бугу (южному) съ цѣлью оказать помощь партіи короля Станислава (Лещинскаго) въ происходившей въ то время борьбѣ за престолъ Рѣчи Посполитой. Участіе запорожцевъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, конечно, отдалило бы возвращеніе войска подъ власть Россіи, почему гр. Вейсбахъ и воспользовался тѣмъ предлогомъ, что шайка татаръ напала на село Полтавскаго полка, разграбила его, перебила и захватила въ полонъ жителей и пр. Это разбойничье нападеніе, какихъ всегда было немало, гр. Вейсбахъ призналъ за достаточный поводъ для разрыва мирныхъ отношеній между Россіей и Крымомъ и вслѣдствіе того принялъ рядъ мѣръ, о коихъ и сообщилъ кошевому запорожскому (Ивану Бѣлецкому) въ письмѣ отъ 13 февраля 1734 г., которое я привожу далѣе цѣликомъ.

Письмо это, впрочемъ, уже было извѣстно А. А. Скальковскому; но онъ взялъ изъ него лишь нѣсколько указаній въ разсказѣ о переходѣ запорожцевъ подъ власть Россіи (Исторія Новой Сѣчи, изд. 3-ое, ч. II, стр. 43—44, сдѣлавъ это очень отрывочно, и притомъ не вполнѣ справился съ послѣдовательностью происходившихъ тогда событій; у него оказывается, что запорожцы уже были у р Буга, когда гр. Вейсбахъ послалъ имъ это письмо. Полностію же оно кажется, напечатано еще не было; по крайней мѣрѣ позднѣйшій историкъ Запорожья Д. И. Эварницкій въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Исторіи запорожск. козаковъ (т. III, изд. 1897 г., стр. 567—568) только повторяетъ разсказъ Скальковскаго.

Письмо гр. Вейсбаха къ кошевому Бѣлецкому куплено было мною нѣсколько лѣтъ назадъ въ Одессѣ и теперь я передаю его Обществу, у котораго автографа гр. Вейсбаха—лица столь памятнаго въ исторіи южной Руси, кажется, еще не имѣется.

Д. ч. Ал. Маркевичъ.

Дупликатъ.

Благородный и почтенный Господинъ Кошевой Атаманъ.

Сего февраля 9 числа получено нами отъ полковника и полтавскаго коменданта Чичерина писмо, которымъ доносилъ, что противъ пятого числа сего же февраля въ ночи набѣжало непріятельски полтавскаго малороссискаго полку въ село Биркутъ (которое имѣетца за рекою Орелью отъ местечка Орла растояніемъ въ пяти верстахъ) татаръ человѣкъ со сто и взяли въ томъ селѣ подданныхъ Ея Императорскаго величества въ полонъ двадцать два, да порубили и покололи двенадцать человѣкъ, и пожитки ихъ побрали, которые де татары той же ночи поехали на ту сторону днепра, о которыхъ татарахъ какъ признаетца, что Нагайскіе и отъ Куйдака туда пришли. И какъ признаемъ, что оная слобода Куйдакъ еще несовсѣмъ раззорена, но нѣкоторая часть отъ нѣе осталась и чрезъ то тѣ татары тамъ жить могутъ, и не безъ того, что оные татары туда отправлены, дабы нашихъ до сечи ѣдущихъ купцовъ, а особливо такое бы стараніе имѣли, чтобъ некоторые писма, которые отъ сечи къ намъ и отъ насъ къ вамъ посылаютца, какъ возможно перехватить, и чрезъ тобъ ваше благородіе и все войско низовое запорожское какою къ нимъ невернostію предьявить могли; того ради чтобъ оттуда болѣе шкодъ чинено не было, приказалъ я, дабы на здѣшней сторонѣ днепра въ селахъ и въ хуторахъ живущіе люди перешли даже до кременчюка на нашу сторону днепра. Такожъ приказалъ въ самомъ скрытномъ образѣ до куидака команду отправить и чрезъ помощь божію на тѣхъ нагайскихъ татаръ (о которыхъ какъ признаемъ что еще тамъ обретаютца) напасть и разбить. А понеже оные татары чрезъ такое непріятелское нападеніе уже дѣйствительно разрывъ миру учинили: того ради о томъ я по полученіи оного известія тогожъ дня къ Ея Императорскому величеству нашей всемилостивейшей Государыни всеподданнѣйше чрезъ нарочнаго куріера писалъ и доносилъ что (понеже болѣе резона не нахожу оное дѣло тайно содержать) Ея Императорскаго величества всемилостивѣйшую Грамоту за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ въ прощеніи винъ войска Запорожскаго къ вашему благородію и ко всему низовому запорожскому войску отправить, по которой всемилостивѣйшей Ея Величества грамоте публиковать и все войско запорожское въ верности къ Ея Императорскому величеству къ присягѣ привесть буду. Того ради чрезъ сіе отъ вашего благородія известія желаю который день или время для онаго исполненія назначить изволите, почему бъ я могъ меры свои взять; и притомъ вѣдать желаю, можно ли будетъ вашему благородію отъ того походу (которой вамъ до Богу съ войскомъ чинить приказано) въ вашихъ куреняхъ себя удержать и надѣятеся ли отъ того походу отказать, когда отъ меня въ каждой

атаманской курень по двадцети конныхъ драгунъ и по двадцети пешихъ салдатъ (и тако въ каждомъ куренѣ будетъ по сороку человѣкъ) да сверхъ оныхъ въ вашей резиденціи въ сечи сто пятьдесятъ конныхъ драгунъ или гранодеръ да пешихъ салдатъ тожъ число, и того триста человѣкъ прислано будетъ, при которыхъ посланныхъ каждый курень можетъ особливо а самые старшіе въ сечи въ верности къ Ея Императорскому величеству присягу учинить и оныхъ такъ долго для осторожности у себя удержать, какъ запотребно разсудите; А понеже тѣ люди, которые отъ насъ имѣютъ посланы быть, не болше провіанта и фуражу какъ на полъ мѣсяца (которымъ имѣютъ довольствоватца до прибытія къ запорожской Сѣчи ихъ куренямъ) съ собою вести могутъ, то я надѣюся, что какъ въ сечю прибудутъ могутъ чрезъ бытность свою провіантомъ и фуражемъ удовольствованы быть отъ войска запорожскаго; противъ чего я на заплату за тошъ провіантъ и фуражъ въ каждой курень по двести рублевъ. А кои до сечи пойдутъ гдѣ резиденція, тысячю четыре ста готовыми денгами, всего девять тысячъ для врученія господамъ атаманамъ отправить буду. А между темъ дондеже означенное число денегъ на довольствъвіе употреблятца будетъ, можетъ весненное время приспѣть и къ довольствію лошадей въ степяхъ трава показатца; а чтобъ по вскрытіи рѣкъ провіантъ туда привести могли, тому иншѣе определеніе учинить старатца буду, къ которому случаю какъ ваше благородіе такъ и протчая войска запорожскаго старшина какъ лутчѣе советовать знать можетъ. И исъ сего моего объявленія ваше благородіе и все войско запорожское низовое можете подлинно узнать, что ея Императорское величество наша всемилостивейшая Государыня неотменное свое высочайшее соизволеніе и милость во отпущеніи войска запорожскаго винъ содержитъ и въ высочаишую свою державу всемилостивейше пріемлетъ, а отъ бусурманского подданства всѣхъ васъ вѣчно свобождаетъ и въ число вѣрныхъ своихъ подданныхъ имѣть соизволитъ: на что я отъ вашего благородія и отъ всего войска низового запорожскаго въ непродолжительномъ времени ответствія ожидаю, чтобъ я потому могъ себя содержать и надлежащѣе определеніе учинить. И пребываю

Вашему благородію
доброжелательнымъ слугою
gr. gr. Wejsbach.

Февраля 13 дня 1734 году
Кіевъ.

Постановили: Сообщеніе напечатать въ протоколѣ настоящаго засѣданія, а письмо гр. Вейсбаха передать въ музей.

321 ПУБЛИЧНОЕ ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

14-го Ноября 1899 года.

По случаю исполнившагося шестидесятилѣтія со времени учрежденія Общества.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Почетнаго Члена Общества Высокопреосвященнаго *Іустина*, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, почетные гости и члены Общества: И. д. Одесскаго Градоначальника Графъ *П. П. Шуваловъ* съ супругою Графиней *А. И. Шуваловой*, *Л. Ф. Брунъ*, *И. Ю. Вучина*, *Г. О. фонъ-Гаазе*, *А. Е. Егоровъ*, Одесскій Городской Голова *П. А. Зеленый*, *П. А. Ивановъ*, *В. М. Истринъ*, *А. В. Коршъ*, *А. А. Кочубинскій*, *А. В. Лонгиновъ*, *П. А. Маврогордато*, *Г. Г. Маразли*, *В. Н. Мочульскій*, *С. Д. Пападимитріу*, Прот. *А. Пефани*, Прот. *М. Чемена*, *Э. Р. фонъ-Штернъ*, *Н. В. Эрдели*, *Х. П. Яцуржинскій* и Секретарь Общества *А. И. Маркевичъ*.

Высокопреосвященный *Іустинъ*, поблагодаривъ за предоставленіе ему предсѣдательства въ настоящемъ собраніи, объявилъ затѣмъ засѣданіе открытымъ.

Слушали:

I. Письмо Вице-президента Общества А. Л. Бертье-Делагарда на имя предсѣдательствующаго члена совѣта Э. Р. фонъ-Штерна:

«Глубокоуважаемый Эрнестъ Романовичъ!

Позвольте просить Васъ въ сегодняшній день воспоминаній о 60-лѣтіи Общества Исторіи и Древностей передать высокоуважаемымъ сочленамъ мой сердечный привѣтъ и задушевныя пожеланія самаго широкаго развитія ученому Обществу. Пусть и впредь, какъ и встарь, въ немъ царитъ преданная и безкорыстная, хотя и безшумная любовь къ наукѣ и скромнымъ трудамъ на ея поприщѣ, а вмѣстѣ съ ними и къ нашему великому отечеству.

Искренно сожалѣю, что дѣла не позволили мнѣ быть съ Вами сегодня; но вмѣсто себя я прошу Общество не отказать принять коллекціи античныхъ предметовъ изъ стекла, найденныхъ въ раскопкахъ юга Россіи. Имъ нелегко найти мѣсто въ нашемъ переполненномъ музеѣ; но не смутимся этимъ, а будемъ надѣяться, что польза трудовъ Общества будетъ сознана и ему въ помощь прійдутъ могущіе.

Да процвѣтаетъ же и множится наше дорогое Общество долго, долго.

Искренно преданный Вашъ покорный слуга *А. Бертье-Делагардъ*».

Постановили: занести въ протоколъ настоящаго засѣданія.

II. Докладъ д. ч. Э. Р. фонъ-Штерна о дѣятельности Общества въ истекшемъ десятилѣтіи:

Сегодня истекаетъ 60 лѣтъ со дня учрежденія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Совершенно справедливо члены Общества изъявили желаніе ознаменовать этотъ шестидесятилѣтній день рожденія дорогого для нихъ юбиляра устройствомъ публичнаго засѣданія. Въ жизни Общества, посвятившаго себя скромному научному труду, представляется такъ рѣдко случай вступить въ общеніе съ представителями оффиціальнаго міра и съ болѣе широкими слоями публики, что оно непремѣнно должно воспользоваться каждымъ такимъ случаемъ. Общество, которое преслѣдуетъ цѣль сохраненія и изученія историческихъ памятниковъ своей родины, цѣль распространенія интереса къ прошлому этой родины среди ея населенія, можетъ достигнуть этой своей цѣли вполнѣ только тогда, когда ему содѣйствуютъ призванные руководители общественнаго мнѣнія, когда оно съумѣетъ въ той средѣ, гдѣ оно существуетъ и работаетъ, возбудить общій интересъ къ своимъ завѣтнымъ задачамъ.

Съ другой стороны и для самого Общества въ высшей степени желательно въ извѣстные промежутки прерывать однообразную ежедневную работу, оглянуться назадъ на пройденный путь, дать отчетъ въ томъ, что имъ достигнуто въ извѣстный періодъ времени, и выяснить, какія задачи ему предстоитъ рѣшить въ ближайшемъ будущемъ.

Вотъ тѣ соображенія, которыя насъ заставили пригласить васъ, м. г-ни и м. г., отпраздновать вмѣстѣ съ нами наше скромное юбилейное торжество и предложить вашему вниманію въ настоящемъ публичномъ засѣданіи, какъ бѣглую характеристику жизни Общества за послѣднее десятилѣтіе, такъ и очеркъ дѣятельности одного изъ учредителей Общества, который въ долгой своей жизни съ неутомимымъ рвеніемъ посвящалъ себя изученію исторіи и судебъ нашего Юга—очеркъ дѣятельности усопшаго въ этомъ году почетнаго члена Общества Аполлона Александровича Скальковскаго.

На мою долю выпало лестное порученіе нарисовать вамъ, хоть въ самыхъ общихъ штрихахъ, картину жизни Общества за послѣдній періодъ. Какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, такъ и въ жизни цѣлаго Общества чередуются

печальныя событія съ радостными, дни унынія и утомленія съ днями энергичной и успѣшной работы въ постоянной смѣнѣ, такъ что только послѣ истеченія извѣстнаго періода можно подвести итогъ пройденному времени и предложить себѣ вопросъ: преобладали-ли свѣтлые дни или мрачные, преобладали-ли несчастныя событія или радостныя? Если съ этой точки зрѣнія смотрѣть на жизнь Общества въ послѣднее десятилѣтіе, то мы можемъ сказать въ общемъ, что у насъ нѣтъ повода особенно жаловаться; жизнь Общества крѣпла и ему предоставлена была возможность, благодаря цѣлому ряду радостныхъ для него событій, не уклоняясь отъ дороги, преслѣдовать свои задачи.

Между этими событіями прежде всего я долженъ упомянуть о выраженіи Высочайшаго вниманія: Государь Императоръ благоволилъ въ 1894 г. принять Общество подъ свое высокое покровительство; Великіе Князья Георгій Михайловичъ въ 1894 г. и Александръ Михайловичъ въ 1896 г. соизволили принять званіе почетныхъ членовъ Общества; во вторыхъ, упомянуть о томъ, что по ходатайству высокочтимаго президента Общества, генерала отъ инфантеріи и члена государственнаго совѣта Христофора Христофоровича Роопа Высочайше дарованное нашему Обществу пособіе увеличено было въ 1891 году до суммы 2500 р. въ годъ. По справедливости оцѣнить значеніе этого послѣдняго событія въ жизни Общества можетъ только тотъ, кто знаетъ, какое тяжелое время мы пережили въ первые годы за исполнившимся пятидесятилѣтіемъ Общества. Изданіе объемистаго юбилейнаго тома нашихъ Записокъ стоило большой суммы; выдаваемая субсидія и членскіе взносы хватали только на текущіе, непроизводительные въ научномъ отношеніи расходы; о пополненіи коллекцій музея, объ изданіи ученыхъ трудовъ нельзя было и думать; недостатокъ въ средствахъ тормозилъ на каждомъ шагу дѣятельность Общества. Понятно поэтому, съ какимъ чувствомъ благодарности и радости встрѣчена была Монаршая милость среди членовъ Общества. Съ удвоеннымъ рвеніемъ Общество принимается за работу; избирается временный исполнительный комитетъ для составленія программы ближайшей дѣятельности Общества; вырабатывается новый уставъ, болѣе соотвѣтствующій измѣненному положенію дѣлъ; для облегченія труда вице-президента и для болѣе правильнаго распредѣленія работы учреждается постоянный совѣтъ и во внутренней организаціи Общества проводится еще цѣлый рядъ реформъ.

Вниманіе и поддержка, оказанныя Обществу со стороны правительства, не остались единственнымъ въ этомъ родѣ радостнымъ событіемъ. Желая въ признаніе пятидесятилѣтней дѣятельности Общества содѣйствовать его работамъ и цѣлямъ, частныя лица и Одесская Городская Дума предоставляютъ въ распоряженіе Общества разныя преміи. Первая постоянная премія имени основателя Общества, Димитрія Максимовича Княже-

вича учреждена въ память исполнившагося пятидесятилѣтія Общества его дочерьми: Маріей, Елисаветой и Екатериной Княжевичъ; накопляющіеся въ теченіи каждыхъ пяти лѣтъ проценты съ пожертвованнаго капитала въ 2000 рублей должны присуждаться за выдающійся историко-археологическій трудъ, касающійся юга Россіи, вышедшій въ теченіе каждаго изъ пятилѣтій; вторая, временная премія учреждена Одесской Городской Думой въ 500 р. за сочиненіе по археологіи и исторіи Новороссійскаго края; третья и четвертая временныя преміи учреждены къ 1894 и 1895 году почетнымъ членомъ Общества, нынѣ его вице-президентомъ, генераломъ Александромъ Львовичемъ Бертье-Делагардомъ, каждая въ размѣрѣ 600 р., за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма.

Эти преміи своей прямой цѣли до сихъ поръ не достигли. Кто знакомъ съ положеніемъ дѣлъ, не станетъ этому удивляться. Вполнѣ естественно, что работы по исторіи и археологіи нашего Юга могутъ быть написаны главнымъ образомъ только нашими мѣстными силами, и дѣйствительно за отчетный періодъ изданъ былъ цѣлый рядъ такихъ работъ; но также естественно, что мѣстныя силы—члены Общества стѣснялись представлять свои труды на присуждаемыя этимъ-же самымъ Обществомъ преміи. Но въ другомъ отношеніи, какъ мы потомъ увидимъ, эти преміи являлись значительнымъ подспорьемъ для работъ Общества.

Дѣятельность Общества за истекшее десятилѣтіе направлена была главнымъ образомъ на собираніе древностей и устройство музея, на сохраненіе замѣчательныхъ памятниковъ старины и на обнародованіе и научную обработку имѣвшагося въ его распоряженіи археологическаго и историческаго матеріала.

Что касается собиранія древностей, то при чувствительной, и послѣ увеличенія субсидіи, ограниченности имѣющихся для этой цѣли средствъ мы должны были держаться извѣстныхъ принциповъ и опредѣленной системы. Такъ какъ сфера дѣятельности Общества простирается главнымъ образомъ на районъ, заселенный нѣкогда цвѣтущими греческими колоніями, и два отдѣленія нашего музея находятся прямо на почвѣ древнихъ колоній, въ Ѳеодосіи и Керчи, то мы обращали главное вниманіе на пополненіе нашихъ коллекцій античныхъ классическихъ предметовъ. Но и въ этой ограниченной области нельзя было гнаться за всѣмъ: изящные золотые предметы, дорого стоющее разноцвѣтное античное стекло и т. д. намъ недоступны были при нашихъ средствахъ; кромѣ того подобные предметы въ научномъ отношеніи не представляютъ такого интереса, какъ лапидарныя надписи, монеты и керамическія издѣлія, которыя являются нашими главными источниками для выясненія историческихъ судебъ, хронологическихъ вопросовъ, торговыхъ и культурныхъ сношеній существо-

вавшихъ нѣкогда на нашемъ славномъ Югѣ поселеній. Сосредоточиваясь главнымъ образомъ на собираніи названныхъ памятниковъ—конечно, при случаѣ куплены были и другія древности—Общество успѣло за отчетный періодъ пріобрѣсти до ста античныхъ лапидарныхъ надписей, учетверить свое собраніе керамическихъ издѣлій (вмѣсто 1000 — теперь свыше 4000 номеровъ), значительно увеличить свою монетную коллекцію, даже въ нѣкоторой степени создать совершенно новые отдѣлы ея. Конечно, Общество своими только средствами не могло бы достигнуть такихъ благопріятныхъ для нашего музея результатовъ.

Неутомимый радѣтель Общества, теперешній вице-президентъ Александръ Львовичъ Бертье-Делагардъ своими постоянными пожертвованіями является главнымъ виновникомъ обогащенія нашего музея; особенно его заботы направлены были на пополненіе монетнаго отдѣла. Теперешнее научное значеніе этого отдѣла лучше всего иллюстрируется тѣмъ фактомъ, что три года тому назадъ консерваторъ нумизматическаго кабинета въ Берлинѣ пріѣзжалъ по порученію Берлинской Академіи Наукъ сюда, чтобы 6 недѣль поработать надъ двумя витринами нашихъ монетъ.

Изъ замѣчательныхъ пріобрѣтеній по другимъ отдѣламъ укажу здѣсь только на пожертвованную Александромъ Львовичемъ Бертье-Делагардомъ коллекцію феодоссійскихъ древностей, добытую въ земельныхъ работахъ при устройствѣ феодоссійскаго порта и служащую нѣмымъ, но въ то же время краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ культурной жизни этого города отъ VI вѣка до Р. Х. до XVI нашей эры; на пріобрѣтенное цѣльное содержаніе двухъ керченскихъ могилъ, позволяющее рѣшить нѣсколько спорныхъ въ археологической наукѣ вопросовъ, на систематическое пополненіе собранія ольвійскихъ керамическихъ издѣлій, которое, начиная съ VI вѣка до Р. Х. и кончая позднимъ римскимъ періодомъ, даетъ нынѣ возможность выяснить культурную жизнь и торговыя сношенія этого отдаленнаго форпоста греческой цивилизаціи на берегахъ Буга; укажу на пріобрѣтеніе единственнаго въ своемъ родѣ бронзоваго скиѳскаго сосуда, на полученіе старинныхъ историческихъ документовъ, касающихся исторіи Новороссіи и т. д. и т. д. Чтобы не вдаваться въ подробности, упомяну въ заключеніе этого перечисленія еще, что г. Краузе изъ Берлина, проживающій въ настоящее время на островѣ Суматрѣ, подарилъ нашему музею весьма цѣнную коллекцію суматрскихъ древностей (свыше 150 предметовъ), которая рядомъ съ нашимъ собраніемъ египетскихъ древностей можетъ служить основаніемъ для будущаго этнографическаго отдѣла нашего музея.

Сегодня это сжатое перечисленіе главнѣйшихъ пріобрѣтеній Общества нуждается уже въ дополненіи. Какъ видно изъ только что доложеннаго письма нашего вице-президента А. Л. Бертье-Делагарда, онъ под-

несъ сегодня Обществу истинно юбилейный подарокъ: онъ пожертвовалъ нашему музею собранную имъ коллекцію античнаго керченскаго стекла изъ 150 предметовъ стоимостью въ 1900 рублей.

Въ общемъ въ отчетный періодъ поступило въ нашъ музей до пяти тысячъ новыхъ предметовъ. Это значительное обогащеніе нашихъ собраній заставило насъ конечно заниматься и переустройствомъ нашего музея. Насколько это позволяетъ наше тѣсное помѣщеніе, вещи систематизированы, снабжены соотвѣтствующими надписями, инвентарный каталогъ доведенъ нами до конца, и можно будетъ въ скоромъ времени думать о составленіи новаго указателя для публики. Съ цѣлью сдѣлать нашъ музей болѣе доступнымъ для посѣщенія публики постановлено было и по воскресеніямъ держать его открытымъ и поручить хранителю музея давать въ опредѣленное время, особенно учащейся молодежи, необходимыя объясненія. Число посѣтителей въ виду этого значительно возросло: вмѣсто 1500 насчитывается теперь свыше 4800 человѣкъ въ годъ.

Что касается *сохраненія* древнихъ памятниковъ, то Обществу, кромѣ издавна порученной ему заботы о генуэзской крѣпости въ Судакѣ, передано было въ отчетное время Императорскою Археологическою Коммиссіею завѣдываніе молдавской крѣпостью въ Аккерманѣ. Сохраненіе такихъ древнихъ сооруженій представляетъ большія затрудненія; остановить хотя медленное, но несомнѣнно разрушительное дѣйствіе времени возможно только обладая громадными средствами; при неимѣніи ихъ слѣдуетъ въ большинствѣ случаевъ ограничиться устройствомъ правильнаго надзора, чтобы къ разрушительному дѣйствію времени не присоединялось и такое же со стороны людей. Такой надзоръ устроенъ въ Судакѣ и въ Аккерманѣ; но кромѣ того въ дѣлѣ ремонта этихъ построекъ Общество успѣло все-таки кое-что сдѣлать.

Когда коммиссія, отправившаяся въ 1895 году въ Судакъ съ цѣлью основательнаго осмотра состоянія древнихъ крѣпостныхъ сооруженій, дошла до заключенія, что необходимо произвести ремонтъ извѣстныхъ частей крѣпости, нашъ почетный членъ Александръ Львовичъ Бертье-Делагардъ строившій тогда феодоссійскій портъ, взялъ на себя руководство и довольно крупный расходъ по этой работѣ; въ послѣдующіе затѣмъ годы Общество ассигновало еще суммы для продолженія этого ремонта, произведеннаго подъ надзоромъ живущихъ въ Судакѣ уполномоченныхъ членовъ Общества. Можно надѣяться, что эксплоатація береговой полосы въ Судакѣ дастъ Обществу въ будущемъ возможность еще съ большимъ успѣхомъ взяться за сохраненіе этого замѣчательнаго памятника старины. Относительно аккерманской крѣпости Общество могло пока только ограничиться устройствомъ извѣстнаго надзора и мелкими работами, имѣющими главнымъ образомъ цѣлью защиту древнихъ стѣнъ отъ снесенія и расхищенія.

Членамъ Общества извѣстно, что ведутся переговоры относительно изысканія средствъ и мѣръ для болѣе правильнаго сохраненія древнѣйшихъ частей этого памятника старины. Руку объ руку съ мѣрами принимаемыми для сохраненія названныхъ построекъ шли и работы объ изслѣдованіи ихъ исторіи: еще недавно открыта въ одной изъ башенъ аккерманской крѣпости важная славянская надпись, изученіемъ которой въ настоящее время занятъ д. ч. Общества заслуженный профессоръ Александръ Александровичъ Кочубинскій.

Упоминаніе объ этомъ послѣднемъ фактѣ даетъ мнѣ поводъ вкратцѣ указать и на научныя работы Общества за послѣднее десятилѣтіе. Кромѣ рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ Общества и печатаемыхъ въ протоколахъ, Общество за это время издало 6 томовъ своихъ Записокъ (томъ XVI—XXI); двадцать второй томъ въ настоящее время печатается и выйдетъ въ началѣ января. Томы эти заключаютъ въ себѣ рядъ археологическихъ и историческихъ изслѣдованій, кромѣ того, публикацію матеріаловъ, касающихся преимущественно Новороссійскаго края, Бессарабіи, Кавказа, и иныя археологическія сообщенія и статьи. Правильное ежегодное изданіе нашихъ Записокъ, предусмотрѣнное новымъ уставомъ Общества, имѣло послѣдствіемъ, что спросъ на нихъ, особенно заграницей, значительно увеличился и мы могли вступить въ обмѣнъ изданіями съ многочисленными учеными Обществами. Но этимъ научныя работы Общества не ограничились. Когда въ 1894 году не были представлены сочиненія на соисканіе преміи имени Княжевича, то Общество, согласно положенію о преміи, рѣшило воспользоваться перешедшей въ его распоряженіе суммою для составленія снабженнаго таблицами описанія хранящихся въ нашемъ музеѣ коллекцій. Этого изданія, озаглавленнаго: Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, появилось пока два выпуска, заключающіе въ себѣ публикацію терракотовыхъ фигуръ музея (35 таблицъ съ текстомъ на двухъ языкахъ). Объ этомъ рѣшеніи въ свое время было сообщено сестрамъ Княжевичъ, учредительницамъ преміи, и Екатерина Димитріевна, о послѣдовавшей въ этомъ году смерти которой я долженъ здѣсь упомянуть съ чувствомъ глубокаго прискорбія, выразила въ письмѣ на имя г. вице-президента полное согласіе учредительницъ на такое употребленіе невыданныхъ за первое пятилѣтіе процентовъ съ пожертвованнаго капитала. Примѣру сестеръ Княжевичъ послѣдовалъ и Александръ Львовичъ Бертье-Делагардъ; онъ въ прошломъ году снялъ одну изъ учрежденныхъ имъ премій и предоставилъ 600 рублей въ распоряженіе Общества для изданія третьяго выпуска Музея, который обниметъ геодоссійскія древности. Таблицы уже изготовлены, а текстъ къ веснѣ будетъ составленъ.

Вотъ, м. г-ни и м. г., въ самыхъ общихъ чертахъ очеркъ дѣятельности

нашего Общества за послѣднее десятилѣтіе. Судить объ этой дѣятельности конечно не намъ. Строгая критика можетъ быть найдетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ рядъ упущеній и ошибокъ: но, чтобы быть справедливой, она должна принимать во вниманіе, что Общество располагаетъ небольшимъ числомъ рабочихъ силъ, принимать во вниманіе, что неумолимая смерть причинила намъ чувствительныя утраты, унеся за этотъ періодъ въ могилу рядъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ, и между ними незабвеннаго вице-президента и ревностнаго труженника Владислава Норбертовича Юргевича, принимать наконецъ во вниманіе, что Общество на каждомъ шагу должно считаться съ ограниченностью своихъ средствъ. Мы сами знаемъ, что намъ успокоиться на до сихъ поръ достигнутомъ нельзя, знаемъ, что уже ближайшее будущее потребуетъ отъ насъ весьма серьезной работы.

Организація правильныхъ раскопокъ въ Ольвіи, охраненіе аккерманской крѣпости и раскопки въ Аккерманѣ, дальнѣйшее устройство музея и расширеніе его слишкомъ тѣснаго помѣщенія, научная разработка собранныхъ матеріаловъ, распространеніе между населеніемъ нашего Юга интереса къ своему прошлому, любви къ своей исторіи и уваженія къ памятникамъ старины—все это задачи, рѣшеніе которыхъ на очереди.

Шестидесятилѣтнее прошлое нашего Общества можетъ въ нѣкоторой степени служить ручательствомъ тому, что оно и въ будущемъ приложитъ всѣ старанія къ достиженію намѣченныхъ имъ цѣлей.

Но дѣйствительно достигнуть ихъ оно сможетъ только, если и правительственные органы и городъ и населеніе окажутъ ему поддержку, дружно съ нимъ соединятся и будутъ содѣйствовать его задачамъ.

Этимъ призывомъ къ работѣ соединенными силами на пользу дорогой намъ всѣмъ отечественной науки и позволяю себѣ закончить настоящій очеркъ.

Постановили: Напечатать въ протоколѣ настоящаго засѣданія.

III. Докладъ д. ч. А. И. Маркевича: Поминки по одномъ изъ основателей Общества и почетномъ членѣ его А. А. Скальковскомъ.

Постановили: Напечатать въ слѣдующемъ томѣ Записокъ Общества, какъ некрологъ.

322 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

14-го Декабря 1899 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. И. Маркевичъ*, дѣйствительные члены: *П. А. Ивановъ*, *А. А. Кочубинскій*, *И. А. Линниченко*, *А. В. Лонгиновъ*, *П. А. Маврогордато* и *Г. И. Перетятковичъ*.

Слушали:

I. Извѣщеніе завѣдующаго Ѳеодоссійскимъ музеемъ д. ч. О. Ф. Ретовскаго о томъ, что въ ночь съ 28-го на 29-е Ноября изъ музея похищено 1272 экземпляра древнихъ монетъ (а именно: 8 золотыхъ, 121 серебряная, 1141 мѣдная и 2 свинцовыя), а также небольшой позолоченный франкмассонскій крестъ, и докладъ предсѣдательствующаго о перепискѣ, происходившей по этому дѣлу, съ приложеніемъ предложенія Совѣта обратиться къ Ѳеодоссійскому Городскому Управленію съ просьбой объ отводѣ для музея иного, болѣе цѣлесообразнаго помѣщенія.

Постановили: обратиться къ Ѳеодоссійскому Городскому Управленію съ этимъ предложеніемъ, а пока перенести изъ Ѳеодоссійскаго музея въ Одесскій наиболѣе важные въ научномъ отношеніи предметы.

II. Докладъ Совѣта Общества о мѣрѣ участія, какое можетъ быть принято Обществомъ въ случаѣ разрѣшенія производить раскопки въ Ольвіи:

«Въ засѣданіи Совѣта Общества 15-го Ноября сего года г. Вице-Президентъ сообщилъ, что онъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ Императорской Археологической Коммиссіи по вопросу о раскопкахъ въ Ольвіи; причемъ имъ высказаны были нѣкоторыя соображенія о мѣрѣ участія, какое въ этомъ случаѣ можетъ быть принято Обществомъ. Въ то-же время членъ Совѣта Э. Р. фонъ-Штернъ заявилъ, что онъ, въ свою очередь, писалъ о томъ-же г. Президенту Императорской Археологической Коммиссіи.

По обсужденіи вопроса постановили: представить Обществу проэктъ заявленія Императорской Археологической Коммиссіи о томъ, что участіе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей въ дѣлѣ раскопокъ въ Ольвіи можетъ выразиться въ слѣдующемъ:

1. Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей составляетъ на каждый годъ планъ раскопокъ въ Ольвіи и имѣетъ за ними наблюденіе, командируя для такого наблюденія, по мѣрѣ надобности, опытныхъ лицъ, съ отнесеніемъ расхода на эти командировки на средства Общества. Оно повѣряетъ и дополняетъ отчеты о сдѣланныхъ въ Ольвіи раскопкахъ и принимаетъ на себя, если понадобится, храненіе добытыхъ вещей и передачу ихъ по указанію Императорской Археологической Коммиссіи.

2. Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей предоставляется право ученаго опубликованія относительно всѣхъ получившихся при раскопкахъ въ Ольвіи находокъ, и

3. Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей предоставляется право выбора для своего музея тѣхъ найденныхъ при раскопкахъ въ Ольвіи предметовъ, которые не будутъ избраны Императорской Археологической Коммиссіей для помѣщенія въ Императорскомъ Эрмитажѣ и въ Императорскомъ Московскомъ Историческомъ Музеѣ. Послѣ такого выбора оставшіеся предметы предоставляются усмотрѣнію Императорской Археологической Коммиссіи.

Постановили: одобрить проэктъ сообщенія Императорской Археологической Коммиссіи и представить его въ Коммиссію вмѣстѣ съ докладомъ д. ч. Э. Р. фонъ-Штерна (см. журналъ 319 засѣданія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 20 сентября сего года п. XI).

III. Отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 8-го декабря сего года, за № 2172, съ просьбою не отказать въ содѣйствіи г. Стахѣеву относительно предлагаемой имъ реставраціи крѣпости въ Алуштѣ и древней церкви тамъ-же, съ приложеніемъ копіи съ предложенія г. Стахѣева Императорской Археологической Коммиссіи и съ отзывомъ о томъ г. Таврическаго губернатора.

Постановили: войти по этому вопросу въ сношеніе съ г. Вице-Президентомъ, обладающимъ огромною коллекціей видовъ и рисунковъ Крыма; Императорской Археологической Коммиссіи отвѣтить, что Общество весьма сочувствуетъ предложенію г. Стахѣева, вполнѣ готово помочь ему и приступить къ разработкѣ этого вопроса, о подробностяхъ-же своевременно сообщитъ Коммиссіи.

IV. Письмо К. А. Скальковскаго съ благодарностью Обществу за воспоминаніе о его отцѣ А. А. Скальковскомъ въ публичномъ засѣданіи 14-го Ноября 1899 года; причемъ К. А. Скальковскій прислалъ отъ себя

и отъ брата своего П. А. Скальковскаго 200 руб. на усиленіе средствъ Общества. Деньги эти переданы г. Казначею, а К. А. и П. А. Скальковскимъ выражена отъ Общества благодарность.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

V. Заявленіе Предсѣдательствующаго о томъ, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ д. ч. И. А. Линниченко отъ гр. П. С. Уваровой, 4—6 Января 1900 года въ Москвѣ состоится собраніе Предварительнаго Комитета для будущаго XII-го Археологическаго Съѣзда. Конечно, Общество получитъ приглашеніе прислать своихъ представителей; но, такъ какъ засѣданія Общества до 4-го Января не предвидится, то не найдетъ-ли Общество удобнымъ теперь-же назначить таковыхъ?

Постановили: просить Э. Р. фонъ-Штерна, А. А. Кочубинскаго, И. А. Линниченко и А. И. Маркевича быть представителями въ собраніи Предварительнаго Комитета XII-го Археологическаго Съѣзда.

VI. Представленный Секретаремъ списокъ книгъ, полученныхъ Обществомъ:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ т. XI № 1. 1899. Іюнь; т. XI № 2. 1899. Сентябрь.

2) Каталогъ выставки XI-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ. Кіевъ. 1899.

3) Матеріалы по исторіи русской картографіи, вып. I.

4) Палеографическій Изборникъ, заключающій въ себѣ матеріалы по исторіи южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв.

5) Централизація Государственныхъ архивовъ Западной Европы въ связи съ архивной реформой въ Россіи. Д. Я. Самоквасовъ. Москва 1899.

6) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета кн. 11-я. 1899.

7) Варшавскія Университетскія Извѣстія 1898, VI; 1899, VII.

8) Кавказскій Отдѣлъ Императорскаго Русск. Географическаго Общества съ 1851—1876 г. Записки Кавказскаго Отдѣла: кн. V 1862., кн. XIII 1891., кн. X 1876., кн. XIII 1884., кн. X вып. 1 и 2. 1876. 1879., кн. XII 1881., кн. XIV 1891. 1890., кн. XV 1893., кн. XVI 1894., кн. XVII, кн. XVIII 1896., кн. XIX 1897., кн. XX 1896. Извѣстія Кавказскаго Отдѣла: т. I и II, III, VIII 1884—1885, т. IX 1886—1888, т. X вып. II 1898, № 1 1889—91, т. XI вып. I и II 1896, т. XII вып. I. 1898. Атласъ къ VIII кн. Записокъ Кавказскаго Отдѣла 1873.

9) Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества кн. XXVI, 1899.

10) Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества т. II вып. 3. 1899.

11) Труды Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи кн. I, 1899.

12) Пушкинскіе дни въ губ. гор. Владимірѣ (26—29 Мая 1899). Изд. Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи.

13) Записки Крымскаго Горнаго Клуба № 7—8, 1899.

14) Курсы ручнаго труда для учителей и учительницъ народныхъ училищъ Таврической губ. въ 1890—1899 г. Симферополь 1899.

15) Збірник історично-філософічної секциі т. II 1899. М. Грушевскій. Історія Украіни-Руси.

16) Суспільні верстви Галицькоі Руси XIV—XV в. Івана Линниченка. 1899, т. VII.

17) Vestnik slovanskych starozitnosti. Indicateur des travaux relatifs à l'antiquité slave. Dr. Lubor Niederle. Svazek III, 1899.

Постановили: передать въ библіотеку Общества.

VII. Докладъ г. хранителя музея Общества о предметахъ, поступившихъ въ музей.

А. Пожертвованы:

I. Вице-Президентомъ Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ:

1) Рѣдкая ольвійская монета («ассъ») съ надписью Κριτοβούλου.

2) Тирасская монета Императора Коммода.

3) Свинчатки изъ Керчи (9 предметовъ).

II. Господиномъ М. Н.: персидская серебряная тіара.

Б. Куплены:

Три вазы изъ Ольвіи: черно-фигурный лекиѳъ, Калесская чаша съ рельефной головой внутри и черно-лаковый кувшинъ.

Двѣ тирасскихъ монеты Императоровъ Геты и Домиціана.

Большая римская медаль Юліи, дочери Императора Тита, изъ Керчи.

В. Получены отъ В. В. Шкорпила хранившіяся до сихъ поръ въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ амфорныя ручки, числомъ 566 экземпляровъ.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

VIII. Предложеніе Совѣта о баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества лицъ, извѣстныхъ учеными заслугами: Л. Нидерле, И. М. Каманина, В. А. Кордта и Е. Н. Мельникъ, предложенныхъ д. ч. И. А. Линниченко, А. В. Лонгиновымъ, А. А. Павловскимъ и Г. И. Перетятковичемъ; проф. П. А. Лаврова, предложеннаго д. ч. Э. Р. фонъ-Штерномъ, А. А. Павловскимъ и А. И. Маркевичемъ, и извѣстнаго на югѣ Россіи коллекціонера древностей А. Ф. Фогеля, предложеннаго Э. Р. фонъ-Штерномъ и П. А. Мавrогордато.

Постановили: отложить баллотировку до слѣдующаго засѣданія.

IX. Докладъ д. ч. В. В. Шкорпила о Воспорской надписи.

Постановили: передать въ издательскій комитетъ для напечатанія въ XXII т. Записокъ Общества.

X. Докладъ д. ч. Э. Р. фонъ-Штерна о новой Ольвійской надписи.

Добавленіе къ этому докладу сдѣлано было д. ч. П. А. Мавродордато.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

XI. Докладъ д. ч. А. А. Кочубинскаго о новой славянской надписи изъ г. Аккермана.

Постановили: передать въ издательскій комитетъ для напечатанія въ XXII т. Записокъ Общества.

XII. Докладъ д. ч. А. И. Маркевича о предполагавшемся изданіи «Одесса въ 1837 году».

Постановили: напечатать докладъ въ протоколѣ настоящаго засѣданія.

Изданіе «Одесса въ 1837 году».

Въ «Запискахъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей» т. XXI я помѣстилъ два рисунка (исполненныхъ здѣсь, къ сожалѣнію, очень неудовлетворительно), изображавшихъ виды: развалинъ Гаджибея въ 1818 г. и Михайловской церкви. Рисунки эти сняты съ гравюръ, переданныхъ затѣмъ мною нашему Обществу и принадлежавшихъ, какъ было обозначено на первой изъ нихъ, къ изданію «Одесса въ 1837 году». Я предполагалъ, сообщая объ этихъ рисункахъ, что такое изданіе существовало, и потому усердно розыскивалъ его какъ въ Одессѣ, такъ и въ Императорской Публичной Библіотекѣ, но найти не могъ, что и не удивительно, — оно въ дѣйствительности не появилось въ печати. Теперь мнѣ удалось какъ убѣдиться въ томъ, такъ и собрать нѣсколько свѣдѣній объ этомъ любопытномъ, но лишь проэктированномъ изданіи.

Извѣстный сотрудникъ гр. Воронцова, одесскій градоначальникъ А. И. Левшинъ (1831—1837 г.), очень заботившійся о мѣстной печати и энергично поддерживавшій «Одесскій Вѣстникъ», задумалъ въ 1837 году издать сборникъ «Одесса въ 1837 году». Къ сотрудничеству онъ привлекъ главныя мѣстныя литературныя силы, т. е. А. А. Скальковскаго, А. Г. Тройницкаго и др.; кромѣ того предполагалось приложить планъ г. Одессы и карту Одесскаго градоначальства, результатомъ чего и оказалась бы книга, которая должна была заключать въ себѣ слѣдующія части:

Предисловіе, написанное А. Г. Тройницкимъ.

Часть I. Физическое описаніе Одессы, частью составленное самимъ Левшинымъ (Географическое положеніе и другія главы) и Нордманомъ (Почва; но это перепечатка), частью же переведенное изъ сочиненія Гаюи (Климатъ, Геологическое строеніе и др.).

Часть II. Историческій взглядъ на Одессу, куда входили статья Морозова «О древности Одессы» (перепечатка изъ «Одесскаго Альманаха» 1830 г.) и составленный А. А. Скальковскимъ общій очеркъ исторіи Одессы съ 1787 по 1838 г.; сюда входила и особая новая часть этой исторіи, обнимавшая время съ 1823 г. (которымъ оканчивалась извѣстная исторія Одессы А. Скальковскаго же, напечатанная въ 1837 г.) по 1838 г.

Часть III Статистическія свѣдѣнія объ Одессѣ; здѣсь были статьи Левшина (болѣе всего), М. М. Киріакова (Промышленность), Г. И. Соколова (Общественная жизнь въ Одессѣ), Яхневича (Состояніе просвѣщенія въ Одессѣ) и др.

Въ заключеніе предполагалось помѣстить въ этомъ изданіи стихи А. Подолинскаго.

Весь матерьялъ, назначенный для этого изданія, былъ уже доставленъ Левшину, кромѣ одной статьи Тройницкаго и, повидимому, стиховъ Подолинскаго.

Позаботился Левшинъ и объ иллюстраціяхъ для изданія; рисовать ихъ долженъ былъ извѣстный тогда въ Одессѣ художникъ Боссоли, а гравировка и литографированье переданы были также тогда очень популярной литографіи Д. Кленова. Рисунковъ предполагалось 16, въ томъ числѣ 6 гравюръ и 10 литографій, а именно:

Гравюры:

1) Фронтисписъ, изображающій развалины Гаджибейской крѣпости въ 1818 г.

2) Биржа.

3) Театръ.

4) Михайловская церковь.

5) Институтъ благородныхъ дѣвицъ.

6) Домикъ въ Ботаническомъ саду.

Литографіи:

7) Домъ гр. Воронцова.

8) Статуя дюка-де-Ришелье.

9) Бульваръ, начиная отъ Таможни (т. е. отъ Биржи, гдѣ раньше была Таможня, почему Левшинъ такъ и выразился).

10) Ришельевская улица съ домомъ градоначальника (нынѣ городской домъ противъ театра).

11) Домъ гр. Витта (по воспоминаніямъ А. А. Кочубинскаго находившійся у устья Водяной балки, противъ водочнаго завода Савицкаго, и начинавшій собою рядъ здѣшнихъ дачъ).

12) Соборная площадь съ соборомъ.

13) Старый базаръ.

14) Городская больница.

15) Дача дюка-де-Ришелье, т. е. небольшой домъ, существовавшій въ такъ назыв. теперь Дюковскомъ саду.

16) Видъ на Одессу отъ Херсонской заставы, или отъ такъ назыв. Жеваховой горы.

Эти рисунки предполагалось приложить къ соотвѣтствующимъ страницамъ изданія и Левшинъ даже отмѣтилъ, гдѣ именно.

Кромѣ того предполагалось приложить къ статьѣ Гаюи разрѣзъ обрыва одесскаго берега.

Повидимому, всѣ рисунки, планъ и карта также были готовы, за исключеніемъ рисунка разрѣза обрыва, который не былъ полученъ отъ Гаюи.

Итакъ, для изданія «Одесса въ 1837 году» почти все уже было сдѣлано; тѣмъ не менѣе ему не суждено было появиться.

Пріѣздъ осенью 1837 года Царскаго Семейства отвлекъ Левшина отъ изданія, а затѣмъ Одессу посѣтила чума, вслѣдствіе которой, какъ разсказываютъ, Левшинъ потерялъ мѣсто одесскаго градоначальника (въ концѣ 1837 года) и покинулъ Одессу.

Послѣ его отъѣзда работы по изданію имѣлось въ виду поручить А. А. Скальковскому; но, во-первыхъ, Левшинъ, какъ матерьялы для сборника, такъ и деньги для его изданія увезъ съ собою; во-вторыхъ, Скальковскій какъ разъ въ то время работалъ надъ II-мъ томомъ своего Хронологическаго обозрѣнія исторіи Новороссійскаго края и потому былъ очень занятъ — изданіе и остановилось.

Въ началѣ 1838 года А. Г. Тройницкій въ письмѣ къ Левшину вызвался принять на себя труды по изданію [1]); Левшинъ согласился, о чемъ и написалъ Тройницкому въ мартѣ этого же года и выслалъ весь матерьялъ и 2700 руб. ассигнаціями; а затѣмъ въ маѣ 1838 года написалъ въ канцелярію Новороссійскаго генералъ-губернатора, что онъ передалъ всѣ матерьялы Тройницкому, который и будетъ издателемъ книги [2]); въ апрѣлѣ же полученъ былъ и рисунокъ отъ Гаюи.

Но Тройницкій вовсе не торопился съ изданіемъ; по словамъ Г. А. Тройницкаго, отецъ его въ то время женился и ему было не до изданія; потомъ наступили еще какія-то серьезныя затрудненія, и дѣло съ изданіемъ не двигалось ни на шагъ.

Тогда Левшинъ послалъ запросъ Тройницкому, который въ отвѣтъ именно объяснялъ свою медленность независящими обстоятельствами [3]).

---

[1]) Это видно изъ отвѣтнаго письма Левшина, о которомъ см. въ текстѣ.

[2]) Письма эти находятся въ Одесской публичной библіотекѣ; такъ какъ она предполагаетъ издать ихъ вмѣстѣ съ другими, относящимися къ прежней Одессѣ, матерьялами, находящимися въ этой библіотекѣ, то мы и не считаемъ себя вправѣ ихъ здѣсь приводить.

[3]) Можетъ быть, впрочемъ, Тройницкій и безъ запроса писалъ къ Левшину, зная какъ интересуется онъ изданіемъ.

На это Левшинъ, въ свою очередь, 10 октября 1838 года отвѣтилъ Тройницкому письмомъ, изъ котораго приводимъ лишь извлеченія, относящіяся къ сборнику:

«Съ удовольствіемъ читалъ я письмо ваше и видѣлъ изъ него, что обстоятельства, воспрепятствовавшія вамъ приступить къ изданію описанія Одессы, были независимы отъ васъ; ласкаю себя надеждою, что теперь вы уже преодолѣли ихъ и начали предпріятіе, которое приняли на себя сколько въ одолженіе меня, столько же къ удовольствію и пользѣ всей публики. Вы знаете, что въ этомъ трудѣ не руководствовали мною никакія личныи выгоды; я желалъ и желаю видѣть его на свѣтѣ, ибо полагаю его полезнымъ. Я просилъ и прошу васъ убѣдительнѣйше не оставлять его, потому что смотрю на васъ, какъ на литературнаго собрата, который въ должной мѣрѣ оцѣнитъ побужденія мои и который участіемъ своимъ можетъ придать цѣну всей работѣ».

«.... Я получилъ отпускъ заграницу.... Обстоятельство это лишаетъ меня возможности содѣйствовать вамъ въ чемъ-либо по изданію описанія Одессы; я могу только призывать благословеніе Неба на труды ваши и пламенно желать вамъ или намъ успѣха».

«.... Если вы захотите что-нибудь сообщить мнѣ о ходѣ извѣстнаго труда, скажите Шостаку; я съ нимъ буду переписываться....» («Русскій Архивъ» 1894 г., № 4, стр. 584).

Прошло еще года полутора, а изданіе все не появлялось; тогда Левшинъ 4-го марта 1840 года написалъ гр. Воронцову:

«Еще попрошу позволенія напомнить вашему сіятельству о составленномъ мною при отъѣздѣ описаніи сего города для напечатанія. Гравюры при мнѣ всѣ были приготовлены; статьи почти всѣ написаны, кромѣ одной, обѣщанной Тройницкимъ, которому я передалъ тогда всю работу и всѣ приготовленныя для изданія статьи. Трудъ сей донынѣ остался въ забвеніи; не думаю, чтобы онъ когда нибудь и увидѣлъ свѣтъ: ибо лица, принявшія на себя продолжать или кончить его, не желаютъ, или не могутъ посвящать ему нужнаго времени. Не по авторскому самолюбію, а по интересности предмета я бы просилъ васъ приказать извлечь работу сію изъ бездны забвенія и издать ее. На нее уже употреблено до 2000 (рублей) денегъ, кои также пропадаютъ даромъ» (Арх. кн. Воронцова XXXIX, 161).

Не знаю, отвѣчалъ-ли на это письмо гр. Воронцовъ, но онъ не сдѣлалъ ничего для изданія. При свиданіи въ сентябрѣ 1842 года съ гр. Воронцовымъ въ Петербургѣ Левшинъ напомнилъ ему объ изданіи — никакихъ послѣдствій; тогда 22-го февраля 1843 года Левшинъ снова напомнилъ о немъ гр. Воронцову слѣдующимъ образомъ: «Не могу безъ сожалѣнія вспомнить, что подробное описаніе Одессы, составленное мною въ

1837 году вмѣстѣ съ нѣсколькими усердными и благонамѣренными сотрудниками, до сихъ поръ валяется въ пыли кабинета г. Тройницкаго потому только, que je ne suis rien, pas même académicien (извѣстная, нѣсколько измѣненная фраза Пирона). Впрочемъ, этотъ трудъ былъ предпринятъ не для славы моей, а для славы края, для пользы науки. И деньги, на изданіе его нужныя, мною оставлены, и гравюры всѣ были мною приготовлены, и статьи всѣ (кромѣ обѣщанной г. Тройницкимъ) были написаны; и... не смотря на то, все брошено. Г. Скальковскій подробнѣе вашему сіятельству можетъ разсказать объ этомъ предпріятіи. Я имѣлъ честь въ сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго 1842 года подробно вамъ докладывать» (Ibid. 182—183).

Но и это письмо не подѣйствовало: неизданный трудъ, видимо, продолжалъ оставаться у А. Г. Тройницкаго, послѣ его смерти перешелъ къ сыну его Г. А. Тройницкому, а имъ переданъ въ Одесскую публичную библіотеку, гдѣ находится и теперь, можетъ быть, все еще дожидаясь своего изданія. Содержаніе его таково, какъ я указалъ выше, и нѣтъ ни статьи А. Г. Тройницкаго, ни стиховъ Подолинскаго, а среди статьи Гаюи есть грубо сдѣланный отъ руки перомъ рисунокъ разрѣза обрыва одесскаго берега и еще такой-же рисунокъ, изображающій вершины какихъ то холмовъ.

Но другихъ рисунковъ Г. А. Тройницкій библіотекѣ не передалъ, а вручилъ ихъ д. ч. нашего Общества Г. Г. Маразли для передачи въ нашъ музей [1]), что уважаемый Григорій Григорьевичъ и выполнилъ, сообщивъ о томъ Г. А. Тройницкому; но состояніе нашей библіотеки и неархеологическихъ коллекцій таково, что отыскать въ нихъ что-либо не всегда возможно; по крайней мѣрѣ мнѣ найти рисунковъ изъ изданія «Одесса въ 1837 году», кажется, еще не удалось.

Говорю: кажется, такъ какъ въ музеѣ есть собранные въ одной бумажкѣ и означенные по нашему каталогу № VI, 34 рисунки одесскихъ видовъ, числомъ 16—17 (есть дублеты); то-ли это, что приготовлялъ Левшинъ и хранилъ Тройницкій? не знаю; но скорѣе не то, ибо въ этой коллекціи нѣтъ ни вида Гаджибейской крѣпости, ни вида Михайловской церкви, которые были получены мною изъ бумагъ Н. Г. Тройницкаго; нѣтъ и многихъ другихъ рисунковъ, которые изготовлены были для Левшина; въ сущности въ этой коллекціи къ изданію 1837 года относится лишь видъ Института и, можетъ быть, видъ Одессы отъ Херсонской заставы; остальные-же рисунки принадлежатъ или инымъ художникамъ, или другимъ литографіямъ, или, наконецъ, вовсе не похожи на рисунки Боссоли.

---

[1]) Другой экземпляръ коллекціи рисунковъ, хотя и неполный, Г. А. Тройницкій сохранилъ у себя.

Дѣло въ томъ, что одинъ рисунокъ въ коллекціи нашего музея представляетъ тоже фронтисписъ какого-то изданія, повидимому, такого, которое должно было называться «Odessa 1821», и нарисованъ Боссоли, но сдѣланъ въ литографіи Бигатти. Рисунокъ состоитъ изъ 17 небольшихъ картинокъ, обрамляющихъ поле, на которомъ должно было находиться названіе изданія. Изъ этихъ 17 картинокъ одна побольше — Одесса со стороны моря (всѣ надписи на французскомъ языкѣ) — занимаетъ верхнюю часть рамки, затѣмъ слѣдуютъ (съ лѣвой стороны отъ зрителя сверху внизъ): домъ гр. Воронцова, биржа, театръ, Ришельевскій лицей, зданіе полиціи, институтъ и карантинъ; послѣдній занимаетъ уже часть нижней рамки, которую далѣе составляютъ виды Стараго и Новаго базаровъ и таможни; послѣдняя приходится на правой рамкѣ внизу и отъ нея идутъ вверхъ: больница, соборъ, Сабанѣевъ мостъ съ домомъ гр. Толстого, Ришельевская гостинница (бывшій домъ градоначальника), судъ (зданіе на Бульварѣ, гдѣ и теперь мировой съѣздъ) и домъ гр. Витта. Возможно, что нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ назначались Боссоли и для Левшинскаго изданія. Но только сомнительно, чтобы они относились къ 1821 году; скорѣе тутъ можно видѣть какую-либо описку и рисунки были болѣе поздніе.

Но въ коллекціи музея есть и еще любопытная вещь: шесть листковъ почтовой бумаги (5 большого и 1 малаго формата; 4 бѣлыхъ, 1 блѣдно-голубой и 1 желтый) съ виньетками — изображеніями одесскихъ видовъ; причемъ два изъ таковыхъ — Сабанѣевъ мостъ съ домомъ гр. Толстого и входъ въ Одесскую таможню — рисованы Боссоли и литографированы Кленовымъ; другіе рисунки изображаютъ: зданіе минеральныхъ водъ, домъ гр. Воронцова, видъ какой-то дачи (можетъ быть, де-Ришелье) и, самый интересный, балъ въ Одесскомъ клубѣ [1]); но почтовая бумага бывала и съ иными одесскими видами; напр., у меня есть она съ видомъ на Одессу отъ Херсонской заставы, рисованнымъ уже не Боссоли (такой-же точно видъ есть и на литографіи въ коллекціи музея; вкладываю туда-же и свой экземпляръ).

Объ одной подобной виньеткѣ Левшинъ сообщаетъ заграницу гр. Воронцову, въ письмѣ отъ 18-го апрѣля 1832 года: «И ваше сіятельство, и графиня Елисавета Ксаверьевна (Воронцова), конечно, съ удовольствіемъ увидите виньетку сего листа. Это новое доказательство европейской физіономіи города Одессы» (Арх. кн. Воронцова т. XXXIX, 50).

Вообще коллекція видовъ прежней Одессы, такъ измѣнившей теперь свою физіономію, была-бы весьма интересною.

Д. ч. *Ал. Маркевичъ.*

[1]) Такъ назыв. Англійскомъ.

1235 9
29/VIII

Преміи, находящіяся въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Симъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей находятся слѣдующія постоянныя и временныя преміи, предназначенныя для поощренія историко-археологическихъ трудовъ, относящихся къ югу Россіи:

I. Первая, постоянная, премія имени основателя Общества Дмитрія Максимовича Княжевича, учреждена въ память исполнившагося 50-лѣтія Общества его дочерьми: Маріей, Елизаветой и Екатериной Княжевичъ.

Она состояла изъ процентовъ съ 2 билетовъ 3-го восточнаго займа, а теперь, по конверсіи, съ двухъ билетовъ 4 процентной государственной ренты по 1000 руб. каждый, накопляющихся въ теченіи каждыхъ пяти лѣтъ, начиная съ 14 ноября 1889 г. Такимъ образомъ срокъ прекращенія второй по времени преміи наступилъ 14 ноября 1899 года. Премія присуждается за выдающійся историко-археологическій трудъ, вышедшій въ теченіи каждаго изъ пятилѣтій и касающійся юга Россіи. Къ наступившему указанному сроку премія имени Княжевича присуждена не была. Слѣдующій срокъ 14 ноября 1904 года.

II. Вторая, временная, премія учреждена 1-го января 1894 года на средства, пожертвованныя почетнымъ членомъ Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ, въ размѣрѣ 600 рублей, за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма, на любомъ изъ европейскихъ языковъ. Сочиненіе представляется на имя Общества къ 1 января наступающаго года до тѣхъ поръ, пока на данную тему не будетъ выдана награда или самая тема не будетъ снята съ очереди. Присужденіе преміи имѣетъ мѣсто не позже апрѣля соотвѣтствующаго года. Предложены были на соисканіе преміи слѣдующія четыре темы:

1) «Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писателей, равно какъ по этнографическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго времени до эпохи Юстиніана».

2) «Историко-этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья въ VIII—X вѣкахъ».

3) «Торговыя сношенія греческихъ колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря въ эпоху древняго міра».

4) «Южная Русь и Византія въ ихъ сношеніяхъ въ XI столѣтіи».

Кромѣ означенныхъ темъ на соисканіе преміи имени А. Л. Бертье-Делагарда могутъ быть представляемы рукописныя и оригинальныя сочиненія на любую тему по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма.

Изданія Общества:

1) Торжественное Собраніе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 4 февраля 1840 г. Одесса, 1841, in 4.

2) Discriptio musei publici Odessani, pars I, continens nummophylacium Odessanum *N. Mursakewicz*. Odessa, 1841, in 4.

3) Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году. *В. Григорьева*, С.-Петербургъ, 1841, in 4.

4) Prospectus der ältesten hebräischen und russischen Manuscripte. Ein Beitrag zur biblischen Exegese, von *Dr. Pinner*. Odessa, 1845, in 8.

5) Исторія о Козакахъ запорожскихъ, князя *Мышецкаго*, Одесса, 1851, in 8.

6) Очеркъ заслугъ, оказанныхъ наукамъ свѣтлѣйшимъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, *Н. Мурзакевича*. Одесса, 1861, in 8.

7) Краткій указатель музея Императорскаго Общества Исторіи и Древностей. *В. Юргевича*. Одесса, 1890, in 8.

8) Notice sur la Société Odessoise d'Histoire et d'Antiquités et des memoires par *Ph Brun*. Odessa, 1875, in 12.

9) Die orientalischen Münzen des Museum der Kaiserlichen historisch-archäologischen Gesellschaft zu Odessa, von *Dr. O. Blau*, Odessa, 1876, in 4.

10) Указатель Феодосійскаго Музея Древностей, Одесса, 1890, in 8.

11) Каталогъ картамъ, планамъ, чертежамъ и видамъ, хранящимся въ Музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, *А. Бертье-Делагарда*, Одесса, 1888, in 8.

12) Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса 1844—1898, XXI томъ (до XV in 4 и съ XVI in 8).

13) Перечень статей, помѣщенныхъ въ изданныхъ XIII томахъ Записокъ Одесскаго Общества, Одесса 1883 г

14) Историческій очеркъ пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1839—1888)—составилъ вице-президентъ Общества *В. Юргевичъ* къ юбилею Общества 14 ноября 1889 года.

15) Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности В. Н. Юргевича, вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, составилъ секретарь Общества *В. А. Яковлевъ*, Одесса, 1892 г.

16) Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. I и II. Терракоты, изданы А. А. Деревицкимъ, А. А. Павловскимъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ. Одесса 1897—1898 г.

17) Указатель къ статьямъ, помѣщеннымъ въ изданныхъ XX томахъ Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1898 г.

№ 2

№ 1

№ 1ª

№ 2ª

№ 1

№ 1б

№ 1в

№ 1г

№ 2

№ 3

Nº 1.

Nº 2ª.

Nº 2.

Изданія Общества:

1) Торжественное Собраніе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 4 февраля 1840 г. Одесса, 1841, in 4.

2) Discriptio musei publici Odessani, pars I, continens nummophylacium Odessanum *N. Mursakewicz*. Odessa, 1841, in 4.

3) Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году. *В. Григорьева*. С.-Петербургъ, 1841, in 4.

4) Prospectus der ältesten hebräischen und russischen Manuscripte. Ein Beitrag zur biblischen Exegese, von *Dr. Pinner*. Odessa, 1845, in 8.

5) Исторія о Козакахъ запорожскихъ, князя *Мышуґаіо*, Одесса, 1851, in 8.

6) Очеркъ заслугъ, оказанныхъ наукамъ свѣтлѣйшимъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, *Н. Мурзакевича*. Одесса, 1861, in 8.

7) Краткій указатель музея Императорскаго Общества Исторіи и Древностей. *В. Юргевича*. Одесса. 1890, in 8.

8) Notice sur la Société Odessoise d'Histoire et d'Antiquités et des memoires par *Ph. Brunn*. Odessa, 1875, in 12.

9) Die orientalischen Münzen des Museum, der Kaiserlichen historisch-archäologischen Gesellschaft zu Odessa, von *Dr. O. Blau*. Odessa, 1876, in 4.

10) Указатель Ѳеодосійскаго Музея Древностей, Одесса, 1890, in 8.

11) Каталогъ картамъ, планамъ, чертежамъ и видамъ, хранящимся въ Музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. *А. Бертье-Делагарда*, Одесса, 1888, in 8.

12) Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса 1844—1898, XXI томъ (до XV in 4 и съ XVI in 8).

13) Перечень статей, помѣщенныхъ въ изданныхъ XIII томахъ Записокъ Одесскаго Общества, Одесса 1883 г.

14) Историческій очеркъ пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1839—1888)—составилъ вице-президентъ Общества *В. Юргевичъ* къ юбилею Общества 14 ноября 1889 года.

15) Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности В. Н. Юргевича, вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, составилъ секретарь Общества *В. А. Яковлевъ*. Одесса, 1892 г.

16) Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. I и II. Терракоты, издан. А. А. Деревицкимъ, А. А. Павловскимъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ. Одесса 1897—1898 г.

17) Указатель къ статьямъ, помѣщеннымъ въ изданныхъ XX томахъ Записокъ Императорскаго Одесскаго Обществза Исторіи и Древностей. Одесса, 1898 г.

Преміи, находящіяся въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Симъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей находятся слѣдующія постоянныя и временныя преміи, предназначенныя для поощренія историко-археологическихъ трудовъ, относящихся къ югу Россіи:

I. Первая, постоянная, премія имени основателя Общества Дмитрія Максимовича Княжевича, учреждена въ память исполнившагося 50-лѣтія Общества его дочерьми: Маріей, Елизаветой и Екатериной Княжевичъ.

Она состояла изъ процентовъ съ 2 билетовъ 3-го восточнаго займа, а теперь, по конверсіи, съ двухъ билетовъ 4-процентной государственной ренты по 1000 руб. каждый, накопляющихся въ теченіи каждыхъ пяти лѣтъ, начиная съ 14 ноября 1889 г. Такимъ образомъ срокъ прекращенія второй по времени преміи наступилъ 14 ноября 1899 года. Премія присуждается за выдающійся историко-археологическій трудъ, вышедшій въ теченіи каждаго изъ пятилѣтій и касающійся юга Россіи. Къ наступившему указанному сроку премія имени Княжевича присуждена не была. Слѣдующій срокъ 14 ноября 1904 года.

II. Вторая, временная, премія учреждена 1-го января 1891 года на средства, пожертвованныя почетнымъ членомъ Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ, въ размѣрѣ 600 рублей, за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма, на любомъ изъ европейскихъ языковъ. Сочиненіе представляется на имя Общества къ 1 января наступающаго года до тѣхъ поръ, пока на данную тему не будетъ выдана награда или сама тема не будетъ снята съ очереди. Присужденіе преміи имѣетъ мѣсто не позже апрѣля соотвѣтствующаго года. Предложены были на соисканіе преміи слѣдующія четыре темы:

1) «Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писателей, равно какъ по этнографическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго времени до эпохи Юстиніана».

2) «Историко-этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья въ VIII—X вѣкахъ».

3) «Торговыя сношенія греческихъ колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря въ эпоху древняго міра».

4) «Южная Русь и Византія въ ихъ сношеніяхъ въ XI столѣтіи».

Кромѣ означенныхъ темъ на соисканіе преміи имени А. Л. Бертье-Делагарда, могутъ быть представляемы рукописныя и оригинальныя сочиненія на любую тему по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма.